

**СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,
СОСТАВЛЕННАЯ**

ИЗЪ

ПОВѢСТЕЙ, АНЕКДОТОВЪ, СТАТЕЙ О ПРАВАХЪ, РАЗНЫХЪ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТРЫВКОВЪ, БИБЛОГРАФИЧЕСКИХЪ И
ТЕАТРАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ, И ДРУГИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

ИЗДАННАЯ

НА

1831 ГОДЪ

Михаиломъ Бестужевымъ - Рюминымъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

№№ 1 — 77.

Verba animi proferre et vitam impendere vero

JUVEN.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.
1831.

С Ъ В Е Р Н Ы Й

М Е Р К У Р И Й,

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А

Н А

1 8 3 1^й Г О Д Ъ,

ИЗДАВАЕМАЯ

МИХАИЛОМЪ БЕСТУЖЕВЫМЪ - РЮМИНЫМЪ.

—•••—
ТОМЪ ТРЕТІЙ.
—•••—

Verba animi proferre et vitam impendere vero!

Ю в е н.

.....

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1 8 3 1.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1 Января 1831 года.

Ценсоръ, Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Ваенлій Селеновъ.

Пакепы и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина; надписывалъ на опытахъ: *Издательство Свѣрнаго Меркурія.*

№ 1.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 2 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

Все тотъ-же полкъ
. *Грибодовъ.*

. Лампа блѣдно освѣщаетъ мой уединенный кабинетъ. Все тихо. Я сижу за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукѣ, копорымъ написалъ на лежащемъ предо мною листѣ бѣлой бумаги большими буквами съ верхняго края: НОВЫЙ ГОДЪ. — Вотъ что-то заскрипѣли стѣнные часы. Смотрию на стрѣлку: она стоитъ на XII. Вотъ бьетъ полночь, и вотъ пробило и капнулъ невозвратно 1830 годъ, богатый происшествіями разнаго рода: для будущаго Испорика онъ будетъ обильнымъ предметомъ глубокомысленныхъ изысканій и картинъ, изображаемыхъ перомъ краспорѣчивымъ. Наступилъ 1831: опклонивъ ошь себя великую непріятную мысль, мы возложимъ все упованія на неисповѣдимый промыселъ Всевышняго! Намъ Русскимъ, подъ свѣцію Престола; намъ Русскимъ, имѣющимъ мудраго, великодушнаго и попечительнаго Царя, пѣчего спрашивать: съ нами Богъ и никто же на ны. — Какая-то сладостная надежда преисполняетъ въ сію минуту мое сердце. Я гляжу спокойно на будущность: кажется, намъ что-то улыбаются; кажется Россія покровительствуема самимъ Небомъ: прешеривъ съ Вѣрою и великодушіемъ все испытанія, на все посланная, она съ новою силою, съ новою твердостью, окриленная славою своего могущества, и украшенная неуязвимыми лаврами, возстанетъ — и горе всякой несправдѣ! . . .

Томъ III. № 1.

Я самъ не знаю, какимъ образомъ пачерпалъ сіи пламенные строки, излившіяся изъ моего сердца, обильнаго ощущеніями высокими и восшорженными. Симъ самымъ я опеступилъ опъ моей обязанности: ибо взявъ предметомъ Новый Годъ для юмористическаго Журнала, вздумалъ писать, увлеченный избыткомъ чувствъ, какую-ню рѣчь. Это въ родъ одного изъ нашихъ *знаменитыхъ* Поэтовъ, копорый, пачавъ говорить о свайкѣ или о трепакѣ, непременно съдепъ на какую нибудь философическую мысль Шиллера, Гёте, Байрона или Виктора Гюго, — копорую прикроетъ слегка полупрозрачною душегрейкою новѣйшаго унынія(*), взятою на прокатъ у Музы приятеля своего.

Ахъ! вотъ коснулся я и Литературы: теперь поговорить можно проспрашивать. Стоишь только мнѣ, полному еще звука двѣнадцати мѣрныхъ ударовъ, произведенныхъ боевою стрѣлкою, — приширишь коня фапазана, и занесешь, будно подъ эгидою Лесажева Хромаго Бѣса, весьма далеко. На улицѣ темно; мое жъ окно на дворъ; ничего не видно: ни возобновленія знакомства на Новый Годъ копки Машки, моей соседки, съ лабазскимъ котомъ Васькой; ни спящихъ куръ, усыпавшихъ собою лѣстницу; ни . . . словомъ ничего. Зажгу фонарь воображенія: свѣщи! — И вотъ пошли Китайскія пѣни, точно какъ въ шарманкѣ; а

(*) Эта душегрейка новѣйшаго унынія опъ частаго употребленія въ теченія нѣсколькихъ мѣсяцовъ немного понизилась; припомъ же въ нынѣшніе кренцекіе морозы щеголинь въ ней холодненько. Въ зимнее время надлежало-бы замѣнить ее плащомъ новѣйшей безсмыслицы. *Изд.*

воображеніе безпрестанно покрикиваетъ: *Андрѣ-на-ширъ!* —

Новый Годъ встрѣчается всѣми въ различныхъ по-
ложеніяхъ: все пропивуположно; все ново; все пестро.
Загляните въ этотъ чуланъ: здѣсь на рогожѣ, умяг-
ченной нѣскольکو соломою и сѣномъ, лежатъ спарикъ,
неизмѣнчивой пропитанія дневнаго. Полуразбитый кув-
шинъ воды и заплеснѣвый хлѣбъ споятъ подлѣ него.
Сирупья покрываютъ все его пѣло, изнуренное бо-
лезнью; а вѣрная, спарая собака лижетъ своего го-
сподина и охраняетъ его бранный составъ, спрашно
сверкала глазами и оскаляя зубы: она готова умереть
за своего благодѣтеля, и служитъ ему теплымъ одѣя-
ломъ отъ непогоды и холода. Собственныя престу-
пленія повергли его въ это положеніе, и задыхался
отъ рыданій, отъ клятвъ жизнь свою. Поражен-
ный звукомъ башенныхъ часовъ, отъ говоритъ: „еще
годъ мученій; еще годъ спраданій; еще годъ спра-
шиться людей. Жена! дѣти! братья! простите!...
Ахъ! если бѣ мнѣ скорѣе умереть!“ — Ужасный кро-
кодиль грызетъ его сердце; пѣна набѣжала на губы.
Отъ съ размаха бросился навзничь; голова два раза
чокнулась о камни подвала и вѣрная собака громко
завыла. Заря 1-го Января 1831 года освѣтила сквозь
узкое окно спрашную картину: кровь струилась по
бѣлымъ волосамъ и по лысистой бородѣ; пѣна била
клубомъ; отъ конвульсій дрожали всѣ члены несча-
стливца; мозгъ тонкимъ слоемъ изпарялся изъ черепа,
заливаемая собакою; глаза неподвижно сморщили.
Отъ умираетъ отвратительною смертію и радовался
концу своихъ моральныхъ мученій, пресѣченныхъ фи-
зическими! Отъ умеръ!

Но посмотрите въ этотъ чистый домикъ на Ва-
спльевскомъ острову: отъ принадлежитъ Русскому
купцу Доброву. За круглымъ столомъ, покрытымъ
еще парелками, сидитъ семейство. Отецъ въ дома-
шнемъ китайчатомъ сюртукѣ съ подстриженною бо-
родою; жена въ Нѣмецкомъ платьѣ; сытъ, мальчикъ
лѣтъ четырнадцати, въ казенной коричневой курткѣ
Коммерческаго Училища; и нѣсколько милыхъ дѣво-
чекъ, которыхъ сходство съ мальчикомъ, съ купцомъ
и его женою, заставляетъ признавать за дочерей дома.

Тутъ же сидитъ прое другихъ особъ, непохожихъ
на семейство Доброва: это маленькій Кадетъ 1-го
Кадетскаго Корпуса и двѣ дѣвушки лѣтъ по шестнад-
цати, прошо, но мило одѣтыя: это дѣвушки, сестры
хозяйки, которая родомъ изъ бѣдныхъ Русскихъ дво-
ряннокъ; маленькій вонтъ, ея племянникъ, сирота, сынъ
родной ея сестры, вышедшей по любви за какого-то
Князя; но Сіятельный, ведя похвальный образъ жизни,
застрѣленъ на дуэли за какую-то Актрису; а жена
его умерла съ горести. Мило сморщилъ на согласіе
этого семейства. Вонтъ пробыло двѣнадцать часовъ и
всѣ бросились другъ друга обнимать и цѣловать,
поздравляя съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ.
Добровъ велѣлъ подать вина, и принесли пузатую
длинногорлую бутылочку съ надписью: Malaga alicanté.
Отъ разлилъ по рюмкамъ, говоря: это даръ добраго
Голландскаго шкипера Фанъ Бреверна, давшего мнѣ
онъ въ знакъ благодарности; ибо мнѣ удалось сна-
сти его отъ притѣсненія одного первостепеннаго
негодяина. Рюмки подняты и опорожены за здравіе
Батюшки Царя, за здравіе всѣхъ добрыхъ людей и
сидящихъ за столомъ.

Теперь остановитесь въ этотъ поднебесномъ чер-
дачкѣ высокаго каменнаго дома: бѣдная дѣвушка наци-
маетъ его, платя по пяти рублей въ мѣсяць. Она
блѣдна, и горестъ рѣзкими чертами изображается на
ея ангельскомъ спрадальческомъ лицѣ. Она спонитъ
на колыняхъ передъ распятіемъ, поставленномъ на
неокрашенномъ столѣ рядомъ съ Библиею, разверну-
тою вмѣстѣ съ Евангеліемъ. Сморщите, какія пла-
менныя слезы льетъ она; сморщите, какъ трепещетъ
она; сморщите, какъ грудь ея воздымается. Хопи-
те ль знаете судьбу ея? — Несчастливая, прельщенная
богатымъ юпоною, ушонившимъ въ винѣ и въ сладо-
спрастїи понятїе о чести, и содѣлавшимся невпяти-
тымъ гласу совѣсти, лишилась въ преступныхъ его
объявіяхъ единственнаго достоинства своего. Узнавъ,
что отъ хочетъ жениться на другой, она порже-
спвенно объявила злодѣю, что отъ не опорочилъ ее
безнаказанно, и что руководимая любовью къ младенцу,
кого носила въ своей упробѣ, и местию за невѣрность
его, она будетъ его преслѣдовать. Когда она разрѣшилась
отъ бремени, то новое чувство негодования овладѣло ея

душено. Злодѣй, желая отдалить ее отъ себя, посредствомъ своихъ происковъ беззаконное распоряженіе о заключеніи ее въ домъ ума лишенныхъ. Дикій вопль ея, непрестанныя угрозы, отчаянныя шлодвиженія, смутные глаза и яростныя клики: гдѣ мой младенецъ?—(отданный куда-то),—все это обмануло врачей, но ненадолго: несчастные скоро находятъ въ Россіи покровительство законовъ. Люди добродѣтельные, которые могли защитить ее отъ угнетенія преследователей ея, скоро обратили на нее вниманіе. Извлеченная изъ сего положенія, пынѣ живетъ она въ горести, вопнѣ въ этомъ чердакѣ, довольствуясь тѣмъ, что приобрѣтаетъ отъ трудовъ своихъ; ибо она съ благородною гордостію отвергла пенсію, вынужденный для нея отъ коварнаго соблазнителья. Звонъ часовъ для нея спрашенъ; она трепещетъ и говоритъ: еще Новый Годъ!—

Отдохнемъ теперь на немного прогательной, по болѣе пріятной карпини: посмотримъ на этихъ дѣвушекъ, молящихся передъ Иконою Божіей Матери, окруженныхъ своими братьями и сестрами. Слезы видны на глазахъ ихъ; но сіи слезы не отъ горести. Нѣкоторое довольство замѣтно въ ихъ наружномъ видѣ: всѣ малычки въ одеждѣ казенныхъ Учебныхъ заведеній, а дѣвушки въ чистыхъ бѣлыхъ платьицахъ. Они вспрѣчаютъ Новый Годъ, произносѣя имена Членовъ Августѣйшаго нашего Дома, и имена своихъ благодѣтелей, коихъ мы не назовемъ, не желая оскорблять ихъ скромности. Это знаменали кто? — Это *восемь сиротъ К-выхъ*, о коихъ, благодаря одному публичному листку, всѣ въ теченіи Октября мѣсяца говорили въ гостиныхъ, и для которыхъ собрана значительная подписка^(*).

Вотъ ярко освѣщены зеркальныя окна этаго великолѣпнаго дома въ Малой Морской; у Книжки Вистинной обыкновенная середя: по зеркальному паркету рисуются во Французской кадрили прелестнѣйшія женщины и молодые франты въ уродливыхъ фракахъ, съ открытою до пѣльзы грудью, съ анпиками

на мапшикѣ. Сама хозяйка съ радушною улыбкою показывается по комнатамъ, сообщаетъ каждому изъ гостей, что игралъ въ вистъ вчепверомъ, съ Графомъ Безпешовымъ, съ Томою Томичемъ, да съ молоденькимъ Камеръ-Нажемъ Князькомъ Парфюмерскимъ, выиграла съ ряду десяти роберцовъ, потому, что Графъ зъваситъ, Тома Томичъ хочетъ вертѣшь по своему, да безъ удачи, а Князекъ Эниетъ думаетъ о завтрашнихъ своихъ бальныхъ башмакахъ, полученныхъ имъ отъ Пельпа. Прозвучали бронзовые часы въ то время, какъ подавали жаркое за ужиномъ, и вопнѣ всѣ съ полными бокалами въ рукахъ въ одинъ голосъ воскликнули, *Je vous souhaite la bonne fête!* — Юмористикъ могъ-бы замѣтить въ это время, что многія дѣвушки помѣнялись взглядами со многими молодыми людьми; что многія женщины, окинувъ бѣгло свой нарядъ, взглянули значительно на своихъ сожигелей, изъ которыхъ нѣкоторые клали правую руку на грудь, шакъ, что можно было думать, что они положили оную и на сердце и на карманъ, въ которомъ покоились полупустыя книжники; а нѣкоторые изъ этихъ господъ, не споль боящисѣя подрыва своимъ финансамъ отъ женскихъ причудъ, какъ отъ огромныхъ шляпъ, которыхъ имъ часто приходится заказывать Циммерману и Юнкеру, по причинѣ частныхъ украшеній, получаемыхъ ими для своихъ лбовъ, — заносили ладонь на чело.

Загляните въ этотъ пражиръ на Невскомъ проспектѣ: въ биліардной оіпличающѣя двое, и полныя страсти къ деньгамъ и къ игрѣ, не слышатъ, какъ пробило двѣнадцать. Для нихъ нѣтъ годовъ; для нихъ крикъ *сорокъ восемь* служитъ счастливымъ или досаднымъ предзнаменованіемъ. Вся жизнь ихъ есть желтый шаръ: страсть къ деньгоешажанію всегда старается толкнуть его въ среднюю лузу, но онъ всегда летитъ въ угольную.

Далѣе въ уединенной комнатѣ за стаканами глишвейна, съ пенковыми трубками въ зубахъ, сидятъ двое удалыхъ рубаекъ: одинъ опешавной гусаръ, а другой драгунъ. У обоихъ лица разсѣчены Турецкими, Польскими и Французскими саблями. Они зарубили имя Русское на стѣнахъ Бухареста, Варшавы и Парижа. Теперь они, потъ и другой *бобгли* въ жизни,

(*) Семейство сіе за свое счастье въ особенности обязано той особѣ, которая въ первый разъ напечатала извѣстіе въ С. П. Акад. Вѣдомостяхъ, и Г-чу С. Жюльепу, Издашелю Француз. Газ. *le Furet. Изд.*

какъ сами себя величаютъ, рѣшаются бросить свои мирныя поля и снова опоясаться свѣтлыми саблями, за храбрость врученными имъ некогда безсмертнымъ Княземъ Смоленскимъ. Снова хопятъ они поратовать за Царя и Русь Свяшую. Пробыло 12 часовъ: они подняли свои стаканы, и обильные воскликнули: „Ура! да будетъ 1831-й годъ безсмертенъ въ лѣтописяхъ Руси. Куда не поленится солдатъ за двуглавымъ орломъ и за удалымъ своимъ Фельдмаршаломъ. Ура! ура! ура!“ — Тутъ заключили они другъ друга въ объятіа.

(Окончаніе въ вѣдуготоцель №.)

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ

на новый 1831-й годъ.

Съ разной дрянью, суетами,
Съ кучей елуностей, заботъ,
Владѣ за-прежними годами
Рухнулъ въ вѣчность старый годъ.

Что до прошлаго за дѣло?
Прошлыхъ дней не ворошить.
Новый Годъ мы встрѣнимъ смѣло:
Наспоящимъ надо жить.

Спарики умѣй насъ быды:
Прежде кто хандру знавалъ?
Яду подили не мы-ли
Наслажденія въ бокалѣ?

Счастливы шопъ, кто жизнь бремя
Провлачивъ до позднихъ лѣтъ,
Скажетъ: то-то было время!
И объ юности вздохнешь.

Кто жъ и намъ, друзья, мѣшаетъ
Изъ сердца прагцать печаль?
Тотъ умей, кто жизнь вкушаетъ,
Не глядя въ шуману даль.

Ждать чего жъ? Бокаль полей!
Пиршество начанъ пора.
Собесѣдники! дружбе!
Новый Годъ! ура! ура! —

А. Глбовъ.

31 Декабря 1830 г.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1. *Сверлиге Цвѣты на 1831-й годъ.* С. П. бургъ, въ Тип. Деварп. Народн. Просвѣщ., 1830. Въ 16. (VII, 282 и 124 стран.)

Въ Сѣверн. Цв. на 1830 годъ напечатано Обзоръніе Словесности Г. Сомова за первую половину 1829 года, по есть Г. Сомовъ разсуждалъ въ ономъ только о шестилѣтней нашей Словесности. Это уменьшеніе мы приняли въ то время съ чувствомъ живѣйшей признательности, и изъявили только то опасеніе: чтобы Г. Сомовъ, послѣ двѣнадцатимѣсячной беременности, не разрѣшился полутороговатымъ дѣшницемъ, столь-же достойнымъ смѣха и сожалѣнія, какъ и презрѣніе его обзоръ. На ходясь въ семъ основательномъ справѣ, мы обращались тогда (см. 3-й №. Сѣв. М. на 1830-й г.) къ Г. Сомову съ слѣдующею скорнѣйшею просьбою: если опъ, говорили мы, по великодушію своему, сбавилъ намъ шесть мѣсяцевъ для 1830 года, то не можно-ли бы-ло-бы для сего 1831 года сдѣлать эту прибавку въ двойной пропорціи, по есть о всѣхъ двѣнадцати мѣсяцахъ не говорить ни слова? Если-же (присовокупили мы) для литературнаго темперамента Г. Сомова наспоянны побудительная надобность разсуждать о Словесности, то нельзя-ли бы-ло-бы, по крайней мѣрѣ, представить намъ для 1831 года Обзоръніе его только за шесть дней: ибо это короткое время, какъ мы думали, не да-ло-бы ему средства расплодить своей стапьи, и между тѣмъ лица-ло-бы его случая обличать скудные познанія свои въ Словесности и прастрашный образъ мыслей.

Увы! моленіямъ нашимъ не внялъ Г. Сомовъ! .. Ничто, ничто —

Ничто не тронуло души его холодной и опъ, починеннѣйшій Г. Сомовъ, въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1831-й годъ, снова обозрѣваетъ, или, какъ говоритъ Галагелъ, *обзираетъ*(*) нашу Словесность! —

На сей разъ мы не станемъ распространяться о Обзоръніи Г. Сомова, ибо увѣрены, что немногіе изъ читателей Сѣв. Цвѣповъ будутъ имѣть терпѣніе прочесть его: оно столь-же длинно (составляетъ большую треть прозы Альманаха) столь-же безпо-

(*) Это выраженіе, впрочемъ, производитъ опъ слова: *Обзоръ*, чѣмъ некогда исповался стапья Г. Сомова, въ послѣдствіи обратившійся въ *обзорнѣя*. *Прим. Корректора.*

ково, и столь-же *безпристрастно*, какъ и прежнія Обзорія Г. Сомова. Въ семь случаевъ, подъ словомъ *безпристрастїе*, мы разумемъ свойство Крипика то, чтобъ хвалишь недоказательно друзей своихъ, и осуждать недоказательно противниковъ. Следственно, чинапечи Свв. Цвѣтовъ, и не прочія статьи Г. Сомова, могутъ знать, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, мы предоставляемъ себѣ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній:

Нынѣшнее Обзоріе Г. Сомова есть ничто иное, какъ сокращенное изложеніе всѣхъ рецензій, напечатанныхъ въ Лип. Газетѣ, о цѣли которой Г. Сомовъ распространился на четырехъ страницахъ, хотя могъ-бы удовлетворительно объяснить одну въ нѣсколькихъ строчкахъ, сказавъ, что цѣль сія есть та же, съ которою пишутся Обзорія его, именно *безпристрастїе*, значеніе каковаго выраженія мы уже объяснили. О стихотворномъ разрядѣ Лип. Газеты, Г. Сомовъ могъ-бы, не кривя душою, сказать, что она въ эпюмъ отношеніи беретъ преимущество почти надъ всѣми Русскими Журналами. О достоинствѣ прозы Г. Сомовъ могъ-бы сказать, что она съ грѣхомъ пополамъ. О цѣли Разборовъ и Размышленій Г. Капешина, уже цѣлый годъ плещущихся, и повидимому, имѣющихъ продолжаться еще на великія времена, — Г. Сомовъ могъ-бы также не кривя душою сказать, что цѣль сія есть — усиленіе чинапечей Лип. Газеты. — Г. Сомовъ, упоминая о Сынѣ Опечесства, справедливо отдаетъ предпочтеніе въ прозѣ сего Журнала двумъ повѣстямъ: *Испытаніе* и *Вечеръ на Кавказскихъ водахъ*; но между тѣмъ говоритъ, что онѣ привлекли вниманіе чинапечей по живости разсказа и по *странной* яркости слога. Такое опредѣленіе можно и должно назвать *страннымъ*, а не яркость слога означенныхъ повѣстей: ибо всякой просвѣщенный Россіянинъ изъ любви къ опечесственной Словесности долженъ желать для чести ея, чтобъ у насъ было побольше такихъ Писателей, которые-бы отличались подобною *странною* яркостью слога. Говоря о повѣсти: *Испытаніе*, Г. Сомовъ опять попалъ не въ свою колею, вздумавъ осуждать Автора въ нѣкоторыхъ несообразностяхъ въ нравахъ жише-

лей столицы, *принадлежащихъ высшему кругу*, якобы хорошо извѣстныхъ и ему почтеннѣйшему, столь ревностно обзирающему нашу Словесность. По нынѣшней статьѣ Г. Сомова, мы замѣчаемъ, что онъ сдѣлался охотникъ изъясняться *странными* выраженіями. Сказавъ объ упомянутыхъ двухъ повѣстяхъ Сына Опечесства, что онѣ примѣчательны по *странной* яркости слога, далѣе, говоря о статьѣ Г. Кирѣвскаго (помѣщенной въ Альманахѣ: *Детница*), по прозванію своему приходящейся сродни его статьѣ, о которой мы ведемъ рѣчь^(*), — Г. Сомовъ сказалъ: „Не смотря на нѣкоторую *странность* *выраженій*, статья сія наполнена мыслями зрѣлыми и сужденіями справедливыми.“ Всѣмъ и каждому изъ чинапечей Денницы извѣстно, что статья Г. Кирѣвскаго отличается образцовою безмыслицею, которая у Г. Сомова называется зрѣлостію; совершенно неправильный образъ мыслей именуется Г. Сомовымъ сужденіями справедливыми; а прозу, близко подходящую къ Позіи Тредьяковскаго, Г. Сомовъ величаетъ *странностію* *выраженій*. Чудный человекъ! Какъ-бы для рѣдкости хочеть спорить съ цѣлымъ свѣтомъ!..

Г. Сомовъ, тщательнѣе выписавъ изъ Лип. Газеты всѣ остропы, которыми она отличалась въ продолженіи минувшаго года надъ безоружными и безопытными, жалкими и ничтожными чадами нашей Литературы (какъ на примѣръ, о глупомъ концѣ книжонки подъ названіемъ: *Неколебимая дружба Чухломскихъ жителей Кругинина и Скудоумова* и проч.), — не забылъ, однакожъ, взглянуть и въ чужой анбаръ, и что ему на взглядъ показалось, перепачтись въ свою кладовую. Такъ, на примѣръ, говоря о Комедіи Г. Масальскаго: *Классикъ и Романтикъ или не въ томъ сила* (Свв. Цв. стран. 51) онъ кое-что взялъ (заимобразно что ли?) изъ 107 Но. Свв. Меркурія. Также и вопросы о названіи романа: *Яеубъ Скупаловъ* (Свв. Цв. стран. 76) прежде были сдѣланы въ 48 и 78 NN Свв. же Меркурія. Богъ проститъ! жалѣть не о чемъ! владѣй, если правится: мы люди не скупые и готовы подѣлиться отъ добраго сердца.

(*) Статья Г. Кирѣвскаго также именуется *Обзоріемъ* и *Россійской Словесности*.

Вотъ образчикъ слога Г. Сомова (Съв. Цв. стран. 41): „Передъ нами лежить 7 глава Онѣгина, какъ-бы пріятнымъ отдохновеніемъ для взора, оскорбленнаго на минушу сорокъ и *пегостью заднего двора.*“ Ахши! неужели это слогъ высшаго круга столицы? Однако жь Г. Сомовъ смѣливъ: знаетъ мѣстечко, гдѣ читать 7-ю главу Онѣгина, гдѣ наслаждаться *пріятнымъ отдохновеніемъ для взора*, и гдѣ *обзирать* нашу Словесность.

Мы обещали не распространяться о статьѣ Г. Сомова — и сдержали свое слово: приведенныя нами бѣглыя замѣчанія на статью его едва-ли составляютъ двадцатую часть изъ нѣхъ, которыя должно-бы сдѣлать, если-бъ на *все*, подлежащее кришикъ, обращать вниманіе. Въ томъ случаѣ мы принуждены были-бы растянуть статью свою на 20 NN; а теперь, щадя шершавіе нашихъ читателей, надѣемся кончить обзорніе Альманаха въ одномъ изъ слѣдующихъ NN. До свиданія, милосердые государи.

(Окончаніе въ средѣ.)

С М Ъ С Ъ.

Уже нѣсколько лѣтъ неупоминяя молва о *Трагедіи* Г. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*, переносила изъ устъ въ уста блистательныя ей хвалы. Нѣкоторые Писатели, для конхъ издается нѣкоторая Газета, рѣшительно утверждали, что подобнаго творенія не было еще опъ сотворенія міра, или по крайней мѣрѣ опъ все-мірнаго потопа; и что прапрапрапраправнуки наши, прочитавъ оное, всплеснули руками опъ удивленія,

И лозвятъ: то-то былъ Поэтъ!

Но вопъ что чудно: нѣсколько лѣтъ все птвердили о неизчислимыхъ достоинствахъ такого сочиненія, котораго рѣшительно никто не видалъ (въ эпюмъ случаѣ подъ словомъ *никто*, мы разумѣемъ и самого Автора); не только читалъ. Злые же люди утверждають завѣрное, что до весны 1830 года не было на лицо болѣе шрехъ небольшихъ отрывковъ сего произведенія; въ полночь-же будто-бы оно существовало только въ воображеніи Автора; и что сей послѣдній, принявъ во вниманіе, что предполагаемое имъ произведеніе уже расхваливается нѣсколько лѣтъ, наконецъ рѣшился положить оное на бумагу: присѣлъ и написалъ!

Хотя не всякому слуху надобно вѣрять, — но по какимъ-по особенно-основательнымъ причинамъ мы заключаемъ, что все вышесказанное якобы справед-

ливо. Чпожь касается до скороспи времени, въ которос, какъ говорятъ, будпо-бы написалъ *Борисъ Годуновъ*, то мы въ семь обстоятельствъ не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія: хопя и утверждають, что скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается, но мы увѣрены, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ такъ-же скоро написалъ стихи, какъ мы читаемъ оныя. Это мнѣніе мы основываемъ на собственныхъ его словахъ:

Спешки для насъ одна забава;
Немножко спонитъ *лишь* присѣсть,
И размашишь успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣшь:
Поэма, говорятъ, готова!

Наконецъ *Борисъ Годуновъ* явился! . . .

Имѣя честь поздравить почтеннѣйшую публику съ выходомъ сего давноожидаемаго творенія, считаемъ обязанностию донести, что мы рѣшаемся читать оное не иначе, какъ по десяти страницъ на день, руководствуясь въ семъ случаѣ извѣстною пословицею: *хорошаго понемногу!* Читеніе это начнемъ съ 1 сего Января: по прочтеніи, немедленно изложимъ мысли наши о достоинствѣ *Бориса Годунова* и постараемся изобразить въ полномъ по впечатлѣніе, которое будетъ въ насъ произведено.

Между тѣмъ мы не можемъ не донести нашимъ читателямъ о слѣдующемъ странномъ происшествіи. Нѣкто, въ большомъ обществѣ, прочитавъ новое произведеніе, покачалъ головою, всплеснулъ руками, и пропѣлъ слѣдующій куплетецъ:

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
И Пушкинъ надоелъ,
И стихъ его невзученъ,
И *гений охладить*.
Бориса Годунова
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый Годъ! . . .

Послѣ чего все грянули хоромъ:

Убогая обнова,
Увы! на Новый Годъ! . . . (bis.)

Honni soit qui mal у pense!

Изд.

С H A R A D E.

Plusieurs des animaux domptés pour nos usages,
Un plus grand nombre encore indomptés et sauvages
Ont deux fois mon premier.
Grands poètes, jaloux en vain de votre gloire,
Plus d'un faquin invoque mon dernier.
L'Anglais tremblait quand, signal de victoire,
Mon tout guidait le montagnard.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на опытахъ: *Издателью Сверхнаго Меркурия.*

№ 2.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, съ 2/4 картичекъ Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 5 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

(*Окончаніе.*)

Приказный Кожедраловъ, сидя передъ попухающимъ камелькомъ, и согрѣвая себя куньимъ халапомъ и полштофникомъ аниевки, скребетъ что-то перомъ по шрехрублевому листу. Услышавъ, что полночь пробилъ, и что его охрипшая кукушка повторила эти звуки, сердце его вздрогнуло, какъ отъ удара электрицизма, и онъ, ломая перо, воскликнулъ: „Ахъ! неужели и этотъ годъ для нашего семени будетъ такой-же бѣдовый, какъ и минувшій? — Неужели по прежнему проклятое проевъщеніе будетъ загораживать намъ пропнику? — Неужели мы все будемъ видѣть у насъ въ Приказахъ Начальниковъ молодыхъ, умныхъ, образованныхъ, изъ военныхъ или изъ Университетскихъ злодѣевъ, которые сами не берутъ, да и насъ тащатъ подъ судъ за нихъ, шакъ называемыя дикомства? — Да, видно все будетъ, какъ въ прошедшемъ году; а намъ только и остается жить маленькими ябедническими просьбницами — и по того и смотри, что полюбишь подъ судъ охъи шъ.

Что нынче за время?

Взлпокъ брань не велитъ,

Шптрафованьемъ грѣзятъ!

— Дай-ка выпью для утѣшенія красуно!“ — и рюмка пуста.

— Распочинельный шалуны, наследникъ грядущихъ доходовъ, встрѣчаетъ Новый Годъ при сплукъ бокаловъ съ пѣнящимся шампанскимъ въ кругу новыхъ Лансъ.

— Нѣжный любовникъ, которому обѣщана рука милой дѣвушки, какъ скоро онъ получитъ золотыя вышивки на рукава своего мундира, мыслитъ: „Ахъ! если бъ въ этомъ 1831 году я достигнулъ своего желанія! . . .“

— Конфетинъ и Рюмовичъ, получивъ отказы въ редакціяхъ двухъ Альманаховъ, рѣшились отослать свои вирши во второстепенное изданіе, и полночь застаетъ ихъ за несъменнымъ столомъ, на которомъ вмѣсто Инокренъ-Ан, стоитъ бутылка осьми-кофеечныхъ кислыхъ щей. Мысль важная: будутъ-ли напечатаны шакъ называемыя ими ихъ стихопворенія? занимается ихъ въ сію минуту.

Воображеніе опустило запавъску своей фанпазмагорин, и сказавъ: „до 1832 года“ — улетѣло. Лампа мол горѣла шукло; на стѣнныхъ часахъ звонило три. Воспоминаніе оживило въ моей памяти кое-что видѣнное мною 31 Декабря 1830 года. Хорошенькая Княжна Липская съ воспоргомъ приняла изъ рукъ своей горничной-Француженки картонъ изъ Магазина M-me Gervais. — Недавно выпущенный въ Офицеры Аркадій Попуріевъ напрыскивалъ духами à mille fleurs свой новый мундиръ, принесенный отъ знаменитого Шпрера, а на диванѣ лежалъ голубой кафтанъ, желтый кушакъ и яркооранжевалъ шапка его кучера. — Старый Любообъдовъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ Вольперовыхъ креслахъ; парикъ его висѣлъ на картонномъ болванѣ, ш. с. перемѣнилъ мѣсто безъ малѣйшаго въ ономъ различія. Пышный гардеробъ его

разложено бытъ на спульяхъ. Онъ былъ женихомъ—и черезъ нѣсколько дней сдѣлался обладателемъ прелестной и молодой дѣвушки. Но въ 1851 году, въ ролю, состоялся не одинъ глупый бракъ! — Спихокропашеля Вишинкина заспалъ я въ радости; онъ смѣялся, плескалъ руками и вертѣлся на одной ножкѣ: двадцать пять спихокворныхъ пѣсокъ приняты были однимъ Журналомъ, начавшимъ существованіе свое съ 1851 года. — Коллежскій Ассесоръ Услуженко развѣзжалъ по городу, какъ состоящій по особымъ порученіямъ у Ея Сіятельства Княгини Марфы Степановны Хлестовой: къ Гищу за визитными карточками; къ Амапо за пирогами; въ Magasin de Florence за берепомъ; къ Плюшару для возобновленія абонимента на Furet; въ Англійскій Магазинъ за Англійскими Альманахами, которые хотя и не понимаемы Ея Сіятельствомъ, но должны лежать на ея столѣ въ salon de compagnie ибо такова мода. — Видѣлъ я Загорѣцкаго, видѣлъ почтеннаго Фамусова, видѣлъ Чацкаго, видѣлъ Скалозуба, видѣлъ Княгиню Тугоуховскую съ ея полкомъ невѣстъ, видѣлъ многихъ но усталые глаза моя какъ-то печально оспанивились на пяти или шести журнальныхъ программахъ, и я самъ себя сказалъ, опирая перо *бабожкою* и кладя его въ сторону:

Дай Богъ намъ болѣе Журналовъ:

Плодять читательскія они.

Гдѣ есть повѣртіе на чшенье,

Тамъ въ уваженіи перо,

Гдѣ грамопа, тамъ просвѣщеніе;

Гдѣ просвѣщеніе, тамъ добро !

Всѣ это такъ, да только сохрани насъ Господи отъ плохихъ Журналовъ!.. Моля Апполопа о счастливомъ существованіи Меркурія, искренно желаю, чтобы его юмористическая палитра менѣе обидела рѣзкими красками, концы обрисовывающіяся странности людскія: это бь было доказательствомъ, что наши поумнѣли!

Бурнашевъ.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

„А гдѣ, Д. А. ?“ спросилъ одинъ чиновникъ, вошедъ въ присутственное мѣсто, помѣщенное въ заднихъ комнахахъ, куда онъ рѣдко заходявалъ.

— „Въ отспавкѣ — отвѣчалъ ему другой чиновникъ.

„Какъ! давно-ли?“

— „Вопъ уже около трехъ мѣсяцевъ“ — продолжалъ послѣдній, прибавя: „да пакой молодець уже успѣлъ получить и мѣсто Секретаря при А. А.“

„Неужели?“

— „Да . . .“

„Ну, братъ, онъ счастливый человекъ!“

— „Да чѣмъ-же, Иванъ Терентьевичъ?“ —

„А вопъ чѣмъ: онъ будетъ ѣсть нынѣ на праздникахъ шеляшину, поспую сливками съ миндалемъ и кормленую бисквицами съ сахаромъ; а про вѣщину и говоритъ нѣчего: самую наилучшую Веспфальскую, мягкую какъ губка!“ —

— „Такъ въ этомъ-по, по вашему мнѣнію, состоитъ счастье Д. А. ? — Прекрасно ! ! — Послѣ этого рѣшительно можно причислить къ счастливейшимъ тварямъ и то чепвероногое живописное, изъ мяса коего готовится Веспфальская вѣщина.“

„Ну, опредѣлите-же вы мнѣ, Андрей Карповичъ, людское счастье.“

— „Я не Философъ и не Писатель: не могу отвѣчать на вашъ вопросъ!“ —

„А я такъ торжественно повпоряю, что прямое счастье человека состоитъ въ томъ, чтобы вкусно и сытно пообѣдать, и, часа два при отдохнувъ, напитокъ сквозничку съ лучшимъ Ямайскимъ ромомъ; а тамъ, спустя часокъ другой, плотно поужинать, лечь спать, etc etc. На другой день то же дѣйствіе — и до конца жизни *regretuum mobile*.“

Послѣ такихъ логическихъ доводовъ Ивана Терентьевича, Андрей Карповичъ замолчалъ, и началъ продолжать свое дѣло.

Л. Жуковъ.

Н О Ч Ь.

О п р ы в о к ѣ.

Ночь; ни мѣсяца, ни звѣздъ
Нытъ на цѣломъ небосклонѣ;
Будно саванъ, мгла окрестъ
На земномъ простерлась лонѣ.

Это часть, какъ вопли совѣ
 Выкликають мертвецовъ,
 Отверзаются могилы:
 Тѣни блѣдныя вспаюгъ,
 Ихъ пріемлютъ враньи крылы
 И къ предаелямъ несунтъ,
 Чтубъ злодѣевъ и во снѣ
 Вспайгъ мучили онѣ!
 Это часть, какъ бурной тучей
 Въ моляхъ вѣсеня гиваный Торъ (1),
 Или Сильфъ звездой надучей
 Пробѣжиптъ по скаму горъ:
 Сѣмя сновъ (2), онъ на долины
 Сыплеть темныя рубины —
 Зрѣнѣтъ вмигъ его поѣвъ:
 Сны вспаюгъ съ земнаго лона
 И вычашѣтъ спящихъ дѣвъ
 Ихъ волшебная корона!
 Это часть, какъ на хребтѣ
 Скаль, гдѣ вѣчепъ снѣгъ нагорный,
 Сходятъ царственныя Норы,
 На шоржеспивенный совѣтъ.
 Гласъ ихъ въ споръ войденъ съ громами,
 Очи ихъ мрачнѣе мглы,
 И дрожанъ подъ ихъ стопами
 Неприспуныя скалы !

А. Подолнскій.

(1.) Торъ — богъ грома и молнн.

(2.) Приписывая волшебную силу многимъ драгоценнымъ камнямъ, Скандинавы вѣрили, что рубинъ можетъ наводнть самыя прнлшныя сны.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

2. Заря, Альманахъ для юношества, изданный М. Марковымъ. С. П. бургъ, въ Тип. Н. Греча, 1831. Въ 16. (IV и 185 стран.)

Дѣтская книжка подлежитъ бѣльшей критики, чѣмъ какал инал: она пишется для будущаго поколѣнн, и попому надлежитъ ее писать такъ, чтубъ она дала цвѣпы благоуханныя. Мы, при разборѣ Зари, совѣщовались съ нѣкоторыми маперями семействъ, онѣ копорыхъ слышали слѣдующее: на заглавномъ листкѣ значнтся, что это Альманахъ для юношества, между шѣмъ какъ дѣйствующія лица вездѣ малютки. Если жъ книжка сія для дѣтскаго втораго возраста, то

совершенно несообразна съ ихъ понятіями. Цѣль Издавеля отгадать можно: онъ хотѣлъ издать что нибудь для дѣтскаго въ видѣ подарка на Новый Годъ; но выполненіе сего намѣренія, слишкомъ незрѣлаго, неудовлетворительно. Стихи всѣ (кромѣ двухъ, трехъ басень) неудачны въ отношеніи къ мыслямъ; куплеты въ двухъ Комедіяхъ, хотя и порядочны, но слишкомъ мало имѣютъ нравственной цѣли; а повѣсти, по изложенію, также не соотвѣтствуютъ съ цѣлію Альманаха. Напримѣръ въ повѣсти: *Валентинъ*, герой оной представляетъ собою порока въ высокой степени, копорый всегда преслѣдуемъ лозою воспитанія и копорому надлежало бытъ исправлену Релігією. Чего не употребляли съ Валентинномъ съ самой колыбели? и строгость, и ласку, и снѣдъ: онъ все таки сдѣлался негоднѣмъ! — „Его ужъ такъ Богъ создалъ!“ говоритъ бойкій ребенокъ, прочитавъ эту повѣсть. Ахъ! какъ вредна эта ложная мысль, могущая сперва показаться аксіомою для тѣхъ копорые не изслѣдуютъ ее. — *Юлія*, повѣсть не дурна; но написана напыщеннымъ слономъ. — *Два брата*, повѣсть лучше прочихъ.

Къ особенному нашему удивленію, мы увидѣли, что при заглавномъ листкѣ сей книжки приложена картинка, изображающая обнаженную Аврору. Картинка эта могла-бы имѣть мѣсто только при 51-й страницѣ Съ. Цвѣповъ на 1831 годъ, на которой напечатано стихотвореніе Г. Деларю: *Глицеръ*, а не въ Дѣтскомъ Альманахѣ, копорый надлежало-бы издать несравненно порядочнѣе и съ бѣльшею омотрительностію. Неприлично, весьма неприлично! —

Г. Марковъ.

С М Ъ С Ъ.

— Въ 69-мъ Но. Лип. Газеты извѣщаютъ, что Е. А. Баратынскій окончилъ и скоро напечатаетъ поэтическаго свой романъ: *Наложница* (изъ коего напечатаны уже отрывки въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831-й годъ). „Судя по отрывкамъ“ — говоритъ Лип. Газета: „мы полагаемъ, что онъ будетъ весьма занимателенъ новостію предмета (?!?!?) характерами и картинными (!!!) положеніями дѣйствующихъ лицъ (?!?!?!).“ Едва-ли кто болѣе насъ любитъ и уважаетъ блестящее дарованіе Баратынскаго: но за всѣмъ шѣмъ мы

не можемъ не сказать по сему случаю слѣдующаго своего мнѣнія. Предметъ означенной Поэмы дѣйствительно по *новѣ* — и въ этомъ должно согласиться съ Лип. Газетною: въ самомъ дѣлѣ мы на *Руссколи* языкѣ до сего времени еще не читали сочиненій, которыхъ содержаніе имѣеть что нибудь общее съ предметомъ Поэмы Баратынскаго.

— Въ 144-мъ Но. Сѣв. М. прошлаго года мы извѣщали нашихъ читателей о благонамѣренномъ предпріятіи Издашля Furet, Г. С-тъ Жюльена, составить подписку для *сырыхъ семействъ, у коихъ отцы погибли отъ заразы*. Что можетъ быть благороднѣе, похвальнѣе, великодушнѣе такого намѣренія? . . Но изъ 103-го Но. Furet мы, къ сожалѣнію, извѣстнаемъ; что Г. С-тъ Жюльень, благодаря полкамъ неблагонамѣренныхъ людей, которые, сами не дѣлая пособія ближнему въ нуждѣ, не любятъ, чипобъ и другіе дѣлами добро чествованію, — долженъ былъ оставить такое свое намѣреніе. Очень жаль! . . Мы бы совѣтовали Г. С-тъ Жюльену, не смотря на сихъ враговъ чествованія, — дѣйствовать по побужденію разума и влеченію своего сердца. Если-же

Смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,

Придется и *осла* взвалить себѣ на плечи! —

А ихъ много — ахъ, какъ много! Вспрѣчи безпре-
спаннаго! . . — *Изд.*

Помятіе Малороссійскъ о Холерѣ.
(Изъ письма къ Издашлю.)

„Что се за Холера така? Чи ты ей бачивъ (1)?“
спросилъ одинъ Малороссійнинъ у своего земляка, недавно возвращавшагося съ Дону изъ заработковъ (2).

(1.) Видѣлъ-ли ты ее?

(2.) Малороссійскіе мужики обыкновенно каждое льпо ходили въ Землю Донскихъ Козаковъ для заработка.

„Чувъ (3)!“ отвѣчалъ поить.

„Якажъ вона?“ спросилъ снова первый.

„Какую: жника въ червонныхъ чоботахъ; ходе по
води, да все оха (4)!“

Этотъ разговоръ, слышанный мною, показался мнѣ столь оригинальнымъ, что я, записавъ его, рѣшился послать для помѣщенія въ издаваемомъ Вами Журналѣ. *И. Лукьяновичъ.*

20 Октябрѣ 1830 г.

(3.) Слышалъ.

(4.) Говорили: женщина въ красныхъ сапогахъ, ходила по водѣ и все вдыхаетъ!

Шарада въ промѣ NO. значить: *congruence*

L O G O G R I P H E

Etre léger, pur et mobile,
Tour à tour dangereux, utile,
Je sers celui que me détruit,
Et j' offense, qui me produit.
Si vous me faites disparaître,
Un rien peut me faire renaître.
Cinq lettres composent mon nom.
Otez mon chef, je suis un instrument nuisible;
Otez mon chef, je deviens invisible;
Otez mon chef, je ne suis qu'un pronom;
Otez mon chef, je suis une voyelle:
C'est à vous de dire laquelle.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Подписка на сію Газету принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ, и у самого Издашля, живущаго *Литейной части, въ Кирочной улицѣ, во второлѣ отъ Воскресенскаго проспекта долитъ къ Ларионову*. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NNo и двухъ томовъ, съ 24 картинками Модъ, здѣсь въ Петербургѣ 35, съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателью Свѣрнана Меркурія.*

№ 3.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Цѣтникамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* номеровъ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 7 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. Г.!

Съ недавняго времени вошло у насъ въ обыкновеніе удивляться (*admirer, а не s'etonner*) способностямъ — говорить даже, гениямъ — нѣкоторыхъ, изъ простаго класса людей, успѣвшихъ писать рѣчюванною, весьма посредственною прозою. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то открылъ намъ — по особенному расположенію, Г. О., приобрѣли Европейскую, и чуть-чуть не всемірную извѣстность. Говорятъ даже, что Делиль, Теокрытъ, Томсонъ, Москъ, Парни, Біонъ, Геснеръ, Капулла, Виргилій и проч, и проч, и проч. ничего не значатъ въ сравненіи съ твореніями людей, списавшихъ *чуть-чуть* не всемірную извѣстность, и что они основали уже новую поэтическую школу, которая отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей стѣмъ, что произведенія ея суть *des poésies vraies et non feintes* (какъ говорятъ Ламарини), ибо писаны съ прекрасной природою — на Большой Охтѣ и на Выборгской сторонѣ! Соображаясь съ снмъ мнѣніемъ Петербургской *Публики*, я счелъ не излишнимъ сообщить Вамъ пвореніе моего *человѣка* (*), которое, если и не писано *en mètres cadencés*, то, по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ

себѣ мысли весьма высокія и поэтическія; и если мой Петрушка непапорѣтъ въ грамотѣ, то можетъ со временемъ спать на ряду съ угадайте, съ кѣмъ? — съ Фенелономъ и Шапобрианомъ. Не укоряйте меня въ хвасповствѣ и преувеличеніи: 1.) Говорятъ, что вышеказанные люди, *чуть-чуть* съ всемірной извѣстностію, превзошли уже Виргилія. 2.) Мой Петрушка пишетъ не хуже сихъ господъ, а Шапобрианъ равенъ Виргилію; его: 3.) Мой Петрушка равенъ Шапобриану.

Но прежде нежели я займу васъ Петрушкинымъ твореніемъ, счипаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о герѣ его, и объ обстоятельствахъ жизни сего послѣдняго, а равно и о томъ, какъ узналъ я о *чрезвычайныхъ способностяхъ* моего домашняго Шапобриана.

Господинъ Бъсьпорочновъ жилъ на Невскыхъ въ домѣ Чиповницы 14 класса Вюльгеровой. Домъ сей состоитъ изъ небольшого корпуса съ тремя окнами, за который Г-жа Вюльгерова брала съ него по 25 рублей съ дровами, водою и *воздухомъ*, и изъ спараго, полуразвалишагося спроеція, на дворѣ, у котораго стекла замѣнены большею частію печальными афиншами, а двери снабжены бичевками, ибо замки — во время оподраны, для починки, и до сихъ поръ еще не починены. Сіе зданіе раздѣляется на двѣ половинны: первую (состоящую изъ одной комнаты) занимаетъ сама Г-жа хозяйка съ — дворинкомъ; а вторая, нѣсколько побольше, ходила (*) и нынѣ ходитъ, по 10 рублей въ мѣ-

(*) Теперь вспомнилъ я помѣщенный въ Свѣ. Мерк. Александръ о молодомъ челоѣкѣ, называвшемъ *département des mines — département des affaires salées*; а я знаю *одного*, который, желая показати свои филологическія свѣдѣнія предъ однимъ знакомымъ, говорилъ всегда своему слугѣ: L' (!!!!!) homme!! Поймешъ-ли вы его? Если нѣтъ, то я объясню вамъ; онъ хотѣлъ перевести выраженіе: Эй, челоѣкъ, (*garçon! quelq'un!*)

(*) „Какъ будто-бы компанія можетъ ходить“ скажете вы.

слятъ, съ дровами и водою; что же касается до воздуха, то снабженія онымъ квартиры Г. Бъспорочнова (такъ по крайней мѣрѣ покойникъ подписывался), при заключеніи условія, кажется, въ виду не имѣлось. Я разумю здѣсь обыкновенный атмосферическій воздухъ, въ которомъ, какъ извѣстно, заключается много кислороднаго газа; но въ комнату Г. Бъспорочнова ни откуда не можетъ сей газъ проникнуть; ибо:

- 1.) Входъ въ нее изъ сѣней хозяйки, вѣчно наполненныхъ испортившимися съѣстными припасами, которыми она, по дешевизнѣ, довольствуется съ другою души своей — дворникомъ, какъ Бавкида съ Филемомъ;
- 2.) Окна въ квартирѣ Г. Бъспорочнова всѣ почти не открываются, за исключеніемъ одного, которое:
- 3.) Выходитъ на помойную яму. Но пора познакомить васъ, Милостивый Государь, съ Василиемъ Лукичемъ (такъ назывался покойникъ Бъспорочновъ).

Василій Лукичъ въ рожденіи своемъ сдѣловалъ близко природѣ, ибо родился онъ мирныхъ воздѣлывателей инвы, или, просто, онъ мужика и бабы. При наборѣ рекрутъ, былъ онъ опданъ *въ захѣтъ*, сдѣловательно не въ награду добродѣтелей. Во время службы своей *на полкахъ гести*, былъ онъ дважды прогнанъ сквозь строй; а по причинѣ сведенія лѣвой ноги, исключенъ изъ военнаго вѣдомства. Надобно прибавить, что Василій Лукичъ не имѣлъ недостатка въ *соображеніи*, и, при выходѣ изъ полка, имѣлъ нѣсколько сотъ рублей *благопріобрѣтеннаго*. Онъ пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ: началъ давать займы деньги, по 90 процентовъ на сноп, и припомъ подѣ вѣрные залоги, которые почти всегда у него оставались; и такимъ-то образомъ накопилъ себѣ достояніе тысячъ въ пятьдесятъ. Честнолюбіе, столь свойственное душамъ *капитальнымъ*, овладѣло и Василиемъ Лукичемъ: онъ непремѣнно захотѣлъ имѣть чинъ, — и записавшись въ какое-то присутственное мѣсто, былъ облеченъ, на первый случай, въ званіе — Канцеляриста.

Но предметъ ижнѣйшихъ попеченій его была юная Ксеія, или, просто, Аксинья, дѣва 29 лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами, сирасшно любившая покойнаго, и сирасшно любимая обратпо: то есть Василиемъ

Лукичемъ. Она была *consomatrice* того, чего онъ былъ *producteur*, и такимъ образомъ финансы Василия Лукича дѣлали обращеніе, весьма выгодное для СЮТЫ (такъ сократилъ имя Аксиньи покойный). На сихъ дняхъ праведникъ отомель въ область безсмертія, идѣ же мошенникамъ пѣсть помнванія. Аксинья, убивая столь драгоценною попереею, хотѣла, по крайней мѣрѣ, почтить достойно память своего возлюбленнаго, и, за неумѣнемъ сама грамошъ, прибѣгла къ помощи моего челоука, который еще при жизни покойнаго былъ ей знакомъ, и котораго, бывало, вѣчно нѣтъ въ передней, лишь только со двора нашъ Василій Лукичъ. Некрологія, при семъ прилагаемая, была назначена, какъ мнѣ сказывалъ челоукъ мой, къ помѣщенію въ газетахъ, не знаю въ какой именно; но Авторъ и сирая дѣва думали, что некрологіи помѣщаются въ періодическихъ изданіяхъ, не по знаменитости умершихъ, а по копѣйкѣ съ буквы, подобно объявленіямъ о сбѣжавшей собакѣ, о потерѣ лотерейнаго билета и проч. Но вопѣ вышелъ случай къ помѣщенію ея даромъ, если вы, Г. Издатель, мнѣ то позволите — конечно не сполько изъ уваженія къ добродѣтелямъ покойнаго, сколько по литерашурному достоинству сей рацен.

Имѣю честь быть и проч.

Н Ъ К Р О Л О Г І Я (*).

Василей Лукичъ Бъспорочновъ, Канцеляристъ, скончался сего Ноября 12 числа, въ одинацатомъ часу по полудни. Василій Лукичъ въ службы вступилъ въской пѣхотный полкъ; онъ гуда пѣреведенъ въской въ 1814 году Апрѣля 17, а 1816 Марта 27-ва уволенъ онъ воинской службы. Въ 1819 году, Іюня 30 опредѣленъ въвчисло Чиновникавъ, а 1820-ва года Декабря 31 дня вънаграду отличныхъ способностей и трудовъ по служ-

(*) Сія копія списана моею рукою, ибо Петрушкинъ почеркъ весьма связанъ и неудобенъ для чтенія непривыкшихъ къ нему. *Прим. Соч.*

бѣ, награжденъ чиномъ Канцеляриста и въ месте спешь уволенъ во все ошъ службы. О! мушъ доблѣй! се опыдѣ въ предѣлы горнія. Се оспави брѣшныя пельса пвал. Юная Аксинья, друхъ сѣрца пваво во-пѣетъ пѣбе во следѣ; о друхъ мой!! Сетую о моѣмъ бѣзсмершиомъ сажинслѣ. О пѣбо! почто послало мне сѣю чашу горѣстей. О! какъ бывало предавались мы возторгамъ чиспейшій изъ стра-пшій; какъ бывало заключалъ ты меня, о Василѣ! въ нежные объятія друга и покровителя. О судьба! почто разгневалась еси на ны пѣщастныя. Приди о Василѣ! Прижмися ко сердцу моему сильно бѣощемуся! — Покойный оставилъ значительный капиталъ, нажишой прудами и съ лужбою. Юная Аксинья была вышедши со двора, какъ случилось сѣ въажное, ужасноѣ прѣншѣспивѣ, и чпожѣ лаходишѣ: обѣзображенный (!!!) прупъ своѣго возлюбленнаго и при ономъ записку слѣдующаго содержания: „О! друхъ души маей, СЮТА! вливавшая пѣкторъ въ душу пваво друга! я отказываю пѣбе всѣ моѣ имущѣспво и вѣщи. Живи на здоровье, праспя. Твой вѣч-ный друхъ. В. Б.“ Неупѣшная сирапа упала вобмарокъ; едва мы (?) могли оппѣреть (?) ее. Но я пѣ-ряюсь въ моѣй горѣспни. Миръ праху пваму, мушъ доблѣй, миръ праху пвоему.

Петръ Коробовъ.

КЪ ПОЧТОВОМУ КОЛОКОЛЬЧИКУ.

Ахъ! колокольчикъ, колокольчикъ!
 Когда и надъ моеѣ дугой,
 Надъ тройкой ухарской, анхой
 Ты зазвенишь? когда дорога,
 Широкой лепшой раскатишь,
 Съ своими песпрями сполбами
 И съ живописноспью кругомъ,
 Меня, мой колеснспный домъ,
 Мою почтовую пелегу,
 Къ краямъ далекимъ поцесѣпъ? —
 Когда увижу край надъ Волгой
 И, съ горъ на горы мча спрѣлой,
 Меня упѣшнпѣ пѣспью долгой
 Землякъ — извоцикъ удалой?
 Когда увижу Русь свяпую,

Мож дубовые лѣса,
 На двахъ леппу золотую
 И синій Русскій сарафанъ?
 Мнѣ сирѣшнѣ, на чужбинѣ,
 Мнѣ часто груспно по *родномъ*,
 И Русь я вижу, какъ въ картинѣ,
 Въ *воспоминаніи* одномъ.

Ө. Глипка.

НОВЫЯ КНИГИ.

3. *Сочиненія, переводы и подражанія, въ стихахъ. Константина Масальскаго.* С. П. бургъ, въ Тип. ИМП. Россійской Академіи, 1831. Въ 12. (92 стран.) (*)

Въ этой книжкѣ помѣщено *тридцать два* спнхотворенія, изъ коихъ одна половина состоиптъ изъ сочиненій, то есптъ принадлежишѣ самому Автору, а другую составляютъ подражанія и нереводы съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Англійскаго и даже— съ Испанскаго языка!! Съ пѣкотораго времени у многпхъ Поэповъ ввелось въ обычай переводишѣ съ пѣвѣдомыхъ имъ языковъ: хопя мы не имѣемъ ни како-го новода бышѣ неувѣрспными въ особенной ученоспи Г. Масальскаго, но пѣмъ не менѣ сомнѣваемся, чпо-бы опъ зналъ пѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ языковъ, какъ напримвръ *Испанскій*. Мы знаемъ примѣры, чпо пѣкоторые Писатели *негатно* приписываютъ себѣ свѣдѣнія почпи во всѣхъ Европейскихъ языкахъ, между пѣмъ какъ все это совокупляется въ знаніи одного только Французскаго, посредствомъ коего не мудрено сдѣлать многя подраждѣнія. Но это въ спюропу, а обратимся къ произведеніямъ Г. Масальскаго. Собспвенныя сочиненія его мы предпочитаемъ переводамъ и подражаніямъ, ибо въ нихъ находимъ пѣсколько пѣсокъ съ доспоинспвомъ. Опрывки изъ Поэмы: *Миценіе вѣтерка*, довольно милы. Въ Басняхъ же, копорыи могутъ нравишѣся живоспью разсказа, Г. Масальскій, по нашему мнѣнію, болѣе всего удаченъ. Предспавляемъ образчикъ:

Вареный чай.

Сомншпеленъ еще въ дѣлахъ успѣхъ,
 Когда и средспва всѣ имѣемъ.

(*) Продастся въ Магазишѣ Смирдина по 3 р. 20 к. экземпляръ.

Бываешь, что за нихъ принялся не умѣешь,
И отъ того выходишь грѣхъ.

Крестьянка мужу говорила:

Пафнутьичъ! Не забудь ты въ городъ купишь
Чайку да сахару. Кой-что ужъ я сварила,

Но надобно жъ родню и чаемъ угостишь;

Вѣдь ты, свѣтъ, завпра имьянинскъ.

— Что много говоришь! —

Сказалъ ей мужъ. — Давай полшинникъ! —

Пошелъ, и сахару и чаю онъ досталъ,

И на руки хозяйкѣ сдалъ.

Она же весь запасъ въ горшокъ съ водой вложила,

Немного луку покрошила,

И въ печь задвинула, примолвивъ: пусть кипитъ!

Ужъ гости собрались, чай подавъ и разливъ,

Да жаль: охошниковъ до чаю не нашлось,

И все собраніе безъ чаю разошлось.

Думаемъ, что и самый славный изъ нашихъ Баснописцевъ не отказался-бы подписать подъ эпимъ своего имени.

Бестужевъ-Рюминъ.

С М Ъ С Ъ.

— Кому-то на дняхъ говорили, что скандалы изъ *parier maché* гораздо дороже мешаллическихъ. — „Правда, что они дороже“ — отвѣчалъ шопъ: „но между тѣмъ выгоды: ибо, если у васъ свѣчка сгоритъ, то начиняешь горѣть самый скандалъ.“

— Одинъ Персїянинъ, находившійся въ свитѣ Хозрева Мирзы, написалъ слѣдующее въ альбомѣ нѣкопорой Пешербургской дѣвицы: „Твои голубые глаза вливаютъ въ душу мою божественное чувство. Не сомнѣвайся въ истинѣ словъ моихъ. Я вѣрный читатель Магомета: у насъ алкоранъ украшенъ голубыми цвѣтами.“

— Какъ нынче неосновательны журнальныя извѣстія. Нѣкто, находясь въ добромъ здоровьѣ, прочитавъ въ одномъ публичномъ листкѣ о себѣ, что онъ буди-бы одержимъ тяжкою болѣзнію. Желая успокоить своихъ пріятелей и родственниковъ, которые

могли принять это извѣстіе за истинное, онъ написалъ къ Журналисту слѣдующее: „М. Г.! Опасаясь, чтобы вамъ въ будущемъ Но вашего Журнала не случилось извѣстить публику о кончинѣ моей, имѣю честь васъ увѣдомить, что если мнѣ вздумается умереть, то я немедленно послѣ смерти моей не премину о томъ васъ увѣдомить. Между тѣмъ покорнѣйше васъ прошу объявить, что напечатанное вами извѣстіе, на счетъ болѣзни моей, несправедливо.“

— Телеграфъ замѣчаетъ, что покойный *Славянинъ* развернулся нынче *льжливъ* литературнымъ бѣсомъ, начавъ показываться, вмѣсто прежнихъ двухъ разъ въ мѣсяцъ, по два раза въ недѣлю, подъ фирмою *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*. Почтенный Издатель, вѣроятно, предполагаетъ, что публикѣ пужень не Журналъ, а названіе Журнала. Нѣтъ сомнѣній, что публика скоро убѣдится, что отъ худаго корня рѣдко бываютъ хорошія отрасли; ибо отъ *Славянина*, правду сказать, нѣчего ожидать добраго.

— „Что это за странная монополія!“ говорила недавно одна провинціальная барыня: „здѣсь въ Пешербургѣ одинъ только зубной врачъ.“ — „Какъ-съ, одинъ? Ихъ у насъ много.“ — „Много? Помилуйте, стало быть они всѣ однофамильцы: все Цанарципъ, да Цанарципъ.“ — Ея милость принимала званіе (*zahnarzt*) за имя. — (*Изд.*)

Логогрифъ въ прош. No. значить: flame

C H A R A D E.

Le gourmand, au sortir d'une table splendide,
Est souvent obligé de prendre mon premier;
Le frileux, en hiver, rarement se décide
Et répugne toujours à quitter mon dernier;
L'homme le plus chagrin s'amuse et se déride
Quand il peut sur le soir aller à mon entier.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателью Свѣрнаго Меркурія.*

№ 4.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* номеровъ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 9 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

АНЕКДОТЫ.

1.

Въ Тулопѣ, во время войны Англичанъ съ Французами, молодому Англіискому мапросу удалось убѣжать изъ плѣна. Онъ достигъ морскаго берега, и близъ опасно скрывался въ лѣсу. Тамъ сдѣлалъ онъ челнокъ, въ которомъ намѣревался при удобномъ случаѣ доплыть до какаго либо Англіискаго судна. Въ ясную погоду влезалъ онъ на высокое дерево, спараясь увидѣть Англіискій флагъ. Въ одинъ день онъ дѣйствительно увидѣлъ Французскаго крейсера. Почтя оный за Англіискій, онъ немедленно слезъ съ дерева, и поспѣлъ къ берегу челнокъ свой: его увидѣли, и въ ту самую минуту, когда онъ почиталъ себя свободнымъ, его снова обременили цѣпями. Сначала почли его шпиономъ; но увидя слабый челнокъ, въ которомъ онъ хотѣлъ спастись, увѣрились въ провинномъ. Многіе желали видѣть сего мапроса и челнокъ его. Наполеонъ приказалъ привезти его къ себѣ, и спрашивалъ о намѣреніи его. Плѣнный со всего откровенностію и простотою во всемъ признался. Онъ такъ поправился Наполеону, что сей приказалъ ему просить для себя какую либо милость оный него. — „Я больше ничего не желаю, какъ возвратиться въ отечество свое.“ — „Вѣроятно у тебя осталась памъ любезная?“ — „Нѣтъ, у меня памъ бѣдная престарѣлая мамъ, которую я желаю видѣть и кормить своими трудами.“ — „Ты увидишь ее“ — сказалъ Наполеонъ; и пощастъ дать повелѣніе отправить молодого мапроса на Англіискій

корабль. Онъ прислалъ ему значительную сумму денегъ, и просилъ поклониться оный него мамтерн. „Она должна быть почтенная женщина, потому, что имѣетъ такаго добраго сына“ — сказалъ Наполеонъ.

2.

Капитанъ корабля прешерпѣлъ кораблекрушеніе въ Океанѣ на неизвѣстной банкѣ; но по счастію весь экипажъ былъ спасенъ. По прибытіи въ портъ, былъ онъ призванъ къ военному морскому суду. Одинъ изъ первыхъ часовъ суда, не изъ моряковъ, спалъ ему выговаривать: „какъ тебѣ не стыдно: ты посадилъ корабль на мель. Знаешь-ли, что за это пострадаешь?“ — „Знаю“ — отвѣчалъ Капитанъ хладнокровно, и объяснивъ все обстоятельство, сказалъ: „это общая несчастная участь моряковъ.“ — „Да зачѣмъ вы ходите по ночамъ?“ возразилъ сей почтенный членъ. „Потому, Милостивый Государь“ — отвѣчалъ Капитанъ: „что на моряхъ нѣтъ *постолыихъ дворовъ!*“

3.

Въ послѣднюю войну Россіянъ съ Турками, на отводномъ караулѣ близъ Варны, молодые солдаты разсуждали о неприступности сей крѣпости, и рѣшительно полагали, что нельзя взять ее. Бывшій между ними старый солдатъ сидѣлъ спокойно и курилъ трубку; но при рѣшительномъ опредѣленіи товарищей своихъ о невозможности взять крѣпость, всталъ, бросилъ въ сторону трубку, и съ сердцемъ сказалъ имъ: „вреште вы, молодежь! какъ нельзя взять! Начальство велико, шакъ непремѣнно возьмемъ.“ — „Ну, это другое дѣло!“ отвѣчали молодые солдаты.

4.

„Баринъ! баринъ! у насъ отпрѣзали чемоданъ отъ повозки“ — кричалъ слуга, вбѣжавъ въ компанію посполлаго двора. — „Ну что за бѣда!“ — отвѣчалъ господинъ: „не безпокойся; поживы мошенникамъ не будетъ: *много отъ телодѣла у меня въ карманѣ!*“

5.

По вскрытіи Невы, многіе, желавшіе скорѣе переправиться черезъ оную, толпились у пристани. Какой-то чиновникъ, не смотря на убѣжденія полицейскаго Офицера, старался ворваться въ лодку, уже наполненную людьми. „Сдѣлайте милость, отступитесь“ — сказалъ пол. Офицеръ: „бѣда мнѣ съ вами!“ — „А какая бѣда?“ спросилъ чиновникъ. — „А вотъ какая: вамъ-то ничего не будетъ — вы уйдете; а мнѣ такъ достанется онъ начальства!“

6.

„Баринъ мой приказалъ у васъ взять книгу: *о мирѣ или адѣ!*“ — сказалъ чей-то слуга книгопродавцу. — „У меня нѣтъ никакой книги“ — отвѣчалъ книгопродавецъ. На повѣрку вышло, что рѣчь шла объ *Оливровой Иліадѣ*.

7.

Занмодавецъ, встрѣпясь съ должникомъ своимъ на улицѣ, убѣдительно просилъ его объ уплатѣ. Должникъ бранилъ его и наконецъ сказалъ: „оставь меня въ покоѣ: ты неспособный человекъ; или ты думаешь, что я только тебѣ одному долженъ?“ — Изумленный симъ привѣспивіемъ, занмодавецъ удалился.

8.

Офицеръ, недавно выпущенный изъ Корпуса, стоялъ у камня и грѣлся. „Вы вѣрно озлбли?“ спросила его одна дама. „Нынѣ, отвѣчала родилвенница его: онъ привыкаетъ къ *огню!*“

9.

Нѣкоторый Поэтъ принесъ къ другому полстую пепрадь стиховъ, и просилъ, при разсматриваніи ихъ, отмѣчать неудачныя мѣста креспиками. Спустя нѣсколько дней, сей послѣдній возвратилъ ему рукопись. „Какъ, сударь! тупъ нѣтъ ни одного креспика?“ вскричалъ въ радости молодой человекъ. — „Да неужели вы хотите, чтобы я изъ вашихъ прудовъ сдѣлалъ *кладбище!*“ возразилъ поэтъ.

10.

Когда написали Вольтеру, что въ Парижѣ присудили его сочиненіе къ сожженію, онъ сказалъ: „пѣтъ лучше; это то же, что Лионскіе каштаны: чѣмъ больше ихъ печешь, пѣтъ они лучше.“

11.

На пробѣ домашняго спектакля, нѣкто изъ бывшихъ на оной сказалъ участвующимъ въ представленіи: „ваша пѣса, господа, идетъ прекрасно; только надобно-бы болѣе *огля!*“ — „О не безпокойтесь объ этомъ“ — возразила на сіе одна молодая дѣвица: „у насъ при настоящемъ представленіи будетъ большое *освѣщеніе!*“

12.

Какой-то забавникъ обѣдалъ у Лорда, которъй, предъ окончаніемъ стола, велѣлъ принести *маленькую* бушылку вина, и не переставая хвалить его достоинство, а болѣе *старость*, между прочимъ спросилъ своего гостя: какъ онъ находилъ это вино? — „Милордъ“ — отвѣчалъ гость: „оно хорошо, но слишкомъ *мало* по своимъ *лѣталь!*“

13.

Въ одномъ обществѣ разсуждали о причинахъ холода, бывшаго въ Маѣ 1850 года. Одинъ говорилъ, что тому причиною комета; другой доказывалъ, что ходъ земнаго шара взялъ другое направленіе; „а мнѣ кажется“ возразила одна дама: „что солнце уже очень состарѣлось.“

14.

Графъ Б. . . ., имѣлъ управителя, которъй, наживаясь Графскими доходами, выстроилъ себѣ огромный домъ и подводилъ его уже подъ крышу. — Пріятель Графа увѣдомлялъ его о илунияхъ управителя, и упоминавъ, что онъ, наживаясь на его счетъ, строилъ домъ, совѣщовали ему отпрѣцишь его отъ должности и взять другаго управителя. „Все знаю, друзья мои“ — отвѣчалъ Графъ — „но посудите сами: перешнему моему управителю остается *только* покрыть *домъ*, а взявъ другаго, поэтъ *нагнетъ* строить съ *фундамент!*“

15.

Деревенскій управитель позвалъ къ себѣ креспья-

нина, на котораго жаловалась, что онъ въ пьянствѣ всегда заводилъ ссоры съ другими кресильнами, и представлялъ ему порокъ во всемъ гнусномъ видѣ; но пьяница утверждалъ, что на него можно доносить. — „Сколько ты чарокъ выпиваешь ежедневно?“ спросилъ управитель.

Пьяница. Это зависитъ отъ жажды, отъ погоды, отъ хорошаго или худаго вина, отъ денегъ и другихъ обстоятельствъ: чарки двѣ, три, четыре.

Управитель. Не можетъ быть, чтобъ ты пилъ такъ мало: ибо по пятнамъ на кафтанѣ видно, что ты горькой пьяница.

Пьяница. Извините, господинъ управитель: пятна происходятъ не отъ пивья.

Управитель. А отъ чего же?

Пьяница. Отъ проливанія.

16.

Г-жа Лангвилъ должна была оставить на нѣкоторое время Парижъ и поселиться съ мужемъ своимъ въ Нормандію. Любя развѣшную жизнь Парижскую, терпѣла она здѣсь смертельную скуку. Когда она въ нѣкоторомъ собраніи приносила на сіе жалобу, то Г. Д... сказалъ ей:

„Милостивая Государыня! когда васъ преодолеваетъ смертельная скука, то спарайтесь искать развлеченія. Въ окрестностяхъ нашихъ находясья превосходные лѣса: вы бѣ занялись охотою.“

— „Нѣтъ, я не люблю охоту.“

„Или занялись какимъ-либо женскимъ рукодѣліемъ?“

— „Я не охотница до работы.“

„Въ такомъ случаѣ я совѣтовалъ-бы вамъ прогуливаться или составлять партіи виста или бостона.“

— „Я не люблю ни того, ни другаго!“

„Чего жъ вы желаете?“

— „Не знаю, что вамъ на это отвѣчать. Короче сказать, я не охотница до *невысшихъ удовольствій*.“

17.

Нѣкто издѣвался надъ Жидомъ, у котораго уши были нѣсколько больше обыкновеннаго. „Я соглашаюсь“ — сказалъ Жидъ: „что моя уши для человѣка слишкомъ велики; но вы должны признаться, что ваши для *осла* слишкомъ малы.“

18.

Одна дама спросила Фонпенеля: „скажите мнѣ, что это за Академическія кресла, о которыхъ такъ много говорятъ?“ — „Это, сударыня, *постель*, на которой *спитъ* великіе умы.“

19.

Актеръ С...., страстный любитель охоты, настрѣлялъ однажды множество дичины. Желая услужить рецензенту М....., послалъ отъ себя слугою своимъ нѣсколько бекасовъ, дупельшищеповъ, ушокъ и проч. Рецензентъ, принявъ подарокъ, сказалъ слугѣ: „поклонись отъ меня бариниу своему и поблагодари за посылку.“

— „Слушаю-сь, сударь“ — отвѣчалъ слуга, не трогаясь съ мѣста.

„Что жъ ты нейдешь?“ сказалъ М.....

— „Позвольте у васъ спросить, Милостивый Государь“ — отвѣчалъ слуга: „что мнѣ сказать бариниу своему, когда онъ у меня спроситъ: *сколько ты поучилъ на водку?*“

Къ N*,

съ возвращеніемъ локона.

Я падоуль Вамъ? Извините,
 Что я неспособенъ былъ подѣ часть;
 Что я (и въ помѣ не осудите!)
 Незанимапель для Васъ.
 Эмблема локона обидна
 Для самолюбья моего:
 Мнѣ, какъ мужчине, даже стыдно
 Понимать значеніе его (*).
 Но такъ и быть! — Создайтесь сами:
 Вѣдь не заплакашь же мнѣ!
 Ужели въ свѣтъ Вы одѣтъ?..
 Вамъ неугоденъ я?.. Богъ съ Вами:
 Не здѣсь удачи — верно тамъ!..
 Я, возвращая локопъ Вамъ,
 Скажу Давыдова (*) словами:
 „Я не бывалъ рабомъ въ любви;
 Какъ былъ, такъ есть, въ помѣ увѣрю,
 И чѣмъ рвать волосы свои,
 Я Ваши къ Вамъ-же посылаю.“

Владиміръ Лобославскій.

6-го Января 1831 г.

(*) Локопъ волосъ, подаренный дѣвницею мужчине, на эмблематическомъ языкѣ означаетъ желаніе вѣчной разлуки.
 (**) Деписа Васильевича.

НОВЫЯ КНИГИ.

4. *Альманахъ Анекдотовъ*. 1831. С. П. бургъ, въ Тип. Пушей Сообщенія. Въ 16. (232 стр.)

Дѣля въ Меркуріевскомъ мансжѣ смотрѣ дружки Альманаховъ 1830 года (см. 4-й Но. Сѣв. М.), мы замѣчали, что аммуниція Альманаха Анекдотовъ на 1830 годъ была весьма скудна и вовсе несообразна съ формою, утвержденною для книжекъ сего рода. Мы иногда поспавляли на видѣ Г. Издашеля, что аммуницію его Альманаха подлежало сдѣлать гораздо благовиднѣе, пѣмъ болѣе, что пренумерационныхъ денегъ (какъ видно было изъ приложеннаго въ концѣ книжки списка подписчикамъ) было весьма достаочно на постройку исправной аммуниции. Въ то время, Альманахъ Анекдотовъ, хотя вышелъ къ праздникамъ, но въ самомъ будничномъ парядѣ: бумага была сѣрая, картинка домашней работы, заглавнаго гравированнаго листочка не было.

Нынѣ, къ удивленію нашему, мы видимъ, что Альманахъ Анекдотовъ, лившійся на елужбу 1831 года, вовсе не исполнилъ означенныхъ замѣчаній. Хотя и нынѣ Альманахъ сей также вышелъ къ праздникамъ, но также въ будничномъ парядѣ: та же бумага, та же картинка домашней работы, и также нѣтъ заглавнаго гравированнаго листочка. Словомъ сказать, Альманахъ сей иъ малѣйшаго не сдѣлалъ улучшенія въ своей аммуниціи.

Въ нынѣшнемъ Альманахѣ Анекдотовѣ заключается 240 Анекдотовъ, изъ коихъ 19 мы представляемъ на показъ нашимъ читателямъ въ эпюмъ Но. Сѣв. Меркурія. Разумѣется, что сіи 19 Анекдотовъ суть *лучшіе* изъ всего собранія. Мы въ этомъ случаѣ поступаемъ такъ-же, какъ вообще дѣлають старающіеся на смотру представлять вѣренныя имъ частн въ *лучшемъ* видѣ.

Альманахъ сей продается въ магазинѣ Смирдина по 5 рублей экземплярѣ.

С М Ъ С Ъ.

— Исчислено, что для снабженія всѣхъ литературныхъ Газетъ и Журналовъ, издающихся изъ нынѣшней годъ въ Москвѣ и Петербургѣ, стихопвореніями, потребно, чтобы Русскіе Поэты написали въ продолженіе сего 1831 года до *тысячи семи сотъ* лирическихъ произведеній. Въ этомъ расчетѣ полагается по *одному* только стихопворенію на Но Журнала, между пѣмъ какъ во многихъ помещается по два, по три стихопворенія и болѣе. Въ сіе число не входятъ еще Альманахи, имѣющіе появиться въ нынѣшнемъ году и къ Январю 1832 года, для коихъ стихопворенія также должны быть приготовлены въ семъ же году. Если предположимъ, что изъ вышеозначенныхъ 1700 стихопвореній будетъ дурныхъ только 1500, то все можно ожидать до 200 хорошихъ.

— N^o послалъ одному знакомому экземпляръ *своего* сочиненія при слѣдующей запискѣ: „... будьте бережливыѣ, и, если можно, возвратите часа черезъ три.“ Въ назначенное время книга съ *неразрѣзанными* листами была доставлена обратно съ такимъ отвѣтомъ: „Исполняю вашу просьбу и благодарю за книгу, которая весьма занимательна до послѣдней строки.“

— „Переставьте писать злыя сипатейки: онѣ многимъ не нравятся.“ — сказала одна дама нѣкоторому сатирику. „Именно, сударыня“ — отвѣчалъ сей слѣдній: „не нравятся пѣмъ, которые смотряются въ зеркало не для того, чтобы спиравъ съ себя пышна.“

Шарада въ прош. Но значить: Théâtre.

С H A R A D E.

Terre féconde en fruits, la riante Italie.

Dans ses champs fortunés voit couler mon premier.
L'astre brillant du jour nous paraît mon dernier,
Quand par d'épais brouillards sa face est obscurcie.
Une ville de guerre eut toujours mon entier,
Par où plus d'un héros a fait mainte sortie.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакины и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, надписывая на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурия.*

№ 5.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 12 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Въ Субботу, 17 сего Января, происходило на Волковскомъ кладбищѣ погребеніе тѣла незабвеннаго нашего Поэта *Барона Антона Антоновича Дельвига*. Многіе изъ находящихся въ Пенсербургѣ Литераторовъ присутствовали при этомъ горестномъ обрядѣ. Изъясняясь въ семь случаевъ выраженіемъ *многіе*, мы ощущаемъ особенное сожалѣніе, соединенное съ какимъ-то душевнымъ негодованіемъ, что не можемъ сказать *всл*. Но къ сугубому нашему *сему* сожалѣнію, мы должны сказать, что въ числѣ Литераторовъ, бывшихъ при погребеніи тѣла Барона Дельвига, не было нѣсколькихъ изъ тѣхъ, которые имѣли литературическую распри съ покойнымъ, и для которыхъ одна только *тяжелая* болѣзнь могла-бы служить въ семь случаевъ достаточнымъ извиненіемъ. Неужели духъ литературной личности сильнѣе самаго чувства Религіи?.. Изъ уваженія къ самимъ себѣ, мы не хотимъ распространяться объ этомъ обстоятельстве, хотя весьма чувствуемъ всю непримечательность онаго. Если Литераторы не хотѣли отдать послѣдній долгъ своему собрату, то мы уже считаемъ лишнимъ замѣнить, что многимъ и изъ *постороннихъ* подлежало-бы почтить память человека, украсившаго дарованіемъ своимъ Отечественную Словесность, и имѣвшаго истинно *питиетическую* душу, которая, къ сожалѣнію, видна не во всѣхъ питомцахъ Музъ. Слава Писателя принадлежитъ не одному только его отечеству, но всей просвѣщенной Европѣ; и имя его, какъ примѣчательнаго человека, дѣлается собственностью Исторіи. Во Франціи, Германіи и Англии, въ подобныхъ случаяхъ, спешаешься многочисленная публика: скажемъ откровенно, что въ нашемъ отечествѣ менѣе уважается слава Писателя. Въ одномъ изъ Французскихъ Журналовъ прошедшаго года напечатана статья, содержащая въ себѣ описаніе погребенія Парни. Не только *всл*, находившіеся тогда въ Парижѣ Литераторы, но многіе изъ неприслужающихъ къ Литературѣ особъ, и даже болѣе *ста* дамъ и дѣвицъ высшаго общесства, вовсе незнавшихъ лично Поэта, единственно изъ уваженія къ дарованію его, почтили присутствіемъ своимъ память покойнаго.

Барону Дельвигу многимъ обязана наша Словесность. По своимъ произведеніямъ онъ состоитъ въ *первольт десятиль* Русскихъ Поэтовъ. Излишне упоминать, что наша Словесность, имѣвшая на него многія утѣшительныя надежды, понесла съ кончиною его весьма чувствительную утрату: ибо онъ совершилъ земное поприще свое въ цвѣтущемъ еще возрастѣ. Сколько-бы еще прекраснаго произвелъ онъ!.. Наши соотечественники, которымъ онъ доставилъ большое удовольствіе прелестнымъ дарованіемъ своимъ, вѣроятно, некрепко пожалѣютъ о ранней кончинѣ его: *Писни* его надолго останутся образцами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіе времени и *Гекзалетръ*, на который онъ обращалъ преимущественное вниманіе, получилъ-бы въ нашемъ языкѣ возможное совершенство.

Но Дельвига не стало! — Просвѣщенные соотечественники! Пожалѣемъ о потерѣ человека, обладавшаго и прекраснымъ талантомъ и превосходными душевными свойствами. Вѣроятно, каждый изъ васъ, услышавъ о преждевременной смерти Поэта, посвятивъ сердечный вздохъ въ воспоминаніе о немъ! —

Бестужевъ-Рюминъ.

17 Января, 1831 года.

ВОТЪ-ТЕ и ЖЕНИХИ!

(Сцена изъ свѣтской жизни.)

Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какалъ прибылъ вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудить?

Грибодовъ.

Семь часовъ. Г. и Г-жа Прожекшова, двѣ перерѣлыя ихъ дочки, Софи и Полина, мадамъ Куку, гувернаншка сихъ прекрасныхъ барышень и пара болонокъ сидятъ въ попыхахъ, и если не дремлютъ оупъ занимательныхъ разговоровъ, то по крайней мѣрѣ сидятъ такъ шпхо, что можно было-бы слышать полетъ мухи.

Если позволите, почтеннѣйшіе читатели и читательницы, сдѣлайте маленькое отступленіе, или, если вамъ самимъ угодно узнать по-подробнѣе о семь семействѣ, то я имѣю честь доложить вамъ, что Г. Прожекшовъ и его дражайшая половина супъ помѣщикъ и помѣщица З. Губернін, владыющія сорока не съ большимъ понцими душами. Люди они расчетливые, и пріѣхали въ Москву единственню лишь для составленія счастья какихъ нибудь богатыхъ смертныхъ, своимъ прелестными, по словамъ ихъ, дочками. Они по довольно. Дальнѣйшія подробности не пужны И такъ продолжаемъ:

Хозяинъ Ефимъ Захаровичъ наконецъ прервалъ молчаніе.

„Да скоро-ли, матушка, Варвара Карповна (имя его супруги), прикажешь подать свѣчки? — Я думаю, что ужь часъ восьмой: кто нибудь пріѣдетъ.“

„Пріѣдетъ? Слава Богу! отвѣчала она: нѣтъ, сударь, эти приемы ужь мнѣ наконецъ надоѣли: сколько вышло свѣчь съ того времени, какъ мы сюда пріѣхали! Сколько сахара, чаю! А все для чего? Сами не знаемъ! — Соношка и Полина все еще на нашихъ шеяхъ! Впрочемъ, чего добраго! Сафи! скажи этому мерзавцу, Яшкѣ, чтобъ онъ сходилъ взять свѣчь. Постой! Четыре на фунтъ!“

„Помилуй, матушка“ — выспѣлъ глухой звукъ изъ темнаго угла комнаты: „съ ума что-ли ты сошла?

Четыре на фунтъ! Гмъ! Довольно и шестерку: вѣдь намъ не золотомъ пить.“

„И въ самомъ дѣлѣ . . . да нѣтъ, будетъ замѣтно: очень тонки“

„Тонки? а поминишь-ли, претяго дня, Лука Панпелеевичъ, въ госпяхъ-то проповѣдывалъ, что продаются какія-то свѣчки: не то, чтобы восковыя, не то, чтобы салныя, а изъ какой-то **ОПОЗИЦИИ**. Такъ вотъ мы и вышли сухи изъ воды; если посмотрятъ по-приспальнѣе, такъ и спанемъ увѣрять, что это не простыя, а именно тѣ, о которыхъ говорилъ Лука Панпелеевичъ: ну, и подумаюпъ, что свѣчки съ **ОПОЗИЦІЕЙ** всегда бываютъ такія тонкія.“

„Умень-же ты! Вотъ, какъ похлопотать о женихахъ дочкамъ-то, такъ его нѣтъ; а толковать о свѣчкахъ, готовъ хопъ цѣлый вѣкъ. Мадамъ Куку! что высѣкли-ли Акульку, какъ я приказала? . . . беснѣя, не умѣла пришилить платка Соношкѣ, каналья“

„Да, сударинь, Варваръ Карповичъ, мой высѣкъ его ошечь карошъ: оупъ теперъ болна.“

„Ну, спасибо такъ ихъ и надо учить!“

Здѣсь прекратился благочестивый разговоръ хозяйки съ наставницею дочерей. Въ засаленомъ сюрпукѣ, нечесанный, явился со свѣчками Яшка. Барышни и ихъ достойная надзирательница, ибо наставницей она быть, кажется, не могла, судя по степени умственной организаціи, отправились поправлять волосы свои, и придашь *немножко* бѣлизны и румянца своимъ прекраснымъ личикамъ, въ ожиданіи гостей; хозяйинъ, надѣвъ очки, началъ читать газеты; а главное лице въ домѣ, т. е. Варвара Карповна, надѣвъ новый чепчикъ и не знаю еще что-то такое, уложивъ подлѣ себя на диванѣ предметы своей нѣжности, т. е. двухъ болонокъ, взяла читать свою единственную въ мірѣ книгу: *Таинства Удольскія*, поминупно поглаживая то ту, то другую собаченку.

Вдругъ звонъ колокольчика прервалъ ея чтеніе. Пронзительнымъ голосомъ закричала она: „Яшка! кто шамъ?“

„Г. Деньгинъ, сударыня“ — отвѣчалъ Яшка.

„Деньгинъ? — Бѣги, встрѣчай его! Это не дури,

что онъ къ намъ спалъ часто ѣздить. Человѣкъ онъ не бѣдный, родство хорошее, да можетъ быть будеть еще богаче, если это вѣрно, что плябу выигралъ. Славный кусочикъ! а какой скромникъ! чудо! ужъ не лзя бы лучше сыскапъ женишка для Поли.— Ефимъ Захаровичъ? слышите-ли: Павелъ Анкудиновичъ прѣхалъ!“

„Слышу, Вар. Кар., милости просимъ.“

„Да брось-же чинашь эту дрянь-по; поди пожалуйста одѣнься.“

„Сей часъ, матушка, Вар. Кар., сей часъ“ — и покорный супругъ пошелъ исполнить волю своей дражайшей половины.

„Помилуйте, батюшка, Павелъ Анкудиновичъ, что это вы заирпали, ужъ къ намъ и дороги нѣтъ; сколько времени мы васъ не видали!“ — говорила Вар. Кар. входящему гостю, молодому челоуку, лишь двадцати пяти.

„Виновать-съ: хлопоты по домашнимъ обстоятельствомъ и нездоровье удержали меня; но мнѣ всегда пріятно быть у васъ. Ваши ласки а Ефимъ Захаровичъ?“ —

„Онъ сей часъ придетъ. Сдѣлайте одолженіе, садитесь.“

„Благодарю покорно. Какая у насъ стоить служба.“

„Ахъ, почтеннѣйшій! Здоровы-ли вы?“ привѣтствовалъ гостя хозяинъ: „какъ поживаете? Скажите пожалуйста, я слышалъ, что пляба ваша . . .“

„Да, слава Богу, наконецъ выиграна: теперь наше состояніе совершенно поправится. Я писалъ объ этомъ батюшкѣ.“

„Да, это его очень обрадуетъ“ — сказалъ Еф. Зах. — и радостная улыбка показалась на лицѣ его.

„Куда-же вы? Помилуйте! Не успѣли придти? Что это вы, Пав. Анк.?“ вскричала Вар. Карповна.

„Мнѣ нельзя долѣе быть у васъ“ — отвѣчалъ Денъгпъ: „нужно еще съѣздить кой-куда; я заѣхалъ къ вамъ проститься. Я еду завтра или послѣ завтра къ батюшкѣ. Онъ очень старъ. Мнѣ непременно надобно быть подлѣ него.“

„А когда жъ назадъ?“

„Богъ знаетъ: мнѣ-бы не хотѣлось возвратиться.“

„Прощайте; но вы еще заѣдете проститься?“ сказали другимъ пономъ хозяева.

„Можетъ быть.“

Денъгпъ откланялся, а Вар. Кар., проводивъ его почти до дверей, ворчала про себя, возвращаясь въ гостиную: — „За чѣмъ этотъ дуракъ ѣздитъ сюда? Право, сама не знаю: все пороги обилъ. Въ деревню! экая ушѣха! я говорила, что“

„Мама! Гдѣ жъ Пав. Анк.?“ спросили, вбѣжавъ разряженные въ пухъ барышни. „Неужели уѣхалъ?“

„Такъ чтожъ за бѣда? И очень хорошо сдѣлалъ, что уѣхалъ!“ отвѣчала съ сердцемъ родительница. „Ему пріятнѣе жить въ деревнѣ съ волками, чѣмъ здѣсь съ людьми. Женись пожалуй хоть на крестьянской дѣвкѣ.“

„А мы какъ поропились съ Софій“ — произнесла какимъ-то заунывнымъ голосомъ Палагелъ Ефимовна: „если-бы знали . . .“

„Ну, подите въ свою компану, дѣти“ — сказала Вар. Кар.: „теперь вы здѣсь не нужны. Этотъ дуракъ перервалъ меня на самомъ занимательномъ мѣстѣ своимъ прѣздомъ. Проститесь! большая нужда! — Мими, Жужу!“ —

И все пришло въ прежнее положеніе.

Яшка принялся тушить свѣчи въ залѣ, полагая, что уже кончились посѣщенія. Вар. Кар., думая о томъ, теперь, кажись, что-то очень не въ духъ: вѣрно велико отказывать всѣмъ. Ошибся Яшка въ расчетѣ. Колокольчикъ звенитъ — и Графъ Миловидинъ призываетъ доложить о себѣ.

„Кто?“ закричала, съ сердцемъ, упоенная Таипспвами Вар. Карповна. „Кто прѣхалъ?“

„Гр. Миловидинъ, сударыня.“

„Миловидинъ? Еф. Зах., Еф. Зах! Выдь, душа моя! Яшка! Позови барышню! Болванъ, бѣги скорѣ! Зажигай свѣчи! Дуракъ, проси Сидора Сидоровича въ залъ! Ахъ, какое счастье!“

„Вѣчно, вѣчно нахожу я васъ за книгой, Вар. Кар.“ — сказалъ ловкій, молодой гусарскій Офицеръ, войдя въ гостиную. — „Извините, сдѣлайте одолженіе, если я васъ обеспокоилъ?“

„Помилуйте, такой дорогой гость, какъ вы!“

„Щеголяетъ Сидоръ Сидор., да и только“ — сказалъ Еф. Захаровичъ. „Посмотри, манушка, Вар Кар. Что за мундиръ! весь въ духахъ! ужь не“

„Договаривайше, договаривайше, Еф. Захаровичъ: ужь не женились-ли, не правдали? Если вы хотѣли сказать это, то и я вамъ скажу, что не ошиблись: я женось, поздравьте меня.“

„Какъ!“ воскликнули оба супруга — и досадная конвульсія изобразилась на лицѣ Вар. Кар.: — вы женились?“

„Да-съ, — и скоро: я буду имѣть удовольствіе, если вы позволите, оирекомендовать вамъ невесту мою. Вы увидите, что это ангелъ: молода, добра, мила собой, и что всего лучше — богача.“

„Я желаю вамъ“ сказала удушливымъ голосомъ Вар. Кар., и больше не могла продолжать. Наконецъ, оправясь немного, сказала: „Смотрите, не ошибитесь; богатство, молодость и самая добродѣтель не всегда приносятъ счастье! . . .“

Шумъ шаговъ по залѣ прекратилъ сей непріятный разговоръ. Софя и Полина вошли въ гостиную и — право, другой подумалъ-бы, что съ ними сдѣлался судорожный припадокъ: такъ жеманно и выученно присѣли они предъ госпиемъ. Молодой гусаръ поклонился имъ со всею воинскою ловкостію и — хотѣлъ было продолжать прерванный разговоръ; но Вар. Кар., желая избѣгнуть пресупсвѣя Миловидина, который не только за рѣшительное намѣреніе, но даже и за помысленіе жениться не на ея дочери, сдѣлался-бы ненавистнымъ, — употребила хитрость, чтобы отъ него отдѣлаться. „Ахъ, любезнѣйшій Сид. Сидор., сказала она: вы всегда прѣдете на минуточку или . . .“

„Не изволите-ли куда ѣхать? Виноватъ: я самый недогадливый человекъ“ — сказалъ Миловидинъ.

„Да, ужь если такъ, то скажу правду: мы сегодня опозваны на вечеръ; но прѣхавъ завтра обѣдать, вы докажете, что на насъ не сердитесь.“

„Не знаю, завтра могу-ли быть у васъ: я обѣдаю теперь почти всегда у невесты; но въ другой разъ я вашъ гость“ — и Миловидинъ уѣхалъ.

„Нѣтъ!“ вскричала Вар. Кар.: „полно! имѣй надежду! заботься о счастлихъ дочерей! (догтерляхъ.) Ступайте! (мужу.) Это все ты, злодѣй: не умѣлъ заманить! Не хотѣлъ счастлихъ дочерямъ: пивол скупосень. Яшка! Яшка! впередъ, если Миловидинъ прѣдетъ, говори всегда: нѣтъ никого дома! Если-же забудешь, засѣку! Охъ, душно!“ — и съ симъ словомъ занимабельнѣйшая въ мірѣ книга: *Таинства Удольфскіа*, перешла со стола въ руки Вар. Кар., и съ свиспомъ полетѣла изъ цнхъ, мимо ушей мужа, въ невнѣшныя жертвы ея гнѣва: въ болонокъ.

О. Дельцовъ.

Къ N°.

Ты правъ: меня легко забыть!
Я, въ обществѣ всегда урюмый,
Спиратюсь пламенныя думы
Отъ взоровъ глупосли сокрышь.
Но ты, архивами снабженный,
Оглушишь всѣхъ, едва войдѣшь,
И книжной пылью оягченныи,
Въ глазахъ невѣжества блесншь
Всякъ долго постъ сохранитъ
Твой пельпыя слова;
Твой вздоръ, досужная молва,
Шумы, по спонамъ развѣваетъ.

Балла.

Н Е К Р О Л О Г І Я .

Въ Пятицѣ, 16-го сего Января, скончался въ Санктпетербургѣ отъ апоплексическаго удара извѣстный Баснописецъ, Статскій Совѣтникъ *Александръ Ефимовичъ Измайловъ*.

Шарада въ прощ. Но значить: Pó-terre.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, надписываемая на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурия.*

№ 6.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города рубл. 42

1851, 14 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ГРУППА

Польскихъ Страстующихъ Актеровъ

въ Г. К. — въ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ.)

До Г. К. — ва я ѣхалъ безъ остановкѣ; но здѣсь, на станціи, мнѣ сказали: *Sta viator!* извольте ожидать, покуда очистится мѣста въ карантинъ. Ничего было дѣлать: я нанялъ себѣ небольшую квартиру и того же дня переѣхалъ на новоселье. Не имѣя ни души знакомой въ городъ, первые два дни я провелъ очень скучно. Хозяинъ, видя мое горе, часно навѣщала меня, воображая, по добротѣ своей, что бесѣда его можетъ быть для меня утѣшительна. Этого мало: онъ даже вызвался снабжать меня книгами, доставая оныя у своихъ благопріятелей. Благопріятели сіи были: купецъ, торгующій желѣзомъ въ ломъ и потребщикъ. Хозяинъ сдержалъ свое слово. Къ вечеру того же дня онъ принесъ мнѣ три книги: *Приключенія Неаполитанца*, романъ съ 30-тью выдраными въ серединѣ страницами; *Жизнь Пугачева* 2-ю часть; и *Брюсовъ* 200 лѣтній календарь. Но вы знаете Русскую пословицу: *на безлудьи и Ома дворникъ* — слѣдственно и *Приключенія Неаполитанца* и *легчайшій способъ отгадывать всякую загадку*, помѣщенную въ Брюсовомъ календарѣ, — поневолю казались мнѣ занимательными.

Однажды, вечеромъ, возвращаясь отъ Городничаго съ радостною вѣстью, что завтра будетъ пріемъ

въ карантинъ — встрѣтился я съ хозяиномъ на порогѣ своей комнаты.

„Не угодно-ли, ради скуки, посмотрѣть сего дня нашъ Театръ?“ сказалъ онъ.

— „Какъ! у васъ въ К. — въ и Театръ есть? Давно-ли?“ спросилъ я.

„Да чему вы такъ удивились? Развѣ у васъ не люди живутъ? У васъ иногда бывають и Генералы и Полковники! Вонъ извольте прочесть афишку, такъ сами увидите, какія Комедіи у насъ представляются.“

Сказавъ сіе, онъ подаль мнѣ замаранный листъ бумаги, развернувъ который я прочелъ слово въ слово слѣдующее:

„Съ дозволенія Начальства Сего дня Компанія Польскихъ Актеровъ будетъ имѣть честь представить комедію въ 1-мъ дѣйствіи *Подмазаникъ*

Милая Встрѣча

или

Гдѣ наши мужья ходятъ.

Почему (въропшо они хотѣли сказать за оную) послѣдуютъ комедіи *Опера* въ 1-мъ дѣйствіи *подмазаникъ*

Перемена Женъ

или

Лучша своя хуже

Цѣна мѣстамъ 1-е „ „ „ „ „ „ „ „ 2 руб.

2-е „ „ „ „ „ „ „ „ 1 руб.

Мѣсто *Тьатра* въ долѣ Купца Поросенкова.Начало *Тьатру* въ 6-мъ часовѣ.

Какое любопытство не подстрекнется подобною афишкою?

Ровно въ 6 часовъ, я, и еще двое проезжихъ молодыхъ людей, съ которыми я познакомился въ К — въ, отправились въ Театръ. Долго странствовали мы по грязнымъ К — мъ улицамъ, *вопросила* каждого встрѣчнаго и поперечнаго о Театрѣ и домѣ Г. Поросенкова; но нашъ гласъ былъ гласомъ вопиющаго въ пустынь; да и кому была охота въ темный, дождливый осенній вечеръ быть нашимъ *гигерони*? Иные, по простотѣ своей, принимая всѣ наши вопросы за насмѣшку, отвѣчали намъ бранью. Не знаю, что бы мы дѣлали съ нашими театральными билетами, если бѣ одинъ добрый прохожій, сжался надъ нами, не взялся проводить насъ до дому Поросенкова. Пройдя нѣсколько переулковъ и закоулковъ, мы добрались наконецъ до цѣли нашего путешествія. Снопиримъ въ окна и не видимъ не только никакихъ приготовленій къ спектаклю, но даже ничего на то похожаго: вездѣ мракъ и тишина, хотя на городской башнѣ давно пробило 6 часовъ! Отворяемъ калитку, входимъ на дворъ и начинаемъ стучаться въ первыя попавшіяся двери; они со скрипомъ отворяются и, вмѣсто Театра, мы попадаемъ — въ чуланъ, заставленный кадками съ капустой. Не теряя бодрости, идемъ ощупью далѣе; снова стучимся, и снова двери отворяются — откуда выскакиваетъ испанскаго роста фигура въ образѣ женщины, съ сверкающими глазами и замаранная въ муку.

„Что вамъ здѣсь нужно?“ — спросило грознымъ тономъ сіе привидѣніе.

„Не здѣсь-ли Театръ, добрая старушка?“ спросили мы въ одинъ голосъ.

„Добрая старушка! Театръ! . . . Да вы смѣялись что-ли пришли надо мною? Что я за старуха? Ахъ ослабли? И какихъ Театровъ вамъ надо?“

Мы извинились передъ нею въ своей неумышленной ошибкѣ, и объяснили ей нашу горе, называя уже это привидѣніе *милой красавицей*.

„Такъ вы давно-бы сказали“ — подхватила она, немного смягчившись: „комедь-то представляютъ наверху; спускайте студа, вонъ по этой лѣстницѣ; тамъ городской покажетъ вамъ, куда войти.“

Сказавъ сіе, она скрылась, захлопнувъ за собою двери. Небольшой сальный огарокъ, бросавшій слабый свѣтъ на лѣстницу, былъ нашимъ малкомъ въ это время. Вскрабкавшись по крутой, узенькой лѣстницѣ, мы дѣйствительно увидѣли въ коридорѣ десятискаго съ мѣдиюю на груди бляхою. Онъ указалъ намъ на двери, а маленькая фигурка, въ какомъ-то спранномъ театральномъ костюмѣ, сверху котораго накинута была фризная шинель — отобрала у насъ билеты, рекомендуя и умоляя насъ быть снисходительными къ его роли, которая, по увѣренію его, была самая трудная. Мы догадались, что это былъ одинъ изъ членовъ сей странствующей *Компаніи* — и вошли въ Театръ.

Вообразите себѣ небольшую компанію, разгороженную на двое, одна половина которой служила для сцены, а другая партеромъ. Изъ полураспворенныхъ дверей другой комнаты торчало множество головъ съ бородами; на всѣхъ лицахъ выражалось нетерпѣніе и любопытство — это раекъ. Прибавьте къ этому разорванный запавъсъ, сквозь который видны были всѣ приготовленія къ предстоящей Комедіи — и вы будете имѣть совершенное понятіе о внутренности К — го Театра. Дикія завыванія на разныхъ голосахъ, исходяція изъ за кулисъ, щелканье орѣховъ, громкій смѣхъ и говоръ райка омушили насъ и напомнили лубочные балаганы подъ качелями, только въ худшемъ видѣ. Партеръ былъ уже наполненъ приказными и сидѣльцами. Толки объ опкупахъ, о пониженіи цѣны на лѣтъ (какъ главный К — ой продуктъ) и повышеніи цѣны, по случаю карантинновъ, на ишеничную муку — были общимъ предметомъ разговоровъ. Но вонъ вбѣгаетъ лакей, и, поднявъ безъ церемоніи запавъсъ, спрашиваетъ: „Ну, скоро-ли гонцово будетъ?“ — „Доложите Его Высокоблагородію, что все готово“ — отвѣчалъ изъ за кулисъ пенсенькой голосокъ. Лакей скрылся, и по прошествіи четверти часа, обѣ половинки дверей отворяются; вся публика привскапаетъ съ своихъ мѣстъ: входитъ Городничій, при звукѣ оркестра, состоящаго изъ скрипки, контрабаса и флейты, и начавшаго играть какую-то старинную мазурку.

Запахъ подплелъ и глубочайшая тишина воцарилась въ партеръ и райкъ. Выходящій высокая наружная фигура въ черномъ поношенномъ фракѣ, начиналъ размахивать руками, декламируя что-то съ жаромъ на Польскомъ языкѣ. За нимъ является и де-белая его супруга, которая, при костюмѣ своемъ, не пощадилъ ни бѣлилъ, ни румянъ. Дѣло все въ томъ, что Лѣкаръ Бергманъ подозреваетъ жену свою въ не-вѣрности, а она мужа, Сія послѣдняя, получивъ наконецъ самое ясное доказательство его измены — любовное письмо, написанное имъ одной дѣвицѣ, вмѣсто рецепта — рѣшается ему опмститься по своему. Она приглашаетъ бывшую свою соперницу, нынѣ имъ брошенную, уговариваетъ ее переодѣться въ мужское платье и отправляется вмѣстѣ съ нею въ бесѣдку. Мужъ, возвращаясь домой, узнаетъ, что жена въ саду, да и не одна, хватается шпату и въ изступленіи, уронивъ кулису и нѣсколько свѣчей, сползшихъ на сценѣ, — бѣжитъ въ садъ; устремляется на мнимого любовника жены своей — и узнаетъ въ немъ прежнюю свою знакомку.

Въ раскаяніи, что обидѣлъ подозрѣиємъ невинную жену, онъ бросается передъ нею на колѣни съ такимъ чувствомъ или лучше сказать фарсомъ, что всѣ подмостки затрещали на сценѣ, а бунылка, сползшая съ квасомъ, который онъ называлъ самымъ лучшимъ *обронжовымъ венгерскимъ*, полетѣла со сцены къ ногамъ зрителей, обвиня капопъ у толстой купчихи. Публика, по крайней мѣрѣ, большая часть оной, непонимавшая, вѣроятно, въ чемъ дѣло, наблюдала до сихъ поръ глубокое молчаніе; но дикою громогласный басъ Г. Ч. — и стукъ упавшей кулисы — вывели ее какъ-бы изъ усыпленія — и громкія рукоплесканія были наградою Г. Лѣкарю Бергману за его чувствительную игру.

Сюжетъ второй пѣсы состоялъ въ томъ, что два сосѣда, шляхтичи, паскуча переносили брань и побои отъ своихъ женъ, вздумали помѣниться своими сожителями, и на то просили позволенія помѣщика, на чемъ *грунтъ* жили они. Тотъ, желая надъ ними позабавиться, даетъ разрѣшеніе. Не прошло и дня, какъ они оба увидѣли, что попали изъ огня въ полмя. Чтобы поправить дѣло, они снова обратились къ помѣщику съ повинными головами, который, припавъ къ рассерженнымъ, немедленно велѣлъ имъ оставить его

владѣнія, и путь-же подаетъ имъ письменное объ этомъ приказаніе. Они смотрятъ на бумагу, и, вмѣстѣ изгнавъ, видятъ, что это дарственная записка на землю и дома, за которые они платили *гитиш* помѣщику. Онъ дарилъ имъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они, помирясь со своими женами, жили-бы тихо, не смѣя дѣлать впередъ подобной мѣны. Тутъ произошла трогательная сцена: громкая благодарность съ колѣнопреклоненіемъ была изъявлена кваршетомъ охрипыхъ голосовъ. Ее съ важностью принималъ тотъ самый Актеръ, который въ свѣяхъ насъ умиривалъ о происхожденіи, дрожа отъ холода. Что вамъ сказать объ игрѣ прочихъ Актеровъ? Они такъ-же, какъ и въ первой пѣсѣ, отъ избытка чувствъ стучали ногами, роняли кулисы и тушили свѣчи. А пѣли! Объ этомъ и говорить нѣчего: было чего послушать. Только варвары музыканты, какъ-бы сговорившись, драли на разспирой акомпаниментъ съ такою силою, что во время одного дуэта лопнула у скрипки квинта, къ великой досадѣ поющихъ и къ удовольствію публики, которая забавлялась замѣшательствомъ *любowników*, пока наплевывали квинту. Изъ всей труппы одна только 13-шя лѣшля дѣвица, Л—ая, своею натуральною игрою, пѣніемъ, и необыкновенною по ея лѣпамъ развязностью, доставила *нѣкоторымъ* истинное удовольствіе; всѣмъ-же угодить она не могла: ибо не умѣла кричать во все горло, не топала и мало размахивала руками, какъ на пр. Г. Ч — й, который, казалось, былъ любимцемъ партера и райка, обладалъ вышеперечисленными качествами, и въ особенности громогласнымъ басомъ.

По окончаніи *спектакля*, Г. Ч — й, антрепренеръ сей труппы, выйдя на аванъ-сцену, объявилъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени труппа Польскихъ Актеровъ будетъ имѣть честь дать: *УКРАИНСКУЮ ДѢВИЦУ*, большую Оперу съ танцами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Любопытно было посмотреть сей великолѣпный спектакль, на сценѣ, длиною въ чепыре шага съ половиною, — чего мнѣ, однако жъ, по-случаю скорого выѣзда моего изъ К — ва, не удалось.

Пахомъ Дроблювъ.

У П Р Е К Ъ.

Что ты, вѣтренная Лиля,
 Обобравъ въ поляхъ пивники,
 Ихъ бросаешь въ ручейки,
 Чтобъ струя ихъ уносила?
 Или вѣрлешь вѣтеркамъ
 Легкій пухъ, чтобъ онъ, ласая
 Надъ дубравой по холмамъ,
 И кружась, и исчезая,
 Былъ забавой спранный намъ?
 Или ты хочешь намъ идею
 Дать о легкости вещей?
 Лиля! Лиля! я красиво
 Передъ взорами друзей!
 Ты такъ быстро, такъ игриво,
 Съ спрашною пажбой, съ спрашною льстивою,
 Ищешь жерпвь любви своей....
 Такъ легко и такъ коварно
 Ты душой неблагодарной
 Забываешь вѣрность словъ....
 Но повѣрь хоть дружбѣ, Лиля:
 Вещи ты не находишь
 Легче, чѣмъ твоя любовь

Карлеофъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

5. *Замыганія Степана Руссова на II-й томъ Исторіи Русскаго Народа, сочиненной Николаемъ Полевымъ.* С. п. бургъ, въ Тип. Штаба Отдѣльнаго Корп. Внутр. Спр. 1850. Въ 8. (64 спир.)

Чтобы имѣть удовлетворительное понятіе о достоинствѣ Исторіи Русскаго Народа, Г. Полеваго, уважающей, по мнѣнію *всѣхъ* нашихъ Журналовъ (Н. В. исключая *Свертнутой Пчелы*), Литературу Русскаго Народа, — надобно прочесть сіи *Замыганія*, Г. Руссова, одобряемая также почти *всѣми* Журналами Русскаго Народа, исключая — *Московскій Телеграфъ*. Г. Руссовъ предположилъ, повидимому, на каждый томъ упомянутой Исторіи, издавать по небольшому томику замѣчаній своихъ, — хотя, если говорить по

совѣсти; могъ-бы безгрѣшно распространить оныя, и сравниться въ *типографской дородности* съ наблюдаемымъ предметомъ, имѣющимъ для историческаго Критика весьма обильную пищу. Для такого подвига надлежало-бы только имѣть соотвѣтственное перьяне, недостаетокъ коего въ Г. Руссовѣ замѣненъ благородною любовію къ отечественной Исторіи, некажасмой Издателемъ Московскаго Телеграфа по очевиднымъ и просинымъ причинамъ: по его спрашнѣ и даже непонятной самонадѣянности, по его крайне ограниченнымъ свѣдѣніямъ и по многимъ другимъ общепонимаемымъ, рѣшительно доказывающимъ, что онъ взялся совершенно не за свое дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, одна только мысль, что Г. Полевой пишетъ Исторію Русскаго Народа, засмѣиваетъ невольнаго разсмѣяться: Императоръ, немогущій написать посредственно сказки, вздумалъ написать — Исторію! Императоръ, проза котораго едва-ли не влѣе и не неправильнѣе прозы *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, вообразилъ, что онъ выше — Карамзина! —

С М Ъ С Б.

Нѣкто, вырѣзывая встрѣчавшіеся ему въ печатномъ выписки и эниграфы изъ *Горл отъ ула*, собиралъ лоскутки по порядку, въ которомъ находились они въ Комедіи. Свѣривъ ихъ съ имѣющимся у него спискомъ, онъ удостоверился, что ему надобно еще найти только 128 стиховъ, чтобы составить *негативный* экземпляръ означенной Комедіи.

О Б ъ Я В Л Е Н І Е.

Издатель Свѣ. Меркурія симъ извѣщаетъ, что по поспуающимъ пребываніямъ опъ иногородныхъ сеобъ, подписывавшихся на С. М. въ 1850 году, и подписывающихся на изданіе 1851 года, — *первые* томы С. М., содержащіе въ себѣ первые 78 NN сей Газеты, особо переплетенные, высылаются къ нимъ съ первою почтою. *Вторые-же* томы будутъ къ нимъ отправлены немедленно по выходѣ послѣдняго (157) No С. М. за 1850-й годъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, надписывал на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурия.*

№ 7.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *веленовой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 16 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

ПРИВИДѢНІЕ.

(Анекдотъ.)

Въ то скучное время, когда въ Петербургъ ничего другаго не было слышно, кромѣ разговоровъ о Хомерѣ, конюралъ, всѣхъ ужасая, всѣмъ жестоко и надѣвля, — въ домъ почтенной и милой Госпожи N****, какъ и во многихъ другихъ, былъ установленъ шпрафъ, ко-
сму подвергался всякій, кто только начиналъ говорить о семъ неспособномъ предметѣ. Шпрафъ сей достигалъ до двадцати пяти рублей: сумма довольно значительная, которую, впрочемъ, употребляли на пожертвованія. Однажды, когда у М-ше N**** было обыкновенное ея чепверговое общество, молоденькій, довольно непричесный бронецъ, Агаповъ, вздумалъ, забывъ уго-
воръ, заговорить объ универсальномъ предметѣ: и вопль на него полился, (выражаясь словами И. П. Греча,) Ниагарскій водопадъ упрекомъ и принизаніемъ на шпрафъ; но хватъ въ карманахъ, аиъ книжничекъ остался дома, а кошелекъ почти пустъ: червончикъ, который тамъ лежалъ за часъ предъ симъ дружно съ гривенничками и съ пятакками, спущенъ за дамскою партією у Книжкини Вислиной. Какъ быть? — Дѣло передано въ дамскій Аренагъ, и рѣшено, чтобы М-снъ Agatoffъ рассказалъ какой нибудь Анекдотъ, en attendant, что онъ заплатитъ деньги. Эпо для него было труднѣе того, чтобы плашину шпрафъ ходячесо монетною; но, собравшись съ духомъ, онъ вынулъ изъ кармана

смятый листъ почтовой бумаги. „Вопль, сказалъ онъ, цѣлая маленькая повѣсть, которую описываетъ мнѣ въ письмѣ своемъ мой пріятель Ленинъ изъ деревни. Отъ нѣчего дѣлать онъ каждую почту надѣляетъ меня подобными письмами, и сегодня доставилъ шпкой анекдотецъ, который я могу предложить обществу для прочтенія. Предложеніе сіе принято было à l'unanime, и началось чтеніе. Всѣ придвинули стулья, закашляли, засморкались, запаркали, и черезъ нѣсколько минутъ воцарилась мертвая тишина въ гостиной. Агаповъ читалъ слѣдующее:

„Воспитанный въ Москвѣ блококаменной у спарушки пестушки, я принялъ нѣсколько изъ ея предразсудковъ. Гусарская жизнь и вихрь свѣта не помогли мнѣ искоренить нѣкоторыхъ изъ оныхъ, между коими болзнь къ мертвецамъ была для меня самымъ неспособнымъ, нѣмъ болѣе, что перѣдко я подвергался весьма колкимъ насмѣшкамъ многихъ изъ моихъ товарищей; дамы также подшучивали надо мною; но я все таки не могъ оставитъ эпою слабости. Последнюю Турецкую кампанію я продолжалъ очень счастливо: сабля за храбрость и Георгій 4-ой степени украшали меня; но разъ, какъ-то ночью, при осадѣ Силестринъ, послѣ жестокой стычки съ непріятелемъ, я спалъ спокойно, склоня голову на вальтрапъ, брошенный на правую мою сторону. Вдругъ слышу хрипѣніе у самыхъ ушей моихъ; сонъ воина чутокъ: я просыпаюсь, и при бѣдномъ мѣсячномъ свѣтѣ разсматриваю, что вальтрапъ мой лежитъ на странномъ съ списнутыми

зубами трупъ, изо рта котораго клубилась кровь и пѣна, а глаза выплыли. Волосы у меня спали дыбомъ, когда я въ мертвецъ узналъ Вахиспиръ Исаева, самаго удалаго рубаку изъ цѣлаго эскадрона, сраженнаго Турецкимъ ядромъ, и умирающаго подо мною. Я сдвинулъ ему грудь; онъ хрипѣлъ, и вопль послѣдняя борьба жизни съ смертію страшно изобразилась на его изкривленномъ конвульсіями ртѣ. Его списнутые зубы, его померклые, своропыбіиіеся глаза, казалось, грозили мнѣ. Я бросился бѣжать, куда глаза глядятъ, и на утро наши меня безъ чувствъ у папашки Подковника. Жесточайшая горячка заставила меня остановиться на пути славы и оснаться въ госпиталь, откуда, по выздоровленіи, переславъ я былъ къ родственникамъ въ Москву, Слишкомъ плохо поправляясь въ моемъ здоровьѣ, не смотря на искусственныя въ Москвѣ воды, я подавъ въ отставку, и вопъ живу себя преспокойно, по въ городъ, по въ деревнѣ, и ужь, мѣсяцевъ шесть, какъ совершенно освободился отъ моей болзни къ мертвецамъ. Хочешь-ли знать, какъ это случилось? Имѣя нужду побываць у одного изъ моихъ пріятелей, живущаго на Пречистенкѣ, въ томъ огромномъ угловомъ каменномъ домѣ, гдѣ мы съ тобой нѣкъ часто веселились у доброй Графини N*, — я отправился къ нему, Иду на лѣстницу, красивую, мраморную, и на первой площадкѣ вижу молодаго челоуѣка въ венгеркѣ, въ бѣлой Кавалергардской фуражкѣ, въ сѣрыхъ рейтузахъ съ красными лампасами, и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Онъ переважно покручивалъ свои черненькіе усники; но вся фигурка его носила какой-то лакейскій отпечатокъ. Иду выше, сворачиваю въ длинный, предлинный, тѣсный прѣтѣсный коридоръ, и — сбояніе мое вдругъ поражено чрезвычайнымъ запахомъ ладона. Вѣрно здѣсь покойникъ, подумалъ я, вѣрно, о! страшное предчувствіе!..... Такъ (почно: вопъ брежжетъ свѣтъ сквозь стеклянную дверь; вопъ мелькаетъ чернѣй бархатный съ серебряными галунами подрясникъ дядька, читающаго псалтырь. Невольный пререпѣть пробѣжалъ по моимъ жиламъ; но глаза не могутъ отворачиваться отъ сей картины; ноги движутся; я приближаюсь болѣе и болѣе къ двери, которой не могу миновать.

„О, если бѣ я былъ близорукъ; но къ несчастію у ме-

ня чудесное зрѣніе; и вопъ я могу уже различить гробъ; и вопъ въ гробу покойникъ бѣдный, съ опущенными глазами, съ длинною сѣдою бородою, слегка прикрытый тонкимъ флеровымъ покрываломъ. Грудь моя волнуется; я самъ не свой: воображеніе живо представляетъ ужаснѣйшую картину. Боже мой! мертвецъ гонится за мной, Боже мой! онъ всталъ! онъ всталъ изъ гроба и съ огромнымъ шандаломъ въ мощной рукѣ плещется по коридору. Трепеща всеми членами, я бѣгу, куда глаза глядятъ; вдругъ что-то бѣлое на меня наподкнулось, и, взвизгнувъ, сильно дернуло меня за мой развѣвающійся плащъ. Конечно: это вѣрно привидѣніе; да, да, вопъ и бѣлое покрывало. Я падаю безъ чувствъ подлѣ мертвеца, который, запнувшись въ плащъ моемъ и споткнувшись о скользкую ступень, упалъ рядомъ со мною и громко кричитъ. Не знаю, что происходитъ около меня, только черезъ нѣскольکو минутъ-ли, часовъ-ли, дней-ли, право не вѣдаю, я вдругъ вижу себя при ясномъ свѣтѣ фонарей и свѣчекъ, которыя въ рукахъ у дворниковъ, лакеевъ, и служанокъ, выскочившихъ изъ своихъ угловъ. Вышеупомянутый-же францикъ съ лакейскою физиогноміей, крича: негодяй! подлецъ! сыпалъ на меня удары своего хлыста, конецъ котораго до крови разсѣкъ мнѣ щеку. Выведенный болью изъ безпамятства, я пришелъ въ себя; кровь гусарская разыгралась во мнѣ и черезъ секунду францикъ съ усиками лежалъ подо мною, и я въ свою очередь спелалъ хлыстомъ, вырваннымъ у него мною, по его курносой фигуркѣ. Насилу насъ разняли. Смотрю: ашагонпепту моему какая-то мильенькая субретка въ бѣломъ платьицѣ хопѣла, казалось, поцѣлуями залечивъ рану. — Все это дико и темно; но я объяснюсь въ короткихъ словахъ: пораженный жестокою мыслію, что мертвецъ отъ меня столь близокъ, я бѣжалъ, какъ сумасшедшій; но въ это время съ узкой лѣстницы третьяго этажа, на который долженъ я былъ подняться, выбѣжала молоденькая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, которую я и принялъ за мертвеца въ бѣломъ саванѣ. Я упалъ, и она упала и закричала: на крикъ приближалъ ея любовникъ, которому она, повидимому, назначила rendez-vous на лѣстницѣ, пользуясь тѣмъ временемъ, что у барыни сидѣлъ одинъ изъ ея пле-

милннчквоѣ. Боясь, какъ и я, покойниковъ, она рѣшилась однако же, для свиданія съ милымъ, пройди мимо коридора; столкнувшись же, со мною, она думала, что столкнулась съ самымъ едваного; а любезный ея, который былъ инкшо иной, какъ деньщикъ какого-то заѣзжаго въ Москву ремонтера, — думал, что другой, и къ тому жъ какой-то фрачникъ осмѣлился некапть пѣжностпей милой Пашеньки, счелъ за нужное наказать мою мннмую дерзость. Эшнптъ переворотъ прагнкомпческнй былъ причиною того, что я излечился ошъ болѣзни, столь странной.“

„Вопъ и вся испорія!“ сказалъ Агаповъ: „я оною очень доволенъ, ибо не долженъ былъ выдумывать самъ.“

Слушавшнѣ Агапова также оспались довольными этимъ Анекдотомъ и не напоминали болѣе ему о денежномъ шпрафѣ, который, по ихъ мнѣнню, былъ уже взысканъ.

Но будете-ли вы такъ снисходительны, читатели?..

Вл. Бурнашевъ.

КЪ МОЕЙ АРФЪ.

Товарищъ думъ и тайной скуки,
О арфа, другъ любимый мой!
Вопще твои живые звуки
Съ моей бесѣдуюпъ поской.

✱

Когда спрадалъ я, пнзывая
Среди заботъ и суеты,
Какъ часно горестъ усаждая,
Моей душой владела ты.

✱

И каждый звукъ твой, пѣсенъ хоры,
И пляска дѣвы молодой,
Мнѣ предспавляли передъ взоры
Предметъ для сердца дорогой.

✱

Когда подъ часъ въ улыбкѣ пнжной,
Мнѣ радость рокъ сулилъ въ удѣлѣ,
Тогда въ бесѣдѣ безмятежной
Друзьямъ я пѣсню простую пѣлъ.

✱

Когда опъ взоровъ улепала
Надежда милая порой,
Одна ты сердце врачевала
И плакалъ я въ пиши съ тобой.

О, мнѣ ль забыть благоговоренъ,
Твои, подруга лучшихъ дней?
Пусть я лишуся наслажденъ
Гармонн сладостной твоей;

✱

Но память прошлаго со мною:
Ее я въ сердце заключилъ,
Безсильный больше пыпъ съ тобою
Для той, кого боготворилъ.

✱

И нашъ союзъ не перервется,
Какъ вѣрный дружбы договоръ!
Когда жъ судьба мнѣ улыбнется
И вновь блеснетъ прелестный взоръ,

✱

Пусть смолкнетъ голосъ милой дѣвы,
И съ нимъ гармонн твоя;
Но долго струпъ злыхыхъ напѣвы
Въ раздумн буду слушать я!

Съ Англ. П. Др — съ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

6. *Разбойники*, Русская Баллада, и *Излптыщнца*, поэма; стихотворенн Петра П. Рябиннна. М., въ Тип. Лазаревыхъ, 1830. Въ 12. (16 стран.)

Новые *Разбойники* выскочили изъ Типографн Лазаревыхъ — но попались въ лавку Московскаго книгопродавца Логинова, откуда, разумеется, нмъ уже не вырваться на бѣлый свѣтъ. Г. Рябинннъ воспѣлъ ихъ похождения: по десятая муза измѣнила предпрннчивому Поэту. О *излптыщнца*!.. Бывъ обзаны пмѣнъ у себя всѣ вновь выходящня книги, мы получили экземпляръ и сей *Баллады-Поэмы-стихотворенн*; по съ первыхъ строкъ испугавшнсь ужасной безграмотности Г. Автора, препенущемо рукою бросили подъ столъ его творенн.

С М Ъ С Б.

Шутки.

La plaisanterie est une arme à deux pointes
et à deux tranchans.

Voiste.

То, что у насъ, на Руси, назвали бѣ забавникомъ, не значнптъ еще въ полной силѣ слова Французскнй *plaisant*. Не пошъ духъ, не шѣ оспроты. Вопъ вамъ два

Анекдота, ясно доказывающіе, что слова мои справедливы:

Одинъ изъ такъ называемыхъ *plaisans* въ Парижѣ, при представленіи какой-то слезопочивой Драмы изъ Театра Августа Коцебу, вздумалъ вдругъ явиться въ партнеръ съ толпою пріятелей, которыхъ хорошо уподчивалъ въ какой-то домъ, неподалеку отъ Театра находившемся. Въ ложахъ бѣльнись плапки, и всѣ громко сморкались, а многіе и плакали, чуть ли не рыдали. Вдругъ двадцать или тридцать зонпиковъ распустились и одинъ звучный голосъ вскрикнулъ: „Гсй, партнерные! берите пѣ же мѣры, а не то пойдетъ на насъ слезный дождь!..“ Плачь смѣнился хохотомъ; актеры одинъ рыдали сквозь смѣхъ; но вдругъ раздался свистъ, поддержанный цѣлымъ Театромъ: пѣса упала и болѣе не поднималась; а занавѣсъ для нея.

Какой-то Директоръ провинціальной спранспвующей труппы вольноупрактикующихся артистовъ, вздумалъ велѣнь Юппиеру, за цемѣніемъ механическаго орла, въ какомъ-то Мнѣологическомъ балетѣ, явиться съ Индѣйскимъ пѣтухомъ у ногъ своихъ. Испуганный свѣпомъ, дикарь захопалъ крыльями и влетѣлъ прямо въ Директорскую ложу, гдѣ сидѣлъ Г. Директоръ съ своею сожигельницею и чадами. Раздался смѣхъ; но оркестръ, перемѣнивъ музыку, заняръ старинную Французскую арію;

On peut on être mieux,
Qu'au sein de sa famille? [bis.]

Басковій.

Въ 6-мъ № С. М., на 28 стран., сказано, что проза Издателя Московскаго Телеграфа едва-ли не влѣе и не неправильнѣе прозы *Литературныхъ прибавленій къ Русскому Ивалиду*. Моженъ быть многіе изъ чинапателей осудили Крипика за такой рѣзкій и не совсемъ справедливый приговоръ, ибо вообще о Журналь сказапъ эшаго нельзя: легко можешъ быть, что, въ продолженіе года, въ *Лит. Приб. къ Рус. Инв.* будетъ помѣщено нѣсколько статей въ прозѣ, прина-

дежащихъ Писателямъ съ образованнымъ дарованіемъ. Сочинитель сшапъ, въ которой находится упомянутая фраза, поставленъ долгомъ довести до свѣдѣнія чинапателей С. М., что онъ въ этомъ случаѣ совершенно не виноватъ: въ рукописи его сказано было, что „проза Г. Полеваго едва-ли не влѣе и не неправильнѣе прозы *Издателя Лит. Приб. къ Рус. Инв.*“, но, по неосмотрительности корректора, слово *Издателя* пропущено, отъ чего фраза получила новое превратный смыслъ. Сочинитель означенной сшапъ, поспѣная исправить сію ошибку, находится въ полной увѣренности, что онъ *теперь* совершенно оправдать себя въ мнѣніи чинапателей своихъ, и *доказалъ* справедливость своего сужденія.

— Слишкомъ прямой Философъ, выслушавъ рассказъ пѣкоторой дѣвнцы, заключающій въ себѣ замѣчательное событіе въ ея жизни, и оконченный сію изъясненіемъ желанія, чтобы онъ, не употребивъ во зло ея довѣренности, которой она его удостоила, не рассказывалъ о томъ никому, — отвѣчалъ: „Для чего припворяться, сударыня! Все это завира-же вы сами расскажете не весьма короткому знакомому, потому, что женщины очень охотно открываютъ пѣ тайны, гдѣ онъ выказываются съ лучшей стороны, и искренность ихъ бываетъ часпіо изъ тщеславія.“

— „Я не желалъ-бы быть ученымъ: почпи каждый изъ нихъ *тлжель* въ обществѣ“ — сказалъ пѣкто. — „Теперь понятіо“ — возразилъ на сіе кто-то изъ присутствовавшихъ: „отъ чего вы имѣете такой *легкой* вѣсъ въ обществѣ.“

— Одинъ молодой человекъ рассказывалъ, что однажды онъ спорилъ до того съ своимъ пріятелемъ, что получилъ отъ него пощечину. — „Пощечину!“ воскликнулъ кто-то изъ слушающихъ: „она должна была имѣть худыя послѣдствія.“ — „Точно, ваша правда, Милостивый Государь, худыя послѣдствія и были: цѣлыхъ двѣ недѣли была у меня щека *разпухши*.“

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Сѣвернаго Меркурія.*

№ 8.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 136 №№ и двухъ помовъ, на *величавой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубля.

1831, 19 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ВОСХОЖДЕНІЕ СОЛНЦА.

Всѣ мы, болѣе или менѣе, любимъ воспоминашь лѣта нашего дѣтства. Причина сему, какъ кажется, двоякая: во-первыхъ, въ семъ нѣжномъ возрастѣ человечества мы еіноспособіе принимаемъ впечатлѣнія отъ окружающихъ насъ предметовъ; во-вторыхъ, самыя впечатлѣнія сихъ предметовъ бывають иногда сильнѣе, по ихъ новости. Какъ бы то ни было, я часто перебираю запыленный архивъ моей памяти: часто нахожу въ немъ много смѣшнаго и забавнаго; но иногда удастся мнѣ отыскать тамъ и нѣчто сладостное и — смѣйтесь — прекрасное. Вотъ что попалось мнѣ на сей разъ — Нужнымъ считаю предувѣдомить читателя, что для меня все равно, какъ онъ ни назоветъ эту строку: слишкомъ старымъ или слишкомъ новымъ; плоскою остроцію (*) или грубымъ суевѣріемъ; къ какому роду произведеній ни опишете онъ ихъ: къ школѣ-ли Тредіакѣвскаго или къ школѣ Виктора Гюго; и къ какому роду мыслителей ни причислите меня. Я слышу уже, какъ нѣкоторые хотѣли намекнуть, что я заимствовалъ все это изъ какой нибудь Арабской сказки; а, вопль, этогъ высокій мужчина — въ бѣломъ апласномъ галстухѣ (и слѣдовательно, по его мнѣнію, щеголь), вѣрный послѣдователь уродливыхъ Философовъ XVII-го вѣка, и, между прочимъ, чинная Волыневъ les Ruines, произносящій ѳ, въ

словѣ: *beauté*, почно такъ-же, какъ букву *т*, въ словѣ: *упѣавши* — кричипть уже, что я взялъ это напрокатъ изъ какого-то ЛЕГЧАЙШАГО Французскаго Салоутиеля, напечатаннаго Скисскимъ тексепомъ, на обверточной бумагѣ, въ Московскои Университетскои Типографіи, въ лѣто 1805-е. Повторлю, что для меня все равно: я утверждаю, такъ, утверждаю, что говорю истиннѣ.

Вы же, друзья Кимодокіи и Евдора, и вы, друзья Христианскаго Байрона — не того Байрона, который оставилъ перо и лиру, чтобы спасти отечество Гомеровъ и Гезіодовъ, и который также живетъ еще и вѣчно жить будетъ, хотя многіе увѣрили меня, будно-бы видѣли уже въ Миссолонгійскои гробницѣ; но знаменитаго нашего современника, допѣвнаго великую пѣснь его, — внемлите словамъ монмъ; и если найдете въ нихъ нѣчто достойное вашего вниманія, нѣчто общее съ чувствами вашего нѣжнаго сердца — я буду считать себя достигшимъ цѣли моей.

Это было, какъ теперь помню, на десятомъ году моей жизни. Приближался тогда день, который сдѣлался навсегда великимъ съ самаго начала нашего счисленія; день, равно святой для Кимодокіи Шатобріана и для поклонниковъ Истины въ половинѣ XIX-го столѣтія — для Босаго Кармелина Испанскаго, собирающаго вклады Мадоннъ, и для добродѣтельнаго Миссіонера, выводящаго изъ заблужденія читателей Конфуція. — Этогъ великій день приближался.

Мнѣ неумѣстно здѣсь рассказывать вамъ, читатель, какъ проходятъ подобныя дни среди шума сполницъ;

(*) „Плоская остроціа: почно не остро“ скажетъ читатель: *Соз.*

какъ люди порядочные и полу-порядочные заказываюти възпитные билеты (большая, конечно, выгода для успѣховъ гравированія), и какъ спѣшатъ попомѣ на поклоненіе къ швейцарамъ. Не буду также упоминать васъ описаніемъ невинныхъ нашихъ приготовленій къ сему празднеству въ деревнѣ, куда переносу теперь ваше воображеніе: сколько индѣйскихъ пѣтуховъ убили тогда у насъ на жаркое, и сколько яицъ перебили мы, освободясь на цѣлую недѣлю отъ прощальныхъ правилъ и *пресвященной хриі* Рижскаго. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего занимательнаго. — Мы ждали съ невинною радостію желаннаго часа; наконецъ стрѣлка на кукушечномъ хронометрѣ нашемъ взошла на XII; звукъ большаго колокола при нашей церкви, звукъ святой и сладостный для незлобивыхъ сердецъ дѣтскихъ, поразилъ ихъ; мы всѣ, въ благоговѣйномъ восторгѣ, изобразили на челѣ своемъ знаменіе Искупленія, и, въ сопровожденіи всѣхъ гувернантокъ, компаніоновъ и дядекъ, отправились во святилище Непоспѣжимаго. Но мнѣ нужно сдѣлать небольшое отступленіе.

У меня былъ дядя, который могъ-бы — скажу не красясь — поспорить съ Кузеномъ въ Метазѣзикѣ, а съ Кювие о Наукахъ Естественныхъ: онъ чрезвычайно любилъ меня, и ему-то обязанъ я первыми моими познаніями. Частно, бывало, просиживали мы съ нимъ по нѣсколько часовъ за-полночь; но училъ онъ меня разбирать (однако жъ не *разборъ дѣлать!*) стихи Торкваша Тасса и пѣвца Лауры, но объяснялъ мнѣ явленія природы. Я слушалъ его каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ, и признаюсь, что въ жизнь мою ничего охотнѣе не слушалъ.

Есть у насъ въ народѣ повѣрье — далѣе увидитъ читатель, что оно не безъ основанія — что въ день Пасхи бываетъ особенное явленіе при восхожденіи солнца, или, какъ говорятъ, что солнце *играетъ*. Дядьки вообще бываютъ слишкомъ приближены къ намъ: мой также не замедлилъ сообщить мнѣ объ *игрѣ солнца* при удобномъ случаѣ. Я слишкомъ уважалъ познанія моего благодѣтеля, которыми такъ усердно пользовался: разумѣется, я не совсѣмъ повѣрилъ разсказу добраго дядьки, но краснорѣчіе его, которое возрастало съ каждою улыбкою на губахъ

моихъ, и, особенно день, столь знаменитый въ Лыпописяхъ нашей религіи, который я умѣлъ уже чинить тогда, и въ который, по его словамъ, должно было происходить необыкновенное явленіе, убѣдило меня, не доверяя ему совершенно, попросить на то объясненія моего благодѣтеля.

„При настоящемъ состояніи познаній человеческихъ“ говорилъ незабвенный мой наставникъ: „спѣдно было-бы вѣрить всякому вздору, или, что еще нелѣпѣе, зная объемъ (volume) нашего свѣдѣнія, полагать, будто-бы оно, въ известное время, дѣлаетъ какія-либо, и съ чѣмъ несообразныя колебанія; тѣмъ болѣе, что явленіе, о которомъ говоришь ты, не имѣетъ никакой прямой связи ни съ каноническими книгами нашей религіи, ни же съ какимъ либо письменнымъ памятникомъ Церкви, или съ наблюденіями ученыхъ древнихъ или новыхъ временъ. Но при всемъ томъ, я слышалъ о томъ много и отъ многихъ: отъ законныхъ суевѣровъ и отъ людей съ истиннымъ просвѣщеніемъ, достойныхъ всего уваженія и довѣренности, и которыми не чужды открытія Бюффона и Ласпеда, Біюта и Тенара; но ни разу не удавалось мнѣ читать о томъ ничего писаннаго, не только печатнаго, а тѣмъ менѣе удостовѣриться въ истинѣ или мнимости преданія собственнымъ опытомъ. То былъ я въ это время въ городѣ, то дни были пасмурные, то болѣзнь не позволяла мнѣ выходить изъ комнаты, и вопль уже шестидесять лѣтъ, какъ я собираюсь все сдѣлать мое наблюденіе. Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ: завтра увидимъ развязку. Этимъ окончилъ незабвенный, съ улыбкою, въ которой изображались въ одно время: и *Геній Христіанства* (*) — если могу такъ выразиться — и глубокомысленная испытательность Вильгельма Шеллинга.

Мы вошли въ церковь: богомольные сосѣди наши съѣхались изъ ближайшихъ деревень; благочестивые поселяне толпились въ храмѣ.

Заупрения кончилась; мы приложились ко Св. иконамъ, и, перецѣловавшись со всѣми молящимися, пошли изъ церкви; и хотѣли было идти уже прямо домой, но я упрямилъ моего дядю ожидать на воздухѣ

(*) Génie du Christianisme—пужно-ли говоришь, чье твореніе?

явленія, на что онъ и согласился. Сопутствовавшіе намъ охотно послѣдовали его примѣру.

Чувствую, что я не по силамъ выбралъ себя предметъ, и что слабыя способности мои хопянтъ, какъ кажешся, совершенно теперь оставили меня; но знаю также, что величіе предмета замѣляетъ иногда изъщество изложенія . . .

✱ ✱ ✱

Все было тихо. Никто изъ зрителей не смѣлъ, казалось, нарушить благоговѣйнаго молчанія, изъ уваженія къ наблюдаемому предмету; по временамъ только вырывались изъ объятыхъ набожностію сердець ихъ тихіе вздохи; а я и всѣ дѣти, еще болѣе полныя святаго восторга, подходили къ моему благодѣтелю, съ тихимъ вопросомъ: который часъ? — Черная мгла наполняла воздушное пространство. — Но вопль, заря начала румянить востокъ; небо спавовитися все краснѣе, краснѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ любопытство наблюдающихъ . . . Вопль, оно (*) показывается . . . Вы, которые укоряете дикихъ за то, что они поклоняются свѣтлу, имъ благодѣтельствующему! О, сколь несправедливо ваше обвиненіе! Я преклонилъ колѣна мои предъ солнцемъ, ибо видѣлъ въ немъ тогда изображеніе Непостижимаго — поклонялся солнцу, и никогда не буду краснѣть отъ сего признанія, сколь ни усердна въра моя въ Искупленіе; ибо я видѣлъ тогда въ солнцѣ не одно лучезарное свѣтло, благопворное для чловѣчества теплоюю его и свѣтомъ; я видѣлъ одну изъ огромнѣйшихъ и, можетъ быть, лучшихъ часней мірозданія, которая стройнымъ колебаніемъ своимъ славилъ своего Бога и Создателя, — но не того бога, котораго допускали и Платонъ и Вольтеръ, но Бога, обещаващагося быть съ нами во вся дни до скончанія вѣка; ибо сіе прославленіе было именно въ тотъ день, когда Церковь тор-

жесивуетъ возстаніе своего Божественнаго Основателя — въ тотъ именно часъ, когда сей Богъ облекся снова въ плънную одежду чловѣчества, которую злоба Его *соотечественниковъ* полагала недослушною въ предѣлахъ гроба!

Солнце показалось, какъ обыкновенно; но, доидъ до такой высоты, что мнимый предѣлъ горизонта дѣлалъ Касательную къ его окружности, — мгновенно опять совершенно опустилось; потомъ опять взошло — и опять исчезло. Это повторялось такимъ образомъ до трехъ разъ, пока наконецъ оно взошло опять, и начало описывать обыкновенный путь свой. Мы все кренились въ благоговѣніи. Но благодѣтель мой и я оставались долѣе всѣхъ другихъ на колѣняхъ, такъ, что сопровождавшіе насъ должны были напомнить намъ о странности нашего положенія (*attitude*, хочу я сказать); и съ тѣхъ поръ, хотя я ни разу не имѣлъ случая повторять моихъ наблюденій, но сей, однажды сдѣланный, опытъ достаточно уиверднл меня навсегда въ вѣрѣ, семъ необходимомъ — по выраженію величайшихъ умовъ — чувствѣ для чловѣка, которое однако жъ многіе гнусные мыслители не устыдились искоренить въ людяхъ лѣтковѣрныхъ, и особенно въжномъ возрастѣ юности, возрастѣ, столь несчастномъ для чловѣчества, если люди получаютъ въ немъ дурное направление своимъ склонностямъ.

Въ заключеніе повторю, что здѣсь неумѣстно разсуждашь мнѣ о причинѣ описаннаго явленія; объясняя молчаніе о томъ испытателей Природы, я вообще недоспапокъ вниманія, которое надлежало бы быть обращено на сей феноменъ; также не могу увѣрять никого въ томъ, бываетъ ли явленіе сіе именно въ день, мною выше сего означенный, или же, напротивъ того, происходитъ оно нѣсколько разъ въ году, и отъ причинъ *чисто* физическихъ. Я могу только сказать, что наблюдалъ это явленіе *самъ* и при томъ *однажды*, но именно въ день *Свѣтлаго Воскресенія*. А въ доказательство испиты, означаю подъ сими спирами свое имя, которое никогда до сихъ поръ не употреблялъ подъ слабыми произведеніями пера моего, имѣющаго по крайней мѣрѣ то достоинство, что оно не было никогда посвящено гнусной лести, площаднымъ

(*) Сочинитель не охотникъ персправлять то, что разъ написано, держась изрѣченія любимаго своего Поэта: *ce que nous sentons profondément, s'écrit vite*; и поному довольнымъ считаешь оговорить слово . . . *оно*, хотя въспоминіе, какъ увѣряютъ нѣкоторые, не можетъ быть послано иначе, какъ послѣ имени, къ которому относится. См. Грамматикку для народныхъ училищъ, и проч.

ругательствамъ, осмѣливающимся называться именемъ
крѣпички, или глупымъ компилицимъ, составленнымъ
изъ мыслей и чувствъ спольже въролпныхъ, какъ
Корень чешной Спешени изъ Отрицательнаго Количе-
ства.

Л. Владимъ.

12-го Января, 1830 года.

Л Е С Т Ъ Н О В А Г О Р О Д А .

„Какъ я люблю моихъ малюпокъ лепетанье!“
Филантъ мнѣ говоришь: „и *папильки* названье
Какъ мило въ ихъ успахъ мнѣ слышашъ иногда!“
— „Конечно“ — я сказала: „намъ лешть мила всегда:
Малюпки же свои не знаютъ,
Что очень *льотятъ* тебѣ иногда,
Коль *папилько* называютъ!“

№

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Горе отъ ума, Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ,
въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова. (Представленіе
на Большомъ Театрѣ, 26 Января, въ пользу Актера
Г. Брлицкаго.)

Въ пріятномъ ожиданіи увидѣть наконецъ въ *цѣломъ*
сокровище Русской Талии, незабвенный памятникъ бле-
стящихъ дарованій покойнаго Грибоѣдова, — я прѣ-
халъ въ Театръ. Искренно желая хорошаго успѣха
прекрасному Арписпу, въ пользу коего назначенъ былъ
спектакль, я душевно порадовался, увидѣвъ, что Те-
атръ былъ рѣшительно полнъ, исключая нѣсколькихъ
ложъ во вѣпоромъ ярусъ. Впрочемъ эту неважную не-
допмку легко можно было замѣнить, не говоря о ло-
жахъ 1-го яруса, многихъ 2-го, и всѣхъ 3-го, даже кре-
слами, изъ коихъ первые ряды продавались по 25, а
последніе по 15 рублей. Не смотря на эту, нѣсколь-
ко высокую цѣну, Театръ, какъ я уже упомянулъ,
наполнился зрителями. На этотъ разъ честь и слава
нашей публики: она *иногда* умѣетъ цѣнить достоин-

ство литературной вещи и поощряетъ уважасмыя
дарованія опечествленныхъ Арписповъ!..

Должно-ли говорить что нибудь о содержаніи Ко-
медіи?.. Почти всѣ знаютъ ее наизусть. Нѣтъ ни одного
произведенія, которое было-бы извѣстнѣе. Оно еще не
напечатано вполне; а изъ отрывковъ, выписокъ и эпи-
графовъ (на сіи послѣдніе она почти вся *разсчитана*)
можно составить печатный экземпляръ (См. *Слѣсь*
6-го No С. М.). Всякій знаетъ *Горе отъ ума*, хотя
немногіе въ нынѣшнемъ свѣтѣ должны бояться этаго
горя (*)! —

Предоставляя себѣ подробно поговорить о вѣпоромъ,
представленіи этой Комедіи, которое, какъ полагаю
должно, въролпно не замедлится, на сей разъ я огра-
ничусь только тѣмъ, что публика, не смотря на час-
ный, бывшій предъ симъ, представленіи 3-го и 4 дѣй-
ствій, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, неоднократно были
многіе и изъ нынѣшнихъ зрителей, — съ единодуш-
ными знаками восхищенія приняла эту примѣчатель-
ную новостъ на нашей сценѣ. Рукоплесканія не умол-
кали-бы, если бѣ зрители не боялись этимъ преплѣ-
ствовать представленію; и если бѣ каждый изъ нихъ
не хотѣлъ размышлять всякаго стиха.

Всѣ участвовавшіе въ представленіи Арписпы и
Арписпки очевидно старались, чтобы игра ихъ была
соотвѣстна съ достоинствомъ пѣссы — и ста-
раніе ихъ, кромѣ небольшихъ исключеній въ нѣкото-
рыхъ роляхъ, было не безуспѣшно. Одна только Г-жа
Гусева отличилась неловка въ роли Графини Хрюминой.
По какой-то спранный манеръ походки, по голосу
и пріемамъ своимъ, она вовсе не походила на почет-
ную Московскую даму.

До вѣпораго представленія! —

№.

(*) Милоспивый Государь! Про это
Ужь говорили, говорили,
И переспали говорить!
Хотятъ, чтобъ умники всѣ были:
Безъ дураковъ нельзя же быть!

Корректоръ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія.*

№ 9.

Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* помовъ, на *веленовой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 21 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ПРІЯТЕЛЬ ГРАФА КАМЕНСКАГО.

(Истинное происшествіе.)

Небогатый дворянинъ Рязанской Губерніи, К* въ царствованіи Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, получивъ въ наслѣдство значительное помѣстье, повѣдалъ въ Москву, какъ говорится, людей посмотреть и себя показать. На дорогѣ къ Москвѣ онъ остановился на почтовомъ дворѣ чапиться чаю, и едва только принялся за самоваръ, какъ въ занимаемую имъ комнату вошелъ, попирая руки, человекъ въ простомъ сюртукѣ, безъ великихъ признаковъ знатности. „Откуда несете Богъ вашу милость? — спросилъ К* вошедшаго. — „Изъ Петербурга.“ — „Куда?“ — „Въ Рязань.“ — „Навѣрное къ должноестю?“ — продолжалъ К*. — „Да“ — лаконически отвѣчалъ незнакомецъ. — „Не прикажете-ли чаю?“ спросилъ К* проѣзжаго. Незнакомецъ взялъ поданную ему чашку, а К* началъ велеръчивое свое привѣтствіе: „Прошу со мной бытъ знакомымъ. Я изъ числа значительныхъ Рязанскихъ помѣщиковъ, и припомню-же истинный пріятель вашему Генералъ-Губернатору Графу Михаилу Федотовичу Каменскому.“ — Едва только К* проговорилъ сіи слова, какъ вошедшій въ комнату Адютантъ сказалъ знакомцу: „Ваше Слѣдствіе, лошади гоповы.“ — „Такъ вы еще, сударь, повидимому, и изъ Касимовскихъ Князьковъ (*)?“ спросилъ К*. — „Нѣтъ: я пошъ

(*) Въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи находится много мѣлопомѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ Княжеское поколѣніе, которые въ шамошней округѣ загрохто называюща Князьками. Ж.

самый Графъ Каменскій, который истинный вамъ пріятель — отвѣчалъ Графъ Каменскій, ибо эшо онъ былъ самъ.

Л. Жуковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ:

УМЪ НЕ ПОМОГА (*).

(Дѣйствіе въ провинціи.)

ЯВЛЕНІЕ 7.

Сломншъевъ, Ленской.

Сломншъевъ.

Ахъ, Ленской, душншка! повѣршишь, какъ я радъ,

Что встрѣтился печально съ тобою.

Намъ будетъ не грѣшно сочестъся и роднею:

Отецъ швой моему былъ правнучатный братъ

По матери моей покойной,

О! швой отецъ былъ человекъ достойный.

Конечно — помню я —

Имѣлъ онъ спранности, имѣлъ свои привычки,

Но былъ не скуиъ. Мнѣ подарилъ однажды кобеля (**),

Собаку чудную — теперь не вспомню клички;

Услуги жъ эшой мнѣ во вѣкъ не позабышь.

Ленской.

Услугу бабюшки какъ вспомнили вы ксташи!...

О дѣлъ объ одномъ я васъ хопѣлъ просишь.

Вы Засѣдашелемъ въ Гражданской здѣсь Палашѣ?

Сломншъевъ.

Да. По моимъ грѣхамъ,

Трехлѣтіе свое досаживаю шамъ.

Ленской.

Есть дѣло у меня....

(*) Комедія сія, по моему мнѣнію, есть самое близкое, но довольноудачное подражаніе незабвенному произведенію Грибова. Изд.

(**) Неправильнъ стихъ. Прим. Корректора.

Сломишъевъ.

Читаль я на недѣль;

Ты, помнишься, хлопочешь объ раздѣль.

Ленской.

Объ утвержденіи раздѣла хлопочу,

И дѣлю вамъ мое я объяснишь хочу:

Имѣніе, копорытъ мы владѣемъ

Сломишъевъ.

Объ эпюмъ постѣ, брашѣ, пополюковашъ усѣвемъ!

А вопъ, скажи-ка мнѣ, зачѣмъ пы къ намъ зимой?

Ну, чпобы осенью?... Въ шу пору, милый мой,

Попышилъ-бы тебя по первой я порошѣ.

Ты, чай, охотникъ шо же?

Ужъ вѣрно до весны пробудешъ въ опшуску

Недѣлки на при, хошь не долѣ,

А съѣдимъ, брашѣ, въ опыльжее мы полѣ.

Сто семьдесятъ борзыхъ, да сошпа въ напуску,

Породы лучшей и ошмѣнной,

По испнигъ сказашъ, упышашъ, мой почпешпой?

Ей, ей! увидишь самъ — охота хопъ куда

Ну, чпо любезный? — да?

Ленской.

Я не охотникъ.

Сломишъевъ.

Чшо за дѣло!

Пари держашъ я буду смѣло,

Чпо пріохопишься; вопъ только раза при

Охоты нашей посмотри,

Полюбишь самъ, повѣрь.

Ленской.

Не думаю.

Сломишъевъ.

Повѣрь-же:

Охоту знаю я ужъ швоего пошверже.

Ленской.

Я шуму эшаго всегда шерпѣшь не могъ.

Сломишъевъ.

Помилуй Богъ!

Безъ шуму не разгрысь, пріапелъ, и орѣха;

На правѣ шумъ — моя пошѣха.

Ленской.

У васъ и дѣпи и жена,

Вамъ весело должно бытъ дома.

Сломишъевъ.

Вопъ-ше на!

О чемъ и говоришь . . . да эшо все пущнос:

Мнѣ дома весело, а на охотѣ — впрое.

Вопъ оспровъ; — кинули; — все спали по мѣстамъ; —

Молчашъ; — лишь только по кустамъ

Арапники щелкъ! щелкъ! какъ будто-бы хлопущки;

Борзыл спорожашъ; пырсь залцъ изъ опушки

Го! го! апу! апу его!

Нытъ, брашецъ, веселѣй на свѣтъ ничего.

Ленской.

Признапельно сказашъ, ей, ей! не понимаю

Веселья вашего гоняшь собачью спая.

Но, какъ-бы ни было, я шолько говорю,

Чшо, въ мнѣшии моемъ, прежалкая опрада,

На правѣ равнымъ бытъ псарю,

И съ ловчимъ бытъ за панибратша.

Я не могу поняшь, гдѣ польза или честь,

Скакашь черезо рвы, на огороды лезишь,

И псарнею одной, а не имѣемъ правишь;

Забышь своихъ дѣпей, жену свою оспавишь,

У бѣдныхъ поселянъ пошпанъ овесъ и рожь

Сломишъевъ.

Та, ша, ша, ша; хорошъ пы гусь, хорошъ!

Пожалуй, слушай рѣчи ваши! . . .

Сергѣй Ивановичъ! ей! право мнѣ смѣшно:

У мужиковъ поля выпашывашъ грѣшно! . . .

Да мужики-шо чьи? . . . вѣдь мужики-шо наши.

Ленской.

А вамъ крестьянъ своихъ не жалъ?

Сломишъевъ.

Тѣу пропасть! вопъ далась печаль!

О чемъ хлопочешь пы, скажи мнѣ, мой голубчикъ?

Мужикъ—мужикъ и еспъ, — я все шаки Поручикъ.

Ленской.

Все знаю; шочно шакъ; по правѣ не вижу л

И у своихъ крестьянъ выпашывашъ поля

.

Крестьяннигъ — человекъ; и дѣло, сударь, въ шомъ,

Чшо съ мнѣшиемъ шакимъ, по пыгвшнему въку,

Не мудрено попасть въ опеку.

Сломишъевъ.

Чшо? чшо сказали вы?

.

Въ опеку хорошо покорный вашъ слуга

(Идетъ.)

Ленской.

О дѣль о моемъ

Сломишъевъ кланяется и уходитъ.

Ленской.

Еще купишь врага! . . .

Платонъ Волковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

7. *Встрѣча хумы съ холерою, или внезапное уничтоженіе замысловъ человеческихъ.* Московская повѣсть. Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Универ. Тип., 1830. Въ 12. (21 стран.)

Благодаря милосердію Всевышняго и опеческому попеченію благотѣтельнаго Правительствва, Холера въ Москвѣ почти совсѣмъ уже прекратилась; а Московскіе бумагомарашеля не перестаютъ по сіе время печатать жалкіе образчики неудалого авторства: это доказывается изданіемъ сей вздорной книжонки.

С М Ъ С Б.

— Говорить плоскости и величать ихъ названіемъ оспиротъ или *bons-môts*, — есть доля людей, целочувствившихъ испиннаго общеспвеннаго воспитанія, и неимѣющихъ природнаго остроумія. Войдяне въ общеспво мелкоправчатыхъ Чиновниковъ, и вы услышите разнаго рода подобныя прибаутки; напримѣръ: „Селифонъ Герасимовичъ“ — спрашивалъ Регистраторъ Купейкипъ у Губернскаго Секретаря Смѣшункина: „что ваша трубка *курится*?“ — А тотъ, преважно пущивъ стручу дыма, воскликнулъ: „Нѣтъ, она не *курца*.“ — Вотъ вамъ и каламбуръ или каламбродъ, выражаясь языкомъ эпитихъ господъ.

— „Вы, Θεогности Панфиловичъ, желаете имѣть къ дѣтямъ гувернантку?“ — спрашивалъ на дилхъ кто-то у одного провинціала. — „Нѣтъ-съ, не то-съ совершенно-съ;“ — отвѣчалъ тотъ: „а мнѣ нужна Мамзель, которая бѣ иногда замѣняла и Мадаму.“ — и: е: онъ хотѣлъ выразить, что ему нужна *demoiselle de compagnie*, которая бы могла замѣнять и гувернантку.

— Морскому Капитану Палубану экипажный Докторъ рѣшительно воспретилъ излишнее употребленіе водки, къ которой Его Высокоблагородіе имѣлъ нѣжную страстишку; но какъ обойдтишься безъ этаго нектара? — „Послушай, Денисъ“ — говоритъ онъ своему деньщику: „пожалуйста, не иначе мнѣ давай водку, какъ когда я при семъ что нибудь спрошу, а то право такая вредная страстишка, что и Господи Боже оборони.“ — „Слушаю, Ваше Высокоблагородіе.“

— Тихо курить онъ трубку, какъ вдругъ вскричалъ: „Денисъ! подай помочи: я хочу одѣваться; да и дай водки, той, знаешь, Миндавской-то.“ — „Слуга несетъ помочи и на подносѣ самую крохотную ромочку: въ ней помѣчалось не болѣе полуглотка, который мгновению проскочилъ чрезъ горло Капитана. — „Подай сапоги — да шлапсъ.“ — Та же церемонія. — „Подай гамсухъ.“ — Опять то же. — „Подай жплетъ.“ — Да саро. — „Подай сюрпукъ.“ — Еще шельхепъ. — „Подай шинель.“ — И вотъ еще полглотка. — Наконецъ иъчего спрашивать, и мой поклонникъ Бахуса рѣшается идти со двора; но передъ глаза ему попалась карта Азіи. — „Что это такое, Денисъ?“ — спросилъ онъ, показывая на Сибирь. — „Не вѣдаю Ваше В-діе.“ — „Это Сибирь; тамъ ужасно холодно!“ — И вдругъ вздрогнулъ: „ухъ! какой морозъ, дай-ка Миндавской, чтобъ согрѣться.“ — Деньщикъ, подавал, выполнилъ приказаніе господина давать водку, когда тотъ что нибудь спрашиваетъ; и подалъ ромочку, улыбаясь.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Съ 1-го Марта сего 1831-го года будетъ издаваться

Г И Р Л А Н Д А,

Журналъ

Словесности, Музыки, Модъ и Театровъ.

Цѣль сего Журнала есть — доставить любителямъ отечественной Словесности пріятное и занимательное чтеніе, и сверхъ того сообщать новости по части Музыки, Модъ и Театровъ.

Въ составъ Журнала входитъ слѣдующее:

1. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ПРОЗА. Повѣсти; отрывки изъ Романовъ и живописныхъ путешествій; въ сташяхъ о правахъ будутъ сообщаемы картинны жизни высшаго и средняго обществъ; разныя мысли; описанія; отрывки, занимательные по слогу и содержанию; письма о Литпературѣ, Живописи и другихъ изящныхъ искусствахъ; и проч.

2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Элегія, Посланія, Романы,

Блажды, отрывки изъ драматическихъ сочиненій, разныя мѣлкя пьесы.

11. БИБЛИОГРАФІЯ.

Разборы новѣйшихъ книгъ по части чистой Словесности. Сюда входящя Романы оригинальныя; театральныя сочиненія, оригинальныя и переводныя; произведенія Русскихъ Поэтовъ и Прозанковъ. Здѣсь отдаются отчеты о содержаніи и слога въ переводныхъ Романовъ, и опредѣляются: достойны-ли они по какому нибудь отношенію вниманія, или по какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ не заслуживающъ онаго. Въ первомъ случаѣ обязанность Рецензента состоятъ будещъ въ указаніи на хорошее, а во второмъ въ предостереженіи отъ дурнаго.

111. ТЕАТРЪ.

Извѣстія о всѣхъ новѣйшихъ и примѣчательныхъ (изъ старыхъ) пѣсахъ, представляемыхъ на Петербургскихъ Театрахъ. Разборы сихъ пѣсѣ и замѣчанія объ игрѣ въ нихъ Актеровъ.

IV. СМѢСЬ.

Всякія мѣлкя смѣшныя, неходящія ни въ одно изъ первыхъ трехъ отдѣленій, но почему нибудь заслуживающія вниманія. Извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Музыки и Живописи. Разныя объявленія; замѣчанія; наблюденія; сподличыя новосты, и проч.

V. МОДЫ.

Петербургскіе дамскіе наряды: бальныя и употребляемыя въ прогулкахъ; маскарадныя костюмы. Новѣйшія Парижскія, Вѣнскія и Лондонскія Моды, заимствуемыя изъ лучшихъ заграничныхъ Журналовъ (какъ-то: *La Mode*, *Mercur des Salons* и нѣк. др.); извѣстія о-модныхъ галаштерейныхъ вещахъ, мебелияхъ, экипажахъ и проч.; модныя обычаи; употребительнѣйшія фигуры въ танцахъ; и проч.

Издатель Гирланды, назначая сей Журналъ преимущественно для дамскаго чтенія, смѣетъ увѣрить

прекрасныхъ своихъ читательницъ, что въ его изданіи никогда не будетъ употреблено, не только непроизвольной двусмысленности, ни даже ни чего такого, что можно только обратиться въ дурную сторону.

Полемика совершенно не будетъ имѣть мѣста въ семъ изданіи. Если случится, что на Гирланду будутъ напечатаны гдѣ либо *несправедливыя* замѣчанія, въ такомъ случаѣ возраженія будутъ номѣщаемы въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ.

Издатель, желая, чтобы наружный видъ Журнала соотвѣтствовалъ съ цѣлю своего назначенія, не пощадилъ издержекъ на возможное великолѣвіе онаго въ типографскомъ опношеніи.

Многіе омычявше опечетственные Поэты и Прозанки будутъ украшать Гирланду своими произведеніями.

Гирланда будещъ выходитьъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ, книжками, заключающими въ себя по два, по два съ половиною и до трехъ печатныхъ листовъ. При нихъ будутъ прилагаться картинки Модъ, рисунки мебели и экипажей; образчики модныхъ матерій; ноты новѣйшихъ Романсовъ и танцевъ.

Подписка на сей Журналъ принимается: *въ Санкт-петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ вдовы Шлюваръ; въ магазинахъ Смирдина и Слѣпина и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; *въ Москвѣ*: у содержателя Университетской книжной лавки, А. Ширлева. Подписана цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ *сорока трехъ* книжекъ, имѣющихъ выйши съ 1-го Марта по 1-е Января 1832 года, съ картинками Модъ, рисунками и нотами, въ Петербургѣ *сорокъ*, съ доставкою на дома и пересылкою въ города *сорокъ пять* рублей.

Иногородные благовомятъ опноситься съ своими прѣбованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія.*

№ 10.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *велевой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома въ пересельско въ города 42 рублн.

1831, 23 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

Новый провинціалъ въ столицѣ

или

XIX Столѣтіе.

Въ пть дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышійа

Демонъ, Пушкина.

Не успѣвъ еще оглядѣться въ столицѣ и съ нею ознакомиться, Ипполитъ скучалъ по милымъ красавицамъ, съ которыми его разделяло обширное разстояніе, и переносился къ нимъ мыслию, перебирала подаренные ему *сomme souvenirs* перспективы съ волосами, ленточки и разныя другія вещицы, и перечипывала лоскушки бумаги, покрытыя начертаніями милыхъ рукъ, которые онъ такъ часно цѣловалъ, украдкою отъ другихъ. Но скоро наскучивъ уединеніемъ, онъ захотѣлъ воспользоваться рекомендательными письмами, которыми имѣлъ изъ провинціи и изъ своего Университета, и поспѣшилъ, развезя ихъ, войти въ дома, и приобрести знакомство. Онъ очень хорошо сдѣлалъ, запасшись такими письмами: безъ нихъ ни дарованія его, усовершенствованныя воспитаніемъ и ученіемъ, ни приятный умъ, украшенный познаніями, ни любезность характера, ни привлекательная наружность, не помогли-бы ему тамъ, гдѣ никто ни зналъ ни его, ни его родителей, гдѣ у него не было, ни тетушекъ, *femmes du grand monde*, ни сестрицы замужемъ за извѣстными людьми, гдѣ не могъ онъ предъявить никакаго богатства, кромѣ личныхъ сво-

ихъ достоинствъ. Фамилія его была не изъ извѣстныхъ. Званіе дворянина и образованность его были весьма недостаточны для домовъ хорошаго тона, чтобы удостоеніе его чести пріема. Чтобы помочь этому, въ рекомендательныхъ его письмахъ одна Княгиня величала его своимъ родственникомъ, другой покровитель пазывалъ его своимъ помѣщикомъ, будущимъ въ столицу на службу отъ скуки, и чтобы не быть празднымъ въ своей деревнѣ. Подобно имъ и въ другихъ письмахъ старался вытравить его не птьмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, хотя явившійся въ собственномъ видѣ, онъ ни мало не менѣ имѣлъ-бы права на пріемъ въ хорошее общество; но они знали столицу, и благодаря взятымъ ими предосторожностямъ, которыя нашъ неопытный юноша почиталъ лишними и даже смѣшными, ему *позволили* (я не могъ найти приличнѣйшаго выраженія) въ двухъ-трехъ домахъ бывать по вечерамъ; а въ одинъ пригласили его даже ходить объдавать *запросто*. Что значило это *запросто*, Ипполитъ имѣлъ уже случай узнать прежде, и потому симъ послѣднимъ приглашеніемъ не имѣлъ расположенія воспользоваться. Такое начало знакомства не совсѣмъ поправилось нашему столичному гостю, сдѣлавшему въ своей провинціи привычку къ успарьлому Русскому радушному гостепрѣимству и хлѣбосольству. Онъ не предвидѣлъ большаго отъ него удовольствія и пользы; но зналъ, что ему непременно надобно, хотя съ принужденіемъ, бывать въ лучшихъ домахъ, чтобы не смѣшаться съ молодыми людьми, безнадежно отверженными отъ

лица хорошаго общества за то только, что они не удовлетворяютъ которому нибудь изъ его снисходительныхъ требованій, и осужденными принадлежать въ его мнѣнїи ни много, ни мало къ чернѣ.— Новичекъ спрашивалъ такой анадемы, больше нежели иной Кашоликъ XV столѣтїа спрашивалъ быть отлученнымъ Папою отъ церкви. Онъ привыкъ жить въ обществѣ, что впрочемъ до тѣхъ поръ не стоило ему никакого труда, и на что онъ имѣлъ полное право.

Прежде всего Ипполитъ явился на вечеръ въ домъ Графини N. Замѣтивъ, какъ строги требованїя общества хорошаго тона, сколько надобно осторожности, опытности, искусства, чтобы въ немъ не уронить себя, онъ посоветовался напередъ съ однимъ своимъ совоспитанникомъ, который прежде его поселился въ столицѣ. Хотя Ипполитъ не привыкъ опаздывать себѣ въ обыкновенныхъ жизненныхъ удовольствїяхъ, для того только, чтобы имѣть честь просидѣть часъ другой на недѣль въ хорошо меблированной комнатѣ, съ людьми, собирающимися вмѣстѣ, для оплаченїя себя опять такъ называемой ими *таблѣ*; но, по совету своего товарища, онъ долженъ былъ напередъ какъ можно болѣе ограничить себя въ удовлетворенїи мѣщанскихъ потребностей, чтобы зпѣтъ съ большимъ приличїемъ явиться тамъ, гдѣ желалъ. Ипполитъ нанялъ пѣсую квартиру, приучилъ себя дѣтъ въ цѣлый день одинъ разъ за обѣдомъ, состоявшимъ изъ двухъ скудныхъ блюдъ, и опаздался отъ всякаго излишества въ удовлетворенїи чувственныхъ нуждъ своихъ. Однимъ словомъ, можетъ быть самъ спарикъ Дюгенъ не постыдился-бы признать его въ домашней жизни достойнымъ своимъ послѣдователемъ. Но за то заказалъ онъ себѣ платье первому портному въ столицѣ, запасся бѣльемъ и другими принадлежностями туалета изъ извѣстнѣйшихъ магазиновъ моды, и оплохнулъ для перваго раза на игру въ виспѣ столько денегъ, сколько-бы могъ прожить у себя на квартирѣ одну третью года. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, онъ явился въ 9 часовъ вечера въ домъ, мною названный.

Въ глубинѣ гостиной, около стола, сидѣло нѣсколько дамъ и дѣвицъ. Мужчины сидѣли въ полукругѣ, поодаль.

Разговаривали не громко; большая часть молчала. Въ тонѣ общества замѣтно было строжайшее соблюденїе свѣтскаго этикета, и тщательная во всемъ осторожность. Никто не пускался въ текущїй разговоръ, ни позволялъ себѣ выражать свои мысли иначе, какъ съ совершеннымъ спокойствїемъ и равнодушїемъ, а еще менѣе обращать на себя вниманїе общества какими нибудь выходками. Всякій спокойно съ видомъ какой-то увѣренности въ себя и опытности, занималъ свое мѣсто, и удаляясь отъ всякой замѣтной роли въ обществѣ, довольствовался быть зрителемъ или бесѣдовать съ тѣми, которые сидѣли къ нему ближе. Чтобы по возможности опинять отъ общества видъ принужденїя, хозяйка громче другихъ говорила объ одномъ общемъ предметѣ, въ чемъ прочїе казались принимающими участїе.

Ипполитъ, войдя, сдѣлалъ общїй поклонъ, и занявъ пустое мѣсто на стулѣ, присоединился къ обществу. Ему сперва показалось, что чего-то дожидаются; иначе, соображаясь съ видимымъ, онъ не находилъ цѣли, для которой-бы могло собраться столько людей. Скоро поставили два ломберныхъ стола, и роздали карточки нужному для игры числу посѣтителей, которые заняли свои мѣста, а въ томъ числѣ и хозяйка. Ипполитъ ожидалъ примѣра другихъ, чтобы знать, какъ вести себя. Ему вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, одна изъ молодыхъ дѣвицъ учтиво, но съ нѣкоторою гордостїю, предложила *relit jeu*; и такимъ образомъ молодежь усялась около круглаго стола, чтобы играть въ карты. Ипполитъ привыкъ, находясь въ обществѣ прекраснаго пола, оказывать ему возможные услуги и вниманїе; но увидѣлъ, что роль *далскаго кавалера* была-бы здѣсь совсѣмъ некъстати. Сначала онъ обратился было съ вѣжливостями къ одной изъ дѣвицъ, которая больше другихъ ему понравилась; но замѣтивъ, что ими обратилъ на себя вниманїе другихъ молодыхъ людей и дѣвицъ, и возбудилъ улыбку той, къ которой онъ опинился, чтобы не показаться спрашивающимъ, долженъ былъ принять общїй тонъ равнодушїя, и быть къ дѣвицамъ учтивымъ, и ничего больше. Припомъ онъ замѣнилъ, что и онъ опинодѣ не требовали особеннаго вниманїя, и играли

только для того, чтобы провести время, сохраняя при этом холодность и важное благоразумие въ обращеніи, какъ и мужчины. Казалось, и пѣ и другіе думали только о самихъ себѣ; мужчины не старались угождать дѣвицамъ; послѣдніи, казалось, несколько не старались, какъ женщины, правиться: напропавъ, онѣ, повидимому, добровольно отказывались отъ преимуществъ своего пола, дарованныхъ имъ природою, отдавая предпочтеніе преимуществамъ мужчины. Различіе половъ, казалось, не имѣло вліянія на это общество. Разговаривали безъ принужденія; въ глазахъ дѣвицъ не замѣтно было ни тѣни той засмѣнчивости, и того невиннаго кокетства, которыми иногда такъ правились ему въ провинціальныхъ красавицахъ; а въ глазахъ мужчинъ никакой шупливости и веселости, происходящихъ отъ желанія правиться и отъ удовольствія бытъ въ кругу молодыхъ дѣвицъ. Съ намѣреніемъ принятый видъ живости одушевлялъ нѣсколько тонъ этого маленькаго круга, безъ того сухой и холодный.

Часа два продолжалась такимъ образомъ игра, какъ офицанты поставили передъ играющими приборы и подали кушанье. Когда все онашь было убрано, молодые люди кончили маленькую игру (petit jeu), которая стоила Ипполиту 25 руб.— Онъ лучше-бы желалъ провести эту ночь вечеря, по-прежнему, въ танцахъ съ милыми красавицами въ искреннихъ, не-принужденныхъ удовольствіяхъ, послѣ которыхъ остается пріятное чувство въ душѣ, и веселость въ расположеніи духа, которыми не вредитъ, а благопріятствуютъ здоровью и развертываютъ силы телесныя и душевныя. Mens sana in corpore sano, думалъ онъ, вспоминая лекціи своихъ Профессоровъ о гимнастическихъ упражненіяхъ Грековъ и Римлянъ, и читанное имъ о рыцарскихъ турнирахъ и о препровожденіи времени у нѣкоторыхъ новѣйшихъ народовъ, какъ просвѣщенныхъ, такъ и полюбозванныхъ. Или же, лучше было-бы, полагалъ онъ, провести эту ночь вечеря въ пріятной, образованной бесѣдѣ, въ разговорахъ, въ которыхъ развертываются умъ и дарованія, платя милымъ дамамъ за ихъ сообщество любезностью и веселостью, или доснавая обществу удоволь-

ствіе своимъ пріятными талачками. Да просплетъ такой эдакизмъ нашему герою! Еще не было года, какъ онъ распался съ своимъ Университетомъ: идеально-изящное, опвлеченное, общее, чрезъ дѣйствіе опыта еще не замѣнилось для него существеннымъ, чувственнымъ и частнымъ. Онъ повѣрялъ жизнь по шмъ понятіямъ, которыя составилъ о ней въ школѣ, изъ науки о истинѣ, добротѣ и изящности, и изъ Поэмовъ и романовъ. Пропу не поставилъ въ вину моему мечтательному философу, если онъ выводилъ ложныя умозаключенія изъ сужденій своихъ о свѣтѣ, и смотрѣлъ на вещи не съ надлежащей точки зрѣнія.— Я не осмѣливаюсь оправдывать образа его мыслей; но извиняю его молодостью и неопытностью.

А. Гл. — въ.

БЫВАЛЫЙ ВЕЧЕРЬ.

(Въ родѣ Русской пѣсни.)

Надъ березою густою
Соловешка свистала,
Въ рощѣ позднего порою
Добрый молодецъ гулялъ.

Онъ ровными шагами
Изъ за чащи выходилъ,
Тихо, яркими очами,
По долину поводилъ.

Чуть листокъ поколыхнется,
Ярко ль мѣсяцъ промелькнетъ,
Сердце молодца забьется...
Ахъ! не по — и онъ вздохнетъ!

Вдругъ кустарникъ раздвоился:
Красна дѣвица предъ шмъ,
Вдохъ со вздохомъ крѣпко слыся,
Поцѣлуй смѣнешъ другимъ.

Все запыкло. Мѣсяцъ полный
Скоро въ облако зайдетъ;
Пробьгунтъ съ стремленьемъ волны
И пора любви пройдетъ.

Онемѣвшее желанье
Перельется въ тихій сонъ.
Ахъ! одно воспоминаше
Посполный нашъ законъ.

Потемкинъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

8. *Съверное сіяніе*, Альманахъ на 1831-й годъ. Москва, въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 16. (220 стран.)

На заглавномъ листкѣ сей книжки поставлена типографская вишнѣвка, изображающая *сіяніе*, въ серединѣ коего напечатано полукружіемъ Славянскими буквами: *Съверное сіяніе*. Взглянувъ на сію вишнѣвку, потчасъ догадаешься, судя по художественному ея достоинству, что въ словѣ *Съверное* есть опечатка, ибо вмѣсто буквы *ѣ* надлежало-бы быть буквъ *ѣ*, что означало-бы *скверное сіяніе*. Прочитавъ же прозаическія и стихотворныя статьи, Альманахъ сей сосматривая, совершенно удостовѣришься въ справедливости означенной опечатки, относящейся къ заглавію книжки, которое въ томъ случаѣ могло-бы вѣрно опредѣлить литературное ея достоинство.

Не смотря на то, книжка сія (которую мы совѣспимся называть Альманахомъ) продается (т. е. купить можно!):

По — десяти рублей! !!

О стыдѣ! о ужасѣ нашихъ дней! —

С М Ъ С Б.

Въ одну тихій и пріятный вечеръ, располагавшій къ самымъ восхищительнымъ чувствованіямъ, какой-то Армейскій прибывшій въ столицу Офицеръ прогуливался по аллеямъ Лѣвняго сада, удивляясь, по огромности столѣтнихъ дубовъ, по ширинѣ Невы зеркалнстой, по прелестнымъ молодымъ нимфѣ, ролями бѣгавшихъ около него. Вотъ по одной аллеѣ проходитъ молоденькая женщина, просто, но мило одѣтая; и мой Франтъ какого-то *Новоземлянскаго мускетерскаго полка*, нагнувъ переважно шляпу, поспѣлъ за нею. Слово за слово, разговоръ завязался; служитель Марса былъ не изъ застѣнчивыхъ: онъ взялъ

ея багряный платокъ, и купивъ яблоковъ (выбравъ же сласть!) связалъ ей цѣлый узелъ. Дошли до рѣшетки, и здѣсь у дворецъ великолѣпной Юхимовской карены стоятъ двое гайдуковъ въ золотыхъ ливреяхъ. Нашъ молодецъ немножко сконфузился, когда увидѣли, что лакеи подали руку прелестной незнакомкѣ и помогаютъ ей взойти. Она, улыбаясь, спросила его фамилію, и отдавая узелъ съ яблоками слугѣ, велѣла ѣхать домой. — Прошла недѣля, и чрезъ Канцелярію Начальника Шшаба пребываютъ Армейскаго Офицера, который, являсь къ Адьюпанту, получаетъ билетъ для бала Графини N****. — Въ вечеру Адьюпантъ явился къ нему съ полнымъ балнымъ костюмомъ, въ который облекши своего новаго знакомаго, посадилъ его въ карету (имѣвшую, по мнѣнію нашего героя, какое-то сходство съ карепою его красавицы) и кони быстро помчались. — Вотъ они и въ блистательной залѣ Графини N***, которую однако жъ никто не видитъ; гремитъ оркестръ, а Адьюпантъ все ходитъ съ нашимъ удалцомъ, которому онъ нажужжалъ въ уши, что должно непременно ни о чемъ предлагаемаго не отказываться. Началось угощеніе; мимо Армейскаго Офицера ежеминутно ходитъ офиціантъ за офиціантомъ съ самыми лучшими яблоками. Наконецъ дошло до того, что онъ набилъ ими все карманы, всю шляпу, и имѣлъ видъ начиненнаго гуся. Все его окружили и явилась Графиня съ Адьюпантомъ, съ Княземъ L***, который былъ родной ея братъ, и учтиво поклонясь Офицеру-волокипѣ, ласково сказала: „Надѣюсь, что за вашъ десятокъ яблоковъ, я отблагодарила вамъ достапочнокъ!“

Дѣло въ томъ, что Графиня, желая прогуливаться въ Лѣвнемъ саду никогнико, опозшла отъ кареты своей одна; и сіе-то было причиною пріятнаго знакомства ся съ Армейскимъ Офицеромъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывавая на оныхъ: *Издателью Сверхнаго Меркурия.*

№ 11.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *велевой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 26 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Валентинъ Исидоровичъ
РИѠМОВИЧЪ

Чтобъ музыканпомъ быть, такъ надобно умѣть
И уши вашихъ поуживать.

Крыловъ.

Вообразивъ, сколько у насъ спихокропашелей, невольно вздохнешь и скажешь самъ себѣ: зачѣмъ эти люди воздухомъ дышашъ, зачѣмъ свѣтъ Божій видяшъ, зачѣмъ хлѣбомъ пасущимъ питаются? — У насъ есть Г-да Орловы (только не полагайте въ числѣ ихъ просвѣщеннаго переводчика Горація), Улеговы, Томины, и пр. пр. пр: стѣнитъ лишь развернуть листки нѣкоторыхъ новыхъ журналишковъ, печатаемыхъ на самой грубой обверточной бумагѣ, чтобъ встрѣтить множество именъ неизвѣстныхъ и равносильныхъ или синонимныхъ съ именами Поэтовъ, лившихся въ Цезарь, Зейцера, Вѣникъ Грацій и пр. Есть у насъ Конфеткины, Ипокренскіе, Баклушкины, Пустоцѣтовы, Ландышевы, Куплетины, РиѠмовичи . . . РиѠмовичъ! Вотъ счастливое имя, вѣрно изображающее характеристику всѣхъ жалкихъ Русскихъ Метромановъ, столь жестоко осмѣянныхъ разными перьями, начиная отъ пера Пирона до пера нижеподписавшаго вашего покорнѣйшаго слуги. Признаюсь: Валентинъ Исидоровичъ есть существо, въ литературномъ мѣрѣ презанимательное. Хотите ль познакомиться съ нимъ для шутки? О! это самое легкое дѣло! Только можете-ли удовлетворить прѣмъ

Томъ 111. № 11.

вопросамъ, а именно: богаты-ли вы, имѣете-ли знакомаго спиходительнаго Журналиста, и наконецъ имѣете-ли первѣніе выслушивать переводы въ стихахъ, съ языковъ Польскаго, Сербскаго, Далматскаго, Кроатскаго, Богемскаго, Илирійскаго, Чешскаго, Морлакскаго и проч.? Переводы сіи, впрочемъ, entre nous soit dit, заимствованы съ Французскаго, изъ нѣкоторыхъ Парижскихъ Энциклопедическихъ Журналовъ. — Войдите вы въ госпитальную Криводушина, собирающаго у себя литературную вагату: вотъ вбѣгаетъ маленькій, черненькій человечекъ въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ пикетовомъ жилетѣ и въ накрахмаленномъ галстучкѣ, съ клакомъ въ рукѣ, облеченной въ Шведскую перчатку (NB. полуиздранную!). Улыбка на лицѣ его до того растянула ротъ, что онъ распустился, какъ у крокодила, вплоть до ушей; а глаза, подобно двумъ свѣшлякамъ, сверкаютъ изъ подъ кольцеобразныхъ черныхъ бровей. Взглянувъ на него, вы пошчасъ опгадаете, что онъ зараженъ метроманіею, или, говоря по Русски, спрасъю къ виршекрапашельству, копорая въ немъ превратилась во вторую природу. Посмотрите, съ какимъ педантическимъ видомъ бросился онъ на диванъ; какъ онъ схватилъ какую-то новенькую брошюрку; какъ онъ началъ ее разсматривать, судить, крипиковать? Вотъ попался ему одинъ извѣстный вамъ листокъ, въ копоромъ онъ началъ порицать и прозу, и стихи, и цѣль, и мысли, и чувствованія, и прекрасную велевую бумагу, и печать, словомъ все. Почему? Потому, что Редакторъ сего Журнала отвернулъ переводъ его огромной Босній-

ской пьсенки, равно и нелѣпое посланіе къ Mademoiselle N****, написанное имъ въ ея Альбомъ на шеснадцатили страницахъ! . . . Вотъ единственная причина его несправности; а мало-ли есть такихъ настойчивыхъ вампировъ въ литературномъ мірѣ, которые за впечатаніе своихъ стихотвореній готовы или ненавидѣть или обожать Журналъ вашъ? Отказать имъ и пѣтъ исполнять обязанности свою предъ публикой, значить оскорбить ихъ непрощающее никогда самолюбіе, и вооружить противъ себя челоуѣка, готоваго вредить вамъ и литературно и нелитературно. Приять же ихъ вирши, значить привязать ихъ непоколебимыми узами къ своимъ знаменамъ и оскорбить вкусъ публики, которая сдѣлалась нынѣ разборчивою и прихотливою, — къ досадѣ многихъ Журналистовъ и къ удовольствію всѣхъ людей благомыслящихъ. Трудное положеніе Журналиста! — Ему легче писать все самому, чѣмъ имѣть подобныхъ сотрудниковъ, скучныхъ и наспойчивыхъ. Валентинъ Исидоровичъ до того влюбленъ въ свои произведенія, что думаетъ, будто всякому слушать ихъ споль же приятно, какъ ему читать. Только что появляется онъ, всѣ потчасъ съ безпокойствомъ смотрятъ на лѣвый его карманъ, тугу наугу набитый разнаго рода стихотвореніями. Вотъ не усидѣлъ онъ еще выкурить четвертинъ трубки, какъ вначасствъ вынимаетъ дѣтшище за дѣтшищемъ, изъ коихъ каждое для него равно мило, равно восхищительно. Валентинъ Исидоровичъ восклицаетъ во все горло: Господа, Messieurs, я видѣлъ, я слышалъ, я пидъ гласъ несравненной Зоинтагъ; и вотъ, что написано мною подъ диктовку воспламененнаго его вображенія и самаго чиспѣйшаго энтузіазма. Слушайте, Messieurs, слушайте *миленькіе*, пожалуйста.

ГЕНРИЭТТЪ ЗОИНТАГЪ.

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько стиховъ, которыхъ мы, щадя терпѣніе нашихъ читателей, не выписываемъ.)

Этотъ нескладный наборъ римовъ и словъ былъ прочитанъ имъ съ воспоргомъ, ярко изображавшимся при чтеніи сей галиманья на черномазой физиогноміи виршеслагателя, который принимаетъ въ подобныхъ

случаяхъ видъ восхищающагося челоуѣка, а зѣвоту слушателей, искривляющаго ихъ лица, обращеніе въ предразсудокъ, будто-бы заспавающій, по его мнѣнію, удерживать свои слезы.

— Но довольно о Г-нѣ Риемовичѣ! Онъ теперь вамъ извѣстенъ! Смотрите жь, на заперъ ваши двери отъ него и скажите саугамъ: „если придепъ черуенькій челоуѣчекъ, съ брюхашымъ боковымъ карманомъ, то сказать пѣтъ дома!“

Искренскій.

П Ъ С Н Ъ Я Н Ы Ч А Р А .

Завра младая,
Какъ ладышь душистый вѣсеней порой,
Красою блистая,
Цвѣла и прельщала всѣхъ взоры собой.
Завра невинна,
Завра дила,
И въ нѣгъ пустынной
Взлетѣла дѣва любовью шупля.
Завра дѣвица,
И юноши зыются за нею шолдой,
Прекрасна денница,
Прекраснѣ дѣва съ улыбкой живой.
Невѣдомый пламень
Въ груди молодой:
И въ сердцѣ, какъ камень,
Взоръ пылкій Мулея таился порой.
Завра любила — . . .
И тайно Заиру счастливилъ Мулей,
Но дѣва забыла
И кляпвы и счастье таніиственныхъ дней:
Ахъ! бѣда те забудеть
Завры своей,
И впрель ей будетъ,
И жершвою сгибнешъ коварныхъ спраздлей.
Завры не стало . . .
Могла высокой правой заросла,
Завра увла . . .
Давно-щ, какъ ладышь блистала, цвѣла?
А надпись гробницы:
Любила — жила!
Страшнѣсь дѣвницъ;
Она измѣнила — она умерла.

Н. Дамитовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

9. *Роза Грацій, или собраніе стихотвореній для прекраснаго пола.* М., въ Тип. Н. Степанова, 1830. Въ 12. (72 стран.)

Компиляція, которыхъ можно составить сотни при, если только пробьшь въ магазинъ А. Ф. Смирдина часа три, собранная и изданная безъ цѣли, человекомъ безъ вкуса, принадлежащая къ Московской фабрикѣ книжной промышленности. Желательно знать: какую цѣль имѣлъ Собираатель при изданіи сей книжки? Вѣроятно, только ту, чтобъ заплапнуть Типографіи Н. Степанова за опшнску прехъ печатныхъ листовъ! Онъ списывалъ въ свою тетрадку, что ему нравилось и вздумалъ тетрадку свою напечатать! Если всѣ тѣ, которые имѣютъ у себя тетрадки для списыванія въ нихъ разныхъ стиховъ, вздумаютъ поступить по его примѣру, то для эпѣго надобно будетъ завести въ Москвѣ тысячу Типографій, которыхъ на тысячу лѣтъ будутъ завалены работою. Второй-же вопросъ, который надлежало-бы сдѣлать Издателю сей книжки, есть слѣдующій: какое онъ имѣлъ право самовольно перепечатывать стихи *извѣстныхъ* нашихъ Поэтовъ? ибо одинъ изъ нихъ, въ присутствіи котораго пишется сіи стихи, крайне за сіе негодуешь. — Единственное достоинство сего собранія есть — *краткость*. Спасибо Издателю за то, что онъ лѣниво списывалъ въ свою тетрадку! — Въ этой книжкѣ, невѣдомо почему названной *Розою Грацій*, есть стихи и Жуковскаго, и Карамзина, и Давыдова, и А. Пушкина, и Барона Дельвига, и Баратынскаго, и Э. Н. Глинки, и Туманскаго, и Карлагофа, и Барона Розена — и Графа Хвостова, и Слѣпушкина, и Г. Ардаліона Иванова, и Г. Бунимакина, и Г. Карамѣева, и Г. Левицкаго, и Г. Сіянова.

Какое множество именъ!

Какая смѣсь различныхъ дарованій!..

И не смотря на то — книжка маленькая! Нѣкоторые изъ сихъ Поэтовъ, вѣроятно, не предполагали, что ихъ произведенія будутъ поднесены Граціямъ — вмѣсто *розы*. Думалъ-ли, напримѣръ, Г. Ардаліонъ

Ивановъ, что его пѣсепка: *Глазки, глазки голубые!* напечатается когда нибудь въ серединкѣ между стихотвореніями А. Пушкина и Барона Дельвига?.. Вѣроятно, нѣтъ!..

Выпншемъ альбомные стихи послѣдняго изъ вышеупомянутыхъ Поэтовъ, пѣ. е. Г. Сіянова:

Судьбою своею
Мнѣ дара не дано въ удѣлъ,
Которымъ Пушкинъ славный
Вънокъ безсмертъя пріобрѣлъ.
Увы! включило провидѣнье
Въ разрядъ тѣхъ пѣвцовъ земля,
Которыхъ гада воображенья,
Родясь на свѣтъ, того же для
Меновенно попадаютъ въ Лету,
Или живутъ для папильотъ
Въ уборной дамъ — поклонницъ моды.
Но лишь бездарному Поэту
Вы отдали приказъ,
Чтобъ написалъ стихи для Васъ, и проч.

Не правда-ли, почтенные читатели, что этость листокъ, который мы опціируемъ опять розы Грацій, пахнетъ *истинного*?

Аристархъ Завѣтный.

С М Ъ С Б.

1.

Какой-то Чиновникъ спрашивалъ у своего Сподоначальника: „Зачѣмъ, Богданъ Архиповичъ, вы не велите переписать этой докладной записочки Господину Вельскому?“ — „У него рука не чиста!“ — отвѣчалъ въ шоропахъ Сподоначальникъ. — „Не чиста? — Такъ пусть вымоетъ! — Хи! хи! хи!“ — Вопъ оспрота, которую можно включить въ коллекцію ихъ, въ родъ конхъ каламбуръ *курится и курица* (см. 9-ой N. Свѣ. Меркурія).

2.

Вальсицкій прельщалъ всѣхъ въ столицѣ своею ловкостью и красою: всѣ дамы были опъ него безъ ума; а мужья... о! мужья часто почесывали лбы, какъ-бы донскаваясь, чего-то посредствомъ частаго осязанія. Словомъ, не было ни одного

почпи блистательнаго дома, въ который не былъ-бы приглашаемъ Monsieur Вальсицкій; и балъ былъ не балъ, если Викторъ Апполоновичъ не хотѣлъ украсить его своимъ присутствіемъ. C'était l'âme de toutes les sociétés, c'était l'enfant chéri du beau sexe! . . . Счастливецъ!.. Нажавъ довольно лавровъ въ Петрополь, онъ вздумалъ испытать счастья въ мапушкѣ Москвѣ блокаменной съ золошыми маковками, и поѣхалъ въ *сuo страну невѣсть богатѣхъ*. Онъ полетѣлъ на почповыхъ; а передовыми его была дюжина дамскихъ цидулочекъ опъ такой-то Княжны къ такой-то Графинѣ; опъ такой-то блондинки къ такой-то Брюнеткѣ; опъ такой-то почтенной исповщницы къ Госпожѣ Хлестовой; и во всѣхъ описывалась красота Виктора. Это Парисъ, это Апполонъ Бельведерскій, это Юсифъ прекрасный, это ипъ словъ для описанія *турнировъ, манеръ, суплестъ* милаго Вальсицаго. Ахъ! какъ онъ хорошъ! Ахъ! какой душечка! Что за прелесть! . . . Это оканчивало всѣ письма. Но вообразите жъ себѣ удивленіе Пешербургскихъ дамъ, когда ихъ Московскія пріятельницы имъ пишутъ: Mais, mon Dieu, ma chère, откуда ты взяла о красотѣ эпаго бѣднаго Вальсицаго? — Онъ уродъ, онъ пугало, онъ *рлбъ*, какъ кукушка, tout grélé, mais grélé au point. . . . ну признаюсь, вкусъ же у васъ M-mes les Pétersbourgeoises!—

Сказашъ-ли вамъ, въ чемъ дѣло? Вальсицкій, пемѣвнцій натуральной оспы, схватилъ ее проѣздомъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и эпа-то пріятельница изуродовала его для того, чтобъ сдѣлать сюрпризъ Московскимъ модницамъ и кокешкамъ.

Басковскій.

— Однажды въ балетѣ, во время сраженія, два родныхъ брата изъ сражающихся, принадлежали къ разнымъ партіямъ; меньшій изъ нихъ, гораздо моложе и слабѣ старшаго, долженъ былъ защищать входъ въ башню, и первый нападающій былъ его братъ. Стараясь всѣми силами удержаться на своемъ мѣстѣ, онъ

долженъ былъ, однако же, опъ сильныхъ ударовъ брата, попяпиться назадъ. Тотъ же, въ необыкновенномъ энтузіазмѣ, такъ сильно ударилъ своимъ мечемъ по тонкой театральной шпагѣ защитника, что худо укрѣпленный клинокъ, вырвавшись изъ эфеса, съ свистомъ полетѣлъ въ сторону.— „Что ты чудакъ!.. Съ ума сошелъ что-ли? — сказала меньшій братъ: *вѣдь мы должны побѣдить.*“ — *Да, точно выловатъ!*“ — воскликнулъ старшій — и, какъ мертвый, повалился къ ногамъ обезоруженнаго имъ защитника.

Петербургская *Гирланда*, свидѣтельствуя Московской *Молевъ* свое почтеніе, и желая ей совершеннаго здравія и долголетствія, поспавляетъ долгомъ довести до ея свѣдѣнія, что распускаемые ею слухи на счетъ Издашеля *Гирланды*, который будто-бы, *дабы не явиться предъ Публикою слишкомъ уже темными и непостижимыми, слегка даетъ замѣтить* — и *при томъ со всею скромностію* — что прежде участвовалъ въ Сѣверномъ Меркурі(н)ѣ, и даже, — (ахъ, Господи! прости наше согрѣшеніе!) и даже въ Карманной книжкѣ! — совершенно несправедливы. Что есть общаго между *Меркуріемъ* и *Гирландою*, — это *Молева*, вѣроятно, усмотритъ изъ 1-го Но *Гирланды*. Но когда я гдѣ Издашеля *Гирланды* давалъ замѣтить, о чемъ *Молева* разглашаетъ, эпаго, вѣроятно, никому, кромѣ *Молевы*, невзвѣстно. Между тѣмъ *Гирланда* извѣщаетъ *Молеу* также и о томъ, что она грѣшная пишепся въ Петербургѣ *Гирландою*, а не *Гирляндою*, понеже де на Французскомъ-то она именуется guirlande. Въ заключеніе *Гирланда* увѣрлетъ *Молеу*, что она, въ числѣ прочихъ цвѣтовъ, изъ которыхъ будетъ соепаляться, запаслась и *иммортеллями*.

Спуская *Молева* да не осудитъ ипжнюю *Гирланду*, которал, по словамъ-же *Молевы*, разливаетъ вокругъ себя косметическое благовопіе, что она на первый разъ вынуждена была объясняться съ нею подъяческимъ нарѣчіемъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпина, надписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 12.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 28 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ДУЭЛИСТЪ.

Il mourait d'une mort horrible et la joie contractait les lèvres livides de son ennemi. Victor-Hugo. (Bug-Jargal.)

Свѣтало. Нѣсколько экипажей сползло въ рождицѣ, и кучера тихо между собою говорили о какомъ-то кровавомъ дѣлѣ. Имена Графа Хвасницкаго и Роммистра Громлина переходили изъ устъ въ уста. Въ пѣкаторомъ опдаленіи, на полянѣ, подернутой по золотистому песку свѣтлозеленою муравою, собралось четверо особъ: два дуэлиста и два секунданта. Графъ Хвасницкій, блѣдный Полякъ, лѣтъ сорока лѣтъ, въ синей венгеркѣ, на морщиноватомъ лицѣ котораго выражались и досада, и страхъ, и дерзость, и развракъ; а величественный и юный Андрей Громлинъ, казалось, игралъ въ эпосѣ роль закоренялаго разбойника: усы вились вверхъ, а черные всклокоченные волосы придавали нѣчто отвратительное его прекрасному и вмѣстѣ надменному лицу. Впрочемъ, судя по ихъ наружности, трудно было рѣшить, кто изъ нихъ болѣе достоинъ презрѣнія, погѣ или другой: оба въ эту минуту казались существами, отвергнутыми самимъ Небомъ, и желающими утѣшиться кровію человѣческою. Физиогномія секунданта у Поляка была незначительная; лице же Русскаго было молодо и свѣжо, и не выражало ничего, кромѣ состраданія и тайнаго, со щпаніемъ, впрочемъ, скрываемаго, ужаса. Это былъ гусарскій Корнетъ Ларинъ, который въ первый разъ еще игралъ такую роль, и единственно

потому, что выпужденъ былъ на сіе дѣйствительно наглымъ поступкомъ Графа передъ Роммистромъ, котораго онъ уважалъ, какъ храбраго и удалаго гусара, сподвижника паризанскихъ подвиговъ Давыдова, Фигьера и Сеславина.

„Что же, Г. Роммистръ, готовы-ли вы?“ — спросилъ Графъ, принимая легкой Кухенрейтерскій пистолетъ изъ рукъ своего секунданта.

— „Застрѣлите псѣбя? — сей часъ готовы!“ — отвѣчалъ Роммистръ, окончивая зарядженіе пистолета, съ которымъ сладить не могъ неопытный Ларинъ.

„Я думаю“ — вскричалъ Полякъ: „что псѣбя, мнурный храбрець, весьма пріятно было застегнуть по горло: не бошь подбилъ вашей груди; вишь какая кругла!“ —

Корнетъ. Графъ! Вы себѣ позволяете наглости: такъ не поступаютъ благородные люди. Прошу стрѣлять пистолетомъ, а не языкомъ.

Роммистръ. Ларинъ! пожалуйста, братъ, безъ морали: онъ не спонитъ этаго.

Графъ. Оспавайся застегнушь: я быю прямо въ голову! —

Роммистръ. (Разстегиваясь) Вотъ псѣбя Русская грудь, на! — Хоть на вылетъ! — А въ пивсей-по венгеркѣ столько вишусекъ, плешусекъ, кисточекъ, да ешурковъ, что никакая пуля прямо не врѣжетелъ, а вѣрно застрѣпепъ въ этихъ украшеніяхъ. Ха! ха ха!

Графъ разстегнулся, и сбросилъ венгерку; саблю воткнули въ землю; секунданты отсчитали въ обѣ стороны по десяти шаговъ и отступили, сказавъ

въ одинъ голосъ, но съ различными чувствами: спръ-
ляйше! —

Графъ выпирѣлилъ первый и — мимо.

„Ну, братъ“ — сказала, улыбаясь, Громлицъ: „пвой
Кухенрейтеръ не слишкомъ-то исправенъ.“

Корнетъ. Роммистръ! Вы не имѣете права насмѣ-
хаться надъ безоружнымъ

Прежде нежели Ларинъ успѣлъ кончить свое увѣ-
щаніе, Роммистръ, проснипавъ: ии, deux, trois! вы-
спирѣлилъ: пуля, взвизгнувъ, прошипѣла въ воздухъ и —
Графъ, облитый кровью, лежалъ на пескѣ.

✱

Ночь. Вихрь взмѣтаеиъ солому на крышѣ
Жидовской корчмы; блѣдный огонекъ слабо свѣтитъ
въ обширной горницѣ. Здѣсь крутомъ стѣны низкіе
прилавки, а у одного окна спонитъ длинный столъ,
небрежно покрытый глянзною скапертью, и уста-
вленныи пѣсколькими бутылками випъ и ликѣровъ;
тупъ же ошпашки золотиспашаго Спразбургскаго пи-
рога и пѣсколько огромныхъ ломпей Веспфальскаго
окорока. Въ одномъ углу лежитъ что-то длинное на
скамьѣ, прикрытое бѣлою простынею; внизу спонитъ
пазъ, напоиенный кровью. — Это тѣло Хваспиц-
каго. — За столомъ сидитъ Громлицъ и Ларинъ;
оба они, не смотря на близкое сосѣдство мертвеца,
усердно прудятся надъ запасомъ, приготовленнымъ
догадливымъ дельщикомъ Роммистра, уже не въ пер-
вый разъ бывшимъ на такихъ дѣлахъ съ своимъ ба-
риномъ, и знавшимъ все, что прудеиъся въ этихъ
случаяхъ. Три Жида были наняты, и только ожидали
окончанія саббата, чтобъ похоронить тѣло Хваспиц-
каго. Громлицъ былъ болѣе спокоенъ, чѣмъ его моло-
дой товарищъ, который безпрестанно поглядывалъ
на дверь, опасаясь, чтобъ не вошелъ кто посторон-
ній; но рейнвейиъ развязалъ ихъ языки.

„Я не могу надивиться вашему спокойствию, Ром-
мистръ!“ — сказала Ларинъ, окончивая длинногорлую
бутылку.

— „Что жъ тупъ такого чудеснаго: ужъ я, братъ,
не въ первый разъ разыгрываю эти душты; но, при-
знаюсь: ни разу не случалось, чтобъ кровь имѣла
на меня споломъ неприятное вліяніе, какъ сегодня кровь
эшаго Ахъ! чупъ было не согрѣшилъ противъ

совѣсти: хоптѣвъ разругать его; по опъ, кажеиъ-
ся, мертвъ: черпъ съ имтъ! — Но имтъ не менте я,
имѣлъ къ этому Графу, съ перваго взгляда на него,
какое-то отвращеніе; опъ мнѣ былъ прошивентъ; опъ,
казалось, былъ виновникомъ моего безславія!

Ларинъ. Скажите: что вы чувствовали въ эту пшаж-
кую минуту?

Ротм. (*Опоражен. стах. вина*) Гмъ! Что я чувст-
вовалъ? — Да я ничего не чувствовалъ. — Но если бѣ
ты спросилъ у меня: что я видѣлъ? то я сказалъ-бы
тебѣ: я видѣлъ самый адъ! —

Ларинъ. Что вы говорише? — Адъ? . . . Боже мой,
Ротмистръ! какъ сверкаютъ ваши глаза . . . Вы больны!

Ротм. Нѣтъ, я не болѣнъ; но я въ эту минуту
увидѣлъ увидѣлъ ее.

Ларинъ. Кого, ее? —

Ротм. Ее, ну то есть ту, копорую я люблю
больше своей жизни.

Ларинъ. Э! э! — Не горячая жъ эша любовь! — Да
вы свою жизнь въ копѣйку не спавите.

Ротм. (*Улыбалсь*) Насмѣшиикъ! — Нѣтъ, она для
меня всего милѣе въ свѣтѣ; она для меня вѣтъ по-
жертвовала; она поклялась мнѣ въ вѣчной любви;
а я клялся именемъ Русскаго гусара, что буду лю-
бить ее болѣе всѣхъ женщинъ. Держу ль я мое слово? —

Ларинъ. Слишкомъ крѣпко для такого молодца, какъ
вы. Съпи Варшавскихъ и Парижскихъ прелестницъ
не могли уловить васъ, такъ не знаю, кому удастся
эша честь. Но какъ зовутъ вашу пассію? — Позволь-
те узнать соралинику тайну вашу! —

Ротм. Ее зовутъ Лодонской.

Ларинъ. Лыпъ?

Ротм. Семпадцать.

Ларинъ. Блондинка или брюнетка?

Ротм. Ни то, ни другое: у моеи Лодонски жан-
пановаго цвѣта волосы.

Ларинъ. Самый романническій цвѣтъ! —

Ротм. Смѣйся; а за минуту я былъ пигромъ; ипе-
реть же снова ягпенекъ.

Ларинъ. До поры, до времени. Неужели вы до того
присмърѣли, что если бѣ, напрімъръ, мерпивецъ

всталъ, то вы не занесли бы руки на эжесь вашей Солингенской сабли? —

Ротм. (*Выпивая еще стаканъ.*) Клянусь, что я превращилъ-бы эту мертвечину въ ростбиль. Гмъ! ха! ха! ха! — Великаго другаго я пожалѣлъ-бы; а къ нему имѣю что-то невыразимое: онъ мнѣ мерзокъ. Ахъ! снова передъ глазами мерещился Лодонскъ! —

Ларинъ. Но расскажите, по крайней мѣрѣ, что это за дивное существо, и какъ вы съ нимъ познакомились.

Ротм. (*Закуривая трубку*) Изволь! — Для млага дружка и сержка изъ ушка. Хоть поутру я едва тебя не застрѣлилъ, а теперь снова друзья. Ты добрый малый; дай руку! — Открою тебѣ тайну моей жизни.

(*Омонганіе въ слѣд. Но.*)

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

К... П..... ой.

Какъ метеоръ мицунный, по прелестный,
Мгновенной на землѣ ты гостью была;
И пронеслась, какъ быстрая спрыла,

Затеряла въ подлестной.

Какъ пыжый ароматъ цвѣтовъ,

Какъ чистый оміамъ кадила,

Какъ жаръ святой молитвы словъ,

На небеса душа младенца воспарила.

Она чиста, она ясна,

Какъ тихій ручеекъ пустынный,

Какъ неба южнаго весна,

Какъ юной дѣвы взоръ певный.

Младенецъ! быліе пвое

Свершилося земное.....

Сномъ сладкимъ спи, дитя мое!

Сномъ сладкимъ спи, мое родное!

П. В—въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

10. *Киргизъ-Кайсакъ.* Повѣсть. Двѣ часни. М., въ Тип. Степанова, 1830. Въ 12. (Въ перв. ч. 238; во вн. 240 страницъ.)

Читателямъ Московскаго Телеграфа, въ особенно-сти, извѣстны литературныя занятія Г. Ушакова, Сочинителя сего романа, изъ котораго первыя двѣ главы мы уже прочитали съ удовольствіемъ въ помѣнуемомъ Журналѣ. Читая сей романъ въ цѣломъ, мы увлеклись такимъ-же удовольствіемъ: здѣсь въ дѣйствующихъ лицахъ вы видите людей, съ которыми

живете въ общественномъ кругу, съ которыми встрѣчаетесь ежечасно. Семейственныя картины, слабости людскія, военная жизнь, которая Автору хорошо извѣстна, кокетство, — все это изображено близко къ природѣ. Этотъ романъ посвященъ Н. И. Гречу. Желательно, чтобы сей послѣдній не остался въ долгу у Г. Ушакова. Это означаетъ наше желаніе, (за которое насъ поблагодарить отечественная публика,) чтобы Г. Гречъ написалъ новое сочиненіе.

С М Ъ С Ъ.

Истинное происшествіе.

Въ 1823 году, въ исходѣ Октябрѣ, близъ Москвы, два крестьянина, родные братья, возвращались домой поздно вечеромъ изъ сосѣдней деревни. Имъ надлежало проходить густой лѣсъ, гдѣ много водилось медведей, и гдѣ суевѣріе населило черпей, въдьмъ, лѣшихъ съ длинными рогами, съ съдою бородой, съ ослиными ушами, и п. и., словомъ всѣхъ *нечистыхъ*, коимъ еще до сихъ поръ вѣрять простой народъ. Ночь была сырая и темная, а потому не мудро, что воображенію нашихъ путешественниковъ представлялись страшные предметы. Долго шли они въ совершенномъ спокойствіи, какъ вдругъ надъ ними прокричалъ филинъ (*), и вслѣдъ за этимъ имъ послышался шорохъ и шаги нечистаго (такъ называютъ они *вѣлыгилелныхъ* злыхъ духовъ). Оба брата бросились опрометью бѣжать, и старшій, поскользнувшись, упалъ въ лужу. Младшій, услышавъ за собою паденіе брата, вообразилъ, что медвѣдь догналъ и повалилъ его, останоился, выхватилъ изъ за пояса топоръ, подбѣжалъ къ брату, и въ то самое время, какъ топъ хотѣлъ встать, онъ размахнулся и разсѣкъ ему голову; попомъ опъ страха пустился снова бѣжать и благополучно достигнулъ до своего селенія. На слѣдующее утро, безпокоясь объ отсутствіи брата, онъ отправился въ лѣсъ, и дойдя до самаго того мѣста, нашелъ брата мертвымъ; мысль, что онъ сдѣлался брапоубійцею, такъ его поразила, что онъ лишился разсудка.

(*) Простой народъ крикъ филина приписываетъ льшему, замшивающему людей.

Не весьма многіе любящъ давать деньги займы—на *честное слово*. Но эшо осуждать не должно: ибо весьма немногіе мслятъ платить долги свои.

Никто не любитъ отдавать.
Усердно такъ, какъ брать.

Нерѣдко возникаютъ ссоры между самыми хорошими пріятелями, единственно изъ денежныхъ расчетовъ. Впрочемъ займодавцы бываютъ болѣею частью правы. Въ самомъ дѣлѣ досадно: при займѣ назначаютъ срокъ, увѣряютъ васъ всѣмъ, что есть свято, въ вѣрной уплатѣ долга въ назначенное время—дайте только! Срокъ мигаетъ; иногда пройдетъ и двойной, и тройной, а должникъ вашъ и не думаетъ обь уплатѣ. Вы совѣстившесь напомните — и должникъ вашъ сохраняетъ хладнокровное молчаніе. Вы сами нуждаетесь, и находите себя въ необходимости попросить самымъ учинивымъ образомъ своихъ денегъ— и получаете въ отвѣтъ: *потерпите!* При вашихъ глазахъ должникъ вашъ проигрываетъ въ вечеръ болѣе должной вамъ суммы, и между шѣмъ говоритъ, что у него нѣтъ денегъ вамъ закладить. Вы шерляте шерпѣе и прислушаете рѣшительнѣе къ полученію своей собственности — и должникъ осыпаетъ васъ градомъ упрековъ, вамъ-же напоминаетъ о чести (ш. е. о вашей, ибо его находится у васъ въ закладѣ), и васъ же называетъ человѣкомъ, неумѣющимъ жить въ свѣтѣ. Что дѣлать? По спрогомъ обещанію предмета, если вы человѣкъ благоразумный, вы найдете виновнымъ самого себя, ударите себя рукою по лбу, и скажете: ахъ, я дуракъ! Такъ бываетъ частенько! — Но повѣрялъ-ли намъ почтенные чинашени, если мы представимъ примѣръ, что займодавецъ, получивъ отказъ отъ своего кредитора въ уплатѣ долга, не только не подосадовалъ на него, но готовъ былъ еще повѣрить ему, если бъ только онъ попросилъ. Въ этомъ случаѣ отказъ былъ пріятнѣе уплаты. Вотъ какъ было дѣло. Одинъ молодой человѣкъ по просьбѣ N*, человека, съ которымъ недавно и познакомился, снабдилъ его нѣкоторою суммою денегъ. Про-

шло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ по мнѣванію срока, назначеннаго для уплаты, и займодавецъ написалъ къ своему должнику записку, въ которой просилъ его о возвращеніи взятой суммы; на что получилъ въ отвѣтъ письмо слѣдующаго содержания, которое мы передаемъ нашимъ читателямъ безъ малѣйшаго измѣненія въ текстѣ.

Милостивый Государь

N. N.!

Одно только желаніе услужить Вамъ замедлило отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо ваше въ первый разъ въ жизни ко мнѣ последовавшее по видѣ всѣ старанія мои тщетными я не могу удовлетворить оному и объявить о томъ вамъ безъ крайняго прискорбія. Чудовищны а негоды, обязанные мнѣ займомъ по векселямъ не говоря о значительныхъ ссудахъ едланыхъ на честное слово не сжалились надъ моею убедительною просьбою о выдачи мнѣ такой бездѣлицы о которой и говорю много неспойтъ, и одинъ изъ нихъ еще изволил опослать меня къ формѣ векселя, который онъ мнѣ далъ, ссылаясь на срокъ еще не окончившійся, беетин! росповщики. Незнаютъ того какую они причиняютъ мнѣ свѣмъ отказомъ глубокую рану, ибо лишаясь теперь столько благопріятнаго случая показать вамъ мое безкорыстное усердіе, я оная не скоро могу его получить и въ опущеніе за нѣо вредамъ въ руки ваши вѣроломныя ихъ заемныя письма, а вѣчно хопитъ по и дѣлать съ ними бездушными пварями подобными своимъ векселямъ.

Повершъ какъ меня мучаютъ адскіе эпіи фурін которые съ слезами на глазахъ берутъ вспомошествованіи; клянутся непреложною благодарностию а отдаюють ледными словами.

Въ прочемъ я неперестану еще быть таковымъ каковъ есть, буду продолжать свои опыты и докажу что ни одинъ врагъ не успеетъ отвратить меня отъ добра хотя бы и изрыгалъ зло за оное, мое совершенное удовольствіе будетъ тогда только, когда получу возможность угодить вамъ, сверхъ почтенія и преданности съ коими имѣю честь быть вашимъ

Покорнѣйшимъ слугою. N. N.

Не худо, если бъ всѣ неисправные должники угождали своимъ займодавцамъ нѣкимъ-же возвышеннымъ краспорѣчемъ, и если не могутъ заплащить денегъ, то по крайней мѣрѣ писали-бы, въ извиненіе своей неустойки, подобныя письма! —

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурия.*

№ 13.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 30 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

ДУЭЛИСТЪ.

(Окончаніе.)

„Года два или три тому назадъ“ началъ Ромшперъ: „мы шли походомъ черезъ Вильну, гдѣ на одномъ балѣ я встрѣтилъ прелестную, едва развернувшуюся малютку; ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Она меня обворожила, и удамой рубака Громлицъ сдѣлался воздыхателемъ самымъ романтическимъ. Я не могъ жить безъ Лодонски, а она.... она не могла спокойно проводить того дня, когда не видала меня. Несчастія ея сдѣлали ее еще интереснѣе въ моихъ глазахъ. Вообрази: мать ея вышла по страсти за одного молодого человѣка простаго происхожденія, прошивъ воли своихъ родственниковъ, которые въ Польшѣ весьма сильны и пользуются извѣстностью и знаменитостью. Конрадичъ, (накъ имя отца моей Лодонски) въ особенности оскорблялъ знавшихъ Пановъ тѣмъ, что вздумалъ выйти на дуэль съ однимъ изъ кузнецовъ своей любезной и убилъ его. Местъ вельможная не имѣла ни прѣпоны, ни границъ. Несчастливая Софія Честозильская принуждена была переимѣнить фамилію свою на простое имя Г-жи Конрадичъ, а мужу ея даже невозможно было жить спокойно дома въ окрестностяхъ Вильны: онъ принужденъ былъ скрываться подъ чужими именами отъ преслѣдованія мстительныхъ родственниковъ, и перѣд-

ко даже приставая по къ толпѣ нищихъ, то замѣшиваясь въ таборъ кочующихъ Цыганъ, то являясь въ видѣ ниспраннаго путешественника. Часто впрочемъ возвращался онъ домой, и всегда щедро одаренный женою, проводилъ двѣ или три ночи подъ мирнымъ кровомъ, снова исчезалъ и убѣгалъ, куда глаза глядятъ. Дочь знала его мало, но любила спрашивать, и съ дѣтскою искренностью рассказывала мнѣ о его походахъ, изъ которыхъ нѣтъ мнѣ казались сомнительными, и перѣдко мысли Конрадича носили отпечатокъ какого-то вампирства, или, просто говоря языкомъ здѣшнихъ обывателей, какого-то контрабандирства. — Я былъ съ Лодонской въ перепискѣ во все время кампаніи, и по возвращеніи нашемъ въ Кіевъ, нарочно заѣхалъ въ Вильну: ахъ! какъ разцвѣла она тогда! какія новыя красоты въ пей открылись!... И однажды, какъ теперь помню, это было въ сумерки, въ каприфоліевой бесѣдкѣ, я пилъ съ нею чай; она взяла бандуру, и мы пѣли дружно, голоса наши сливались; я сѣлъ ближе къ пей; обнялъ ее; дыханіе мое запылось; она пренепала въ моихъ объятіяхъ; она горѣла; я не зналъ, гдѣ я, что я, кто я..... и черезъ нѣсколько минутокъ, громъ небесный, казалось, разразился надо мною!... Съ тѣхъ поръ я сдѣлался грустенъ. Полкъ нашъ пришелъ квартировать сюда, но не веселилъ меня это сосѣдство: въ шумныхъ бесѣдахъ ницу я ушѣхъ, и не нахожу ихъ. Слая мысль, что несчастная Лодонска близко отсюда, приводитъ меня въ прѣпетъ. Я еще не рѣшился съѣздить въ ихъ деревню. Совѣсть грызетъ меня: я ниц

смерти въ дуэляхъ и не нахожу ее. О! несносное положение; когда живешь для мученій, и не удается умереть для отдохновенія. Вопль, напримѣръ, передо мною слышалъ эшаго несчастнаго; вѣдь онъ тебѣ кажется виновнымъ?—

Ларинъ. Безъ сомнѣнїя: онъ сфальшивилъ въ банкѣ и хошѣлъ обезславить и васъ и Русскій мундиръ дерзкою ложью. Ему подѣлаемъ!

Ротм. (*Горько усльхался*) О! ребенокъ! А знаешь ли? — Я подвернулъ ему цешёрку! — Зачѣмъ? ты спросишь, Нароцио, чтобъ произвести испорцію и дуэль; чтобъ погибнуть отъ его руки или чтобъ его погубить; я уже тебѣ сказалъ, что спалъ его ненавидѣть съ первой минуты нашего знакомства въ игорномъ домѣ. Но когда онъ узналъ, знаешь-ли, мнѣ показалось, что щенная, розовая кровь спрадалницы Лодонски брызнула мнѣ въ глаза. Я это plainly никогда ничѣмъ не опмюю.

Ларинъ. (*Сильная со слези*) Женитесь на ней.

Ротм. Мнѣ женишься? — Мнѣ? — На ней! Ахъ, Викторъ! — Я женашъ! —

Ларинъ. Женашъ?

Ротм. Да, женашъ, вопль уже пять лѣтъ; а болѣе прехъ годовъ жены въ глаза не видашь.

Ларинъ. Какъ это? —

Ротм. Да, такъ, Женлся я по безумной страсти на одной богатой дѣвушкѣ, весьма избалованной своею бабушкой Княгиней Хлестовой. — Гусарскій долманъ, усы, рыльный конь, прельстивши Московскую красотку, и она сдѣлалась моею женою; но недолго мы жили въ ладу: ревность заставила меня имѣть дуэль съ однимъ молодымъ человекомъ, къ которому жена молвърно изъ избышка супружеской вѣрности или изъ романизма, не знаю почему, была болѣе благосклонна, нежели сколько надлежало замужней женщинѣ. Я убилъ его. Она уѣхала въ деревню, а опшуда отправилась въ чужіе края, гдѣ щенерь путешествуемъ подъ вымышленнымъ именемъ Княгини Руссіевской, вмѣстѣ съ какимъ-то авантюристомъ-ли, рецеганомъ-ли Охъ! морозъ беретъ по кожѣ отъ досады! Но знаешь-ли, однако, Ларинъ, мы напрасно упустили эшаго Подлячку, секунданта: онъ на лихомъ иноход-

цѣ удралъ невѣспн куда, и можетъ надѣлать намъ хлопотъ. Если бѣ поскорѣй закопать покойника. — Скоро-ли кончится эпошь Саббашъ? . . . (*Смотря на часы*) Эге! сей часъ бѣспъ полночь. Прекрасно. Мы спокойны. — Черезъ минушу придутъ наши факшоры и мы сладимъ дѣло вмѣстѣ,

— „Да, да, сказалъ разсѣянно Ларинъ, но скажите пожалуйста, Ротмистръ, извините mon peu de délicatesse, — какъ зовутъ эшаго мерзавца, который путешествуемъ съ вашей дражайшей супругой? —

— „Кажется, Баронъ фонъ Вольмаръ!“ — отвѣчала Громлинъ, выпустивъ тучу дыма разными узорами.

Все было тихо; но вдругъ что-то стукнуло и раздался звонъ, заставившій вздрогнуть бесѣдующихъ. Они взглянули на покойника: рука въ судорожномъ движеніи ударилась о мѣдный тазъ, покровъ приподнялся, и взорамъ ихъ представился спрашный, позиціонный пруръ съ закатившимися оловянными глазами; зубы крѣпко были сшнснуты; пальцы, казалось, двигались; мускулы около глазъ имѣли конвульсическое движеніе. На рубашкѣ запеклась кровь и снова начала капать.

„Онъ ожилъ!“ воскричалъ Ларинъ.

— „Шалишь!“ — взревѣлъ Громлинъ какимъ-то адскимъ голосомъ и опорожилъ бокалъ, — „Эпо намъ не невидальщина; стара шутка! — Борьба жизни съ смертью! Последняя хрипота! — Слышали-ли концертъ въ его горль? А какво? — Вѣдь это спонитъ скрипки Липинскаго? Ха! ха! ха!“ —

Говоря это, онъ обнажилъ свою саблю, провелъ ее раза два надъ свѣчею, и съ ловкостью Вальвилева ученика, всадилъ въ грудь покойника. Мертвецъ выпарацилъ спрашные глаза, отворилъ ротъ, высунулъ языкъ, конпорый, какимъ-то сверхъ естественнымъ голосомъ, проспоналъ весьма тихо: „Я Баронъ Вольмаръ! . . .“

— „А! — воскричалъ Громлинъ съ адскимъ смѣхомъ махал саблею: очень радъ съ вами познакомиться; прошу любить и жадовать. Ея Сїапельство Княгиню Руссіевскую, Прону цокорно! Прону покорно! Ха! ха! ха! Очень радъ, что познакомился! . . .“ и лезвее пошло гулять по шѣлу, онъ конпорато немедленно отвалилась

рука; потомъ другая; черепъ раскрошился, и по завѣсьмъ эту отвращительную картину. Минушь десять пѣшнихъ Громлинъ; брызги крови летѣли во все стороны и желѣзистый запахъ оной поражалъ обоняніе юнаго Ларина, который, вышувъ изъ подъ жилета свой образъ, молился съ Вѣрою при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ.

Въ это время у запертыхъ дверей раздался шумъ и крикъ: „отворите, разбойники!“ — Громлинъ съ кровавой саблею въ рукахъ всталъ у входа, отвѣчалъ: Если кому надоѣла жизнь, милости просимъ! Сюда! . . . и махалъ мезеємъ. — Вдругъ двери отворились и при двадцати факелахъ вбѣжали въ горницу двѣ женщины, Сабля вынала изъ рукъ Громлина: по были Лодонска и мать ея. — Спрашно сверкала своими огненными глазами, прелестная дѣвушка, какъ пингрица, бросилась на Громлина, и вскричала: „Злодѣй! ты не удовольствовался тѣмъ, что цохипилъ честь у дочери, и отнял жизнь у отца ся. Говори, варваръ! . . . Говори: гдѣ мой родилель? Гдѣ пошь, кого ты убилъ? Гдѣ Графъ Хваспицкій?“ —

Ротмисиръ указалъ на обезображенные оспатки.

Жена и дочь бросились на кровавый шрупъ и начали лобызать его. Попомъ Лодонска съ воплемъ успремилась на Громлина. Онъ побѣжалъ изъ корчмы. Лодонска послѣдовала за нимъ. Выбѣжавъ на дорогу и достигнувъ крупаго берега рѣки, Громлинъ спремглавъ бросился въ нее: „Не уйдешь ты отъ меня!“ вскричала Лодонска; и съ сими словами кинулась за своимъ обольспилелемъ и убійцею отца своего. Оба они погибли въ шумящихъ волнахъ Вислы.

Все это разсказано было недавно въ одномъ пріятномъ обществѣ Полковникомъ Ларинимъ, который за пинадцать лѣтъ предъ симъ былъ Корнетомъ въ эскадронѣ несчастнаго Громлина, — Разсказъ Ларина имѣлъ на всѣхъ слушавшихъ сильное вліяніе: двое или шрое полубразованныхъ юношей, поправляя свои накрахмаленные галстухи, находили que l'anecdote est à la hauteur du gout du jour; — иъкоторыя изъ дамъ ахали, а молоденькія дѣвушки пролепетали что-то не въ пользу этой повѣсти. Вишеслагатель Рнѣмовичъ чухъ не отдавилъ переднихъ лапокъ маленькому спину хозяйки?

прискивая рнѣму къ романическому имени Лодонска; а Викулъ Харипоновичъ Скупаловъ, игравшій въ вистъ, и прислушивавшійся къ разеказу, не смотря на досадныя восклицанія старой Книгини Тугоуховской, которая съ нимъ была въ паршин, — спросила: „да какимъ же образомъ Г-жа Конрадичъ узнала объ этомъ?“ —

— „Черезъ секунданца, Босняка Жемайку, извѣспнаго хипреца, который, бывъ во всѣхъ случаяхъ сподвижникомъ мнимаго Графа Хваспицкаго, — хотѣлъ, пая за что-то личную злобу противъ Ротмисира, — все это обнаружитъ, чтобъ его погубить; а самому въ мушной водницѣ рыбку половить. Боснякъ во всемъ желаемомъ успѣлъ: Софія Конрадичъ пошла въ монашескъ; а онъ, завладѣвъ всемъ имѣніемъ, женился на ея горничной, и шеперь живетъ пріпѣваючи.“

„Не бось, вѣрно въ откупа пуспился злодѣй! А что не Бѣлорусскіе-ли силъ?“ замѣнилъ откупщикъ Скупаловъ.

— „Быть можеть.“ — отвѣчалъ Полковникъ.

Вл. Б — шевъ.

Б О Г О М О Л К А .

С к а з к а .

(Писано въ 1784-мъ году.) (*)

Незнаю гдѣ, Прелеста обитала;

Ея душа, казалося, лепала

Прямой стезею къ небесамъ.

Куда идетъ она лишь благовъсптъ начнется?

Къ заупрепъ, къ часамъ,

Къ обѣдивъ соберепся;

А возвращаясь домой олянъ передъ кивотъ:

Всѣ думали: она въ моливѣ круглый годъ!

Прелеста иъкогда стоя предъ образами,

Съ воздѣпными къ Создателю глазами,

Держа моливенникъ въ рукахъ,

Того передъ собой узрѣла,

Къ кому любовью горѣла.

Напомнилъ Адонисъ о дорогихъ часахъ,

О сладостпой любви, ея всеильной власти,

О быспромъ-врѣмени, чтобъ послѣ не шужилъ!

Она, покорспвуя неодолимой спрастни,

Успѣла вымолвить: „дай сваящцы заложилъ!“

N. N.

(*) Сочиненіе одного изъ извѣспнѣйшихъ нашихъ здравствующихъ писателей. И з д .

НОВЫЯ КНИГИ.

11. *Хлыновскіе степняки Иенатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина.* Сочиненіе Александра Орлова. Двѣ часни. М. въ Тип. Н. Степанова, 1831. (Въ перв. ч. 80, во впр. 101 стран.)

Куда двѣваться намъ опъ Александра Орлова? Что нумеръ Московскихъ Вѣдомостей, по и видишь: у книгопродавца *Василья Васильева Логинова, въ книжной его лавкѣ на Никольской улицѣ во флигель Заиконоспаскаго монастыря, подъ NO 13 и 14, поступило въ продажу на сихъ дняхъ отпечатанное сочиненіе Александра Орлова.* Содержаніе оной книги, продолжаетъ книгопродавецъ Логиновъ, слѣдующее. Афросюши да Соломаши видно вездѣ за сердце хващашутъ; спуслиа льто, въ льсъ по малину не ходитъ; Ай жена, по-то попалась женушка; каково-шо на томъ свѣтѣ Выжигиннымъ; Нравоученіе книгопродавца, что бы побольше пописывали сошничковъ и пѣсешничковъ (надлежало-бы прибавить: дураковъ де много на бѣломъ свѣтѣ: раскупить!); Три жены: знайка, незнайка и двурубашечная и проч. и проч. и проч. Цѣна за 2 части 4 р., съ пересылкою 5 рублей. (См. 8-й No Моск. Вѣдомостей.)

Сныдѣ и срамъ!.. Г.Г. Журналисты! помогите!.. Московскіе бумагомаратели одолевашутъ!.. Меркурію скоро не подѣ силу буденъ одному шлуптѣся съ ними! — Спасайше публику опъ наглаго обмана, въ который она вовлекается закоренѣлымъ невѣжествомъ и гнуснымъ корысполобіемъ! — Можно ли безъ душевнаго негодованія сморѣть на подобныя вещи, происходящія въ нашей Литературѣ, въ нашей книжной торговлѣ! — Горе вамъ, любители чтенія, обиташіе въ провинціяхъ, и выписывашіе книги на основаніи публикацій, печатаемыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, — горе вамъ, до которыхъ не достигнешъ гласъ нашъ!..

Осперегитесь: плохо шупъ!

Блажитъ безграмотное племя!..

Вѣдь невозвратно пропадутъ

У васъ рубли и время! —

С М Ъ С Ъ.

— Въ одномъ изъ NNc С. П. бурскихъ Вѣдомостей въ концѣ прошедшаго года мы прочитали презабавное объявленіе о погребѣ Э. Гордона, что на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Графини Спирогоновой No 50-й, Расхваливъ свой погребъ, „Эдуардъ Гордонъ увѣряетъ своихъ друзей, что послѣдняя рюмка, которую онъ будетъ пить въ нынѣшнемъ (ш. е. въ 1830-мъ) году, будетъ за ихъ здравіе и благоденствіе, и если Богу угодно, что онъ будетъ живъ и здоровъ, то первая рюмка въ 1831-мъ году будетъ также выпита за ихъ здравіе, включая ихъ женъ и семейства.“ Сверхъ всего эшаго приложены слѣдующіе стихи:

Эдуарда Гордона вино

Для веселья намъ дано:

Имъ мы пишемъ сочиняемъ,

(Avis aux Litterateurs!)

Имъ мы спимъ и работаемъ,

И боли въ головѣ не знаемъ.

Разумѣется, что вино Г. Гордона гораздо лучше, нежели стихи его.

— Въ повѣсти одного изъ любимыхъ нашихъ Прозанковъ, В. И. Карагофа, напечатанной въ Невскомъ Альманахѣ, подѣ названіемъ: *Собръя*, мы замѣтили слѣдующую несообразность, которую, можетъ быть, иной лицепріятный починатель сего Писателя и не сочтетъ таковою. На стран. 109-й онъ говоритъ: „Графъ Лининъ въ 26 лѣтъ опъ роду сморѣлъ на жизнь, какъ на давно извѣстную, и слѣдственно скучную книгу.“ Напрямъръ Гомерова Иліада давно извѣстная книга, но слѣдуетъ-ли изъ сего, что она скучна?

— Если можно опредѣлить разницу между золотою рудою и скупымъ богачемъ, то развѣ шу, что люди радуются, когда первую *раскопашутъ*, а послѣднюю *закопашутъ*.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 14.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ шомовъ, на великовѣковой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 2 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

СВАТЪБА АГАӨНЪ ДМИТРІЕВНЪ.

ГЛАВА III.

Не знаю, мы съ ней вмѣстѣ не служили.

Грибодовъ.

... Il vit en patriarche,

Il dîne encore à l'heure, où l'on dînait dans l'arche.

C. DELAVIGNE.

Помните-ли вы, прелестная чинапельница, какъ появились у насъ, въ первый разъ, вещицы съ музыкою; какъ маменька, захавъ ушромъ въ магазинъ къ Mr. Trompeur, печально замѣпила памъ преогромный перламунровый ящикъ, вмѣщавшій въ себя только крошечныя ножницы, маленькое зеркальце — эпоющее въ Госпиномъ Дворѣ, 2 р. 50 к. — и два уютенькіе наперстка, — но заключавшій душу всего, языкъ Грацій, но есть возможность играть: *Vive Henri quatre* и — чпобъ польстипъ и патриотизму — *Баргилл, баргилл*, и пр.? Она заплашила за эпо несомненное сокровище 750 рублей, и божилась всѣмъ знакомымъ, чпо эпо почти даромъ. Помните-ли, какъ она вопла къ вамъ въ классическую (дѣло не о Классикахъ) компану, и передрогнувшій лакей, съ замороженными бакенбардами и волчьимъ воротникомъ на ливреѣ, слѣдовалъ за нею съ драгоценнымъ подаркомъ; какъ вы кипулись въ ея объятія, для изъявленія дѣтской привязанности, и чпобъ скорѣе избавитесь отъ несноснаго учителя Географъ, хотѣвшаго влпъ въ юную вашу душу описаніе порядка, въ которомъ

Томъ 111. № 14.

идутъ караваны въ первыхъ двухъ — по Хронологіи — часпяхъ міра; отъ начиналъ уже: „Первый караванъ отъ города Решпа, что въ Персін, при Каспійскомъ морѣ, слѣдуетъ, чрезъ Ардебилъ и Таврисъ въ Эрзру . . .“ Картина семейственная не дозволяла докончить ему послѣдняго слога: *ми*. Сей *etui* находилъся, можетъ быть, и теперь еще на нашемъ уборномъ столпкѣ, если, впрочемъ, *Mercur des Salons, la Mode* и *Petit Courrier des Dames*, преобразовавшись въ совокупности въ верховное судилище, не изрекли еще смертной — — — досады отъ насмѣшекъ всѣмъ дамамъ, держащимъ подобныя бездѣлки въ своихъ будуарахъ; и, въ семъ послѣднемъ случаѣ, вы, конечно, передали памятникъ маперинской вѣжности — своей субрепкѣ, которая не замедлитъ лишитъ его гармоніи, забавляя сею послѣднею обожателемъ своего, являющагося къ своей *diva* каждый разъ, какъ вы ѣдете въ Комедію, восхищаясь игрою *Virginie Bourcier*, или въ Италіанскую Оперу, гдѣ если не сама *Caritea, reginadi Spania*, но по крайней мѣрѣ *Signora Melas* очаруетъ васъ божественнымъ своимъ пѣніемъ.

„Но къ чему эпотъ ящикъ, къ чему клонится эпотъ географическій учитель?“ спросите вы съ неперпѣніемъ. — „Географическій учитель, сударыня, клонится къ Географіи, а дамскій рабочій ящикъ . . . — Къ подарку жениха Агаөнъ Дмитріевны его невестѣ. — Къ жениху клонился онъ, почиво; но только къ нему одному; хотипте-ли знать, почему: садитесь и выслушайте слѣдующее (Тутъ я начинаю чинить перо; женихъ Агаөнъ Дмитріевны выходитъ — или выѣз-

жаешь — на сцену; читательница, съ видомъ досады, ждетъ продолженія, а о прочтенномъ періодѣ говоритъ, зъвая, что онъ . . . сяжелъ).

Такіе-то два ящика прикрѣплены были къ плечамъ жениха Агаѣи Дмитриевны, Подпоручика . . . скаго пѣхотнаго полка, съ которымъ позвольше познакомишь васъ, прелестная читательница.

Кузьма Кузьмичъ Дуркевичъ былъ сынъ одного Уинпскаго Діакона, изъ . . . скаго повѣта . . . ской губерніи. Азбукъ обучился онъ, хотя и *не безъ грѣха* — по выраженію Пушкина — у отца своего; а высшее образованіе уаи довершилъ въ повѣтовыхъ училищахъ (1). Но окончаній сего неблагодарнаго (2) воспитанія, герой нашъ вступилъ, въ дѣло, не упомиаю которое онъ сотворенія міра, но знаю твердо, что онъ Р. X. 1803-е, въ . . . ской пѣхотный полкъ — не по желанію защищать любезную отчизну, но по указу Губернскаго Правленія, въ которое отосланъ былъ Духовнымъ Начальствомъ, слѣдовательно не за отличіе. За то отличился онъ въ рукахъ не съ мечемъ, какъ думаетъ, конечно, читатель, а съ аршипомъ; Кузьма Кузьмичъ зналъ читать и писать, и былъ произведенъ въ Уинперъ-Офицеры; а по прослуженіи въ семь званій узаконеннаго срока, въ Подпоручики. Но обратимся къ нашему повѣствованію.

Тройка лихихъ, разношерстныхъ лошадей — оказавшихся въ послѣдствіе обывательскими — съ колокольчикомъ у дуги коренной изъ нихъ, и съ нѣсколькими бубельчиками у пристяжныхъ, мчали нашего героя къ крыльцу моей дѣтки. Сія послѣдняя весьма

(1) Поляки, сколько по крайней мѣрѣ случалось мнѣ слышать ихъ, говорятъ всегда: *я обучался въ народныхъ училищахъ, я окончилъ (??) училища*, и пр. Не зная самъ порядочно языка этой любезной націи, не могу, признаюсь, объяснить причины сихъ выраженій ихъ на нашемъ. Но вѣроятно, что они употребляютъ сіе слово во множественномъ числѣ на своемъ языкѣ. Это похоже на то, какъ я въ дѣтствѣ слыть говорилъ бывало: *Gieb mir die Söhneren*, вмѣсто *die Scheere*, потому что *ножницы* у насъ употребляются въ единственномъ; или, какъ бывало, заказывая себѣ платье у Барда (въ Парижѣ), вѣчно говорилъ ему: *Vous aurez la bonté de me faire des pantalons*, и всегда получалъ отъ него вопросъ: *Pourquoi donc, Monsieur, voulez-vous en avoir plusieurs?* *Прим. Сов.*

(2) Ви, по, что онъ хопѣлъ за то блеснуть своими ларчиками! *Прим. Сов.*

обрадовалась, а также и дочь ея. Причина сему двоякая: во первыхъ, это былъ женихъ моей кухни; во-вторыхъ, все семейство тетки моей весьма было огорчено — хопя они и не показывали сего — моимъ прїѣздомъ. Я былъ паслѣдникъ всего имѣнія, оставшагося послѣ покойнаго отца моего, которое во все время моего отсутствія, было въ полномъ распоряженіи моей тетки, набивавшей *sans se laisser prier*, карманы свои добромъ пекупленнымъ, и свято хранившей пословицу: *пуи желѣзо пока горитъ*. —

„Это Агашинъ женихъ, Алексаша (такъ называла она меня), человекъ пресалидный, и припомъ не въперъ (т. е. съепененъ); не бойся, не бросишь даромъ копѣйки; за то ужъ какъ одѣлся къ свадьбѣ: нарочно ѣздить въ Коспирому заказывалъ себѣ мундерь.“ — „Ахъ! какіе, братецъ, *апах* . . .“ вскричала было кухня моя; но мать ея, замѣтивъ входъ Кузьмы Кузьмича, повелительно остановила восторгъ ея, и только успѣла сказать мнѣ, чшобы я, какъ можно ласковѣе, обходился съ нареченнымъ (??) братцемъ.

Кузьма Кузьмичъ, отдавъ осторожно служившему шинель свою, подбищую ланкою, съ ворошиномъ крымскихъ барашковъ, и съ огромною изъ числаго серебра (!!) застежкой, поправилъ свои усы, велѣлъ закуришь себѣ трубку, и попомъ вошелъ въ гостиную, куда пѣшка и кухня моя кинулись встрѣчать его. — „Здоровы-ли вы, мой любезный Кузьма Кузьмичъ, какъ не замерзди: сегодня пакалъ вьюга была цѣлый день. Агаша! вели-ко, душа моя, поспавишь самоваръ (3).“ Агаша пошла скликать всю дворню; Степокъ, Федекъ, Танекъ, Парашекъ, — чшобы лучше успроить начало угощенія; а тѣпка моя (пора сказать читателю, что ее звали Аграфесною Ивацовой Несовѣтмовою), ни мало не сомѣваясь въ свѣтской опытности, пачала отпрекомендовывать меня преобразованному (4) Фельдфебелю.

— „Это мой племянникъ, Алексаша, сказала она: онъ только что прїѣхалъ изъ Парижа (5). Тамъ онъ все училъ: *произошелъ* (2) всѣ Грамматикки, всю (2) науку!“

(3) Тогда было при часа по-полудни, т. е., черезъ три часа послѣ обѣда. *Прим. Сов.*

(4) Т. е. передѣланному. *Прим. Сов.*

(5) Прошу замѣнить удареніе надъ буквою *а*. *Прим. Сов.*

Кузьма Кузьмичъ, не дожидаясь продолженія, подошелъ ко мнѣ грѣшному, и, облобызавъ меня съ такою горячностью, что я думалъ, что онъ хочетъ задунить меня: „здравствуйте, братецъ, сказалъ онъ; здоровы-ли вы? какъ сегодня морозно“— и нѣсколько друтихъ коллменповъ. Едва освободился я изъ крѣпкихъ его объятий, какъ былъ пораженъ блескомъ двухъ ларчиковъ, которые, какъ мы выше сего видѣли, украшали рамена его; и топчасъ-же началъ его спрашивать о семъ необыкновенномъ явленіи, стараясь по возможности удерживаться отъ смѣха и неучпивыхъ выраженій.

„Вы, конечно, охотникъ до музыки?“ спросилъ я.

„Да-съ, играемъ малость на гитарѣ-съ; а то, если хопите, мы пошлемъ вечеромъ за нашимъ флейцикомъ; воть ужъ играеть; опашь, каковъ мой барабанчикъ, такъ ужъ навѣрное пѣтъ во всей дивизіи.“

При словѣ: барабанчикъ, я нашелъ средство нѣсколько отклониться отъ главной цѣли моихъ вопросовъ: — „Вы, конечно, служите въ кавалеріи, и при томъ въ легкой, если не ошибаюсь, ибо изволите носить усы; а барабаны употребляются, кажется, въ пѣхотѣ.“

Тутъ я догадался въ первый разъ только, что кузина моя своимъ ледокопченнымъ словомъ *агал*... хотѣла означить вещь, которая по-Русски называется, не знаю, какъ; а по-Французски *épaulette*. Такимъ образомъ я узналъ назначеніе двухъ огромныхъ ларчиковъ, и пѣтъ избавился отъ дѣланія дальнѣйшихъ вопросовъ моему нареченному зятю, о музыкальныхъ инструментахъ, а следовательно и отъ нанесенія ему несправдливостей. Между тѣмъ Парашка разоспала салфенку на столъ; Степка поставилъ на него огромный, только что вычищенный самоваръ. Аграфена Ивановна, съ помощію Агашин, успѣла уже налить по чашкѣ чаю всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному: я долженъ былъ пить сію жидкость, хопля съ прилпнстнѣю микстуръ, — *mais vous, belle lectrice, voulez-vous en prendre une tasse avec nous? Il est trois heures et demie.*

(Окончаніе въ слѣд. No.)

О Д А,

писавшая въ жару поэтическаго восторга, по прозвннн знаменитой Поэмы: Пятуюжъ въ сапожкахъ.

Восторгъ, восторгъ въ груди кипитъ!
Міры! планеты! вся природа!
Ть!.. ни гугу!... пусть все молчитъ.
И ждетъ: въ минупу трясеть ода!!
Что жъ воспоемъ мы? — Все равно:
Здѣсь главное не въ смыслѣ дѣло;
Лишь было бы звонко, громко, смѣло,
И высоко, и мудро!

Въ душѣ сгустился спрашный мракъ,
И на сердце упали тучи!...
Увы!... въ кострюль бѣдный ракъ,
Сморчокъ въ бору — въ морозъ прескучій
Не столько жмуется, какъ сердца,
И мысли, и умы, и души,
У пѣхъ, чьи и глаза и уши.
Попада въ бездуу безъ конца!

Въ какую? много бездѣтъ такихъ:
Внизъ головой и вверхъ ногами
Нерѣдко мы лепашемъ въ нихъ,
И послѣ — съ длинными ушами
Встаемъ опшудал... Ахъ! Увы!
Мечты, надежды насъ ласкають...
И вдругъ... такъ по носу щелкають,
Что не пайдешь и толовы!

Но мы паниственнѣй покровъ
Опустимъ... Пустьъ сквозъ сумракъ ночи
Сей дребедешъ безсвязныхъ словъ
Пропикнешъ мудрыхъ зорки очи!..
Шалитъ негодная судьба:
Про это знаютъ все народы
Пусть ищутъ смыслъ высокой оды,
Найдутъ — и скажутъ: а! а! а!

III.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

12. *Альціона*, Альманахъ на 1831 годъ. Изданъ Барономъ Розеномъ. С. П. бургъ, въ Тип. Паюшара, 1831. Въ 16. (Прозы 223, стиховъ 91 стран.) (*)

(*) Продастся въ магазинъ Смирдина по 10 р. экземпляръ.

Лучшее въ прозѣ сего Альманаха есть произведеніе самого Издаателя: *Константиъ Левенъ*; самое худшее: *Разсказъ Подпоручика В**, которому мы совѣщали-бы вступити на авторское поприще не ранѣе, какъ по дослуженіи до Штабъ-Офицерскаго чина. Альціону украшаютъ: занимательная статья Н. И. Греча: *Писательница*, и двѣ милыя аллегоріи Э. Н. Глинки: *Сонъ и Явленіе*. Въ *Обыкновенномъ слухѣ*, В. И. Карлгофа, мы не нашли ничего необыкновеннаго, хотя Писатель сей имѣлъ обыкновеніе до сего времени дарити насъ пріятными произведеніями пера своего. Съ *Рыцарей храма* (статья Г. Нл — на) мы не поднимаемъ забравовъ: пускай они оспаютея безвѣсными для нашихъ читателей.

Чтобы показать слогъ, какимъ написана повѣсть Барона Розена, мы выпишемъ слѣдующее (Альціона, стр. 93 и 94): „Насналъ день свадьбы; всѣ покои были чудесно убраны; богатый Кондоріотши не пожалѣлъ никакихъ издержекъ для сего праздника своей единой, прекрасной дочери. Елена, великолѣпно одѣтая, появилась въ церкви, тихо, торжественно подходила къ роковому мѣсту, и проходя мимо Левена (*), пожала его руку, не обративъ къ нему блѣднаго лица. Сіе прощальное рукожатіе любви было для него смертельнымъ ударомъ: его сердце вспренилось, какъ заклауный голубь... но, не измѣняясь въ лицѣ, важно и спокойно онъ послѣдовалъ за ней; онъ держалъ вѣнецъ на ея головѣ; ходилъ за нею кругомъ наоя... ушопилъ свое сердце въ свадебномъ вѣнѣ, танцовалъ съ невестой, прислуживалъ ей за споломъ, не забывая и другихъ гостей — и наконецъ, въ шумномъ забытіи праставшись съ нею у новобрачнаго одра, бросилъ пламенный взглядъ на эптовъ блестящій, пухлый, заманчивый алтарь законнаго сладострастія — и скрылся.

„Было утро; вокругъ чайнаго стола сидѣли оставшіеся гости, хозяева и молодой супругъ-счастли-

(*) Константинъ Левенъ, бывший ея женихъ, любя самъ чрезвычайно Елену, и бывъ любимъ взаимно, вдругъ вздумалъ уопунить ея добровольно своему пріятелю.

вецъ. Отворились двери — вошла Елена, одѣтая въ бѣлое, упреннее платье, въ богатый, пѣлишьный шюникъ. Всѣ бросились поздороваться съ нею; глаза всѣхъ гостей устремились на нее въ эпу и безъ того уже тяжелую минуту; но она болѣе всего замѣтила холодный поцѣлуй и странный взоръ Конспашина. Въ дополненіе замѣшательства ея, какой-то задумчивый чудакъ, издавеча прѣхавшій на свадьбу, въ своей привычной разсѣяности, обратился къ ней съ обыкновешнымъ, но *въ это утро* колючо неприличнымъ привѣщствіемъ. Сей странный вопросъ, возбудившій невольный продолжительный, съ трудомъ подавляемый смѣхъ общества“ и проч.

Спихотворная часть Альціоны примѣчательна. Здѣсь вы найдете произведенія Баратынскаго, Языкова, Глинки (Э. Н.), Подолнскаго, Карлгофа, Туманскаго, Трилуннаго, Деларю, Вердеревскаго, Ш. б. в. Ропчева, самого Издаателя, а также и Г. Г. Романовича и Сіянова. Въмѣсто того, чтобы говорить о каждомъ изъ сихъ Поэтовъ, мы выкинемъ на сцену самого Издаателя, какъ молодого и пылкаго Поэта: *Вопль*, напрымѣръ, спихотвореніе его: *Постылый дворъ*. (Стран. 8):

Путешествуй ко гробу,
Гдѣ почѣсть твоей супругѣ,
Позабудь мірскую злобу:
А вдовицѣ пѣжный другъ!
Покорись же Провидѣнью
Сокрушешная свѣтра!
Ошдохни подъ дымной сыблю:
Постоялаго двора!

Нѣтъ перины! нѣтъ служанки!
Но опвыкиувшей опъ нѣтъ,
Безъ кровати, безъ лежанки,
Будешь спосенъ сей ночлеги,
Какъ либудъ тебя преспрою:
Есть подушка и шинель;
.....
Постелю тебѣ постель.

Мы болѣе не смѣемъ выписывать!—

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣвина, подписывал на оныхъ: *Издательство Свѣрлаго Меркурія.*

№ 15.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома въ пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 4 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

СВЯТЬБА АГАШИ ДМИТРІЕВНЫ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА IV.

... Брусничная вода.

Пушкитъ.

Уже Фебъ совершилъ трижды свое теченіе по эфирному своду, или, говоря проще, прошло свое существованіе со времени пріѣзда Кузьмы Кузьмича, — что и будетъ ближе къ природѣ; ибо Фебъ еще ни разу отъ сотв. міра. не показывался смертнымъ, а исправляющее должностъ его, солнце, рѣдко являлся въ мрачномъ Декабрѣ. — Уже три раза, говоря я, парчепный братаецъ съ нѣжностію обнималъ меня утромъ — и таковое жъ число разъ вечеромъ: представьте себѣ мое мученіе! Всѣ еи дни были проведены въ ягрѣ въ фаншы, въ весь шуалепъ, въ *живъ, живъ курилка* (*), что, вмѣстѣ съ чаемъ — и помощницею его, Французскою водкою (покрайней мѣрѣ для двонхъ изъ насъ, ш. е. пепки моей и Кузьмы Кузьмича: я не говорю, чтобъ и Агаша ее попягивала, подобно героямъ *Монастырки*) — завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ, ка-

(*) Въ концѣ прошедшаго года была помѣщена въ одномъ изъ Журналовъ прекуріозная статья, въ коей Авиторъ утверждаетъ, что слово *Русь* произошло отъ *русый* (блѣокурый); а *гушонцы* отъ чухонскаго масла: факты историческіе. Не худо бы сему ученому прибавить также, что Курильскіе острова получили названіе отъ жителей, безпрестанно играющихъ въ *живъ, живъ курилка*. Вы скажете, что слово *живъ* есть Русское, но ... *Прим. Соч.*

паньемъ на пройкахъ съ колокольчиками, и остроуміемъ, — иже суть не отъ вѣка сего (ш. е. XIX), сокращало чудеснымъ образомъ время. — Вотъ уже проходили святки и наступилъ день Богоявленія. Духовенство, народъ и ребятишки, опправились, въ предшествіи Св. Иконъ и Хоругвей, на Иорданъ, и, по совершеніи обычнаго обряда священнаго, процессія возвращалась въ шомъ же порядкѣ. Она достигла уже обратно до церкви, при звонѣ колоколовъ, невольно напомилавшихъ стихъ Ламартина.

Le voyageur s'arrete, et la cloche russe

Aux derniers rayons du jour mêle ses saints concerts.

Все мло чинно и съ благоговѣніемъ; всѣ, кажется, были заняты одною мыслию: о жизни вѣчной и искупленіи; на всѣхъ лицахъ изображались какое-то блаженное спокойствіе и радость небесная. Уже и Кузьма Кузьмичъ, ведя подъ руку невесту свою, спускалъ одною ногою въ паперть, — какъ вдругъ предсказавшаяся новал сцена. Чтобы сдѣлать ее для васъ понятною, я долженъ нѣсколько опспунить отъ нити своего повѣствованія.

Во многихъ изъ нашихъ провинцій существуетъ издревле преданіе, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ вѣрять управленіе вопчннами и господскимъ *Даломъ* кому либо изъ среды людей, входящихъ въ составъ оныхъ: свой своему, говорятъ помѣщики, по неволѣ другъ; рука руку моетъ, и пр. и пр. и пр., и на основаніи сего-то правила, переплачиваютъ по половинѣ доходовъ своихъ чаемнымъ Пашамъ, коиорые, сверхъ того, не забываютъ, какъ можно туже набивать

карманы свои; словомъ, не уступающъ ни въ чемъ правовѣрнымъ исполнителямъ воли повелителя Востока. Тепика моя, по незначительности имѣнія ея, не могла слѣдовать (хотя ей и очень хотѣлось того) сему *новому и легчайшему* способу разстройства имѣній; но, при всемъ томъ, не могла не держась наемной ключницы. Сіе шпашное мѣсто при Дворѣ Аграфены Ивановны занимала охотавная (*) Унтеръ-Офицерша Авдошья Ивановна. Въ паспортѣ названа она была по прозваніи *Дуржаватовою*; но какъ обыкновенно фамиліи (???) для простаго народа весьма неудобны къ затверженію, по сія впрочемъ героиня моего разсказа известна была болѣе подъ однимъ именемъ *Ивановны*. Весь околотокъ съ благоговѣніемъ произносилъ сіе священное для него имя: пономариха-ли, Евросинія, занеможеть лихоманкою; у кузица-ли, Васьки, недоспа-непъ съмянъ подъ яровое; у Артема-ли, привезенца, не случится остальныхъ семи гривенъ на подушныя— всѣ прибѣгающъ къ общей матери несчастныхъ, произносилъ съ умиленіемъ: „Ивановна, Ивановна!“ и никакъ не возвращался отъ Ивановны безъ помощи, кромѣ пѣхъ (сами они виноваты!), которые не догадывались *поблагодарить* послѣ свою благодѣтельницу: или парюубитыхъ гусей, или полчетверикомъ пшеничныхъ крупъ. Но шакъовыя примѣры были рѣдки, и всегда почти пономариха получала (для леченія лихорадки!) соленые огурцы, изъ барскаго погреба; Васька, кузнецъ — надлежащее количество овса, для посѣва; а Артемъ — недоспающіе семь гривенъ. Въ случаяхъ обыкновенныхъ Ивановна сама рѣшала просьбы кліентовъ своихъ; въ случаяхъ же чрезвычайной важности— доводила о томъ до свѣдѣнія самой тепки моей. На сей разъ Ивановна была въ откомандировкѣ, въ одной изъ деревень другаго уѣзда, куда онаправилась еще въ началъ Октября, для надзора за пряжею и щипаніемъ гусинаго пуха. Теперь-же возвращалась она, окончивъ свое порученіе, ко Двору Аграфены Ивановны. Въ народѣ, столь углубленномъ въ чувства набожности,

раздался шопопъ: Ивановна, Ивановна! — и шапки пол . . . , но что говорю я: при крестномъ ходѣ и пакъ не бывающъ въ шапкахъ; добрые поселане полько оспановились, обративъ взоры въ ту сторону, эшкуда должна была показаться *Великая* — и вопъ, рогожная кибитка, заложенная парюю чалыхъ копей (это былъ *придворный* экипажъ), съ колокольникомъ, везла нашу героиню: она сидѣла въ зеленой, съ желтыми полосами, шапковой, на заляемъ мѣху, шубѣ, и въ пунцовомъ платкѣ на головѣ, и, увидѣвъ Св. Хоругви, почти уже внесенныя обратно въ церковь, усердно крестила чело свое; потомъ, уступая чувству материнской нежности, благосклонно привѣтствовала народъ наклопеніемъ главы своей, и даже многихъ называя по именамъ!! По обѣ стороны ея были наклады, огромными кинами, трофеи ея похода: пряденая шерсть, гусиный пухъ и перья, зашрапезъ въсколькихъ сорповъ, и пр., и пр.; за начальницею слѣдовали, въ нѣкоторомъ отдаленіи, двѣ впоростепенныя особы, помогавшія первой въ исполненіи многотрудныхъ ея зацпій: онѣ вхали въ пошевняхъ, въ одну лошадь, управляемую мужикомъ (у самой Ивановны былъ возницею Сережка, впрочемъ кучеръ тепки мой), и въ гораздо бѣднѣйшихъ костюмахъ. По обѣимъ сторонамъ дороги бѣжали ребянишки, старался, какъ можно дольше насладиться лицезрѣніемъ божесипвенной — вопъ карпина: пусть другой опишетъ ее, если возможно.

Сама Аграфена Ивановна нѣсколько пріостановилась на паперти, какъ-бы желая шѣмъ изъяснить особенное благоволеніе свое къ вѣрной служанкѣ, и начала проповѣдывать мнѣ грѣшному, а особенно Кузьмѣ Кузьмичу, о всѣхъ ея доблестяхъ. „Такихъ вѣрныхъ людей надобно искаць со свѣчкою“— говорила она со слезами; и я замѣтилъ изъ ея рѣчи, что Діогенъ не совсѣмъ былъ незнакомъ для нея (особенно, когда вывелъ я паралель между понятіями объ опрятности моей тепки и Циническою жизнію Философа Древности): „скольго, посмотрите“ — продолжала Аграфена Ивановна; „везетъ она шерсти, сколько пестряди, сколь . . .“ Приближеніе самой Ивановны, бросившейся лобзати руки своей Повелительницы, воспрепятство-

(*) „Какъ будто бы есть и служація Унтеръ-Офицерши,“ скажете вы. — Ихъ нѣтъ, правда; но за чѣмъ же говоримъ: *Губернская Регистраторша*, вмѣсто: жена Губернскаго Регистратора, и проч., и проч. *Прим. Сот.*

вало окончанію рѣчи ея. Параша сама подошла къ Ивановѣ, и съ добродушіемъ обняла ее; по вопъ— о ужасъ! Кузьма Кузьмичъ, приближась къ ключицѣ — — — падаеть замертво. Конечно, въ чертахъ ея было что нибудь роковое для Подпоручика; конечно, союзъ, твердѣйшій изъ всѣхъ земныхъ, и рѣже всѣхъ бывающій счастливымъ, былъ причиною его обморока. — Кажется, что такъ; но это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ; а для заключенія эпои я долженъ только сказать вамъ, читатель, что Кузьма Кузьмичъ отнесли въ *хоромы* тепки моей; а вамъ, прелестная читательница, если угодно знать: живъ ли теперь герой мой повѣсти, отвѣчаю утвердительно, и прошу терпѣнія.

Такъ для романа; но не такъ для одного или двухъ номеровъ литературнаго Журнала. Я скажу вамъ, что Кузьма Кузьмичъ, бывъ еще едва-едва Фельдфебелемъ, присватался къ дочери одного цѣловальника въ Лебедяни, и, получивъ: руку ея, двѣсти пятьдесятъ рублей ассигнаціями, и, если хочете, и сердце милой дѣвы, въ которой, безъ сомнѣнія, узнали вы уже Авдотью Ивановну — сочелся съ нею законными узамъ. Отданъ приказъ въ походъ — и онъ разрываетъ ихъ; дослуживается Подпоручичьяго чина, находитъ способъ переименовать *фамилію* (!) свою Дуркованова на Дуркевича, и въ семь-то видѣ является на вышереченную сцену.

Л. Валингъ.

НАСТАВЛЕНІЕ СТИХОТВОРЦУ,

которому поручено было написать надгробную для нѣкоторой особы.

Зачѣмъ ты голову ломаешь
Надъ эпитафійею своею!
Помилуй! неужель не знаешь,
Что написанъ прилично въ ней? ..
Пиши, любезный, безъ разбора:
„Супруга Генераль-Маіора,
На свѣтѣ столько-то жила;
Пришла къ ней смерть, — она безъ спора
И брани съ нею — умерла.“
Прибавь: „покойница была
Весьма добра, благочестна,

Не прихотлива, не спѣсива;
Давала всемъ, кому могла,
Сребро, бумажки, даже золото;
Жила открыто и богато.“
А въ заключеніе скажи:
„Прохожій добрый! попужи:
Все, все могиллой будешь взято;
Надежду на земное кинь.

Аминь!..“

Н О В Ы Я К Н И Г И.

13. *Дворянскіе выборы.* Часть впорал, или *Выборъ Исправника*, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. М., въ Тип. Н. Степанова, 1830. Въ 8. (196 страницъ.)

Говоря о первой части *Дворянскихъ Выборовъ* въ Сѣверной Пчелѣ (въ 1829 г.), я сказалъ, что они писаны не Литераторомъ, а подьячимъ: такъ груба саатира въ этой Комедіи!.. Нынѣ, говоря о *Выборѣ въ Исправника*, я долженъ сказать почти то же. Между тѣмъ приличнымъ нахожу замѣтить, что кто-то въ одномъ изъ Пестербургскихъ Журналовъ прокричалъ, будто-бы языкомъ, которымъ изъясняются мужики въ этой Комедіи, говорятъ Чухны, а не Русскіе крестьяне. Неправда! Простонародность языка въ этой Комедіи соблюдена весьма точно. Жаль только, что крестьяне и дворяне, изъ конхъ своихъ, по степени ихъ образованія, надлежало-бы отличить отъ прочихъ, изъясняются въ этой Комедіи почти одинакимъ языкомъ! — А. З.

С М Ъ С Ъ.

Страсть читать свои стихи и свою прозу всякому встрѣчному и поперечному — есть общій единственнѣйшій удѣлъ всѣхъ неспособныхъ бумагомановъ. Мы знаемъ многихъ, которые составили себѣ въ гордѣ сполнѣ громкую репутацию, какъ стихочинальщики и стихокропатели, что уже, встрѣчаясь съ нами, всякой ихъ объгаеть; и кажется, съ такою враги этихъ членей, что за версту слышатъ приближеніе Виригина, Риомовича, и пр. и пр. — На дилхъ Виригинъ, написавшій томы, и предающій никому покоя

съ своими произведеніями, вымучилъ жестоко одного истиннаго любителя всего изящнаго, и вздумалъ подарить ему въ знакъ памяти свое рукодѣліе подъ названіемъ: *Искусство творить Галиматію*, напечатанное in quarto на превосходной веленовой бумагѣ, оплечнымъ шрифтомъ, съ красивыми вишешками. Какое-же было молодому Любинскому пащипъ съ собою эпю огромную тетрадищу? Ему же, по выходѣ отъ стихокропателя; должно было зайти въ одинъ магазинъ, а потомъ отправиться куда-то обѣдать. Будь эта книжица и не in quarto, а хоть in folio, но только не вышереченное *Искусство творить Галиматію*, которое столь высоко постигъ самъ преподаватель онаго, Г. Виршинъ, и которое столь разителью выказывается въ каждомъ его писаніи, — то, конечно, Любинскій не отказался-бы прогуляться съ него отъ магазина Слѣпина (гдѣ поймалъ его Виршинъ) въ Шестиплавочную. Но какъ съ полковъненымъ *Искусствомъ творить Галиматію* ему тяжело было пащипъся до дому, то зашедъ въ Испаліицкій магазинъ, и купивъ въ ономъ, что было нужно, онъ попросилъ добраго хозяина опложипъ куда нибудь къ споропъ неспособный подарокъ Виршина, съ тѣмъ, что если-бы онъ Любинскій не прислалъ-бы за нимъ, по испеченіи десяти дней, то магазинщикъ имѣлъ право дать сей кнѣгъ надлежащее предназначеніе, п. е. употреблять ее на мажестуру. — Прошло недѣли три, и супруга нашего Виршина послала за чѣмъ-то въ Испал. магазинъ. Ей принесли желаемую вещь, бережно завернутую въ прекрасной веленовой печатной бумагѣ, коперую, развернувъ, съ громкимъ смѣхомъ вручила она своему сожипелю. Что же видипъ сей послѣдній? — Это отъ занимательнаго его творенія заглавный листъ, на которомъ собственноручная его надпись на имя С. И. Любинскаго. Задѣтое самолюбіе стихокропателя есть незагасимая лава: Виршинъ сдѣлался жестокимъ врагомъ Любинскаго, и заставлялъ его проклинашь пошъ день, когда онъ не хотѣлъ пащипъся съ собою вляхъ стиховъ жалкаго бумагомарателя.

Басковскій.

С М Ъ С Ь.

Анекдотъ. Весною, при чрезвычайно трудномъ переходѣ чрезъ Неву, одинъ молодой человекъ рѣшился, вмѣстѣ съ извѣстнымъ росповѣдникомъ Кожедраловымъ, посѣтить одного большаго Генерала, жившаго на Васильевскомъ Острову, и по нуждѣ знакомаго съ нимъ послѣднимъ — привилегированнымъ бездѣльникомъ. Большой удивился такому смважному посѣщенію, и на вопросъ: какъ можно было рѣшиться на оное? молодой человекъ отвѣчалъ: „Что жъ мудренаго, Ваше Пр-ство? Я перебираюся по льду вмѣстѣ съ Кожедраловымъ, въ твердомъ угованіи на пословицу: *кому быть повѣшено, тотъ не помянетъ.*“

Ш А Р А Д А.

Коль помощь бѣдному желаемъ оказать,
Мы первое должны сказать.
Послѣднее жъ есть вещь чудесная въ природѣ:
Не знаю, какъ ее мнѣ бѣ выразить по модѣ!
Скажу лишь то, что не у всѣхъ
Она бываетъ:
Природа скушо сей бездѣлкой одѣлаетъ,
И это не вмѣняетъ
Она, какъ видно, въ грѣхъ!
Ипой душъ тысячами и десными владаетъ,
Бездѣлки жъ этой не имѣетъ!
Однако жъ *цѣлое* пора (*) располованы!
Извольте же, чипанель, отгадать:
Иль, сударь, можешь быть вельможа, однодворецъ,
Солдатъ, купецъ, судья, и даже — стихотворецъ! . .

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Первая и вторая книжки *Гирланды* выйдутъ въ Воскресенье, 8 Марта. При нихъ будутъ: картинка Модъ и Романсъ: *Могила*, слова В. А. Жуковскаго, музыка Графа С. В. Толскаго.

(*) И очень время. *Изд.*

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина; подписывалъ на оныхъ: *Издатель* *Свернаго Меркурія.*

№ 16.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 карманками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1851, 6 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

СТАРАЯ ПОГУДКА.

Баснь эту можно-бы и болѣе пояснить,
Да чинюбъ гусей не раздразишь.

Крыловъ.

Александръ К., мой закадычный пріятель, пришелъ на дняхъ ко мнѣ, въ то время, когда я писалъ... виноваты! мараль бумагу. „Ну, что подыбжаешь?“ спросилъ онъ. — „Да воптъ, какъ видишь“ — отвѣчалъ я, продолжая писать. — „Печно, полно, браить, вскричалъ К.: брось пожалуста эту дрянъ — или оставь до другаго времени. Боже мой! сидѣть дома, когда можно, или лучше сказаить, когда теперь должно не быть дома.“ — „Нѣтъ, Александръ“ — сказалъ я: „эти слова ты оставь для кого нибудь — хошь для себя. Мнѣ теперь смѣяться вовсе не хочется; уступаю тебѣ смѣхъ съ процентами.“ — „Благодарю за великодушіе, а все таки не дамъ тебѣ покоя — ѣдемъ... Кашанье съ горь и у горь теперь въ полномъ блескѣ.“ — „Что? кашанье у горь?“ — „Да! что жъ шутъ удивительнаго? *Масленица*.“ — „Боже мой! совсѣмъ забылъ о томъ“ — сказалъ я, бросивъ перо. — Одѣвшись, я отправился съ нимъ.

Привѣтспвую васъ: Невскій проспектъ! Казанскій мостъ! Полицейскій! и тебѣ, Геркулесова колонна Петрополя (*), кандиперская Ларедьг.

Слава Богу, дошли до цѣли!

„Пади! пади!“ загремѣлъ подлѣ ушей нашихъ тол-

стый басъ кучера Графини Прыгунчиковой. „Экая розиня, не слышишь, что кричатъ тебѣ“ — прибавилъ сей могущественный возница, посмопрѣвъ на меня значительно; и десница его судорожно искривилась: бичъ свиснулъ — по воздуху — я увернулся. „Благодарю, любезнѣйшій“ — сказалъ я своему пріятелю: „если мы еще ходимъ между рядовъ, то ужъ точно, можетъ быть, масленичные слѣды на насъ останутся — опойдемъ къ сторонкѣ: пусть этъ Китайскія пѣни мелькаютъ мимо насъ.“ — Мы стали у сколоченнаго на живую пипку фуллера глуостей, п. е. у балагана.

Теперь свѣти нравственный фонарь мой! Откройся наблюдательная щелка.

„Знаешь-ли, кто эпо?“ сказалъ я своему шоварищу: „воптъ въ этойъ ярко росписанной каретѣ? Это *молодого*: Секретарь Аферистовъ съ своей женой. Иной подумаетъ, что онъ богаче самаго Креза... Смопри, какъ важно сидитъ, будто къ снѣжъ придѣлана желѣзная полоса — а супруга его, смопри! какъ нѣжно закидываетъ свою восковую головку.“ — „Да върно они что нибудь имѣютъ, когда...“ — „Имѣютъ? конечно имѣютъ: онъ получаетъ до 600 рубл. въ годъ жалованья: эпо не бездѣлица; жена же его... погляди!...“ Но карета Аферистова скрылась. Передъ нами мелькнула лихая пара. „Эпо кто? Не знаешь-ли?“ спросилъ мой шоварищъ. — „Какъ не знать: эпо купецъ Наспойквинъ: върно торопишся на виспъ — смопри! чунъ не давитъ людей!“ — „Върно богачъ?“ — „Бывшій“ — отвѣчалъ я: „впрочемъ онъ *невинноупад-*

(*). Виноваты: между кандиперскою и колошною пѣпъ разительнаго сходства. Ну, на эптошъ разъ проспите... *Сог.*

шій; не мудро, если поѣдетъ и четверпей.“ — „Ахъ! Боже мой! Чпо сдѣлалось съ этимъ молодымъ чело-вѣкомъ!“ — „Гдѣ?“ — „Вотъ въ сапяхъ. Ему дурно: онъ вывалился изъ нихъ.“ — „Не безпокойся: это мапушкинъ сынокъ: вѣрно прѣхалъ сюда послѣ завтрака. Точно мнѣ его жалко — что же дѣлать:

Толу огню трудно, кто вию пѣтъ неразсудно . . .
Это, братъ, справедливый стиннокъ, хотя и изъ письмовника Курганова. А вотъ эпѣ двѣ дамы, у ко-прыхъ на головѣ цѣлый цвѣточнй магазинъ, не смо-пря на прескучій морозъ; смотри, какъ оглядываются поминупню; какъ мило улыбаются; — не знакомы-ли те-бѣ? а?“ — „Экой ты, брапецъ“ — сказалъ мнѣ Алек-сандръ: „или ты не знаешь, что Кантъ и Аріостъ принадлежатъ не Нѣмцамъ и Италіанцамъ, а вселенной, — такъ и эпѣ образцовыя произведенія природы зна-комы всѣмъ вообще, и каждому въ особенности.“ — „Теперь понимаю: это жрицы шой Богини, ко-п-рал. . . .

Между пѣмъ экипажи мелькали мимо насъ еже-с-кундно. Глаза успали отъ неспироты, и мы присое-динились къ толпѣ людей, истинно наслаждающихся, ко-п-орымъ не сдѣлались еще припорными чистѣйшія удо-вольствія жизни: это классъ нашихъ Плебейъ.

„Вотъ, Прокофій, дворникъ изъ дома купца Мошни-на. Смотри, какъ умащены у него волосы коровнимъ мас-ломъ. Слышишь-ли гармонию, исходящую изъ устъ эпаго пария въ овчиномъ, какъ снѣгъ бѣломъ, шум-пѣ, отъ щелканія орѣховъ? О! сколько радости! сколько наслажденій, для насъ совершенно недоступныхъ, не-попняншихъ! Смотри, какъ восхищается эшу служак-ку паяцъ въ дурачкомъ колпакъ! Съ какимъ внимаціемъ и восторгомъ слушаетъ эпа женщина въ красномъ по-войникѣ музыкашповъ, наигрывающихъ Mein lieber augustin; какъ бѣдный ремесленникъ-Нѣмецъ припопы-васпѣ ногою подѣ національную! . . .“

Долго-бы мы пробыли еще на семъ шумящемъ оп-р-ывкѣ изъ жизни новѣйшихъ временъ, если-бы лука-вый не выпустилъ изъ когтей своихъ извѣстнаго вамъ, читатели, Валентина Исидоровича Риомовича. Увидѣвъ насъ, какъ голодный волкъ кинулся опъ къ намъ, Нѣчего дѣлать; скрылся было

неудобно. Онъ началъ жать намъ руки, въ изъ-в-л-е-н-н-и своей радости, вынимая между пѣмъ изъ кар-ма-на чепыре, а можетъ быть пяпъ дестей бумаги. „Это двѣ первыя пѣсни моей Поэмы, въ родѣ Допъ Жуана“ — сказалъ онъ намъ съ поржеспвенною ужимкою, развертывая роковыя шептради. Я вамъ прочту:

Пою тебл, о ты!
.

Нужно-ли говорить, что послѣ словъ сихъ, мы да-вай Богъ ноги?

Ө. Д — въ.

ДЮНМОВСКАЯ ВЕТЧИНА.

(Изъ Франц. Журнала.)

Въ числѣ особенныхъ обычаевъ Англіи, еспѣ одинъ, самой смѣшной, но о копоромъ всего менѣе было го-ворено. Онъ называется *Дюнмовскою ветчиною*. Хотя и неизвѣстенъ установитель сего обычая, но вообще приписываютъ его особѣ изъ фамиліи Фитцъ-Вал-пертъ, (Fitz-Walter) По завѣщанію се, Настоятель и монахи Дюнмовскіе давали всенародно половину туши свиной тому, кто могъ утвердительно и подѣ прися-гою опвѣчать на слѣдующіе вопросы:

„Клянитесь, какъ при самой исповѣди, что вы ни-когда не посягали на нарушеніе брака, съ пѣхъ поръ, какъ обзавшись узами супружества, сдѣлались мужемъ и женою. Клянитесь, что вы никогда не ссорились, не спорили, не дѣлали чего либо противнаго взаимно-сти вашей, хотя бы то было за столомъ, или въ другомъ мѣстѣ, и что никогда не оскорбили другъ друга ни словомъ, ни дѣломъ.

„Что съ пѣхъ поръ, какъ приходскій дѣячекъ ска-залъ: *алишь*, вы никогда не пожелали не быть супру-гами; что въ теченіе двѣнадцати мѣсяцовъ и одного дня, вы не раскаялись въ томъ никакимъ образомъ, и что вы навсегда сохранили пѣ чувства любви, ко-п-торыя ощущали; соединяя руки ваши предѣ свя-пилицемъ церкви.

„На сихъ условіяхъ, если вы по взаимному согла-сію вашему, и безъ всякаго опасенія, готовы дать сію клятву, по пошчасъ же получите половину ту-

ши. Послѣдуемые благословеніями нашими, примите ее съ умиленіемъ, ибо таково обычай Дюнмовскій, доставляющій намъ чрезъ сіе душевную радость, а вамъ хорошую вещьину.“

По окончаніи сей клятвы, искатели вещьины сядились на стулъ, нарочно приготовленный для сей церемоніи, и почтительно сохранявшійся въ церкви. Попомъ, носимые въ триумфъ передъ Наспоптелемъ и вокругъ храма, они должны были пройти весь городъ, въ сопровожденіи всѣхъ брашьевъ обшели; передъ ними несли вещьину, при шумномъ плескѣ и восклицаніяхъ народа, провожавшаго счастливую чету до ея жилища.

Въ льпопислхъ, или собраніи записокъ монастыря, находящихся нынѣ въ Брипанскомъ Музеумъ (Museum Britanique), сохранены имена особъ, получавшихъ вещьину. Они были: Ричардъ Вригъ (Wrig) (въ 1445); Самуель Фюллеръ (Fuller), (въ 1467); Томасъ Фюллеръ (въ 1510 году). По уничтоженіи монастыря, существованіе обычая сего однако же продолжалось; только церемонія происходила уже на Баронскомъ дворѣ въ присутствіи его управителя, какъ сообщилъ самъ онъ слми словами:

„7 Іюня 1701, передъ дворомъ Г. Барона Томаса Мэ (May) находился Шпалмейстеръ Томасъ Вальтеръ. Трибуналъ состоялъ изъ пяти дѣвицъ, называвшихся: Елисавета Бомонъ, Генріэпта Бомонъ, Анна Белла Бомонъ, Жанна Бомонъ и Марія Веллеръ. Дворъ призналъ, что Джонъ Бейнольдсъ Гарфильдъ съ женою, Бронкъ Вашъ съ женою Анною, Вилліамъ Паспей изъ Греть-Каспонъ, мясникъ, съ женою Жанною, заслуживали быть допущены къ учиненію присяги, по древнему и достопочтенному обычаю, и признаны дворомъ достойными полученія вещьины Дюнмовской, какъ праведнаго воздаянія пѣжнаго и мирнаго союза ихъ въ теченіе болѣе прехъ лѣтъ, и по учиненіи реченными супругами обычной присяги, съ колюпопреклоненіемъ на двухъ большихъ камняхъ у вратъ церкви, вещьина Дюнмовская была выдана каждой парѣ.“

Наконецъ, послѣдніе супруги, получившіе ее, были Джонъ Шаксабекъ (Shakeshaneck), чесальщикъ шерсти, и Анна, его жена. Сія послѣдняя церемонія происходила 20 Іюня 1751 года.

Пер. П. Др — въ.

П И С Ь М О.

Еще вчера я былъ съ тобою
И въ пѣтъ сладоспной дремалъ;
Вчера прешещущей рукою
Тебя я къ сердцу прижималъ.
Но все исчезло сповиднѣемъ:
И нынѣ, съ грустію, въ пиши,
Однимъ, однимъ воображеньемъ,
Пишаю жаръ моей души.
Ловлю тѣпъ мигъ . . . Но, другъ мой млавй,
Спыши прервать мой бредъ скорбй,
Не дай увлечь душъ упылой,
Разсудокъ хладный разогрѣй.
Явись подъ темныя навѣсы!
Вопъ сани съ парой удалой:
Они шебя въ пріонъ повѣсы
Примчатъ съ прелеспное мечпой.
Взойди по льспнищъ широкой,
Рукою шихо дверь шолкпи,
И швой спрадалецъ одипкой
Прппомнишь радоспные дни.

Потемкинъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

14. *Соколы были-бы соколы, да курица его съела или бѣжавшая жена.* Сочиненіе Александра Орлова. М., въ Тип. Н. Спспанова, 1831. Въ 12. (44 стран.)

Московскій книгопродавецъ Ивась Кольчугинъ, въ объявленіи своемъ, напечатанномъ въ 8-мъ Но Московскихъ Вѣдомостей, о поступленіи въ продажу въ его лавку сего творенія, говоритъ слѣдующее: „Авпоръ сей небольшой, по остроумно написанной повѣсти, сдѣлавшійся извѣстенъ сочиненіемъ своимъ: *Встрѣча Чульи съ Холерою* (см. 9-й Но Съв. М.), *принятъ* мѣ публикою (?) благосклонно, имѣлъ цѣлю предспавитъ въ семъ новомъ сочиненіи вредъ, происходящій въ общежитіи отъ неравнаго супружества въ отношеніи къ воспитанію. Подъ шупочнымъ вымысломъ онъ доказалъ разнительно, что человекъ, рѣшившій избрать себя супругу, избираетъ оную изъ званія ему соопвѣственнаго; и что дѣвица, воспитанная въ какомъ нибудь модномъ пансіонѣ, вышедъ замужъ за человека, несоопвѣствующаго ей въ воспитаніи, становится для мужа совершеннымъ мученіемъ.“

Въ Москвѣ есть одинъ грамотный, котораго ремесло состоитъ въ томъ, чтобы придумывать *заглавья* и названія главъ для подробныхъ твореній. Писатели, подобные Александру Орлову, спекаются къ нему съ чадами своими, и онъ, по разсмотрѣнн ихъ содержанія, раздѣляетъ рукопись на главы, опредѣляетъ каждой изъ оныхъ свое названіе, и наконецъ назначаетъ рукописи балагурное заглавіе. Послѣ этого рукопись печатается. По выходѣ изъ Типографіи, Московскія Вѣдомости немедленно извѣщаютъ публику о семъ примѣчательномъ событіи. Названіе творенія, для приданія сугубой важности, печатается большими буквами, какъ напримѣръ: *Послужила въ продажѣ на сихъ дняхъ отпечатанная* книга:

СОКОЛЪ,

БЫЛЪ БЫ СОКОЛЪ,

ДА КУРИЦА ЕГО СЪБЛА, или БѢЖАВШАЯ ЖЕНА. Сочиненіе Александра Орлова и проч.

Послѣ этого слѣдуетъ сужденіе книгопродавца о достоинствѣ сочиненія (см. выше), въ которомъ доказываетъ онъ, что публикуемое твореніе написано *остроумно* (см. выше). Эту рекомендаціи, составляемыя изъ общихъ выраженій, употребляемыхъ въ журнальныхъ библиографическихъ статьяхъ, пишущая большою частію канцеляристами, семинаристами, и для поправки въ слогъ перѣдко передаются безденежнымъ Литерашорамъ, находящимся въ зависимости у книгопродавцевъ. Послѣ сей рекомендаціи, смѣшливый продавецъ книжнаго издѣлія выписываетъ названія главъ, балагурноспью конхъ думаетъ привлечь покупателей, какъ напримѣръ:

Вотъ пансиончикъ мадамъ Веретенки; сколько, сколько романиковъ! Моя квартира Новыя ковчегъ, и проч.

Московскія Вѣдомости читаются рѣшительно во всей Россіи: и можетъ быть найдутся многіе, которые, польстясь на вычурное прозвище книжонки, вздумаютъ ее выписать! Между тѣмъ и безграмотный маршаль, и корыстолюбивый книгопродавецъ достигли своей цѣли!

И пактъ, книгопродавецъ Кольчугинъ признаетъ въ творцѣ *Сокола* рѣшительный талантъ, и утверждаетъ, что сіе новое его твореніе написано *остроумно*. Чего жъ вамъ болѣе? Да будетъ такъ; а мы мнѣнія книгопродавца Кольчугина оспаривать не спашемъ. Богъ съ нимъ! —

С М Ъ С Ъ.

Анекдоты.

Въ музыкальномъ разговорѣ двухъ молодыхъ людей, одинъ сказалъ, что въ сочиненіяхъ Вебера вообще освѣчиваются необыкновенныя чувства великаго композитора. Находившійся шутъ пожилой Чиновникъ, имѣющій сильную прешензію на фамилію Вебера, опозвался, что Веберъ долженъ быть безъ всякихъ чувствъ и благородныхъ правилъ: ибо *до сихъ поръ не платитъ ему 4 рублей за 2лотерейные билета*.

Сей же самый Господинъ, имѣющій, при самомъ плохомъ образованіи, большую охоту вмѣшиваться въ чужіе разговоры, услышалъ, что хвалятъ новую повѣсть Козлова: *Безумная*. „Ахъ!“ сказалъ онъ съ поспѣшностію: „это вѣрно та самая, которую я видѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ, и еще на доскѣ была надпись: *С. Петербургская лицейская вдова Агавья Козлова*.“

Петербургская Оперная труппа лишилась 26 числа Февраля отличнаго пѣвца — Акпера, Климовскаго. Онъ скончался послѣ кратковременной болѣзни. Сердечно жаль хорошаго Артиста!

Шарада въ прошедшемъ №, вѣроятно, уже разгадана многими, особенно по *второму* слогу, означающему такую вещь, которую имѣютъ немногіе. Недогадливыхъ же извѣщаемъ, что шарада сія значитъ: *На-умъ*.

Наклеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурия.*

№ 17.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ досавакою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 9 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЪ ИСТИННОЕ НАСЛАЖДЕНІЕ?

Едва успѣлъ я сдѣлать сей вопросъ, какъ вижу уже многихъ изъ чинапелой, готовыхъ отвѣчать мнѣ: одинъ говоритъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ обладать сердцемъ прекрасной, милой, образованной дѣвушки; другой — нѣтъ ничего восхищительнѣе, какъ *Les Orientales* (*); третій — нѣтъ ничего лучше, какъ взять за женою сто тысячъ годоваго дохода, не стѣсняясь; впрочемъ, ея талантами, нравомъ, и т. п.; и т., и т.; седьмой — величайшее удовольствіе въ мірѣ путешествованіе, начавъ Дрездеюмъ и окончивъ Неаполемъ; уронить слезу изъ лѣваго глаза на гробницу *Виргилія*, и поцрогать правою рукою заржавленную цѣпь *Шильонскаго Узника*; тринадцатый — божественное чувство обнять благовоице розъ средняго Египта; пятьдесятъ четвертый съ половиною, наконецъ увѣрлетъ, что нѣтъ ни въ чемъ никакой сладости (**), какъ въ Греческихъ вареньяхъ, продающихся въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ лавкѣ *Константина Мелопилоса*. И кошорый, какъ вы думаете, отвѣтитъ болѣе справедливъ? Ни мало не колеблясь, отвѣчаю, что послѣдній; и вотъ вамъ доказательство.

Я имѣю обыкновение ежедневно свидѣтельствовать мое усердное почтеніе доброму *Вольфу*. Можетъ быть

(*) Нужны-ли комментаріи? *Сог.*

(**) Или, если хочете, спросо: *сласти. Сог.*

вы видѣли меня тамъ углубленнымъ въ *J. des Débats*, *J. de Francfort*, можетъ быть . . . Но это когда-нибудь послѣ, а вотъ въ чемъ дѣло. Вамъ извѣстно, что на прошлой недѣлѣ праздновали у насъ прощаніе съ мясомъ (*carnevale, carnoval, carnevalesco, carnasciale, carneziale, carnaffale, carnascialesco, carnescialesco, carn . . .* благодарю за долготерпѣніе!), всякой хотѣлъ на-посаждать, какъ можно ту же набить свой желудокъ сими благими дарами безсмертныхъ, чтобы попомъ, въ продолженіе сорока-девяти-дневнаго воздержанія, и мысль о мясѣ не осквернила праведныхъ. Мнѣ какъ-то излишне будетъ упоминать о горахъ, балаганахъ, Леманъ, блинахъ, красныхъ лицахъ и особенно посахъ, и пр. Я опишу только одну сцену изъ жизни добраго нашего народа, по какою за то сцену!

Такъ, я пришелъ въ Воскресенье къ старому моему другу, *Вольфу*. Тогда было половина десятаго. Не успѣвъ еще сбросить съ себя плаща, я увидѣлъ, какъ вошелъ молодой купецъ *Трактиринъ*. Нарядъ его состоялъ изъ коленкоровой манишки и таковаго жъ галстуха, жилета изъ оранжеваго бархата съ зелеными звѣздочками, вылакированныхъ, какъ зеркало, сапоговъ и ярко-коричневаго цвѣта сюртука, изъ сукна рублей по сорока, по споль длиннаго, что я лишился чрезъ то возможности описать оспальныя принадлежности его убора (за что, впрочемъ, вы назвали-бы меня, можетъ быть, нескромнымъ); соболя рублей въ семь сотъ или болѣе, шуба, крыпная также понкимъ сукномъ, и бобровая фуражка довершалъ одѣяніе моего героя. За нимъ слѣдовали двѣ *дали* (шакъ покрайней

мѣръ, называлъ онъ ихъ, какъ вы по увидите въ послѣдствіе): на одной изъ сихъ послѣднихъ былъ оранжевый капотъ, пунцовая шляпка, съ свѣтло-зелеными лешаами, и голубой плашкоть на шеѣ; другая была въ пунцовомъ капотѣ, оранжевой шляпкѣ, съ голубыми лешаами, и въ свѣтло-зеленомъ плашкѣ. Сін милый творенія шихо прошли въ заднюю комнату, и чинно устались рядомъ на диванъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ некогда споллъ у Вольфа рояль, походившій бодѣ на гробницу, нежели на музыкальное орудіе, и служившій складочнымъ мѣстомъ для шинелей; право, умно сдѣлалъ хозяинъ, что вынесъ его . . . но обратимся къ моему предмету.

Герой мой, Трактиринъ, усадивъ, какъ мы выше сего видѣли, дамъ, началъ спрашивать у нихъ: — „Не угодно-ли вамъ шеколаду-съ?“ — „Нѣтъ-съ, не безпокойтесь-съ.“ — „Или по чашечкѣ кофейку-съ?“ — „Нѣтъ-съ, не безпокойтесь-съ.“ — „Или мороженого-съ?“ — „Нѣтъ-съ, не безпокойтесь-съ.“ — „Или“ — Кончилось тѣмъ, что нашъ *cavalier seigneur*, опчаявшійся получить благосклонный отвѣтъ, сказалъ: „Хозяинъ-съ! пожалуйте дамамъ-съ по чашкѣ шеколаду, а мнѣ стаканчикъ пуншу-съ.“ Сказано, сдѣлано, и мальчикъ несеть уже обратно лустыя чашки и стаканы. — „Только ужъ какъ вы, Степанъ Авсръяловичъ, мало сегодня блиновъ изволили у насъ кушать — сказала пунцовая дама — такъ это рѣдкость; видно, мы не мастерицы угощать.“ — „Помилуйте-съ, много доволенъ-съ.“ — „Да какъ-же, батюшка, вы вѣдь, я чаю, и десятка не изволили скушать“ — прибавила оранжевая дама. — „Помилуйте-съ, много доволенъ-съ, Хозяинъ-съ! какое у васъ есть мороженое-съ?“ — „Сливяишне, апельсини, малиновѣ.“ — „Пожалуйте-съ дамамъ сливочнаго-съ, а мнѣ стаканчикъ пуншу-съ.“

Признаюсь, это показалось мнѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ: на дворѣ болѣе 15^о морозу, а люди изволятъ ѣсть мороженое. Оно подано и съѣдено. За мороженымъ слѣдовали пирожки съ мясомъ (по двѣ пары на человека); за пирожками другое мороженое, подробный каталогъ коего бѣдный Вольфъ долженъ былъ декламировать предъ Г. Трактириннымъ каждый разъ, какъ предыдущій номеръ съѣснаго приходилъ къ окон-

чанію. За вторымъ мороженымъ слѣдовалъ ликеръ, за ликеромъ кофе, за кофеомъ пирожки (безъ мяса), также по четыре штуки на каждую штучку. После того былъ небольшой отдыхъ: злодѣй, какъ нарочно, выбралъ по мѣсто въ Московскомъ Телеграфѣ, гдѣ говорилъ почтеннѣйшій Издапель онаго, объ іероглифахъ и — кажепса — посредствомъ іероглифовъ же. Какъ бы то ни было, Трактиринъ началъ читать сію статью своимъ собесѣдницамъ, и успѣлъ, кажется, достигъ своей цѣли; ибо только что онъ окончилъ первую страницу, какъ пунцовая дама начала ужасно храпеть. Впрочемъ, едва-ли можно приписать сіе математическое дѣйствіе одной силѣ генія Г. Полеваго; я думаю, что важное участіе въ этомъ принимали пары отъ нѣкоторыхъ жидкостей, которыми наши *dive* успѣли конечно прежде того наполнить свои головки. Но это все скоро кончилось: Трактиринъ прекратилъ пагубное чтеніе, а оранжевая дама разполкала свою подругу, и вновь подаиное мороженое освѣжило Аксенью Семеновну.

За снмъ мороженымъ слѣдовали опять пирожки съ мясомъ (все таки по четыре штуки на штучку); за пирожками опять шеколадъ; тамъ опять мороженое; тамъ (о ужасъ!) пуншъ; после пунша опять мороженое; тамъ я уже не могу всего запомнить: знаю только, что когда герой мой спросилъ, на сколько онъ, съ собесѣдницами своими, употребилъ жизненныхъ припасовъ въ эти при четверти часа, по умильный Вольфъ отвѣтствовалъ: прайць сеймъ руплай съ польпинъ, И такъ, если, раздѣливъ эту сумму на число потребителей, применимъ сін двѣнадцать рублей съ копѣйками къ цѣнамъ продающихся лакомствъ, то получимъ результатъ, что герой мой и объ дамы его скушали, въ при четверти часа, около двадцати порцій разныхъ лакомствъ. Не знаю пастоящей развязки споль умиливельпой сцены: ибо мнѣ, по надобности, нельзя было долго оставаться зрителемъ сего истиннаго наслажденія въ жизни.

2 Марша, 1831,

Л. Валитъ.

Б А Л Л А Д А.

Замокъ Альфа чудесами
Былъ издревле знаменитъ;

Домовыми и черплыми
Съ низу до верха набипъ.

Тамъ въ подвалахъ, въ подземельѣ,
На высокихъ чердакахъ,
Пискъ и визгъ — черпямъ веселье;
Людямъ горе; людямъ спрахъ!

Были рыцари лихіе:
Подходили къ воропамъ,
Но не далъ: духи злые
На часахъ сплюли тамъ.

Вмигъ въ бѣсовскій рогъ ревели,
Поднимался спукъ и вой . . .
Такъ, чпо рыцарь сле, еле
Ноги уносишь домой,

Наконецъ судьба героя
Въ замокъ Альфа привела;
Не Ринальдъ, не Ивангое:
То Филашьевна была!

Виплязь дюжій, виплязь бравый!
Чшо за голось? чшо за видъ?
Эд сто верепъ гремяла славою;
Ропъ разнеспъ — все бѣжитъ ! . .

Скрылось солнце за горою,
Все утнкло . . . полночь бьспъ;
Вопъ Филашьевна съ мешлою
Къ замку спрашному идепъ.

Въ эту ночь былъ въ замкѣ праздникъ;
Вѣдь не даромъ говорятъ:
Сапана большой проказникъ;
Пляска шла у черпеняпъ.

Вдругъ Филашьевна въ воропа
Хлопъ могучимъ кулакомъ ! . . .
Всѣмъ черпямъ пришла работа,
Поднялся по замку громъ.

Воропа съ крюковъ слепыли
Отъ ужаснаго шума!
Черни, струсл, одурьли:
Вспали, выпуча глаза.

Тупъ на льво и на право
И назадъ и предъ собой
Началъ виплязь смѣлый браво,
Какъ мечемъ, махашъ мешлою,

Битвы спрашала каршина:
Здѣсь бѣснокъ безъ хвосна,
Тамъ безъ рога, — у эпихъ мина
Такъ кисла, какъ-бы съ посна.

Позабыли черни пляску:
Плохи, плохи ихъ дѣла;
И Филашьевна имъ паску
Мастерскую задала.

Замокъ съ той поры въ покоѣ;
Тихъ, въ развалинахъ спонпъ;
Но шамъ слава о героѣ,
О Филашьевѣ гремипъ.

III.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

15. *Живые обидорки, или оттыжки невѣжества, глупостей, промьрства и обмана.* Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Унив. Тип., 1851. Въ 12. (34 стран.)

Прочпшавъ сію *оттыжкѣ невѣжества, глупостей, промьрства и обмана*, мы удостовѣрились, чшо такое заглавіе придаю сей книжкѣ съ цѣлю, самого благонамѣренною: единственно для того, чптобы предосперечь опъ докупки оной! —

С М Ъ С Ь.

— Помѣщикъ Горлопановъ увѣрлялъ недавно, чшо онъ уже десять лѣтъ какъ оспамилъ службу, а занимается все *Психологію*. — „Покакой-же системъ вы разсмаприваете сію глубокую науку: по спаринной-ли Пиагоревской и Зепоновской, или сообразуясь съ Каппюмъ и Шеллингомъ?“ — „Да ни по той, ни по другой; а по *Опытному Охотнику*, Г-на Левшина.“ — „Какъ?“ — „Да такъ: я держу двѣ псарни. Какъ-же сказать, чшо я собачникъ: это вѣдь грубо; а Психологія, говорятъ, греческое слово, и происходипъ опъ пса. Вѣдь это справедливо?“ — „Какъ пельзл болѣе, Полукнопъ Герасимовичъ.“ — „То-то, хе! хе! хе!“

— Пульхерія Мартыновна Трещоткина, прѣхавъ въ Петербургъ изъ Новгородской Губерніи, поселилась съ двумя монашенками, ею привезенными, съ тремя дѣвками, съ дуροю, съ шупомъ, съ шестью лакеями, съ попугаемъ, съ пятью болонками, съ за-

служебною моською, и пр. и пр. и пр., въ домѣ двоюродной племянницы своей, Олимпіады Николаевны Вертушкиной, которая, на прошедшей масленицѣ, ради смѣха, повезла свою пешушку въ Театръ, въ которомъ, какъ полагають должно, сія послѣдняя никогда не бывала: играли *Эмилию Галотти*. Эта Трагедія не очень пришлась по вкусу Г-жѣ Трещонкиной. Когда начался балетъ, и когда Истомина восхищала публику, Пульхерія Марфиновна почти высунулась изъ ложи и распустила свой чепецъ.

Олимп. Никол. Что вы, пешушка?⁴⁶

Пульх. Март. Да вопшь, душа моя, прислушиваюсь къ тому, что говорятъ эти нечисные. Эки какіе; ихъ и не слышно: только деньги даромъ берутъ.

Олимп. Никол. Да это, пешушка, балетъ: *Медя и Язонъ* (*).

Пульх. Март. Все въ этомъ не резонъ: говори такъ, чтобъ слышно было.

— „Въ статьѣ: *Дуэлисть*, напечатанной въ 12 и въ 13 NN *Слв. Меркуріа*, я нахожу (говорилъ кто-то) преважную ошибку.“ — „А какую напримръ?“ — спросилъ другой. — „Здѣсь сказано, что воткнули саблю въ землю и опсчитали по десяти шаговъ.“ — „Ну такъ чтожь?“ — „Какъ, чтожь? профанъ! Такъ-ли спръляюся на барьеръ?“ — „Какъ же?“ — „Втыкають двѣ сабли на извѣстномъ одна отъ другой разстояніи, и онѣ-то служатъ барьеромъ.“ — „А нельзя развѣ отъ сабли опсчитывать въ обѣ стороны по десяти шаговъ? вотъ и двадцать, и спръляй.“ — „Нельзя, нельзя: ça ne se fait pas! Охъ! этимъ испорчена вся статья.“ — „Да, правда; но вѣдь не про всякаго же читателя, какъ про секунданта, можно сказать: дѣло мастера бонtsel!“ —

— „По какому курсу, Милостивый Государь, проходили Полиціическую Экономію?“ важно спросилъ Профессоръ нѣкотораго юношу, дослужившагося, живучи

(*) Олимпіада Николаевна пришепечиваетъ.

въ деревнѣ, до Типулярнаго Совѣтника, и желавшаго получить посредствомъ экзамена Высокоблагородное званіе (для составленія выгоднѣйшей партіи). — „Не знаю-съ“ — отвѣчалъ онъ. — „По Шторху, Сею или Дрозду?“ — „Не знаю-съ, а только знаю, что ни по одному, вотъ изъ энихъ (указывая на вышеупомянутые курсы): эпомъ въ переплетъ; эпомъ въ желтой обверткѣ; эпомъ въ сѣрой папкѣ; ишь-съ, а мой въ зеленомъ сафьянномъ переилетъ съ золотымъ обрѣзомъ.“

— „Пожалуйте мнѣ эссенцію Уголовной Палаты?“ — „Чего-съ?“ — „Эссенцію Уголовной Палаты?“ — „Не понимаю-съ.“ — „Экіе какіе! Все надобно самому дѣлать: ну, вопшь она.“ — Дѣло шло о *сентенціи*.

Первая книжка *Гирланды* вышла и раздается подписавшимся особамъ. Содержаніе оной слѣдующее: 1. Словесность. *Проза*. 1. Взглядъ на землю съ неба. 2. Бедламъ. *Стихотворенія*. 1. Къ мечтательницѣ. (*В. И. Т — ва.*) 2. Улыбка и Слеза. (*О. Н. Глипки.*) 3. На случай опѣзда Его Императорскаго Величества въ Москву, въ Септябрь 1830 года. (*И. П. Балле.*) II. Библиографія. 1. Киргизъ-Кайсакъ, повѣсть Г. Ушакова. (*В. П. Б — ва.*) 2. Пѣсни и Романы Мерзлякова. III. II. С — ва. III. Смѣсь. Объ Авторствѣ женщинъ. Дамскій шулетъ за 30 вѣковъ предъ симъ. Разныя замѣчанія. *Enigme. Logogriphe. Charade.* IV. Музыка. *Могилы*, Романсъ. Слова В. А. Жуковскаго; музыка Графа С. В. Толстаго.

Подписка на сей Журналь принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Сленина. Цѣна годовому изданію, сосиолцему изъ 43 книжекъ, съ картинками Модъ, ношами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома, 45 рублей. Иногородные благоволяють относиться въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или на имя Издателя, адресуя: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургъ.*

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 18.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *даже* листовъ, на *веленовой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 11 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

Новый провинціалъ въ Столицѣ

или

XIX Столѣтіе.

Будучи обязанъ просиживать каждый день съ 9-ти до 3-хъ часовъ въ Департаментѣ, въ конномъ служилъ, Ипполитъ долго, по прѣздѣ въ столицу, не могъ выбрать времени развѣсти нѣсколько данныхъ ему изъ провинціи рекомендацельныхъ писемъ. Наконецъ испросилъ онъ у одного изъ своихъ Начальниковъ позволеніе не придти на другой день къ должности; но оно дано ему было съ видомъ неудовольствія и упрека. — „Боже мой!“ подумалъ юноша: неужели отъ меня потребуютъ, чтобы для обязанности переписчика бумагъ, я оставилъ все свои дѣла и прервалъ связи со свѣтомъ? Нѣтъ; я увѣренъ, что принесу возможную пользу своему мѣсту, я не менѣе того могу вести себя, какъ прилично человѣку, приготовившемуся жить въ хорошемъ обществѣ.“

Побывавши въ нѣсколькихъ домахъ, — „слава Богу!“ подумалъ Ипполитъ; — по крайней мѣрѣ я теперь обезпеченъ со стороны знакомства; вижу, что и здѣсь не такъ трудно находить его, какъ говорятъ.“ — При первомъ удобномъ случаѣ ушелъ онъ изъ своего Департамента, случасомъ раньше обыкновеннаго, домой переодѣвшись, съ намѣреніемъ обѣдать въ одномъ домѣ, гдѣ его приглашали приходиться къ обѣду, когда ему вздумается. Хотя онъ чувствовалъ себя нѣсколько

утомленнымъ, занимавшись снѣжкомъ пять часовъ сряду, и опять этаго не очень расположеннымъ быть въ обществѣ, гдѣ нужны веселое расположеніе духа и непринужденность, а желалъ-бы послѣ трудовъ отдохнуть дома, однако въ половинѣ четвертаго отправился къ новымъ своимъ знакомымъ. Взойдя на лестницу, онъ нашелъ двери запертыми. „Видно нѣтъ дома“ — подумалъ онъ, и позвонилъ въ колокольчикъ, чтобы приказать человѣку доложить послѣ господамъ, что онъ былъ; но войдя въ переднюю, которую не вдругъ ему отперли, узналъ онъ явившагося не вдругъ лакея, что былъ дома. Ипполитъ пошелъ въ гостиную, гдѣ никого не было; а человѣкъ — доложить о немъ хозяйку, бывшему въ своемъ кабинетѣ. Стоя одинъ, и случайно взглянувъ на зеркало, Ипполитъ увидѣлъ въ немъ хозяйку, читавшую въ другой комнатѣ на диванѣ книгу. Въ это время прошла чрезъ гостиную живущая въ домѣ дама, и какъ-бы едва замѣтивъ его, слегка поклонилась мимоходомъ. Скоро явился хозяинъ, и сказавъ привѣтствіе гостю, велѣлъ давать кушать. — „Здоровы-ли вы? Каково начало вашей службы?“ продолжалъ онъ, допрогиваясь до руки Ипполита, и приглашая садиться. Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать; но почелъ это не чужбымъ, замѣтивъ, что спрашивавшій не требовалъ отвѣта, думая совѣтъ о другомъ, все еще занятый дѣломъ, оставленнымъ въ кабинетѣ. Когда доложили, что кушать готово, хозяйка оставила свою комнату, и учтиво поклонившись гостю, прошла чрезъ гостиную въ обѣденную залу, а за нею, по приглашенію хозяина, Ипполитъ, и потомъ

самъ хозяинъ. За столомъ были еще дѣти и двѣ гувернантки или компаніонки дома. Общій разговоръ ограничивался опрывными извѣстіями о нѣкоторыхъ повостяхъ городскихъ, политическихъ и литературныхъ. Ипполитъ старался завести болѣе оживленный, текущій разговоръ; но это ему не удалось: хозяинъ и хозяйка, повидимому, совсѣмъ не были расположены къ веселому бесѣдованію. За то дѣти безпрестанно лепетали между собою, и обращались съ вопросами, то къ онцу и матери, то къ двумъ дамамъ. Впрочемъ Ипполиту эпошь обѣдъ не имѣлъ времени показаться слишкомъ скучнымъ, состоя изъ трехъ умѣренныхъ блюдъ, и умѣренныхъ гораздо болѣе, нежели, какъ ожидалъ онъ, хотя и слышанный о столичной экономіи. Въ продолженіе получаса, проведеннаго ими за столомъ, входилъ въ залу нѣкто посторонній, котораго прицляли очень привѣтливо, Ипполитъ, нѣсколько оподвинувшись, хотѣлъ дать ему за столомъ мѣсто, но пошь съѣлъ поодавъ, на поданномъ ему спузъ. Но размѣтъ двухъ, трехъ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, хозяинъ спросилъ посѣтителя: „не хочешь-ли онъ отвѣдать ихъ кашки?“ — „Нѣтъ“ — отвѣчалъ онъ: „я иду отвѣдать домой.“ — Вставъ изъ стола, хозяйка опять ушла въ другія комнаты, а хозяинъ и Ипполитъ сѣли въ гостиной на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали нѣсколько минутъ передъ обѣдомъ. Подали кофе (безъ сливокъ). — Ипполитъ замѣнилъ, что хозяинъ, упомянутый утрепными трудами, имѣлъ нужду въ опдыхъ, и слышавъ, что, по обыкновенію Столицы, послѣ обѣда долго не оспаютъ, взявъ шляпу, откланялся. Эпошь обѣдъ *запросто*, хотя и въ домъ *хорошаго тона*, у людей, занимающихъ нѣкоторую степень въ обществѣ, немного доставилъ ему удовольствія, „Стоило-ли труда, подумалъ онъ, сходя съ лѣшницы, когда за нимъ снова заперли изнутри двери на крюкъ, — идти съ принужденіемъ въ чужой домъ, беззаконно хозяевъ, опъ своего обѣда, для котораго все таки оспалось въ желудкѣ мѣсто. Правда, я шель, чтообы развлечься въ обществѣ; однако жъ ничего бы не потерялъ, если-бы спокойно расположился отвѣдать дома. — Но зачѣмъ меня приглашали?“ —

А. Гл — 68.

Ч У В С Т В О (*)

при полученіи извѣстія объ одержанной побѣдѣ надъ Польскими мятежниками подъ Прагою, 13 Февр. 1831.

Война кипитъ!

Душа горитъ отвагой!

Знамена Русскія подъ Прагою,

И Дибичъ нашъ враговъ разитъ!....

Опять отецъ мой посѣдѣльи,

На брани былъ — (въ тридцатый разъ) (*)!

Но, ахъ! бытъ можетъ, въ эпошь часъ

Онъ палъ, какъ вопшь смѣлый!....

Теперь я одного бъ желалъ,

Забывъ спокойствіе земное;

Летѣть на поле боевое,

Гдѣ бъ за Царя кровь проливалъ!...

Н. Кириловъ,

23 Февраля 1831,

Н О В Ы Я К Н И Г И.

16. *Стихотворенія Михайла Дмитріева*. Двѣ части. Москва, въ Тип. Авг. Семена, 1830. Въ 8. (Въ перв. ч. 251, во втор. 243 стран.)

Не родись хорошь, а родись счастливъ. Эша пословица сбывается и на Поэпахъ, Лучшимъ примѣромъ тому служитъ М. А. Дмитріевъ, которій, по сравненію съ другими, можетъ быть поставленъ между хорошими Сіяхопворцами нашего времени; но между шѣмъ публика не отдастъ ему должной справедливости.

Невольно вспомнишь Басню Крылова: *Левъ и Комаръ*, и стихъ:

Мстятъ сильно иногда безильные враги.

Истину сію доказалъ Г. Полевой, издатель Московскаго Телеграфа. Незвѣстна причина его неблагоклонности къ М. А. Дмитріеву, но Г. Полевой всегда съ *гильволи* встрѣчалъ произведенія его. Нѣкоторые другіе Журналисты, сѣдла по плямамъ Издателя Московскаго Телеграфа, также не были благосклонны къ М. А. Дмитріеву. И вопшь откуда громъ!..... По нашему мнѣнію, говорить пенесключительно душно о

(*) Сочиненіе Автора, едва поступающаго въ юношескій возрастъ. *Изд.*

(**) Т. е. въ тридцатое сраженіе. *Прил. Сот.*

всѣхъ произведенійхъ Г. Дмипріева, значить быть болѣе, нежели несправедливымъ. Въ подкрѣпленіе мнѣнія нашего мы не дѣлаемъ выписокъ изъ сего собранія; а предлагаемъ читателямъ нашимъ Стихотворенія М. А. Дмипріева, изъ коихъ многія вполне могутъ удовлетворить вкусу самыхъ строгихъ цѣнителей стихотворныхъ произведеній. Дмипріевъ принадлежитъ къ Нѣмецкой школѣ; и потому всѣ почти стихотворенія его болѣе или менѣе посвятъ на себя оппечатокъ Нѣмецкой мечпательности. Главныя достоинства сочиненій его суть: вѣрный взглядъ, свобода выраженій, обиліе мыслей и правильность языка; но въ нихъ недовольно жизни, они не всегда согрѣты чувствомъ.

Въ первой частн сего собранія заключающаея Элегія, Смѣсь, Басни и Подражанія Библии; во второй стихотворенія Лирическія, Философическія и Сатирическія. „Сн Элегія, говоритъ Авторъ въ своихъ примѣчаніяхъ, суть ничто иное, какъ отраженіе нѣкоторой части моея жизни.“ Ихъ 17, и онѣ почти всѣ хороши. Въ Смѣси встрѣчаемъ мы пьесы, болшего частію переводныя; намъ правяшея преимущественно тѣ, которыя взяты изъ Гёте: въ нихъ сохранены не только смыслъ, но слова и даже размѣръ стиховъ подлинника. Басни взяты болшего частію изъ Флоріана; а по нашему мнѣнію, Флоріановы Басни не Басни, а скучныя, расплутыя, надутыя сказки. Подражанія Библии, или псалмы, переведены близко къ тексту, но сухо. Стихотворенія Лирическія и Философическія, коихъ числомъ 12, суть лучшія произведенія Г. Дмипріева. Сатирическія произведенія не въ духъ Автора (*). Большая часть стихотворе-

(*) Впрочемъ это не совсемъ правда. Вспомните, Г. Кришкѣ, изъ Люциферова праздника (спр. 188 час. 2) куплетъ, который поетъ Лѣшій. Вотъ онъ:

Иду я лѣсомъ — съ лѣсомъ равенъ;
Травою — равенъ я съ правой;
И, какъ лѣсной, въ глуши я славенъ,
Хоть и презрѣнъ, какъ полевой! —
За сильнымъ — хохочу я пускаю;
Кто слабъ — того защекочу;
Съ кѣмъ слажу — просто изломаю;
Не слажу — мимо прокачу.

Неправда ли, тушь много соли?

Прим. Наборщика.

ній, помѣщенныхъ въ семь собраній, были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ Московскихъ изданіяхъ и печатаемы особо; весьма немногія изъ оныхъ читаемъ въ первый разъ. Изданіе книги очень хорошо.

С — съ.

С М Ъ С Б.

— Отъ чего это по ушу Сервилькинъ всегда разъяряетъ на такой лихой парѣ? Мнѣ часто случается видѣть его въ экипажѣ.“ — „Отъ чего? Смѣшной вопросъ: онъ исполнилъ порученія своего Начальника, а глѣдая заводская пара принадлежитъ его Превосходительству: вѣдь Сервилькинъ находится у него по особеннымъ порученіямъ.“ — „А! понимаю!“

— Одинъ бойкій мальчикъ вышелъ однажды гдѣ-то въ Губернскомъ пансіонѣ на экзаменъ, составленный, на подобіе столичныхъ модныхъ экзаменовъ, съ извѣстнымъ шарлатанствомъ, на которомъ онъ долженъ былъ говорить пышную рѣчь, на языкѣ, членами публики непонимаемомъ, а именно на Англійскомъ. Началъ онъ съ живостью, свойственною тринадцатилѣтнему шалууну, но потомъ сбился, сконфузился, забылъ продолженіе, и чуть было не ошпановился; да вдругъ ему припала счастливая мысль, и онъ давай выкрикивать свои вокабулы, которые зналъ лучше рѣчи. Такимъ образомъ, вдругъ услышали отъ него: Can you speak English? — You are very sleepy? — From whence come you? — The weather is very mild, и пр. пр. Всѣ слова эти сопровождалъ онъ жестами, самыми выразительными, обращеніями къ Директору Гимназіи, къ посѣщителямъ. Многіе похваливали рѣчь; другіе удивлялись декламаци; а двѣ или три провинціальныя барыни проливали слезы умиленія, и поздравляли Агаѣклею Марыиновну (мать эшаго шалуна) съ такимъ сыномъ-умникомъ.

— Одинъ Экзекуторъ Департамента, по заведенному порядку, долженъ былъ ежедневно рапортовать Канцеляріи Министра особыми рапортичками о благосостояніи ввѣренной ему частн. Получивъ однажды вечеромъ уведомленіе о везанной смерти одного изъ Чиновниковъ, и видѣвъ гдѣ-то унѣтребляемое: *волею Божию помере*, онъ потчасъ, съ поспѣшностію исправнаго

Чиновника, написалъ, вовсе забыть выраженіе *волего*: „По Департаменту все благополучно, кромѣ того, что Чиновникъ двѣнадцатаго класса Чахлинъ *милостиво* Божіею помре.“

— Нѣсколько молодыхъ людей просили одну молоденькую, впрочемъ хорошенькую, провинціалочку, пропѣть Романсъ Графа С. В. Толстаго, вышедшій при первой книжкѣ Гирланды. „Я-съ очень рѣдко пою-съ“— отвѣчала понесѣнкимъ голоскомъ миленькая Надина, жеманно опуская свои голубенькія глазки къ низу. Молодые люди повторили свою просьбу съ бѣльшимъ убѣжденіемъ. „Впрочемъ, если вамъ угодно, съ удовольствіемъ-съ“ — сказала Надина, усѣлась чинно на поставленномъ для нея стулѣ за фортепiano, разложила нотный листокъ, повела тихонько головкою на право и на лѣво, ударила въ клавиши и начала:

Crescendo
avec la pedale
decrescendo
fermez la pedale

Син музыкальные терминны, напечатанные въ началѣ, и принятыя нашею пѣвицею за слова Романа, поразили слушателей, и заставили ихъ, забывъ условіа свѣтскаго приличія, громко захохотать. Foi de Jong-naliste, Mesdames, если Вы мнѣ не вѣрите въ испинъ сего происшествія.

— Недавно мнѣ случилось увидѣть деревенскую Бугалшерскую книгу, въ которой было написано, что опнущено хлѣба *разными особами*, какъ гласилъ заголовокъ; а въ томъ числѣ было:

Гусямъ 6 *гетв*.
Уткамъ 2 *гарг*.
Свиньямъ 10 *гетс*.
Барину 20 *гетв*.

Дѣло въ томъ, что барину 20 четвершей отправлено въ Губернскій городъ; вопъ почему прикащикъ и номѣшилъ его въ это приипное общество. — В. Б.

— У кого-то на дняхъ въ одномъ музыкальномъ обществѣ спрашивали: „Вы, Иванъ Герасимовичъ, на чемъ играете?“— „На биллиарнѣ-съ“— отвѣчал шопъ.

— „Вы не видали еще Петра Ивановича Выжигина?“ спросили у кого-то. „Да я съ нимъ не знакомъ-съ“— отвѣчалъ сей, думая, что рѣчь идеть объ одушевленномъ предметѣ.

Музыкальная новость. Въ Липографіи Бегрѣва, находящейся на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Лихачева, принимается подписка на музыкальный Альбомъ, издаваемый Н. А. Тинновымъ. Альбомъ сей будетъ заключать въ себя *десять* номеровъ, изъ коихъ *въ четырехъ* будутъ вальсы, *въ четырехъ* Романсы (а. *Признаіе*; б. *Звѣздочка*; с. *Меня забудь*; d. *Друзья! я недовѣрчивъ сталъ*); *въ одномъ* номерѣ новая Французская кадрили и *въ одномъ* мажурка. Альбомъ сей выйдетъ къ Святой недѣлѣ. Подписная цѣна 10 рублей. При подпискѣ выдается билетъ.

Содержаніе *второй* книжки Гирланды слѣдующее:

1. *Словесность. Проза.* 1. Красная лента. (*Повѣсть.*)
2. Молодой Авпортъ. (*Анекдотъ XIX столѣтія*, пер. О. О. Д — мѣ.) *Стихотворенія.* 1. Лето жизни. (*Барона Розена.*) 2. Къ статуѣ Наполеона, въ современномъ костюмѣ съ сложенными на груди руками, на высокомъ пьедесталѣ. (*А. Н. Галбова.*) 3. Надежда.
- II. *Библиографія.* Стихотворенія Михайла Дмитриева.
- III. *Смѣсь.* Сцена въ модномъ магазинѣ. Журнальная Некрологія. Музыкальная новость. IV. *Моды.* — Enigme. Logogriphe. Charade.

При сей книжкѣ выдана картинка дамскихъ модъ, (*въ четырехъ фигурахъ*), гравированная извѣстнымъ Художникомъ, Фридрицомъ.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Пягошара, Брифа, Смирдина и Слѣпина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 45 книжекъ, съ картинками модъ, ношами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Инородные благоволятъ отнестись съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издательство Свѣрнаго Меркурія.*

№ 19.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ досакою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 13 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

БЕСѢДКА У ПРУДА.

Музыка еще гремѣла. Толпа была запыла копильномъ; только одна Ольга не принимала участія въ общемъ веселіи: она удалилась изъ шумной залы въ дальнюю комнату.

Это было въ Августѣ мѣсяцѣ; по почѣ походила на Июньскую. Ольга отворила окно въ обширный садъ; лунное сіяніе и теплый воздухъ выманили ее изъ комнаты. Тихими шагами прошла она большую аллею, поворочила на право; въ эту минуту что-то показалось между кустовъ и вдругъ скрылось въ бесѣдкѣ, примыкавшей къ пруду. Долго колебалась Ольга: слѣдовать-ли ей за укрывшимся или нѣтъ. „Но зачѣмъ препятствовать любовникамъ?“ говорила она сама себѣ: „они, вѣроятно, счастливые меня. Но можетъ быть это вѣроломный Евгений“ — сказала она съ твердостью, едва переводя духъ: „пойду . . .“

Евгеній Б., пригожий молодой человекъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, умѣлъ снискать любовь Ольги Д. Онъ открылся ей и узналъ, что любимъ взаимно. Ни онъ кого не завялъ, Евгенийъ объявилъ возлюбленной своей, что онъ намѣренъ просить благословенія родителя ея. Ольга согласилась. День ангела отца ея былъ назначенъ для испрошенія у него согласія на бракъ.

За нѣсколько недѣль предъ симъ прѣхалъ въ Столицу отставной Полковникъ С . . . съ дочерью своею, Полною. Евгенийъ видалъ прелестную провин-

ціалку у Ольги, и былъ предпочитаемъ Полною всѣмъ мужчинамъ. Полнѣ правилась предупредительная его учтивость и ловкое свѣтское обращеніе. Онъ забылъ данное слово Ольгѣ, которая, видя въ немъ исчезающую къ ней любовь, не хотѣла напоминать о томъ. Каждое нѣжное слово Евгения, сказанное имъ Полнѣ, было ударомъ для нескренилолюбящей Ольги; и ея привязанность къ вѣроломному еще болѣе усиливалась (*).

Наконецъ насталъ роковой день. Родитель Ольги пригласилъ множество гостей въ загородный домъ свой праздновать именины. Евгенийъ былъ также приглашенъ; но не явился упрямъ съ обѣщаннымъ намѣреніемъ къ родителю обиженной Ольги. „И пактъ, все кончено!“ говорила она, прогуливаясь до обѣда въ саду: „Нѣтъ надежды: онъ не любитъ меня! легкомысленную, вѣтренную Полну, онъ предпочитаетъ мнѣ. О, Евгенийъ! зачѣмъ ты обманывалъ меня? зачѣмъ казался столь любезнымъ, прелекательнымъ? Зачѣмъ увѣрялъ, что къ довершенію твоего счастья, не до снаешь тебѣ одной только меня?“ — Слезы засребрились въ глазахъ бѣдной дѣвушки, и помолчавъ нѣмного, она продолжала: „Я знаю теперь твой характеръ, Евгенийъ: ты не можешь любить нѣжно, пламенно; любовь твоя — одно притворство!“

Съѣхались гости; начались танцы. Евгенийъ былъ болѣею часпю съ дочерью С . . . Во время ко-

(*) Чѣмъ меньше жепцину мы любимъ,
Тѣмъ болѣе правимся мы ей.

Прим. Корректора.

пильона онъ скрылся съ нею въ садъ: свидѣтели при- творпаго его счастья были ему неспособны. Беседа у пруда и возлѣ оной арсеналь хозяина — служили имъ убѣжищемъ. Евгений на колѣняхъ предъ Полиной, по- крывал спрашными поцѣлуями ея руки, увѣрялъ въ своей любви, и она, наклонивъ голову, уже готова бы- ла отвѣчать пылкимъ поцѣлуемъ, — какъ вдругъ дверь бесѣдки отворилась „Евгеній!“ вскрикнула Ольга, и упала безъ чувствъ.

Шумъ и лопанье ракетъ прервалъ копильонъ и карточную игру: всѣ бросились въ садъ, гдѣ на воз- вышенномъ передъ домомъ вѣсть вернулись колеса, съ трескомъ лопались бураки, и быстро взлетали на воздухъ ракеты, а попомъ, не привлекая на себя вни- мація, падали на землю: вѣрующая картина временщиковъ!.. Вездѣ именишка горѣлъ прекрасно; но вопль взле- тѣлъ букетъ — и блестящій фейерверкъ кон- чился.

Полковникъ С . . . , не найдя въ залѣ дочери сво- ей, пошелъ искать ее въ саду, и проходя мимо бесѣд- ки, пораженъ былъ крикомъ Ольги. Онъ останавли- вается; видитъ Евгенія и Полину, суесящихся около Ольги. Заставъ дочь свою съ молодымъ человекомъ ночью, въ такомъ мѣсцѣ, — было доспапочно для С . . . , чтобы почестъ себя чрезвычайно оскор- бленнымъ. Въ бѣшенствѣ обнаживъ шпагу, — „защи- щайся, подлець!“ — закричалъ онъ грозно Евгенію, къ защитѣ котораго могла послужить одна изъ шпагъ, повѣшенныхъ на стѣнѣ. Оба, въ стремленіи ярости, пачали биться; но искусство С . . . одержало верхъ: Евгений, смертельно раненный, улазъ къ ногамъ По- лины.

Звукъ шпагъ, хотя заглушаемый фейерверкомъ, былъ слышанъ нѣсколькими госпіями и самимъ хозяи- номъ: они прибѣгають на мѣсто происика; видяшъ Евгенія, плавающего въ крови своей, поднимають Ольгу, прилагають всѣ старанія привести ее въ чув- ство, но . . . тщетно. Въ послѣднемъ невняпномъ звукѣ, слабо вышедшемъ со стономъ изъ ея устъ, можно было только различить: „Евгеній! . . .“

С

О Ж И Д А Н І Е.

Она неидетъ. — Въ тиши печальной
Льниво брезжится свѣча;
Порою пѣсни отзвѣвъ дальній
Тревожитъ слухъ, едва звуча.
Часы ипекутъ; душа поминися;
Въ биеньи сердце гостью ждетъ . . .
Вопль кипитъ, кажется, спущенся . . .
Она! . . . Ахъ нѣтъ, она неидетъ.
Ахъ, если бы сей часъ раздался
Желанный шумъ ея шаговъ,
И молчаливый опоздался
На звукъ рѣчей ея мой крови!
Но тщетно! — Съ смѣхомъ неразлучный
Монимъ не будетъ гостемъ Лель,
И въ тишинѣ я лягу, скучный,
На одинокую постель.

А. Глѣбовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

17. *Что такое хорошій тонъ?* Северо-Американскій Романъ, переведенный *Константиномъ Масальскимъ*. Четыре часли. С. П. бургъ, въ Тип. Меднц. Департ. Минисперства Внутреннихъ Дѣлъ, 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. 127, во влп. 150, въ шр. 160, въ чств. 172 стран.) (*)

И въ Вашингтонѣ, какъ въ Петербургѣ, есть лю- ди, имѣющіе страсть блистать въ обществѣ, и же- лающіе слыть людьми хорошаго тона, но неимѣющіе на то надлежащаго права. Вопль главная черта, на коей основано содержаніе сего Романа. Прочтя его, вы найдете, что онъ въ общемъ соспавъ своему не безъ занимательности, и ошдавшие должную спра- ведливостъ Переводнику, передавшему его на Русскій языкъ съ надлежащимъ достоинствомъ. Мы посовѣто- вали-бы своимъ соотечественникамъ хорошаго тона прочитать эптопъ переводъ Г. Масальскаго, если-бы давать подобныя совѣты было въ тонѣ, и если бѣ, по сему обстоятельству, нижеподписавшійся, именемъ и сердцемъ Русскій, не опасался прослыть человекомъ дурнаго тона, вздумавъ совѣтовать своимъ соотече- ственникамъ читать Русскія книги.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 8 руб. экземпляръ.

Encore un mot! Нынѣ въ пошѣ у нѣкоторыхъ Переводчиковъ приводить въ недоумѣніе читателямъ своихъ, и заставлятъ ихъ оспаривать: съ какаго языка ихъ переводы? . . По существу вещей, переводы съ Англійскаго вообще предпочитаютъ переводамъ съ Французскаго. Не имѣя теперь подъ руками ни оригинала Г-жи Гаррисонъ-Смиттъ, сочинительницы сего Романа, ни Французскаго перевода онаго, а искренно сказать, не имѣя времени наводить справки на каждое гипературное издѣліе, — мы не можемъ опредѣлительно сказать: съ какаго языка переводилъ Г. Масальскій этотъ Романъ. Между тѣмъ по какому-то инстинкту полагаемъ, что онъ перевелъ его съ Французскаго: ибо, въ прошивномъ случаѣ, Г. Масальскій, вѣроятно, на заглавномъ листѣ своего перевода, напечаталъ-бы четкими буквами: *перевелъ съ Англійскаго.*

Ар. З.

С М Ъ С Ъ.

В И Л Л Е Т - Д О У Х

СОВЕРШЕННО ВЪ НОВОМЪ ДУХѢ.

(Письмо къ Издателю.)

М. Г.! Видѣлъ я въ *Альдебаранѣ*, печатанномъ въ Сыктывкарѣ, и въ *Лит. Зеркалѣ*, печатанномъ въ Москвѣ, Телеграфѣ, разныхъ пародій, болѣе или менѣе удачныхъ; видѣлъ я въ 5 No вашего Свѣд. Меркурія одну замѣтную *Нѣврологию*; но еще никогда не видалъ столь удачной галиматіи, какъ прилагаемое здѣсь любовное письмо, написанное какимъ-то Подпрапорщикомъ *Новоземлянскаго мушкетерскаго полка*, Скамозубова Баталіона, по фамиліи Хавронкинымъ, который, бывъ воспитанъ до четырнадцатилѣтняго возраста съ дѣвичествомъ Лилеиной въ домѣ родительскомъ, т. е. въ деревушкѣ Захолустовкѣ, лишился своей подруги, отданной въ одинъ Московскій пансіонъ, и утѣшавъ себя . . . пусканіемъ мыльныхъ пузырьковъ. Но М-ле Лилеина въ три или въ чепыре года выросла, вырослась, разцвѣла розою, и была уже готова оставить стѣны своего заведения, чтобъ порхнуть въ модномъ свѣтѣ и привлечь толпы обожателей. Она совершенно забыла Борю Хавронкина, который такъ же подростъ, и котораго опекали попечительные роди-

тели въ вышеописанный полкъ для подвижанія на поприщѣ славы и воинскихъ трудовъ. Боря, дослужась до Портупей-Прапорщикова, и гордился своимъ серебрянымъ шемлякомъ на песахъ, — зачѣлъ влюбляться, вычитавъ въ какомъ-то Романѣ 1807 года, что можно по симпатіи влюбляться заочно. Лилеинка Лилеина пришла ему на память; да къ тому же онъ слышалъ отъ одного изъ своихъ соповарищевъ, бывшаго въ Москвѣ, что Елисавета Степановна — *короля двѣка*. Вотъ сердце его вспыхнуло, и вотъ пишетъ онъ къ ней нижеслѣдующее письмо:

Милостивая Государыня!

Елисавета Степановна!

Во первыхъ при взятіи моемъ за перо, я отъ ужаса весьма садрагаюсь (*) и немогу долѣе переносить тягостныхъ рвеній моего пламниаго сердца, которое ни единой минутой ни бываетъ безъ пристрастія и никакъ не можетъ приодолѣть сей возпламененной въ сердцѣ моемъ страсти, которую никто не можетъ испоргнуть; но при сихъ размышленіяхъ приводить мнѣ на память одни надежды къ избавленію моему отъ сихъ тягостныхъ оковъ, испримиу вамъ засвидѣтельствовать свое низжайшее почтеніе и многолѣтнее здравіе вамъ желаю. О! сколько бы я тогда себѣ почелъ счастливымъ, когда бы могъ увидѣть ваше прекрасное лицо Милостивая Государыня Елисавета Степановна, сжалась бы надо мною, отраду мнѣ въ горести дайте или лростью смертной, злую свою обиду отмените и любовь вашу мнѣ хоша однимъ взглядомъ наградите, за симъ остаюсь вѣролюбчивъ васъ

Портупей Прапорщикъ Н. Н.

— Нѣкто (богатый Московскій баричъ) такъ иногда изволивъ зѣвать, что бывало, какъ запынеть: ау-а-а-у-а-у! — такъ старенькая и больная барыня, жившая насупротивъ черезъ улицу, приказывала заговаривать глухо наглухо всѣ ставни, и потомъ посылала просить сосѣда, чтобъ онъ зѣвалъ потише, ибо на все это наводитъ дуриоту, и усиливаетъ ся спазмы.

(*) Письмо сіе переписано съ дипломатическаго почтослію съ подлинника.

— Дѣла одного прожектёра или плоховато, а тѣмъ не менѣе онъ все страстно любилъ разные обороты денежные, которые, впрочемъ, почти всегда оканчивались къ вреду его. Разъ какъ-то одинъ пріятель его находить его на диванѣ въ объятіяхъ Морфея, несовершенно еще давшего ему испить чану съ маковымъ сокомъ; онъ разъ плшъ переворачивался съ бока на бокъ, позѣвывалъ и сладостно попягивался. Пріятель вопрошаетъ: „Ну чтожь, братъ, какъ идуть дѣла, а! плохо, не бось?“ — „Не то, что плохо, а надобно пораздумать.“ — „Да думай, братъ, поумиѣе и поосторожиѣе, а по ужъ и безъ того ты спустилъ тысячь соипно съ своими думами.“ — „Думаю, думаю“ — сказалъ онъ, переворачиваясь съ бока на бокъ: — „и вопъ скоро сдѣлаю лихой оборотъ, чудную аферу!“ — „Что касается до аферы, — не вѣдаю; а ужъ если дѣло идетъ объ *оборотахъ*, такъ скажу чистосердечно: ты дѣлаешь ихъ безъ всякаго толка.“ — „Какъ это?“ — „Да такъ: вопъ при мнѣ ты разъ пять оборотился на диванѣ, а все захрапѣшь и богапырски не можешь.“

— Бородинъ, храбрый Русскій гренадеръ, въ сраженіи при Кулевчи, если не ошибаюсь, — получивъ рану пулею, упалъ и пляжестію своего тѣла свалилъ другаго за нимъ споявшаго воина, который, выкарабкавшись изъ подъ него, сказалъ: „Съ нами крестная сила! Деремся съ Турками, а лежу *подъ Бородиньимъ*.“ — Воиъ Русскій каламбуръ, который стоить многихъ Французскихъ, тѣмъ болѣе, что сказаиъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.

— На прошедшей масленицѣ, на одной вечеринкѣ танцовали Французскую кадрилъ по музыкѣ, составленной изъ партитуры знаменитой Оверы: *Моисей*. М—Ис N⁺ танцовала съ господиномъ Д*, который, не смотря на свое тупоуміе, любилъ говорить остроты. Вдругъ на замѣчаніе ея: „Comme cette musique est agréable; elle est de Moïse!“ онъ возразилъ: „Какъ, М—Ис, развѣ при Моисеѣ танцовали Французскую кадрилъ?“ Улыбка жа-

лостни, принятая г-мъ Д* за улыбку удовольствія, была отвѣтомъ со стороны дѣвницы N⁺ на сію плоскость.

Въ одномъ Присутственномъ мѣстѣ пропала шуба и фуражка. Бѣдные Чиновники суетились, ница своихъ вещей. Выходитъ Начальникъ, надѣваетъ бекешъ и спрашиваетъ зонтикъ. Сгипуль и зонтикъ его. — О шубѣ и фуражкѣ Экзекутору ни слова, а сказано лишь: „Чтобъ зонтикъ завтра же былъ сыскавъ; онъ зеленый, въ кожаномъ футлярѣ, купленъ у Тамизье и заплаченъ 50 р. Слышите?“ — „Слытаю-съ!“ — И на другой день донесено, что зонтикъ отыскавъ. Что же? Въмѣсто прежняго, уже довольно подержаннаго, зонтикъ явился повенъкой. Спасибо такимъ ворамя: жаль только, что они не добры такъже для немущихъ Чиновниковъ!

— „Мусью пупошникъ! посфоль мнѣ нимношко у ашь въ пупка обсушиться.“ — Такъ говорилъ Члвкъ Шусперскаго Союза какому-то бдителю городской пишины, въ то время, какъ шелъ величайшій дождь. — „Ну, что дашь?“ — „Тшатцать копѣкъ.“ — „Ну сушися.“ — Пѣмецъ обсушился, и шоропясь на клубскій обѣдъ, даетъ гривеникъ, прося сдачи 20 коп. — У будочника не было или онъ не хотѣлъ дать сдачи, и сказалъ: „гдѣ мнѣ взять? сушися на остальные!“

Ш А Р А Д А.

Кто долгъ святой воздержности забудеть,
И черезъ чуръ *второй* мой слогъ хлѣбнѣтъ,
Навѣрное потъ въ воду упадетъ,
Коль *первый* слогъ на *цгломъ* дѣлать будетъ.

В. Верецагинъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣшина, подписывал на оныхъ: *Издатель Сѣвернаго Меркурія.*

№ 20.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *доухъ* помовъ, на *веленовой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 16 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

Домашніе домовые.

ГЛАВА XV.

...одно разрушенное окно служитъ рамою прекраснаго ландшафта.....

Жуковскій.

Сговоръ готовился не на шутку: мирное убѣжище Маіора превратилось въ квартиру ума и шенныхъ: бѣгали, кричали, били посуду, били другъ другу печально абы, вѣсье не хотѣвъ слѣдовать обычаю инокпорыхъ дикихъ при свадебныхъ приготовленияхъ. Самъ хозяинъ изъ смиреннаго агнца превратился въ какое-то бѣспующееся животное. „Когда же кончится мое мученье! вскричалъ онъ: вопль уже тремя недѣлями бѣгаю, какъ угорѣлый; насылу ноги волоку — а что изъ этаго выйдетъ? ... Охти! хти! если-бы я не ошнбся въ выборъ Антоминаго жениха...“

Но я не стану упоминать васъ, читатель, подобными суетами и восклицаніями Г. Маіора: они довольно незанимательны. Пусть себѣ хлопочетъ — мы обратимся къ нему вечеромъ и послушаемъ дружескую бесѣду его съ гостями, которыхъ онъ ожидаетъ — и увидимъ въ полномъ блескѣ Максима Федотовича Лгунова, жениха Анны Захаровны, дочеря Захара Захаровича: п. е. Г. Маіора — ибо мы такимъ образомъ называли его до сихъ поръ: не худо узнать и имя.

Далеко — тамъ — дальше отъ середины города, чѣмъ *Козье болото*, есть улица, названіе которой, хотъ умереть, не помню, но на которой находится полу-

тора-этажный домъ. Позвольте мнѣ описать его: онъ достоинъ этаго. Я увѣренъ, что если бы онъ находился во времена Дюкре-Дюминия въ какомъ нибудь лѣсу, то послужилъ-бы прекрасною основою для десяти-томнаго, чувствительно-страшнаго Романа. Но Дюкре-Дюминия нѣтъ; домъ сей оканчиваетъ свое существованіе не въ лѣсу, а въ улицѣ, состоящей изъ *4-хъ домовъ*: слѣдовательно — надобно опознать его пріятнаго чтенія Романа, который былъ-бы возрожденъ симъ домомъ... и такъ, извольте слушать: я опишу вамъ его, какъ умѣю.

Выше сего сказано, что домъ сей полутора-этажный: это суцная правда. Нижний этажъ онаго состоитъ изъ трехъ оконъ, въ которыхъ настилая рамы, кажется, не помни себѣ мѣста. Окна сн въ длину не болѣе, какъ полтора, а въ ширину полъ-аршина; рамы-же, приславленные довольно плотно къ окну изъ комнаты, были величиною по крайней мѣрѣ аршина въ три, и носили на себѣ печать отверженія прежняго своего благополучія: п. е. были прекрасной столярной работы, и когда-то окрашены бѣлою краской. Стекла-же... по виду владѣлецъ сего замка былъ небольшой охотникъ до нихъ, или, можетъ быть, былъ послѣдователемъ Китайскаго обыкновенія, придерживаясь немного и Европейскаго, попому что въ одномъ только четверугольномъ рамы замѣнно было зеленовато-прозрачное вещество, составленное изъ маленькихъ частицъ спеколь, соединенныхъ между собою желтою замазкою; прочіе-же квадраты рамы были залесены газетной бумагой, кой-гдѣ прозрачной,

въролпно отъ частаго прикосновенія главы хозяина, написанной за просто помадой — домашнего изобретенія: т. е. посредствомъ соединенія коровьяго масла съ шерстою гвоздикой или корицей.

Верхній пол-этажъ сего зданія состоялъ изъ маленькой надстройки съ однимъ окномъ — безъ епеколъ, которыхъ замѣняли прибитыя кресты накрестъ японскія лучники, или драпки: что все вмѣстѣ дѣлало видъ клѣтки для куриць или голубей.

Почернѣвшія отъ времени и до половины исплѣвшія доски охраняли, хотя и не совсѣмъ, внутреннїе покои отъ снѣга и дождя. Дымовая труба, обмазанная, въролпно, недавно глиною — походила на надгробный памятникъ, поставленный на недавно взрытой землѣ, которая только что начала покрываться травою,

Внѣшнїя стѣны также не уступали цвѣтомъ и новостїю крышѣ, съ тою только разницею, что на нихъ, вмѣсто травы, шорчало изъ подъ каждаго вѣнца довольное количество пакли, которая отъ мѣшъ и переменъ погоды походила на спаленную неоспорожною субреткою буклю.

Теперь взглянемъ во внутренность сего дивнаго зодчества, чрезъ поманутое стекло въ первомъ этажѣ. Хотя подмапиривать и не такъ-то благородная привычка; но вы вѣрно извините меня, если дочитаете до конца мою повѣсть.

Довольно большая компанія составляла обиталище хозяина; другая представляла своей особой сѣни. Вышепоманутая компанія была обита когда-то обоями, что доказывается оставшимися кусками зеленыхъ съ бѣлыми цвѣточками обоей. Въ углу на правой сторонѣ поставленъ комодъ изъ преснаго выкрашеннаго красною краскою дерева; въ лѣвомъ-же мрачно стоятъ Русская закопченная до нѣльзя печь, закрывшая до половины ширмами. У стѣны приспавлены три, плетенныя изъ камыща стула, и одно, обшное полосатымъ пикомъ, кресло, *времели Огаковскихъ и покореня Крыма*. Картинки, лубочной гравировки, изображающїя чувствительную исторїю Павла и Виргини, украшали стѣны. По срединѣ комнаты сто-

яла скамейка, на которой покоился сапогъ, надѣтый на деревянную ногу, и поставлена плочка съ ваксою, съ слѣдующими къ оной принадлежностями, нужными для искусства сапожнаго полированїя.

Теперь, описавъ, кажется довольно подробно, какъ внутренность, такъ и внѣшность сего примѣчательнаго дома, я буду продолжать

Ужасный стукъ въ двери пробудилъ — отъ богатсрскаго сна — владѣтеля описанной диковинки, т. е. Максима Федотовича Лгунова, Насилу проперъ отъ глаза, отягченные недавнимъ сномъ и вчерашними парами Ямайской жидкости въ гостяхъ — и протряка дома,

„Что за бѣсовщина такая?“ — вскричалъ отъ съпросонокъ: „хлопцѣ сломать двери, въ такую пору“

— „Да отворишь-ли ты, пѣлица!“ — провизжала голова въ снѣгахъ: „хлопцѣ объ тебѣ, негодный! . .“

„А! а! ша, ша, попался-же въ просакъ!“ — молвилъ Максимъ Федотовичъ, прикусивъ палецъ: „хорошъ же я . . .“

Съ сими словомъ кинулся отъ къ двери, и отворивъ оныя, встрѣтилъ — весьма отвратительную спаруху, съ которой началъ цѣловаться

— „Эхъ! эхъ, Федотычъ — изъ за тебя, да и моя голова хоть огнемъ горитъ!“ — начала поспѣшительница: „Бога ты не бранишь и людей не стыдишься . . .“

„Эпо-сть, Кузьминична, мы въ полной мѣрѣ чувствуемъ: сегодня я постараюсь поправить мою ошибку..“

— „Да, конечно, голубчикъ, пришлось-бы тебѣ повертѣться на одной ножкѣ предъ будущимъ-то те-спемъ, если-бъ не я. Все, Федотычъ, уладила: смотри только, не переболтай самъ.“

„Не беспокойте-сь на этотъ счетъ: не скоро-то выдернешь у меня словечко изъ за зубъ. Кузьминична-сь, не хотице-ль рюмочку наспойки? а?“

— „Да, бапюшка, грѣшный человекъ; я бы не оп-казалась; только неравно опьянѣешь — а вить только еще 8-й часъ упря.“

„Что же за бѣда такая? Вотъ я и самъ, не смотря на то, что хочу сходить къ обѣднѣ, выпью, извольте, для компанїи.“

— „Ну, ну, ладно . . . ;“ промычала сквозь зубы гостья,

Максимъ Федотовичъ, подвинувъ поближе столъ на трехъ ногахъ, поставилъ на него шпофъ, обкананный, начинная съ горла и по всемъ краямъ, чернымъ сургучемъ. Подлѣ сего нектара положили осьми ковчегную булку, и съ четвертью фунта чухонскаго масла, завернушаго въ струю, толстую бумагу.

Набивъ трубку, и закуривъ ее, придвинулся онъ къ столу, начинная опять разговоръ:

„Такъ-то, машушка, если только моя женитьба состоится, то вѣрно швой слуга. Да пожалуста безъ церемоніи: наливай.“

— „Что это, ты, Господь съ тобою! ужь и такъ кажется, пятая: въ глазахъ темненько“

„Вздоръ, пусляки, Матрена Кузьминишна, это не отъ того; ты вѣрно устала . . . , ну же кушай пожалуста вмѣстѣ . . . , молодецъ!“

Слова сіи столъ поддѣйствовали на спаруху, что она, вмѣсто предлагаемой ей одной рюмки —хватила три.

— „Послушай же, Максимъ Федотовичъ, сказала она: поговоримъ о дѣлѣ-то шеперь, а не то время уйдетъ: у меня и такъ уже лзыкъ худо ворочается . . .“

„Да уже мы кончили.“

— „Когда жъ? Еще не начинали.“

„Я говорю о шпофѣ-съ . . .“

— „А! а! мнѣ слышалось, что ты говоришь о дѣлѣ-то.“

„Нѣтъ-съ, выпить я знаю, что говорю . . .“

— „Не сердись, ради Бога, Федотовичъ. — Слушай: все расскажу по порядку.“

„Слушаемъ-съ.“

— „Маіоръ-та, Захаръ Захарычъ, чушь было не взбѣлился! На дняхъ я прихожу къ нему, кланялось въ полъ — а онъ, мать моя, и глядѣть не хочетъ. Вотъ, я вижу, что дѣло-то не ладно, и сказала ему: чтой-то, отецъ мой, ты такъ сегодня нахмурилъ брови на меня: какал черная кошка перебѣжала дорогу тебѣ . . .“

„Ну-съ, а что же онъ вамъ на это сказалъ?“ спросилъ Лгуновъ пооропливо.

— „Да что? онъ в понесъ городить: что три-та

тысячи не пролежали еще мѣста въ комодѣ; что дочь-то ему еще не надоѣла; что пьяницу и нищаго онъ не хочетъ имѣть своимъ злѣемъ; что“

„Ну-съ, ну-съ . . .“

— „Да не пугай же помниутно, Максимъ Федотовичъ, выпить я не лошадь: мѣшася и самъ не знаешь за чѣмъ. Слушай, да и только!“

„Виноващъ-съ, право не буду-съ мѣшася. Только доскажице поскорѣе, какимъ образомъ онъ опять перемѣнилъ обо мнѣ мысли: я былъ вчера; онъ ласковъ по прежнему.“

— „Выпить сказала, что улажу. Полно, полно, Захаръ Захарычъ, хотѣла-бы я знать, кто это тебѣ все наговариваетъ такую пустынь? Максимъ Федотовичъ человекъ совсѣмъ не такой, какъ ты его изволишь называть. Онъ совсѣмъ не нищій — у него домъ собственннй въ Коломнѣ — а хмѣльнаго-то ужь и въ ротъ не беретъ. (*Подвигаетъ недопитый стаканъ и вытисаетъ.*)

„Ну-съ, что же-съ дальше?“ сказалъ Лгуновъ, окинувъ компану глазами, и посмопрѣвъ умильно на допитый шпофъ; — „какъ же это все сдѣлалось? . . .“

— „Вѣрно что хорошо, когда я приняла сегодня сказать тебѣ, нарочно пораньше, что вечеромъ *сего-врь*. Пожалуста ужь не ударь лицомъ въ грязь. Служилъ на морѣ, такъ вѣрно не допустишь рюмкѣ играть собою“

„И радѣ-бы не допустить, да если грѣхъ попускаешь?“

— „Удержись, голубчикъ, удержиись: послѣ свадьбы пей, сколько душѣ угодно.“

✽

Такимъ образомъ кончилось засѣданіе двухъ пріятелей: свахи съ женихомъ. Кузьминишна, какъ сказалъ покойный А. Е. Измайловъ, *изрядно насандаливъ носъ*, поплелась домой, а отпавной морякъ спалъ готовишься къ вечеру. Перечислилъ плащъ, сходилъ къ сосѣдкѣ, Марѣ, за бѣльемъ — приллся доканчивати приготовленіе, т. е. началъ чистить сапоги, вмѣсто копорыхъ ваксилъ болѣе свои руки.

Приведа же все въ порядокъ, выпилъ еще порядочную красоулю, и — заснулъ сномъ сладкимъ, въ ко-

поромъ поминутно мечтались ему — по три пы-
сличи рублей, по Анна Захаровна, по Кузьминична,
по вѣрнал подруга холостой жизни его — водка.

Теперь обратимся въ домъ Маіора, у котораго
теперь, по выраженію Крылова, *хлопотъ полногъ*
ротъ.

Θ. Д — ч — въ.

ЧУБУКЪ И ТРУБКА.

Б а с н я.

„Чубукъ! ты съ голоду погibiшь безъ меня“ —

Сказала трубка.

— „Согласенъ; но и ты, одна

Пустой пробудешь въѣкъ, голубка!“

„Не лучше-ли намъ дружно жить? Вотъ шакъ...“

Сказали вѣдругъ они, соединилъ концами.

„Друзья примѣрные! сгорѣть мнѣ между вами!!!“

Примолвилъ горестно табакъ.

✱

Чубукъ — судья; а трубка? Хоть повыщикъ.

Табакъ — несчастный челобитчикъ.

В. О — въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

18. *Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей
Ивана Вѣжигина.* Сатирической Романъ. Сочиненіе
АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА. Москва, въ Тип. Лазаре-
выхъ, 1851. Въ 12. (112 стран.)

И еще Александра Орлова сочиненіе! . .

Господи! прости наше согрѣшеніе! . .

С М Ъ С Б.

— Знаменитый Беккаріо въ особенностіи извѣстенъ
опличнымъ сочиненіемъ своимъ прошивъ *смертной*
казни. Вскорѣ послѣ появленія сей книги, слуга его,
вѣроятію прочитавъ оную, укралъ у него часы, и
Господишъ Беккаріо, занимавшійся въ то время кор-
ректурою вѣнорога изданія, просилъ, чтобъ онъ былъ
за воровство *повѣшенъ*.

— Кто-то на дняхъ говорилъ: *Лзвитель*, вмѣсто

Лзвитель. Ему замѣтили эту ошибку; но онъ возра-
зилъ: „да вѣдь это классъ людей, самыхъ *лзвитель-*
ныхъ, такъ ихъ должно *лзвители* называть.“

— Одинъ Баринъ опидаль крѣпостнаго человека свое-
го въ рекруты, единственно за то, что онъ имѣлъ
счастіе нравиться его супругѣ, кошорая вообще жа-
луется всѣхъ молодыхъ мужчинъ (не различая ихъ ро-
да и состоянія), имѣющихъ видную наружность, здо-
ровое сложеніе, и надѣленныхъ отъ природы еще нѣ-
которыми преимуществами, обращающими на себя
вниманіе женщинъ. Нѣкто изъ пріятелей Его Сіятель-
ства, услышавъ объ этомъ, сказалъ: „онъ-бы могъ
сформировать комплектный Баннаментъ изъ тѣхъ, ко-
торые пользовались особенною благосклонностію къ
себѣ сожигельницы его: за что жъ онъ на одного
эпига разгнѣвался?“

— Романъ Купера: *Лоцманъ*, переводится на Рус-
скій языкъ. За сей трудъ взялся свѣдущій Липераторъ.

— Шарара въ прошед. Но значить: *па-ромъ*.

Содержаніе *третьей* книжки Гирланды слѣдующее:
I. *Словесность. Проза.* I. Красная лента (*Оюконтаніе*).
2. Красное покрывало. *Сцены изъ походной жизни.*
(А. А. Б.) *Стихотворенія.* I. Сафо. *Элегія Анар-
тина.* (Н. Р.) 2. Къ Н. (Θ. Н. Глинки.) 3. Къ ней.
(В. И. Карлеофа.) II. *Библиографія.* 4. Размышленія
о важнѣйшихъ истинахъ Реминги и проч. III. *Сливъ.*
О стихотвореніи Г-жи Тишевой, напечатанномъ
въ 12-мъ Но Лип. Газеты. IV. *Моды.* (*Парижскія*).—
Logographe. V. *Музыка.* Je ne vous aime pas. Romanse. (*Ноты*
сега Романса приложены.)

Подписка на сей Журналъ принимается въ книж-
ныхъ магазинахъ Плюшара, Брива, Смирдина и Слѣ-
пина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 кни-
жекъ, съ картинками модъ, полами и проч., 40, съ
пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иного-
родные благоволятъ отпосылать съ своими перебова-
ніями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или
къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ слу-
чаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ*
С. Петербургъ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывайся по опыту: *Издателя*
Свернаго Меркурія.

№ 21.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и двухъ помоевъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 18 ФЕВРАЛІЯ, СРЕДА.

ПРЕДУБѢЖДЕНІЕ ПУБЛИКИ.

(Сцены Невскаго проспекта.)

Опѣзжая изъ Петербурга, нибѣль я леснѣе порученіе отъ двухъ миланскихъ кузинъ-провинціалокъ: купишь мнѣ двѣ соломенные шляпки 52-го нумера. За два дни передъ опѣздомъ, объѣгалъ я всѣ модные магазины Невскаго проспекта, и нигдѣ не нашелъ требуемыхъ нумеровъ. — Mademoiselle L* увѣряла меня, что ея транспортъ на дилѣхъ долженъ придти изъ Италіи; Madame K* ожидаетъ съ открытіемъ навигаціи кораблей изъ . . . по чуть-ли не ото всюду; наконецъ Madame S* объявила, что ея транспортъ уже пришелъ; но перанѣ вечера ящики расколотыи и просила меня прѣхать на другой день упротѣ.

Назавтра, въ одинадцать съ полугоиною часомъ явилось я къ Madame S*; нахожу двѣ хорошихъ 52 нумера шляпки, и хотя въ магазинахъ не торгующая, но съ меня безъ уборки запросили 300 рублей. Наконецъ снущено на 250, и менѣ ни конѣйки. Дѣлашь нѣчего: кузины взыскательны и милы; беру карандашикъ, отмѣчаю внутри каждой шляпки свою фамилію, и прошу Mme S* уложить ихъ, какъ можно лучше для дороги, обѣщаясь явиться вечеромъ. Требується задачокъ для увѣренности въ покупкѣ. Даю 25 рублей и выхожу изъ магазина.

Бьешь 12-ть! Невской проспектъ еще не многолюденъ: лавочки спѣшатъ свѣжимъ товаромъ пополнить убывшую всякую всячину; дворники тащутся съ водою; подмастерья съ просроченными заказными

вещами; горничная бѣжитъ за парикмахеромъ; и дрожки грохочатъ съ полусонными Гвардейцами, опоздавшими къ разводу. Въ деревнѣ это-бы произвело ужасную тревогу. Но здѣсь . . . дальнѣйшія разсужденія прерываются; меня догоняетъ одна изъ дѣвушекъ, работающая въ магазинѣ Mme S. — „Куда вы идете, сударь? Не въ Гостиный-ли Дворъ за шляпками? Васъ тамъ обманутъ, дадутъ шляпки не Итальянской, а Швейцарской соломой отъ ломки, марки и мышь ихъ невозможно.“ — Все это протворилъ маленькой роликъ съ удивительною скоростію; а большіе черные глаза были обращены въ другую сторону. Какая скромность! подумалъ я; поблагодарилъ красавицу за совѣтъ, оглянулся; близко ни кого не было, и сорвалъ поцѣлуй (*) — „Ахъ, безстыдникъ! За кого вы насъ считаете? — Нельзя слова сказать, тотчасъ обратя въ свою пользу; хотя-бы . . .“ и такъ далѣе; выговоры лились рѣкою, а шагу не прибавлялось. Маленькая папа скоро продолжалась-бы долго; но вопль домъ Графини N: она заказала шляпку съ опѣдкою, и модистка поспѣшаетъ уведомить, что опѣдка начнется палевыми лентами Плутовка поворачиваетъ на лѣво; въ воротахъ, съ легкимъ *chassé en arrière* и сердитою улыбкой, приказывала мнѣ явиться въ 6-ть часовъ за шляпками, исчезаетъ.

Вопль себѣ и новая завязка, думаю я, крупилъ усы, перебиралъ въ мысляхъ весь разговоръ, совпадалъ съ уланскою рѣшимельностію, а шапка съехала на затылокъ. Какъ ни разсуждай, развѣкъ не

(*) Тсъ . . . *Прил. Корректора.*

бывають: завтра утромъ я непременно долженъ выйти изъ Петербурга.

Медленно поровнялся я съ Госпитнымъ Дворомъ; болтливость повой знакомки моей о какихъ-то Швейцарскихъ шляпкахъ, досужное время и любопытство заставили меня перейти проспектъ и искать въ Госпитномъ Дворѣ соломы. Трудъ былъ не великъ; потчасъ попалась на глаза вывѣщенная шляпка, и я захожу въ лавку Ельтекова, No 136. Спрашиваю 52 номеръ; мнѣ открываютъ огромные ящики, заваленные шляпками. Вотъ гдѣ подождать транспортъ, думалъ я, смотря на все насмѣливо. Между тѣмъ подають шляпку требуемаго номера; хозяинъ роется въ реестръ и объявляетъ, что сего номера состояло три; вчера убыло двѣ, осталась только одна. Я размапириваю шляпку и нахожу, что она немало не уступитъ и почти одинакова съ тѣми, которыя купилъ въ магазинѣ. „Что стоитъ одна?“ спросилъ я. — „Сю рублей-съ, Ваше Благородіе, безъ торгу.“ — „Кому продали вы вчера двѣ шляпки?“ — „Онѣ еще не проданы-съ; а одна магазиница прислала за ними дѣвушку, которая сказала, что молодой Офицеръ сегодня намѣренъ ихъ взять.“ — „Нельзя-ли послать за ними, если недалеко? — Можетъ быть Офицеръ еще не взялъ; вамъ же все равно, кому ни продать.“ — „Помилуйте-съ! Съ моимъ-съ удовольствіемъ. — Эй! малой! сбѣгай-ка, возьми назрѣ шляпки!“ — Мальчикъ пустился опрощать; а я остался толковать съ хозяиномъ, довольно умнымъ и смѣливымъ. — Покупателей заходило мало; я успѣлъ приторговать каждую шляпку по 70 рублей, если они не уступятъ лежавшей передо мною.

Вбѣгаетъ мальчикъ со шляпками. — Я беру одну, другую, и вообразите мое удивленіе: это тѣ самыя, которыя для меня только продавались за 250 безъ отдѣлки; теперь-же я могу имѣть ихъ за 140.

Купецъ ясно видѣлъ мое удивленіе, и улыбаясь просилъ сдѣлать отпѣтки. Моя фамилія была уже собственноручно начерчена на каждой; я приказалъ только лучше уложить, оставилъ 50 рублей задатку, обѣщавъ прислать вечеромъ челоуѣка съ остальными деньгами.

Вотъ тебѣ транспортъ и корабль, думалъ я, выходя изъ лавки. Вся Италія находится въ Госпитномъ Дворѣ; а за переноску только черезъ улицу, и славу, что купилъ въ магазинѣ, плати 110 рублей лишку.

Теперь понимаю васъ, госпожи магазиницы! У васъ никогда не найдешь перекуемыхъ номеровъ; а черезъ день или два транспортъ и корабль подоспѣваютъ. Благодарю тебѣ, черноркад плутовка! Болтливость твоя открыла мнѣ глаза, Съ сими мыслями бродитъ я въ Госпитномъ Дворѣ безъ всякой цѣли; мнѣ очень нравилось мѣсто, котораго прежде не могъ терпѣть. Здѣсь Русскіе шортани, думалъ я; но они гораздо честнѣе иностранныхъ него . . . него . . . негоднѣвъ, благороднымъ образомъ обдирающихъ почтенную публику. Не спорю, иногда въ Госпитномъ Дворѣ попадаются гниль; (я гдѣ ее имѣть?) но на все есть глаза и опытность.

На башнѣ бьетъ два часа! Какое я замечтался? — Вышедь изъ хаоса, гдѣ на каждомъ шагѣ топчуть мертвымъ товаромъ, я вступишь въ другой; явился на Невскій проспектъ. Тамъ топятъ же шоваръ имѣешь жизнь; шляпки, цвѣты, перья, клоки, капопы движущся по всемъ направленіямъ . . . Предложеній никакихъ *изустныхъ* (NB. Это было въ полдень!), а любуйся, сколько душъ угодно.

Вотъ я на Невскомъ; все кипитъ
Нарядомъ, прелесною, обновой;
За розой роза вездѣ лепишишь,
Вуаль съ зефиромъ говоритъ
И сплетется коверъ шелковой.

Волшебный садъ передо мной:
Мелькаетъ пестрой полосой
Рядъ шляпокъ съ перьями, цвѣтами.
Вездѣ блестящъ двойной лорнетъ,
И молодой, лихой Корнетъ
Прельщаетъ публику усами;
И въ галстухъ скрыпшій, въ завипкахъ,
Вернитъ спанскій франтъ въ очкахъ.

Благодаря разумной модѣ,
Короткимъ плашьямъ, вкусу дамъ:
Живыя пожки на свободѣ
И воля полная глазамъ.

Любуешься ими.....

А прочее воображенью,
Оставьте, милые друзья!

Исчезнетъ скоро наслажденье,
Исчезнетъ скоро милый свѣтъ;
Увы! судьбы опредѣленья
Меня далеко занесетъ.

Пробыло пять, — Толпы рѣдѣли,
Подобно сохнувшей рѣкѣ,
Колески легкія лепѣли
И спукъ сливался вдалекѣ.
Послѣдній разъ внимаю шуму,
Гляжу на песпрый маскарадъ,
И погрузаю въ глубокую думу.
Съ тобой продаюсь, Пепроградъ:
Прости обилецъ вкуса, пѣни,
Прости излишное дитя,
Простите милые почтеніи,
Простите дѣвы и друзья!

Смѣшались мысли и желанья,
Покрылись влагою глаза,
И на хаосъ воспоминающа
Упала тяжкая слеза.

Потеликинъ.

Р. С. Чипатели можетъ быть вспомнить о моихъ 25 рублѣхъ, оставленныхъ заданкомъ въ магазинъ Madame S*, и пожелающъ знать, что съ ними сдѣлалось. Въ назначенное время, въ 6 часовъ вечера того же дня, я прѣхалъ въ магазинъ, и поелнку Madame S* не могла дать мнѣ тѣхъ *самыхъ* шляпокъ, которыя были мною торгованы, я, не имѣя надобности въ другихъ, счелъ себя вправѣ потребовать свои деньги обратно, и получилъ ихъ. Но уловивъ удобную минуточку, я шепнулъ упренней своей пріятельницѣ, которая съ свойственною ей живостью безпрестанно вертѣлась предо мною, что имѣю надобность объясниться съ нею съ глазу на глазъ *par secret*. По выходѣ моемъ изъ магазина, она не замедлила выскочить въ коридоръ, и повидимому, не вѣря, чтобы ли самыя шляпки были уже на моей квартирѣ, захопѣла собственными глазами удостовѣриться въ справедности моихъ словъ — и убѣдилась. Разумѣется, въ вознагражденіе болѣли-

востни ея, которою она сдѣлала своей хозяйкѣ вредъ, а мнѣ пользу, я долженъ былъ въ знакъ признательности отдать ей нѣ 25 рублей.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

19. *Сиротка*, литературный Альманахъ на 1831-й годъ, издавшій въ пользу заведенія призрѣнія бѣдныхъ сиротъ. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1831. Въ 16. (239 страницъ) (*)

Нѣкоторые изъ Московскихъ Литераторовъ, одушевляемыхъ чувствомъ благороднаго желанія бытъ полезными спраждущему человечеству, издали сей Альманахъ въ пользу бѣдныхъ сиротъ, лишившихся своихъ родителей во время холеры. Какъ не сожалѣть, что такое прекрасное намѣреніе не получило успѣшнаго исполненія въ *литературномъ отношеніи*. Но это, впрочемъ, не должно имѣть вліянія на сердца благоговорительныя, которыя, принимая участіе въ этомъ предметѣ, будутъ имѣть въ виду благородную цѣль изданія, а не литературное достоинство книжки. Нѣкоторые изъ Писателей, пожертвовавшихъ для *Сиротки* литературными своими трудами (рѣчь преимущественно о прозаическихъ вкладчикахъ), повидимому, руководствовались въ семъ случаѣ христіанскимъ правиломъ: *всякое дѣланіе благо*. Не грѣша душой, можно упрекнуть сихъ послѣднихъ въ скуности. Напримеръ, даже и Г. Полевой приотнулъ въ Сироткѣ маленькій отрывочекъ изъ пиворимой имъ *Истории Русскаго Народа* — и хорошо, что болѣе не раздѣрился почтеннѣйшій! —

Какъ-бы ни ни было, но все любящіе благоворить не должны пугаться сего послѣдняго обстоятельства, и изъ уваженія къ священнои цѣли Альманаха, извинять скудную жертву Г. Издателя Московскаго Телеграфа; и мы, положивъ руку на сердце, въ полномъ смиреніи восклицаемъ: „Богъ проститъ ему за невольное его прегрѣшеніе!“

С М Ъ С Б.

Г. Дюпре-де-С-тъ Моръ, въ новомъ сочиненіи своемъ: *Petersbourg, Moscou et les Provinces*, разсказываетъ слѣдующіе Русскіе Анекдоты, за справедливость ко-

ихъ хотѣя мы не ручаемся, но считаемъ не излишнимъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

Одинъ молодой Русской путешественникъ, Попомкинъ, проѣзжалъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ по южнымъ провинціямъ Франціи. Однажды, вечеромъ, прибылъ онъ въ одинъ небольшой городокъ, гдѣ, вскоре послѣ его прѣзда, ему объявили, что какой-то господинъ неопступно желаетъ съ нимъ видѣться. Это былъ Писатель, посвятившій труды свои на сочиненіе Исторіи послѣдняго вѣка, которую наипозднее столѣтіе, вѣроятно, не увидитъ. Лишь только его ввели къ Г. Попомкину, какъ Историкъ нашъ воскликнулъ съ восторгомъ: „Господинъ Фельдмаршалъ! Желаю вамъ счастья! Можно ль не дивиться, что вы, будучи еще такъ молоды, уже совершили столько великіе подвиги.“— „Государь мой! вы ошибаетесь, и . . .“ — „Проешите, Господинъ Фельдмаршалъ, что я открылъ неогнино, которое Ваша Свѣтлость изволили принять . . .“ — „Но, милостивый государь, знайте-же . . .“ — „Походъ вашъ въ Турцію можетъ служить образцемъ стратегическаго искусства . . .“ — „Позвольте мнѣ . . .“ — „Ахъ! не отказывайтесь, Ваша Свѣтлость! Впрочемъ я надѣюсь, что вы останетесь довольны описаніемъ ея похода въ великомъ твореніи моемъ я пишу еще двѣнадцатый томъ, но надѣюсь . . .“ — „Государь мой! дайне мнѣ время сказать вамъ, что мое имя . . .“ — „Ваша Свѣтлость слишкомъ скромны: слава Фельдмаршала Попомкина известна всей Европѣ. Сдѣлайте одоженіе, объясните мнѣ нѣкоторыя черты изъ блистательнаго вашего поприща. Я буду имѣть счастье, какимъ никогда никакъ Историкъ еще не наслаждался: слышать разсказъ изъ устъ самаго героя!“

Наконецъ молодой путешественникъ, вышедъ изъ теревна, остановилъ бредни своего Историка, и сказалъ ему, что Фельдмаршалъ сего имени уже скончался лѣтъ сорокъ тридцать тому назадъ.

Въ Петербургѣ Князь Б*, человекъ очень любезный,

обладалъ въ высшей степени даромъ изобрѣтательности — разсказывать о приключеніяхъ съ привидѣніями. Однажды, вечеромъ, его окружили дамы, и просили, чтобъ онъ напугалъ ихъ. Князь велѣлъ потушить все свѣчи, исключая одной въ сосѣдней комнатѣ, въ которую дверь осталась отворенною. Разсказъ начинается, весьма естественно, о привидѣніи. Князь въ темнотѣ подходитъ къ одной особѣ, лежащей въ постелѣ. Въ это время, минулъ съ десять, Князь держалъ ладенъ на мраморномъ столѣ. Разсказъ шелъ гробовымъ голосомъ; все въ ожиданіи. Вдругъ онъ прикладываетъ руку свою, охлажденную отъ мрамора, къ плечу хозяйки дома: она поднимаетъ пронзительный крикъ; все вскакиваетъ, бросаются въ другую комнату; одна изъ дамъ вырывается изъ объятій свѣчка потушаетъ; совершенная темнота усугубляетъ страхъ. Наконецъ люди прибѣгаютъ съ огнемъ. Удивленный неожиданнымъ успѣхомъ, Князь съ трудомъ успокаиваетъ собраніе. „Милостивыя Государыни! скажите мнѣ: вы виноваты сами; вы приказали мнѣ напугать васъ; а чего не придумаешь въ угожденіе вамъ?“

— Въ одной респораціи Парижской, нѣсколько молодыхъ людей изъ числа посѣщителей, въ ожиданіи объѣда, собрались около каминна и начали разсмапривать мраморъ: каждый находилъ какую нибудь фигуру; а случившійся гурь же гастрономъ нашелъ, что все жили въ мраморѣ имѣли фигуру рѣбчиковъ, шампильоновъ, пряжковъ и проч. Въспъ чтобъ значить смотрѣвъ глазами желудка! —

Содержаніе четвертой книжки Гирланды слѣдующее:
I. Словесность. Проза. 1. Видѣніе на яву. *Иллювизація одного весельяна въ свѣтскомъ кругу.* (О. М. Солова.) 2. Золотой кубокъ. *Пикардская легенда.* (Пер. П. А. Др—ва.) 2. Стихотворенія. 1. Ночь. 2. Б. О—ъ Э—ъ К—ъ. 3. Народныя повѣрія. II. Библиографія. 5. Сиротка, Альманахъ. 6. Что такое хороній томъ? Сѣверо-Американскій Романъ. III. Слѣсъ. Нѣчто о П. И. Выжигнѣ. IV. Моды. (Парижскія.)—Enigme. Charade.

При сей книжкѣ картинка моды.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣщина, подписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 22.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 20 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскаешь;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!

И. Крыловъ.

Въ одинъ день, послѣ окончанія спектакля въ Большомъ Театрѣ, — изъ него отправился я прямо въ Hôtel du Nord опужинашь. Помѣстившись въ углу задней комнаты, во ожиданіи ужина, я занялся чтеніемъ Сына Отечества, укрѣпленнаго замкомъ въ доску краснаго дерева. По содержанію оглавленія, этоиъ Но заключалъ въ себѣ стихотвореніе, — котораго, однако жъ, не было. Только что вырванные два листа, какъ свѣжіе слѣды преслушанія, доказывали, что и замкомъ есшь щещная предоспорожность отъ людей, собирающихъ коллекцію мѣлкихъ стихотвореній, чшобъ, выбравъ потѣмъ изъ нихъ по строчкѣ, и приладивъ сочешаше ршмъ, — пустишь за свое сочиненіе! . . . Ужъ не эша-ли машинна, подумалъ я, на которую мѣшля Булгаринъ въ своей спашь: *Правдоподобья небылицы?* . . . И подлинно, что можетъ быть легче, какъ сочиненія такого рода? Не будетъ доставать шелько здраваго смысла; но въ наши грѣшныя времена это послѣднее условіе! Размышленія сіи заставили меня невольню улыбуиуться, и вмѣстѣ съ шѣмъ испустишь вздохъ, на половинѣ кошораго я былъ прерванъ вопросомъ: „вы-ли эшо, почтеннѣйшій?“

Я взглянулъ. Предо мною стоялъ чудакъ, одно изъ самыхъ жалкихъ созданій въ свѣтѣ, по своей смѣшной само-

увѣренности, что онъ есшь осьмое чудо драматическаго искусства. И подлинно, по доставшемуся ему отъ природы дару подражанія, онъ превосходитъ всѣхъ въ этомъ родѣ обезьянъ и попугавъ. Вообразишь себѣ молодаго челоуька съ спешливыми глазами все безъ рѣсницъ, самаго тощаго, вмѣщающаго въ себѣ, повидимому, самую слабую грудь, и вдругъ изрыгающаго звуки, кошорые, при напряженныхъ уснлїяхъ, онъ хочешъ сдѣлать похожими на громкую декламацию Брянскаго, Каратыгина ст. и Толчелова!! Слышите и не вѣрите, смотря на его, говоря лзыкомъ Актеровъ, самую мѣлкую физику. Потомъ слѣдуетъ превращеніе. Онъ начнешъ читашь стихи изъ какой нибудь Трагедіи голосомъ Величина, со всѣми его жестами и принадлежностями къ онымъ, и тогда шѣтъ никакихъ средствъ удерживатьсся, чшобъ не заплапшть, даже слезами, данъ смѣху. Кто знаетъ его, потъ, втрояпно, поручится въ справедливости моихъ словъ. Если хотите, по онъ вслѣдъ за вами повторишь прочитанное, и нисколько не собьется съ пути. Однимъ словомъ: это превосходный двойникъ — каждаго и всѣхъ! Но ежели онъ чего не слышалъ прочитаннаго къмъ нибудь, то кромѣ того, что читашь новое по складамъ, онъ даже выученное пакъ исковеркаетъ, что и образцовое произведеніе почпешъ за галимашью. Разумѣется, въ два, при посѣщеніи онъ паскутитъ вамъ непрерывною декламациею; а единственное средство унять его, — состоитъ только въ томъ, чшобъ сказать ему, что онъ самый плохой Актеръ; и тогда, къ радости вашей, чудакъ

попчасъ за шляпу. О! онъ перепѣть не можетъ эпой великой, и для него горькой, истины, Между тѣмъ Боже избави каждаго похвалить его; злодѣй замучишь! Даже въ должности, лишь только Начальника Отдѣленія лѣтъ, то прощайтесь съ данными ему на срокъ, для переписыванія на бѣло, исходящими бумагами! Оставьте все, и уйдя въ пустыню — комнаты Архива — сотворишь цѣлую пѣсу изъ единственнаго лица, голосами многихъ дѣйствующихъ.

Описаніе этаго челоуѣка, нѣсколько днище, необходимо было нужно для желающихъ знать подробности моего съ нимъ свиданія. Остаются присовокупить, что знакомство мое съ этимъ чудакомъ сдѣлано было у одного прѣзжаго моего родственника, Уланскаго Поручика Весельскаго, который бывало, въ скучные часы, по военному, сколачиваетъ: съ прильсью Ямайскаго — и нашъ Д* въ восторгъ заоретъ.

„Сколько лѣтъ, какъ мы другъ друга не имѣли удовольствія видѣть!“

— „Около двухъ“ — отвѣчалъ я, немного запрудинаясь при словѣ *удовольствіе*.

Привѣтствія его смѣлились одно за другимъ, и я, находясь иногда въ невеселомъ расположеніи духа, велѣлъ, для ускоренія конца свиданія, подать водки, бывъ въ шой надеждѣ, что онъ, осушивъ три, четыре рюмки, оставитъ меня въ покоѣ: ни тутъ то было! Вдругъ, какъ будто *пегалино*, онъ обратился на свой любимый предметъ, и сказалъ, что *совестно забыть* увѣдомить меня при этомъ случаѣ о домашнемъ спектаклѣ, чрезъ три дни назначенномъ, въ коемъ онъ будетъ самъ главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ. Полагая, что слово: *домашній спектакль*, на его языкѣ обыкновенно значило то, что въ какомъ нибудь домѣ онъ упроситъ одного изъ гостей вмѣстѣ разыграть драматическую сцену, и, въ случаѣ незнакомія пѣсы участвующаго, онъ же, по добротѣ своей, къ усиленію общаго смѣха, служилъ и суфлеромъ, — я несколько не обратилъ на это вниманія, и въ свою очередь разсѣянно спросилъ: „хорошо-ли обставлена пѣса?“

— „На-чудо! — воскликнулъ Д*, только что

дождавшійся дальнѣйшаго вопроса: „Софья Николаевна играетъ Эльмиру въ Комедіи; *Молодые Супруги*,“

„Какая это Софья Николаевна?“ спросилъ я.

— „Ахъ, Боже мой! это та самая, которая . . . ахъ, да васъ пушъ не было. Только она всѣхъ восхищала ролею Вильгельмицы въ Драмѣ: *Сынъ любви*,“

„Должна быть хороша Эльмира“ — подумалъ я.

— „А декорацин, это прелестно!“ — возопилъ воспорженный домашній Актеръ.

„И декорацин! Спало бытъ идетъ не на шутку?“

— „Какая шутка! Представьте себѣ, что за немнѣишемъ хорошаго фортепиано, нашъ членъ, почтенный Аполлонъ Карловичъ фонъ-Маллеръ, такъ искусно нарисовалъ на задней декорацин вывѣшній флягель на стеклянныхъ подножкахъ, что на пробѣ Валентинъ Викторовичъ, въ роли Ариспа, при своемъ входѣ на сцену, забывшись, хотѣлъ положить на него шляпу и хлыстикъ.“

„И не уронилъ?“ — спросилъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— „Спохватился и удержалъ въ рукахъ“ — отвѣчалъ онъ, держа въ одной изъ своихъ собственныхъ рюмку водки, и поспѣшно выливая ее въ горло въ пятый разъ.

Наконецъ, по окончаніи ужина, которымъ я его попотчивалъ, онъ, при разставаніи, хотѣлъ изъявить свою благодарность; но заплетавшійся языкъ измѣнилъ ему, и онъ крѣпкимъ пожатіемъ руки выказалъ ощущаемыя имъ въ ту пору чувства.

„Вотъ, — подумалъ я, по уходѣ его, надѣвая свой бекешъ, — вотъ челоуѣкъ, опредѣленный самимъ собою къ ничтожности! Чтобы ему убѣдиться изъ соувѣтовъ людей, истинно желающихъ ему добра, что онъ съ своимъ подражаніемъ, никогда не сдѣлается настоящимъ Актеромъ; и что передразниванье можетъ быть иногда забавно, но не есть дарованіе Актера, которому нужна чистая природа безъ всякой перемены голоса и неумѣстнаго напряженія груди. Но тѣтъ: ни совѣты, ничто не можетъ опровергнуть нашего Д* отъ этаго заблужденія, препятствующаго ему сдѣлаться порядочнымъ Чиновникомъ

въ службѣ и подпорою своего семейства, Онъ несеть
себѣ свое, что его талантъ уничтожить со време-
немъ славу всехъ Актеровъ на свѣтъ.“

Возвращаясь въ снѣхъ мысляхъ домой, я, по привыч-
кѣ, закурилъ мою трубку предъ шпѣть, какъ ложиться
спать, и вдругъ человекъ мой входитъ, какъ мнѣ по-
казалось, съ конвертомъ,

„Опѣть кого это?“ спросилъ я, думая, что вѣрно
изъ Департамента, съ надписью: *нужное*,

— „Я не знаю-съ“ — отвѣчалъ онъ: „складывая бе-
кешъ, я нашелъ это въ заднемъ карманѣ.“

Вовсе не понималъ, какъ это случилось, что я по-
ложилъ бумаги не въ боковой карманъ, я развернулъ,
и что же увидѣлъ?..

*Въ слѣдующее Воскресенье Любители драматиче-
скаго искусства будутъ имѣть удовольствіе предста-
вить на домашнемъ Театрѣ въ домѣ Г. Лилъева:*

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ,

*Комедію въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. А. С.
Грибоѣдова;*

за опною послѣдствіи:

СУЖЕНАГО КОНЕМЪ НЕ ОБЪѢДЕШЬ

ИЛИ

НѢТЬ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА,

*Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. И.
Хмельницкаго; и въ заключеніе спектакля будутъ даны
Дивертиссементы:*

ОКОРОКЪ НА ИМЯНИНЫ,

*въ комедіи, между прочимъ, одинъ изъ членовъ будетъ
пѣть Цыганскую пѣсню, а другой участвующій танцо-
вать Русскую съ Г-жею Лилъевой.*

„Окорокъ!“ вскричалъ я, умная со смѣху.

Тутъ я вспомнилъ, что нашъ великій Артистъ,
при своемъ уходѣ, что-то рылся около моего бекеша,
и я совѣмъ не обратилъ вниманія на порожественную
его гримасу.

Стоявшій предо мною человекъ мой, держа въ одной
рукѣ свѣчу, безмысленно улыбался, и подалъ другою
маленькой билетъ. На немъ была надпись: *Креслы* No 4.
Какая подробная точность домашняго Театра! И
пусть не безъ подражанія! подумалъ я, опѣтъ души
смѣясь этому случаю.

(*Окончаніе въ слѣд. No.*)

ЖИЗНЬ ПРИКАЗНЫХЪ.

ПЕРВЫЙ.

Хвалю Суды, люблю Приказы,
Регистрапуру и Журналь,
Въ проэктахъ громкіе Указы...
Тутъ и здоровъ и капппаль
Копился, въ годы, понемножку;
Топчи одну и ту жъ дорожку
Съ кварширки скромпепкой въ Приказъ:
Тяни по одвялу ножку,
Пиши по справкамъ безъ прикрасть,
Работай все въ урочный часъ,
И пошхоньку, разъ за разъ,
Распи въ чинахъ и въ домоводствѣ...
А если въ дѣлопроизводствѣ
Двойная ссылка, темный смыслъ,
Тутъ не перай расчепныхъ числъ.
Когда нельзя намъ жить, чѣмъ *должно*,
То проживаемъ мы, чѣмъ *можно*,
Фортупу ладимъ какъ нибудъ:
Съ начала пѣсньный уголочекъ
На Петербургской гдѣ нибудъ,
А памъ и домикъ и садочекъ
На Острову:... хлѣвъ не будъ —
И ты, рабочій многолѣтникъ,
Ассесоръ будешь, и Совѣшникъ,
И заслуженный Дворянинъ!
И мѣщанинъ тебѣ не брать!
Живешь и сыто и по волѣ!
Тебѣ какой же жизни боль?
Я право быль *Приказнымъ* радъ!

ВТОРЫЙ.

Всѣ такъ; но не люблю Судовъ,
Ни дѣлъ, ни плжебъ, ни крѣчковъ...
Пусть ваши люди дѣловые,
Какъ въ биржахъ кипы гуршоваля,
Тереблять пучпыя дѣла:
Ихъ многознанію — хвала!
Пускай кричаць объ нихъ Приказы;
Но и у нихъ не безъ проказы
И: „*А-бѣда!*“ кричитъ она!
Но кто жъ сочтетъ ее бѣдою?
„Что жъ намъ величе жить водою,
Да хлѣбомъ, и, съ перомъ безъ сна
Сидѣшь изъ дружбы къ правдѣ даромъ? —

Ну, нѣтъ! мы любимъ правду съ жаромъ,
Однако жъ, право, съ ней одной,
Безъ вѣрной прибыли дневной,
Коль не рискуешь на обманъ,
(Извѣстно это всемъ давно!)
И тѣсно жить и холодно,
И будутъ пусты все карманы!..“
Вотъ такъ по дружески Приказной говорять,
И сердце у меня къ Приказамъ не лжжеть.

П е р в ы й.

Нѣтъ; люди и межъ ними есть!
Они, какъ душу, любятъ честь:
На правдѣ, какъ на камнѣ, спойки,
И на перѣ и въ дѣлѣ бойки;
Для нихъ компасъ — одинъ законъ,
Въ пучинѣ каверзовъ и сплетней;
Имъ долгъ милый, чѣмъ хлѣбъ и сонъ;
И часто въ службѣ многолѣпней
Приказный числѣ — и до того,
Что живъ пока, то кой какъ длился,
А только съ ногъ на сполъ свалился —
И нѣтъмъ схоронилъ его!
Мы въ свѣтъ идемъ съ запасомъ разнымъ:
Зачѣмъ не быть мнѣ и *Приказнымъ* ?..

Ододръ Глинка.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

20. *Размысленія о важнѣйшихъ истинахъ Религи,*
писанныя для Наслѣднаго Принца Брауншвейгъ-Люне-
бургскаго, знаменитымъ Иерусалемомъ. Пер. съ Нѣ-
мецкаго Т. Крылова. Изданіе третіе, вновь испра-
вленное. Томы I и II. С. Петербургъ, въ Типографіи
Экспед. заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1831.
Въ 12. (Въ перв. ш. XVI, 293, во втор. IX, 293
стр.) (*)

Мы душевно порадовались, видя, что переводъ со-

(*) Все собраніе заключается въ пяти томахъ, цѣна которыхъ
20, съ пересылкою 25 рублей. При покупкѣ сихъ двухъ, ны-
нѣ вышедшихъ, на остальные три тома, которые печата-
ются, даются билеты. Книга сія продается въ магазинѣ
Смирдина, и у самаго Переводчика, Кол. Сов. Т. С.
Крылова, живущаго въ Большой Коломнѣ, у Покрова, въ
собственномъ домѣ.

чиненія, весьма полезнаго для каждаго христіанина, вы-
ходить въ свѣтъ уже третимъ изданіемъ. Такимъ
успѣхомъ увѣчиваются всегда труды, испишно до-
стойные уваженія!

С М Ъ С Б.

— Одинъ писарь, снимая копию съ рекомендабель-
наго письма о молодомъ Офицерѣ, чиналь по складамъ:
учился Физикъ, Математикъ, Фортификаціи, бѣтлся
на ранирахъ, рубился на эскадронахъ, ѣздилъ вер-
хомъ, танцуетъ минуэтъ . . . Дошедши до этого мѣ-
ста: *танцуетъ минуэтъ*, нашъ мудрецъ вскричалъ:
„ну хорошо, что я смысленъ; а шо, не отдѣливъ
запятой, какъ-же хотяшъ, чтобъ Старшій Адыю-
тантъ изволилъ понять; но дабы для Его Благородія
сіе не было темно, переправимъ-ко.“ И переправилъ.
Вмѣсто: *танцуетъ минуэтъ*, написалъ: *танцуетъ, ми-*
нуэтъ, сирѣчь никого не задѣваетъ.

— „Баринъ приказалъ, сударь, вамъ кланяться и
попросить книжку: *Мясодѣ*“ — сказалъ слуга К*,
присланный къ Z. — *Развязка*: пужна была *Мессіада*.

Содержаніе пятой книжки Гирланды слѣдующее: 1.
Словесность. Проза. 1. Кавказскія горы. (*Отрывокъ изъ*
путевыхъ записокъ.) 2. Отрывокъ изъ Романа:
La letière de Mortfermeil. (Перев. Н. П. Шигаева.) 2.
Стихотворенія: 1. Идиллія. (III.) 2. Миценіе. 3. Ро-
мансъ (Изъ *Аталы Шатобриана.*) II. *Библиографія.*
Альціона, Альманахъ. III. *Смѣсь.* IV *Моды.* — *Enigme.*
Logogriphe. Charade. Объявленіе.

При сей книжкѣ приложенъ нотный листокъ
Италіянскаго Романа. Музыка Князя Е. Голицына.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книж-
ныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Сле-
нина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 кни-
жекъ, съ картинками модъ, нотами и проч., 40, съ
пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иного-
родные благоволятъ опноситься съ своими требова-
ніями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или
къ самому Издашелю, адресуя въ семъ послѣднемъ слу-
чаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издашелю Гирланды. Въ*
С. Петербургъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпина, надписывая на оныхъ: *Издателю Сверхнаго Меркурія.*

№ 23.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* помовъ, на *селенной* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на домъ и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 23 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

(Окончаніе.)

Наступило Воскресенье, и я, оныя пьсего дѣлать, рѣшился пожертвовать вечеромъ, чтобы посмотрѣть въ папурѣ такъ хорошо описанную М. Н. Загоскинымъ Комедію: *Благородный Театръ*, и чтобы послушать совершенно новое чудо, то есть какъ Эльмира будетъ пѣть Ромасъ съ акомпаниментомъ нарисованнаго на декорации фортепьяно. Прѣзжаю по адресу, и сами мои оспановылись предъ выпихимъ изображеніемъ дома Г. Лилева, гдѣ я не видѣлъ ни одной свѣчи въ окошкѣ, ни одной лошади у воротъ. Чтобы это значило, подумалъ я, опускаю руку въ часовой карманъ, и насчитываю изъ репетицій моего Брегепа 6 часовъ и 3 четверти. Неужели на домашнихъ Театрахъ условлено начинать спектакли гораздо позже? Еще куда-ли я попалъ? — была вѣпорал моя мысль, при стараніи отворить тяжело движущуюся на своихъ петляхъ калитку. При удвоенныхъ усиліяхъ она отворилась, и особенный флигель позади обширнаго двора, своимъ освѣщеніемъ показалъ мнѣ, что оныя есть предметъ моего опыскиванія. Стоявшій въ сѣняхъ мальчикъ въ изорванной курткѣ показалъ боковыя двери съ какимъ-то темнымъ надъ оными изображеніемъ Леры, облеченной въ цвѣточныя вѣнокъ. Берусь за скобку, отворяю, и . . . терпѣніе, М. м. Г. г. ! золотое терпѣніе!

Залъ театра заключался въ первой половинѣ разгороженной на двое комнаты новаго флигеля, постро-

еннаго изъ барочнаго лѣса, съ закупоренными дырами и съ насыженными поперечными линиями моха. Дружал половинѣ принадлежала сцены; подлпной опть земли не болѣе одного аршина съ четвертью. Оконечность сцены къ зрителямъ, вѣсно лампъ, озрениа была какими-то зажженными съ саомъ банками, тускло испускавшими свѣтъ. Занавѣсъ, изображающій величественныя развалины, [вѣроятно эмблему труппы] преплпстествовалъ имѣть покаместъ дальнѣйшее наблюденіе. Четверо музыкантовъ, раздѣленныхъ на двое, по правиламъ симетріи, помѣщались въ двухъ боковыхъ отдѣленіяхъ оркестра предъ сценою. Предъ ними построеныя лавки изъ свѣжаго тесу въ четыре линии, были разгорожены маленькими простѣлками съ номерами и опредѣлены для засѣданія почетныхъ зрителей. Назади же сихъ мѣстъ надобно было стоя восхищаться удовольствіями домашней Талии.

При самомъ входѣ моемъ была замѣчательна чрезвычайная тишина, царствовавшая во всемъ собраніи; только изрѣдка слышимое чиханье и канель прерывали оную. Какъ-бы хорошо, подумалъ я, если бы на всѣхъ Театрахъ было подобное вниманіе, хотя ввремя представленія пѣсы.

Едва я помѣстился въ своемъ 4-мъ номерѣ, какъ тишина была прервана нетерпѣливымъ аплодиссементомъ собранія, въ утѣшеніе косяго велѣдъ за тѣмъ зарычало что-то похожее на конпробасъ, и почти въ то же время угреватый мужчина въ синемъ фракѣ, стоявшій на лѣвомъ крылѣ, съ важностію держера, ударилъ при раза смычкомъ по пульпету — и

весь оркестръ заоралъ безпощадно Польской Огницкаго. Благодарность Актерамъ, прервавшимъ жесткое гуденье начатаго trio. Занавѣсъ зашатался, и развалины пресмѣшно начали закапываться вверхъ. Открылась голубая компанія, и появилось главное дѣйствующее лице: Аристъ. Если Грибоводовъ писалъ сонный (*) Комедию: *Молодые супруги*, то теперь она была разыграна дѣйствительно, какъ сонъ, и при томъ самый безтолковый. Карпавый Аристъ въ гороховомъ сюртукѣ вошелъ на сцену, и незаблагоразсудитъ снявъ шляпу, мимоходомъ сказать, самой жалкой по давнишнему существованію. Декламации не спрашивайте—все поперегъ! Входитъ оплывшая Эльмира, и переиначенными стихами, вмѣстѣ съ кислою своею физиономіею, падождаетъ не только мужу, но и зрителю. Ни за какія сокровища въ свѣтѣ не обратили-бы меня къ такой жести, даже и на сценѣ, думалъ я, смотря на безпрестанно *отвораживающагося* отъ нея Ариста. Наконецъ является и мой знакомецъ Д*, въ роли Сафира. Онъ былъ въ какомъ-то, черезъ чуръ солидномъ своею длиною, сюртукѣ, щабачаго цвѣта, Загнувъ лѣвую руку назадъ, и обратилъ правую прямо къ зрителямъ, онъ опречатавъ опчаянно свой наставительный монологъ Аристу; при чемъ я замѣтилъ еще въ первый разъ, что при стараніи декламировать чужимъ голосомъ, глаза его до такой степени склонялись къ носу, что совершенно искажались и безъ того безобразное лице. Но вопль быда послышался Эльмиру! Плънящаясь, вѣроятно, декламациею Сафира, она забыла предрѣчіе, и зашарула чрезъ два монолога; видя же, что все смѣюется, сбилась съ толку и замолчала. Напрасно суфлеръ и нѣсколько другихъ голосовъ изъ за бумажныхъ кулисъ, ныпшались подсказывать сконфузившейся: ничего не помогло. Уже носокъ правой ея ноги писалъ полукругіе для ухода со сцены, какъ нашъ геній, Д . . . , нашелся пошпчасъ. Онъ заслонилъ всею рукою отъ зрителей ротъ, подошелъ къ пей какъ можно ближе, и

(*) Покойный А. С. Грибоводовъ, въ разговоръ съ однимъ пріиселемъ, сравнивавшимъ единственную Комедию: *Горе отъ ума*, съ прежними его произведеніями, ошвѣчалъ: „что пусть за удивленіе? *Молодыхъ супруговъ* я написалъ льнивый, сонный, и при томъ на срокъ.“

сказать что-то на ухо, спасъ погибавшую! Но чтобы, въ продолженіе Комедіи, не встрѣнились подобныхъ непріятностей, они заблагоразсудили большую часть обрѣзать и сдѣлать цѣлое in quarto. Въ самомъ окончаніи, перенюхавшій отъ сильного рева, Сафиръ, небережно обтерся плашкомъ, и ядовитый сурникъ, размазавшись по лицу, попалъ несчастному въ глаза: слезы градомъ покапнулись у него. Какъ зрители, такъ и остальные два дѣйствующихъ лица хохотали безъ памяти; при чемъ Аристъ, снявъ въ первый разъ шляпу, раскланялся, и развалины занавѣса съ дождливымъ шумомъ опустились. Послѣ употребленнаго на переодѣванье полу-часа, въ продолженіи котораго несносные музыканты, вмѣстѣ приличной увертюры, пѣщили зрителей глупѣйшимъ выборомъ мазурокъ и вальсовъ, наконецъ занавѣсъ поднялся снова. Желтая компанія гопическаго замка была очень близка къ своему назначенію, особенно изображала древность свою бодыщими прорѣхами на задней декорации. Бывшій Эльмира, теперь Г-жа Гримардо, своимъ пѣніемъ заспавила зрителей душевно поблагодарить за пропущенный ею въ первой Комедіи Романсъ. Преобразившійся теперь въ мужа ея, бывший Сафиръ, пере-хвасталъ и самаго Величкница въ изобрѣшеніи несумѣстныхъ фарсовъ, особенно вздумавъ повернушь на бокъ парикъ. Война съ незваными гостями ведена была по всемъ правиламъ; одного только, казалось, они не сообразили: именно того, что дѣйствіе происходитъ за границею, и потому въ числѣ отборнаго войска совсѣмъ некстати находился хозяйскій кучеръ, остриженный въ кружокъ и съ ямскимъ бичемъ въ рукѣ. По похвальной предусмотрительности отъ чухля Полиция, въ исполненіи Эрнеста, нацѣленномъ въ непріятелей, хотя и былъ порохъ, но только безъ пыжа, а потому выстрѣлъ его умодоблялся беспокойному камню сидящаго возлѣ меня старика, отъ души хлопавнаго въ ладоши.

Объ Акприсахъ и Актерахъ этого рода, судить строго нельзя поному, что

Та лешкой хочешь быть, тонъ просился въ слуги,
Тому любовника давай — ну вошь был!

Но всѣхъ превосходите игралъ представлявшій пѣл-

наго Бранта. Вопль ужь подлинно чистая природа — то есть: хопь выжми! Когда онъ развалился на креслахъ и заплѣлъ: *вино, вино, душа войты!* и прог., то его измѣнившійся въ хриповатыхъ переливахъ голосъ опсталъ евоѣмъ онъ музыки, и главный скрипачъ, эпинъ раздосадованный, ударилъ смычкомъ по нопамъ, и скомандовалъ своимъ: *поплатъ*. Нимало не сконфузясь снмъ, Брантъ и безъ музыки продолжалъ свой Но, какъ вдругъ горничная дѣвка, выспавшаяся изъ за первой кулсы съ лѣвой стороны, и державшая до снхъ поръ сверху проведенный снурокъ, какъ то печально его опустила — и занавѣсъ съ громомъ бухнулся на сцену. Хохопъ и алодссемешпъ зрнтелей не помогъ заглушнть сильного шума на сцелъ, происходившаго опъ приведенія въ порядокъ оборваннаго снурка занавѣса. Онъ поднимался медленное прежняго и открылъ одну руку Г-на Гримардо, намапывающаго конецъ снурка на гвоздь. Брантъ, повидимому, нисколько не беспокоясь о происшедшей суматохѣ, по прежнему сидѣлъ въ креслахъ съ бушлыкою въ рукахъ, и прншедшій Баронъ едва успѣлъ его располкать: прнзнакъ великихъ талантовъ! Вѣрно, подумалъ я, за ашнми бумажными кулсами находится вишное фойе Бранта для лучшаго сближенія съ роасто.

Нѣсколько выкинутыхъ *ННо*, вѣроятно за недоспашкомъ музыки, укоротили и эту пѣсу. Занавѣсъ опустился и чрезъ нѣсколько минутъ опять поднялся въ ростъ человека. Выходилъ нашъ Д... и анонсируетъ на слѣдующее Воскресенье Драму: *Снль любви*, съ приложеніемъ домашняго издѣлія, то есть опять съ дивертиссементомъ. По уходѣ его, нетерпѣливые зрнтели захопали, и въ удовольствованіе ихъ, въ скоромъ времени открылась сцена. Театръ представлялъ лѣсъ, хотя сдѣланный изъ шпалерныхъ обой, по все сноспѣ первыхъ декораций, особенно если бы были спущены плафоны и закрывали деревянные небеса. Первый появился на сцену самъ содержатель Театра, какъ мнѣ сказали, одѣтый пастоящнмъ деревенскимъ помѣщнкомъ: въ зеленомъ карпузѣ, панковомъ сюртукѣ и съ простыю въ рукахъ. Съ торжественнымъ видомъ онъ началъ объяснать благосостояніе своихъ крестьянъ, ихъ признательность къ нему за облегче-

ніе участн, и шому подобный вздоръ. Въ концѣ этой чувствнпелной рѣчи, садясь на скамейку, онъ переважно объявилъ, что сей день, если день его именншъ, и прншедшая толпа въ смурыхъ кафшанахъ съ разглаженными по-Русски волосами на головѣ, прнвѣтснвовала благодѣтеля своего хоромъ, въ 1790-году сочиненнымъ, и помѣщеннымъ въ одной древней комической Оперѣ. Въ это время вынесенъ изъ за кулсы въ подарокъ помѣщнку-именншнку окорокъ ветшнны. Пропѣли хоръ, и одннъ изъ среды благополучныхъ вассаловъ подходнть и проснть позволенія у барнна предстать плясущамъ для попѣхн его милостн въ такой великій день, или лснѣе сказать: подпсать *конецъ* дивертиссементу разгульными буквами изъ панцующихъ арпнстовъ; слѣдовательно вопль и все содержаніе дивертиссемента. Позволеніе помѣщнка изрѣчено, и входитъ одѣтый по-Цыгански нашъ Д...; съ самодовольствіемъ снимаетъ шляпу и разглаживаетъ прнвзланную бороду. Топчасъ смычки загудѣли, и пѣвецъ началъ со всѣми молодецкими хватками извѣстную Цыганскую пѣсню изъ Оперы: *Панъ Твардовскій: мѣ живемъ среди полей и лесовъ дремучихъ*. Когда дѣло дошло до прнпѣва: *Гей Цыгань и прог.*, то ему вздумалось показатъ искусство Цыганской пляски. Опчаянно размахнувшнсь руками, онъ по же хотѣлъ сдѣлать и съ ногами, но такъ ловко ударилъ въ салъную догорѣвшую банку, что та просвнстала со сцены и вынлаась прямо на снрпневый клокъ сидѣвшей предо мною дамы. Съ громкимъ воплемъ вскочила сіл послѣдняя и ну браннпвъ невѣжду. Я схватилъ шляпу и побѣжалъ домой, не дожидаясь окончанія сего ннпреснаго происшеснвія, болѣе изъ опасенія, чтобы подобная участь не постигла и мепя.

Не знаю, нгралн-ли въ слѣдующее Воскресенье обѣщанную Драму, въ чемъ, повидимому, нельзя сомнѣваться: ибо и самый насмѣшливый хохопъ прннмаемъ былъ Актерами за одобреніе. Бѣднаго же Д... никакъ нельзя отклоннть онъ мысли, вовлекней его въ заблужденіе: что онъ обезсмертнптъ себя на поприщѣ Актера.

Водилень.

К Н И Г А.

Тогда, какъ небеса, средь тысячи даровъ,
Явили существованъ свою свящую волю,
Творенье дивное, достойный прудъ Боговъ,
Опъ Зевса смертному досталоса на долю.

Была шо книга, даръ златой.

Ее Минерва составляла,

И на заглавіи, премудрою рукой:

„Разсудокъ“ — начерпала.

И книга ша, раскрыта всѣмъ въкамъ,

Со всѣхъ въковъ должна спереть пороки;

Но ни одинъ изъ нихъ не вялъ ея главы,

Хоть въ нихъ и мудрые панялся уроки.

Младенчество находить тамъ

Однъ слова, а не ученье;

Въкъ юности — однъ мечпы;

Въкъ средній — скуку, сожаленье;

А староснь — рвань лиспы!

Я. Драгомановъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

21. *Деница*, Альманахъ на 1831 годъ, изданный М. Макемвичемъ. Москва, въ Тип. Авг. Семена, 1831. Въ 16. (LVIII и 140 стран.) (*)

Маленькой Альманачекъ; по *Обозрѣніе Словесности*, которымъ опъ начинается, для него велико, и по легкости его, для него тяжело. Хотя *Обозрѣніе* сіе не столь безтолково, какъ въ прошлогдней *Деницѣ*; но для нашей Словесности оно также бесполезно, а для читателей также незанимательно. Въ прошлогднемъ *Обозрѣніи* Г. Кирьевскій попытался переложить въ прозу Поэзію Тредьяковскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удачно достигъ своей цѣли; въ нынѣшнемъ *Обозрѣніи* неизвѣстный Сочинитель хотѣлъ говорить немного, и сказалъ меньше, нежели хотѣлъ; за что читатели, избавленные отъ лишняго пустословія, обязаны поблагодарить его отъ всей души. Даже и *Литературныя Прибавленія къ Русскому Ивалиду*, которыя, мимоходомъ сказать, разсматриваюпъ произ-

(*) Продаётся въ магазинѣ Смирдина по 5, съ перес. по 6 руб. экземпляръ.

веденія Русской Словесности нынѣшняго года, посредствомъ *Телескопа*, — и пѣ разглядѣли, что сіе *Обозрѣніе* есть новый *косой* взглядъ на Русскую Словесность (*).

Пожалѣвъ о *Блѣзѣи челоуѣкъ* (стран. 3), что опъ написалъ Г. Сумароковымъ не красно, — поспуя, что *Отрывокъ изъ рукописи* Пушкина (стран. 124), (заключающей въ себѣ неудовлетворительныя замѣчанія его, на критики, бывшія на Поэму: *Полтава*), не остался навсегда въ рукописи, — полюбавшись на яву *Девичьи слезы*, Кн. Вяземскаго (стран. 139) и его же *Зимилли каррикатурами* (стран. 41), — прочитавъ и снова перечитавъ хорошее Посланіе Г. Шевырева (стран. 107) къ А. С. Пушкину, въ которомъ заключаются особенно примѣчательныя стихи на стран. 111 и 113, — пожалѣвъ *Стреллику*, Г. Вельпмана (стран. 95), больше любопытныхъ включеній въ его путешествіи, больше живости въ прозаическомъ разсказѣ и больше Поэзіи въ стихахъ, — сдѣлавъ ручкой Мадригалу Г. Языкова, написанному для *Анны Ивановны* (стран. 94), — улыбнувшись отъ колкости примѣчательныхъ Эпиграммъ, напечатанныхъ на 137-й страницѣ, — я, совершивъ столь важный подвигъ, заключающійся въ прочтеніи всѣхъ вышеозначенныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ пьесъ *Деницы*, дошелъ наконецъ до *Успокоенія*, (стран. 51) и остановился на — вслѣдъ идущемъ за сямъ стихотвореніемъ Г. Тюпчева — *Постыломъ дворъ*, Г. Полеваго (стран. 52), гдѣ и успокоился немедленно. п. е. зъвувъ раза три, задремалъ. Пробудясь-же, имѣя надобность запяпъся другимъ дѣломъ, не могъ, по недостатку времени (не говорю *терпѣнія*, изъ уваженія моего къ Г. Издателю Московскаго Телеграфа), дочитать упомянутой спяпъи знаменнаго нашего Испорика. О чемъ и имѣю честь довести до свѣдѣнія почтенныхъ читателей.

Аристархъ Завѣтный.

(*) *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*, пожалуй, и про меня скажутъ, что я вообще не прямо гляжу на вещи; но имъ какая до эшаго надобность?.. А. З.

Накѣты и писѣма дѣстѣя-
вляющъ въ книжный Мага-
зинъ А. Ф. Смирдина или
И. В. Слѣнина, подписыва-
вал на оныхъ: *Издателью*
Свернаго Меркурія.

№ 24.

Выходитъ по Понедѣль-
никамъ, Средамъ и Пят-
ницамъ. — Цѣна за годовое
изданіе, состоящее изъ 156
NN и двухъ томовъ, на
веленовой бумагѣ, съ 24
картинками Модъ, 55
р.; съ доставкой на дома
и пересылкою въ города
42 рублн.

1851, 25 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА (*):

La Lettière de Montfermeil,

(*Монтфермелльская мѣлочница*)

Соч. Поль де Кока.

„Домашн Огюстѣ?“ — спросила у Бертрапа жѣнщина лѣтъ 24-хъ, стройная, черноволосая, съ прелестными коричневыми глазами и бѣлыми ровными зубами. Она казалась утомленною; но лице ея оживлялось и дѣлалось чрезвычайно пріятнымъ опъ коварной улыбки. Это была та самая Виргинія, пріятельница нашего героя, о которой шла рѣчь въ кабріолетѣ въ время поѣздки его къ Г. Деспивалою. Она изволла пожалованъ къ Огюсту въ 8 часовъ утра.

— „Г. Дальвилъ уже выѣхалъ“ — отвѣчалъ Бертрапъ, слегка кивая головой; но Виргинія, не смотря ни на что, входила въ комнату.

„Быть не можетъ, сказала она: ты говоришь это потому, что у него есть кто нибудь... тебя приказано отвѣчать такъ... меня не проведешь... я хочу его видѣть... мнѣ страшно какъ нужно переговорить съ нимъ... право, Бертрапъ, я не шучу...“

— „Увѣряю васъ сударыня, что Г. Дальвилъ выѣхалъ, или лучше сказать сегодня еще не возвращался. Онъ отправился вчера на большой балъ, — который... долго видно тянулся...“

„Ахъ, Боже мой! какъ ведетъ себя Дальвилъ! ужасно... Прощай молодой человекъ! Ты, Бертрапъ,

(*) Другіе образчики сего перевода, въ скоромъ времени имѣющаго выйти въ свѣтъ, напечатаны въ 18 No Липсрапурной Газеты и въ 5-й книжкѣ Гирланды.

Томъ 111. № 24.

за нимъ не смотришь. Это не хорошо. — Ты бы долженъ увѣщевать его, внушать ему нравственность.“

— „Во-первыхъ, Г. Дальвилъ самъ себя господитъ, сударыня; во-вторыхъ, когда я стану уговаривать его, онъ меня или не слушаетъ; или посылаетъ прогуляться...“

„Это очень худо! — О! если бъ я была хоть матерью его или сестрою... увидѣвъ бъ, какимъ-бы я сдѣлала его разсудительнымъ... Я подожду его, Бертрапъ; онъ долженъ же воротиться. На балъ до 8-ми часовъ утра!...“

Виргинія, зная расположеніе Дальвилевыхъ комнатъ, отворила дверь въ маленькую залу, и войдя въ нее, шляпку положила на стулъ, шаль на другой, а сама расположилась на диванѣ. Бертрапъ ходилъ около нее понихоньку, и привыкнувъ видѣть ее всегда такою, спокойно продолжалъ есть хлѣбъ съ сыромъ, который былъ у него въ рукѣ, когда она позвонила.

„Рѣшительно я не люблю больше Огюста“ — сказала Виргинія, подумавъ съ минуту: „да надобно быть безъ ума, чтобы любить человека, у котораго перебивало 36 любовницъ... Не правда-ли Бертрапъ?“

— „Не могу утверждать, сударыня...“

„Да, да... онъ держалъ 36 любовницъ... не говорю, что разомъ... вѣдь онъ не Геркулесъ... впрочемъ мужчины всѣ не дуры — одинъ другаго сплюснуть — ужъ я ихъ какъ хорошо знаю... Не правда-ли, Г. Бертрапъ?“

— „О, въ эпозъ я не сомнѣваюсь... у насъ бывали люди, которые... напримѣръ великій Тюрень!...“

„Вопль чудака-то! Намель, кому толковать о Тюренъ. Я не знаю древней Исторіи, а люблю то, что дѣлается на моемъ вѣку, и говорю пѣсь, что Огюстѣ повѣса . . . Назадъ поному при недѣли онъ прекрасную изволилъ сыграть со мной шутку. Вообрази: пазначилъ мнѣ свиданіе; — мы уговорились провести вмѣстѣ день и вечеромъ идти въ Темпръ. Что жъ вышло? Онъ заставилъ меня ждать себя предолго, а самъ отправился къ Дестивало. Хорошъ и пошь молодецъ! Не подумаешь, что у него цворищя . . . не правда-ли, Бертрапъ?“ . . .

— „Развѣ у него . . .“

„Ты меня очень хорошо понимаешь, — Тѣфу пронапись! Есть-же мужья, которыми такіе гости, какъ Огюстѣ, по сердцу, и которые сами рады . . . Вы намъ почевали?“

— „Такъ точно . . .“

„Это истинно по загсродному. Долго пробыли? . . . Да говори же, Бертрапъ, Успѣешь наѣшься. Ты знаешь, что цѣмый вѣкъ почти моя нога здѣсь не была. Огюстѣ, хотѣ бы изъ учтивости, освѣдомился о моемъ здоровьи. Я вѣдь ужасно была болна. Чуть не умерла! За то какъ похудѣла! . . . Не правда-ли, Бертрапъ?“ . . .

— „Помилуйте, сударыня! Я замѣчаю, что напротшивъ . . .“

„Тебѣ это кажется потому, что платье сидитъ на мнѣ душно: вздергивается, жметъ меня; но взгляни-ка въ глаза: въ нихъ желтизна до сихъ поръ не проходитъ. Что жъ вы дѣлали на дачѣ?“

— „Я училъ Г. Дестивала экзерцици.“

„Ужъ не въ военную-ли задумалъ? . . . А жепушка его пакже упражнялась въ экзерцици? . . . Ей бы должно выучиться бить въ барабанъ, чтобъ маршировать передъ мужемъ, когда онъ будетъ выплывать съ ружьемъ на спрѣльнѣ.“

— „Не знаю, сударыня, въ чемъ упражнялась Г-жа Дестиваль.“

„Тебѣ, конечно, поручено было занимать мужа; а дражайшую его половину забавлялъ Г. Огюстѣ! Я будно теперь вижу, какъ Дестиваль запаливается въ

воробьевъ, а его супруга ищетъ землянику! . . . Ха! ха! ха! ха! . . .

Виргинія смѣялась опъ души, такъ, что нѣсколько минутъ не могла вымолвить слова. Бертрапъ же расхаживалъ въ это время по загъ вдоль и поперегъ, продолжая завтракать.

„Ахъ, Боже мой! какъ вредно такъ смѣяться! . . . Когда-же вы воропились?“

— „На другой день, сударыня.“

„И Огюстѣ послѣ того тамъ не былъ?“

— „Никакъ нѣтъ: нѣсколько разъ собирался; да нѣ когда было.“

„Я этому вѣрю. У него столько дѣлъ! Въ двѣ недѣли не завернуть ко мнѣ ни разу. Оставилъ меня больную, почти при смерти . . . и теперь еще я не совсѣмъ оправилась . . . Я безпрестанно спрадаю . . . Что ты шакое тыи, Бертрапъ?“

— „Рокфортекой сыръ, сударыня . . .“

„Смѣшная вещь, право: когда видишь, что ѣдятъ, самой ѣсть захочется! Меня всегда беретъ охота дѣлать то, что въ моихъ глазахъ дѣлаютъ другіе. Голубчикъ, Бертрапъ! ты мнѣ дашь позавтракать . . . Пожалуй рвись съ досады хотѣ до завтра: вѣдь опъ того не пополнишь . . . Не правда-ли, Бертрапъ?“

— „Если вамъ угодно, сударыня . . .“

„Добренькой Бертрапъ . . . я люблю тебя опъ всего сердца и преольшую чувствую къ тебѣ дружбу, хотъ ты также похожъ немножко на своего господина . . .“

— „О, сударыня! что касается до откровенности, такъ надѣюсь . . .“

„Вѣдь я пошупила, Бертрапъ: однако откровенностью сыта не буду. Чего жъ ты подашь мнѣ?“

— „Если хотише кофе, такъ я велю сей часъ приготовить . . .“

„Нѣтъ; кофе расслабляетъ желудокъ: опъ мнѣ вовсе негодится. Развѣ у васъ ничего нѣтъ больше?“

— „Есть кусокъ пастепа, жаркаго, колбасы . . .“

„Эпо я люблю лучше кофе; принеси-ка все сюда, голубчикъ. Я займусь завтракомъ для препровожденія времени, въ ожиданіи Огюста.“

Бертрапъ, подвинувъ къ дивану чайный столикъ, спѣшилъ доставить на него завтракъ. Виргинія ему помогаетъ и даже сама бѣгаетъ въ буфетъ, говоря:

„мигъ, право, совѣстно, Бертрапъ, тебя перевозилишь.“

— „Полно-те, сударыня.“

„Гдѣ же Тошъ?“

— „Онъ съ Господиномъ Дальвильемъ: надобно же кому нибудь посмотришь за кабриолетомъ.“

„Элошъ мальчикъ прескрыпшой: сабва никогда мнѣ не скажешь; ты, Бертрапъ, хощь разговариваешь по крайней мѣрѣ . . . Знаю, что всего не скажешь . . . Да ты и правъ . . . Если вещи, о которыхъ я знать не должна . . . Иначе, совсѣмъ раенронлась-бы . . .“

Виргинія, усѣвшись за столомъ, и новшоря, что она все еще нездорова, проворно скушала жаркое, потомъ напала на настѣшъ и сосиски, и запивая ихъ Бордосскимъ виномъ, не считала нужнымъ мѣшать его съ водою.

Продолжая завтракать, Виргинія поглядывала на спѣшные часы и восклицала: „повѣса! посмотришь, какъ онъ воропнися. Согласись, Бертрапъ, что до 9-ти часовъ утра на балъ не остаются. Моя тетушка также задавала прежде пирушки . . . — Бѣдняжка! . . . надобно мнѣ съ нею помириться . . . Однако настѣшъ не дурень! . . . Тетушка моя, Бертрапъ, въ твоемъ родѣ . . .“

— „Понимаю: высокая женщина, въ пять фушовъ и шесть вершковъ, такъ-же, какъ я.“

„Онъ все съ своими шестью вершками! Велика была бы въ томъ для моей тетушки важность! Она похожа на тебя, хочу я сказать, доброю душою: почтенная женщина! Какія дѣлывала мнѣ наставленія! Онъ ея трогательныхъ увѣщаній, я, бывало, плакала, какъ Магдалина; а потомъ лишь нырь за дверь . . . ужъ и не думаю объ нихъ больше . . . Съ этими проклятыми колбасами съѣшь фунта два хлѣба! . . . Ахъ! какой повѣса Огюстъ! Расплатишься же онъ со мной за это! — Впрочемъ, я не выйду отсюда до тѣхъ поръ, пока онъ не воротится: хощь бы довелось ждашь до завтра! . . . Мнѣ все равно: я сама себя госпожа! . . .“

Въ это время кто-то позвонилъ тихонько.

„Вонъ онъ!“ закричала Виргинія: „не сказывай ему, Бертрапъ, что я здѣсь; подожди: я хочу удивить его; привори дверь зальы.“

— „Слушаю, сударыня; но я не думаю, чтобы это былъ Г. Дальвиль: онъ вовсе не такъ зовется.“

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

О Ш И Б К А,

„Скажите мнѣ, кто онъ?“

По виду важному, кажись, Градоначальникъ.“

— „Который? эмотъ вонъ: Глупонъ?“

Помилуйте, — да онъ едва Столоначальникъ!“

О. Д. — въ

Н О В Ы Я К Н И Г И,

22. *Бракъ по смерти.* Истинное происшествіе 1830 года. С. п. б., въ Тип. Гинце, 1831 г. Въ 16. (86 стр.)

Истинное сіе происшествіе произошло двукратно: въ первый разъ оно случилось въ Невскомъ Альманахъ, издашемъ на сей годъ; а теперь подтверждается (da capo) въ другой разъ въ особенной книжкѣ. *Въ истинѣ* сего происшествія ручаются многіе: Сочинитель Повѣсти, Издатель помпупаго Альманаха, и вообще все члены Типографіи Гинце, участвовавшіе въ наборъ и печатаніи Альманаха и Повѣсти. Слѣдите покупати, любезные читатели! это происшествіе, какъ видите изъ заглавнаго листка, произошло въ 1830 году; и слѣдственно, пока еще есть самое свѣжее истинное происшествіе! —

С М Ъ С Ъ.

Обозрѣніе Русской Словесности за 1830 годъ, напечатанное въ Денницѣ 1831 года, вообще приписываютъ самому Издателю сего Альманаха, Г. Максиму-вичу. Въ 4-мъ Но Телескона весьма справедливо сказано, что „Телеграфъ, кажется, очень близокъ къ сердцу Обозрѣвателл. Онъ вездѣ обнаруживася къ нему иѣжнѣйшее расположеніе, и оказывася подобострастіе даже къ Дамскому Журналу за то, что сей послѣдній никогда не объяснялся о Телеграфѣ междумсліями съ шочками (См. Обозрѣніе Словесности

въ Денищѣ, страи. XXXVIII). Сіе сѣрдечное пред-
расположеніе опразилось и въ сужденіи объ Исторіи
Русскаго Народа. Сочинитель *Обозрѣній* сказалъ толь-
ко, что Историкъ „намѣренъ въ ней представить
„жизнь всего народа, какъ жизнь одного челоуѣка, какъ
„развипіе одной идеи: слѣдственно, представитъ пер-
„вый опытъ Философической Исторіи Россіи“; но
Обозрѣватель (продолжающъ Телескопъ) промолчалъ
совершенно, какъ исполнено двумя первыми томами
сіе *намѣреніе*, писанное нѣсколько разъ въ Москов-
скихъ Вѣдомостяхъ, Сѣверной Пчелѣ и самомъ Теле-
графѣ. И это *молчаніе* (продолжающъ Телескопъ, воз-
выся гласъ свой) есть уже великая жертва: ибо *про-*
молчать, говоря объ Исторіи Русскаго Народа, зна-
читъ принялъ много на литературную совѣсть!“

О великая несправедливая! возмасытъ всѣ благонамѣренные
люди, прочитавъ сіи строки въ Телескопѣ.

Между тѣмъ каждому смѣшливому чинапелю при-
дуть на умъ слѣдующія обстоятельство:

Въ Денищѣ Обзорѣніе Словесности, очевидно, какъ
выше объяснено, благопріятствующъ Издапелю Мо-
сковскаго Телеграфа, сирѣчь Исторіку Русскаго На-
рода.

Въ Денищѣ напечатана статья Г. Полеваго: *По-*
стоялый дворъ.

Въ Денищѣ же напечатано Посланіе Г. Шевырева
къ А. С. Пушкину, въ которомъ Сочинитель гово-
ритъ, что Русская Словесность теперъ

вдругъ лужею вспыла

Въ Исторіи Россійскаго Народа!

Какъ соединить эти обстоятельство между собою?

Догадка. Чпобы получить для Альманаха синхро-
творенія Пушкина, Кн. Вяземскаго, и чпобы поддер-
жать нѣкоторыя другія литературныя связи, — над-
лежало непременно напечатать упомянутое Посланіе
Г. Шевырева.

Чпобы упомянутая *лужа* не обрапцалась въ Мо-
сковскомъ Телеграфѣ *въ море* праведнаго авторскаго

гнѣва, — надлежало напечатать въ Денищѣ статью:
Постоялый дворъ, а Сочинителю Обзорѣнія Словесно-
сти, непременно слѣдовало принять на свою душу
тяжкій грѣхъ и — поглядитъ по головкѣ Исторію
Русскаго Народа.

Изъ послѣдствій оказалось: что упомянутое Обзорѣ-
ніе Словесности якобы не по душѣ Издапелю Мо-
сковскаго Телеграфа. (См. Моск. Тел. Но 4-й.)

Не особенная ли это хитрость литературной
стратегіи? . . Этотъ вопросъ можетъ разрешиться
не иначе, какъ въ послѣдствіе времени.

Графиня Знамова выдала дочь свою за какого-то
ничтожнаго, хвораго Барончика, который пѣшилъ ее
повымъ па въ мазуркѣ. Вотъ чрезъ нѣсколько дней
послѣ свадьбы, Княгиня Смѣлова, знакомая Графини,
впрочемъ не весьма корошкая, въ самое обѣденное вре-
мя присылаетъ челоуѣка спросить: „Вы дискапъ не-
давно дочь замужъ выдавали, такъ куда, мапушка Гра-
финя, вы глаза тогда дѣвали?“ — Эти слова взбѣсили
мапушку Графиню и Ея Сіятельство, видѣвъ сама
всю несовмѣстность брака своей дочери, немедленно
велѣла сказать Княгинѣ, что она сумасшедшая и пу-
стая женщина, и чпобъ никогда не смѣла и ноги за-
нести къ ней на порогъ. *Сеора à couteaux tirés*. Про-
ходитъ нѣсколько лѣтъ, и какъ то объ непріятель-
ницы съѣхались гдѣ-то вмѣстѣ. — „Лѣтъ шесть
тому назадъ, Графиня“ — „сказала Княгиня: „вы че-
резъ моего челоуѣка велѣли мнѣ сказать, чпю я сума-
шедшая и пустая женщина.“ — „Да какъ-же, Кня-
гиня? Вы вѣдь у меня чрезъ лакея спрашивали: гдѣ я
имѣла *глаза*, когда дочь замужъ выдавала?“ — „Ахъ,
онъ вралъ! Ахъ, онъ злодѣй, некаріопъ!“ — вскричала
Княгиня: „я ему велѣла спросить: гдѣ *глазеть* брала!“ —
И непріятельницы примирились.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурія.*

№ 25.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 27 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА.

La letière de Montfermeil,

(Монтфермельская мологница.)

(Окончаніе.)

Бертранъ, затворивъ дверь залы, идетъ открывать переднюю, и, вмѣсто Дальвилля, видитъ хорошенькую свою сосѣдку изъ третьяго этажа: Г-жу Сент-Эдмонъ. Она была блонкура, съ голубыми глазками, розовыми щечками, самымъ нѣжнымъ голоскомъ; и хотя въ приемахъ ея и обращеніи оказывалась принужденность, но за природныя ея прелести можно было извинить, что она хотѣла придать себѣ еще болѣе пріятности посредствомъ искусства.

„Не у васъ-ли, Г. Бертранъ, Зазоръ мой?“ спросила въ полголоса хорошенькая блондинка, украдкой заглядывая въ комнату.

— „Я не имѣлъ чести видѣть его, сударыня!“ — отвѣчалъ Бертранъ, не переставая держать дверь полуотворенною; но это не мѣшало сосѣдкѣ подаваться впередъ.

„Справно: онъ убѣжалъ сегодня упрямъ. Служанку я услала на рынокъ; а сама пришла сюда, полагая, что найду его здѣсь...“

— „Если бѣглець явится, я тотчасъ представлю вамъ его, сударыня...“

„Бѣдный Зазоръ! я право объ немъ беспокоюсь.“

Вотъ сосѣдка очутилась уже среди прихожей; но Бертранъ и не думалъ затворять дверь въ сѣни, надѣясь выпроводить отъ себя дорогую гостью.

Томъ 111. № 25.

„Г. Дальвилль ухалъ, кажется, вчера вечеромъ въ щегольскомъ парадѣ?“

— „Точно такъ, сударыня.“

„Я случилась у окна въ это время и видѣла его; хотѣла было сказать ему кое-что... попросить у него на нынѣшній день обѣщанную имъ книгу; но онъ ускакалъ чрезвычайно скоро. Теперь я попросила бы его одолжить мнѣ ее... только еще рано и можетъ быть энциклопедію?“

Она, повидимому, ждала отвѣта; но Бертранъ не говорилъ ни словечка, продолжалъ то затворять, то открывать двери.

„Г. Дальвилль вѣрно еще въ постелѣ?“ спросила наконецъ миленькая блондинка, бросивъ на Бертрана нѣжный взглядъ, соответствовавшій ея голосу.

Онъ хотѣлъ было отвѣчать, какъ вдругъ дверь маленькой залы растворилась съ шумомъ, и показавшаяся Виргинія, выступая впередъ съ рѣшительнымъ видомъ, сказала: „что это такое значитъ, Бертранъ? Развѣ мы играемъ въ гулючки? Что ты отъ меня прячешься?“

Увидя Виргинію, Бертранъ затворилъ дверь, и рѣшившись съѣсть, пробормоталъ сквозь зубы: „расправляйтесь сами; мое дѣло сторона!“

При входѣ Виргиніи, блондинка краснѣетъ; въ глазахъ ея исчезла обыкновенная крѣпость. Виргинія осматриваетъ ее съ головы до ногъ, хмура черныя брови, и презрительная улыбка скользитъ по губамъ ея. Одишь Бертранъ казался равнодушнымъ, и между тѣмъ,

какъ эшъ барыни мѣрили себя глазами, онъ спокойно запивалъ виномъ сыръ свой,

„А вы меня и не предупредили, что у Г. Дальвиля есть гости“ — сказала наконецъ Г-жа Сент-Эдмонъ, старалась сохранить въ своемъ голосѣ всегдашнюю пріятность, тогда какъ въ немъ отражался лютый гнѣвъ. — „Если бѣ я это знала, то, разумѣется, не захотѣла-бы его беспокоить.“

„Послушай, Бертрамъ; она спрашиваетъ Огюста?“ спросила Виргинія торопливо и опять коварной усмѣшкой.

Г-жа Сент-Эдмонъ чуть не задыхалась отъ досады, слыша, что Виргинія такимъ дружескимъ тономъ говоритъ объ Огюстѣ; но тѣмъ не менѣе усиливаясь скрыть свое волненіе, отвѣчаетъ: „вы не ошиблись; я точно спрашиваю Г. Огюста Дальвиля.“

— „Если вамъ нужно что нибудь сказать Огюсту, такъ можете съ нимъ объясниться черезъ меня.“

„Вы слишкомъ добры, сударыня; но я хочу говорить съ самимъ Г. Дальвилемъ.“

— „А! понимаю: онъ вѣрно знакомъ уже съ вами.“

„Да, сударыня; я имѣю честь знать Г. Дальвиля.“

— „Огюстъ даетъ мнѣ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, и я могла-бы отвѣчать вамъ за него, если бѣ вы мнѣ сказали причину своего прихода.“

„Спадо бытъ вамъ поручено сегодня принимать гостей Г. Дальвиля?“

— „Это очень могло случиться.“

„Вы, Г. Бертрамъ, должны бѣ были избавить меня . . . но я рѣшительно хочу говорить съ Г. Дальвилемъ. Доложите ему, что мнѣ нужно сказать только одно слово . . . потомъ я оставаю его на свободѣ съ этой госпожею.“

„Мнѣ помѣшалъ; а я хотѣлъ было сказать вамъ, что Поручикъ еще не возвращался, и что по этому ждутъ его въ залѣ.“

„Ну такъ я спану ждать его также“ — сказала Сент-Эдмонъ, но не тѣмъ пріятнымъ голосомъ, которымъ всегда отличалась, и проходя мимо Бертрама, прибавила ему на ухо: „я не знаю, что это за женщина; но только она вреднаго тона.“

Виргинія, оставшись въ передней съ Бертрамомъ, говоритъ ему: „скажи, что это за птица? да прошу

не лгать; а то, повѣрь, я сдѣлаю испорцію.“

— „Она живетъ съ нами въ одномъ домѣ.“

„А! въ одномъ домѣ? это очень выгодно. Давно-ли Огюстъ знакомъ съ нею?“

— „Не больше шести недѣль.“

„И онъ ее любитъ?“

— „Да почему мнѣ знать это? Я вѣдь не спрашиваю у Поручика: любитъ-ли кого онъ или нѣтъ?“

„Плутнишка ты; но что ни говори, а эшотъ выборъ показываетъ, что у Огюста очень не хорошъ вкусъ: она гадка; красноглаза, какъ кроликъ, съ огромнымъ ртомъ . . . Не правда-ли, Бертрамъ?“

— „Я не нахожу . . .“

„Вотъ еще . . . она ужасна, изводишь братья на себя шотъ Принцессы! Если думаетъ озадачить меня эшимъ, такъ ошибается; и эшакая скотина хочетъ съ Огюстомъ говорить наединѣ! — Чтобъ взбѣснн ее, примусь опять за пастетъ: хошь бы больной сдѣлаться послѣ.“

Виргинія, возвращаясь въ залу, занимаетъ прежнее свое мѣсто на диванѣ и продолжаетъ завтракать. Сент-Эдмонъ усѣлась въ другомъ углу комнаты, и показывая видъ, будто бы сморитъ на улицу, скося поглядывала на Виргинію. Бертрамъ оставался въ первой комнатѣ, предоставивъ барынямъ развѣдываться, какъ имъ угодно. Во время завтрака Виргинія напѣвася воевильные куплеты. Г-жа Сент-Эдмонъ молчитъ, это продолжается довольно долго. Наконецъ Виргинія, выйдя изъ терпѣнія, зоветъ Бертрама.

„Твой пастетъ не слишкомъ-то хорошъ, сказала она: шотъ, который я ѣла въ послѣдній разъ съ Огюстомъ, гораздо былъ лучше.“

Бертрамъ счелъ за лучшее вынести крохотные остатки пастета, говоря про себя: „готовъ побожиться, что онъ ей нравится.“

„Бертрамъ! сказала Виргинія, спустя минуту: дай пожалуста мнѣ воды съ сахаромъ . . .“

— „Это и необходимо“ — проговорила Г-жа Сент-Эдмонъ съ ироническою улыбкой.

„У васъ должна быть померанщовая вода: отъ нея у меня пройдетъ раздраженіе нервъ.“

Говоря это, Виргинія смѣялась, повидимому, на

счесть Г-жи Септ-Эдмонъ; но сія послѣдняя не обращала вниманія на слова ея.

„Мнѣ, право, совѣстно, что я тебя попревожила, Бертрапъ“ — слова заговорила Виргинія, размѣшивая въ принесенной водѣ сахаръ. „Я могла бы сама сходить: вѣдь мнѣ извѣстно, гдѣ что поставлено. Я здѣсь, какъ дома . . . но ты такъ добръ . . .“

„Я исполняю свое дѣло, сударыня“ — отвѣчалъ Бертрапъ, отдавъ ей честь по-военному.

„Я знаю привязанность твою къ Огюсту, Бертрапъ“ — продолжала Виргинія съ чувствомъ: „и потому всякой разъ, говоря съ нимъ, хвалю тебя. Разумѣется, я въ этомъ случаѣ отдаю тебѣ справедливость, и Огюстъ, по доверенности своей ко мнѣ, надѣюсь, послѣдуетъ моимъ совѣтамъ. Ты знаешь, Бертрапъ, что я никогда неспособна . . .“

Виргинія всегда заговаривалась, когда начинала разсуждать или выказывать свою чувствительность. Бертрапъ салютовалъ ей безъ пощады во ожиданіи конца рѣчи, копорую, признавшись, не совѣмъ поплялъ; но, къ счастью Виргиніи, зазвенѣлъ колокольчикъ.

„Это Огюстъ!“ закричала она въ то время, какъ Бертрапъ пошелъ отворять двери. Тушь въ залѣ подиалась ужасная суматоха. Виргинія вспахнетъ, собираясь броситься къ Огюсту навстрѣчу и съ презрѣніемъ посматриваешь на свою соперницу. Та поднимается также; но не глядитъ на Виргинію; и всемѣрно усиливается принять на себя видъ спокойный и равнодушный.

Между тѣмъ онъ и на сей разъ обманулся въ надеждѣ: звонилъ не Дальвиль, а его маленькой жокей, Тони, который объявилъ Бертрапу, что Г-жа Толандиеръ послѣ своего бала увезла нѣкоторыхъ гостей, въ томъ числѣ и Огюста, завтракать къ себѣ на дачу, и что не позволила даже ему переодѣться. Такимъ образомъ, Огюстъ, опороживъ вечеромъ за игрою кошелекъ свой, послалъ его въ кабріолетъ за деньгами.

Виргинія держала дверь залы полу-отворенною; и потому обнимъ барынямъ слышно было, что жокей говорилъ съ Бертрапомъ.

„Напрасно, милостивыя государыни, вы будете еще дожидаться!“ — сказала Бертрапъ, войдя въ залу: „Г. Дальвиль на дачѣ, и прислалъ кое за чѣмъ; такъ спашо быть не скоро воротиться.“

„Да онъ прислалъ за деньгами“ — сказала Виргинія, выходя. „Ахъ, Боже мой! что за ужасный мотъ этотъ молодой человекъ! Если бъ онъ давалъ мнѣ хоть четверть того, что . . .“

Виргинія остановилась, чувствуя, что заговорила глупость. Г-жа Септ-Эдмонъ бросила на нея презрительный взглядъ, и уходя сказала Бертрапу: „сдѣлайте одолженіе, уведомяте меня, когда Г. Дальвиль воротится.“

„Не премину, сударыня“ — сказалъ капраль, провожая сосѣдку, которая въ передней прибавила ему: „я не знаю, что за особу нашла я у Г. Дальвила; но какъ она похожа на торговку, и такъ нагла, что я не взяла бы ее къ себѣ въ кухарки.“

Когда она ушла, Виргинія рѣшилась надѣть свою шляпку и шаль, говоря: „дѣлать нѣчего; надобно идти. Повѣса мой не возвращается. Досадно, однако жъ; мнѣ нужно было съ нимъ видѣться; попросить его . . . мерзавецъ холишь мнѣ покоя не даетъ! Ахъ, какъ онъ надоѣлъ мнѣ! Его зло беретъ за то, что я не хотѣла ему отвѣчать на его куры. Да — и хорошъ молодецъ: 55-ти лѣтній волокища! Знаешь-ли, Бертрапъ, что онъ дѣлалъ въ большіе жары? Хаживалъ ко мнѣ по утрамъ въ халатъ, и въ одинъ вѣтренный день изволилъ пожаловать одѣтый по-Шотландски. . . О, это слишкомъ безъ церемоніи, сказала я; и когда онъ не хотѣлъ оставить меня въ покоѣ, я позвала человека, и велѣла ему выпроводить опъ меня моего господя. Послѣ того онъ спалъ, какъ шелковой. Ну, до свиданія; я ворочусь скоро . . . пенеръ отправляюсь къ полстому Англичанину, который непременно беретъ меня пристроить, съ условіемъ . . . но этаго довольно . . . Я ему объявлю мои мысли; да и правду сказать: мнѣ ужъ наскучило жить кое-какъ; хочу извести лавку . . . я не дурна буду за компаніюю. Не правда-ли, Бертрапъ? . . . Но поговоримъ о сосѣдкѣ. Помучилась же она! Впрочемъ, мнѣ бы надобно было

уйти первой . . . не догадалась: когда заберу себя что нибудь в голову; шакъ она кругомъ у меня идетъ . . . прощай голубчикъ мой, Бертрапъ.“

Виргинія проскользнула въ дверь и спустилась съ лѣстницы, напѣвая куплеты.

„Признаюсь, сказалъ Бертрапъ: если бѣ возвратилъ-ся Норучикъ, то не знаю, чѣмъ-бы кончилось дѣло . . . Одна совершенный демонъ; другая съ слабенькимъ голоскомъ . . . начала поже повертываться глазами, какъ пистолетами. Теперь все равно: я славно опдѣлался; довольно того, что ни одна не упала въ обморокъ; а этого-то и боюсь я. Мнѣ лучше выправить десять рекрутъ, чѣмъ одну женщину привесть въ чувство изъ обморока. Иныя еще съ умысломъ изволятъ прикидываться: попробуйте-ка шупъ съ ними повозиться.“

Н. Ш — 68.

ССОРА НА ОЛИМПѢ.

„Разводъ, разводъ!“ кричитъ Юпитерова дочь,
Съ ревнивымъ и хромымъ поссорясь
„Хочу по людски жить: и спыдъ, и совесть прочь;
Мнѣ надоть ужъ эпонъ поясъ!
Покоя нѣтъ на часъ:
Развязывай, завязывай это развѣ!“ —

В. О — 68.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

23. *Загадки на свѣткѣ*. Написалъ Альферьевъ. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1831. Въ 16. (30 стран.)

Если и самое названіе сей книжки въ стихахъ:

Загадки
На свѣткѣ, —

то мы уже считаемъ лишнимъ говорить, что всѣ помысленныя въ ней загадки написаны стихами. Мы отгадываемъ, что Г. Альферьевъ писалъ ихъ для забавы своей; но для чего онъ напечаталъ ихъ, это остается загадкою, которую разрѣшить трудно. Неужели онъ полагалъ, что онъ найдутъ для себя чиняпелсы?..

С М Ъ С Б .

— Въ Альманахъ: *Демнаца*, изданномъ на нынѣшній годъ, на 95 стран., напечатано слѣдующее стихотвореніе Г. Ранча, заимствованное изъ *Морини*:

Друзья! съшлили розы рвать
Роскошною рукою,
Пока еще повесновать
Дано вамъ подъ луною;
Пока онъ еще въ цвѣту
И полны аромата;
Ловите радость на лѣсу:
Она дороже запаха;
Ловите въ юности живой,
Пока у васъ лапыты
Румянецъ краснѣетъ огневой
И кудри въ кольца свѣты.

Что юность? Молнія, — блеснетъ,
И болѣе не видно;
За нею старость къ намъ придетъ,
И сѣдой обидной
Усѣтъ наши волосы,
И развѣется локопъ —
И къ намъ ужъ двѣнца-краса
Не выглянетъ изъ оконъ;
На насъ не оставитъ глазъ
Съ улыбкою прищипной
Съ весною жизни все далъ насъ
Проходитъ невозвратно!

Вслѣдъ за симъ стихотвореніемъ напечатанъ Мадригалъ Г. Языкова: *Ангель Ивановъ* (см. статью о *Демнацѣ* въ 23 Но Сѣв. М.)

— Одинъ Капицанъ, (безъ сомнѣнія не Русской) во время сраженія, вѣроятно, опъ издѣницей храбрости, однажды спряпался за кустъ; и въ это время, какъ онъ тамъ сидѣлъ, приближаетъ къ нему одинъ изъ рядовыхъ его роты, повидимому движимый одинакимъ чувствомъ съ Его Высокоблагородіемъ. — „Что ты, мерзавецъ, прусинъ вздумалъ!“ вскричалъ Капицанъ, замахиваясь шпагою, чтобъ опечипать ему нѣсколько фушеклей. „Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Высокоблагородіе!“ отвѣчалъ рядовой: „меня прислалъ Фельдфебель къ Вашему Высокоблагородію на вѣспни!“

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 26.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на вѣсеной бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 2 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЧТО ТАКОЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

(Сценка.)

Когда перенимаешь съ умомъ, тогда не худо
И пользу отъ него сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!

Крыловъ.

Эпо сущая правда. Вотъ примѣръ:

Глупцовъ, человекъ, вовсе не получившій никакого образованія, и выбившись на большую дорогу, рѣшился наконецъ присунуть къ одному изъ семи панисствъ — браку. Онъ жепился на дѣвушкѣ, которая имѣла довольно пріятную наружность; но умственными способностями и образованіемъ, была въ полномъ смыслѣ параллельная линія своему супругу.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однообразная жизнь, кой-когда гости, боестонъ, шепарть, не приносили никакой пользы, не оставляли никакого впечатлѣнія, какъ говорили супруги: имъ хопьлось чему нибудь понаучиться. Достапокъ-же, который они имѣли, еще болѣе обнаруживалъ ихъ невѣжество.

Прохоръ Палѣловичъ (такъ назывался Глупцовъ), однажды по ушуру, за чайнымъ столикомъ, сдѣлалъ предложеніе жепъ своей, которое, по мнѣнію его, могло служить прекраснымъ исполненіемъ ихъ великихъ замысловъ.

„Душошка, сказала отъ ей, знаешь-ли что? . . . знаешь-ли что мнѣ вспало на умъ? . . . Лишь-бы только ты согласилась . . .“

— „А что-бы такое? . . . спросила Авдопья Авер-Томъ III. № 26.

квевпа: впрочемъ, если это будетъ лучше того, что мнѣ пришло въ голову, то я соглашусь . . .“

„Ты это увидишь, отвѣчалъ мужъ: и, если не одобришь моего плана, такъ я соглашусь съ твоимъ.“

— „Ну, послушаемъ“ — произнесла она, прихлебывая изъ чашки.

„Не познакомишься-ли намъ съ Гудилкинымъ, пріятелемъ твоего брата? Будемъ приглашать его обѣдать, на чашку чаю а? . . .“

— „Помилуй, душа, да что-ты напелъ въ этомъ Гудилкинъ: это подвижная бутылка съ водкой. Воля твоя Брати какъ хочешь . . .“

„Эхъ, мапушка! да вишь онъ лхой скрипачъ; мы узнаемъ по крайней мѣрѣ полкъ въ музыкѣ . . .“

— „Нѣтъ, нѣтъ, Проша! это вздоръ. Моя выдумка лучше. Ну, что намъ пользы въ музыкѣ? . . . Я слышала, что у иныхъ бываютъ литературные вечера? . . . Послушай, душепѣка! заведемъ-ка и мы . . .“

„Да что это, мапушка, за ликеродурные вечера? Я, право, съ роду объ нихъ не слыхивала . . .“

— „Не слыхала? . . . стыдись! я такъ знаю, что на эти вечера собираются Журналисты: они бываютъ люди, по большей части умные . . . говорятъ, спорятъ, и такимъ образомъ вечеръ проходитъ непримѣтно . . .“

„Пожалуй, Дуляша, я не прочь . . . да кого жъ мы пригласимъ? . . .“

— „Какъ кого! Слава Богу! Во-первыхъ брата: онъ хотя и не Журналистъ въ Департаментъ, а только Помощникъ, — да это все равно. Онъ пригласитъ

своих знакомых Журналистовъ изъ другихъ Департаментовъ Рѣшись, душенька! Меня эдакъ вечеръ заранѣе восхищасяшъ.“

„Если это такъ легко . . . Боже мой! да я отъ души согласенъ . . .“

— „Къ тому жъ можно будетъ соединить съ моимъ планомъ и пивой: мы пригласимъ и пьяницу Гудилкина; съ музыкой веселѣе . . .“

„Славно, Ангельчикъ, славно! Да ты не жена, а сокровище“ — вскричалъ Прохоръ Панафимовичъ отъ избытка радости. „Вотъ истинно умѣйная мысль; ты умѣла соединить мое желаніе съ своимъ; мы можемъ за чашку чаю, стаканъ пуншу, трубку табаку, и тому подобное, почти даромъ научиться премудрости.“

Поговорено, — поподковано — и — положено: на другой день въ 7 часовъ вечера сдѣлать приглашеніе. Бѣшь 7 часовъ. Гостиная освѣщена. Хозяйка ждущъ гостей. Накопецъ двери настпежь — и съ ужаснымъ шарканьемъ явились приглашенные. Это были Журналисты разныхъ Департаментовъ: Мина Карпигъ Ояковскій, Софронъ Фидатъевичъ Сургучниковъ, Оока Пахомыгъ Конвертинъ, и братъ хозяйки Тарасъ Аверкъевичъ, вмѣстѣ съ Орфеємъ Гудилкинымъ — и скрипкою. — Желаніе хозяйки исполнилось: открылся литературный вечеръ. Послѣ разговоровъ и распросовъ о здоровьи, погодѣ, холерѣ и тому подобнаго, начали угощать Гг. Журналистовъ пуншемъ — стаканъ за стаканомъ — гости да-веселѣ — мелоптъ вздоръ — шумяшъ, говоряшъ плоскости Литературный вечеръ кончился.

Бѣшь два часа. Огромныя общевни заложены. Еле, еле ввалились въ нихъ гости, и нашихъ Журналистовъ развезли по домамъ. Мы еще не спрашивали ни у Адопыи Аверкъевны, ни у ея супруга, чему они отъ нихъ научились; но освѣдомившись о томъ, немедленно сообщимъ нашимъ читателямъ

О. Д — въ.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Довольно хорошая погода выманна насъ прогулятьсѣ. Мы, проходя мимо картинной галереи, зашли въ нее; но прежде, чѣмъ расскажемъ, что болѣе всего привлекало наше вниманіе и взоры, необходимо надобно вамъ, любезные читатели, познакомиться съ нами.

Пріятель мой и я еще молоды, веселаго нрава, любимъ пошутить, посмѣяться, дѣлать разные заключенія, любимъ заводитъ знакомства, и, какъ свойственно нашимъ лѣтамъ, ищемъ приключеній, хотя чашто и напрасно: однимъ словомъ, мы двое молодыхъ повесть, — неопытная рекомендація; но вѣдь мы рекомендуемъ сами, а не посредствомъ пепушекъ, дядюшекъ, начальниковъ и покровителей. Изъ вышесказаннаго уже можно заключить о нашемъ характерѣ и нравѣ; а потому мы и не намѣрены испытывать терпѣнія вашего дальнѣйшимъ описаніемъ нашихъ маловажныхъ особъ.

Въ картинной галереѣ нашли мы мало достопримѣчательнаго; что касается до картинъ, новаго почти не было. Превосходная картина, представляющая комнату въ Эрмитажѣ, работы З*, все еще стоитъ на старомъ мѣстѣ. Портретъ Хозревъ-Мирзы пародируетъ надъ Финскою красавицею. Разсматривая картины въ первой комнатѣ, замѣтили мы мелькомъ во второй дамской капотъ. Не выдавъ еще лица дамы, уже насъ притягивало пуда, какъ магнитомъ. Страшно! довольно увидѣть капотъ, шляпку, или чтонибудь подобное, чтобъ быть отвлечену. Но вотъ она вошла въ ту комнату, гдѣ были мы. Полновѣсная дама сопровождала высокую, полную и довольно милую дѣвицу. Судя по внешнимъ признакамъ, все въ нихъ что-то походило на купеческое. Впрочемъ путь еще не было препятствія вступить съ ними въ разговоръ. Она долго смотрѣли на превосходную работу З*. „Прекрасно! единственно!“ воскликнулъ мой товарищъ; и пучная дама, обращая къ намъ, просила исполкованія сей картины.

Между тѣмъ, какъ я занимался съ полновѣсною дамою, пріятель мой любезничалъ съ Серафимушкою, ко-

шпору ю назвала эпитомъ именованная особа, говоря, что пора домой.

На другой день мы нашли новых наших знакомых опять въ галлереѣ. После этого посѣщали мы сіе святилище художества почти каждый день, и каждый день Серафима, въ сопровожденіи тучной своей сопутницы, являлась туда. „Ужь не для насъ ли ходятъ они сюда!“ говорили мы другъ другу, и вознамѣрились удостовѣриться въ этомъ отъ самой Серафимы.

„О шалуны!“ воскликнетъ спрогой моралистъ, а мы отвѣчаемъ вамъ, Милостивый Государи: on n'est jeune qu' une seul fois dans la vie! Мы рѣшились подурачиться... по иперь къ дѣлу.

И такъ, съ намѣреніемъ намекнуть Серафимѣ о томъ, кого изъ насъ ей угодно будетъ принять въ особенное свое расположеніе, мы входимъ въ галлерею: видимъ одного молодого человека, прежде бывавшаго тамъ каждый день, на кошораго, впрочемъ, мы не обращали вниманія. Онъ говорилъ съ Серафимой; по увидя насъ, подошелъ къ намъ, и сказалъ: „Господа! вчера вы были очень откровенны: я все слышалъ, и теперь предупреждаю васъ, что Серафима, ходившая сюда единственно для меня, объявила сегодня рѣшеніе своей пепушки, той помолвой дамы, которую вы выдали здѣсь вмѣстѣ съ нею, и моя невѣста съ удовольствіемъ приглашаетъ васъ на балъ: мы любимъ веселыхъ людей.“ — Посмотрѣвъ другъ на друга, мы приняли приглашеніе.

„Подъломъ вамъ, господа, скажутъ читатели: иперь вы вѣрно оставите подобныя шалости.“ — „Совѣтъ пѣтъ, Милостивые Государи: и самое сіе сочиненіе есть не что иное, какъ шалость. Начало разсказа, вѣроятно, обѣщало вамъ что нибудь длинное; вы думали, можетъ быть, что одинъ изъ насъ влюбится; а другой, какъ водится, вызоветъ предпочтеннаго на поединокъ; но ни тушь по было: обманульсь, любезные читатели, обманульсь!

С гъ.

МОЯ НАДЕЖДА.

Вчера въ раздуміи глубоко, При свѣтѣ блѣдныхъ луны, Сидя надъ пѣннсымъ попокомъ, Я вспоминалъ былыя сны. Меня съѣвшила жизни повѣсть, Меня пугалъ нашъ крапкій вѣкъ. Какъ, въ часъ досуга, наша совѣсть Твердитъ, что жалокъ человекъ! Къ чему спышимъ? и что паходимъ? Рвышиль-ли по какой мудрецъ? Промчипся все, и мы заходимъ Въ однѣ приопы: всему конецъ! Прямое благо: память милыхъ Оснашься можетъ лишь со мной; И съ симъ-по благомъ мы въ могилахъ Не лишены всего судьбой. Друзья! Вы вѣрно сохраните Былыя чувсва для меня? И на могилѣ обновите Пріятный мигъ былова дня? Попокъ, сильнѣ заструившись, Ударилъ о берега волной! А я, отъ думы пробудившись, Пошелъ съ надеждою домой.

Потсмикинъ.

С М Б С Б.

Письмо къ Издателю.

М. Г. ! Я всегда съ удовольствіемъ читаю вашу Литературную Газету: *Сверный Меркурій* (*). Оригинальностью статей она постоянно носитъ на себѣ отличительный характеръ отъ всѣхъ прочихъ Русскихъ Журналовъ. Изъ пятнадцати нумеровъ, копорые я получилъ пывшій годъ, ни въ одномъ не было статьи переводной. Я знаю, съ какимъ затрудненіемъ соединено исполненіе этой дѣли; но пѣтъ болѣе вамъ чести, пѣтъ живѣе благодарности наша, вашихъ читателей. Это стремленіе пѣкоторымъ образомъ оправдываетъ замедленіе выхода вашей Газеты; но вмѣстѣ съ пѣтъ и обвиняетъ васъ, когда вы не обра-

(*) Чувствительно благодаренъ; но, правду сказать, я, скрѣпя сердце, печатаю сіе привѣтствіе самому себѣ, предоставляя безпристрастію почтенныхъ моихъ читателей рѣшить: справедливо-ли оно или пѣтъ. Впрочемъ письмо сіе болѣе ничего лестнаго для меня не имѣетъ; а напроптивъ читатели въ послѣдствіи увидятъ, что Авиноръ во многомъ справедливо упрекаетъ меня. *Изд.*

щаете должнаго вниманія въ своей Библиографіи на Русскія сочиненія, которыя показываются такъ рѣдко, или допускаете о нихъ сужденія слабыя и небрежныя. Эта мысль родилась у меня при чтеніи 12-го No *Свѣ. Меркурія*, въ которомъ помѣщена статья о вновь изданной Повѣсти Г. Ушакова: *Киргизъ-Кайсакъ*. После сего *объявленія*, о выходѣ въ свѣтъ упомянутой книги, я полагаю, что мои замѣчанія на оную не будутъ излишними въ вашей Газетѣ. Praestat scro, quam pupquam.

Сочинитель Киргизъ-Кайсака, назвавъ двухъ-томную книгу свою Повѣстью, устроилъ себя опъ обязанности романиста: слѣдовательно, читатели, ненашедшіе въ Киргизъ-Кайсакъ ни постоянной цѣли, ни поддерживающихъ характеровъ, ни заманчивой завязки, — неправъ обвинять въ томъ Автора: опъ писалъ Повѣсть, описывая истинное живопрещущее происшествіе, и передавалъ его въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ оно дошло до ушей его. Съ этою Повѣстью, Авторъ поступилъ такъ же, какъ поступаетъ стоначалыникъ при производствѣ уголовного дѣла: опъ беретъ самое дѣло, подшиваетъ къ нему справки въ хронологическомъ порядкѣ, и, по окончаніи, передаетъ его въ архивъ. Поэтому, многіе герои упомянутой Повѣсти суть ничто иное, какъ свидѣтели, которыхъ Авторъ допрашиваетъ: таковы Филиппъ Сергѣевичъ, молодой Гр. Рѣшимовъ, и др.; поэтому всѣ почти письма, находящіяся въ Киргизъ - Кайсакъ, ничто иное, какъ справки, выпребованныя *въ слѣдствіе отношеній*. Если одно обстоятельство, которое противорѣчитъ мистификаціи: это безпрестанныя отсутствія и привычная охота Г. Ушакова выказать свою ученость, ссылаясь то на Мольера, то на Китайскіе и Индійскіе нравы. Въ дѣлахъ такія вещи не позволительны.

Первое достоинство сей Повѣсти есть правдоподобіе. Въ ней два главные характера: Славина и Софьи Павловны Любской; прочіе же характеры: Рѣшимовыхъ, Любскаго и другихъ, — совершенно бездѣльны. Здѣсь мы опять напомнимъ читателямъ, что Авторъ

старался подражать обыкновенному ходу вещей. Даже любовь, какъ главная связь Повѣсти, основана не на идеальной спирасти любящихся, но на умѣ, на современныхъ обычаяхъ. Въ этомъ отношеніи характеръ Софьи Павловны лучше прочихъ. Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствуютъ передъ нашими глазами и Глафира Андрѣевна, и Надежда Петровна, и всѣ. Выходъ же ея, по смерти Славина, замужъ, безъ любви, по одному приличію, — довершаетъ правдоподобіе. Славина Авторъ хотѣлъ представить умнымъ, добродѣтельнымъ, образованнымъ, свѣтскимъ человѣкомъ. Если онъ достигъ первыхъ условій, то, по крайней мѣрѣ, не выполнилъ послѣдняго. Отчаяніе и самоотверженіе Славина, послѣ разрыва его брака съ Софьею, совершенно не свойственны челоуку нынѣшняго свѣта. Чтобы сохранить вѣроподобіе, Славинъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ поступить, если не равнодушно, то по крайней мѣрѣ такъ же хладнокровно, какъ Софья. Г. Ушаковъ, сравнивая Чацкаго, героя Комедіи Грибоѣдова, съ Альцестомъ Мольерова Мизантропа, даетъ и намъ право замѣнить сходство характера Славина съ Чацкимъ. Это сходство я допускаю только въ такомъ случаѣ, если сравненіе Г. Ушакова справедливо. — Что касается до отдѣлки Повѣсти, то она написана въ одинаково холодномъ расположеніи духа, кромѣ последней главы. Намъ преимущественно нравятся два мѣста: свиданіе Славина съ матерью и посѣщеніе Софьею деревни Славина. Первая сцена истинно драматическая (по изобрѣженію, а не по исполненію). Вторая нравится намъ своимъ правдоподобіемъ и неподдѣльностью чувства. Слогъ Повѣсти правиленъ; но тяжелъ.

Я не подкрѣплю своихъ мнѣній выписками изъ книги, во-первыхъ потому, что я не цѣховой крищикъ; во-вторыхъ, я дѣлаю не полный разборъ, а дополненіе къ вышеупомянутой статьѣ *Свѣ. Меркурія*; въ-третьихъ, я пишу для прочитавшихъ уже сію Повѣсть, ибо увѣренъ, что всѣ любители изящнаго чтенія знакомы съ этимъ повымъ произведеніемъ Г. Ушакова.

Съ опланнымъ почтеніемъ и проч.

И. Иелинскій.

1831 г. Мар. 18.

Тверь.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣнина, надписывал на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 27.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *веленовой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 4 МАРТА, СРЕДА.

У Д У Ш Ь Е.

(Медиго-гигиеническая статья.)

Мы жалуемся на нѣкоторыя, почти неизбѣжныя слабости нашего тѣлеснаго состава! (на слабость душевную никто не жалуется!); укрѣпимъ природу за такое зло, которое родъ человеческій создалъ самъ, избравъ общежительное состояніе. Попробуемъ разойтись по горамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, такъ, чтобъ и по-парно сходились только въ святки, или въ другіе условленные праздники; испытаемъ хоть разъ такое звѣрино-одинокое жильё; можетъ быть огромная свита скорбей тѣлесныхъ разбѣжится отъ насъ, въ слѣдствіе появленія пужды, матери труда и дѣятельности, лютойшихъ враговъ Медицины. Кроме того, въ естественномъ состояніи, отсутствующемъ чистѣйшимъ истинакомъ, мы бы сами себя прописывали и приготовляли лѣкарства; слѣдовательно не имѣли-бы надобности въ Латинской кухнѣ, и, вѣроятно, тогда вѣрнѣе и скорѣе разрѣшился-бы вопросъ о Гомеопатической и Аллопатической системахъ!

Къ слабостямъ, отъ которыхъ не изыять почти никто изъ земнородныхъ, принадлежитъ геморрой. Въ самомъ дѣлѣ, кто на него не жалуется? Особливо терпятъ отъ сей болѣзни мужи ученые и люди бумажныя. Сюда принадлежитъ сидячая жизнь нѣкоторыхъ превосход ныхъ Профессоровъ (*), отличающихся необыкновеннымъ постоянствомъ, по

есть 55 лѣтъ неизмѣлемо толкующихъ одно и то же; пребывающихъ отъ учениковъ знанія предмета наизусть до того, что перемѣна *попелу* на *ибо* почитается святошанствомъ. Если бы вздумалось кому нибудь обвинять сего мужа, *достойнаго* *взглянуть* *хватъ*, въ лѣни, въ предразсудкахъ, тогъ долженъ напередъ сообразить, что сидячая жизнь сопровождается заспоемъ соковъ, въ такъ называемыхъ геморoidalныхъ сосудахъ; за сею недѣятельностью необходимо слѣдуетъ тупая боль въ поясницѣ, простирающаяся къ хребту и къ запялку; такимъ образомъ раздраженіе, сосредоточенное въ заднихъ доляхъ мозга, заставляеть Г. Профессора чувствовати, мыслить и учить заднимъ умомъ.

Вгляднись въ косвенное положеніе Повыпчика, Секретаря, Судьи: кажется никакой законъ равновѣсія не поставитъ позвоночныхъ столбовъ ихъ въ прямое. Всему виною геморой. Воишь, отъ чего они мягко спелютъ, жестко челобитчикамъ: вольно жъ имъ быть ходячими людьми, или лучше сказать ходячесю монетою для Гг. судей и прочихъ. Прекратите же сію привычную болѣзнь, ипачасъ родится повал, ужаснѣйшая, а имено — удушье, причину и явленіе котораго мы намѣрены представить здѣсь читателямъ.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ удушья, кромѣ описанной нами выше сего, есть простуда, къ которой располагають холодъ и водяныя мѣсна: такъ, напримеръ, собираетесь-ли вы въ какое либо ученое общество, на представленіе бенефической Трагедіи или Мелод-

(*). Разумѣется, что здѣсь говорился о Профессорахъ испуганныхъ.

драмы, на чтеніе ежедневныхъ полипическихъ листковъ, вы рискуете получить ужасное удушье.

Быстрый бѣгъ или поспѣшное бѣгство, уснащенные, или обезсиливающіе марши — также производятъ удушье. Очевидцы обратнаго похода Французской арміи изъ Москвы говорятъ, что большія и проселочныя дороги, города и деревни превратились въ кладбища — погибшихъ опѣ удушья, разноплеменныхъ, незваныхъ гостей Московскихъ. Подобное явленіе замѣчено было въ недавнее время, когда побѣдоносные орлы Россійскіе спустились съ вершинъ Балканскихъ на степи Адрианополя. Бѣдные поклонники Магомета не только не могли дышать свободно; но даже не успѣвали дѣлать священно-обычныхъ омовеній, правду сказать почти необходимыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Удушье обнаруживается слѣдующими признаками: больной чувствуетъ спазмодическое сжатіе въ груди, опѣ чего дыханіе обыкновенно совершается трудно, иногда съ хрипотою, иногда съ полусвѣтомъ: при первомъ представленіи дочери волшебнаго міра, мнѣ казалось, что все зрители вдругъ захворали удушьемъ.

Къ замѣчательнѣйшимъ припадкамъ сей болѣзни принадлежитъ невозможность говорить долго: самые вѣрчивые люди въ присіупы удушья молчатъ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ; а нѣкоторые Московскіе Журналы, — примѣръ неутомимой болтовни — замолчали на вѣкъ; впрочемъ жалѣть не о чемъ: Журналы задохлись, Издатели вздыхаютъ, а читатели отдыхаютъ.

И такъ, любезный читатель, если вамъ случится быть на свадьбѣмъ шур, на крестинѣмъ, или именинѣмъ обѣдѣ, у какого нибудь зажиточнаго Московскаго негоціанта; ежели ни одна купчиха не отворляетъ рта, или изрѣдка только зѣваетъ въ плашокъ, не удивляйтесь, Милостивый Государь: самый объемъ сихъ дражайшихъ половицъ нашего купечества ясно говоритъ, что онѣ больны удушьемъ; иначе просидѣли-ли такая женщина четверть часа въ молчаніи?

Къ физическимъ причинамъ сей болѣзни присоединяются иногда и нравственныя: любовь, нѣжная, страстная любовь почти всегда больна одышкою: и что же иное значатъ вздохи, прерываемыя рѣчи, замира-

ющія на устахъ слова, и вздымающаяся грудь? А самолюбіе, не всегда-ли ходитъ съ закинутой головой, съ выпянутою грудью и съ поднятымъ вверхъ носомъ — для свободнѣйшаго дыханія? А бессонница честолюбія?

Въ заключеніе скажемъ: есть цѣлая страна, больная удушьемъ; ни одинъ житель въ ней не дышитъ свободно; всякой больше или меньше боится быть задущеннымъ; самая чума, столь обыкновенная въ той странѣ, есть ничто иное, какъ выраженіе нравственной чумы — удушья, состоящаго изъ лѣни, невѣжества и слѣпой вѣры въ предопредѣленіе: всякой Турокъ, едва переводя духъ, спокойно говоритъ: чему быть, тому не миновать.

ДѢВИЦА-ГАСТРОНОМКА.

Романсъ.

(На вѣлость: Je vous aime tant etc.)

Ботвинью я всегда хвалю;
Селянку вмѣ безъ принужденя;
Уху я также спрахъ люблю;
Зрѣть не могу безъ умиленья!
Кишки ко шамъ, бараній бокъ,
Крупюю съ масломъ начиненный,
И доброй вѣщицы кусокъ, —
Суть три предмета несравненны!

✱

Пирогъ любимый мой есть топъ,
Съ прудомъ въ рукахъ несущъ что шрое,
Когда кладу кусочикъ въ ротъ,
Насытились-бы опымъ двое.
Про пирожки что вамъ сказать?
Они пятками исчезаютъ;
Но чѣмъ меня бѣ имъ насыщать,
Они лишь голодъ возбуждаютъ.

✱

Изъ рыбъ осетръ меня пльвилъ,
И чпу его я всей душою;
Однако жъ мѣ и угорь милъ:
Хоть малъ, да видѣть онъ собою.
Налимъ, ершъ, лосось, лещъ, судакъ,
Какъ полъ предъ важной единицей,
Они ничтожны почти такъ
Предъ шерлядю — своей царицей!

✱

Горохъ, щавель, редисъ, шиншпъ,
 Морковь съ Турецкими бобами,
 Капусту, спаржу, крестъ-салапъ,
 Всѣ, всѣ снпшаю пуспяками.
 Черкасскій быкъ! Тебл пою,
 Въ тебѣ зрю мѣра совершенство!
 Ты усладжашь жизнь мою!
 И мыслишь о тебѣ — блаженство!

✱

Въ жаркомъ и поросенокъ миль,
 Когда ему второй годчикъ,
 Но шопъ блаженства не вкусилъ,
 Не кушалъ кино пеллчыхъ почекъ.
 Еще скажу: хопъ у меня
 Желудокъ самый ужъ дѣвичій:
 Но каждый день охопно я
 Гошова съѣсть шпукъ ппшь изъ дичи.

✱

Вы, слышпшь пѣснь сію, друзья,
 Помыслите, что я здорова?
 Нѣтъ! разуврьте въ шопъ себл:
 Судьба ко мнѣ весьма сурова!
 Коцечно, такъ я создана,
 Чшо мнѣ обвѣдъ хорошій пужепъ;
 За по: окрошка, вепчина,
 Индѣйка, гусь, — вопъ весь мой ужипъ! —
Аграфена Любопдова.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

24. *Метеоръ*. Альманахъ на 1831 годъ. Изданный
 Оедоромъ Соловьевымъ. Москва, въ Тип. Лазаревыхъ,
 1831. Въ 16. (127 и 69 стран.)

Эпопъ Альманахъ, по примѣру Сѣверныхъ Цѣтповъ,
 раздѣляется на два опдѣленія: на прозу и — Поэзію!

„Вечеркомъ наканупъ Новаго года, когда 25 граду-
 совъ мороза . . .“ Этимъ начинается проза, опъ
 трехъ страницекъ которой Рецензентъ шакъ озлѣбъ,
 что не въ состояніи былъ продолжать даље. Рѣши-
 тельно не по душѣ! —

Думая согрѣпъся пламенемъ *Поэзіи*, онъ заглянулъ
 и въ сіе опдѣленіе. Ему представились куплешы подъ
 названіемъ: *И слѣдъ простыль*. Вопъ одинъ изъ нихъ
 на выдержку:

Всѣ съ восхищепьемъ говорили,
 Чшо взглядъ Кларисы очень миль;
 Но *вдругъ Кларису сговорили* —
За милаго, и слѣдъ простыль! (страни. 9.)

Спрашивается: не упоминал о *Поэзіи*, гдѣ здравый
 смыслъ въ этомъ куплетѣ?.. И слѣдъ простыль!..

Не угодно-ли чинпателямъ, чптобъ Рецензентъ про-
 пѣлъ, разумѣется голосомъ Автора, слѣдующій Ро-
 манъ (страни. 25):

Я обнималъ тебл, моя душа,
 Я лобызалъ тебл, едва дыша,
 Я пламенѣлъ, когда бывалъ съ побоемъ,
 Когда своей пренсциющей рукою
 Я обнималъ чудесныя красы —
 И разбиралъ шелкъ *млинной* косы.
 и проч.

Вопъ, чшо называется: Авторъ мягко спелепъ, а
 жестко сппть.

Послѣднія два стихотворенія, заключающія пнпши-
 ческое собраніе Метеора, супъ слѣдующія: *Могила*
 (пѣчпто въ родѣ Поэмы) и *Отрывокъ изъ недокопчен-
 ной Поэмы*. Въ *Могилѣ* чинпатель похоронипъ тер-
 пѣніе свое; а пробъжавъ *Отрывокъ*, сппачепъ умоляпъ
 Автора, чптобъ опъ не забопился объ окончаніи Поэ-
 мы, опъ чего, въ прошивномъ случаѣ, Боже сохрани! —

С М Ъ С Б.

Объ употребленіи богатства.
 (Изъ *Фран. Журнала*.)

Религія научаетъ насъ спрашпться богатства и
 цѣпнить его; дѣйствителъно: оно или величайшее бла-
 го, или ужаснѣйшее изъ золъ. Когда любосплжаніе
 старается пріобрѣспть его, — тогда нѣтъ болѣе до-
 вѣренности между людьми; дружба гнусно измѣпляетъ,
 правота и довѣренность исчезаютъ; кровь шечепъ со
 всѣхъ сторонъ; люди гоповпшь другъ другу идъ; при-
 рода сппачивптся жестокою. Когда скупость соби-
 раепъ его и скрываетъ въ сундуки, — ползпала про-
 мышленность терлеспъ духъ; необходимыя художе-
 ства гибнуипъ; спраннопримные дома разрушаются,
 убогіе умираюпъ. Когда сладостраспіе или роскошь
 распочаютъ его — тогда нѣтъ болѣе правоты; различ-
 ныя оппшенія смѣшиваются; излишнее подавляетъ
 необходимое; ложное великолѣпіе скрываетъ всеобщую
 нищету; вельможи раззоряются и переспаютъ бытъ
 сильными; народъ унижается; люди ищупъ прежняго
 своего величія и не находятъ его; между попомками
 славныхъ предковъ слышны лишь имена ихъ и шпшла.

Но когда челоѣколюбіе разсыпаетъ богатство, — тогда оно есть всемогущество челоѣческое; оно творитъ, пакъ сказать, новый міръ въ порядкѣ естественномъ; приводитъ въ движеніе изобиліе и жизнь, и служитъ орудіемъ и наградою трудовъ; оно ищетъ достоинствъ; предупреждаетъ скудость и опираетъ слезы несчастныхъ; распоргаетъ оковы заключенныхъ; населяетъ пустыни; возвращаетъ полямъ утраченное плодородіе; если не воскрешаетъ изъ могилы Лазарей, за то прелястивуетъ имъ нисходить туда безвременно.

И пакъ, богачъ милосердый не есть просто челоѣкъ: онъ Ангелъ-Хранитель, сдѣлавшійся доступнымъ для взора смертныхъ, и пекущійся чувственнымъ образомъ о благоденствіи вселенной.

О. Д. — въ.

Одинъ жепатый мудрецъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго супружества, вышелъ однажды отъ свосправія своей сожительницы изъ терпѣнія, сказалъ ей слѣдующія замѣчательныя слова: „двѣнадцать лѣтъ терзаюсь я адегими муками, потому что нечистый духъ безпрестанно со мною.“ Въ нашъ вѣкъ неужто споль много времени для испытанія такого рода. Доказательствомъ сему могушь служить слѣдующіе стихи, написанные однимъ *мужелемъ*, какъ полагаешь должно, стихотворцемъ (и повидному хорошимъ, ибо дурной самъ покажется для всякой жены хуже злаго бѣса, постоянно мучивъ ее своими стихами); послѣ свадьбы своей чрезъ 12 дней:

Коль хочешь быть умей — учись;
Коль хочешь быть богачъ — трудись;
Коль хочешь быть въ раю — молись;
Коль хочешь быть въ аду — женись!..

Одна пожилая дама, спрашала говорунья, пакимъ образомъ относилась на дняхъ объ одномъ записномъ говорунѣ: „опъ пакой, бапюшка, болшунъ, самый несносный-съ болшунъ! Да какъ эпо? Съ нами крестн-

ная сила! Не даешь слова Божьяго вымолвить: все мелеть, да мелеть, какъ попугай, проспни Господи мое прегрѣшеніе; ну, суще навожденіе бѣсовское! — Ужъ я стараюсь ловить ту секундочку, когда только онъ замолчитъ; анъ нѣтъ, ни шупъ-то было: опять закудактамъ; вопъ, какъ-то недавно, смопрю, мой Романъ Селифонювичъ собрался плюнуть, ужъ и щетки стянулъ, и губы закусилъ: я было и шыргъ свое словцо между плевкомъ и распобарываньемъ; а онъ, плюнувши, опять загудѣлъ. Экой окаашный!..“

Содержаніе *шестой* книжки Гирланды слѣдующее:
1. *Словесность*. Проза. Наслѣдственная кукла. (*Разсказъ*.) 2. *Стихотворенія*. 1. Пѣсня прохожаго. (*А. Н. Глбова*.) 2. Воздыхатель. (*О. Н. Глинки*.) 3. Прощаніе. (*Пер. съ Англ. П. А. Драгоманова*.) II. *Библиографія*. 8. Сѣверныя Цвѣты на 1831 годъ. III. *Смѣсь*. 1. Всемирная Драма. (*Пер. съ Ньом. Д. А. Шенслева*.) 2. Post-scriptum къ письму въ Москву къ К. Н. Н. Т. 3. Журнальныя взаимности. IV. *Моды*. (*Парижскія*.)

При сей книжкѣ приложенъ рисунокъ моднаго эфсона.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

Подписка на сей Журналъ приимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Слѣнипа. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ каршвиками модъ, нопами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иного родныя благоволятъ опноситься съ своимъ требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издашело, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издашело Гирланды. Въ С. Петербургѣ*.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или М. В. Слѣпина, подписывая на опыкъ: *Издательство Свѣтлаго Меркурия.*

№ 28.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на вѣгелевой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой по дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 6 МАРТА, ПЯТНИЦА.

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Двадцатаго года.

Мы одни стояли у окна, изъ котораго любовались небомъ, тѣмъ прекраснымъ небомъ, которое златилось отъ заходящаго солнца. Звѣзды ярко блискали. Казалось, что природа, показывая намъ неопредѣленное изображеніе мирнаго счастья, повелѣвала радоваться ему или скорбѣть; между тѣмъ довольно шрудно оставалась въ спокойствіи, если унимаемая блаженствомъ или угнетенны горестію. Спѣшенная грудь имѣетъ нужду во вздохѣ, вздохъ меланхоліи или печали, даже во вздохѣ самой радости, потому, что не всегда оцъ бываетъ отъ помы души разтерзанной: это чаще вздохъ воспоминанія. Счастливіе не имѣетъ своего значенія: неправда-ли, что меланхолія больше, чѣмъ радость, извлекаетъ вздохи?

Она стояла. Я сидѣлъ подлѣ нея. Мы разговаривали. не знаю о чемъ. . . . Рука ея была въ моей: прежде она никогда не оказывала мнѣ подобнаго снисхожденія; но въ этотъ разъ, не знаю отъ чего, она мнѣ это дозволила. Могло-ли бы это случиться, если бъ это было ей неприятно? Ахъ! конечно нѣтъ; это ей нравилось: она жала мою руку, покоилась на плечѣ моемъ, на груди. Я испыталъ тѣ сильныя движенія, которыя доводятъ до обморока. Взоръ мой помрачился. Сладостное смятеніе отдѣлилось отъ меня, и ничего болѣе не осталось отъ мыслей, какъ то, что она раздѣляетъ со мною блажен-

ство моихъ чувствованій. Краснорѣчивое и убедительное пожатіе руки ея высказало мнѣ все, безъ произнесенія его хотя одного слова. Ахъ! я былъ счастливъ! очень счастливъ!

Нѣсколько времени мы молчали, смотрѣли вокругъ себя, и взоръ ея, безъ сомнѣнія, такъ же какъ и мой, машинально осматривалась на предметахъ, насъ окружающихъ. Движеніе руки ея, которую хотѣла она освободить, извлекла меня изъ сладкой дремоты, и я тогда лишь замѣтила, что мы были не одни. Она замѣтила это прежде — очень естественно.

На другой день, на томъ же самомъ мѣстѣ, мы опять были одни. Мы сидѣли рядомъ. Она писала; я такъ же хотѣлъ писать, и наклонился къ бумагѣ. Она не оставляла своего мѣстна между тѣмъ волосы ея упали на мою щеку, сердце мое билось у руки ея; она — не удалялась. Я неподвижно держалъ перо: она мнѣ этого не замѣчала, хранила по же самое молчаніе, ту же неподвижность. О сила волшебная! какое движеніе ощущаю я тогда! Она была такъ спокойна, что я не могу изобразить. Все это было такъ живо, такъ располагало къ желаніямъ, что воспоминаніе объ этомъ, есть теперь одна — неопредѣленность. У меня оспалось только впечатлѣніе долгаго, сладкаго поцѣлуя, того перваго поцѣлуя, коимъ наградили мы другъ друга.

Черезъ годъ мы были еще счастливы! я былъ всегда съ нею, я думалъ, что это продолжится *всегда*. Она смотрѣла на меня съ такимъ удовольствіемъ, оспавляла съ такимъ сожалѣніемъ! Она была искренна,

очень некрепка: безъ примворетва, безъ обмана. Я любилъ ее — и взаимность ея была одинакова. Въ продолженіе года, жизнь одной была жизнью другаго — года! . . . да этого года блаженства, за который я заплашилъ моею будущностію!

Я былъ тогда очень молодъ! . . . не звалъ, что перекупаютъ любовь: она мнѣ это доказала. — Мнѣ нужно было ѣхать. — Она много плакала и была огорчена неутѣшно. Но отъѣздъ мой оплодился: мать моя умерла.

Искавъ утѣшенія, я хотѣлъ найсти его въ ней; но не нашелъ ее больше, или по крайней мѣрѣ нашелъ ее перемѣнившіеюся: она для меня была пошеряна.

Два мѣсяца! и любовь ея исчезла и сердце принадлежить другому! . . . О! какъ любилъ я ее, не смотря на ея измѣну! . . . О! женщины! . . .

Сколько разъ хотѣлъ я, чтобы слабое сердце мое летѣло къ ней, — какъ желалъ заботиться объ ея счастья! Никогда не дѣлалъ ей упрековъ, никогда не оказывалъ и малѣйшаго негодованія. Я былъ увѣренъ, даже увѣренъ и теперь, что она меня любила: она могла забыть меня, но — она меня не обманула.

Ц.

Пятидесятаго года.

Много лѣтъ прошло послѣ этого! Я уже старикъ; но душа моя, мертвая къ ощущеніямъ юношескива, жива еще для воспоминаій. Оно сѣдѣтъ со мной въ могилу. Скоро глаза мои закроются; мечты уже разрушились, но предѣлись прежнихъ дней никогда не изгладятся изъ памяти. Она всегда подѣла меня съ своимъ прелестнымъ взглядомъ, съ сладостными словами, съ восхищительными ласками. Когда она брала руку мою, тихо цѣловала меня въ лобъ, душа моя наполнилась такою радостию, что вся ирревоги жизни, даже самал добовъ, не могли-бы изгнать ее изъ сердца; котораго она была владычицею. Но — она его оставила, и оно теперь пусто. Многія женщины старались пріобрѣсти любовь мою; но любовь осталась при той, которая поселила въ душѣ моей всегдашній воспоминаіе. Я дышалъ ею, жилъ безъ нее;

но чувствую, что подѣла нее хотѣлось бы мнѣ умереть. Голова моя посыдѣла, но охладѣло сердце мое воспламеняется еще при ея имени, и при воспоминаіи объ ней. Она счастлива, счастлива безъ меня — и въ сердцѣ ея, которое я такъ зналъ хорошо, которое такъ меня любило, я думаю, и послѣ разлуки, теперь не осталось обо мнѣ малѣйшаго сожалѣнія, моего бытія, даже и воспоминаія.

Съ Фр. Ф въ Д — чловъ.

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ.

(Истинное.)

Кто такъ рано пріѣзжаетъ . . .
Мы первые

Грибовдавъ.

Въ бытность мою въ К. посѣтилъ я клубъ. Прошло девять часовъ и я вошелъ въ залу благороднаго собранія. Мужчинъ было довольно, но дамъ очень мало. К скія красавицы, вѣрошно, еще заняты были своими апулетами. Музыка играла; но по недостатку дамъ, танцы не состоялись. Находившіяся на лицо дамы досадовали, что пріѣхали *рано* и поклонясь опмѣсшились на другой разъ. Мы ждали до одинадцати часовъ — но тщетно. Наконецъ Генеральца Т. съ милыми дочерьми своими уѣхала, общалась въ слѣдующій балъ пріѣхать позже другихъ. Ея примѣру послѣдовали и прочія обитательницы К — ва. Зала опустѣла, и мы въ надеждѣ, что слѣдующій балъ будетъ блистательнѣе, запаслись билетами.

Наступилъ назначенный день, — и я, подлагая шапцопецъ съ милою Софьею, старшею дочерью Генеральца Т., опправился въ клубъ. Комнаты были освѣщены великолѣпно; но, къ удивленію и досадѣ мужчинъ, не было ни одной дамы. Прждавъ съ часа два времени, мы опправились въ кандинтерскую, бывшую напротивъ клуба. — Вотъ слышимъ стукъ кареты. Смошримъ въ окна: предъ домомъ благороднаго собранія остановился экипажъ въ четверку; человекъ, ушедшій на верхъ, скоро воротился, сказалъ что-то сидящимъ въ каретѣ дамамъ, и велѣлъ кучеру ѣхать домой. — Еще карета, вотъ другая, претія, не про-

шло и получаса, какъ къ крыльцу подъѣзжало околом десяти экипажей, но та же самая церемонія, какъ и съ первой, и въ возвращеніи домой. Любопытствуя узнать причину сего, мы вошли въ клубъ, и чино жер Дамы, не желая бытъ *первыми* въ залъ, послали сперва осведомиться, есть ли кто нибудь тамъ, и получая всегда въ отвѣтъ, что нѣтъ никого, уѣзжали домой: — Блистательный балъ женчился! Мы, посѣлвшись надъ яриудами К . . . снхъ дамъ, отправились по своимъ квартирамъ; а они, вѣроятно, досадуя, чью напрасно потеряли время надъ жуалетомъ своимъ, возвращались не въ весьма веселомъ расположеніи духа. На другой день нѣкоторые изъ моихъ поварихъ замѣнили, что у многихъ горничныхъ были распухшія щеки. Вѣдненькі! онъ первыя попались на глаза, и были жертвами справедливаго недоволанія разгнѣванныхъ своихъ барынь и барышетъ! —

С лъ.

И М Е Н И Н Ы .

[*Взято отрывками изъ карманной книжки моего прятеля. Надпись, что выпросилъ и остальное.*]

Во всю дорогу два, при слова
Успѣлъ я Громову сказать,
Какъ примушь насъ у Ломикова,
И началъ вновь его внимать.
Я часто молчаливъ; онъ . . . рѣдко;
Въ бесѣдахъ ранъ его — пошлкъ;
Однако жъ предъ моею шѣпкой
Онъ щегольнуць едва ль бы могъ:
У шешушки давнѣе слогъ;
Онъ добръ и честенъ; для познаній
Чиналъ немножко . . . обо всемъ,
Во многомъ правится умомъ,
Но иногда съ печалиной дрянн
Заспорилъ — ужась!

Въ эпошъ день,
Кто могъ — по зову и безъ зову,
Изъ ближнихъ селъ и деревень,
Все ядешъ въ гости къ Ломикову.
Ужъ было множество гостей,
Когда, минувъ ряды всѣхъ *окопъ*,
Мы вылезали изъ саней,

На насъ глядѣть . . . какъ на зверей!
Десплкъ лицъ, — и милый *локонт* (*)
Межъ нами дивно эпошъ разъ
Узналъ мой *близорукій* глазъ.
Эдвоъ глѣтъ параднаго подѣзда,
И такъ, мы — прямо на крыльцо;
Вотъ, знакомъ жданнаго прѣзда,
Предъ нами первое лицо —
Хозяинъ; далѣ — въ гостинной
Разклапались . . . пельзя шпсвѣй!
Мы съ Рыцкимъ съли у дверей,
А Громовъ на диванъ — и чиппо,
Для всѣхъ зашѣлъ разговоръ
Замысловатый, хопъ невинный —
Полиптики сурвѣзный вздоръ.

Но прослѣть завтракашъ. Опвсюдъ,
Толкая въжливо мужичиъ,
Спарушки, суди именишъ,
Толпятся къ лакомому блюду;
Мужливы жадушъ, а Шпоринъ мой,
Какъ всемъ знакомый, многомъ *свай*,
Сжимаясь межъ дородныхъ палѣй,
Мясечко успоалъ. Межъ тѣмъ,
Спарушки ошопли совсамъ,
Мужчины завтракъ зашвали,
А я, признаться, шокмо могъ
Шопробовашъ: каковъ шпротъ.

Но гдѣ жъ онъ — дѣвицы, дамы?
Ужель ихъ ребкѣй аппспившъ
Бошешъ взглядомъ Эпиграммы?
Онъ въ кружкѣ! ихъ все смѣшшшъ,
Осебяню, когда Забраловъ
Закуской набиваешъ ротъ;
Но пусть онъ кушаешъ и псешъ —
Кому нужда до объвдаломъ?
Не лучше ль наблюдать глазамъ,
Кто шпереситъ изъ дамъ.

Рукой природы благотворной
Вездѣ цвѣшны насаждены,
Вездѣ еснъ дѣвы — и безнорно
Онъ къ любви сошворены;
Но въ цвѣшникѣ царница — роза;
Какой цвѣшоку сравншлся съ ней?

(*) Ужъ эпошъ локонтъ всегда вѣтешъ возлѣ оконъ — разумѣшся пошому, что ржемы-шо неразлучкы. *Изд.*

Межь многихъ дѣвъ — одна милѣй,
И каждый взгляды ея запожа,
Для сердца Харицы моей.

Пусть Ольга Пушкина румяна
И потому не такъ мила,
Какъ часто грустная Татьяна
Прелестной блѣдностью чела;
Но вась любовью идеальной
Поапъ увлекъ, чинапель мой:
Опъ, какъ волшебникъ надъ душой,
И вы съ Татьяною печальной
Забывъ Ольгу . . . но она
Въ Аллицъ будеть вамъ видна

И. Кослоровской.

Малороссія.
1831 г.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

25. *О Борисъ Годуновъ, сочиненіи Александра Пушкина, Разговоръ.* Москва, въ Университетской Типографіи, 1831. Въ 8. (16 страницъ.)

Журнальная статья, которая вмѣсто того, чтобы бытъ помѣщенной въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи, на примѣръ . . . въ *Телескопъ*, напечатана отдѣльною брошюркою. Въ ней представлень разговоръ Нѣмѣщика, проезжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ, и вольнопрактикующаго въ ономъ Учителя Россійской Словесности. Оба сіи Гг. Провинціала разсуждаютъ о *Борисъ Годуновъ*, сочиненномъ Пушкинымъ. Въ ихъ сужденіяхъ мы сперва ожидаемъ найти много провинціализма, но вмѣстѣ того напѣли много сплюсннчаго остроумія. Впрочемъ, нѣсколько замѣтно, что оба они не расположены въ пользу Автора книги, бывшей предметомъ ихъ бесѣды.

С М Ъ С Б.

Русская Пословица.

Soirée dansant у Графа С. Увидѣвъ во Французской кадрили молоденькую Госпожу N^o, около года иному

пазадъ вышедшую за мужъ за прїиняла моего, Полковника N^o, находящагося нынѣ въ дѣйсствующей Арміи, я подошелъ къ ней и спросилъ, давно-ли она и мѣсяцъ извѣстїе опъ своего супруга? — „Не болѣе мѣсяца тому, какъ я получила опъ него послѣднее письмо“ — опъчала она съ свойственною ей любезностію. — „Здоровь-ли по опъ *теперь!*“ сказалъ я со вздохомъ. — Она, въроянно, опъчала-бы мнѣ на это, если-бъ ей въ сіе время не надлежало балансировать предъ своимъ кавалеромъ. Вотъ, подумалъ я, отходил опъ нее въ другую сторону: *мужъ въ шляпцѣхъ, а жена въ танцахъ.*

— „Видѣль-ли ты мою знакомую?“ спросилъ въ-кпо у своего прїятеля: — „она сегодня прошла мимо пивныхъ оконъ.“ — „Да какъ она *ходитъ?*“ — спросилъ у него прїятель. — „Вотъ такъ“ — опъчалъ первый, и началъ шагать, воображая, что топъ спрашивается у него о *походкѣ*, а не о томъ, какъ она *одъвается.*

— Какой-то прѣстѣкъ весьма удивлялся, что супруга его, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы, даровала ему здороваго сынка. Желая узнать причину сего, опъ воворилъ объ эшомъ съ Докторомъ. „Не безпокойтесь“ — говорилъ ему врачъ: „это иногда случается при первомъ разрѣшеніи опъ бремени; но будьте увѣрены, что впредь никогда не случится.“

— Мужъ, хозяинъ-ли у себя? — Безъ сомнѣнїа, когда жены дома пѣтъ.

— Плохаго переводчика можно сравнить съ слугою, худо исполняющимъ приказанія своего господина.

При семъ No Сѣв. М. картинка дамскихъ модъ за No 5-мъ. Объясненіе опой: Капотъ съ пелеринкою изъ гроденапла, обшитый рюшемъ (фасонъ изобрѣшенїа Mme Nichez); пинтый тюлевый воротничекъ; на шеѣ кокепка; шляпка-капотъ, фасона Mme Guépin. — Шитый тюлевый чепчикъ, фасона Mme Forbin-Gambart; платье кисейное; канезу кисейное съ тюлевыми поперегъ лифъ прошивками, фасона Mme Blaiseau

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Сверхнаго Меркурія.*

№ 29.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 9 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЖИВОПИСЕЦЪ АНТОНИО.

Въ городѣ Г. всякій зналъ живописца Антонио, всѣхъ считали его немодимомъ. И въ самомъ дѣлѣ Антонио никогда не оставялъ кисти своей и палитры, и если ему когда нибудь случалось явиться въ общественномъ собраніи, то это цѣлую недѣлю служило предметомъ разговоровъ всего города. Онъ былъ одинокъ и посредствомъ трудовъ своихъ удобно доставалъ себѣ пропитаніе. По всему видно было, что уже для него миновалась первая молодость и невзглядимыми чертами оставила слѣды на лицѣ его, получившемъ отъ него нѣкоторую угрюмость; глаза его уже потеряли прежнюю живость и только изрѣдка сверкали огнемъ юности; сѣдина уже начинала пробиваться на головѣ его. Замѣчали часто, что онъ цѣлые часы просиживалъ передъ холстомъ, опустивъ кисть и палитру, и казался погруженнымъ въ глубокую думу. Напрасно старались провѣдать причину такихъ странностей: обстоятельства его жизни никому не были извѣстны, ибо онъ былъ чужеземецъ. Тщетно спорною заводили съ нимъ рѣчь о предметѣ его жизни-бытій; онъ всегда отвѣчалъ короткими словами и обращая къ другимъ предметамъ. Только одинъ человекъ заслужилъ довѣренность этого чужака: онъ нацѣ и охотился, чѣмъ съ другими, говорилъ съ нимъ, и отъ него-то получилъ я, уже по смерти живописца, найденную у него исторію жизни его, имъ самымъ писанную. Вотъ она:

„Я родился въ Италіи, отъ неизвѣстныхъ родител-

лей, и съ раннихъ лѣтъ былъ преданъ совершенной свободѣ, этому бичу молодыхъ людей. Долго жилъ я въ Неаполѣ, въ качествѣ Лазарони; но эта жизнь скоро надоела мнѣ; я услышалъ, что ремесло живописца очень прибыльно, и пошелъ въ ученики къ одному изъ нихъ. Учитель мой былъ доволенъ моими успѣхами въ портретной живописи, давалъ изрядное содержаніе, и я почиталъ себя счастливецомъ. Преніе товарищи мои, Лазарони, завидовали мнѣ, но лѣнь ихъ или затрубяное невѣжество мѣшали мнѣ послѣдовать моему примѣру. Я былъ счастливъ; ибо мысль о славѣ тогда и не входила мнѣ въ голову; но такова участь человека, что счастье его никогда не можетъ быть долговременно: или зависитъ людей, или случай, или самъ онъ сокрушаетъ его святопапственною рукою.

„Всѣ бѣдствія мои произошли отъ ничтожнаго обстоятельства, отъ пустяга сна; я это чувствую, но не могу побѣдить себя.

„Какъ теперь помню, это было наканунѣ Воскресенія. Вечеръ былъ прекрасный, легкое дуновение зефира занесло изъ сада въ мою комнату пріятнѣшіе ароматы, и я заснулъ . . .

„Вдругъ привидѣлось мнѣ по нѣтъ! не нахожу земнаго слова, которымъ бы могъ назвать то, что я узрѣлъ. Въ Италіи встрѣчалъ я много красивицъ; но что значатъ онѣ въ сравненіи съ видѣнемъ моимъ? Гдѣ это ангельское спокойствіе на лицѣ; эта добродѣтель, живо изображенная во всѣхъ чертахъ; эти голубые глаза, сіяющія дѣвственною непорочно-

стію? . . . По пробужденіи моемъ я потпачъ взялъ кнестъ и началъ набрасывать образъ моего видѣнія; ибо онъ явственню представлялся моему воображенію. Но тщетно было мое стараніе! Я никакъ не могъ изобразить этаго совершенства: мои порпиреты были безжизненны, хладны, слишкомъ опзывались земнымъ; въ досадъ я бросилъ кнестъ . . . Я принимался еще нѣсколько разъ; но все напрасно.

„Послѣ того нѣсколько разъ сряду представлялось мнѣ чудное видѣніе; но тщетно старался я его положить на холстѣ. Оно было предо мною, оно живо представлялось моему воображенію; но изъ подъ рукъ моихъ выходило совсѣмъ не то Такъ проводилъ я цѣлыя дни; не могу изобразить всѣхъ мученій, опъ того происходившихъ. Я сдѣлался задумчивъ; пересталъ заниматься своимъ дѣломъ, и одно только видѣніе занимало меня Часно приходило мнѣ въ голову, что злой духъ смущаетъ меня грѣшными мечтаніи; я клялся выкинуть весь вздоръ изъ головы; но мнѣ видѣніе являлось — и я, забывъ все, снова старался уловить его, и та же неудача!

„Анпонио!“ сказалъ мнѣ однажды хозяинъ мой: „нико съ тобою сдѣлалось? Я тебя не узнаю. Ты совсѣмъ перемѣнился. Прежде работалъ ты съ такимъ усердіемъ, а теперь превзошелъ послѣдняго лѣншя, негодяя Роберта.“

Я молчалъ.

„Совѣтую тебѣ исправиться; а то, къ сожалѣнію моему, я долженъ буду показать тебѣ дверь.“

„Анпонио!“ сказалъ онъ мнѣ въ другой разъ: „мы должны съ тобой разсѣпаться. Ты знаешь, что я не такъ богатъ, чтобы содержать каждаго лѣншя. Пока ты работалъ, жалованья на меня не могъ; но теперь“

Я шюдлъ; какъ громомъ пораженный

„Но теперь, продолжалъ онъ, спускай съ Богомъ. Для лѣншцевъ, подобныхъ тебѣ, голодъ есть лучшій исправитель. Сей часъ же собери все свое имущество, и къ вечеру чтобы тебя не было въ моемъ домѣ . . .“

„Съ какимъ-то равнодушіемъ вынесъ я изъ жилища моего учителя, подъ кровомъ коего на вѣки по-

терля спокойствіе. Образъ милаго видѣнія сопровождалъ меня.

„Съ тѣхъ поръ жизнь моя превратилась въ цѣль безпрестанныхъ страданій.

„Я остался одинъ безъ пищи, безъ крова, гдѣ бы преклонить голову. Долго думалъ я, куда мнѣ обратиться; наконецъ пошелъ къ одному пріятелю и товарищу по ремеслу. Онъ принялъ участіе въ моемъ положеніи и отрекомендовалъ Русскому Графу, опъѣзжавшему на родину, и желавшему взять съ собою живописца Испальянца. Съ нимъ пріѣхалъ я сюда. — Ахъ! я потерялъ родину, для того, чтобы обрѣсти спокойствіе, но и теперь оно далеко отъ меня; прелестное видѣніе еще чаще представляется мнѣ, и все свободное время посвящаю я на его скопированіе Но небеснаго не изобразимъ земнымъ.“

За нѣсколько часовъ до своей смерти сей чудный человекъ призывалъ моего знакома, которій и былъ свидѣтелемъ его кончины.

„Ты ее не видишь!“ вскричалъ восторженный живописецъ, схвативъ его за руку, и глаза его заблестали: „она пришла за мною . . . она зоветъ меня И такъ конецъ борьбѣ наспалъ Тамъ, можетъ быть, я разгадаю себя, таинственная поспинительница! . . .“

Съ сими словами онъ скончался.

Увы! и вся жизнь наша не есть-ли загадка, которая разрѣшилась — память! . . .

1851

Дилитріусъ.

ГРАФУ ПАСКЕВИЧУ-ЭРИВАНСКОМУ.

На взятіе Варшавы.

1.

Со скалъ кремнистыхъ Арарата
Вспарилъ полуочный Орель,
И славу почерпнувъ въ спруяхъ Евфрата,
Опъ къ брашьямъ Русскимъ полетѣлъ;
Обнялъ Плоцкъ, Прагу и Пулавъ,
Въ когтяхъ сжалъ Польшу . . . вдругъ налѣгъ
На прахъ кипящій близъ Варшавы:
Прахъ славы уступилъ — и Польскія дубравы
Уныло вторили послѣдній вздохъ.

Вымпикскій живъ! . . . Герой не умираетъ!
Его полетъ — полетъ безсмертной славы!
Васъ, чада буйный Варшавы,
Онъ вѣчнымъ спрахомъ оковалъ! . . .

Д. Шенслевъ.

4-го Септбръ 1851 г.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

26. *Супружеская Грамматика или Секреты, какими образомъ и какими средствами каждый мужъ можетъ довести жену своего до той степени, чтобы она была, по Русской пословицѣ, тише воды, ниже травы.* Сочиненіе, безцѣнное для мужей и весьма полезное и назидательное для женъ. *Посвящено вѣсть новобрачнымъ.* Переводъ съ Французскаго. Съ предисловія Парижскаго изданія. Москва, въ Типографіи Ръшевникова, 1851. Въ 16. (28 страницъ.)

Изъ числа 28 крошечныхъ страницекъ, твореніе сіе составляющихъ, первые 20 заняты, *вместо предисловія*, Біографическими свѣдѣніями объ Амурѣ и Гименѣ, довольно старыми и незанимательными, довольно плохо написанными, а еще хуже переведенными: собственно же за тѣмъ *Супружескую Грамматику* составляютъ 7 $\frac{1}{2}$ страницекъ. Какъ намъ кажется, сія послѣдняя никогда не существовала на Французскомъ языкѣ, и, повидимому, Русскій Авторъ оной, сдѣлавшій довольно неудачное подражаніе *Придворной Грамматикѣ фонъ Визина* (*), честь *собственного* сочиненія *Супружеской Грамматики* приписываетъ Французамъ. Не думаемъ, чтобы сіи послѣдніе крайне обрадовались сему сюрпризу, тѣмъ болѣе, что Француженокъ никакъ не убѣдишь учиться по этой Грамматикѣ, хотя бы перевели ее и на Французскій языкъ. — Авторъ *Супружеской Грамматики* продаетъ ее по *четвертику* за экземпляръ. Желая сохранить сіи *четвертики* у тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые вздумали бы купить ее, мы выписываемъ *Супружескую Грамматику* цѣликомъ. Она не велика: въ минуточку прочтете.

(*) Опрывокъ изъ которой сперва напечатанъ въ *Сверной Звѣздѣ*, а потомъ помещенъ въ *Собраніи сочиненій* сего Цесаря.

СУПРУЖЕСКАЯ ГРАММАТИКА.

- В. Чшо есть Супружеская Грамматика?
- О. Она есть *искусство познавать* во всѣхъ отношеніяхъ качества и недостатки той половины человѣческаго рода, которая называется *женщиною*.
- В. Чшо должно употреблѣть для совершеннаго узнанія оной?
- О. Выраженія.
- В. Сколько частей рѣчи употребляется для выраженія въ Супружеской Грамматикѣ?
- О. Восемь.
1. Я васъ люблю!
 2. Я васъ обожаю!
 3. Вы прелестны!
 4. Клянусь любить васъ вѣчно!
 5. Вы составляете мое счастье.
 6. Благополученъ тотъ, кто обладаетъ такими прелестями!
 7. Угождаю вамъ буду съоставлять главнѣйшее мое желаніе.
 8. Я шчего не пожалею для васъ!
- Прилижаніе.* Сіи 8 частей рѣчи употребляются по большей части еще до свадьбы, послѣ же оной дѣлаются не нужны.
- В. Сколько именъ *прилагательныхъ* находится въ Супружеской Грамматикѣ?
- О. Они опредѣляются, смотря по *правственному качеству* жены и по ея *обращенію* съ мужемъ; но такъ какъ женщина подвержена большимъ измѣненіямъ, нежели Грамматика во всѣхъ своихъ частяхъ, то мы приведемъ здѣсь только тѣ, которыя могутъ сослѣдовать *счастіе мужа*.
- Жена* скромная, услужливая, рачительная, пинхалъ, заботливая хозяйка дома, радушная къ мужу, повечительная (*).
- В. Сколько находится въ супружескнхъ степеней уравненія въ правственномъ отношеніи?

(*) А самое-но важное забыто: *неукрашающая чело мужнино рогами*. — *Прилижаніе* Корректора, желающаго угождать *тѣмъ каждому женатому читателю*.

- О. Три: 1 — жена *порядочная*, 2 — жена *хорошая*,
3 — жена *превосходная*.

Прилипаніе. Третія степень бываетъ употребительна весьма рѣдко.

- В. Что есть Глаголь въ Супружеской Грамматикѣ?

- О. Часть рѣчи, означающая дѣйствіе, или страданіе, завлекшія опъ взаимнаго обращенія мужа и жены.

- В. Какимъ образомъ составляются въ Супружеской Грамматикѣ глаголы, и какъ они употребляются?

- О. Смотря по характеру жены: на прим: съ женою доброю, милою, услужливою къ мужу и заботливою о хозяйствѣ — употребляется всегда одинъ глаголь: мужъ долженъ ее *любить*.

Съ женою капризною, самолюбивою, лѣнливою къ хозяйству и незаботящеюся о спокойствіи мужа, употребляется другой глаголь: мужъ долженъ ее *утищать*.

- В. Не имѣется-ли еще какого нибудь глагола, выраженіе котораго было-бы въ такомъ случаѣ слышнѣе?

- О. Есть: мужъ долженъ ей *повелѣвать*, *заставлять*, *приказывать*.

- В. Если и сихъ глаголовъ будетъ недоспадно, то не найдется-ли еще какого нибудь глагола?

- О. Есть еще одинъ, выраженіе котораго есть самое слышнѣйшее и дѣйствительнѣйшее.

Злую жену мужъ долженъ *наказывать*.

Прилипаніе. Правила сихъ глаголовъ (исключая послѣднѣго) могутъ относиться общими образомъ и къ мужу.

К о н е ц ъ .

И Богу слава! — Хорошо или худо, а *четвертакъ* у васъ въ карманѣ! —

С М Ъ С Ъ .

— „Современники наши“ — сказалъ пѣкто: „пресвѣщеніе древнихъ Грековъ.“ — „Чѣмъ вы это докажете?“ спросилъ съ жаромъ одинъ любитель всего древняго. — „У Грековъ“ — отвѣчалъ первый: „Диогенъ во время дня съ фонаремъ не могъ найти ни одного *человѣка* въ цѣлыхъ Аѳинахъ; а въ наше время вы найдете нѣсколько *человѣкъ* даже въ передней каждаго барина.“

— Черкесскій Офицеръ Магометанскаго исповѣданія поссорился въ одномъ обществѣ съ приказнымъ, великимъ крючководцемъ. Оба они рѣзкими насмѣнками старались колоть другъ друга. Офицеръ зѣвнулъ неоспорочно. Приказный, обрадовавшись сему случаю, воскликнулъ: „ахъ! я думалъ, что онъ съѣсть меня хочетъ.“ — „Черкесы“ — возразилъ Офицеръ: „свиной не ѣдятъ.“

— Одна пожилая дама, въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, спросила у своего сына: „въ какомъ году, и котораго числа было наводненіе въ Петербургѣ?“ — Сынъ, помирая лобъ, какъ-бы желалъ вспомнить, подошелъ къ окну, и взглянувъ на досщечку съ надписью, прибитую на уголъ противъ лежащаго дома, отвѣчалъ: „1824 года *Ноября 7 дня*.“ Нѣжная родственница не могла надвинуться богатой памяти своего сына.

— Кто-то кого-то ударилъ по щекѣ. Ушибенная физиогномія въ негодовавіи вскричала: „Милосивный Государь! я не люблю личностей: какое право вы имѣете касаться до моей?“

— Одинъ чиновникъ, пришедъ къ Директору Департамента просился на вакантное мѣсто, на вопросъ: „Ваша фамилія?“ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ: „Осталась дома, Ваше Пр — спиво!“ — Онъ полагалъ, что сей вопросъ относился къ его женѣ и дѣтямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на опытахъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурія.*

№ 30 и 31.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 11 и 13 МАРТА, СРЕДА и ПЯТНИЦА.

О ПОЛЬЗѢ ЧАЯ.

Каждый человѣкъ имѣетъ господствующую страсть, которая беретъ перевѣсъ надъ прочими его склонностями. Счастливы тѣ, у коихъ она бываетъ направлена къ чему нибудь безвредному. Такъ люди пизшаго состоянія весьма любятъ пить чай, и эта страсть опшращаетъ ихъ отъ крѣпкихъ напитковъ. Въ трактирахъ вы болѣе всего найдете за чаемъ, котораго у насъ выходитъ огромное количество (*). Отъ производитъ бодрость, и веселитъ, подобно вину; но держитъ человѣка всегда въ границахъ благопристойности (**). Вина — сказалъ одинъ любитель чая — выпьешь на десять копѣекъ, а ума потеряешь на рубль; чаю же сколько не пей, кромѣ удовольствія ничего не получишь.

Однажды мнѣ случилось прожить нѣкоторое время въ гостиницѣ. Утромъ и вечеромъ я всегда ходилъ пить чай въ общія комнаты, и часто былъ свидѣтелемъ многихъ сценъ, довольно замѣчательныхъ. Сходились купцы и за чаемъ трапковали о торговыхъ дѣлахъ своихъ. Какой веселый, свободный и живой разговоръ одушевлялъ ихъ бесѣду! Съ какимъ удовольствиемъ они слушали реляціи о побѣдахъ, одержанныхъ надъ Турками, когда изъ нихъ одинъ чиналъ прибавленіе къ Сѣверной Пчелѣ, самой любимой ихъ газетѣ! Кака я радость начерпана была на лицѣ каждаго! —

(*) Чаю сжегодно привозится въ Россію на пять милліоновъ рублей.

(**) По мнѣнію Медиковъ, чай производитъ веселость, въ слѣдствіе раздраженія нервъ.

Всѣ они благословляли своихъ собратій, подвизающихся за правое дѣло, и съ благоговѣніемъ произносили священное имя Госудря. Тутъ не было неистовой радости, которую производитъ вино, а тихое кроткое удовольствіе, которое испыталъ каждый любитель чая. Сколько разъ я видѣлъ, какъ враги за чаемъ дѣлали мировую, обнимались и снова были друзьями. Сколько разъ замѣчалъ, что одинъ другаго ссужалъ въ нуждѣ деньгами безъ процентовъ, или продавалъ что нибудь безъ всякаго обмана, за то только, что пошъ наполнилъ его чаемъ. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ дружелюбно кончались ссуды по торговымъ дѣламъ или заключались какія нибудь условія. Словомъ сказать, почти ни одного обстоятельства не обходился безъ чаю, даже между мастеровыми. Поступаетъ-ли кто къ хозяину, долженъ угостить чаемъ поварницей своихъ; бываетъ-ли кто именинникъ, или пріѣдетъ родственникъ, или прибавка жалованья, или встрѣча съ пріятелемъ: все сопровождается чаемъ, и надобно желать, чтобы сопровождалось, ибо мастеровой, охотникъ до чала, болѣе вырабатываетъ, нежели пошъ, который любитъ пить вино. Послѣдній бываетъ обыкновенно несправенъ, а иногда даже опасенъ. Посмотрите, во время праздника, на толпу пьяныхъ: вы услышите между ними брань, увидите драку, что обыкновенно влечетъ за собой худыя послѣдствія. Загляните въ трактиръ на пошъ кружокъ мастеровыхъ, которые пьютъ чай: вы увидите дружелюбную, веселую бесѣду, за которою они говорятъ, по большой части, о своемъ ма-

сперствѣ, что еще приноситъ имъ пользу. Послѣ сего не должны-ли мы благодарить Китайцевъ за такое благодѣтельное растѣніе, безъ котораго у насъ гораздо болѣе было-бы пьяницъ.

Спиртное дѣло, что на чай, кажется, до сихъ поръ нѣтъ ни одной оды, между тѣмъ какъ на вино оченъ много, и довольно сильныхъ. Это происходитъ отъ того, что чай любимъ такимъ классомъ людей, въ среднѣ коего нѣтъ столько образованныхъ, что бы вполне могли прославить этою виницою. Впрочемъ, и чай располагается къ Поэзіи, только болѣе къ вѣжной, пріятной, а не къ патетической, сильной, копирую производить вино. Съ другой стороны, это происходитъ также и отъ того, что считается предосудительнымъ пить много чаю, что свойственно только низшему классу; а осушать по нѣсколькѣ бутылочекъ вина, хотя гораздо хуже, вмѣляется въ достоинство, и воспѣвается, какъ геройскій подвигъ. Кому наблюденія мои надъ чаемъ покажутся невѣроятными, или слишкомъ преувеличенными, пусть пусть самъ испытываетъ, и тогда убѣдится, что я сказалъ правду.

Н. К — и — въ.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРЕМѢНИЛИСЬ!

Многіе, не желая сдержатъ своего слова, или принужденные непредвидимыми случаями отказатся отъ своихъ намѣреній, употребляютъ часто, нѣтъ споль обыкновенную фразу: *обстоятельства перемѣнились!* . .

✽

„Нѣтъ, другъ мой, ничто на свѣтѣ не въ силахъ заставить меня измѣнить моей клятвѣ: я, по полученіи наследства, соединюсь съ любою.“ — Такъ говорилъ молодой повѣса милой Софѣ, дочери небогатаго помѣщика: вѣжнѣй поцѣлуй доброй дѣвушки былъ наградою за сіи увѣренія (*). — Прошелъ годъ, и молодой человекъ получилъ наследство, а съ эпитомъ и любовь его охладѣла; онъ, желая посмотрѣть свѣтъ, не хотѣлъ имѣть свидѣтельницею шалостей своихъ, кропкоправную и любящую его супругу. Бѣдная, обманутая Софія, надѣясь на его честное слово, отка-

(*) А не надобно-бы до такой степени развѣживаться. *Прим. Редактора.*

зала въ рукѣ своей многимъ, оченъ завиднымъ женщинамъ, и узнавъ объ отъѣздѣ возлюбленнаго своего въ Парижъ, рѣшилась напомнить ему о себѣ письмомъ, на которое получила весьма вѣжливый отвѣтъ, оканчивающійся слѣдующими словами: „Что же дѣлаешь, ма сѣте Sophie: обстоятельство перемѣнилось! . .“

✽

Старой холостикъ увидѣлъ въ Справочномъ мѣстѣ молоденькую и довольно хорошенькую дѣвушку. „Ты, вѣроятно, ищешь себѣ мѣста, миленькая?“ спросилъ онъ ее. — „Да, сударь!“ — „Не хочешь-ли вступишь ко мнѣ въ должность ключницы? я дамъ тебѣ хорошее жалованье.“ — „Съ удовольствіемъ, сударь.“ — „Ну, хорошо; и такъ завтра приходи ко мнѣ на квартиру.“ — Онъ далъ ей свой адресъ и отправился домой, гдѣ тотчасъ отказалъ вѣрной своей старушкѣ, исправлявшей у него уже нѣсколько лѣтъ должность ключницы. — „Чѣмъ я заслужила гнѣвъ вашъ, сударь?“ — говорила старушка. — „И, Марыюшка, я шобой всегда былъ доволенъ; ты вѣрно исправляла свою должность; но . . . видишь-ли: обстоятельство перемѣнилось! . .“

✽

Гусарской Ромисиръ помолвленъ былъ на богатой купеческой дочери. Уже приступали къ свадьбѣ, какъ вдругъ отецъ невѣсты обанкротился. Ромисиръ, узнавъ объ этомъ, явился къ нареченному своему пестю, и сказалъ влюбленной въ него по-уши Серафимушкѣ: „служба, милая моя, ~~исполняетъ~~ оставляетъ меня Петербургъ, ~~Богъ~~ знаетъ на долго-ли; а потому бракъ нашъ не можетъ состояться; да и обстоятельство перемѣнилось! . .“

✽

Нѣкто, вздумавъ издавать Журналъ, набралъ довольно подписчиковъ, получалъ денежки, но не запасся матеріалами, и . . . выхалъ изъ города. Подписчики съ нетерпѣніемъ ждали Журнала, и наконецъ, къ величайшему ихъ удивленію, читаютъ въ одной Газетѣ, что Журналъ не можетъ быть издаваемъ, потому что обстоятельство перемѣнилось! . .

Насказалъ-бы я вамъ, почтеннѣйшіе читатели, еще много подобныхъ примѣровъ, но вижу, что вы, чинная и вышеприведенные съ какимъ-то неудоволь-

спвіемъ, зѣваете, и я прошу извинить меня: об-
спояпельства перемѣнились! . . .

Сл. *вигъ.*

КАЛАМБУРЪ.

Одипъ женихъ, не смотря на увѣренія врачей, чрез-
вычайно любилъ курить трубку, что очевидно вре-
дно его здоровью. Невѣста его, копорой, разумѣет-
ся, не правилась въ немъ такая привычка, такъ же при-
совокупляла съ своей стороны убѣжденія, чтобы онъ
оснавилъ трубку или покрайней мѣрѣ переспалъ-бы
затягиваться; но извѣстно, какъ для страстныхъ
курильщиковъ трудно отстать отъ этой привычки,
дѣлающейся для нихъ въ послѣдствіи времени необхо-
димою потребностью. Онъ и при ней такъ часто
курилъ, что она нечувствительно привыкла къ выра-
женію, часто употребляемому у курильщиковъ: *затя-*
гиваться, и поняла техническій смыслъ онаго (*).

Однажды, когда нареченный ея, неосторожно заплы-
нувшись, закашлялся, она, съ свойственною ей нѣж-
ностію, обратилась къ нему съ упреками, и сказала:
„Если ты, *mon ange*, равнодушенъ къ самому себѣ, и
такъ явно пренебрегаешь своимъ здоровьемъ, по
вспомни, что ты принадлежишь теперь мнѣ, и слѣд-
ственно, долженъ дорожить собою для меня.“ —
Поцѣлуй, разумѣется, былъ ошвѣтомъ на эту нѣж-
ную укоризну; но вмѣстѣ съ тѣмъ Г. женихъ, копо-
рому въ свою очередь не нравилось, что нареченная
его чрезвычайно любила шнуроваться, что такъ-же,
какъ извѣстно, весьма вредно для здоровья, — ска-
зала: „Чрезвычайно благодаренъ за твое участіе, мой
милый другъ; но позволь замѣнить, что и ты такъ
же равнодушна къ самой себѣ, и также явно прене-
брегаешь своимъ здоровьемъ; вспомни, что ты при-
надлежишь теперь мнѣ, и слѣдственно, также дол-
жна дорожить собою для меня.“ — „Какъ! что па-
носъ!“ вскричала милая Лиза. — „Ужь такъ и быль!“
сказала ея нареченная: „я отстану отъ этаго
(*тутъ онъ заткнулся*) и не буду *затягиваться*; но и ты,
въ свою очередь, милый другъ, переспань *затягивать-*

(*) *Затягиваться* значитъ: влпнуть въ себя дымъ и черезъ
нѣсколько секундъ выпустить его. *Приглашеіе для дамы
и для некурящихъ.*

ся, п. е, корсепомъ: намъ обонмъ *затягиваться* —
хотя въ разныхъ смыслахъ (примолвилъ онъ, улыба-
ясь и цѣлуя ее) — чрезвычайно вредно.“ — Наблю-
дателямъ природы и нравовъ предославляется
рѣшить: кому изъ нихъ будетъ труднѣе отстать
отъ своей привычки? Разумѣется, что со стороны
Лизы должно полагать въ этомъ случаѣ болѣе обы-
чай, нежели привычку; но, господа! замѣтите мимо-
ходомъ, что женщины, посредствомъ сего обычая,
удовлетворяютъ свойственному имъ самолюбивому
желанію — *правиться*; а это желаніе въ нихъ столь
велико, что далеко превышаетъ самую сильную въ
мужчинѣ страсть къ чему либо. Слѣдственно, едва-ли
не нашей невѣстѣ будетъ труднѣе перестать *затя-*
гиваться.

Къ №.

(*При посылкѣ Альціоны.*)

Подруга музъ, Музаріона!
Тебѣ одной на умный судъ
Я отдаю мой новый трудъ:
Скажи, грѣшна-ли Альціона?
Меня за Левена вицляпъ,
За Баратынскаго брацляпъ
Санктпетербургскія Сусаннъ;
И самъ журнальный мой папронъ,
Моимъ поступкомъ оскорбленъ,
Мнѣ нашенпалъ упрекъ нежданый!
Но если оправдаешь ты
Меня предъ прономъ красоты,
Такъ до журнальной пошасовки,
Еще безпечный весельчакъ,
Скажу папрону: „ты чудакъ!“
Скажу Сусаннамъ: „вы плутовки!“
Баронъ Розенъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

27. *Юль въ Петрополѣ.* Стихотвореніе Графа Хво-
стова, взятое изъ 61 Но Журнала: *Колокольчикъ*.
С. П. бургъ, въ Типографіи Гинце, 1831. Въ 4.

28. *Радостная въ Августѣ вѣсть.* Стихотвореніе
Графа Хвостова. С. П. бургъ, въ Типографіи Денарт.
Вн. Торговли, 1831. Въ 8.

Въ Юльскомъ стихотвореніи 120, въ Августовскомъ
64, а въ обонхъ 184 стиха.

С М Ъ С Ъ.

Безкровный Бой (*). Но 1-й.

Нѣчто о Мертвомъ оселѣ, Романѣ Жанена, о Г. Кораблинскомъ, подвижащемся во славу Русской Словесности въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, о самыхъ сихъ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Р. И., и — о неудовольствіи Г. Б — шева (изъявленномъ имъ въ 64 Но упомянутыхъ Лит. Прибавленій къ Р. И.), что въ Россійской Имперіи, находятся люди, которыхъ фамиліи начинаются съ буквы Б, и которые подписываютъ сію букву подъ статьями своими, и проч., и проч., и проч.

*Господи! даждь намъ терпѣніе
Прочитать это словопречіе! ..
Тредьяковскій.*

Почтеннѣйшіе читатели! Хотя о Мертвомъ оселѣ слишкомъ много разсуждать — опасно, дабы нѣкоторые изъ васъ не почли подобныхъ риторовъ за живыхъ особъ сего рода; но за всѣмъ тѣмъ Издашель Сѣвернаго Меркурія находить себя въ необходимости напечатать полученное имъ слѣдующее

П О С Л А Н І Е

Къ Рецензенту книги: Мертвый Осель и обезглавленная женщина, напечатавшему свою критику въ 64 Но Лит. Прибавл. къ Русскому Инвалиду.

Я крайне удивленъ былъ сею крипкою, весьма по истинѣ двусмысленною (1).

Вѣдь Рецензентъ книги, по общему понятію о семъ лицѣ, есть человекъ образованный (2), который

(*) Г. Воейковъ, Издашель Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду, недавно изъявилъ негатио сѣпованіе свое, что въ Сѣверномъ Меркуріи не помѣщается Безкровный Бой. Да будетъ! — Изд.

(1) Странное дѣло! Г. Б — шевъ находить въ сей криптикѣ два смысла, между тѣмъ какъ въ ней и одного-то не добьешься. Изд.

(2) Но для многихъ Рецензентовъ, пускающихся нынче судить о книгахъ, необходимо въ этомъ случаѣ исключеніе. Изд.

est au fait повостей Европейской Литературы; а разбитающій вышеупомянутый переводъ въ вышеупомянутой Газетѣ говоритъ, что, судя по заглавію (3),

(3.) Забавная обмолвка со стороны Рецензента Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.: бѣднѣшка проговорился, что онъ, по заглавіямъ книгъ, судить объ ихъ содержаніи и достоинствѣ! Впрочемъ, подобнымъ Рецензентомъ и должно быть тому Журналисту, котораго изданіе обязано существованіемъ своимъ единственно заглавію. Примѣръ у насъ предъ глазами. Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду издаются — спало бытъ у нихъ есть подписчики. А онъ чего же нашлись на нихъ подписчики, какъ не онъ того, что они названы Прибавленіями — къ Инвалиду? Вѣдь публика знала, что Издашель ихъ, тотъ же Г. Воейковъ, который издавалъ и жалкаго Славянина, — Славянина, котораго горемычѣе не было въ Русской Журналистикѣ, — Славянина, который раздѣлялся на два отдѣленія: Военное и Литературное, и въ которомъ Литературное отдѣленіе, какъ бы на перекоръ Военному, безпрестанно воевало съ здравымъ смысломъ, изящнымъ вкусомъ и Грамматикою. Спало бытъ можно-ли было ожидать чего добраго отъ Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду?.. Этого печальнѣйшій вопросъ приходить на мысль по выходѣ почпи каждаго Но Литературныхъ Прибавленій. Все думаешь, будто воскресъ вышереченный Славянинъ!.. Тотъ же конекъ, на которомъ выѣзжалъ и покойникъ! — Тотъ же хамелеонскій образъ мыслей, тѣ же уловки, по же примѣрное безвкусіе въ выборѣ спашей, па же охопа перепечатывать чужое, тотъ же, наконецъ, вялый и шороховатый слогъ, подавленный мириадами промаховъ противъ языка!.. Словомъ сказать, онъ разнородной безсмыслицы, сплошь вспрѣчающейся въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду,

*Часехонько приходишь въ пень! ..
Они въ родилея(*) почь въ почь! ..
Читая ихъ и ясный день
Покажется за мрачну ночь.*

И пакъ, видно справедлива Русская пословица: горба-таго одна могила исправить; а онъ дурнаго корпя рѣдко бывають хорошія отрасли: спало бытъ и онъ Славянина нельзя было ожидать добраго дѣшница. Въ самомъ дѣлѣ, что печатается въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду?.. Сухощавые переводцы, шпущіеся

(*) Г. е. въ Славянина.

онъ считалъ книгу сію дрянною. Жалокъ мнѣ Г-нѣ Рецензентъ! . . . Неужели до него не дошли слухи о

иногда длинными сполбцами пумеровъ до полудюжины, при одномъ взглядѣ на которые беретъ зѣвопа; оригинальнѣе (болѣе *оригинальнѣе* по незанимательности содержания и пудачному образу изложенія) творенія Г. Кораблинскаго, пуспившагося въ правоописанія, но неумѣющаго ни наблюдать, ни писать, ни мыслить; при томъ же Г. Кораблинскій нерѣдко передѣлываетъ на свой ладъ спашейки съ *Французскаго*, а выдаситъ ихъ за *собственныя*. Но занимствованіе и такого рода съ иностраннаго языка пельзя вмѣшля въ пороки *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*, если они, слѣдуя примѣру покойнаго родителея своего, не уважаютъ правъ литературной собственности, и не совѣщаются перепечатывать изъ другихъ *отечественныхъ Журналовъ*, все то, что заблагодарсудителю, и что за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ напечатано въ сихъ *Журналахъ*, *Сѣверный Меркурій* также въ свою очередь не избѣжалъ отъ сего литературнаго хищенія. Но всего забавнѣе, что *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*, вздумавъ присовокупить себя и къ дамскому членію, рѣшились сообщать извѣстія — о *модахъ!* — Почувствуешь коллику отъ смѣха! — Неизвѣстно, какую главную цѣль имѣютъ *Литературныя Прибавленія*: обогащать-ли читателей Русскаго Инвалида (какъ извѣстно, преимущественно людей военныхъ) необходимыми для нихъ свѣдѣніями въ дамскихъ нарядахъ, или приспособить нашихъ дамъ къ членію Русскаго Инвалида? . Полубочной гравировкѣ модныхъ картинокъ, прилагаемыхъ къ *Литературнымъ Прибавленіямъ къ Р. И.*, и по неизлѣснимо-сырой бумагѣ, на которой они печатаются, Газету сію приличнѣе употреблять на обертку папировъ, нежели положить ее на туалетъ, хотя бы супруги и Гарнизоннаго Прапорщика.

И пакъ, мудро-ли, что Г. Воейковъ, по собственному сознанію, судитъ о содержаніи и достоинствѣ книгъ по ихъ *заглавіямъ*, если онъ самъ чувствуетъ, что за существованіе своей Газеты обязанъ единственно *заглавію* опой? . Въ самомъ дѣлѣ, положимъ примѣрно, изъ десяти лицъ, подписывающихся на Инвалидъ, одна особа вздумаетъ приложить деньги (блага, что *кстати*) и за *Прибавленія* къ оному, не расчитавъ, что за 55 рублей можно купить оберточной бумаги гораздо болѣе *четыреехъ* *дестей*, или что за сію сумму можно выписать какой нибудь другой *Журналъ*, могущій приносить въ продолже-

семь знаменитомъ Романъ (4) Г-на Жанепа, молодаго Автора съ необыкновенными способностями (5)? Неужели онъ не читаетъ повѣстныхъ произведеній на иностранныхъ языкахъ? — Неужели онъ не читаетъ лучшихъ иностранныхъ Газетъ (6)? — Вѣроятно, что нѣтъ, ибо, если бы читалъ, то прочелъ-бы и кривички о сей книгѣ, въ 1829 году напечатанныя

нѣе года пріятное развлеченіе и удовольствіе. Правъ, правъ Г. Воейковъ! . Вопш что значить *заглавіе* Газеты! . . Однако же, впрочемъ, *ему* только свойственно опредѣлять достоинство литературной вещи по ея названію; за то благомыслиціе изъ его подписчиковъ никакъ не одобрятъ сего правила, испытавъ на самихъ себя несправедливость оваго: ибо, увлеченные названіемъ *Прибавленій къ Инвалиду*, они выписали его Газету, а нѣтъ удосповѣрилисъ, что ее справедливѣе надлежало назвать *Макулатурными*(*), чѣмъ *Литературными Прибавленіями къ Рус. Инв.* Спало бытъ Г. Воейковъ, какъ бы въ утѣшеніе своихъ препумераншовъ, началъ нѣтъ подражать имъ: «если де — думаю онъ — сіи Г. Г., основывалъ на *заглавіи* моей Газеты, выписали ее, почему же мнѣ не судитъ въ пей о книгахъ по ихъ *заглавіямъ*?» — Дѣльно! . . это подражаніе дѣйствительно должно бытъ утѣшительно для подписчиковъ на *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*: для людей вообще пріятно, если неудачи, которыми подверглись они, раздѣляютъ съ ними другіе; или, объясняя другимъ примѣромъ, для людей вообще пріятно видѣть въ другихъ свои недоспадки: это какъ-бы извиняетъ ихъ въ собственномъ своемъ понятіи.

- (4) Здѣсь надлежало-бы пояснить, что сіи слухи суть *печатныя*, и что *знаменитостію*, которую Г. Б — шевъ приписываетъ *Мертволу ослу*, Романъ сей пользуется въ *Парижѣ*. Впрочемъ, мы имѣли уже случай говорить о дикости вкуса въ нѣвшнее время у Французовъ, которые до такой степени любятъ оплнчаться повизвою, что иногда впадаютъ и въ странности. *Изд.*
- (5) Впрочемъ и у насъ есть молодые Авторы, если не съ необыкновенными, то по крайней мѣрѣ съ хорошими способностями, у которыхъ иногда, по Русскому выраженію, умъ за разумъ забѣгаетъ. *Изд.*
- (6.) Что за вопросные пункты: *Неужели? Неужели?* Разумѣется, нѣтъ.

(*) Макулатура, типографское выраженіе, означаетъ печатную бумагу, которая, по негодности своей, употребляется только на обертку.

въ разныхъ Французскихъ литературныхъ Журналахъ (7), — и не спалъ-бы говорить объ ней въ Августъ 1831 г. съ такимъ-же удивленіемъ, съ такимъ-же страннымъ видомъ, какъ бы сочиненіе только что явилось въ Петербургъ.

Сверхъ того въ концъ своей критики онъ утверждаетъ, будто эта книга доставитъ чрезвычайное удовольствіе челоѣкопонависникамъ, что рѣшительно опровергаетъ все похвалы: то, что правится такимъ людямъ, вредитъ правственности и сердцу. — Спрашала Критика! Смѣшная Критика! — *Удивительно*, что Издашеля Г-нъ Воейковъ далъ ей мѣсто въ своей Газетѣ! —

Вл — рѣ Б — шевъ.

12 Августа 1831 г.

Если уже пошло на *удивленіе*, то Г. Б — шеву надлежало-бы заодно *дивиться*, что въ томъ же 64 Но Литературныхъ Прибавленій къ Р. И., потчасъ въ слѣдъ за упомянутою критикою, напечатано слѣдующаго содержанія

О П Р А В Д А Н І Е .

„Въ нѣсколькихъ NNо *Свернаго Меркурія* были напечатаны статьи, въ которыхъ изворенія Г-на Александра Орлова ставились на одну доску съ „статьями, въ Литературныхъ Приб. къ Рус. Инв. помещенныхъ (т. е. помещаемыми) Г-на Алексѣя Кораблинскаго. Не входи въ разсмотрѣніе того, до какой степени справедливы все эти замѣчанія, я, движимый честью и деликатностію (*бррр!*), объявляю (*слушайте! слушайте!*), что сіи критики, посвяція на себя оппечатокъ брани, принадлежатъ вовсе не „Мнѣ, хотя кшо-то и подписалъ подъ оными, какъ-бы съ нѣкоторымъ умысломъ (*именно для того, чтобы приписать гестъ сочиненія сихъ статей Владиміру П. Б — шеву!*), главныя буквы моего имени и фамиліи, т. е. В. Б., коими Я обыкновенно (какъ кстапи это *обыкновенно!*) подписывалъ статьи „Мои, помещаемыя мною въ разныхъ періодическихъ „здѣшнихъ изданіяхъ.“

На подлинномъ подписано: *Владиміръ Б — шевъ.*

Прочтешь — и не вѣришь собственнымъ глазамъ въ прочитанномъ. Если бъ въ день выхода 64-го Но Литературныхъ Прибавленій къ Р. И. (12 Августа) не получилъ я отъ Г. Б — шева *собственноручное* письмо, при которомъ онъ доставлялъ мнѣ вышенапечатанное *Посланіе къ Рецензенту книги: Мертвый оселъ*, и въ которомъ онъ упоминаетъ объ этомъ курьезномъ оправданіи своемъ, — то непременно заключилъ-бы, что это мистификація, и что Г. Воейковъ, желая подшутить надъ любезнымъ моимъ сотрудникомъ, вздумалъ подписать подъ сею странностію: *Владиміръ Б — шевъ*. Каково же мнѣ было разочароваться въ этомъ, и увѣриться, что эта странность дѣйствительно сдѣлана имъ Г. Б — шевымъ. Могъ ли я вообразить, чтобы онъ былъ способенъ сдѣлать подобную странность?.. *Во-первыхъ*, хотя въ нѣсколькихъ NNо *Свернаго Меркурія* и были напечатаны статьи, въ которыхъ упоминалось о равноспепенныхъ авторскихъ дарованіяхъ Г. А. Орлова и Г. А. Кораблинскаго, но не *подъ остлми* ими, а *подъ одного* только (см. 68 Но С. М.) подписаны буквы *В. и Б.*, коими, какъ говоритъ Г. Б — шевъ, Онъ *обыкновенно* подписываетъ статьи свои, помещаемыя имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но съ чего же Г. Б — шевъ взялъ, что статью, подъ которою подписаны буквы *В. и Б.*, равно и другія, подъ которыми даже и не поставлено никакихъ буквъ, — читатели должны приписать именно ему Г. Б — шеву? Почему долженъ быть у всѣхъ безпрепятно на умъ одинъ только онъ Г. Б — шевъ?.. Отъ чего же все особы (коихъ и довольно много), которыя занимаются Литературою, и которыхъ фамиліи начинаются съ буквы *Б.*, не могутъ подписывать подъ статьями своими сей буквы потому только, что Г. Б — шевъ *обыкновенно* подписывается сею буквою подъ статьями своими?.. Чудно, непопашно!.. Если Г. Б — шевъ вздумаетъ печатно опречаться отъ всѣхъ чужихъ статей, подъ которыми подписывается буква *Б.*, и которыя помещаются въ разныхъ изданіяхъ, то у него не спанетъ времени и писать все эти оправданія, у Журналистовъ не спанетъ способовъ ихъ печатать, а у публики не бу-

(7.) Смори выше 4-е примѣчаніе.

день перья ихъ читать. Ну, а если все пѣ, копировать фамиліи начинающіяся съ В, кончающіяся на *шевъ*, вздумаютъ въ свою очередь опречкаться описателѣй, помѣщаемыхъ въ разныхъ изданіяхъ подъ имени буквами, что тогда будетъ? . . Тогда надобно будетъ издавать особый Журналъ единственно для помѣщенія статей сего рода. Хитрый примѣръ подавъ Г. В — шевъ! — *Во-вторыхъ*, Г. В — шевъ утверждаетъ, будто-бы пѣ снаны, на которыхъ пламенное его воображеніе возымало приписаніе, носящее на себѣ отпечатокъ *брани*. Помилуйте! . . Въ сихъ статьяхъ только говорится, что произведенія Г. А. Кораблинскаго имѣютъ нѣкоторое сходство съ сочиненіями Г. А. Орлова, и что въ авторскихъ дарованіяхъ сихъ Г. А. есть что-то общее. Какая жь это брань? . . И Г. В — шевъ долженъ еще рѣшиться, для чего именно *изъ нихъ*, и доказать, почему именно сравненіе одного съ другимъ можно назвать *бранью*? . . Теперь же они оба, находясь въ недоразумѣніи, могутъ относить каждый къ самому себѣ такое оскорбительное для нихъ опубликованіе: развѣ употребленіе имени Г. А. Орлова или Г. А. Кораблинскаго есть *брань*? . .

Я увѣренъ, что если Г. В — шевъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ, сообразитъ все вышенаписаннаго обспорятельства, то, вѣроятно, самъ убѣдится, что онъ сдѣлалъ величайшую странность, — и вмѣстѣ съ нами, искренно желающими ему всякаго лучшаго успѣха на поприщѣ Словесности, — воскликнетъ пѣмъ же голосомъ, которымъ онъ восклицаетъ въ концѣ вышенапечатаннаго Посланія своего къ Г. Воейкову: „Странное оправданіе! Смѣшное оправданіе! Удивительно, что Издатель Г. Воейковъ далъ ему мѣсто въ своей Газетѣ! . .“

Б. Р.

Разныя извѣстія, замѣчанія, наблюденія, Анекдоты, выписки и проч.

— Извѣстный Французскій Романистъ Бальзакъ, Авторъ *Scènes de la vie privée* и многихъ другихъ прелестныхъ статей, разсыпанныхъ въ Парижскихъ Журналахъ, написалъ новый Романъ Философскій: *La peau de chagrin*. Весь Парижъ опять него съ ума сходитъ.

Зналъ, что у Французовъ *люди* существуютъ и въ Литературѣ, и что у нихъ легко войни въ меду Писателю, какъ равно чтишь въ послѣдствіи времени и выйни изъ нее, — мы не увлеклись-бы похвалами Парижскихъ Журналовъ, превозносящихъ новое произведеніе Бальзака, если бѣ сами не прочитали его, и если бѣ не нашли въ немъ многихъ ошривковъ дѣйствительно весьма превосходными.

— Всякой, кто только видѣлъ внутренность новаго Театра, строящагося у Аничковскаго Дворца, не можетъ довольно нахвалиться великолѣніемъ, вкусомъ, расположеніемъ и красотою. Все Искусства, все знанія соединились для украшенія этаго зданія, которое будетъ Памятникомъ изящнаго въ Царствованіе НИКОЛАЯ. Говорятъ, что тамъ будетъ шесть или семь ярусовъ ложъ, и изъ каждаго будетъ слышно и видно превосходно, — удобство, коимъ мы не пользуемся въ нашемъ глухомъ Большомъ Театрѣ, хорошемъ лишь для Балетовъ.

— Въ Корнуалійскихъ рудоконяхъ недавно нашли тѣло одного молодого рудоконя, по неосторожности проваливащагося туда лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и который считался до сего времени пропавшимъ безъ вѣсти. Трупъ остался невредимъ, въ слѣдствіе вліянія купоросныхъ частицъ въ воздухѣ этихъ лѣтъ. Собралась толпа любопытныхъ, и вдругъ одна семидесятилѣтняя старушка, всмотрѣвшись въ трупъ, при помощи своихъ очковъ, пу цѣловать его, плакать и смѣяться въ истерическомъ припадкѣ. Когда она пришла въ себя, то свѣдали отъ нее, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ этою челоуѣкъ былъ женихомъ ея, и что они другъ друга любили страстно. Одинъ изъ свидѣтелей пишетъ, что эта сцена произвела на всѣхъ неописанное впечатлѣніе. — Старуха умерла, обнимая трупъ этаго — юноши, лице котораго цвѣло жизнью и здоровьемъ.

— Одна Полька спросила у Русскаго Офицера, имѣетъ-ли онъ *кобиту* (*)? — Офицеръ, воображая, что она спрашиваетъ у него о кибиткѣ, отвѣчалъ, что имѣетъ двѣ. — „Развѣ у васъ позволяется имѣть по двѣ?“ — „Сколько кому угодно.“ —

(*) *Кобита* на Польскомъ языкѣ означаетъ *жену*.

„А разводъ у васъ бываетъ?“ — „Какъ же: очень часно.“ — „Кто же разводитъ?“ — Генераль или Полковникъ.“ — Полька изъ сего заключила, что Русскимъ позволятся имѣть по нѣскольку женъ, и что право развода предоставлено Генераламъ и Полковникамъ.

— Когда-то, во время поста, одному благочестивому человѣку захошлось выпить водки. Онъ никакъ не рѣшался учинить шакаго прегрѣшенія, не вмѣнивъ къ тому законнаго предлога, котораго могъ бы успокоить его совѣсть. Долго онъ ломалъ голову, совѣтовался съ своими пріятелями, и наконецъ одинъ изъ нихъ убѣдилъ его, будучи *путешественнику* позволяется выпить водку во время поста. Обрадовавшись шакой счастливой мысли, онъ поспѣхъ съѣлъ на палочку и началъ ѣздить по комнатамъ; пошомъ, подѣхавъ къ шкафу, выпилъ рюмку, и опляшъ пустился въ галопъ съ новою бодростію. Повторяя такимъ образомъ, онъ напился порядочно, и послѣ уснулъ съ спокойною совѣстію, не учинивъ, по его мнѣнію, грѣха.

— По Невскому проспекту взяли хорошия содержательницу одного Пансіона. За гробомъ ея слѣдовали всѣ воспитанницы въ траурныхъ платьяхъ съ заплаканными глазами. Одна старуха, повстрѣчавшись съ эпою процессіею, остановилась, сдѣлала поклонъ, и, считая воспитанницъ за дѣтей покойной, покачала головою, и сказала со вздохомъ: „дочерей-то, дочерей-то сколько оспалось сиротами; да все какія молоденькія, хорошенькія.“

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Сѣверный Меркурій, по многимъ побудительнымъ обстоятельствомъ, отъ Издателя независимымъ, за вторую половину 1831 года, ш. е. съ 1-го Іюля по 4-е Января 1832 года, изданъ не будетъ.

Подписавшимся особамъ на Сѣверный Меркурій, *шести-мѣсячное* изданіе сей Газеты замѣняется *осми-мѣсячнымъ* изданіемъ *Гирланды*, Журнала Словесности, Музыки, Модъ и Театровъ, состоящимъ изъ 29

книжекъ, со всѣми принадлежащими къ онымъ карпшикамъ Модъ, нопамъ, рисунками экипажей и проч.

По справкамъ, сдѣланнымъ въ пренумераціонныхъ спискахъ обонхъ сихъ Журналовъ, оказалось нѣсколько особъ, получающихъ оба сія Журнала вмѣстѣ; почему сія особы оспаются въ подпискѣ на Сѣверный Меркурій за первую половину 1832 года; если же угодно, могутъ попребовать деньги свои обратно.

Первые 31 NN Сѣв. Меркурія за первую половину 1831 года выданы; съ 52-го по 78-й No всѣ нумера также выданы сполна. До сего времени оспаются невыданными съ 32-го No по 52-й No, всего *двадцать* нумеровъ. Сія нумера выйдутъ вслѣдъ одинъ за другимъ въ теченіи сего Октябрю мѣсяца.

По выходѣ 51-го No, немедленно будетъ разосланъ ко всѣмъ подписавшимся особамъ *третій* томъ Сѣвернаго Меркурія, особо переплетенный, и состоящій изъ 77 NN, за первую половину 1831 года.

При семъ 51-мъ No Сѣв. Меркурія прилагаются 24 и 25 книжки *Гирланды*, съ принадлежащею къ нимъ карпшикою Модъ.

Первыя *двадцать три* книжки *Гирланды* доставятся къ подписчикамъ на Сѣв. Меркурій при одномъ изъ слѣдующихъ NNo сей Газеты; о чемъ и объявлено въ томъ No Сѣв. Меркурія, при комъ онъ будетъ посланъ.

Тѣ изъ особъ, подписавшихся на Сѣв. Меркурій, котораго, за симъ распоряженіемъ, пожелаютъ получить *Гирланду* и съ 30-й книжки до окончанія года, чтобы имѣть у себя полное годовое изданіе и сего Журнала, благоволятъ ввести за остальныя *четырнадцать* книжекъ (ш. е. 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42 и 43, имѣющія выйши до 1-го Января 1832 года), съ принадлежащими къ нимъ карпшиками Модъ, нопами, и проч., — *пятнадцать* рублей. Иногородныя особы, съ приложеніемъ сей суммы, могутъ опнеспись или въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или къ Издателью *Гирланды*, адресуя въ семъ случаѣ: *Въ Котору Издатель Гирланды*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Сибирскаго Меркурія.*

№ 32.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 16 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

СЕРЕНО (*).

(Юмористическая Испанская Баллада.)

„Одннадцать часовъ спите все тихо!“

Эта часть, когда Серено одѣвается въ плащъ темнаго цвѣта, беретъ жердь, контору втыкаетъ въ кольцо желѣзнаго фонаря, привязываетъ свистокъ къ поясу, и, какъ спражь спокойствія и тишины, медленно идетъ по улицамъ Мадридскимъ. Собаки громко лаютъ, и лай ихъ будитъ сосѣдей; но Серено звукомъ голосомъ кричитьъ громче лая псовъ:

„Полночь спите все тихо!“

„Я бѣдный Серено и давно ужъ не знаю ночнаго сна Нѣчего сказать: прекрасное званіе — для мужа! — Анна долго думала передъ тѣмъ, чтобъ произвести роковое да, когда сполла со мною прошивъ палоя. Гимень безъ ночей по же, что день безъ солнца; однакожь, Анна, вѣдь я возвращаюсь съ первымъ лучемъ дневнаго свѣтила; ночь коротка, а заря спитъ ночи! Хотя и хожу я тогда, какъ въ сплать, но сплю-ли я во весь день Изъ двухъ поцѣлуевъ, приносимыхъ мною тебѣ поупиру, одинъ не кладу-ли я на пурпурную щечку маленькаго существа, которое почиваетъ въ колыбели подлѣ твоего ложа? Но если бѣ я былъ менѣе увѣренъ въ твоей любви, если бѣ ревновалъ Какъ бы тогда ужасно было для меня оставлять тебѣ, и думать, что можешь быть какой

нибудь гнусный соперникъ улыбаешь, слыша вдали крикъ мой:

„Часть спите все тихо!“

„Я готовъ проводить всю ночь передъ этими великопальными палатами. Здѣсь что-то не спится Превосходительному ихъ владѣльцу. Какія-то воспоминанія дергають подушку, и грезы, говорящія о забытой чести, о преданныхъ въ жертву соотечественникамъ, о измѣнѣ Государю, и о продажѣ родины, довольно неприятны для него, и потому бѣднѣе ночное предпочтается здѣсь сну Раздайся мой голосъ подлѣ этими раззолоченными окнами клянусь: я бѣдный Серено, ни что иное, какъ несчастный Серено, а клянусь честно, что заспаваю прелептанъ этаго могущаго вельможу, крича ему подлѣ уша голосомъ насмѣшливымъ и мстительнымъ:

„Два часа спите все тихо!“

„Вотъ свѣтъ брежетъ еще въ свѣтѣлкѣ Дои Саванпаса: вѣрно онъ готовитъ какойнибудь новый комментарій. Сколькѣ я не кричу ему, что пора спать, онъ все пишетъ, и о своемъ снѣ не заболитъ, заболѣлъ о снѣ своихъ читателей. — Вотъ домъ, гдѣ я вчера чуть не поймалъ вора онъ спускался изъ перваго этажа по веревочной лѣстницѣ я свистнулъ; товарищи мои прибѣжали; но ужъ было поздно: воръ, весьма щеголевато одѣтый, успѣлъ скрыться, сорвавъ поцѣлуй съ щеки, обокраденной имъ, особы „Что жъ это, госнодаръ? — сказалъ, намъ мужъ ея, являсь въ ночномъ парадѣ на балконѣ. — „Ничего, Синьоръ Корнео“ — отвѣчалъ я:

(*) Такъ въ Испаніи называется *ночной сторожъ*, который долженъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи и Германіи, кричать ночью, который часъ бьетъ на Городской башнѣ. — *Пр. Пер.*

„Три часа спите все тихо! . . .“

„Я обратился на истинный пунш игрока, который, вмѣсто того, чтобы идти домой, шелъ въ опочаи къ шумящему Мансанаресу. Я уговорилъ его, и онъ возвратился домой. — Я на площади нашелъ пьяницу, разваливагося отъ усипалости: онъ ужъ давно искалъ своего дома между всѣми тѣми, которыя около него вертѣлись. Онъ заснулъ, сказавъ мнѣ, что Валь де Пеннасъ былъ превосходенъ въ шавернѣ Переза. Какое для него будетъ завтра пробужденіе! — Бѣдняжка! онъ лежитъ близъ фонтана! — Я сей часъ одолжилъ мой фонарь папиральнымъ солдатамъ для закурки трубокъ „Спасибо, товарищъ“ — сказала мнѣ Офицеръ: „мы Французы; вашъ Король у себя во дворцѣ; мы бодрствуемъ для него и для васъ.“ — И я громче прежняго закричалъ:

„Четыре часа спите все тихо! . . .“

„Благодаря намъ, Серенамъ, воптъ еще прошла одна ночь спокойно для жиппелей Мадридскихъ! Темныя крыши ихъ домовъ начинаютъ оплываться на проясняющемся небесномъ сводѣ; фонари, разсвѣленные шамъ и сямъ, блѣднѣютъ и гаснутъ; слышенъ уже скрипъ пельгъ, которыя привозятъ принасы на базаръ начинаютъ просыпаться Роль моя опытана Я пойду спать; сей часъ я буду въ твоихъ объятіяхъ, Анна, моя миленькая Анна! Всегда нѣжнолюбящая, всегда вѣрная клятва, ты ждешь меня, неправда-ли? Ты ждешь меня, вѣроятно, одна? Я вѣрю; но однако, изъ осторожности, потому что ужъ я вижу дверь мною, закричу въ послѣдній разъ:

„Пять часовъ спите все тихо! . . .“

Съ Фр. Басковскій.

ПѢТУХЪ - КРИКУНЪ.

Одинъ подьячій снараго покроя и пожилыхъ лѣтъ, имѣвшій впрочемъ молодую жену, нанялъ квартиру въ купеческомъ домѣ. Каждое утро безпокоилъ его пѣтухъ, который не давалъ ему спать, крича во все пѣтушье горло. Однажды чернильная душа (а можетъ быть и модал его жена, которой мѣшалъ поживать

безпокойный пѣтухъ) такъ былъ взбѣшенъ крикомъ пѣтуха, что выскочилъ на дворъ, и началъ бранить старую мѣщанку, хозяйку эпаго пѣтуха. — „Ахъ, Ване Благородіе“ — отвѣчала ему старуха: „да какъ же я могу запретить пѣть пѣтуху?“ — „Врешь ты, ракала!“ — грозно заревѣлъ подьячій: „я тебѣ приказываю, чтобы пѣтухъ болѣе не пѣлъ.“ — Слышь этой мѣщанки, услышавъ ссору, вынелъ на дворъ, и началъ защищать своего пѣтуха, который между тѣмъ преважно выступалъ, безпрестанно крича: *кукареку*. — „Я ни за что въ свѣтъ не разстанусь съ своимъ пѣтухомъ, сказалъ мѣщанинъ: потому что онъ мнѣ дареный.“ — Послѣ долгаго спора, касательно пѣтуха, нашъ подьячій, испощившій всѣ *полетже, пелику* и прочія любимыя частнички его сословія, оспался побѣжденнымъ и возвратился вспать. Онъ съ досады отъ проигрыша пѣтушинаго дѣла прибилъ свою кухарку и прочую услугу. Что касается до его жены, то, кажется, она осталась неприкосновенною: ибо, что можетъ сдѣлать старый мужъ съ молодою женою? Когда мѣщанинъ куда-то вынелъ изъ дому, подьячій со всею своею служогою вынелъ на дворъ, и началъ мѣлами гнать пѣтуха. Старуха, увидѣвъ эту процессію, покачала головою и сказала: „Ване Благородіе! да чѣмъ же виноватъ пѣтухъ-то? Вѣдь онъ ничего не понимаетъ.“ — „Я васъ заспавлю понимать!“ — сказалъ съ досадою подьячій: „въ двадцати пунктахъ подамъ на васъ просьбу.“

Бывъ свидѣтелемъ эпаго смѣннаго случая, я захотѣлъ еще болѣе досадить подьячему, и купилъ двухъ пѣтуховъ, весьма голосистыхъ, которые своимъ крикомъ такъ надѣли ему, что онъ вскорѣ переѣхалъ на другую квартиру, разумѣется такую, гдѣ уже не было ни одного пѣтуха. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ пѣтуховъ до такой степени, что когда услышитъ *кукареку*, приходилъ въ бѣшенство. Чтобы разсердить его, стоилъ только прокричать по пѣтушному.

Н. К — съ.

НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Слыхалъ-ли ты, когда въ дубравной тѣни весною поешь соловей? Когда, качаясь на возрожденной выпкѣ, выводилъ онъ похвальную пѣснь Всевышнему?...

Чиналъ-ли ты Лорда Байрона при ужасныхъ перекатахъ грома и блескъ молнии; на берегу разъяреннаго моря, при свистѣ вѣтра, готовога низвергнуть тебя въ пучину?...

Видалъ-ли ты прелестную картину природы? Зеленеющіеся луга, омываемые быстрымъ потокомъ, на брегѣ котораго стоитъ укрощающій хижина поселенна?... Вдали слышишь рожокъ пастуха, сперегущаго стадо на сосѣднихъ горахъ....

Если особенныя чувства не волновали тогда души твоей, если ты оспался нечувствительнымъ; то я жалую о тебѣ: ты недостойнъ имени человѣка.

1830.

Дилитріусъ.

СРЕДСТВО УЗНАВАТЬ ХАРАКТЕРЪ ДѢВИЦЪ.

Письмо къ другу.

Ты просишь у меня совѣта, какимъ образомъ узнать нравственныя качества той особы, съ которою ты намѣренъ навѣчно соединить свою судьбу. Признаюсь, весьма трудно самому тебѣ успѣть: въ этомъ дѣвицы вообще скрытны. Въ обществахъ онѣ, стѣсненныя приличіями и искусствомъ, являютъ не въ натуральномъ видѣ, а подѣ покровомъ свѣтскаго обращенія. Между ними ты найдешь мало различія: у всѣхъ одни приемы, одни выраженія на извѣстные случаи, такъ, что, побывши съ ними долгое время, ты не узнаешь, которая изъ нихъ добрее. Умъ и ловкость у нихъ бываетъ гораздо примѣтнее, нежели доброта души и характера. Если ты чаще будешь посѣщать ту особу, которую сколько много обожаешь,— шѣмъ хуже: она всегда будетъ предупреждать тебя, и на всякой случай станеть занасаться особенными качествами доброты, чтобы увѣрить тебя, что она дѣйствительно добра. — Въ такомъ случаѣ совѣтую тебѣ, какъ другу, познакомиться получше съ горничными дѣвушками, которыя ходятъ за предметомъ

любви твоей; разумеется задобрить ихъ, чтобы онѣ были опровержены и безпринципны въ отношеніи къ своей барышнѣ. Тогда узнаешь всю доброту ея, недостатки и капризы. Желаю отъ души, чтобы ты воспользовался моимъ совѣтомъ: онъ проситъ и легко.

Прощай.

Отвѣтъ.

Благодарю за твой совѣтъ, которымъ я весьма удачно воспользовался. Представь себѣ, я узналъ, что та особа, которую я такъ много любилъ, весьма зла и капризна. Не проходитъ ни одного дня — какъ мнѣ сказывали ея горничныя. — Чтобы она какую нибудь изъ нихъ не бранила, а когда собирается на балъ, то это дѣль бываетъ для нихъ ужаснымъ мученіемъ; только и слышатъ онѣ: *то не такъ пришло, другое не такъ завязано*; все это сопровождается жестокою бранью и даже.... о чемъ спыжусь упоминать, будучи такъ обманутъ. Зная мой характеръ, каково тебѣ покажется, если-бы я на вѣчно соединился съ такою фурией: вся жизнь моя была-бы оправлена горестями, или я погибъ-бы преждевременно. Я любилъ ее, когда воображалъ, что подѣ этими наружными прелестями, которыя очаровали меня, скрывается такая же прекрасная душа; но какъ скоро узналъ, что эта одна личина, скрывающая адскую душу, вышелъ изъ заблужденія, и началъ ненавидѣть ее. Теперь я испыталъ на самомъ дѣлѣ, какъ ничтожна наружная красота безъ доброты душевной, о чемъ прежде только думалъ. Я готовъ всемъ, желающимъ получше узнать своихъ невѣстъ, предлагать свое средство, какъ самое вѣрное и надежное въ этомъ случаѣ; только надобно, чтобы оно соединено было съ собственнымъ благоразуміемъ и повѣркою, какъ я и сдѣлалъ, и не было-бы просто основано на однихъ слухахъ, часто нелѣпыхъ. — Еще благодарю тебя и буду вѣчно благодарить за то, что ты избавилъ меня отъ злой жены, которал, какъ говорилъ, хуже сатаны.

Прощай.

Н. К.

Ч Е Р Е П Ъ .

Низвержень, при пупи лежишь полуизмѣнный,
 Въ уничиженіи сей оствовъ ледяной;
 Какъ спрашенъ видъ его — и мрачный и презрѣнный!
 Кипо мимо лишь пройдеши — содрогнется душой.

Что слава нашихъ дней, что умъ неизмѣримый?
 Богатства яркій блескъ, волшебство красоты?...
 Упадшии духомъ здѣсь, и вождь непобѣдимый —
 Все будешь жертвою ужасной паготы!..

Ө. Кафтаревъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

29. *Стлующіе Россіане при гробницѣ Государа Цесаревича и Великаго Кнзя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.* Сочиненіе *Николая Өмлина.* С. Петербургъ, въ Типографіи Гинце, 1831. Въ 8. (25 страницъ).

Ни одинъ изъ неудачныхъ бумагомарателей не приводитъ въ такое зашуднищельное положеніе своихъ Рецензентовъ, какъ Г. Өмлинъ: о его писаніяхъ не знаешь, какъ объявлять; не умешь даже опредѣлить: въ прозѣ-ли они, въ стихахъ-ли?... Сдѣлайте одолженіе, вразумите, что это такое?

«Или вѣсть сія ужасная Быстро такъ на раменахъ своихъ Вмѣсто радости, спокойствія, Тоску сильную принесла тебѣ и проч.»

Всего собственнаго издѣлія Г. Өмлина въ сей книжкѣ находилъ съ небольшимъ шестъ страницекъ; остальныя за тѣмъ замѣщены Церемоніаломъ и Приказомъ, перепечатанными изъ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей.

Всякій Россіянинъ, которому попадетъ въ руки эта книжка, дѣйствительно долженъ съговаривать, что Г. Өмлинъ взялся не за свое дѣло: писанъ и печатать. А всего неприлично, что онъ, не убѣждаясь въ рѣшительной своей бездарности, избираетъ для своихъ сочиненій такіе предметы, которые столь близки и священны для сердца каждаго Русскаго, и которые принадлежатъ перу хорошихъ Литераторовъ. Почувствуй, замѣчаемъ намъ въ сочиненіи

Г. Өмлина, мы видимъ въ немъ благомыслящаго Россіянина, за что весьма его уважаемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ въ немъ человека, весьма плохо знающаго грамотъ, которому вовсе не надлежало бы печатать своихъ писаній, чѣмбы не смѣшишь собою въ литературномъ отношеніи.

С М Ъ С Ъ .

— „Я насъ“ — сказалъ иткну въ бостонѣ, разобравъ свои карты. — „Вѣроятно свищей?“ спросилъ молодой Графъ Z*, сидѣвшій насупротивъ его, думая сказать этимъ оспрошу. — „Не обращайтесь, Графъ, въ дурную сторону моихъ словъ“ — возразилъ первый: „я насъ — Ваше Сіятельство.“

— Одинъ Профессоръ имѣлъ привычку часто плевать. Однажды, вошедъ на кафедру, и обращаясь къ тому предмету, о которомъ разсуждалъ въ прошедшей лекціи, онъ началъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, милостивые государи, вы видите, что Философія есть не иное что, какъ шпу шпу шпу.“

— „Скажите пожалуйста“ — спросилъ одинъ военный служака молодаго человека во фракѣ, недавно вышедшаго въ отставку изъ какого-то кавалерійскаго полка, но оставившаго свои мышиные ушки, и присовокупившаго къ нимъ золотыя очки: „вы оставлены съ мундиромъ?“ — „Нѣтъ-съ“ — отвѣчалъ юноша, крупя ушки. — „А! такъ вѣрно съ усами?“ возразилъ вопрошатель. — Нашъ франтъ на другой же день сбрилъ свое украшеніе.

— Одинъ Нѣмецъ велѣлъ слугѣ своему закурить трубки Иванамъ Ивановичамъ, двумъ своимъ пріятелямъ, которые сидѣли у него въ гостяхъ. Слуга, подавши имъ трубки, закурилъ также и себя. — „Ты какъ смѣлъ курить при насъ?“ — вскрикнулъ Нѣмецъ съ досадою. — „Вы приказали“ — отвѣчалъ слуга: „закурить трубки Иванамъ Ивановичамъ, а я также Иванъ Ивановичъ.“

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 33.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на вѣленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 18 МАРТА, СРЕДА.

Д О М О В О Й.

Сочиненіе Польдинга.

(Изъ Англійскаго Альманаха на 1830 годъ:
the Atlantic Souvenir.)

Въ 1800 или въ 1801 году ѣзжипо Вилліамъ Морганъ, который былъ довольно извѣстенъ въ своемъ кругу, записался въ экипажъ одного фрегата подъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ, крейсировавшаго три года въ Средиземномъ морѣ. Онъ имѣлъ страшный и странный видъ: ростъ его былъ шести футовъ и чепырехъ вершковъ; продолговатое, блѣдное лице его было изборождено морщинами; глаза, глубоко вдавшіеся въ лобъ; густые, черные волосы, сполщѣ дыбомъ, какъ будто что нибудь безпрестанно наводило на него ужась; оспироконечный, выдавшійся подбородокъ его былъ соразмѣренъ съ его ростомъ, испинно исполнскимъ; бѣлые зубы его весьма неправильно и безпорядочно были расположены; и цвѣтъ глазъ его былъ именно такой, который Авторы книгъ о сверхъ-естественныхъ предметахъ называютъ весьма страшнымъ и таинственнымъ. Кромъ всего этого, голосъ его былъ глухъ, совершенно гробовой; на правой рукѣ его были начертаны какіе-то таинственные знаки, надъ коими видны были буквы Е. и М; а табакерка у него была желѣзная. Будничное его платье состояло изъ холстинной шапки, подвязанной черною лентою; синей куртки, бѣлаго плаща и кожаныхъ башмаковъ. По воскреснымъ днямъ онъ обыкновенно носилъ бѣлую бровную шляпу, какія пользуются большимъ уваженіемъ между мажросами; а въ дождливое время онъ надѣвалъ куртку

ку гороховаго цвѣта, которая не болѣе еще полугода ему служила. Но особеннаго заслуживало вниманія то обстоятельство, что Морганъ вступилъ въ службу фрегата — въ Пятницу; что фрегатъ былъ спущенъ съ верфи въ Пятницу; что наконецъ стропиль эпаго судна родился также въ Пятницу, и что въ Пятницу же эскадра снялась съ якоря. Всѣ эти странныя обстоятельства, соединенныя съ таинственнымъ видомъ Моргана, были причиною того, что мажросы начали смотрѣть на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Во все время плаванія къ Гибралтару, поведеніе Моргана могло лишь увеличить странное впечатленіе, произведенное на экипажъ наружностію его. Сперва по нѣскольку дней сряду онъ не употреблялъ никакой пищи; а на послѣдокъ никто не видалъ, чтобъ онъ ѣлъ. Онъ не закрывалъ глазъ, ложась спать съ своими товарищами, которые увѣряли, что нерѣдко случалось имъ, проснувшись ночью, видѣть Моргана сидящимъ на своей койкѣ съ открытыми и сверкающими глазами. Когда же приходила его очередь караулить на палубѣ, то поведеніе его было столь же странно. Онъ тогда непремѣнно оспанавливался на одномъ мѣстѣ, какъ бы пригвожденный къ оному, и устремлялъ неподвижные свои взоры или на звѣздное небо или на безконечную поверхность океана, съ примѣпнымъ невниманіемъ къ своему положенію; и когда былъ выведенъ изъ онаго кѣмъ нибудь изъ своихъ товарищей, то упалъ въ обморокъ. Коль скоро же приходилъ въ себя, то рассказывалъ такія странныя

и непостижимыя вещи, что матросы, приманенные занимательностию опытъ, всегда собирались около него толпою и слушали съ великимъ вниманіемъ. Въ свободные часы, расположась на шкапцахъ, Морганъ рассказывалъ своимъ слушателямъ различныя повѣствованія о самомъ себѣ: опть чудныхъ рассказовъ его у матросовъ волосы спланивались дыбомъ, и они смотрѣли на него, какъ на челоуѣка, одареннаго великими способностями — и даже безсмертіемъ. Часто эпомъ молодець не шутя полковалъ, будто онъ живущъ, какъ кошка, и предлагалъ поварницамъ, не хочеть-ли кто изъ нихъ за извѣстную сумму денегъ повѣсить его, увѣряя, что онъ эпаго вовсе не бовпся. Иногда случалось находить его лежащимъ на спинѣ въ своей койкѣ безъ малѣйшаго признака жизни; опверстыя глаза его блипали гнѣвомъ; всѣ члены его какъ бы окостенѣли и находились въ страшномъ положеніи; нижняя часть десенъ глубоко вдавлилась; а пульсъ не бился. По крайней мѣрѣ въ эпомъ клялись его поварищи, когда они просили Доктора освидѣтельствовашъ мнимо-умершаго; но Медикъ уже нѣсколько разъ бывалъ обманутъ, и вмѣсто окостенѣлаго мертвеца, находилъ, что Морганъ живехонецъ и не показываетъ ни малѣйшаго признака въ случившемся съ нимъ обморокѣ.

По мѣрѣ продолженія ихъ плаванія, и когда въ особенностіи немного было дѣла, матросы мало по малу начали сочинять и изобрѣщать каждый въ свою очередь чудеса о Морганѣ. — Однажды маленькой юнга (foretop-man) увѣрялъ поварницей, что въ то время, когда шелъ обѣдать, онъ былъ весьма сильно схваченъ какою-то невидимою рукою, и что въ испугѣ со всѣхъ ногъ распянулся по палубѣ. Другой, съ паниспвеннымъ видомъ, увѣрялъ, что когда бралъ онъ свою порцію грока (смѣсь рома съ водою), то слышалъ раздававшіяся проклятія у самыхъ ушей своихъ. Третьему, утаившему Моргановскую табакерку, чудилось, что всегда кто-то вышаскивалъ ее изъ его кармана; а четвертый, посившій на шеѣ монету въ шесть пенсовъ, повѣщенную на лентѣ, продѣтой сквозь сдланную на цей скважину, былъ пораженъ тѣмъ, что она внезапно исчезла, чего онъ и не замѣпилъ.

Слухи объ энихъ происшествіяхъ дошли наконецъ до Капитана Р****, который недавно велѣлъ передъ тѣмъ арестовать Моргана на двадцать чепыре часа за обморочный его припадокъ, и различнымъ образомъ наказывалъ его всякій разъ, когда доходили до него эпи глупые рассказы.

Все это не производило никакого вліянія ни на Моргана, ни на экипажъ, который рассказывалъ про эпи чудеса, и не переставалъ распространять дальнѣйшихъ повѣствованій о своемъ героѣ.

Однажды, когда эскадра находилась на половинѣ пути своего плаванія по атлантическому океану, и когда фрегатъ по прекрасному попутному вѣтру плылъ по нѣскольку миль въ часъ, вдругъ весь экипажъ былъ встревоженъ внезапнымъ пожаромъ въ магазинахъ. Морганъ явился на палубѣ съ ложкою въ рукѣ, и повидимому, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтооь его всѣ слышали, громогласно воскликнулъ: „Магазины горять!“ и однимъ прыжкомъ перелетѣлъ черезъ бортъ. Пожаръ былъ потушенъ опважностию одного Офицера, который понынѣ живъ и находится на ряду знаменитѣйшихъ морскихъ героевъ. Среди общаго смятенія невозможно было спасти Моргана, и всѣ считали его погибшимъ. Спусти два дни послѣ сего происшествія, одинъ изъ кораблей эскадры прислалъ къ фрегату бопъ, на которомъ, къ общему удивленію, находился — Билли Морганъ. Двадцать часовъ спустя послѣ его скачки черезъ бортъ, онъ былъ найденъ бодро плавающимъ съ ложкою въ рукѣ около сего корабля.

Эпо происшествіе увеличило въ суевѣрныхъ морякахъ мнѣніе, что Морганъ есть мертвецъ, возвратившійся съ иного свѣта, тѣмъ боѣе, что всѣ видѣли, что онъ дѣйствительно убилися, бросаясь съ борта.

Послѣ сего Морганъ по прежнему не переставалъ рассказывать разныхъ паниспвенныхъ сказокъ. Матросы толковали и удивлялись; а Капитанъ Р**** наказывалъ рассказчика. Въ то утро, когда эскадра, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, вышла изъ Гибралтарскаго Порта, Морганъ былъ жестоко наказанъ за смотрѣніе на звѣзды и за паданіе въ обморокъ во время его вахты въ прошедшую ночь, и увѣ-

рять тогда своихъ товарищей, что при первомъ худомъ съ нимъ поступкѣ Начальства, — онъ непременно утопится. Онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе; одѣлся, какъ можно лучше, и устроилъ дѣла свои; снова наполнилъ свою шабакерку; положилъ порцію сухарей въ кармапъ, и налилъ воды въ маленькую фляжку, которую, привязавъ къ веревкѣ, повѣсилъ себѣ на шею, говоря, что бытъ можетъ ему придется въ голову прожить день другой въ водѣ, прежде чѣмъ онъ со всѣмъ пойдетъ ко дну.

Въ первомъ часу корабль находился въ спокойномъ положеніи; мракъ ночной былъ освѣщенъ звѣздами, и часовые ходили дозоромъ. Можно было хорошо разсмотрѣть, какъ Морганъ въ сіе время поднимался изъ люка (*), какъ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по палубѣ, какъ полезъ на бортъ, и наконецъ, какъ бросился въ море. Одинъ Мичманъ и два матроса подтверждали своими увѣреніями эпозъ случай; и такъ какъ на другое утро Морганъ не находился на фрегатѣ, то уже не было никакого сомнѣнія, что онъ утопился. Это происшествіе произвело много толковъ, и мнѣнія экипажа чрезвычайно различествовали, касательно сего обстоятельства. Одинъ изъ матросовъ, по имени Давидъ Джоупъ, клялся, что Морганъ обыгралъ его пополамъ съ грѣшкомъ; другой утверждалъ, что онъ не человекъ, а или домовый, или самъ чортъ, пошому что всѣхъ ихъ обыгралъ; иные же ежедневно ожидали снова увидѣть его живымъ на фрегатѣ.

(Продолженіе въ слѣд. No.)

КУПЛЕТЫ

изъ

Интермедіи-водевилля:

УПРАВИТЕЛЬ ВЪ ХЛОПОТАХЪ

или

Все съ рукъ сойдетъ (**).

Ярыжникъ. [Наумъ]

Я признаюсь тебѣ, мой другъ,

Что много мнѣ отъ ней (***) досталось,

(*) Отверстіе въ дѣкѣ корабля, сквозь которое входятъ подъ дѣкѣ. Пр. Перев.

(**) Будетъ предсказана на Большомъ Театрѣ въ пользу Г. Величкина.

(***) Отъ совѣсти.

И я отъ дѣлъ копя безъ рукъ,
Да въ руку все не попадалось.
Но ты меня наведь На умъ,
И положишь конецъ пѣвѣ худу;
Теперь схватился я за умъ
И безъ ума хватать все буду!

Лиричъ. [Надежда.]

Враговъ твоя Викпору побѣждалъ,
Но и его ты побѣдила;
Рубилъ, кололъ и въ плечи ихъ бралъ,
Тогда какъ ты его палила;
Разны враговъ всегда умѣлъ,
Но часто самъ съ собой сражался:
За вѣру умереть хопѣлъ,
А для Надежды жить оспался!

Наумъ.

Тебя я, Трифонъ, на славу
Обвдомъ знающимъ угощу!..

Ярыжникъ. [въ сторону.]

Я вижу, гусь, какого праву,
Но ушочки не упущу.

Наумъ.

Ну, отъ съ руки теперь мнѣ будешь,
И съ рукъ мнѣ будешь все сходить!..

Ярыжникъ.

Меня ничѣмъ онъ не принудитъ
Своей привычкѣ измѣнить:
У насъ во всѣхъ приказахъ свято
Законы любятъ исполнять;
За правило ужъ нами взято:
Безъ всякихъ правилъ деньги брать!

Корольковъ.

Теперь не такъ ужъ все варлеть
И все развариваютъ дольше;
Сухаго вовсе не ѣдятъ
И соли требуютъ по-больше.
И нынѣ что-то господа
Во вкусахъ сдѣлался строже:
Недосолишь чего — бѣда;
Пересолишь — такъ худо то же.

А. Булгаковъ.

С М Ъ С Ъ.

Безкровный Бой No 2-й.

Отвѣтъ на неправду правдою.

Неизвѣстно, имѣеть-ли право Г. Воейковъ, Изда-
тель Литературныхъ или такъ всѣми называемыхъ

Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Русскому Инвалиду, издѣвашся надъ своимъ подписчиками, которые, бывъ увлечены названіемъ *Прибавленийъ — къ Инвалиду*, заплатили по тридцати рублей за жалкую, сноповорную Газету его; но онъ Г. Воейковъ явно надъ ними насмѣхается: по крайней мѣрѣ онъ печатаетъ, что ему вздумается, подъ фирмою литературныхъ извѣстій. Такъ, напримѣръ, въ 78-мъ Но вышереченныхъ *Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Инвалиду*, въ спашь, подъ копорою подписано имя А. Кораблинскаго, объявлено, что Издатель Сѣвернаго Меркурія вознамѣрился закончить изданіе своей Газеты, и что онъ выдалъ при своей Газетѣ три полько картинки *лубочной* гравировки.

Если бъ самъ Г. Воейковъ вздумалъ закончить изданіе *Макулатурныхъ* своихъ *Прибавленийъ*, то это дѣйствительно было-бы со стороны его *благое намѣреніе*, собразное съ требованіями образованной и благомыслящей публики, и со всеми выгодами современнаго просвѣщенія; а если-бы Г. Воейковъ рѣшился возвратитъ и подписныя деньги, копорыя выманно заманчивое и обманчивое названіе *Прибавленийъ — къ Инвалиду*, то онъ Г. Воейковъ исполнилъ-бы то, чего требуетъ самая обыкновенная справедливость; и въ семъ случаѣ всѣ сказали-бы: мы ни одной секунды не сомнѣвались въ благородствѣ и честности Александра Оедоровича Воейкова.

Что касается до картинокъ, издаваемыхъ при Сѣверномъ Меркуріи, въ количествѣ коихъ Г. Воейковъ обчищался, а въ художественномъ достоинствѣ обглядѣлся, то намъ кспати теперь покорнѣйше доложитъ ему, что картинки сіи гравированы И. П. Фридрицомъ, лучшимъ ученикомъ знаменитаго Упкина, Художникомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣспъ по своему дарованію. Если Г. Воейковъ, издающій при *Макулатурныхъ* своихъ *Прибавленіяхъ къ Инвалиду* картинки, вовсе не превосходящія опдѣлкою своею знаменитыхъ произведеній Живописи, разноси-

мыхъ въ Петербургѣ продавцами *Прелюдостей Царя Соломона* и *Повѣствованій* (въ лицахъ) о *Погребеніи Кота*, а въ Москвѣ продаваемыхъ въ квасномъ ряду, — если, повпоряемъ, сей Г. Воейковъ имѣетъ пакія удовлетворительныя свѣдѣнія и вкусъ въ Живописи, то ему надлежало-бы сперва посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь познающѣе его, а потомъ уже опредѣлять художественное достоинство картинокъ, издаваемыхъ при Сѣв. Меркуріи; оскорблять же труды уважаемаго Художника невтжественнымъ отзывомъ — значитъ: явно насмѣхаться надъ своими читателями, полагая, что и всѣ они споль же свѣдущи, какъ самъ онъ Издатель *Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Инвалиду*, Г. Воейковъ.

Въ заключеніе сего не излишне сказать, что развъ полько Г. Воейковъ можетъ пугаться, чтообъ не попасть *на зубы* какого нибудь Журнала; сохрани его Господь отъ Сѣверной Пчелы: она неоднократно уже ему говорила, что спашь, въ ней помѣщаемыя, „печатаются съ вѣдома и одобренія Цензуры, а не сушь безыменныя и подброшенныя письма.“

А. Фрегатинскій.

Н.В. Г. Воейковъ принялъ за правило: сдѣлать въ какомъ нибудь Но *Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Инвалиду* выходку проптивъ Сѣв. Меркурія или *Гирланды*; а потомъ, въ томъ же Но, черезъ спрашчку или черезъ двѣ, и цапъ-царапъ что нибудь изъ *Сѣв. М.* или *Гирланды*. Такъ, напримѣръ, и въ этомъ 78-мъ Но *Макулатурныхъ Прибавленийъ*, сперва упрекаетъ *Гирланду* въ недостаткѣ наличнаго воздуха, а черезъ чепыре справочки, отъ нея же поживилъ (*) стихопвореніемъ: *Къ статуу Наполеона*. Таковъ Г. Воейковъ! . .

(*) *Поживилъ* — плоскость эпига выраженія можно извинитъ развъ попому полько, что дѣло идетъ о *Макулатурныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду*, слогъ копорыхъ илюминированъ подобными выраженіями. *Прим. Коррктора.*

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или Н. В. Слѣпина; подписывал на оныхъ: *Издатель: Севернаго Меркурия*

№ 34.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на александрийской бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкой на домъ и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 20 МАРТА, ПЯТНИЦА.

Д. О. М. О. В. О. И.

Сочиненіе Полюдина.

(Изъ *Английскаго Альманаха на 1830 годъ*, the Atlantic Souvenir.)

Продолженіе.

Экадра плыла медленно, быть удерживаема проливными вѣтрами, который, по мнѣнію сверныхъ мапросовъ, на фрегатахъ, небавшихся ничего, кромѣ Плины и домыхъ, именно свирѣпствовали по водѣ чуднаго Моргана. Судьба сего послѣдняго не переставала быть предметомъ толковъ и удивленія мапросовъ, которые не могли найти другаго занимательнѣйшаго для себя разговора. Въ одну ночь, поспавъ недѣлю спустя послѣ его прыжка съ борна, — Морганъ, блѣдный и ужасный, въ безпорядочной одеждѣ съ глазами, углубившимися болѣе обыкновеннаго съ сплюснутыми дыбомъ волосами, и со всеми признаками, отличающими мертвеца отъ живыхъ, — былъ видѣнъ однимъ изъ его товарищей, который только что легъ спать въ это время. Сей послѣдній ясно видѣлъ, какъ онъ тихо выходилъ съ корабельнаго носа, какъ онъ подошелъ къ одному изъ сплотовъ, на которомъ стоялъ горшокъ, какъ онъ съ жадностію изъ онаго пилъ воду, и какъ наконецъ исчезъ по тому же самому направленію, по которому и явился. Мапросъ разсказывалъ на другой день про это происшествіе; но не все ему вѣрили.

Въ другую ночь, по же видѣніе явилось, и было видимо многими другими, кромѣ того, который въ первый разъ оно замѣтилъ. Морганъ такъ же сошелъ со

платформы, такъ же наполнил воды, и точно такъ же исчезъ, какъ и прежде. Сказка о Моргановомъ духѣ на другой же день дошла и до Капитана, который немедленно сдѣлалъ строжайшее слѣдствіе, чтобы узнать, какимъ образомъ господинъ домовой можетъ посѣщать фрегаты. Онъ думалъ, что впечатлѣніе, произведенное прыжкомъ Моргана съ борна, скрываетъ въ себя обманъ, и что онъ, вѣроятно, тайно скрываетъ гдѣ нибудь на фрегатахъ. Слѣдствіе было сдѣлано, какъ пельза строже; но ничего не нашли. Тишина и слишкомъ слабые вѣтры продолжались, и не было на фрегатахъ ни одного мапроса, который бы отъ чистаго сердца не вѣрилъ, что тупитъ купитъ также таинственный Билли Морганъ. — Домовой, п. е. Морганъ, явился въ послѣдующую за тѣмъ ночь, и былъ ясно видѣнъ мапросомъ, укравшимъ у него табакерку. Господинъ домовой сълъ и началъ съ большимъ аппетитомъ жевать останки похлебки, оставшейся отъ ужина, которую какъ-то нечаянно забыли на столѣ; послѣ чего онъ исчезъ точно такъ же, какъ и прежде. Мапросъ клялся, что когда домовой, у котораго онъ укралъ табакерку, прицѣлъ, по онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, и намѣревался возвратитъ ему оную; но коснувшись до руки его, нашелъ, что она столь же холодна, какъ вода океана.

Капитанъ Р**** былъ чрезвычайно недоволенъ этими разсказами, и еще нѣсколько разъ дѣлалъ по сему предмету должныя разысканія, но по прежнему безуспѣшныя. Тогда онъ приказалъ одному молодому

Мичману караулить на палубѣ. Въ эту ночь домовою снова явился. Отважный юноша подошелъ къ нему; но привидѣніе бросилось въ сторону съ необычайною быстротою — и исчезло. Мичманъ немедленно увѣдомилъ о семъ своего Капитана, который послышавъ въ распахъ сдѣлать новый певальный обмыскъ, что, какъ и прежде, ничего не пацисл. — Въ это время ужъ не было ни одного на фрегатѣ мапраса, который не боялся-бы появленія Моргановой пѣвни, и даже умы Офицеровъ начинали заражаться эпямъ спраннымъ и поспыднымъ предрасудкомъ. — Въ послѣдствіи времени эскадра прибыла къ Гибралтару и вступила въ Алжирскій заливъ, гдѣ корабли оспались на нѣсколько дней, скидая, пока придуть пѣ, которые должны собою усилить флотилію. — Въ обыкновенный часть ночи явился Билли Морганъ одному изъ своихъ товарищей, подаль ему руку, и сказы: „Здравствуй, Томъ!“ исчезъ по обыкновенію.

Между пѣмъ, какъ эскадра находилась на якорѣ, корабельнымъ экипажамъ дозволено было выходить на берегъ. Пользуясь этимъ позволеніемъ, однажды одинъ изъ товарищей Моргана, по имени Томасъ Броунъ, находился въ одной узкой улицѣ Алжирскаго форштапта, какъ вдругъ ему послышались произнесенные знакомымъ голосомъ слѣдующія слова: „Томъ! Томъ! взгляни на меня: развѣ ты не узнаешь прежняго твоего товарища?“ — Томъ немедленно узналъ голосъ, и, озираясь на всѣ стороны, увидѣлъ спараго своего знакома — домового Билли Моргана: но онъ, однако же, не показалъ ему ни малѣйшаго желанія возобновить съ нимъ знакомства, почему, безъ оглядки, далъ пягу, какъ будто привидѣніе его преслѣдуетъ. Прибѣжавъ къ боту, гдѣ ожидали его оставшіеся товарищи, онъ разсказывалъ о случившемся съ нимъ всякому, кто только слушать желалъ. Эти разсказы снова дошли до Капитана. Сей послѣдній, начавъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, удостовѣряться въ существованіи живаго домового, Билли Моргана, сообщилъ про это Губернатору города, который съ своей стороны произвелъ слѣдствіе, ценѣвшее впрочемъ ни малѣйшаго успѣха. Въ эту ночь, какъ нарочно, снова явился духъ на фрегатѣ, въ обыкновенный свой часть, и

коснулся даже своего ледяною рукою до лица Томаса Броуна, которому онъ оставилъ свои часы и сундукъ съ платьемъ. Бѣднякъ спалъ громко кричать; но не успѣлъ сдѣлать никакаго преслѣдованія: ибо домовою, какъ по обыкновенію случалось, быстро исчезъ невѣдимкою. — Послѣ сего нѣсколько дней сряду Билли являлся по два и по три раза кому нибудь изъ своихъ старыхъ певарницей, иногда въ городѣ, иногда на фрегатѣ, но всегда во время ночнаго мрака. Имъ всегда казалось въ это время, что они сами служатъ игрою какой-то сверхъестественности, но никогда, какъ бы тихо и оспорожно она не дѣйствовала, ни не случалось подстеречь это дивное привидѣніе. На послѣдокъ Морганъ явился на фрегатѣ, и одинъ изъ моряковъ хорошо слышалъ, какъ онъ ему шепнулъ: „Мы увидимся въ Мальтѣ!“ — Послѣ него ни мало не медля онъ исчезъ, какъ и прежде.

Капитанъ Р*** былъ весьма пораженъ этими спранными и необыкновенными посщеніями, и употреблялъ всѣ возможныя усилія, япобъ открыть эти чудеса. Онъ самъ примѣжно осматривалъ то мѣсто, съ котораго обыкновенно являлся Морганъ, равно какъ и то, съ котораго онъ бросился. Онъ допрашивалъ всѣхъ безъ изъятія, и даже строго наказывалъ пѣхъ, которые, какъ казалось ему, хотѣли обмануть его своими разсказами, или пѣхъ, которые, по его мнѣнію, участвовали въ побѣгѣ Моргана, помогая ему послѣднему. Онъ безпрестанно находился на носу фрегата, но пѣмъ не менѣе ничего не успѣлъ открыть. Изъ всего послѣдоваго шелько, что дѣло это по-прежнему скрыто было мрачнымъ покровомъ пванствственности, и скоро эскадра, плывшая въ то время Средиземнымъ моремъ, начала крейсировать около Африканскаго берега, и наконецъ вступила въ Мальту, какъ въ сборное мѣсто.

Съ недѣлю прошло послѣ этого времени, какъ фрегатъ бросилъ якорь, и въ эти дни не было ни слуху ни духу о домовомъ, изъ чего и заключали, будто пѣнь Моргана нѣсколько поуспокоилась, и мало по малу происшествія эти начали забываться. Наконецъ, нѣсколько мапросовъ, бывъ въ Лавалептѣ, какъ по забрели въ маленькую шаверну, находившуюся въ одной

изъ самыхъ опдаленныхъ частей города, и путь-то эти двуногіе амфибіи предались, по обыкновенію своему, самому буйному веселію. Между ними былъ и наслѣдникъ Билли Моргана, который легъ спать съ грузною головою. — Онъ не могъ навѣрно сказать, скоро-ли послѣ него, какъ онъ заснулъ, — но вдругъ ему послышалось, что-подъ самыми ушами ему кто-то шепчетъ: „Томъ! Томъ! проснись братъ!“ — Отворяя глаза, онъ, при блѣдномъ мерцаніи упренныхъ лучей, увидѣлъ странное лицо Моргана, опершагося на его кровать, и устремившаго на него сверкающіе свои глаза. Томъ заревѣлъ: „Ай! караулъ! Домовой! Билли Морганъ!“ Онъ такъ громко кричалъ, что разбудилъ хозяина, который прибѣжалъ осведомиться, въ чемъ дѣло. Томъ рассказалъ все въ подробности; но не нашли ничего подобнаго, имъ описываемаго. Лице прахирщика показывало некоторое недоверіе къ рассказамъ Томаса Броуна, а примѣру мужа и отца слѣдовали жена и дѣти. — Извѣстіе, что снова Билли явился магросамъ, дошло до фрегата, и Капитанъ Р****, услышавъ про это, вскричалъ: „Что я слышу! Духъ Билли Моргана опять явился? — О! шеперь же или я отдѣлаюсь отъ этого проклятаго привидѣнія, или пусть другой, кто въ состояніи, попытается сдѣлать это.“

Капитанъ Р**** пошлъ же часть съѣлъ на свой каперъ, явился къ Губернатору, и, объявивъ ему положеніе своего экипажа, просилъ его вспомошествованія для открытія или духа Билли Моргана, или самаго Билли, что для него все едино. Въ эту ночь Губернаторъ произвелъ спрочайшее слѣдствіе во всѣхъ попаенныхъ берлогахъ и закоулкахъ въ маленькомъ городкѣ Лаваленгѣ; но тщетно. Никто не видалъ этого чуднаго существа, ни въ физическомъ, ни въ духовномъ видѣ; и хозяинъ дома, въ которомъ Тому появилось привидѣніе, увѣрялъ, равно какъ и его семейство, что они ничего подобнаго не видали. Но не малаго достойно было удивленія, что послѣ споль безуспѣшнаго разысканія, въ ту же самую ночь, Билли вздумалось снова явиться на фрегатѣ, гдѣ немедленно и подошелъ къ старому своему поварицу Томасу Броуну, которому, по духовной своей, онъ завѣщалъ

свое имущество. Но Томасу не слишкомъ-то попуру было знакомство съ домовымъ, и онъ заревѣлъ такъ громко, что весь экипажъ взбударажился, а Билли исчезъ, не бывъ совершенно никѣмъ видимъ, въ мнуну безпорядка, имъ произведеннаго.

Капитанъ Р**** былъ въ ошчаяніи; врядъ-ли, кто болѣе его испыталъ преслѣдованій домоваго. Ужасъ и удивленіе овладѣли до такой степени экипажемъ, что Алжирскій Пиракъ могъ-бы безбоязненно приблизиться къ фрегату, и потребовать условной сдачи онаго, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Всѣ магросы рѣшились написать прошеніе къ Капитану (на которомъ всѣ подписались); и просили его причалить къ ближайшему берегу, выгрузиться совершенно, и бросить роковой фрегатъ на волю привидѣнія Билли Моргана, который безпрестанно являлся, то между палубами, то на бушпортѣ, а иногда даже и на реяхъ и на бранъ-стенгѣ. Исторія сія распространилась по всей Лаваленгѣ, и никто ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ о духѣ Билли Моргана, который началъ даже являться къ часовымъ въ пристани, и даже одинъ изъ сихъ послѣднихъ имѣлъ довольно смѣлости, чтобъ дерзнуть по немъ выстрѣлить; но тщетно. Сіе послѣднее обстоятельство сопровождало весь островъ и заставило разсуждать объ этомъ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

Э П И Г Р А М М Ы

1.

Въ очкахъ, наморщивши чело,
Пущонъ на всѣхъ печисный взоръ вперлетъ;
И всякій глупость въ нихъ чинаетъ,
Сквозь ихъ прозрачное стекло.

П. Др — въ.

2.

Хоть Прищемъ будь, хоть Жляжескиаъ будь сыномъ
Ты съ золота, сиди подъ балдахиномъ,
Лежи на бархатѣ, на мраморѣ пиши,
Но если пять въ тебѣ достоинства души,
Нытъ добродѣтели открытой,
Ты будешь Фамусовъ — глупецъ прізнаменитой!..

Ө.

5.

Какъ люди часто погрѣшаютъ
И видъ другой вещамъ даютъ:
Любовь прямую зломъ считаютъ,
А зло *Любовию* зовутъ! —

№

4.

Какъ! на *Меркурина* и *Хрокилия* нападаешь?..
Ай, *Хрокилия*, молодецъ, ей, ей!..
Лягай въ *Меркурина*, пускай злодѣй
Ослѣпнѣя копыта знаетъ!..

№

НОВЫЯ КНИГИ.

30. *Актеры и Музыканты* или *любовь, всему научитъ*,
Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Григорьева, С. П. бургъ, въ Тип. Байкова, 1831. Въ 12.
(94 стран).

Водевиль сей написанъ слогомъ легкимъ и довольно чистымъ; характеры выдержаны; двусмысленности и оспрошны встрѣчающіяся часто. Все это выказываетъ способности Автора и общается въ немъ *со временемъ* хорошаго Водевильста.

Не смѣя на это, мы не можемъ не замѣтить Г. Григорьеву, что Водевиль его распянутъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже упомяетъ чинашеля (*). Актеры: Твердовъ, Связовъ, Смѣльской, лица вѣднѣя, а не необходимыя, чего следовало-бы избѣгать, особливо въ Водевиль, гдѣ не должно быть ничего лишняго.

Нѣкоторыя оспрошны Г. Григорьева уже слишкомъ принужденны: „Тверди ей, что ты ужасно влюбленъ“ — говоритъ Камеръ-музыкантъ: „Колковъ: „начни, какъ водится, съ *adagio*, а кончи веселенькой фугой. Понимаешь-ли?“

Квинтоквинъ. Но вѣдь вы знаете, что Квинпо....

* *Колковъ*. Въ одну секунду! секунду! [*уходитъ*]

(*) Эпоть недоспатокъ, по моему мнѣнію, весьма оцущипеленъ и на сценѣ. *Изд.*

Г. Григорьевъ уже слишкомъ *натянулъ* свою квинпу: она легко можетъ оборваться, и иногда ему же достанется!..

А. Б — въ.

С. М. Б. С. Б.

Безкровный Бой. Но 3-й.

Г. Воейковъ, *Издатель Литературныхъ Прибавлений къ Русскому Инвалиду*, до такой степени дозволилъ себѣ литературное своевольство, что началъ объявлять въ своемъ изданіи, къмъ именно будпо-бы пишущія нѣкоторыя статьи въ другихъ Журналахъ, хотя подъ сими епательми вовсе не означено, не только Авторовъ имент, но даже никакихъ буквъ, и хотя сии статьи вовсе не писаны пѣми лицами, которыми Г. Воейковъ ихъ приписываетъ. Такъ, напримеръ, Г. Воейковъ, въ 78 и 79 NNo *Литературныхъ* своихъ *Прибавленийъ*, объявлялъ, будпо-бы статьи о *Сѣверномъ Меркурии* и *Гирландѣ*, помѣщенныя въ Газетѣ: *Miroir*, въ отдѣленіи *Variolage*, именно чинашеля *В. П. Буриашевъ*.

Чему присписать такое недозволенное въ Литературѣ своевольство Г. Воейкова?.. Тому-ли, что онъ написалъ это спросна, безъ всякаго умысла, или неуваженію его къ лицу Литератора, именемъ котораго онъ располагаетъ по своему произволу? — Мы надѣемся, что Г. Буриашевъ, съ свойственнымъ ему благородумемъ, оставитъ безъ вниманія подобную выходку; однако жъ долгомъ считаемъ предварить Г. Воейкова, что не всякій Литераторъ сочтетъ себѣ обязаннымъ быть противу него снисходительнымъ: иной убѣдительно ему докажетъ, что онъ дѣлать се-го не можетъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ.

Если Г. Воейковъ счелъ себѣ вправѣ, по своимъ дальновиднымъ догадкамъ, приписать упомянутыя статьи Г. Буриашеву, и объявить о томъ въ своемъ Журналѣ, — почему-же ему, Г. Буриашеву, въ свою очередь, не объявить *за вѣрное*, что имя *А. Кораблинскаго*, столь часто встрѣчающееся въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* къ *Русскому Инвалиду*, есть псевдонимическое имя, принятое на себѣ вышереченнымъ Г. Воейковымъ, и что за пѣмъ всѣ статьи, подъ которыми подписано имя *А. Кораблинскаго*, — принадлежатъ именно ему Г. Воейкову.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Сѣвернаго Меркурія.*

№ 35.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 23 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Д О М О В О Й.

Сочиненіе Полюдинга.

(Изъ *Англійскаго Альманаха на 1830 годъ*:
the Atlantic Souvenir.)

Продолженіе.

Изъ Магьты эскадра, послѣ кратковременнаго крейсированія, поплыла къ Сиракузамъ, въ намѣреніи постоять тамъ на якорѣ нѣсколько времени. Она принуждена была здѣсь выдержать долговременный карантинъ; корабли были весьма тщательно осматриваемы Докторами и обкуриваемы сѣрою, къ великому удовольствію мапросовъ, ибо они воображали, что сей запахъ имѣетъ вліяніе на посѣщенія Билли Моргана или его тѣни. — Это удовольствіе было увеличено въ особенности тѣмъ, что мапросы, во время карантина, ни разу не были обезпокоиваемы несносными посѣщеніями ужаснаго домового. Но въ первую же ночь, по окончаніи карантина, Билли снова посѣтилъ спараго своего товарища, Томаса Броуна. Домовой, какъ и прежде, блѣдный, истощенный и мокрый, разбудилъ его; по обыкновенію своему, и сильно потрясши, шепнулъ ему: „Томасъ! я пришелъ пополюковать съ побою о моемъ сундукѣ съ платьемъ.“ — Но Томасъ, не весьма расположенный разговаривать съ старымъ своимъ пріятелемъ, закричалъ, что было только у него силы: „Караулъ!“ — Домовой немедленно исчезъ, проворчавъ, обращаясь къ Томасу: „Проклятый, подлый трусъ!“ — Явленіе домового снова произвело великое смлпеніе между мапросами, и бѣдники такъ были перепуганы, что лишь

спрогя наказанія и оплятіе всѣхъ средствъ къ побѣгу, заставляли ихъ оставаться на фрегатѣ. Жалкій Томасъ Броунъ, котораго частыя сношенія съ привидѣніемъ въ особенности обращали на него вниманіе, — закалялся произносить бранныя слова, жевать табакъ, и искалъ покровительства въ вѣрѣ: сдѣлавшись весьма задумчивымъ, онъ все свое свободное время проводилъ въ чтеніи Библіи и въ распѣваніи священныхъ псалмовъ. Капитанъ снова спрожайше подтвердилъ отданнымъ имъ приказомъ, чтобы сплосъ во всю ночь караулили на палубѣ; но все было тщетно. Слѣдующая ночь прошла безъ крика Томаса Броуна, частію принимавшаго посѣщенія незанятельнаго своего гостя. Однако же, что особенно странно въ эпюй исторіи, и что прибавляло еще болѣе достовѣрности въ существованіи домового, сей послѣдній во всѣхъ своихъ посѣщеніяхъ, исключая двухъ, никѣмъ не бывалъ видимъ, кромѣ упомянутаго Томаса Броуна.

Не говоря объ адскихъ проказахъ, кои и тѣшился домовой, еще тѣчто весьма чудесное происходило на фрегатѣ, а именно: всѣ табакерки опоражнивались ночью пресстраннымъ образомъ; мапросы по цѣлымъ днямъ оставались безъ табаку, не зная, какъ отпасть себя отчестъ въ такомъ удивительномъ обспоплетельствѣ. Всѣ ломали надъ этимъ голову, но тщетно: никто ничего не отгадалъ, а табаку ни у кого почти не было; ибо пѣвѣдомое существо, повидимому, чрезъвычайно любило жевательные листки, споль необходимые для морскаго путешественника. Однажды, впрочемъ, какъ-то замѣтили, что тѣнь Билли Моргана

благоволила заниматься раскупориваніемъ бутылки съ шабакомъ, и съ сей минуты всѣмъ казалось, что видящъ духъ Билли Моргана, по летающимъ по воздуху съ огненнымъ хвостомъ, по плывущимъ на вершинѣхъ мачтъ. Наконецъ чудесные рассказы увеличились со дня на день до той степени, что уже превзошли границы человѣческаго легковѣрія.

Въ послѣдствіи времени, Томасъ Броунъ, въ одну изъ тѣхъ ночей, когда духъ Билли Моргана снова посѣпилъ фрегатъ, — исчезъ съ онаго, и уже никѣмъ объ немъ болѣе ничего не слыхалъ. Чтожъ касается до сундука съ платьемъ, наследованнаго Томасомъ отъ Билли Моргана, то сундукъ сей былъ найденъ совершенно пустымъ, что подавало мысль, будто Томасъ сбѣжалъ; но мажоръ, бывший въ сіе время на часахъ, увѣрялъ, что онъ видѣлъ Моргана, спрыгнувшаго съ борта вмѣстѣ съ нимъ, и окруженнаго пламенемъ при такомъ свистѣ, который походилъ на шипѣніе раскаленнаго желѣза въ водѣ. Послѣ сего происшествія мертвецъ уже болѣе не являлся на фрегатѣ. Эскадра на нѣсколько времени бросила якорь въ виду Сиракузъ, и въ сіе время великія странности случались съ Офицерами и съ экипажемъ фрегата, съ самаго того дня, какъ спали на якорь. Какимъ образомъ, напримѣръ, Макдональдъ, бывший въ то время еще вътрешнимъ Мичманомъ, обидѣлъ высшаго городского Консультанта; какимъ образомъ Бюррукъ поссорился съ Губернаторомъ? .. Какія проказы дѣлали эти шалуны въ маскарадахъ! — Какую пыль подняли въ кабинетахъ древностей! — Какихъ чудесъ не слышались въ Діонісіевомъ ухѣ! .. Между тѣмъ, они снова спали крейсировать, и показавшись въ виду Триполицы, здѣсь положили нервныя основанія того храма безсмертной славы, до которой нѣкогда должны были достигнуть, и возвратились домой, послѣ отсутствія, продолжавшагося два или три года. Экипажъ получилъ должное жалованье и увольненіе отъ службы, а трехъ-годовая плата была издержана мажорсами въ три дни. — Въ это время, равно какъ и прежде, никто не сомнѣвался о существованіи домоваго — Билли Моргана, и всякой госпожѣ былъ кляшвенно увѣряющъ, что ему случилось его видѣть. Капитанъ Р***, по возвращеніи, такъ-же много говорилъ

объ немъ, и всегда, какъ о предметѣ спиритномъ, непоспужимомъ, забавляющемся надъ всѣми успѣхами человѣческаго разума. Разсудокъ его упорно прошивался всѣмъ чудесамъ, приписываемымъ Билли Моргану; но нѣкоторыя изъ случаевъ сей исторіи были столь вѣроподобно разсказываемы, и такими достоверными людьми, что и самое малѣйшее сомнѣніе не рождалось въ немъ, и сіи достоверныя свѣдѣнія располагали его къ суевѣрнымъ впечатлѣніямъ.

Онъ оставался въ этомъ положеніи, представлявшемъ смѣсь септицизма съ легковѣріемъ. Спусти нѣсколько лѣтъ послѣ его крейсированія по Средиземному морю, однажды, по захожденіи солнца, желая отдохнуть, ему случилось зайти въ пыльный сарай, построенный на Тессинскихъ берегахъ. Одинъ какой-то челоуѣкъ приблизился къ нему, приглашая его войти въ домъ и Капитанъ узналъ въ немъ стараго знакомаго своего — Билли Моргана. — „О небо!“ вскричалъ Капитанъ Р***: „Господинъ Морганъ возвратился!“ — Билли, замѣтивъ, что Капитанъ хочетъ удалиться, пригласилъ его, съ видомъ чистосердечнаго гостепріимства, войти въ его домъ. Р*** послѣдовалъ за нимъ, и нашель въ комнатѣ весьма любезную хозяйку, да еще четырехъ бѣлокурыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Домъ былъ весьма удобно расположенъ, и хозяйка, съ милою предупредительностію, которую желала выказать, сопровождала разговоры и взгляды свои пріятною улыбкою, и, казалось, веселилась рѣдкимъ случаемъ принять и угостить у себя незнакомаго.

Билли, напропивъ, въ сравненіи съ нею, имѣлъ видъ неловкаго какого-то увальня; но замѣтивъ, что Капитанъ обходился съ нимъ весьма благосклонно и опкровенно, нашель случай въ то время, какъ дѣти улеглись, а жена пошла доить коровъ, — завести разговоръ съ старымъ своимъ начальникомъ.

„Надѣюсь, Капитанъ“ — сказалъ онъ: „что вы болѣе не принимаете меня за дезертира?“

— „Какъ же“ — отвѣтствовалъ Капитанъ, улыбаясь: — „недавно еще ты былъ извѣстенъ за домоваго или за челоуѣка, который живущъ, какъ кошка.“

Билли Морганъ, печально улыбувшись, сказалъ:

„Ахъ, Капитанъ! я вижу, вы еще не забыли домо-

ваго. Но уже слишкомъ много прошло времени съ тѣхъ поръ, чтобъ намъ вспоминать о старинѣ, и я надѣюсь, что вы наконецъ простите меня.“

— „Прощу“ — подхватилъ Капитанъ: „но подь однимъ условіемъ, именно съ тѣмъ, чтобъ ты чистосердечно разсказалъ мнѣ, какіе способы употреблялъ для увѣренія моихъ людей, будто каждую ночь являлся имъ.“

„Они меня дѣйствительно видѣли“ — отвѣчалъ Били обыкновеннымъ своимъ могильнымъ голосомъ.

Капитанъ, начинавшій уже самъ нѣсколько склоняться на сторону суевѣрныхъ разсказовъ, сказалъ ему: „Ты, чего добраго, станешь увѣрять меня, что безпрестанно находился на фрегатѣ?“

„Нѣтъ не безпрестанно; а иногда только, когда былъ виднмъ мажорсами, исключая нашего прибытія въ Гибралтаръ.“

— „Тогда-то они увидѣли, какъ ты бросился съ борта, и съ эпаго-то времени начался всѣ обманы.“

„Вовсе нѣтъ, мил. гос., я почто прыгнулъ за бортъ, — но тогда же и возвратился.“

— „Да чортъ возьми, если я тутъ что нибудь понимаю. Объясни мнѣ, пожалуста, эти чудеса.“

„Извольте, извольте, разскажу, какъ умью.“

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

МОЙ СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ.

Пускай, кто хочеть, топъ вздыхаетъ
О будущемъ безвѣстномъ днѣ;
Меня наставшій день плѣняетъ;
Я вижу радости одинъ!

Пускай на часъ достигъ я счастья;
За чтожъ мнѣ эпотъ часъ терять?
И въ свѣтлый день, боясь несчастья,
Тревогой бурю упреждать?..

Ахъ! право въ свѣтъ безъ мечтаній
Довольно горя для людей!
Зачѣмъ же намъ искать спраданій
Среди прилпшихъ въ жизни дней?..

Пускай, кто хочеть, осуждаетъ,
А я могу счастливымъ быть;

Не топъ умеетъ, кто много знаетъ,
Но топъ, кто знаетъ въ свѣтъ жить!...

Прекрасно, солнце, ты сілешь,
А я пойду подъ пѣнь въ лѣсокъ;
Любимецъ славы! ты блистаетъ,
А мнѣ милъ темный уголокъ.

Пускай же дни мои промчатся,
Какъ самый мирный, сладкій сонъ;
Я съ пѣнь рожденъ, чтобъ наслаждаться,
Любовь и совѣсть мой законъ... .

Когда жъ, прервавъ мечтанья мимы,
Я долженъ буду свѣтъ забыть,
Велю вокругъ своей могилы
Не тереть, но розы посадить! —

Иванъ Горленко.

Село Ярошовака.

НОВЫЯ КНИГИ.

31. *Венера, или собраніе стихотвореній разныхъ Авторовъ.* Четыре части. Издвсннмъ Московскаго купца Осипа Иванова Хрусталева. Москва, въ Тип. Н. Степанова, при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ, 1831. Въ 16. (Въ перв. ч. 152, во вп. 144, въ преш. 114, въ четв. 92 стран.)

Можно парировать головою противъ грецкаго орѣха, что если бъ спросишь у Списывателя, по примѣру многихъ, разныхъ стиховъ, напечатаннаго свои шепрадки, на издвсннн Московскаго купца Хрусталева: для чего онъ издалъ ихъ въ свѣтъ, и какую цѣль имѣлъ назвать эпотъ сборникъ всякой вслцины, въ которой большая половина дурнаго, *Венеро?* — то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, самъ не умѣлъ-бы эпаго объяснить, и, вѣроятно, отвѣчалъ-бы: „списывали, дискали, опъ нѣчего дѣлать; а Московскій купецъ Хрусталева напечаталъ мои шепрадки на своемъ издвсннн, для того, что ему не случилось еще видѣть имени и прозвища своего въ печати.“ — А по нашему мнѣнію, это собраніе, составленное рѣшительцо безъ всякаго толка, надлежало-бы наименовать *Мегерою*, чтобы этимъ названіемъ удовлетворительнѣе опредѣлить всю чудовищность эпаго собранія, немнью-

щато никакого порядка, цѣли, словомъ сказать ничего. Издатель Московскаго Телеграфа удачно назвалъ эту книжонку — столпопвореніемъ Вавилонскимъ!..

С М Ъ С Ъ.

Пересмѣшингъ.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, можетъ быть, не понравится, что мы начали часто упоминать о *Макулатурныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, и объ Издателѣ оныхъ, Г. Воейковѣ. Предполагая, что сіи напоминанія надобно будетъ продолжитъ еще на нѣкоторое время, Издатель Сѣвернаго Меркурія долгомъ поспавляетъ на такого рода обвиненіе (если оное послѣдуетъ) принести въ оправданіе свое слѣдующую причину: цѣль большей части спятей, помѣщаемыхъ въ Сѣв. Меркуріи, какъ въ Сатирической Газетѣ, состоятъ въ томъ, чтобы разказами о забавныхъ предметахъ разсмѣшить читателей своихъ; слѣдственно, можно-ли удобнѣе достигнуть цѣли сей, какъ не частыми напоминаніями о *Макулатурныхъ Прибавленіяхъ*, и проч?.. Сии *Прибавленія*, равно какъ и блаженной памяти родителю ихъ, горемычный *Славянинъ* (*), сушь *притга во языцехъ*. Сими словами провозглашали и провозглашаютъ въ одинъ голосъ почти всѣ Журналы.

Діорама.

Если хотите видѣть прекрасныя картины, кисти Г-на Маззонецци, Живописца, занимающагося при Театральной Дирекціи, то совѣтуемъ отправиться въ домъ Брѣмера, въ Большой Морской, подлѣ дома Косиковскаго, посмотрѣть Діораму Г-на Палацци. *Гробница Герцога Орлеанскаго*, надъ которою плачешь

(*) Это смѣшившій насъ во времена оны немощными выходками своими, напоминавшими Басню И. А. Крылова: *Слонъ и Моська*, и Русскую пословицу: *сердитъ, да не силенъ*.
Прим. Корректора.

его супруга, равно какъ Лондонскій туннель, (подводный пупъ подъ Темзою), очаровательны своею удивительною естественностію, искусствомъ расположенія пѣней, свѣтомъ, и пр. Особенно вшорая картина, если вѣрять словамъ нѣкоторыхъ флорскихъ Офицеровъ, на коихъ мы основываемся, бывавшихъ въ Лондонѣ, — есть, по истинѣ, верхъ совершенства. Посѣщеніе такового занимательнаго заведенія, дѣйствительно полезнаго для Художествъ, несравненно дѣльнѣе посѣщенія какаго нибудь *Раппо, перваго Геркулеса и Жонглера своего времени*, кошораго пріятно посмотрѣть разъ, но не болѣе.
(Сообщено отъ любителя зрѣлищъ.)

19 Октября 1831 г.

При семъ № Сѣв. М. прилагаются 26 и 27 книжки *Гирланды*, Журнала Словесности, Музыки, Моды и Театровъ. Къ нимъ приложены: Вальсъ, составленный изъ извѣстной Русской пѣсни: *Соловей, мой соловей*, музыка Г. Копьеви, и Романсъ: *Меня забудь!* съ аккомпанеманомъ для фортепiano и гитары, музыка Гг. *Титова* и *Бестужева-Рюмина*.

Тѣ изъ подписавшихся особъ на *Сѣверный Меркурій*, которымъ замѣнено *шестимѣсячное* изданіе сей Газеты, т. е. за вторую половину сего 1831 года (см. 31-й № Сѣв. М.) двадцатью девятью книжками *Гирланды*, если пожелають имѣть полное годовое изданіе сего Журнала, то есть пожелають получать *Гирланду* и съ 30-й книжки до 43-й (выходящія вышли до 1-го Января будущаго 1832 года), — благоволять отпестись въ *С. Петербургскую Газетную Экспедицію* (или въ *Контору Издателя Гирланды*) съ приложеніемъ *пятнадцати* рублей за остальныя *четырнадцать* книжекъ *Гирланды*, съ принадлежащими къ онымъ картинками моды, нопами и проч.

Первыя *двадцать три* книжки *Гирланды* доставляются въ самомъ скоромъ времени.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркуря.*

№ 36.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *селеневой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 25 МАРТА, СРЕДА.

ДОМОВОЙ.

Сочиненіе Полюдинга.

Изъ Англійскаго Альманаха на 1830 годъ:
(the Atlantic Souvenir.)

Продолженіе.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ“ — (началъ Билли Морганъ): „я ѣздилъ около Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ судно, на которомъ я служилъ юнгою, потерпѣло крушеніе. Обжившись съ Сандвичанами, я перенялъ ихъ образъ жизни, и такимъ образомъ, могу, не только нѣсколько часовъ, но даже дней, пребыть подъ водою, не ощущая иной усталости, кромѣ той, которую чувствуешь отъ бессонницы. Сверхъ того, я, получивъ отъращеніе къ работѣ и трудамъ, любилъ бродить, гдѣ мнѣ хотѣлось, и дѣлать то, что мнѣ нравилось. Военная дисциплина пришла мнѣ непонятна и скоро надоѣла. Для препровожденія времени и для обморочиванія добрыхъ мориковъ, моихъ товарищей, я рассказывалъ имъ разныя исторіи о моихъ походахъ, и увѣрялъ, что могу жить подъ водою, и что живу, какъ кошка. Кромѣ того, я рассказывалъ имъ разныя шуточки, отчасти для собственной моей забавы, отчасти по нѣкоторому роду гордости, заставляя ихъ думать, что я сверхъестественное существо. — Наказанія ваши, впрочемъ мною заслуженныя, вывели меня изъ терпѣнія, и я рѣшился бѣжать при первой непріятности. Я нашелъ стараго товарища, которому дружески повѣрилъ мои тайны, и — мы вмѣстѣ все уладили. Я зналъ, что если скроюсь изъ Гибралтара,

Томъ 111. № 36.

или изъ какаго либо порта Средиземнаго моря, то не избѣжать мнѣ наказанія, столь часто уже мною испытаннаго; и по сей-то причинѣ мы уговорились, чтобы я, бросясь съ борта, возвратился назадъ, взлезъ на корабль, и запрягался-бы, между палубами, въ каюшную бухту, гдѣ даже и днемъ было очень темно: Товарищъ мой снабдилъ меня кускомъ вѣшной парусины, которою я закрывался въ нуждѣ. Скачокъ мой съ борта произвелъ большое вліяніе на экипажъ, и не желая быть жертвою обстоятельствъ, когда фрегатъ придетъ въ Гибралтаръ, я взялъ мои мѣры: наполнилъ табакомъ мою табакерку, набилъ карманы сухарями, и повѣсилъ кружку съ водою себѣ на шею, предполагая, что можетъ быть мнѣ надобно будетъ пребыть два или три дни подъ водою. Я просилъ Томаса Броуна написать мое духовное завѣщаніе, въ силу котораго часы мои, равно какъ и мой сундукъ, должны были перейти въ наслѣдство моему товарищу, которому слѣдовало соединиться со мною при первомъ удобномъ случаѣ. Къ горю нашему, ни онъ, ни я, не были большіе грамотеи, и плутовство Томаса замѣчено было нами лишь въ послѣдствіи времени. Товарищъ мой, боясь, что насъ могутъ чрезъ это открыть, не рѣшался пускаться на розысканія о семъ предметѣ.“

— „Кто былъ твой другъ?“ спросилъ Капитанъ.

„Я далъ ему клятвенное обѣщаніе не открывать его имени; но онъ, благодаря Бога, здравствуетъ по сіе время, и находится на службѣ.“

— „Хорошо, пускай такъ“ — подхватилъ Капитанъ: „ну, продолжай.“

„Въ эту-то ночь я бросился съ борща.“

— „Какъ же ты могъ возвратиться на фрегатъ?“ — спросилъ съ живостию Капитанъ.

„Да хоть такъ, сударь, препроспымъ образомъ: изъ нижнихъ бапарейныхъ оконъ, т. е. приведши въ движение руки и ноги. Хе! хе! хе!“

Капитанъ ударилъ себя въ лобъ и громко вскричалъ: „И это не могло войти въ глупыя наши головы!“

„Не такъ-то глупыя, сударь, какъ вы думаете“ — сказалъ весьма вѣжливо Билли Морганъ, думая сдѣлать своимъ привѣтствіемъ Капитану; но сей послѣдній совсѣмъ иначе его попллъ.

„И такъ (продолжалъ Морганъ), когда я прыгнулъ за бортъ, то, по правдѣ сказать, безъ дальнихъ околнностей спустился по веревкѣ, которою обвязалъ себя; а потомъ, ожидая сигналъ отъ моего товарища, спрятавшись въ канашной бухтѣ. Въ разсказахъ обо мнѣ никто не упоминалъ о моемъ товарищѣ. Здѣсь я остался съ моими мокрыми плащами въ самомъ плохомъ положеніи, какое вы только можете вообразить: мой запасъ прѣсной воды вышелъ, а пабакерка опустѣла. Я расчлывалъ, что могу пробыть въ этомъ положеніи до того времени, какъ мы придемъ въ Гибралтаръ, гдѣ мнѣ весьма легко было спуститься по лѣвому боку (бакбортъ) фрегата и приплыть къ берегу. Но, то проклятый проливной вѣтеръ, то штиль, заставили эскадру пробыть въ морѣ нѣсколькими днями болѣе, чѣмъ я чаялъ, и такимъ образомъ я долженъ былъ остаться безъ пищи. Я думалъ, что мнѣ можно будетъ какъ нибудь обойтись безъ сухарей и воды, но невозможно было остаться безъ табаку. Мой другъ обѣщавая немедленно прибыть ко мнѣ на помощь при малѣйшемъ сигналь, объявляющемъ о томъ, что я нахожусь въ худомъ положеніи; но онъ потомъ уже мнѣ рассказывалъ, что за нѣсколько дней передъ симъ, имѣвъ ссору съ Томасомъ Броуномъ, оппопчивалъ его лишькомъ, за что и былъ арестованъ.

„Я оставался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, какъ уже голодъ началъ сильно одождать меня, и въ одну ночь, когда всѣ на палубѣ спали крепкимъ сномъ, я выползъ изъ моей засады, и нашедъ горшокъ съ во-

дою, началъ пить оную съ жадностию. Я и послѣ на это отваживался, и возвращался, какъ можно скорѣе. Я былъ поминѣ по прежнему голодомъ, но успокоивался пою мыслию, что на Саидвичевыхъ островахъ могъ же существовать нѣсколько времени безъ пищи. Въ другую ночь я также вышелъ изъ моей засады, и къ удовольствію своему, нашелъ оставленную миску съ похлебкой. Два или три раза я слышалъ, какъ на фрегатѣ производимы были повальные обыски, которые очень испугали меня, ибо я боялся быть найденнымъ въ моемъ убѣжищѣ.“

— „И мы, глупцы, не могли открыть онаго!“ — сказалъ Капитанъ съ быстротою.

„Да ваши машросы часто подходили къ моему канашу, но я упѣшавая мыслию, что они до того мною напуганы, что или не захотятъ взглянуть въ бухту или устращавая, увидѣвъ домового въ этомъ темномъ ошверспин. Они не приподняли холспицы, въ которой я сидѣлъ закутавшись во все то время, какъ они около меня ходили. Вышедши ночью, я увидѣлъ въ караулѣ ужъ Офицера, а не своего брата машроса, и давай Богъ ноги; но такъ какъ счастье меня не покидало, мой другъ, въ это время освобожденный изъ тюрьмы, немедленно принялъ на себя трудъ, чпобы тщательнo заложить бухту; ибо никто, кромѣ его, не могъ ничего въ ней разглядѣть. По приплытіи нашемъ въ Алжирскій заливъ, я хотѣлъ опмснить Томасу Броуну, поспивъ его ночью, и сказалъ мистически: „Прощай, Томасъ Броунъ!“ — Вздремнувъ немного, я выползъ изъ засады, и попллъ далѣе, между тѣмъ какъ мой сообщникъ, спускался по веревкѣ, явился въ гавани послѣ меня.“

— „Но скажи, пожалуста, какимъ образомъ удалось тебѣ уйти отъ преслѣдованій Алжирской Полиціи?“

„О, сударь, я все это время преспокойно сидѣлъ въ прежнемъ моемъ мѣстѣ.“

— „И тогда даже, когда самое строгое слѣдствіе было сдѣлано на фрегатѣ?“

„О! тогда уже я былъ далеко.“

— „Но твой проказы въ Мальтѣ?“

„Хозяинъ практира былъ со мной заодно, и разглашалъ обо мнѣ всякія были и неблмыцы.“

— „А твоя пляска на брамъ-реѣ и на бизань-мачтѣ? а посѣщенія, дѣлашныя Томасу Броуну въ Сиракузѣ? а шолки мапросовъ объ ихъ пропаданшемъ табакѣ? а огненные полеты въ воздухѣ? а страшныя завыванья? — Что скажешь ты мнѣ на все это Г. домовой?“ — спросилъ Капитанъ, улыбаясь.

„Я, сударь, только сдѣлалъ два посѣщенія Томасу Броуну, а именно, по опытыи вашему изъ Мальты: разъ, когда я пришелъ потолковать съ нимъ о нашихъ дѣлишкахъ; въ другой — наканунѣ той ночи, когда онъ исчезъ съ фрегата. Остальные рассказы брали начало свое изъ шутокъ пѣкорныхъ мапросовъ и изъ страха и легковѣрія другяихъ.“

— „Но не сыркнулъ-ли ты съ борта, вмѣстѣ съ Томасомъ Броуномъ, бывъ окруженъ пламенемъ?“

„Божусь, сударь, что это вздоръ. Томасъ сбѣжалъ безъ всякой моей помощи, и не смотря на все мое оубиство, разъ только, спустя послѣ того много времени, мнѣ удалось встрѣтиться съ нимъ въ Ливерпуль.“

— „Неужели?“

„Онъ никакъ не убѣждался, чтобъ я могъ жить на бѣломъ свѣтѣ послѣ всѣхъ случившихся со мной происшествій, и далъ оубиство меня поотчасъ пяту. Я думаю, онъ до того вѣришь домовымъ, что не всегда бываешь увѣренъ, живъ-ли онъ самъ или нѣтъ.“

— „И такъ, теперь все для меня дѣлается яснымъ“ — сказалъ Капитанъ Р***: „но скажи, зачѣмъ послѣ побѣга ты рѣшался подвергаться опасностямъ, посѣщая фрегатъ, и являясь своимъ спарымъ поварницамъ?“

„Я приходилъ для свиданій съ Томасомъ Броуномъ.“

— „Зачѣмъ?“

„Чтобъ взять отъ него мои плащя и часы.“

— „О! теперь я все понимаю. Но развѣ другое какое нибудь обстоятельство не заставляло тебя бродить по палубѣ?“

„Зачѣмъ мнѣ это вамъ сказывать? — Во всю мою жизнь я безумно шщеславился, обманывал и пугал чернь; такимъ образомъ, спрашныя испоріи, мною рассказываемыя, и чудесныя фокусы, — основали мою славу. Я уже болѣе этимъ не занимаюсь, ибо нѣсколь-

ко времени тому назадъ былъ посаженъ въ тюрьму за то, что въ роли домоваго забавлялся надъ бѣдными крестьянами. Я также признаюсь вамъ, сударь, что раза два мнѣ случалось пугать жену, и до того, что разъ она едва съ ума не сошла. Потомъ, какъ дурь-по вышла изъ головы, я взвѣсилъ все непріятности, которыя надѣлалъ этимъ самому себѣ, и, сказавъ: полно, не буду болѣе прикидываться домовымъ, оставилъ дѣдушку въ покоѣ. И, правду сказать, ужъ нѣчего грѣха-по таить, я къ вамъ, сударь, имѣлъ маленькое чувство — даже ненависти, за то, что вы меня всегда засаживали въ кандалы за эту штуку, и бѣжавъ, не нашелъ лучшаго рода мщенія за эту обиду, какъ произведши сумашоку и безпорядокъ на фрегатѣ.“

— „И, право, братъ, ты мастерски достигъ цѣли своей. Но скажи, что съ тобой случилось послѣ?“

„Ну, какъ это? безсовѣстный Томасъ Броунъ сбѣжалъ, унесъ часы и плащя добраго моего пріятеля, я разсудилъ, что уже болѣе не имѣлъ никакой нужды играть роль домоваго. Я съѣхъ на купеческое Американское судно, ѣхавшее въ Смирну; погулялъ на немъ по Средиземному морю, прибылъ въ Гибралтаръ, и, пропустивъ съ года два, возвратился въ Бостонъ на покой съ плыю стами полновѣсныхъ долларовъ. Здѣсь я не смѣлъ приставать къ берегу, опасался встрѣчи съ кѣмъ нибудь изъ Офицеровъ эскадры; и такъ, взявъ мои деньги и вещи, отправился благополучно на родину. Я, слава Богу, имѣю все, что мнѣ нужно: на случай есшь бушпоршныя флаги всѣхъ Государствъ, нанимаю ферму, и, подобно морскимъ Капитанамъ, иногда пускаюсь бороздить море. Какъ вы видите, состояніе мое въ цвѣтущемъ положеніи, и надѣюсь, что вы меня не потребуете предъ военный судъ.“

— „Нѣтъ“ — отвѣчалъ Капитанъ: „теперь я оставилъ морскую службу. Я также арендаторъ, и ты можешь быть увѣренъ, что, въ отношеніи ко мнѣ, находишься въ совершенной безопасности.“

„И надѣюсь, что у васъ славно идутъ ваши дѣла.“

— „Не совсѣмъ такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось, Билли: я пріѣхалъ сюда нарочно для того, чтобъ купить льсную дачу.“

„Никто не можетъ вамъ въ семь случаевъ быть полезнѣ меня, и я непременно постараюсь возблагодарить васъ за всѣ ко мнѣ милости.“

— „Что, небось за леньки, капдалы и проч. проч?“

„Божусь вамъ, сударь, что я могу . . .“ воскликнулъ Били: „только выслушайте меня.“

— „Но теперь нѣкогда“ — возразилъ Капишанъ: мнѣ довольно далеко ѣхать до ночлега.“

„Ну, повѣжайте, повѣжайте, сударь, а ночлегъ-то будете имѣть плохой.“

— „Это легко можетъ быть; но мнѣ пора. И шакъ, желаю тебѣ доброй ночи, Г. домовой!“

Капишанъ уѣхалъ.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

Г Л У П О Л Ю Б У.

Вы не въ числѣ враговъ моихъ,
Умомъ Вандалы, сердцемъ Хамы;
И васъ не свѣкъ еще мой спихъ
Жесткою розгой Эпиграммы.
Но ты межъ нихъ презлой крикунъ,
Смѣшьюю славой всѣмъ знакомый,
Студенщъ на старосши и лгунъ,
Какимъ-то демопомъ влекомый.
Копечю: ты ужъ соспарьдъ;
Въ тебѣ не зародится мозгу;
Но пивническую розгу
(Вини себя!) нажми умель . . .

И шакъ, спрощу тебѣ смиренно:
Не лучше ль въ старосши почтенной,
Обиды чпобъ не заслужишь,
Въ угодность ѣдкости презрѣнной,
Словечкомъ злымъ не дорожишь?
Припомъ: къ чему быль споль оплошпымъ,
Что думаешь ханжесивомъ, при всѣхъ,
Прикрыть безстыдно каждый грѣхъ,
Иль возрождать педагоствомъ пошнымъ
И сожалѣніе и смѣхъ? . . .

И. Кослоровской.

1831 г.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Богатоновъ или *провинціалъ въ столицѣ*, Ком.; *Свѣтъ Гаврилычъ*, Дивертис. (Представленіе на Малой Театръ, 16 Октябрл.)

Давно извѣстный нашей публикѣ провинціалъ, Иванъ Сидоровичъ Богатоновъ, недавно прѣѣхалъ въ столицу, и снова появился на сценѣ въ особѣ Г. *Ворошицова*. Никогда онъ не былъ смѣшнѣе, грубѣе и неуклюжѣе; — старые знакомые его вовсе не узнаютъ въ немъ прежняго Ивана Сидоровича, падушата барской спѣсью, но знавшаго между тѣмъ свѣтскіе обычаи. — „Какъ онъ перемѣнился, голубчикъ!“ говорятъ одни . . . „Это совсемъ не пошь“ — повторяютъ другіе. — „Да онъ одичалъ въ деревнѣ“ — кричатъ третьи. — Это совершенный мѣщанинъ въ дворянскомъ кафтанѣ! . . Ахъ! . . прежній Иванъ Сидоровичъ вѣрно навсегда переселился въ Елисейскія поля, вмѣстѣ съ неподражаемымъ Бобровымъ!!!

Лица, окружавшіе Богатопова, хорошо выполнили свои роли, и надобно признаться, что Климъ Кондрашичъ (Г. Поляковъ) былъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше нынѣшняго своего барина.

Вслѣдъ за Комедіею былъ данъ *Свѣтъ Гаврилычъ*, разнообразная картина Русскаго народнаго быта, пѣска, хотя и безъ сюжета, но всегда правящаяся публикѣ, попому что весьма близко подходитъ къ природѣ. — Г. Ворошиковъ, въ роли Филанки, восхитилъ зрителей своею естественною игрою, и, какъ почти всегда, былъ вызванъ при громкихъ рукоплесканіяхъ. — Г. *Величкинъ*, въ роли Мѣльника, избѣгнулъ на этотъ разъ грубыхъ фарсовъ, которыми прежде упрекали его нѣкоторые Рецензенты, и чрезъ то самое многимъ понравился. — Г. *Шуваловъ* портилъ свое пѣніе неумѣстнымъ вскрикиваньемъ, которое, впрочемъ, можно приписать — избытку чувствъ! . . .

17 Октябрл 1831 г.

Александръ Б — овъ.

С М Ъ С Ъ.

Важнѣйшее преимущество великаго ума состоитъ въ томъ, что пипулъ сей даетъ право безнаказанно дѣлать глупости.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпцова, подписывал на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія,*

№ 37.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *вселенной* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 27 МАРТА, ПЯТНИЦА.

ДОМОВОЙ.

Сочиненіе Польдинга.

Изъ Англійскаго Альманаха на 1830 годъ:
(the Atlantic Souvenir.)

(*Оюмпаніе.*)

Пріѣхавъ на свою квартиру, Капитанъ, легши въ постель, ни на минуточку не могъ сомкнуть глазъ, хотя въ эпошъ день и сдѣлалъ миль сорокъ верхомъ: такое на него сильное вліяніе имѣлъ разговоръ о похожденияхъ Билли Моргана. Было около двухъ часовъ утра, когда онъ услышалъ тихій говоръ подъ своимъ окномъ, которое было весьма низко. Зная, что онъ совершенно одинъ въ этомъ мѣстѣ, ему тотчасъ пришла въ голову мысль, что онъ сказывалъ Билли Моргану о намѣреніи своемъ купить землю, изъ чего заключить должно было, что онъ имѣлъ съ собой деньги. Припомъ же всякой, кто отправляется въ дорогу, миль въ тысячу, безъ сомнѣнія запасается нѣсколькими сотенками долларовъ для своихъ дорожныхъ издержекъ. Капитанъ Р*** былъ весьма рѣшительный человекъ, но тѣмъ не менѣе, когда воображеніе бываетъ поражено идеею о близкой опасности, то она обыкновенно представляется гораздо страшнѣе, чѣмъ есть дѣйствительно.

Многіе опыты нерѣдко доказываютъ, что воображеніе производитъ иногда робость и въ самыхъ важныхъ людяхъ. Капитанъ Р**** хотѣлъ на эпошъ разъ побѣдить игру воображенія силою разсудка. Шопотъ продолжался, и въ послѣдствіи онъ услы-

шалъ слѣдующія слова, произнесенныя тихимъ и глухимъ голосомъ Билли Моргана:

„Тсъ! — нашъ Капитанъ никакъ не изволитъ еще спать.“

— „Такъ развѣ я не доберусь до него?“ — сказала кто-то другой такимъ же тихимъ голосомъ.

„Теперь“ — сказала Билли: „ты не можешь его видѣть довольно явственно, и дашь промахъ.“

— „Ну такъ самъ, братъ, послѣ съ нимъ развѣдывайся.“

„Смотри: онъ никакъ хочеть дать плягу.“

„Чортъ возьми, если я только эпо сдѣлаю!“ — говорилъ самъ себѣ Капитанъ, вставая осторожно съ постели, и глядя въ окно, находившееся подлѣ его кровати. Луна едва свѣтила, и почти все небо было покрыто густыми облаками, такъ, что совершенно невозможно было различать предметовъ. Пропитъ окна было большое дерево, котораго огромный пень могъ служить убѣжищемъ для разбойниковъ. Капитанъ, разглядывая внимательно, увидѣлъ двухъ человекъ, крадущихся тихомолкомъ, и будто-бы видѣвшихъ вдали какой-то предметъ.

„Вопъ, вопъ онъ!“ сказалъ одинъ шопотомъ: „ну! спрѣлай!“

Капитанъ снова прилетъ на кровать, и ему послышалось, что кто-то изъ мошенниковъ лезетъ къ нему.

„Чортъ возьми“ — сказалъ Билли обыкновеннымъ своимъ голосомъ: „да онъ хипиритъ съ нами. Гляди-ка приспальнѣе, и если завидишь только его, то и спрѣлай.“

Капитанъ вспалъ, набросилъ на себя кое-что съ возможною поспѣшностію, и, вооруженный парою пистолеповъ, которые по счастію случились при немъ, тихомолкомъ усьмься на спуль подлѣ двери, въ такомъ положеніи, что никто не могъ его видѣть, и хладнокровно ожидалъ послѣдствій. Онъ не просидѣлъ и пяти минутъ въ этомъ положеніи, какъ вдругъ услышалъ раздавшіеся два выстрѣла, одинъ вслѣдъ за другимъ. Черезъ минуту послѣ послышался голосъ Билли Моргана:

„Хорошо, — дѣло сдѣлано съ этимъ баринкомъ“ — сказалъ онъ,

— „Не совсѣмъ-шо“ — подумалъ Капитанъ, осматривая свои пистолеты, и ежеминутно ожидая пріятнаго посѣщенія.

„Да чортъ возьми“ — закричалъ товарищъ Билли: „онъ, кажется, опять куда-шо юркнулъ.“

— „Онъ, видно, далъ шягу“ — отвѣчалъ Билли.

„Лжець, мошенникъ!“ пробормоталъ Капитанъ въ бѣшенствѣ, выходя изъ своей засады, и вскричалъ громко: „Я докажу вамъ, негодяи, убъжалъ-ли я.“

Онъ бодро подошелъ къ оклу, когда они крались къ кустарнику, и шопъ, который прежде вошелъ въ снѣгъ, вскричалъ:

„Эге, да онъ такъ-же живъ, какъ Юлій Цесарь. Ужь, братъ, право, навѣрняка можно сказать, что онъ никогда не скажетъ, кто убилъ его.“

— „Браво, да онъ жиреетъ, какъ коровье масло“ — сказалъ Билли.

„Послѣ всего эпатаго я долженъ заключить, что рѣчь идетъ не обо мнѣ“ — подумалъ Капитанъ: „а вѣрно о какомъ нибудь несчастномъ прохожемъ, сбившемся съ дороги.“

„Мерзавцы!“ вскричалъ Капитанъ, выскочивъ изъ окна и усремляясь на нихъ: „кого вы здѣсь умертвили?“

— „Только одного медвѣдя, сударь“ — воскликнулъ Билли Морганъ: „онъ укралъ у меня недавно мою свинью, и вопъ мы теперь съ нимъ поквитались.“

Капитанъ поспѣшно удалился въ свою комнату, легъ въ постель, и спалъ, какъ убитый, до тѣхъ поръ, пока восходящее солнце, прокравшійся сквозь дерево, находившееся у самаго окна, подъ которымъ

онъ спалъ, — не коснулось до лица его.

Пріѣхавъ по утру къ Билли Моргану, Капитанъ славно позавтракалъ, и безболзненно пустился въ степи Св. Лудовика.

„Прощайте, Капитанъ“ — сказала Билли Морганъ съ мрачнымъ видомъ, смотря на него изъ подлобья: „надѣюсь, что вы въ дорогѣ не будете бояться, чтобъ я убилъ васъ.“

— „Прощай, Билли“ — сказалъ Капитанъ, не совсѣмъ довольный этимъ упрекомъ: „а я надѣюсь, что ты не захочешь впередъ сидѣть въ шюрмѣ за то, что изволишь прикидываться домовымъ?“

„О, нѣтъ, сударь“ — сказалъ Билли: „я никогда не возобновляю тѣхъ шалостей, конхъ однажды рѣшился не дѣлать.“

✱

Дорогою Капитанъ Р**** размышлялъ о странной исторіи Билли Моргана, коего различныя проказы на фрегатѣ могли увѣрить сотни людей въ существованіи домовыхъ, и таинственнымъ мракомъ суевѣрія покрыли его въ неизвѣстности. „Пятысотъ челоувѣкъ“ — говорилъ самъ себѣ Капитанъ: „исключая одного, рѣшительно одного, серьезно вѣрили явленіямъ домового Билли Моргана. О! несчастная для него встрѣча со мною испорчила одну изъ лучшихъ современныхъ сказокъ о домовыхъ.“

Съ Англійскаго.

О Н А! —

Возвратившись съ гулянья, я расположился на кушеткѣ, закурилъ трубку и предался мечтаніямъ. Полный мѣсяць освѣщалъ мою комнату. Развѣшенныя на стѣлѣ картины принимали странныя виды отъ луннаго сіянія; бюсты, сползшіе въ углу, казались великанами. Вспревоженное гульемъ воображеніе одушевляло въ комнатѣ каждую вещь, все двигалось, все приближалось ко мнѣ, все грозило разлучить меня съ нею; а она, она . . . хладнокровно подавала моему сопернику руку . . . нѣтъ! я не въ силахъ былъ болѣе сидѣть на кушеткѣ; холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ; я вспалъ и отворилъ окно въ садъ.

Легкій въперокъ колыхалъ листья деревьевъ, и развивалъ вездѣ ароматы цвѣтшвъ, размѣченныхъ весьма искусно передъ окнами.

Вдали видна была бесѣдка. Тамъ, впервые, увидѣлъ я ее; тамъ мы поняли другъ друга; тамъ . . . по зачѣмъ пролетѣло время сіе такъ скоро? . . . Опъ чего въ обращеніи ея такая холодность, такая принужденность? . . . И все это съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался ея женихомъ она съ неперѣннѣемъ ожидала сего времени; оно настало, но гдѣ ея прежняя любовь? . . . О женщины! женщины!

Помню, какъ мы сидѣли подлѣ памятника ея матери; помню, какъ она клалась любить меня вѣчно . . . памятникъ все еще на томъ мѣстѣ; все еще подлѣ него журчатъ ручеекъ, и пробѣгая разными изгибами, сливается подлѣ горою въ рѣку; все еще та же въписанная ива осѣняетъ урну; но зачѣмъ она болѣе не призываетъ меня въ уединенные мѣста мечтать о будущемъ нашемъ счастьи? Зачѣмъ спарается избѣгать встрѣчи моея въ саду? . . . Ахъ! шупъ все напоминаетъ ея клятвы, ея любовь . . . она измѣнила, она не любитъ меня, и я еще существую!

Я внимательно сморилъ на урну: развѣспался ива, казалось, лобызала холодный камень; мѣсяць, то исчезалъ за облаками, то появлялся опять во всемъ своемъ величїи; но вопъ что-то бѣлое мелькнуло у памятника я сморю Это она! она преклонила колѣна, и, казалось, молилась „Елиза! Елиза!“ проговорилъ я едва слышимымъ голосомъ; но Елиза не слышитъ. Елиза молился у памятника своей матери. Но что заставило ее такъ поздно придти въ садъ? Неужели въ надеждѣ застать меня шупъ, она вышла сюда? . . . „Прости меня, Елиза, прости, я виноватъ передъ тобою: ты еще любишь меня . . .“ Только что хотѣлъ дѣлать къ ней, какъ вдругъ послышался въ концѣ сада пронзительный свистъ. Она встала и скорыми шагами скрылась за бесѣдкою, все тихо . . . но вопъ раздавался стукъ отъѣзжающаго экипажа Мрачныя мысли овладѣли мною, ревность закипѣла въ сердцѣ я хотѣлъ устремиться вслѣдъ за нею, хотѣлъ испоргнуть ее изъ рукъ

похитителя, хотѣлъ но недостало силъ: я упалъ безъ чувствъ , такъ! это была она! . . .

С въ.

ИЗПОДТИШКА.

Люблю съ пылыхъ личину скинуть;
Люблю выныхъ задѣшь слегка;
Но Эниграммъ своихъ подкинуть
Я не рѣшусь изподтишка.

✱

Люблю, окочивши раздоры,
На мировой хлебнуть слегка;
Но заводить переговоры
Я не люблю изподтишка.

✱

Люблю людей безъ этикета;
Люблю я дружбу не слегка;
Однако добывать все это
Я не люблю изподтишка.

✱

Но поцѣлуй сорвать украдкой
И съ милой пошалить слегка
Вопъ все, что только сердцу сладко,
Что я люблю изподтишка,

Е III — ий.

НОВЫЯ КНИГИ.

32. Повѣсти покойнаго *Ивана Петровича Бѣлкина*, издавныя А. П. — Съ эниграфомъ изъ *Недоросля*:

Гжа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съ измала къ испорїямъ охотникъ.
Скотининъ. Мифрофанъ по мнѣ.

С. П. бургъ, въ Типогр. Пяшара. 1831. Въ 12. (XIX и 187 стран.)

Въ книжкѣ сей заключается плъ Повѣстей: *Взстрѣль*, *Метель*, *Гробовщикъ*, *Станціонный слопри- тель* и *Баргшия-крестлика*. Вся онъ чрезвычайно занимательны по содержанию и написаны чистымъ и прїятнымъ слогомъ. Съ удовольствїемъ поспѣшаемъ извѣстить нашихъ читателей о такомъ прїятномъ явленїи въ отечественной Литературѣ.

Книжка сія (мимоходомъ прибавимъ: напечатанная красиво и исправно) продается въ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Цѣна экземпляру 5, съ пересылкою 6 рублей.

С М Ъ С Ъ.

Желая раздѣлить съ нашими читателями то удовольствіе, которое мы чувствовали при чтеніи слѣдующей Басни, встрѣтясь съ нею недавно въ одной книгѣ, выписываемъ ее:

ТРИШКИНЫ ОБНОВЫ,

Басня.

Съ Крымскими рабѣть быль опшюдь я не мечшаю,
И думашь мнѣ о томъ не кспати, не хочю;
А что про Тришку знаю,
Никакъ не умоѣчу.
Извольте слушать: бѣдный Тришка
Чинилъ, чинилъ свой кафшанишка;
Да пѣть! пришло хотъ брось:
Ползеть кафшанъ весь врозь.
Какъ быль? Но Тришка умудрится —
И впрямъ онъ не дуракъ —
Сказашь-ли, какъ?
Хотъ чуть бесѣда гдѣ случится,
Зовутъ нль не зовутъ,
Ужъ Тришка тупъ.
Едва усядется бесѣда
Честпещько вокругъ стола,
Глядишь — у Тришкина сосѣда
Опръзана пола.
Пошелъ кафшанъ опять съ заплашой;
Недѣли двѣ — кафшанъ богашой.

Ж

Мнѣ скажутъ: это вздоръ!
Твой Тришка сипалъ ужъ воръ;
Такъ госпя эшаго не пуспятъ н на дворъ! —
Друзья! не такъ судише строго:
Видали-ль вы? а я такъ видѣлъ много;
Да только ни гу-гу!
Ишой, посмотришь, весь въ долгу;
Живеть себѣ, живеть и въкъ не знаеть плапы.
Ну что жь?
Не все-ли то жь,
Что Тришкины заплашы?..

Въ той книгѣ, изъ которой мы заимствовали сію Басню, Авторъ подписался подъ нею нецвѣтсною буквою *А*, вѣроятно для того, чтобъ иные извѣстные люди, живущіе чужими рублями, прочтя *Тришкины обновы*, сказали-бы: „А! это на наши гроши!..“

А Н Е К Д О Т Ы.

1.

Назначенный для встрѣчи Суворова, проѣзжавшаго по * * * Губерніи, молодой Офицеръ К., былъ въ великомъ смущеніи: ему извѣстно было, что Генералъ сей не любилъ *немогузнаекъ* и запинаясь при опъвахъ. День встрѣчи наступилъ. Князь вышелъ изъ кареты, и взглянувъ на окружающую мѣстность, спросилъ К*, указывая на стадо коровъ, пасшихся по сторонамъ дороги: „Что это за пшцы?“ — „Журавли, Ваша Свѣшность!“ отвѣчалъ Офицеръ, не запинаясь. Герой улыбнулся.

2.

Воспитанница одного казеннаго заведенія писала во время Холеры къ сестрѣ своей, дѣвчкѣ лѣтъ 9-ти, между прочими наставленіями и слѣдующее: „Пожалуйспя, любезная сестрица, пуще всего не употребляй горличихъ напиткиковъ: у насъ швейцаръ умеръ отъ эшаго.“

3.

Нѣкто, проѣзжая черезъ деревню богатаго помѣщика Р., былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ совершенно ему неизвѣстныхъ, необыкновеннаго рода домашнихъ пшцъ, и побуждаемый любопытствомъ, спросилъ: „Что это за пшцы?“ — Баринъ для экономіи велѣлъ ощипать съ нихъ пухъ“ — отвѣчали ему.

4.

Разсказываютъ про того же помѣщика, что у него каждый человекъ дѣлаетъ при дѣла, такъ, напр: пасухъ пасеть снадо, вяжеть чулокъ и въ то же время сбиваетъ масло, приводитъ въ движеніе бутылки, привязанныя къ локтямъ его.

Дил.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣшина, подписывая на опытахъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурія.*

№ 38.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 30 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ДОКТОРЪ - ЧАРОДѢЙ.

(Анекдотъ.)

Англичанинъ-путешественникъ, переходя одну улицу въ городъ N°, въ которомъ находился онъ проездомъ, нечаянно спотыкнулся — и опять сильного ушиба упалъ въ обморокъ. Опаматовавшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя старика, очень почтенной наружности, подававшего ему помощь. — „Отдохните опять испуга въ моемъ домѣ“ — сказалъ сей послѣдній: „онъ находится очень близко отсюда.“ — Приглашеніе принято, и путешественникъ, съ помощію старика, кой-какъ добравшись до означеннаго дома, въ которомъ все доказывало богатство его хозяина. Наступилъ часъ обѣда. Старикъ просилъ отобѣдать госпа съ нимъ вмѣстѣ. Въ поступкахъ его было столь много обязательнаго и любезнаго, что Англичанинъ, не смотря на необходимость продолжать путь свой, согласился принять и это предложеніе. Черезъ нѣсколько минутъ вошли въ столовую человекъ шестнадцать или семнадцать гостей, конхъ платье и обращеніе утвердили еще болѣе Англичанина въ хорошемъ мнѣніи о хозяинѣ дома. — Сѣян за столомъ, и разговоръ начался. — Одинъ изъ гостей, сидѣвшій по лѣвую сторону старика, попросилъ его налить ему рюмку вина. — „Нѣтъ“ — закричалъ сурово хозяинъ: „нѣтъ, этаго не будетъ: вина пить вамъ не позволю.“ — Вообразите удивленіе Англичанина, слышавшаго сей грозный отказъ. Какъ сообразилъ привѣтливость хозяина съ такимъ обращеніемъ? . . . Онъ перелялся въ догадкахъ.

Томъ III. № 38.

Обѣдъ кончился; гости пошли въ залу, по приглашенію хозяина, который вскорѣ удалился въ свой кабинетъ. Англичанинъ все еще размышлялъ о спраннымъ обращеніи старика съ гостемъ во время обѣда; какъ вдругъ нѣкоторые изъ нихъ, подойдя къ нему, сказали, что они сердечно сожалеютъ объ немъ, видя его въ семъ домѣ; — „потому, присовокупили они, что выйдти отсюда — невозможно.“ — „Кто жъ запретилъ мнѣ это?“ спросилъ Англичанинъ. — „Тотъ самый, о которомъ вы говорили, который держитъ и насъ; тотъ самый, которому удалось заманить и васъ, милостивый государь, къ себѣ.“ — „Никто не имѣетъ права здѣсь удерживать меня противъ моей воли!“ — возразилъ Англичанинъ. — „Такъ вы, милостивый государь, вѣрно еще не знаете, что находилесь въ гостяхъ у чародѣя?“ — „О! я не вѣрю этому!“ — вскричалъ Англичанинъ, улыбаясь: „въ существованіе чародѣевъ позволено было вѣрить лишь во времена невѣжества; но теперь . . .“ — „Ну; какъ вамъ угодно: вѣрьте или нѣтъ; между тѣмъ это не менѣе справедливо, что тѣ изъ насъ, которые хотѣли противиться сверхъ-естественной силѣ хозяина, были жестоко за сіе наказаны. Одинъ спасся отсюда бѣгствомъ, переломали себѣ ноги, другіе руки, а нѣкоторые лишились даже жизни.“ — „Что касается до меня“ — прервалъ Англичанинъ: „то я надѣюсь сохранить и то и другое . . .“ — Едва онъ успѣлъ докончить сіи слова, какъ дверь въ залу отворилась, и вошедшій слуга, обращаясь къ Англичанину, сказалъ, что хозяинъ дома проситъ его пожало-

вать къ себѣ въ кабинетъ. — „Ахъ, ради Бога, милосливый государь“ — вскричало все общество, окружая его: „не ходите къ нему; заклинаемъ васъ, не ходите: вы себя погубите. Тамъ пропасть, изъ которой никто еще не возвращался.“ — „Будьте покойны, господа“ — отвѣчалъ Англичанинъ: „я не боюсь ни колдуновъ, ни чародѣевъ, и надѣюсь имѣть удовольствіе опять васъ увидѣть.“

Нашъ путешественникъ, слѣдуя за слугой, не могъ однако жъ придумать, что долженъ онъ заключить обо всемъ слышанномъ? Не была-ли это одна мистификація? . . . Когда онъ вошелъ въ кабинетъ старика, то сей, встрѣпивъ его со смѣхомъ, сказалъ: „вы, вѣрно, безпокоитесь о томъ, что не знаете съ кѣмъ проводите время? . . . Я выведу васъ изъ сего недоумѣнія: Докторъ Вилчъ къ услугамъ вашимъ“ — сказалъ онъ, поклонясь гостю: „объдавшие же за столомъ мои — сумасшедшіе, которые, посредствомъ моихъ стараній, приходили уже въ разсудокъ, и которыхъ я безъ опасенія сажая за столъ вмѣстѣ съ собою. Я замѣтилъ ваше удивленіе, когда довольно невѣжливо я отказалъ въ рюмкѣ вина моему гостю, сидѣвшему по лѣвую сторону: это было сдѣлано потому, что голова его еще очень слаба, и что вино можетъ произвести въ ней опять сильное распроеивіе. Грозный видъ и голосъ, употребленные мною при семъ случаѣ, суть единственныя средства для подобныхъ людей, смотря-впрочемъ, по характеру выздоравливающаго.“

Англичанинъ, будучи доволенъ случаемъ, познакомившимъ его съ Докторомъ, благодарилъ Г. Вилча за участіе, которое онъ принялъ въ его положеніи, — и проспился съ нимъ. После того онъ вошелъ въ залу простившись также и съ обществомъ, которое хотѣлось ему припомъ изумить своимъ выходомъ изъ кабинета. Удивленіе поразило всѣхъ, и каждый изъ нихъ считалъ нашего путешественника за другаго чародѣя, котораго власть превозмогла могущество старика. — „Но, не смотря на счастье ваше“ — вскричало вслѣдъ все общество уходящему Англичанину, желая ему добраго пути: „смотрите, *поберегайте ваши руки и ноги!*“

Съ Нѣмец. *О. Д.* — *из.*

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

„Что за уродъ стоить у этой печки?“

Не знаете ль?.. А я

Не вижу ничего при свѣчкѣ...“

— Да это дощъ мой! —

„Я плакъ и ожидала:

Ахъ, какъ она мила!.. Вѣдь потчасъ я узнала!“

А. Булгаковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

33. *Шестъ Элегическихъ Стихотвореній.* С. П. бургъ, въ Типографіи Ошд. Корп. Внущр. Спражи, 1831. Въ 12. (20 стран.)

„Собравшия въ сей книжечкѣ Элегическія стихотворенія“ — говоритъ Издашесль въ предисловіи: „написаны были не для изданія въ свѣтъ, но для нѣкопрыхъ лицъ, имѣвшихъ несчастіе понести горестныя и невозвратныя потерн. Въ нихъ не найдутъ чистотелн ни дара творческаго, ни даже отдѣлки пщательной, (это говоритъ Авшорская скромность: ибо въ самыхъ стихотвореніяхъ мы нашли и то и другое), но найдутъ пррстыя чувства, которыя могутъ быть утѣшительны для *огорченныхъ.*“

Книжечка сія издана въ пользу учрежденнаго въ С. П. бургѣ заведенія для призрѣнія сиротъ, лишившихся родителей своихъ отъ Холеры, — и продается по *два* рубли за экземпляръ. Отъ сердець сострадавательныхъ зависить заплашть и болѣе.

С М Ъ С Б.

Безкровный Бой. Но 4-й.

Суция, истая Хамелеонистика!

„Да что такое Хамелеонистика?“ вѣроятно воскликнули многіе изъ нашихъ читателей, непонимающіе совершеннаго значенія этого слова.

Милосливые государи! Если бѣ статья сія, по содержанию своему, была первая и *последняя*, въ такомъ случаѣ я отвѣчалъ-бы вамъ, что подобное посленіе не заслуживаетъ вашего вниманія; но какъ *продолженія* впрдъ сей статьи (заключающія въ себѣ подобныя-же примѣры) предвидятся еще на многія времена, — а потому я считаю себя въ обязанности исполнить ваше требованіе, то есть подробно донести вамъ о значеніи упомянутаго слова.

Нѣкогда, по еспѣ *въ прошедшемъ году*, издавался Журналъ подъ названіемъ: *Славянинъ.* Для *Славянина* и нѣсколько мѣсяцевъ должно почитать за чрезвычай-

чайную давность времени, ибо кто о немъ теперь поминитъ?.. Журналъ сей, съ наступленіемъ нынѣшняго года, скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, начавшейся при самомъ его рожденіи, и называвшейся сперва Slavonis, а нынѣ именуемой Supplementum litterale ad Invalidum Russicum, то есть *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. Г. Воейковъ, Издапель реченнаго Славянна, называлъ *Хамелеонистикою* сочиняемія имъ для сего Журнала статьи, въ которыхъ доказывалъ оныя литературную недобросовѣстность и криводушіе тѣхъ изъ Русскихъ Литераторовъ и преимущественно Журналистовъ), которые *одну и ту же* литературную вещь сперва называли *хорошею*, а послѣ, по переѣлтѣ расположенія своего къ владѣльцу ея (т. е. сочинителю), именовали ее *дурною*.

Вотъ какимъ образомъ родилась у насъ *Хамелеонистика!*

И такъ выраженіе сіе означаетъ характеристическую черту того лица, къ которому оно относится.

По чрезвычайной скудости литературныхъ успѣховъ Г. Воейкова, выраженіе сіе болѣе сдѣлало ему извѣстности, нежели всѣ его прозаическія и стихотворныя произведенія.

Я нижеподписавшійся началъ издавать *Свертлый Меркурій* въ самую несчастную для меня эпоху: меня и изданіе мое встрѣтили несумѣстныя похвалы Г. Воейкова, которыми, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, постоянно осыпалъ оныя (и въ *Инвалидѣ* и въ *Славянитѣ*) меня и Газету мою. Подвергшись такому неожиданному горю, щипцу я спарался показать Г. Воейкову, что принадлежу къ числу тѣхъ людей, для которыхъ похвалы его весьма непріятны. Бывъ самъ Журналистомъ, и слѣдственно зная уловки людей сего рода, оныя наконецъ догадался: видя, что всѣ его *Инвалидныя* и *Славянискія* нѣжкости не могутъ вымолишь оныя меня въ *обмѣнъ* и одной *Меркуріевской* подслащенной пилюльки (которую, по уставу литературной вѣжливости, надлежало-бы мнѣ отплачивать всякому другому Журналисту), и видя, па-

пропивъ, что я иногда *негатно* изъяслялъ невыгодный для него образъ мыслей, Г. Воейковъ воскипѣлъ правдымъ гнѣвомъ; и въ послѣдствіи, когда *Меркурій* объявилъ рѣшительное гоненіе на всѣхъ бездарныхъ шруженковъ Апполона, находящихся подъ особеннымъ его покровительствомъ, — Г. Воейковъ, къ неизлечимому моему удовольствію, объявилъ рѣшительное гоненіе и на меня.

Такимъ образомъ, я, благодаря Апполона, достигъ своей цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, уже неоднократно было обнаружено во многихъ изданіяхъ, какое непріятное вліяніе имѣютъ похвалы Г. Воейкова на общее мнѣніе Любителей Россійской Словесности. „Похвалы его производятъ всеобщій смѣхъ“ — весьма справедливо было сказано однажды въ Московскомъ Телеграфѣ. Стало бытъ, кому же послѣ этаго придется охота быть расхваливаему Г. Воейковымъ?.. Развѣ такому человѣку, который уже рѣшительно не дорожитъ литературною своею извѣстностью?.. Были примѣры, что нѣкоторые особы торжественно обнаруживали опреченія свои оныя похвалы Г. Воейкова, пребуя, чибобъ оныя благоволимъ на будущее время уволить ихъ оныя.

Но оныя чего же все сіе послѣдовало?.. Отъ чего всѣ Любители Словесности имѣютъ такое довѣріе къ словамъ Г. Воейкова?.. Именно оныя того, что Г. Воейковъ, вздумавъ исправлять литературную правственность въ другихъ, и упрекая противниковъ своихъ въ недобросовѣстности и пристрастіи, самъ, между тѣмъ, на каждомъ шагу своемъ, почпи въ каждомъ Но своего изданія, представляетъ рѣзкіе образцы *Хамелеонистики*.

Угодно-ли примѣровъ?.. Но обиліе ихъ упоминать васъ, почтенные читатели! — Представлю самый свѣжій, собственно ко мнѣ относящійся.

Въ концѣ 1828 года одинъ мой пріятель напечаталъ сатирическое мое сочиненіе подъ названіемъ: *Мавра Власьева Толскаго*, написанное мною вовсе не для публики, а для пріятельскаго круга. Пріятель мой издалъ сію книжку, въ надеждѣ на мое списхожденіе, безъ моего вѣдома, ибо, въ противномъ случаѣ,

я не напечатала-бы се безъ значительныхъ исправленийъ въ отношеніи литературномъ, равно и въ нравственномъ.

Вопиѣ что сказалъ о ней Г. Воейковъ въ 15-мъ Но Русскаго Инвалида на 1829-й годъ:

„Искренно радуясь каждому пріятному явленію въ Опечественной Словесности, мы вмѣняемъ себѣ въ особенное удовольствіе извѣстить нашихъ читателей о выходѣ въ свѣтъ книги подъ названіемъ:

МАВРА ВЛАСЬЕВНА ТОМСКАЯ

и

ФРОЛЬ САВИЧЪ КАЛУГИНЪ.

Анекдотическая сцена въ стихахъ. Сочиненіе М. А. Бестужева-Рюмина.

„На сей разъ мы удерживаемся отъ всякихъ критическихъ замѣчаній. Скажемъ только, что сіе произведеніе есть сапиръ, а цѣль сапиръ — исправленіе порока. Недостатковъ въ отношеніи Литературномъ мы не замѣтили, или по крайней мѣрѣ они незначущи, пѣтъ болѣе, что вся пѣса написана живыми, плавными стихами, изъ которыхъ весьма многіе блестятъ истиннымъ остроуміемъ. Странности и дурачества, осмѣиваемыя сапиркомъ, не заморскія; но списаны съ особъ, которыхъ живутъ на святой Руси, и перѣдко встрѣчаются намъ и на Невскомъ проспектѣ, и въ Театрѣ, и въ обществѣ.“
Совѣстно было выписывать!.. Можно-ли болѣе расхвалить самое примѣчательное произведеніе самаго славнаго Писателя?.. Чего тутъ вѣль?.. И радость Г. Воейкова; и пріятное явленіе; и особенное его удовольствіе; и немѣнне недостатковъ въ отношеніи Литературномъ; и полненіе цѣли: исправленіе порока; и вся пѣса написана живыми, плавными стихами; и блескъ истиннаго остроумія; и проч., и проч., и проч.

Прочтите-же теперь, что говоритъ эпошъ-же Г. Воейковъ объ этой-же *Маврѣ Власьевнѣ Томской* (См. *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инва-*

лиду, Но 64-й, на 1831-й годъ, стран. 503, въ лѣвомъ столбцѣ, снизу строчки 13, 12 и проч.)

КРИТИКА.

НОВАЯ КНИГА.

Мертвый оселъ и обезглавленная женщина. 2 части. Москва, 1831 года.

„Это переводъ съ Французскаго — и весьма недурной.“

„Въ заглавіи не сказано, къ какому роду Словесности принадлежитъ сія остроумная книжка, а пошому мы и полагали (*), что эпо одна изъ такихъ „ПОШЛЫХЪ“ книгъ, какъ *Дурацкій колпакъ* (**), *Мавра Власьевна Томская* и другія имъ подобныя.“

Послѣ эпого всякой можешь видѣть, какова литературная добросовѣстность у почтеннѣйшаго Издателя *Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.*, не смотря, что ни одинъ изъ Русскихъ Журналистовъ не хвастаетъ сполько ею, какъ онъ: ибо отъ публиковать и въ *Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ*, что добросовѣстность его (!!!!!!!!!) извѣстна публикѣ (***)

Эпиглогъ.

И такъ, почтенные читатели, не правда-ли, что все вышеизложенное есть сущая, исплая *Хилемелонистика*?..

Кто послѣ эпого не воскликнетъ: сохрани, Господи, отъ похвалъ Г. Воейкова! —

Б. Р.

(*) По Логикѣ почтеннаго Г. Воейкова надобно всегда означать въ заглавіяхъ книгъ: хороши онъ или худы, пошлы или не пошлы (какое милое выраженіе!) остроумны или не остроумны! — *Приглашеніе для Г. Г. Издателя къ книгѣ. Удивительно, почему самъ Г. Воейковъ не грешетъ по сіе время: ОСТРОУМНЫЯ Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду!* —

(**) *Дурацкій колпакъ* также въ свою очередь и въ свое время былъ расхваливаемъ Г. Воейковымъ; а пылъ... увы! — таковъ Г. Воейковъ! —

(***) См. Объявленіе объ изданіи *Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.*

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 39.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *величавой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 1 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

ПЕДАГОГИКА

или

ЛУЧШІЙ СПОСОБЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.

(Отрывокъ изъ *путевыхъ записокъ. Письмо къ přítелю.*)

Проезжая, чрезъ уѣздный городокъ * * * скъ, я остановился на постояломъ дворѣ, чтобы отдохнуть немного съ дороги и осмотрѣть замѣчательности города; — но крикъ хозяйскаго мальчика долго не давалъ мнѣ покою. Наконецъ онъ умолкъ. Слава Богу, — сказалъ я, обрадовавшись, — теперь я могу заснуть спокойно!.. — „Какъ-бы не такъ“ — отвѣчалъ крикунъ: „дай мнѣ только отдохнуть немного, такъ я еще не такъ загорланю!“ — И я, видя твердое намѣреніе его, рѣшился отложить отдохновеніе свое до другаго времени, и разсудилъ пойти прогуляться по городу. — Тогда еще было 9 часовъ утра, и потому я не могу пожаловаться, чтобы прогулка моя была незаинтересованна. Я безпрестанно встрѣчалъ толпы православныхъ мужичковъ, идущихъ къ своимъ баркамъ; видѣлъ чопорныхъ шорговокъ, умильно выкладывавшихъ на столики свои Вяземскіе пряники и коврижки. Впрочемъ, я не встрѣчалъ здѣсь ни Аркадскихъ паспущковъ, рѣзво играющихъ съ своими собачками, ни даже скромныхъ паспущекъ, невинно ласкающихъ овечекъ своихъ.

Долго прохаживался я по извѣстнымъ улицамъ, смотря наблюдательнымъ окомъ на всѣ встрѣчающіеся предметы; но однообразная архитектура * * * ска не

Томъ 111. No 39.

производила во мнѣ никакого впечатлѣнія. Наконецъ я слышу пронзительный крикъ; подхожу къ тому дому, изъ котораго происходилъ онъ; спрашиваю и узнаю, что это такъ называемое Частное Училище или Пансіонъ. — Ну, какъ не посѣтить сіе столь важное заведеніе въ такомъ городѣ, каковъ * * * скъ. Я спрашиваю позволеніе посѣтить пансіонъ, и получивъ его, вхожу въ опрятно-убранную комнату, гдѣ меня встрѣчаетъ сама содержательница заведенія въ бѣломъ газетномъ чепчикѣ съ длинными лентами.

„Ви копеше копиптъ позедиптъ мое Пансіонъ“ — спросила она у меня, дѣлая граціозный книксенъ, — „Точно такъ, сударыня“ — отвѣчалъ я. — Мы пошли обзрѣвать Училище. — Чистота и порядокъ удивляли меня на всякомъ шагу; я смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Неужели (думаю я) я въ * * * скъ! — Наконецъ, осмотрѣвъ комнаты и службы дома, я захохотѣлъ посѣтить и классы. — „Нельзя-ли, спросилъ я у своей дамы, послушать лекціи вашихъ?“ — „Очень можно“ — отвѣчала она весело — и мы чрезъ двѣ минуты очутились въ классѣ *Латинской Словесности*, въ которомъ, какъ она мнѣ объявила, назначено учить *слова* и заниматься переводами Басней Федра. Когда мы вошли въ этотъ храмъ * * * ской премудрости, по преподающей, или не замѣчая насъ, или желая показать, что внимательно заняты своимъ дѣломъ, спокойно продолжалъ лекцію свою слѣдующимъ образомъ:

„Любезный дѣдушка! сказали онъ: такъ какъ ты намъ приходишься родственникъ, то разсуди пожалуй,

„кому изъ насъ взять это яблоко.“ — „Ахъ, вы мои голубушки! ахъ, вы мои красавицы!“ сказалъ имъ Юпитерь въ отвѣтъ: „Я для васъ радъ все сдѣлать, а эшаго не могу. Вы всѣ для меня одинаковы, и я боюсь вселить въ васъ зависть другъ къ другу. А вопшъ на землѣ еспь пѣкшо Парисъ: онъ малой добрый, умный, разумный; пусть онъ будетъ вашимъ судьбою, а ужъ меня увольте.“

„Послушались дѣвы спарика, согласились отпра- выпись въ госпи къ Парису. Вдругъ откуда не взялись легкые вѣтерки и зефиры, начали поддувать ихъ, и наконецъ онуспили на шо мѣсто, гдѣ находился . . . кшо? . . — Парисъ.

„Юнона первая, увидѣвъ его, сдѣлала умильное личико, и спросила его: „Ты-ли тошъ мудрый Парисъ, кошораго мы ищемъ?“

„— „Я, сударушки“ — отвѣчалъ онъ: „а что вамъ угодно? Во всемъ радъ служить вамъ!“

„Вопшъ Юнона и начинается:

„Насъ прислалъ къ тебѣ твоя дѣдушка, чтообъ ты разсудилъ, кому изъ насъ взять это яблоко.“

„Почему и не разсудить,“ — сказалъ Парисъ, подбоченясь.

„Знай-же, Господишъ“ — продолжала она: „я Богиня; если ты мнѣ отдашь его, шо я сдѣлаю тебѣ управителемъ всей вселенной, и ты будешь имѣть силу надъ всеми земными Царями, какъ-бы они сильны не были, и сколько-бы не имѣли денегъ и богатства. — Все будетъ твое! Все будетъ твое!“

„Парисъ, поклонясь ей въ поясъ, отвѣчалъ: „Спасибо, сударушка!“

„Тутъ Минерва говоритъ: „Знай, Господишъ, и я также Богиня, и припомъ Богиня . . .“

„Тутъ нашъ Профессоръ, прервавъ чтение своей тетрадки, спросилъ у одного изъ своихъ учениковъ: „чтого Богиня?“

Тотъ молчалъ.

„Богиня мудрости, оселъ“ — вскричалъ Профессоръ и сталъ продолжать чтение.

„Если ты мнѣ отдашь яблоко“ — говорила Минерва: „шо я тебѣ сдѣлаю мудрейшимъ мудрецомъ на свѣшъ . . .“

„Парисъ, отвѣсивъ такой-же поклонъ, отвѣчалъ: „И тебѣ спасибо, голубушка!“

„А Венера говоритъ: „Знай, Господишъ! и я также Богиня, да еще Богиня красопы: если ты мнѣ отдашь это яблоко, шо мало того, что ты самъ будешь красавчикъ, но еще и изъ всѣхъ красопокъ ни одна опъ тебѣ не увернется. . . .“

„Такъ возьми же ты, моя драгоценная“ — отвѣчалъ восхищенный Парисъ, и всунулъ ей въ руку яблоко“

Сими словами нашъ Профессоръ окончилъ свое чтение, кошорое я слушалъ, признаю, гораздо внимательнѣе, нежели многіе слушаютъ лекціи въ нашемъ Университетѣ, пошому именно, что оно по странной оригинальности своей заслуживало вниманія. После нашъ Каедриспъ кашлянулъ, пошохалъ табаку, и приподвѣвъ очки, привѣпливо сказалъ мнѣ: „Вамъ, можешъ быть, покажется страннымъ, что я во время лекцій Латинской Словесности занимаюсь Миеологіей; но я дѣлаю это для развлечения дѣшей и рассказываю имъ *Историческія событія* въ видѣ сказки, чтообъ болѣе возбудить эшимъ ихъ вниманіе.“

Я отвѣчалъ, что изобрѣтенный имъ способъ преподаванія чрезвычайно удобенъ, и заслуживаетъ быть введеннымъ въ повсемѣстное употребленіе, для чего и просилъ его снабдить меня тетрадкою своей часа на два, чтообы, списавъ съ оной копию, мнѣ можно было, по возвращеніи моемъ въ Пепербургъ, подслужиться ею нашимъ Профессорамъ, которые, вѣрояшно, не преминутъ позаимствоваться изъ нея, чѣмъ будетъ можно. Можешъ себѣ представить, съ какими поклонами вручилъ мнѣ тетрадь свою Господишъ Преподаватель Латинской Словесности.

Сопровождаемый содержательницею пансіона, я вышелъ изъ класса, и сказавъ ей нѣсколько привѣспвій на счетъ ея заведенія, возвратился на квартиру.

А. Булгаковъ.

Е. И.

Дипя пріяшствъ, очарованья!
Давно ль среди забавъ твоихъ
Ты порожила каждый мигъ

Въ сердцахъ пріятныя смяшеня!..
 Быль проспѣ, но легкокъ швой уборѣ;
 Всегда одежда облачна, —
 Какъ въ ясну почъ, луна — швой взорѣ,
 А ножка, — ножка золопал,
 И спройный спанѣ, души кумирѣ,
 Порхали въ панцахъ, какъ зефирѣ.
 Повсюду скромность пеземпал,
 Душой — ты обществу душа;
 Давно ль, въ кадрилѣ, чупъ дыша,
 Склонивъ головку, какъ лилея,
 И глазки въ землю опушнивъ,
 Ты волновалася, робя —
 Твой взглядъ былъ нѣженъ, милъ, игривъ —
 Давно ль... Но время измѣнилось...
 Замужства бурный вѣтръ возспалъ:
 Твои опъ чувства оковалъ,
 Веселье сумракомъ покрывось,
 И вздохъ разлуку предсказалъ.

Д. Шепелевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

34. *Котъ Бурмостъко, любимецъ Халифа Аль-Малума*, Восточная повѣсть, изданная *Василемъ Ушаковымъ*. — Москва, въ Типографіи Н. Степанова, 1831. Въ 16. (288 стр.)

Извѣстно, что въ книжныхъ лавкахъ много водится мышей, плоподности коихъ обречены въ жертву непокупаемыя публикою и по сей несчастной причинѣ залежавшіяся въ книжныхъ анбарахъ произведенія многихъ бездарныхъ виписей, горемычно подвизающихся подъ знаменами Апполона. Мы бы теперь, не кривя душою, могли наименовать нѣкоторыхъ изъ нихъ, если бъ не боялись раздражить этимъ *гусей литературы*. Богъ съ ними!.. Для отвращенія зла, производимаго упомянутыми плоподными живописными въ огромныхъ хранилищахъ произведеній ума человеческого, необходимо было завести въ нихъ *Котовъ* — и съ сею благодѣтельною мыслию, какъ замѣчаютъ забавникъ-Телескопъ, Г. Ушаковъ, благодаря его сердоболію, развелъ ихъ по книжнымъ лавкамъ обихъ столицъ, и въ нѣкоторыхъ Губернскихъ городахъ находящихся, до *тысячи двухъ сотъ* штукъ! — Что же?.. Немногіе изъ нихъ удовлетворили ожиданіямъ

Г. Ушакова!.. Большая половина сего завода сдѣлалась жертвою опважнаго своего предпріятія: злая судьба обрекла ихъ самихъ достаться на съденіе мышамъ! — Увы! такимъ-то неуспѣхамъ подвергаются иногда и хорошія намѣренія человеческія! — Выслушайте, что сдѣлалось съ однимъ изъ коповъ въ книжной лавкѣ III.

На прошедшей недѣлѣ я заѣхалъ въ сію лавку и спросилъ *Кота Бурмостъко*. Одинъ изъ прикащикова, бывшихъ въ лавкѣ, побѣжалъ за нимъ, обрадовавшись (какъ послѣ самъ мнѣ признался) случаю, хоть одного сбывшъ съ рукъ изъ множества, въ ихъ лавкѣ имѣющихъ. Возвращаясь назадъ, онъ подалъ мнѣ *Кота Бурмостъко*, крайне изъденнаго мышами, жалобно говоря: *коша мыши съѣли!..* Я спросилъ, нѣтъ-ли поцѣлье, и получивъ отрицательный отвѣтъ, долженъ былъ опказаться опъ своего намѣренія, болѣе потому, что несносное его мячанье надѣло-бы мнѣ до чрезвычайности, въ чемъ я увѣренъ былъ.

И такъ, Г. Ушакову предлежитъ теперь важный трудъ: описать *погребеніе Кота, изъденнаго мышами!* —

К. Т.

22 Октябръ 1831 г.

Москва.

С М Ъ С Ъ.

— *Каламбуръ*. Вы видали-ль этаго спарикашку, въ парикъ и черномъ фракѣ, который на прескверномъ Французскомъ языкѣ рассказываетъ всѣмъ и каждому свои проказы, свои инприги, свои великія дѣла; бранишь все новое, превозноситъ старое; и безпрестанно полкуетъ во всеуслышаніе, что онъ Превосходительный. Однажды онъ полковалъ о томъ, что смолода у него были прекрасные глаза, и буди-бы одна барыня, его петушка, желая полюбоваться его глазами, о красопѣ конхъ она наслышалась, нарочно выпросила ему чинъ Сержанта Гвардіи, съ тѣмъ, чтобы по сему случаю выписалъ его изъ Москвы въ Петербургъ. — „И такъ васъ сдѣлали Сержантомъ *за-глаза!*“ подхватилъ одинъ извѣстный оспрядъ, хотѣвшій ему намекнуть эпитомъ, что *заочно* можно ошибаться. — Спарикашка переспалъ похваливать свои глазки.

— *Рѣдкія рѣдкости.* Одинъ извѣстный композиторъ написалъ *грозную* ораторію для 800 человекъ полковыхъ музыкантовъ, въ коей 75 Турецкихъ барабановъ имѣли весьма затруднительное *соло*. Во время внимательнаго слушанія ораторіи своей, онъ былъ *оглушенъ* несстерпимымъ стукомъ усердныхъ солистовъ, и съ тѣхъ поръ (тому уже три года) рѣшительно ничего не слышитъ. Не смотря на сіе послѣднее обстоятельство, ему все еще чрезвычайно хочется заниматься Музыкою, и недавно онъ напечаталъ разсужденіе свое о *службѣ*, какъ о чувствѣ, на которое Музыка имѣетъ особенное вліяніе. Знайоки отзываются съ большою похвалою о семъ сочиненіи. — *Нѣмой* Профессоръ Шрей написалъ книгу подъ заглавіемъ: Риторика или наука писать и говорить краснорѣчиво. — *Слѣпой* Магистръ Физики Гезехмъ сочинилъ превосходную диссертацію о *свѣтѣ*, которая, какъ говорятъ, въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

— Одна барыня, прочтя въ 31-мъ No Сѣв. Меркурія Анекдотъ объ женихѣ и невѣстѣ, убѣждавшихъ другъ друга *не затѣиваться* (т. е. трубкою и корсетомъ), сказала: „а мой дорогой муженѣкъ не только куритъ и запягивается, но и куритъ и запягивается.“

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРІЙ,

Литературная, Критическая и Сатирическая газета, составляемая изъ Повѣстей, Анекдотовъ, Статей о нравахъ, разныхъ литературныхъ отрывковъ, Библиографическихъ и Театральныхъ статей, и другихъ произведеній изящной Словесности, въ стихахъ и прозѣ,

будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1832-мъ г.

Планъ Газеты виденъ изъ названія.

Выходъ ежепедѣльно по три нумера: по *Понедѣльникамъ*, *Средамъ* и *Пятницамъ*.

Издатель прилагаетъ стараніе, чпобы *Сѣверный Меркурій*, какъ разнообразіемъ, такъ равно содержа-

ніемъ и слогомъ статей, помещаемыхъ въ сей Газетѣ, нравился любителямъ пріятнаго и занимательнаго чтенія.

Въ трудахъ Издателя участвуютъ многіе извѣстные Отечественные Писатели.

Газета сія составляетъ въ такомъ видѣ, что, по содержанию своему, можетъ служить не на одно только настоящее время, но и по окончаніи года, она обращается въ книгу, могущую быть занимательною и на будущее время, ибо составляетъ изъ новѣйшихъ произведеній Отечественной Словесности; но какъ неудобно *собрать* Газету; издающуюся *листочками*, кои, въ продолженіе года, теряются и приходятся въ вѣхлость, то, въ отвращеніе сего неудобства, каждый изъ Г. Г. Пренумерантовъ, получая, въ теченіе года, листки сей Газеты по времени выхода оныхъ, то есть по *три* раза въ недѣлю, что составитъ въ годъ 156 NNo, — по минованіи *каждаго* полугодія, получаетъ *толь*, состоящій изъ 78 NNo, особо переплетенный, что составитъ въ годъ два тома (*).

Подписка на полученіе *Сѣвернаго Меркурія* принимается: въ *С. Петербургѣ*: у *Смирдина, Сленина, Глазунова и Заикина*; въ *Москвѣ*: у Содержателя Университетской книжной лавки *А. С. Ширлева*.

Подписка цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NNo и *двухъ томовъ*, на *веленовой бумагѣ*, въ Петербургѣ *тридцать пять*, съ доставкою на домъ *сорокъ*, а съ пересылкою во весь города *сорокъ пять* рублей.

Иногородные благоволятъ отнестись съ своимъ пребываніемъ въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или: въ *Контору Издателя Сѣвернаго Меркурія*. Въ *С. Петербургѣ*.

(*). *Третій томъ Сѣвернаго Меркурія*, содержащій въ себѣ *сидесять семь* NNo, вышедшихъ за *первую* половину 1831 года, — немедленно буденъ разсланъ къ Г. Г. подписавшимся по выходѣ 51-го No. (*Въ концѣ сего Ноября*.)

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателью Свѣрнаго Меркурия.*

№ 40.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *вѣсной* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 3 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ(*): ДОМАШНІЕ ДОМОВЫЕ.

ГЛАВА XVI.

Коль ввришь есъ въ тебѣ охота,
Пожалуй себѣ вврь;
А мнѣ кака въ помѣ забоба:
Ввдь клевета — не звѣрь.

Бывали-ль вы, читатели, въ той части города, гдѣ находился дивный замокъ жениха, героя предыдущей главы? Знаете-ли нравы эшаго маленькаго кусочка Петербурга, нравы, извѣстные здѣсь подъ фирмою: *нравовъ Коломенскихъ барынъ* (**)?.. Спѣшите этого, чтобъ поговорить объ нихъ. Избытокъ приключеній этой повѣсти не позволяешь мнѣ распространиться о семъ. На это нужно, по крайней мѣрѣ, два томовъ, претолстыхъ, очень толстыхъ тома, следовательно сдѣлать эшаго мнѣ невозможно въ сей повѣсти. Я ограничусь только краткимъ описаніемъ того всеобщаго недуга, той *милой* привычки, закоренѣвшей, Богъ знаетъ, съ котораго времени, и — оставшейся исключительнымъ достояніемъ тамошнихъ жинельницъ (***), и часто, очень часто, имѣющей сильное вліяніе на... на послушныхъ вельзіямъ ихъ супруговъ! Эша привычка, милосивные государи и милосивыя государыни, называется: *переносъ вѣстей*, или *невинное препровожденіе времени*.

(*) Первый отрывокъ былъ напечатанъ въ 20-мъ № Свѣ. Мерк. — *Изд.*

(**) Разумѣется, нѣтъ такого правила, которое-бы не имѣло исключеній, следовательно не вся обитательница Коломенны подходитъ подъ эту категорию. *Прим. Сов.*

(***) Прошу посмотрѣть на первое примѣчаніе. *Сов. Томъ 111. № 40.*

Если случится спросить, когда нибудь, Матрону Сидоровну, о семействѣ, положимъ N, живущемъ въ семь окологдъ, думаете-ли, что она ограничится только увѣдомленіемъ васъ подробно о немъ?.. (А она должна непременно знать *подробно!*..) Ошибаетесь... Она, прежде чѣмъ дойдетъ до того, что вы узнаете хопяте, перберетъ всѣхъ, сколько голова ея припомнитъ, людей, всѣхъ — со всеми малѣйшими подробностями, и все такъ кспати, такъ занимательно свяжетъ все обстоятельство, такъ искусно примѣнитъ все къ вашему и своему положенію, что вы — будете ее слушать, будете удивляться ея непоспжимому всезнанію... Но если-бы знали, какъ легко это достоинство, какой палиманъ къ этому чародѣйству?.. Матрена Сидоровна не старалась узнавать нарочно; само собой помѣщается въ ея голову: она обязана за это силъ притягательной, палиману, вовсе не палисивенному — она обязана за все — кому, какъ вы думаете?.. Ровно никому. — Въ дружеской бесѣдѣ, за чашкою кофе, рассказываетъ ей пріятельница, только по дружбѣ, *по секрету*: Матрена Сидоровна скажетъ Акулинь Софроновѣ также *по секрету*; та! Афросинья Пахомовѣ то же *по секрету*; эша шепчетъ на ухо своей кухаркѣ; сія послѣдняя опнесетъ *секретъ* барыни своей къ пріятелю — лавочнику, въ счетъ долга... такимъ образомъ, малѣйшее движеніе, выходящее изъ обыкновеннаго круга семейственной жизни, разносится, меньше чѣмъ въ полчаса, по всему окологду. Спросите, кого угодно, въ тотъ день объ этомъ; все скажутъ вамъ

— разна. Между прочим, никак не лжетъ: всё говорятъ правду; но дѣйствительно это есть только пародія на правду. Другой децъ — другіе толки: спарое забылось, и — вѣчное движеніе, вѣчный говоръ. Это, почтенные и почтенныя читатели и читательницы, по *Коломенскому Словарю*, называся *невиннымъ препровожденіемъ времени*.

Обратимся къ повѣствованію.

Прежде нежели будемъ говорить о будущемъ шестѣ Лгунова, нужно опять обратиться къ сему послѣднему. И такъ . . .

Максимъ Федотовичъ пробудился вполночь отъ сна: сильно шумѣло въ головѣ его; но по пословицѣ: *радъ не радъ, а дѣлай*, началъ онъ одѣваться, на — створъ. Туалетъ его продолжался не долго: все было приготовлено имъ заранѣе, какъ мы уже видѣли. Одѣвшись, мѣрными шагами началъ онъ ходить по комнатѣ, припоминая разговоръ свой съ Кузьминичной.

„Сегодня!“ вскричалъ онъ: „сегодня я обручусь! а шамъ, шамъ — женюсь, — шамъ — три тысяч . . .“ и прикусилъ языкъ, боясь, чтобы кто не подслушалъ. — „Кузьминична! ты довольно глупа!“ сказалъ онъ опять: „ты довольно глупа, повторивъ мнѣ на-слово. Нѣтъ, голубушка, я и самъ взялъ-бы отъ тебя. Думай, думай, что получишь что ибудъ: сдѣлай полько дѣло — а шамъ и дверь на запоръ.“

Потомъ отворилъ онъ шкафъ, или, не знаю ужъ, какъ назвать это вмѣстиміище бѣлыхъ паредокъ и чашекъ, скрѣпленныхъ мѣдными скобочками, — и въ жаждущій желудокъ, на чѣмъ ненаполненный, полилась *эссенція жизни*. Максимъ Федотовичъ не опиничалъ отъ губъ сумою, пока сія послѣдняя не перестала испускать изъ себя жидкости. Послѣ этой церемоніи, крякнувъ изрядно раза два — вѣроятно онъ удовольствія — надѣвъ шляпу, взялся за . . . за что-то такое, въ родѣ замка, и отворилъ дверь изъ комнаты. Тутъ случилось съ нашимъ героемъ маленькое приключеніе: не знаю, отъ восторга-ли, или онъ задѣлъ объ порогъ, или . . . но только онъ покапился на полъ, и, едва, едва могъ привесить себя опять въ перпендикулярное положеніе . . . Уже онъ за воротами, уже на улицѣ, уже мыслями на створномъ

пиршествѣ, подлѣ невесты, — какъ вдругъ . . . о ужасъ! . . . два человека, одѣтые въ сѣрое плащье, съ желтыми воротниками, оспанавливаютъ его: одинъ взялъ его самыми руками за лацканы, только-что вычищенного фрака; другой связалъ ему и десницу и шуйцу. Бѣдный Максимъ Федотовичъ! что о тебѣ подумаешь будущей шестѣ твоей? . . .

Народъ, какъ это всегда бываетъ, началъ копиться по-немногу вокругъ ихъ, подобно мухамъ вокругъ спакана съ пивомъ. Обступили злосчастнаго; спрашиваютъ совершившихъ надъ нимъ сію жестокость о причинѣ, о винѣ его: тѣ не почитающъ за нужное отвѣчать шолнѣ, желающей знать изъ одного любопытства. Спрашиваютъ самаго Лгунова: сей, склоняся главой на плечо одного изъ людей, разрушившихъ его сегодняшніе планы, едва, едва передвигаетъ ноги, и — бормоча что-то, слѣдуетъ за своими повелителями. При шестромъ сборищѣ народа, кортежъ продолжаетъ свое шествіе. Его провожаютъ. Вопишь почти уже уходятъ изъ глазъ . . . еще дальше . . . еще . . . и — добраго пупи, Г. Лгуновъ. Можешь быть, мы еще съ вами увидимся.

Теперь шуда, гдѣ на перекресткѣ, по угламъ домовъ, красуются двѣ мѣлочныя лавочки, гдѣ колода, раскрашенная зеленой, съ черными полосками, краскою, служить цѣлѣю несчастныхъ живописныхъ, мыкающихъ горе по мостовой Петербургской, и гдѣ, для симетріи сихъ памятниковъ народнаго пресыщенія, возвышается гордо вывѣска у вшораго эшажа дома, съ надписью: *въ хотѣ врѣстараціо*, — шуда, шуда, синсходительные читатели, обратимъ наше вниманіе. Вопишь, видите-ли вы, какъ пробирается между толпы эта старушка, въ черномъ ашласномъ салопѣ, кошорый цвѣтомъ своимъ представляеть, довольно живо, отблескъ солнечныхъ лучей, упадающихъ на земный шаръ нашъ, а выглядывающая въ разныхъ мѣстахъ хлопчатая бумага, какъ-бы радуется, что шелковая оболочка, ее покрывающая, скоро распадется — и она опять увидитъ свѣтъ дневной . . . Но наблюденіе мое можеть завесни, пожалуй, чего добраго, такъ далеко, что этотъ салопъ послужитъ вмѣсто глобуса небснаго; — и такъ довольно. Смотрите, какъ

она скрываетъ сухое лице свое отъ толпы, слѣдующей за женишкомъ Маіора! . . . Слава Богу! миновала ее эта грозная туча: Лгуновъ — и вся церемонія прошла мимо. Воцѣвъ, она остановилась: примѣчательны ли вы радостную улыбку въ ея физиогноміи? . . . Но кто-же она? Спросите меня, что это за таинственная особа. Читатели! пусть нѣтъ ничего таинственнаго: это, это наша знаменитая, и вамъ давнымъ давно извѣстная Кузьминична.

А вотъ идетъ на встрѣчу нашей героини подобная-же ей знакомая: описать-ли вамъ ее? Нѣтъ, на что пратнись по пустому время. Лучше послушаемъ разговоръ сихъ прорицательницъ XIX столѣтія.

„Ну, Подуектовна“ — начала Кузьминична: „ну, моя голубушка: чупь жива, вотъ каково шорговать шоваромъ живымъ — того и гляди, что наживешь бѣды на шею.“

— „И, мать-мол, чпой-по ты врешь такую околесную; пословица говоритъ: береженого и Богъ бережетъ. Вольно жъ тебѣ самой соваться всюду. Легко-ли! какая нажива будешь тебѣ отъ этого дьявильца? Смотри, локошь-то и близко будешь, да не укусишь. Вотъ, какъ я . . .“

„Полно, полно, Подуектовна, не тебѣ говорить и не мнѣ слушать. Ужъ и ты спала читаешь Подлицку. Лучше выслушай-ко, что скажу: сама похвалишь.“

„Вотъ, видишь-ли, Подуектовна“ — продолжала Кузьминична, поднимая къверху прорицательный перстъ свой: „теперь больше я не слуга Лгунову; вижу, что онъ не способенъ, чпобъ хорошая женщина хлопотала объ немъ.“

— „Какъ!“ вскрикнула громко обратительная ея слушательница: „какъ!“

„Да такъ“ — возразила та: „не все коту масленница — будетъ и великій постъ. — Полно тышиться, голубчикъ: теперъ сидиш-ко лучше въ добромъ мѣстѣ. Экой павязался, проклятый!“

— „Да, жаль его: сильно придерживается хмѣльнаго, а по славный былъ-бы человекъ.“

„Мы вотъ увидимъ его славу“ — сказала сваха: „какъ-то онъ теперъ прославился; языкъ-по у меня

безъ костей. Какъ хвалитъ его предъ Маіоромъ такъ могу и хвалить: въ мнѣ разславлено!“

— „Худо, худо будетъ, кума! Что же подумаютъ тогда о тебѣ: въдь никуда и носу не покажешь.“

„Ха! ха! ха!“ зарычалъ по цѣлой улицѣ голосъ Кузьминичны: „носу не покажешь? Не ложкой, Полуектовна, а вѣдомъ: не испорчимъ своей репешницѣ. Выйдемъ, мать мол, изъ воды сухохоньки Вотъ, Оедопычъ-то ведутъ себя, да ведутъ; а Кузьминична въ сторону, да въ сторону.“

— „Ахти! какая жъ ты, кума, прокураторница — ужъ не швое-ли это стряпанье? . . .“

„Тсъ, тсъ . . . Полуектовна Вѣдь это секретъ: языкъ-то у тебя дологъ, смотри! . . .“

Въ это время шумъ шаговъ отъ несколькихъ мужиковъ, идшихъ съ работы, прекратилъ разговоръ двухъ достойныхъ другъ друга пріятельницъ. Кузьминична и Подуектовна, размахивая сухими руками, пошли вдоль по улицѣ, изрѣдка останавливаясь, вброляпно для выраженія яснае какихъ нибудь фразъ, подобныхъ тѣмъ, коимъ-рыя мы слышали.

Но каково было положеніе Маіора, какой тяжкій ударъ былъ для его дочери, когда они услышали о происшествіи, случившемся съ будущимъ зятемъ и женихомъ, и еще съ пріюрасами, и Но это надо рассказать пообстоятельнѣе. — До слѣдующей главы, шершѣливыя читатели

О. Д — в — вв.

(Продолженіе будетъ.)

ЛЮБИМЫЙ и НЕЛЮБИМЫЙ МУЖЧИНА.

О любимомъ мужчинѣ безпрестанно думаютъ, желаютъ всегда его видѣть, разлучаются съ нимъ неохотно и встрѣчаютъ его съ радостью. Никогда не слушаютъ безъ вниманія его разказовъ: самая маловажная вещь, о которой онъ говоритъ, нмѣются въ себѣ много занимательнаго; если онъ правится, то все, что онъ дѣлаетъ, хорошо. Всегда соглашаются съ его мнѣніемъ; всегда бываютъ равнаго съ нимъ вкуса; его желанія бываютъ и желаніями женщины, любящей его.

Мужчина, котораго не любящъ, всегда наводитъ скуку; досаждаютъ, видя его; никогда не бывающъ въ хорошемъ расположеніи духа, побывъ съ нимъ хотя минутою; въ бесѣдѣ съ нимъ, время кажется вѣчностью. Ему едва отвѣчаютъ; онъ причиною скуки, которую не стараются скрывать отъ него. Самый занимательный его разговоръ кажется нелѣпымъ, скучнымъ; все, что онъ дѣлаетъ, подвержено строгому сужденію; никогда не соглашаются съ его мнѣніями; никогда не бывающъ одинакаго съ нимъ вкуса.

Пусть любимый мужчина будетъ невѣренъ — вспыхнутъ и проспятъ; пусть, нелюбимый будетъ посполченъ — на это не обращаютъ никакого вниманія.

Любимый мужчина вправъ сердиться, ссориться: сердце безпрестанно извиняетъ его, всегда дѣлаетъ первый шагъ къ примиренію. Нелюбимый человекъ напрасно старается быть пріятнымъ: пусть онъ предупреждаетъ всѣ желанія — все это не замѣчается.

Во время гулянья, опираются на руку любезнаго мужчины: ему нѣжно улыбаются, стараются по-встрѣчать его взоры; тогда не чувствуютъ ни малѣйшей усталости, дорога кажется краткою; если онъ ничего не говоритъ, то молчаніе его воспламеняетъ сладкія мечты. Если же гуляютъ съ нелюбимымъ мужчиною, то едва держатъ его за руку, опасаются допронуться до него, и избѣгаютъ малѣйшаго къ нему прикосновенія. На него никогда не поглядываютъ. Идутъ, не говоря ни слова, и отвѣчаютъ ему только односложными звуками; дорога кажется безконечною.

Для любимаго мужчины готовы пожертвовать всѣмъ; но никогда не считаютъ жертвоугодной, дѣлаемыхъ нелюбимымъ предметомъ.

На недоспатки, любимаго предмета смотрятъ сквозь пальцы; но не хотятъ видѣть хорошихъ качествъ въ нелюбимомъ человекѣ.

Все стараются растолковать въ пользу любимой особы; все заключающъ во вредъ того, котораго не любящъ.

Часто случается, впрочемъ, что не любимы любимымъ мужчиною, и страстно обожаемы нелюбимымъ.

Съ Фр. С гг.

Э П И Т А Ф И Я .

Подъ камнемъ симъ лежитъ механикъ Кабарда:
При жизни былъ своей бѣднѣйшее созданье,
И положительно въ своихъ снѣлхъ всегда
Встрѣчалъ кредиторовъ со знакомъ отрицанья . . .
А. Б — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

35. *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны.* Двѣ части. С. П. бургъ, въ Тип. И. Глазунова, 1831. Въ 8. (Въ перв. ч. 140, во втор. 165 стр.) (*)

Доставивъ публикѣ книгу, которую съ удовольствіемъ прочтутъ всѣ Любители Отечества Искорія, Г. Вейдемейеръ принесъ этимъ другую важную пользу: онъ значительно облегчилъ грядущіе труды будущаго Историка, которому предлежитъ трудъ въ описаніи сей знаменитой въ лѣтописяхъ Россіи эпохи; ибо книга Г. Вейдемейера можетъ послужить для него нѣкоторымъ руководствомъ (разумеется, при надлежащей осмотрительности) въ его изысканіяхъ. — Успавщики кавыкъ и знаковъ препинаній, которые вздумаютъ *обозрѣвать* книгу Г. Вейдемейера, въ томъ предположеніи, чинюбъ поживившись отъ нѣсколькими Историческими и Грамматическими промахами, върошно всплеснутъ руками отъ душевнаго умиленія, увидѣвъ неправильность въ самомъ первомъ словѣ, п. е. *обзоръ*, вм. *обзорнїе*. Это обстоятельство, не смотря на его маловажность, доставитъ, какъ мы думаемъ, вышеупомянутымъ господамъ сердечное наслажденіе.

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ И. И. Глазунова по 10 р., съ перес. 12 р. экземпляръ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 41.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на вѣгелевой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 6 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

(*Истинное происшествіе.*)

Стукъ чашекъ и бокаловъ раздавался въ нижнемъ этажѣ удивеннаго деревяннаго домика, гдѣ Студенты праздновали именины одного изъ своихъ товарищей. Густое облако дыма ходило по всей комнатѣ пиршества: ликующіе казались сквозь оное жителями другаго свѣта, а горѣвшія на столѣ свѣчи — блудящими огоньками. Посреди комнаты стоялъ качавшійся отъ малѣйшаго прикосновенія столъ, одинъ конецъ коего былъ накрытъ скашершью, сдернутою совершенно съ другаго. На столѣ, прямо противъ стола, искривившись вѣсело зеркало; подъ нимъ стоялъ письменный столъ, на коемъ лежали разныя бумаги, лексиконы, Права и другія книги, гитары, разсыпанный табакъ и пепелъ изъ трубокъ. На столѣхъ висѣли портреты Князя Кушужева, Султана Сеиима, Папы Пія VII и др. Рюмки и бутылки, поставленныя въ совершенномъ безпорядкѣ на столѣ, представляли разрушительную картину студенческаго праздника. Видно было, что вечерня пирушка приходила къ концу.

„Друзья!“ сказалъ Ф., выбивая пепелъ изъ трубки: „выпьемъ въ послѣдній разъ за здоровье именинника и розойдемся по домамъ.“

— „Быть по пвоему“ — сказалъ другой: „чок-пемся.“

„Да здравствуетъ именинникъ на многія лѣта“ — сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— „Ипполитъ! (говорилъ Ф.) Чино же ты не пьешь? Сегодня ты совершенная баба! Въ первый разъ въ жизни вижу тебя такимъ упылымъ. Вѣрно какаянибудь любовная связь . . . Но все таки пей, если любишь именинника. Не пить въ кругу друзей, значитъ обижать ихъ.“

Ипполитъ машинально поднял бокалъ и вино полилось черезъ край

„Ты позоришь имя Студента“ — вскричалъ Ф.: „гдѣ видано проносить бокалъ мимо рта.“

— „Господа!“ сказалъ Ипполитъ: „если бъ вы знали, какая грусть свищемъ лежитъ на груди моей Я предчувствую близкую смерть.“

„Зачѣмъ подобными глупостями отравлять наше удовольствіе!“ вскричалъ Ф.: „Мы знаемъ, что ты написалъ двѣ Элегіи . . .“

— „Ахъ!“ сказалъ Ипполитъ въ разсѣяніи, невнимающей словамъ веселаго товарища: „мы веселимся, но кто знаетъ, можетъ черезъ минуту ктонибудь изъ насъ не будетъ существовать на свѣтѣ, и радостныя клики превратятся въ погребальныя стоны . . . Блаженъ, кто всегда готовъ принять спрашную гостью; но если она когонибудь изъ насъ застанетъ въ расплохъ, — то какъ явится онъ передъ Всевышнимъ судіею . . .“

— „Проповѣдь по формѣ“ — сказалъ Ф.: „тупъ есть и прилепъ; и содержаніе, и заключеніе . . .“

„Смѣйся“ — продолжалъ Ипполитъ: „но я право не шутя — прошу васъ, други, объ одномъ. Если я умру прежде васъ всѣхъ, ибо я чувствую, что близкая

смерть одного изъ насъ неизбежна, по, друзья мои, почтните меня вашимъ воспоминаніемъ Сажень земли, немного дерну, деревянный крестъ и воспоминаніе друзей, — вотъ все, что опъ умершаго оспается на землѣ; и я увѣренъ, что вы не забудете меня, и если гробовая доска не прекращаетъ всякое сообщеніе съ живыми, то я буду упѣшенъ . . .“

— „Я сочиню надпись на твою гробницу“ — сказалъ В., выпуская густое облако дыма.

„А я“ — продолжалъ Д.: „напишу Элегію на смерть твою . . . У меня уже написано 300 стиховъ подъ заглавіемъ: *На смерть друга*; — будетъ еще 700; подумай, смерть твоя будетъ воспѣта и оплакиваема 1000 стихами! . . .“

— „Графскаго достоинства“ — прибавилъ Ф.

„Благодарю за участіе“ — сказалъ Ипполитъ: „я самъ выбираю себѣ слѣдующую Эпиграфю:

Жизнь его была посвящена друзьямъ и усовершенствованію себя въ добродѣтели и наукахъ.

По крайней мѣрѣ это будетъ справедливо . . .“

— „Но, господа“ — сказалъ Д.: „толку о смерти, вы забыли о томъ, что вы живы, и о томъ, что вамъ предстоитъ далекій путь!“

„О! какъ близка опъ насъ могила“ — прервалъ Ипполитъ: „а до нее самый дальній путь человека.“

— „Вздоръ! бредни!“ вскричалъ Г.: „зачѣмъ говорить о смерти! Надо наслаждаться жизнью, пока мы молоды. Придетъ время, спины наши согнутся, волосы посѣдѣютъ, и красавицы будутъ бѣгать отъ своихъ прежнихъ любимцевъ тогда подумаемъ о смерти, а теперь наука, дружба и любовь — вотъ мои иды“

„Александръ! мы пойдемъ вмѣстѣ, Ипполитъ! у тебя нѣтъ попушечка?“

— „Съ раннихъ лѣтъ оспался я одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ родныхъ и даже знакомыхъ; честь и добродѣтели были путеводными моими звѣздами на обширномъ полѣ жизни . . . имѣя ихъ въ виду, я могу умереть, но не погибнуть . . .“

„Друзья!“ сказалъ Ф.: „завтра вы соберитесь у меня . . . только ты, Ипполитъ, отложи свои проповѣди и меланхолію до другаго раза.“

Шумная бесѣда кончилась; и память, гдѣ царствовало удалое веселіе, водворилась совершенная тишина . . .

✱

На завтра всѣ товарищи собрались у Ф.: недоставало одного; сперва не обращали на это вниманія, но вспомни слова Ипполита, говоренныя имъ наканунѣ, спали безпокоиться. Вечеръ прошель безъ него. На другой день начались поиски, но тщетно; опъ пропаель безъ вѣсти. Черезъ три дни удостоверились, что Ипполитъ, въ роковой вечеръ, переходя рѣку, попалъ въ пролубъ

Какъ иногда не вѣришь и предчувствіямъ!

Дъ.

У П Р Е К Ъ .

Скажите мнѣ: что сдѣлалъ я?

Для васъ цвѣтеть вся жизнь мол,

И вы со мною молчаливы . . .

Привѣщу нѣтъ изъ милыхъ глазъ . . .

Просни на вѣкъ блаженства часъ . . .

О Лиза! . . Вы несправедливы.

Коварству, вѣрно, вилъ вашъ слухъ.

Злодѣй сказалъ: пѣврьте другъ,

Зловѣщи чувства въ немъ и лживы.

Повѣрьте жъ огнь моихъ очей,

Сей огнь, символъ души моей . . .

Опъ скажетъ: Вы несправедливы.

Д. Шенслевъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

36. *Пѣсенникъ для дамскаго ридикюля и туалета. Собраніе Романсовъ и Пѣсенъ.* — Москва, въ Типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1831. Въ 16. (137 страницъ.)

Книжка сія привела насъ въ такое негодованіе, что мы не находимся въ возможности, какъ приличіе выразиться въ теперешнемъ случаѣ. Въ ней напечатано 54 Романа и Пѣсни, изъ коихъ большая половина негодныхъ въ нѣтическомъ отношеніи; бумаги, на которой напечатанъ сей *Пѣсенникъ*, коему Издашель назначаетъ лежать на дамскомъ туалетѣ, мы еще не выдывали таже: даже и та, на которой печатающ-

ся *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, кажется, лучше.

С М Ъ С Ъ.

Христiянскiе совѣты Г. Воейкову,

и л и

Черезъ день по ложкѣ

Пріемъ первый.

Благословясь на первый разъ,
Изволь-ка кушать на здоровье;
Да только, чуръ, одно условье:
Не морщиль глазъ!

(Im-promptu.)

О переводѣ *Мертваго осла* и обезглавленной *эсепцимы*, Г. Воейковъ, въ 64-мъ Но издаваемыхъ имъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* (страни. 503, въ лѣв. столбцѣ, снизу 5, 4 и 3 строки) опоздался слѣдующими *примѣчательными* словами: „Въ ней (т. е. въ упомянутой книгѣ) ярко и сходно изображена человѣческая натура, но какая? *униженнал (!)*, *искаженнал (!!)*, *почти дьявольская (!!!)*. Фернейскій злой спарикъ разцѣловалъ-бы сочинителя.“

Прочитавъ сіи строки, Г. Воейковымъ написанныя, мы невольно всплеснули руками отъ непришворнаго удивленія, увидѣвъ, какое примѣрное отверженіе отъ свѣта показано Рецензентомъ въ семъ случаѣ. Несомнѣнно, что Фернейскій злой спарикъ (если бѣ, разумѣется, жилъ въ наше время въ Петербургѣ) разцѣловалъ-бы самого Г. Воейкова за такое справедливое опредѣленіе *Мертваго осла*. Мы слышали, что Сочинитель оного, молодой Французскій Авторъ, Г. Жакенъ, жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ (повидимому не безъ наблюденія), и по возвращеніи своемъ въ Парижъ, написалъ упомянутое сочиненіе, въ которомъ, по словамъ Г. Воейкова, ярко и сходно изображена человѣческая натура: *униженнал, искаженнал, почти дьявольская!* —

Какая цѣль сей нашей статьи?.. Та, почтеннѣйшіе читатели, дабы показать Г. Воейкову, что ему, послѣ упомянутыхъ строкъ, не слѣдовало прибавлять,

что онъ „льпѣ задесять предъ симъ написалъ при слѣдующіе стихи:

Вольперъ панпшвенный покровъ съ природы
сплѣ,

И съ ѣдкою пасмѣшкой показалъ,

Сколь и презрительны и жалки человекѣ!“ —

и не слѣдовало-бы также совѣтовать всѣмъ челоѣко-ненавистникамъ читать сію книжку, обѣщая имъ отъ ней много удовольствія. Надлежало-ли Г. Воейкову предлагать подписчикамъ своимъ такого рода чтеніе?.. Пусть лучше онъ совѣдуетъ имъ читать, скрѣпя сердце, его *Макулатурныя Прибавленія*. Отъ сихъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ произойти никакого вреда въ нравственномъ отношеніи: читатели оныхъ поскучаютъ, позѣваютъ, подосаждаютъ, что увлеклись названіемъ *Прибавленій къ Инвалиду*, ожидая найсти въ нихъ что нибудь пунное, какъ-бы позабывъ о блаженномъ *Славянницѣ*; поступаютъ о погибшихъ безъ всякой пользы денежкахъ; — дамы погнѣваются, что вмѣсто обѣщанныхъ Г. Воейковымъ модныхъ каршинокъ, отъ должны любоваться размазанными рожицами, т. е. *карриатурами* на модныя каршинки. Вотъ и только!.. Совѣтовать же читать книги, отвергаемыя здравымъ разсудкомъ, чистымъ сердцемъ и изящнымъ вкусомъ — по нашему мнѣнію — неприлично.

Евграфъ Микстуригъ.

18 *Ноября* 1831.

Г И Р Л А Н Д А,

Ж У Р Н А Л Ъ

Словесности, Музыки, Моды и Театровъ,
будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1832 году.

Цѣль сего Журнала есть — доставить любительницамъ отечественной Словесности пріятное и занимательное чтеніе, и сверхъ того сообщать новости по части Музыки, Моды и Театровъ.

Въ составъ Журнала входитъ слѣдующее:

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

1. ПРОЗА. Повѣсти, отрывки изъ Романовъ и живописныхъ путешествій; въ снѣгахъ о правахъ сообщающа каршины жизни высшаго и средняго общества; разныя мысли; описанія; отрывки, занимательные по слогу и содержанію; письма о Литературѣ, Живописи и другихъ изящныхъ искусствахъ; и проч.

2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Элегіи, Пославія, Романы, Баллады, опрѣвки изъ драматическихъ сочиненій, разныя мѣлкія пьесы.

II. БИБЛІОГРАФІЯ.

Разборы новѣйшихъ книгъ по части чистой Словесности. Сюда входятъ Романы оригинальные; театральныя сочиненія, оригинальныя и переводныя; произведенія Русскихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Здѣсь отдаются отчеты о содержаніи и слоgъ переводныхъ Романовъ, и опредѣляется: достойны-ли они по какому нибудь отношенію вниманія, или по какимъ нибудь побудительнымъ принципамъ не заслуживаютъ оного. Въ первомъ случаѣ обязанность Рецензента состоятъ въ указаніи на хорошее, а во второмъ въ предостереженіи отъ дурнаго.

III. ТЕАТРЪ.

Извѣстія о новѣйшихъ и примѣчательныхъ (изъ старыхъ) пьесахъ, представляемыхъ на Петербургскихъ Театрахъ. Разборы сихъ пьесъ и замѣчанія объ игрѣ въ нихъ Актеровъ.

IV. С М Ъ С Б.

Всякія мѣлкія спашыи, неходяція ни въ одно изъ первыхъ трехъ отдѣленій, но почему нибудь заслуживающія вниманія. Извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Музыки и Живописи. Разныя объявленія; замѣчанія; наблюденія; сполничныя новости и проч.

V. М О Д Ы.

Петербургскіе дамскіе наряды: бальныя и употребляемые въ прогулкахъ; маскарадныя костюмы. Новѣйшія Парижскія, Вѣнскія и Лондонскія Моды, заимствуемыя изъ лучшихъ заграничныхъ Журналовъ (какъ то: *La Mode, Journal des Dames et des Modes de Paris*, и нѣк. др.); извѣстія о модныхъ галантерейныхъ вещахъ, мебелихъ, экипажахъ и проч.; модныя обычаи; употребительнѣйшія фигуры въ танцахъ; и проч.

VI. МУЗЫКА.

Русскіе, Французскіе и Испанскіе Романы (съ словами для пѣнія); вальсы, кохильоны, кадрили, мазурки и проч.

Издатель *Гирланды*, назначая сей Журналъ преимущественно для дамскаго чтенія, смѣетъ увѣрять прекрасныхъ своихъ Читательницъ, что

въ его изданіи никогда не будетъ употреблено, не только непозволительно двусмысленности, но даже ничего такого, что можно только обратить въ дурную спорону.

Полемика совершенно не имѣетъ мѣста въ семъ изданіи. Если случится, что на *Гирланду* будутъ напечатаны гдѣ либо *несправедливыя* замѣчанія, въ такомъ случаѣ возраженія будутъ помѣщаемы въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ.

Издатель, желая, чтобы наружный видъ Журнала соответствовалъ съ цѣлю своего назначенія, не пощадилъ издержекъ на возможное достоинство оного въ типографскомъ отношеніи. *Гирланда* печатается въ лучшей Петербургской Типографіи (*Гилце*) Дидоповскими буквами на *всленевой* бумагѣ. Картинки Модъ и ноты гравированы лучшими Художниками: *Фридрицолъ* и *Гельбохолъ*.

Многіе отличныя отечественныя Поэты и Прозаики украшаютъ *Гирланду* своими произведеніями.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ, книжками въ большомъ форматѣ, заключающими въ себѣ по три, по три съ половиною и до четырехъ печатныхъ формъ. При нихъ прилагаются картинки Модъ, рисунки мебели и экипажей, образчики модныхъ матерій, узоры для вышиванія, ноты новѣйшихъ Романсовъ и танцевъ.

Подписка на сей Журналъ принимается: *Въ Санктпетербургѣ*: въ книжныхъ магазинахъ вдовы *Плюшаръ, Брифа, Смирдина* и *Сленина*, а также и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, какъ-то: *Глазунова, Заикина*, и проч.; *въ Москвѣ*: у содержателя Университетской книжной лавки, *А. С. Ширева*. Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ *пятидесяти двухъ* книжекъ, имѣющихъ выйти съ 1 Января 1832 по 1 Января 1833 года, съ картинками Модъ, образчиками модныхъ матерій, узорами для вышиванія, рисунками и нотами, въ Петербургѣ *пятьдесятъ*, съ доставкой на дома и пересылкою въ города *пятьдесятъ пять* рублей.

Иногородные благоволятъ отнестись съ своими требованіями въ *С. Петербургскую Газетную Экспедицію*, или адресуя: *Въ Контору Издателя Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сленина, надписывающа на оныхъ: *Издателю Свернаго Меркурія.*

№ 42.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помоевъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города, 42 рубли.

1831, 8 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

Ц В Ъ Т О Ч Н И Ц А .

Toi dont le teint est plus frais que les fleurs,
Toi que l'amour nomma sa bouquetière,
Qui, près du temple embellî par sa mère,
Vends les bouquets et voles tous les coeurs....

Слышите-ли вы эпитъ маленькій голосъ, копорой кричитъ по временамъ; купите, купите прекрасныя, самыя свѣжіе цвѣты, прошу выбирать!

Это Фаншета, цвѣточница; она такъ же свѣжа, какъ ея цвѣты; такъ была, какъ лилія, такъ очаровательна, какъ розы. Посмотрите на ея черныя глаза: какой въ нихъ огонь!... Можно-ли смотрѣть на нихъ, не сдѣлавъ Фаншетъ особеннаго привѣпствія? Эпитъ маленькій посикъ, эпитъ маленькій ропакъ, эти выразительныя глазки, эта живость во всѣхъ чертахъ лица, — все это привлекаетъ васъ еще болѣе, нежели ея букеты; а когда вы стоите подлѣ красавицы, маленькой платочникъ, легко покрывающій прелестную грудь, всеяетъ въ васъ разбланныя мечпы: вы покупаете, вмѣсто лилей, гвоздику; вмѣсто астръ, розу. Вы легонько подвигаете вашу руку впередъ, выбираете цвѣты, хотите позволить себѣ маленькую вольность... но Фаншета спорога; легонько оппалѣвая, она говоритъ съ насмѣнкою: „берегитесь, сударь, вы уколаетесь.“

Не думайте, впрочемъ, чтобы прелестная цвѣточница была нечувствительна и жестока со всѣми.

Толкъ III. No 42.

Нѣтъ: Фаншета любитъ, любитъ очень нѣжно, любитъ очень страстно юнаго Виктора, гусарскаго Корнета, живущаго въ томъ-же домѣ, въ которомъ живутъ родители ея. Викторъ пронулъ сердце милой дѣвушки и увѣряетъ, что онъ не безъ причины любезничаетъ съ нею, по есть, что онъ любитъ ее, и Фаншета всегда съ восхищеніемъ слушаетъ эти слова, которыя для сердца ея такъ драгоценны. Какъ не быть благодарною милому лукавцу съ этими черными огненными глазами, съ этими черными маленькими усиками: и она позволяетъ ему иногда... нѣсколько невнятныхъ поцѣлуетъ; но Викторъ, мадой ловкій, онъ привлекаетъ — и я опасуюсь...

Хорошенькая цвѣточница чрезвычайно ревнива: взоры ея безпрестанно обращены на лѣстницу, копорая ведетъ къ жилищу родителей ея любезнаго. Часто, въ числѣ гостей, къ нимъ пріѣзжающихъ, она видитъ молодежькихъ, хорошенькихъ, щегольско одѣтыхъ дѣвицъ, — и въ это время, какъ сильно злая ревность тревожитъ страстное ея сердце. «О, сколь онъ счастливъ!» говоритъ Фаншета, когда видитъ какую нибудь изъ модныхъ красавицъ: «онъ смотритъ на него, раздѣляющъ съ нимъ всѣ удовольствія, а я.....»

Однажды, вечеромъ, Викторъ, встрѣтивъ съ нею на лѣстницѣ, пробѣжалъ мимо, не сказавъ ей ни

слова. Фаншепа последовала за нимъ. Она замѣтила, что онъ, перешедъ чрезъ улицу, вошелъ въ сосѣдній домъ. Фаншепа краснѣетъ, блѣднѣетъ, дрожитъ, беспокоится: куда пошелъ онъ? Что это значить? Неужели онъ меня не любитъ?.. И вошь изъ глазъ ея полились слезы: онъ оросилъ фиалку, которую въ это время она держала въ рукахъ.

Фаншепа продолжаетъ сползть у' воропъ, и наконецъ видитъ, что вѣроломный возвращается: онъ подошелъ къ Фаншешъ съ лукавою миною; она, всхлипывая, говоритъ ему: откуда вы это, сударь? — „Опъ пріѣхелъ, одолжившаго мнѣ ключъ опъ своей компань.“ — Не правда, шамъ вѣрно живетъ какая нибудь красавица. — „Нѣтъ, милая Фаншепа, клянусь, что я себя не обманываю.“ — А что вы шамъ дѣлали? — „Я немного впустилъ туда свѣжаго воздуха, пошому что пріѣхель мой оплутился на недѣлю.“ — Бьюсь объ закладъ, что это сказки: развѣ вы не могли предостаивить это мнѣ? — „Всегда, когда я предлагалъ себя идиши куда нибудь со мною, ты опказывала: если ты не вѣришь словамъ моимъ, пойдемъ со мною.“ — Съ вами? ну, хорошо, посмотрю обманщики-ли вы? —

Фаншепа пошла съ Викторомъ въ компань его пріѣхель, гдѣ они оставались съ часа два времени. Когда Фаншепа возвратилась, глаза ея были помуты, грудь сильно подымалась, и она, казалось, не была болѣе сердита на Виктора; онъ съ нею нѣжно разпрощался. Пришедъ домой, Фаншепа предавалась мечтаніямъ, и не заботилась болѣе о своихъ цвѣтахъ. Бѣдная Фаншепа! неужели ты потеряла лучший цвѣтокъ изъ своего букета?....

Съ Франц. С... ..

КЪ N*.

Цѣмъ себя поздравить цитъ,
Именинникъ дорогой?

Ты въ такомъ почтенномъ цитъ,
Такъ возвышенъ надо мной!...
Подаришь себя вещами
Не дерзаю — ты Маіоръ;
Такъ рѣшился хопъ спихами
Подаришь веселый вздоръ,
Слушай гласъ монхъ желаній,
Мирный житель сей земли,
Въ часъ веселыхъ пированій
Другу вѣрному внемли:
Въ этомъ свѣтѣ коловрапномъ
Будь опъ горестей хранимъ,
И на поприщѣ бильярдномъ
Будь всегда непобѣдимъ,
Пусть въ рукъ твоей счастливымъ
И дубовый чудный *пикъ* (*)
Покоряетъ духъ кичливый
Всѣхъ совмѣстниковъ швоихъ:
Пусть шары валаются въ блузы
Опъ могучей сей руки,
Какъ подъ Лейпцигомъ Французы,
Какъ за Вислой Поляки.
Пусть хорошимъ апетитомъ
Наградитъ тебя Творецъ,
И въ нуждѣ пускай кредитномъ
Надѣлитъ тебя купецъ,
Пусть утѣхи и забавы
Окружатъ тебя толпой,
Пусть вовѣки бѣтъ лукавый
Не нарушитъ твоей покой.
Пусть людей коварныхъ злоба
Предъ лицомъ швоимъ падетъ,
И сердечная зазноба
Въ сердцѣ мѣста не найдетъ,
Вошь чего себя жслаетъ
Твой покорнѣйшій слуга,
И въ награду ожидаешь...
Хопъ кусочикъ пирога! —

6-го *Ноября* 1831 года

И.

(*) Маленькій кій. *Прим. Сов.*

НОВЫЯ КНИГИ.

37. *Приданое или постьпители минеральныхъ водъ*, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго Т. Апполонскимъ. Москва, въ Т. Лазаревыхъ, 1831, Въ 8. (65 стран.)

Мы согласны съ тѣмъ, что въ Комедіи-Водевиль: *Приданое или постьпители минеральныхъ водъ*, много *водляго*, а очень мало, или, лучше сказать, совершенно ничего нѣтъ водевильнаго.

К. Б — нъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Гамлетъ, Трагедія въ 5 дѣйств., въ стихахъ (?), С. И. Висковатова; *Смиренища*, Комедія; *Татьяна прекрасная на Воробьевыхъ горахъ*. (Представленіе въ пользу Г-жи Валберховой на Большомъ Театрѣ 17 Ноября).

Не липературное достоинство Трагедіи: *Гамлетъ*, но превосходная игра Г. Карашыгина сп. всегда привлекаетъ многочисленную публику. — Да, надо видѣть эту піэсу, чтобъ имѣть основательное понятіе о талантѣ сего артиста. — Здѣсь его истинное торжество. — Роль Гамлета есть безъ всякаго сомнѣнія труднѣйшая; — надобно умѣть понимать человеческое сердце, представляя Гамлета, раздираемаго двумя противоположными чувствами: любовью къ матери и мщеніемъ къ убійцѣ отца; надобно имѣть талантъ рѣшительный, чтобъ выказалъ испугъ въ высочайшей степени и порывы противоположныхъ чувствъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гамлетъ, увлекаемый грозною тѣнію умерщвленнаго отца, готовится поразить несчастную мать (Г-жа Валберхова), поверженную у ногъ его, зритель, забывъ, что это происходитъ на сценѣ, вѣмѣетъ отъ ужаса и дрожащимъ голосомъ хочетъ оспаковать мать-перубійцу; но ожидаемое преступленіе не совершается: голосъ природы преодолагаетъ — и сынъ

падаетъ въ объятія преступной своей матери. — Гамлетъ — неподражаемъ: Гергтруда — прекрасна! — Сцена, въ которой Клавдій обвиняетъ Гамлета въ убійствѣ матери, ведена Г. Толченовымъ весьма искусно.

Послѣ Трагедіи представлена была Комедія: *Смиренища*.

Лукреція (Г-жа Карашыгина б.), прекрасная молодая вдовушка, желающая выказать свое равнодушіе къ мужчинамъ, тогда, какъ страстное сердце ея говоритъ въ ихъ пользу, — была неподобна. Ревностные почишатели ея обширнаго таланта считаютъ обязанностію быть въ спектакль всякій разъ, когда Г-жа Карашыгина беретъ въ немъ участіе, — желая какъ-бы вознаградишь себя за то время, въ которое они были лишены удовольствія аплодировать ей. Такое лестное вниманіе публики есть лучшая награда истинному таланту. — Г-жа Семенова (*Елиза*) была сущая невинность!!!... —

Г-жа Шелихова б. играла и пѣла очень мило.

Въ Импередіи: *Татьяна прекрасная*, мы на сей разъ нашли мало прекраснаго, исключая, что Г-жа Самойлова (*Тараторкина*) и Г. Величинъ (*Прибыраловъ*) принесли удовольствіе публикѣ; а Г-жа Лебедева пропѣла два раза, по требованію публики, извѣстную всѣмъ піэсу: *Соловей, мой соловей!*

А. Бу — поэтъ.

С М Ъ С Ъ.

ХРИСТІАНСКІЕ СОВѢТЫ Г. ВОЕЙКОВУ

или

черезъ день по лоскутъ.

Пріемъ второй.

По разнымъ обстоятельствамъ, происшедшимъ въ прошедшемъ году въ нашей Импературѣ, *Свердловъ Меркурій* долженъ былъ иногда не соглашаться съ нѣкоторыми мнѣніями и липературными дѣйствіями Га-

зепя, издававшійся Барономъ А. А. Дельвигомъ. Сей
 исчезающій Поэтъ, превосходный талантъ котора-
 го столько украшалъ нашу Словесность, и кото-
 рымъ, по справедливости, наша Литература гор-
 дилась и дорожила, — послѣ непродолжительной бо-
 лѣзни скончался 14 Января нынѣшняго 1851 года.
 Издашеля *Свернаго Меркурія*, хотя непьющій самъ
 виднаго дарованія въ Литературѣ, но, по крайней
 мѣрѣ, умѣющій понимать и уважать дарованія, при-
 носящія честь опечесвленной Словесности, — былъ
 одинъ изъ тѣхъ, на кошорыхъ горестное сіе обоп-
 лительство произвело особенное вліяніе; въ немногихъ
 стпрокахъ, напечатанныхъ въ 5-мъ Но *Свернаго Мер-*
курія, онъ изъяснилъ чувства свои по сему случаю.

Кажется, эпоштъ поступокъ ни почему не заслу-
 живаешъ *послѣдній*: если бъ отдашь его на обсужде-
 ніе и самымъ Самоѣдамъ, и тѣ, въролшно, не най-
 дуть въ эпоштъ ничего смѣшнаго, ничего достойнаго
 каррикатуры.

Между тѣмъ пашелся въ Петербургѣ одинъ Жур-
 налистъ, именно Издашеля *Литературныхъ Прибав-*
леній къ Русскому Ивалиду, Г. Воейковъ, которій
 усмотрѣлъ въ эпоштъ общоплельствѣ что-то *смѣш-*
нос, и съ очевиднымъ намѣреніемъ упрекнуть Изда-
 теля *Св. Меркурія* въ неумѣстности его воскли-
 цаній, выписалъ слова его подъ вносными знаками
 (а): *обладавшаго* (рѣчь о покойномъ Баронѣ Дельвигѣ)
превосходными душевными свойствами (см. *Лит. Приб.*
 Но 74-й) Пошдмъ, въ каррикатурномъ видѣ, Г. Во-
 ейковъ началъ *осмѣивать* поступокъ Издашеля *Св-*
ернаго Меркурія въ своемъ *Переслѣшиникѣ* (*).

Присоединивъ сей примѣръ ко многимъ такимъ-же,
 происшедшимъ со стороны Г. Воейкова, мы предо-
 ставляемъ веѣмъ и каждому судить объ Издашеля
Лит. Пр. къ Р. И.! —
 20 Ноября 1851 г. *Евграфъ Миштуринъ.*

(* Подъ симъ названіемъ напечатана выходка Г. Воейкова
 въ 74-мъ № *Лит. Приб. къ Р. И.*

— Въ Парижѣ шеперь всѣ *фашіонабли* курящъ.
 У нихъ и публичныя мѣста сдѣлались сущими казар-
 мами. Бывало предлагаема была *une prise de tabac*,
 а шеперь въ величайшемъ поштѣ между молодежью по-
 даващъ при встрѣчѣ другъ другу *cigaretto*. Собошца-
 емъ до свѣдѣнія нашихъ модниковъ.

— Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Journal des*
Dames et des Modes напечатана статья подъ на-
 званіемъ: *Mon habit neuf*, въ которой рѣшительно
 утверждаетъ, что нѣтъ ничего несноснѣе *новаго*
 платья. По нашему мнѣнію, если находить что
 несноснымъ, то, конечно, болѣе *блѣднѣй* галстухъ.
 Одинъ изъ записныхъ щеголей объявлять сообщивъ
 намъ свою *Іереміаду* на эпоштъ злодѣйское изобрѣщеніе,

Н О В Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ,

Съ Января будущаго 1852 года пмѣешъ издаващъ
 ся *И. Я. Влѣтринскимъ* Журналь: *Сверная Минерва*.
 Планъ онаго слѣдующій: I. ФИЛОСОФІЯ. II. ИЗЯЩ-
 НАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. А. Краспорѣчіе. В. Поэзія.
 III. ИСТОРИЯ. IV. КРИТИКА. V. АНТИКРИТИКА.
 VI. СМѢСЬ. VII. СТАТЬИ ДЛЯ ДѢТЕЙ. — Въ
 мѣсяцъ будетъ выходить по *девѣ* книжки. Цѣна за
 24 книжки въ Петербургѣ 30, съ доставленіемъ въ
 дома и пересылкою въ города 35 рублей.

— При семъ 42 Но *Св. Мерк.* прилагаются 28 и
 29 книжки *Гирланды*, съ принадлежащею къ нимъ
 каршиною Модъ за Но 11-мъ. — Такимъ образомъ
 подписавшіеся на *Св. М.* получили шеперь *шесть*
 книжекъ *Гирланды*. Тѣ изъ нихъ, кои пожлають
 получащъ сей Журналь и съ 30-й книжки до 44-й,
 всего *четырнадцать* книжекъ, съ принадлежащими къ
 нимъ каршинами Модъ и пошами, благоволящъ,
 съ приложеніемъ *пятнадцати* рублей, опшестись: *Въ*
Коптору Издашеля Гирланды. Въ Санктпетербургѣ.
 Первые *двадцать три* книжки *Гирланды* будущъ
 доставлены къ подписчикамъ *Св. М.* при одномъ
 изъ слѣдующихъ нумеровъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сленца, надписывая на оныхъ: *Издателю Свѣрнаго Меркурія.*

№ 43.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ.—Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *селенской* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города, 42 рубли.

1831, 10 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

П Р И В Ы Ч К А.

Привычка, говорятъ, вѣпорая природа. Въ самомъ дѣлѣ, мы ежедневно видимъ, что привычка дѣлаешь намъ необходимою: мы часто предпринимаемъ что нибудь, не опъ того, что оно намъ правится, или можетъ принести пользу; но единственно попому, что вѣпорая природа увлекаетъ насъ, и мы повинуемся ей.

Сила привычки шакъ велика, что заставляетъ и въ которыхъ людей дѣлать то, къ чему они не имѣютъ влеченія. У меня былъ знакомый, который каждое утро, вмѣсто завтрака, употреблялъ кофе. «Вы, вѣроятно, очень любите кофе?» спросилъ я его однажды. — «Нѣтъ, я не люблю, но.... привычка....» — «Можетъ быть Докторъ вашъ прописалъ вамъ кофе?» — «Нѣтъ, Докторъ позволилъ мнѣ пить и ѣсть все, что мнѣ угодно; но что дѣлать: я поупрамъ не могу обойтися безъ кофе.»

Сколько людей въ свѣтѣ доходятъ на моего знакомаго, и проводятъ жизнь свою, занимаясь пѣмъ, что наводитъ имъ даже скуку; они посѣщаютъ собранія, въ которыхъ не веселятся; видятся съ людьми, которыхъ не любятъ; каждый вечеръ дремлютъ въ Театрѣ, и все это, шакъ какъ мой знакомый — по привычкѣ.

Томъ III. No 43.

Г. Дородновъ, по привычкѣ, жалуется на свое здорovie, а никогда не бываетъ боленъ; онъ кушаетъ ежедневно три раза, спитъ до полудня, не страдаетъ ни ревматизмами, ни грудью, а спросите его о здорovie, онъ повѣситъ голову и отвѣтитъ вамъ принужденнымъ большимъ голосомъ: «Плохо, сударь, плохо»

Купецъ Наживаловъ, не имѣя ничего, въ пятнадцатъ лѣтъ приобрѣлъ придцать тысячъ рублей годоваго дохода, которыми онъ, благодаря Бога, можетъ жить хорошо. Вы думаете, что онъ радуется своему приобретению, что онъ благодаритъ Провидѣніе за удачу всѣхъ его предиріятій?.. Но вѣрите ли, что онъ не переспалъ жаловаться на дороговизну, на плохую торговлю. Дѣла идутъ весьма худо — вопъ его обыкновенная поговорка. Бѣдный человекъ! Но жаловаться — у него привычка.

Юлія имѣетъ даръ слова: она разсуждаетъ обо всемъ, хотя и ничего не знаетъ основательно. Еще въ юности назвали ее умною женщиною: она ничѣмъ не оправдала сего мнѣнія, и теперь величаютъ ее шакъ по привычкѣ.

Евгеній и Софья безпрестанно спорятъ между обою: если мужъ хочетъ идти со двора, жена желаетъ остаться дома; если она изъявляетъ желаніе

прогуляться, онъ находить погоду несного; одинъ говоритъ, что идетъ дождь, другая утверждаетъ, что сіяетъ солнце. Если мужъ ласкаетъ сына, жена журитъ его; если мать цѣлуетъ дочку, отецъ посылаетъ ее въ уголь. Чаша сія споритъ о самыхъ маловажныхъ вещахъ; а если Софія не видитъ своего мужа, она скучаетъ; если Евгеній не находитъ ее дома, онъ не знаетъ, что дѣлать. Они не могутъ быть одинъ безъ другаго. Но причиною сего — не любовь, а привычка.

Мы, по привычкѣ, бываемъ въ спектаклѣ; по привычкѣ держимъ лакея, котораго намъ худо служить; заказываемъ порпному, который беретъ дорого. По привычкѣ шумимъ надъ мужьями, а все это не мѣшаетъ насмѣшкамъ вступать также въ бракъ. Мужъ по привычкѣ отпускаетъ жену прогуляться съ пріятелемъ своимъ. Часто, по привычкѣ, клануется и изъясняющагося въ любви; иногда, по привычкѣ, бываютъ невѣрными. По привычкѣ, наконецъ, восьмидесяти-лѣтній слѣпой слабый старикъ неохотно разлучается съ жизнью. Въ восемьдесятъ лѣтъ, говоря ему, уже время распаться съ свѣтомъ. Напрощивъ, отвѣчаетъ онъ, это трудно: я такъ привыкъ къ жизни! —

Съ Фрац. С.....ъ.

Ш Т Ы К Ъ.

(Посвящено другу моему Сителъникову.)

Герой Суворовъ пазывалъ:

Штыкъ молодцомъ! — и доказалъ,

Что нашъ солдатъ съ геройской славой

Штыкомъ всегда врага разилъ...

Теперь Паскевичъ подѣ Варшавой

Намъ эту правду повторилъ!

На шпурмахъ смѣлый *Русскій штыкъ*

Творитъ чудесное привыкъ!...

* * *

Штыкъ молодецъ прославилъ насъ:

Онъ былъ *решитель* въ бранный часъ —

И подѣ Очаковымъ и Прагой!..

Ура въ рядахъ лишь загремилъ,

И войско храброе съ отвагой

Сирѣмой на гордый валъ лепилъ!..

На шпурмахъ смѣлый *Русскій штыкъ*

Творитъ чудесное привыкъ!..

* *

*

Теперь безъ дѣла *молодецъ*;

Онъ положилъ всему конецъ.

Но лишь опчизны врагъ возстанетъ

И будетъ намъ грозить мечемъ,

То въ мигъ штыкъ *Русскій* заблещетъ

На брани грознымъ остріемъ!..

И вспомнитъ врагъ, что *Русскій штыкъ*

Творитъ чудесное привыкъ!

28 Октября 1831..

Н. Кириловъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

38. *Философическій взглядъ на Холеру, съ указаніемъ на способъ леченія сей болѣзни, сообразно ея натурѣ.*

Сочиненіе *Михиля Павлова*, Медицины Доктора, Физики, Профессора и разныхъ ученыхъ обществъ Члена. — Москва, въ Типогр. Рѣшетникова, 1831.

Въ 8. (32 стран.) (*)

Многіе и не-Медики писали о Холерѣ, но кажется никто изъ нихъ не изслѣдовалъ ее такъ глубоко-мысленно и основательно, какъ Г. Павловъ. Всѣ Врачи разсмапривали эту болѣзнь эмпирически, и попому пушались въ мѣлочныхъ обстоятельстввахъ, ни къ чему неведущихъ, какъ доказали послѣдствія. Докпоръ Павловъ первый бросилъ *Философическій* взглядъ на Холеру, и, изслѣдовавъ поспоянные ея признаки, открылъ, что она поражаетъ распительный процессъ въ чловѣкѣ, и что, подобно распенію, ко-

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по рублю экземпляръ.

порое, чрезъ приближеніе теплоты, получаетъ жизнь, — пораженный Холерою такъ-же излечается отъ сей болѣзни, какъ доказали многочисленныя опыты, чрезъ возвращеніе ему теплоты, производимой въ немъ шреніемъ, банею и паровыми ваннами. — Причину появленія Холеры Г. Павловъ приписываетъ измѣненію земнаго магнетизма, подъ преимущественнымъ вліяніемъ коего образуются растенія, а следовательно и распылительный процессъ чловѣка, ибо жизнь его тѣсно соединена съ планетою, на которой онъ обитаетъ. Это измѣненіе въ земномъ магнетизмѣ онъ доказываетъ барометромъ, въ которомъ ртуть, при сырой, дождливой и туманной погодѣ, въ Октябрѣ и Ноябрьѣ мѣсяцахъ, когда въ Москвѣ свирѣпствовала Холера, стояла *необъяснимо высоко*.

Чтобы вполнѣ судить объ этомъ умномъ разсужденіи, заключающемъ въ себѣ много весьма важныхъ истинъ, подкрѣпленныхъ сильными доказательствами, — совыпускомъ каждому прочитавъ его съ глубокимъ вниманіемъ.

Н. К — н — вѣ.

С М Ъ С Б.

Христіанскіе совѣты Г. Воейкову,

или

черезъ день по ложкѣ.

Пріемъ третій.

По неосступному моленію *Издателя Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду*, Г. Воейкова, одинъ почтенный Редакторъ въкошорыхъ публичныхъ листовъ, немогшій отдѣлаться отъ убѣжденій привязчиваго Журналиста, напечаталъ въ своемъ изданіи, по свойственному ему снисхожденію, (но съ сокрушеннымъ сердцемъ, какъ полагаемъ должно) слѣдующія спроки, *собственноручно* написанныя выщерченными Г. Воейковымъ.

Въ сихъ спрокахъ упоминаемый Г. Воейковъ глаголетъ слѣдующее :

Во-первыхъ : будпо извѣстіе, что онъ будетъ продолжать и на 1832 годъ свои « *замыслительныя*, съ отличными благоволеніемъ публикою принятыя, Литературныя Прибавленія къ Р. И., принесло — кому-то *удовольствіе*. »

Въ семъ пунктѣ, состоящемъ изъ четырехъ спрокъ съ половиною, три самыя явныя неправды : *во-первыхъ*, что Г. Воейковъ называетъ *замыслительными* свои *Литературныя Прибавленія*; на которыя, изъ уваженія къ опечечивенной Словесности, всѣ сморятъ съ душевнымъ огорченіемъ; *во-вторыхъ*, что Г. Воейковъ утверждаетъ, будпо *Лит.* его *Прибавленія* съ отличными благоволеніемъ приняты публикою; и *въ третьихъ*, по словамъ Г. Воейкова, будпо извѣстіе, что онъ свои *Лит. Прибавленія* будетъ продолжать и въ слѣдующемъ 1832 году, принесло кому-то (?) *удовольствіе*.

Во-вторыхъ : Г. Воейковъ возгласилъ, будпо « *прилагаемыя при его Лит. Прибавленіяхъ* карпички « *искусно гравированы и со вкусомъ разкрашены*. »

Въ сихъ трехъ спрокахъ двѣ самыя ясныя (для каждаго, *имѣющаго зрѣніе*) неправды : ибо карпички, прилагаемыя при *Лит. Прибавленіяхъ*, не *искусной*, а *лубочной* гравировки, и онѣ не *со вкусомъ разкрашиваются*, а *размазываются*.

Въ третьихъ : Г. Воейковъ изрекъ, будпо « *сапирическія и веселыя спашейки* Г. Кораблинскаго *всѣма нравятся любителямъ отечественнаго чтенія*. »

Да здравствуетъ Авшорская скромность Г. Воейкова !.. Ура !.. Эшаго еще недоставало. — Кто знаетъ эпощъ Г. Кораблинскій, о томъ уже извѣстно изъ 34 Но *Съвернаго Меркурія* (см. 34 Но С. М. 140 спран., въ правомъ столбцѣ, послѣднія спрочки снизу);. Что въ семъ прешемъ пунктѣ заключается самая рѣзкая неправда, эшаго и доказывать не нужно, но крайней мѣрѣ для шѣхъ, которые имѣли терпѣніе прочесть хоть одну или двѣ

изъ упомянутыхъ *остроумныхъ* спашеекъ Г. Кораблинскаго. Мы все думаемъ, не произошло ли въ этомъ случаѣ описки или опечатки, и полагаемъ, не вздумалъ ли самъ Г. Воейковъ помолиться на себя руку?.. Кажется, что въ вышевыписанныхъ словахъ, послѣ нарѣчія: *весьма*, Г. Воейковъ хотѣлъ написать отрицательную частицу: *не*, ибо сн двѣ буквы измѣнили надлежащій смыслъ рѣчи: вмѣсто: *правятся*, читай; произведенія Г. Кораблинскаго *не правятся* *любительннѣ отечественнаго чтенія*.

Въ четвертыхъ: Г. Воейковъ говоришь, будто « въ продолженіи сего 1831 года, кто-то (Р) замѣнилъ въ его листкахъ спиховоренія Жуковскаго, Пушкина, Языкова, Подольскаго и проч.»

Въ немногихъ словахъ много неправды: ибо спиховоренія упомянутыхъ Поэтовъ *перепегатаны* изъ *Гирланды*, *Литературной Газеты*, *Свернаго Меркурія* и *Эхо*. За чѣмъ-же шакъ громко говоришь неправду и присвоивать себѣ неприндающееся?..

Въ пятыхъ: Г. Воейковъ ушверждаетъ, будто « выборъ переводныхъ сказокъ, повѣстей, преданій, анекдотовъ, (помѣщаемыхъ въ его *Литер. Прибавленія*) — *достойнѣ похвалы* » и будто « слогу переводовъ *правильнѣ*, *чистѣ* и *гладокѣ* ».

Четыре неправды! — Всѣ чашашелъ *Лит. Приб.* къ *Р. И.*, прочія эпо, въ одинъ голосъ воскликнушь, что здѣсь предъ словами: *достойнѣ*, *правильнѣ* и *чистѣ*, пропущены частички: *не*. Спало бышь, надлежало-бы написать, что выборъ переводовъ, помѣщаемыхъ въ *Лит. Приб.*, *не* *достойнѣ* похвалы, и *не* *правильнѣ* и *не* *чистѣ*. Чшо-жъ касаешся до слова: *гладокѣ*, то эпо видима *опечатка*.

И наконецъ, въ *шестыхъ*: Г. Воейковъ провозглашаетъ, будто онъ « выписываетъ изъ за границы Французскихъ, Нѣмецкихъ и — Английскихъ (!!!) Журналовъ болѣе, нежели на . . . на . . . охъ, и на-

писашъ совѣстно! — « на . . . на 2 . . . » и три еще *пулика* . . . « на — 2000 — — рублей!!!!!! »

Bravo, bravo, Monsieur Sophron! —

Эпо не неправда, а ужъ не знаемъ, какъ называть! — Г. Воейковъ выписываетъ *la Mode* (спидитъ 180 р.) *Journal des Dames et des Modes*, Франкфуртскій (сп. 105 р.) и *Berliner Zeitung* (сп. 75 р.) И баша! — Ипогъ не великъ! — Спало бышь всего на 360 рублей! — Немного *поменьше*, чѣмъ *болѣе*, *нежели* на 2000 рублей!.. Положимъ, что мы эпо *болѣе*, *нежели* — оплагаемъ въ спорону, и уже *ровно* положимъ 2000р.: все будетъ лишняго 1640 рублей!.. А гдѣ же *Английскіе* по Журналы?.. Не сорока-ли прилепаютъ съ нами въ *Редакцію Лит. Приб. къ Р. И. Р.*.. Ну, эпо бышь можетъ!..

И шакъ въ вышеписанныхъ спрокахъ пазказано Г. Воейковымъ неправдъ нижеслѣдующее количество:

	<i>Неправдѣ.</i>
<i>По первому</i> пункту	3.
<i>По второму</i> — — —	2.
<i>По третьему</i> — — —	1.
<i>По четвертому</i> , соображая <i>число</i> Поэтовъ (а не <i>піэсъ</i>), конхъ спиховоренія <i>перепегатаны</i> изъ другихъ Журналовъ . . .	4.
<i>По пятому</i> — — —	4.
И погго 14 неправдѣ.	
А по <i>шестому</i> пункту безбожно прибавлено	1640 рублей.

Э п и л о г ъ.

А мось — апѣ нашѣ каковъ?..

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА:
Красно поле рожью,
А рѣчь ложью!

XI
18—31
22.

Евграфъ Микстуричъ.
Докторъ Истины и Искренности.

Для Г. Издателя Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слепина, подписывая на опыкъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 44.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ.—Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 13 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ. (*)

Frappes fort; mais ... juste! —

Извѣстный публикѣ многими своими Литерапурными пронырствами, а не менѣ того и жипейскими

(*) Спашья сія доставлена ко мнѣ при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый Государь!

Доставленная мною за мѣсяць предъ симъ времени къ *Издателью Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, Г. Воейкову, спашья, напечатана въ 95 № сихъ *Прибавленій* безъ означенія моего имени, и съ присовокупленіемъ къ ней пѣсколькихъ маленькихъ сатирическихъ спашеекъ чьего-то сочиненія, какъ-бы онѣ были одного и того же Автора. Сверхъ того моя-то спашья совсѣмъ переначена, передѣлана, многое въ ней нужное исключено, многое лишнее ни къ селу ни къ городу прибавлено, почти всѣ собственныя имена замѣнены другими, и вообще вся спашья иллюминирована непринадлежащими мнѣ грамматическими ошибками. Я рѣшительно не могъ узнать свое дѣшище.

Приписывая сіе ни къ чему другому, какъ къ Литерапурному своевольству Г. Издашела *Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.*, своевольству, не всѣми признаваемому правомъ Журналиста, — я, препровождая при семъ упоминающую спашью въ надлежащемъ ея видѣ, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, помѣшпшь ее въ издаваемой Вами Газетѣ, оспаваясь, впрочемъ, въ шой увѣренности, что Вы поступите съ нею гораздо спсходительнѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ Г. Воейковъ.

Съ совершеннымъ почтениемъ имѣю честь быть и проч.

Кн. Холмскій.

28 Нолбра 1831 года.

Помѣщанію совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получилъ; даже заглавой, во избѣжаніе Авпорскаго гнѣва, иидѣ не хотѣлъ замѣнить двоспощіемъ. — *Изд.*

Томъ III No. 44.

гнусными поступками (*), Тарасъ Фалелъевичъ *Подлодушникъ*, поспавляющъ священною обязанностію почтеннѣйше предварить почтеннѣйшую отечественную публику въ томъ, что онѣ еще разъ намѣренъ поиробовать: не удастся-ли ему собрать съ нее новую конприбуцію. Руководимый сею цѣлю, съ 1-го Января 1832 года будетъ онѣ издавать литерапурную, сатирическую, крипическую, модную и теа-спральную Газету, подѣ велерѣчивымъ названіемъ: *Сютворнеля Приложенія къ Молодцу*. Не надѣясь, по малоумію и безграмотности своей, сдѣлать листковъ своихъ занимательными, и слѣдственно, не смѣя предпологать, чшобы имѣшь на нихъ читашелей, онѣ, вышеписанный *Подлодушникъ*, предпринимаешъ изданіе оныхъ болѣе *отъ тѣхго дѣлать*; ибо собственною Газету: *Молодецъ* (Редакпоромъ конпорой будетъ въ слѣдующемъ 1832 году онѣ же *Подлодушникъ*), составляшь будетъ, какъ обыкновенно, типографскій на-

(*) Изъ конхъ одинъ соспощъ въ слѣдующемъ: не могли, при всей безспильной ярости своей, по своему малоумію и безграмотности, напешп вредъ перомъ нѣкоторымъ двумъ литерапурнымъ своимъ пропшвникамъ, онѣ рѣшился написать на нихъ спашью особеннаго рода, конпорой, разумѣется, нельзя было напечатать, по можно было, переписатьъ неспзвѣспною рукою, подослать, куда надлежало: спрѣчь Г. *Подлодушникъ* написалъ на нихъ безыменную *оду*, исполненную всякихъ гнусныхъ клеветъ, въ конхъ избобрѣшательный умъ его никогда не находшъ недоспашка. Къ особенному горю почтеннаго Тараса Фалелъевича, *по погерку* уличили его въ семъ добромъ поступкѣ; и онѣ, Г. *Подлодушникъ*, сдѣла могъ на колѣняхъ выплакать себѣ прощаніе у сожштельницы одного изъ упомянухъ Господъ. *Прим. Сов.*

борщикъ, выправлять коррекшоръ: ему же, *Подлодушину*, остается только подписывать на послѣдней коррекшурѣ: *Можно печатать. Тарасъ Подлодушинъ*, — и за сіе рукоприкладство получаешь доходы. — Онъ, *Подлодушинъ*, не хочетъ, подобно нѣкоторымъ своимъ собратамъ, Журналистамъ, обманывать любителей чести, краснорѣчивымъ увѣреніемъ, будто-бы предпринимаешь сіе для общей пользы и для собственной славы. Нѣтъ: онъ откровенно объявляетъ, что цель его — прибыльокъ; и что алчная душа его славу свою воспевалетъ — въ количествѣ подписчиковъ.

Благонадежны или нѣтъ мѣры, принятыи имъ для одѣжанія своихъ листковъ занимательными, читаемыми могутъ заключить изъ нижеслѣдующаго:

I. Издаешь, недоучась, за отсутствомъ, Русской грамоты, наймешь такого переписчика, который тщательно будетъ исправлять ошибки, могущія оказаться въ твореніяхъ его, противу правописанія.

II. Не зналъ ни одного иностраннаго языка, кромѣ Французскаго, который онъ мараетъ съ горемъ по-поламъ, но естъ только для домашняго обихода, не могши уюощебншь его для Литературныхъ упражненій, — онъ, *Подлодушинъ*, въ случаѣ надобности перевести съ Нѣмецкаго или Англійскаго языка какуюнибудь статью для своего изданія, прибѣгаетъ къ пособію своихъ знакомыхъ. Съ сими послѣдними, впрочемъ, онъ долго не уживается: ибо благомыслящіе изъ нихъ, дорожащіе собственнымъ мнѣніемъ о себѣ въ обществѣ, удостоверясь въ гнусныхъ свойствахъ души его, скоро осрамляютъ его въ презрѣніи.

III. Будучи презираемъ всѣми извѣстными Русскими Поэтами, одними за писакли, которые онъ на нихъ выпускаетъ, другими за слезли, которыми онъ между собою ихъ ссоритъ, прешьими за безграмотность и упомилутелья низкія свойства души его, — онъ не надѣется добровольно получить отъ нихъ ни одного двостипшія, а попому и рѣшается вести — со всѣми опечественными Ведомостями, Журналами, Газетами, Альманахами, новыходящими Поэмами, Поэмками, Повѣстями въ стихахъ, и пр., и пр., и пр., и пр., паршизанскую войну, *назднигать*, лснѣе сказашь: выбираешь изъ нихъ лакомые кусочки и благовонныя цвѣпочки — и *перелстывать* въ своей Газетѣ.

Прим. 1-е. Онъ уже и приступилъ къ сему, отдавъ переписатьъ:

Два стихотворенія *А. И. Подолмскаго* изъ *Свернаго Меркурія*.

Стихотвореніе *В. А. Жуковскаго*.

Стихотвореніе *Барона Розена* изъ *Гирланды*. — Два, и попомъ еще три, а всего пять стихотвореній (изъ нихъ два *Н. М. Языкова*, одно *Ө. Н. Глипки*, одно *Г. Норова* и одно *А. И. Подолмскаго*) изъ *Одесскаго Альманаха*.

Стихотвореніе *И. И. Козлова* изъ *Петербургскаго Вѣстника*.

Стихотвореніе *А. Н. Галбова* изъ *Гирланды*.

Еще одно стихотвореніе его же *Г. Галбова* изъ *Литературной Газеты*;

и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., всѣхъ стихотвореній числомъ до пятидесяти, коихъ подробно именовашъ, мы, щадя перитіе чистапелей, и изъ недостатка мѣста, — не рѣшаемся. Словомъ сказашь, Тарасъ Фамельевичъ *Подлодушинъ*, какъ человекъ, одаренный свойственнымъ ему образованнымъ и разборчивымъ вкусомъ, наложилъ грѣшную руку на произведенія и шакихъ Поэтовъ, каковы, на примѣръ, *Г. Г. Романовичъ* и *Ньминовъ*, и въ слѣдствіе эстетическихъ своихъ соображеній, перехватилъ нѣкоторые произведенія и сихъ Господъ.

IV. Чрезъ каждые десять дней особы, подписавшіяся на Газету: *Смѣворилья Приложенія къ Молодцу*, получаютъ карпинку модъ. Всего же въ годъ 36.

Прим. 2. Очень легко можетъ случиться, что, собравъ деньги въ Январѣ, алчная душа Издашеля пожалетъ выдавать обшцанныя картинки, и для того онъ подговоришь какогонибудь школьнича вырѣзывать для него женскія гнусныя рожицы, на условіи плащитъ ему за труды по 2 руб. 50 коп. мѣдью. Само собою разумѣетъ, что по деньгамъ будетъ и работа, и вмѣсто модныхъ картинокъ выйдутъ *каррикатуръ* на модныя карпинки, ибо изображенныя въ нихъ барыни будутъ похожи болѣе на Валдайскихъ крепдельницъ, чѣмъ на модныхъ красавицъ. Издашель чувствуетъ, что эпо будетъ немножко неприятно его читапельницамъ, но за шо чрезмѣрно выгодно для ихъ родителей и супруговъ, которые менѣе спанутъ прапншсь на щегольство молодыхъ своихъ дочекъ и сожительницъ: ибо у кого

будеть охота наряжаться по такимъ уродливымъ кар-
тинкамъ? ... Не смюпри на все это, Г. Издатель
Сюжетныхъ Приложений къ Молодцу, душою, пѣ-
ломъ и разумомъ увѣнчанный Тарасъ Фамелѣвичъ *Под-*
лодушникъ, съ свойственною неблагообразной особью его
наглою безсовѣстностію, спланшетъ печатать въ Га-
зетѣ своей, что издаваемыя при оной модныя кар-
тинки — *искусно выгравированы и со вкусомъ разкра-*
шены! — О Господинъ *Подлодушникъ!* О Господинъ
Подлодушникъ! — Впрочемъ Тарасъ Фамелѣвичъ не
совсѣмъ проскакъ въ этомъ случаѣ: имѣя справед-
ливое опасеніе, чтобы предлагаемыми имъ при своей
Газетѣ уродливыми размазанными рожицами не со-
всѣмъ запугать щеголихъ, на его Газету подписы-
вающихъся, и чтобы нѣкоторыхъ изъ нихъ прима-
нить къ подпискѣ на будущій годъ, — Г. *Подлодушникъ*
докажетъ радушіе свое къ публикѣ: въ концѣ года,
напримѣръ въ Ноябрь и Декабрь, онъ заплашитъ ху-
дожнику своему, Г. школьнику, *вдвое* противъ ус-
ловной цѣны, т. е. по 5 р. ассигнаціями за рожицу,
и такимъ образомъ, въ исходѣ года онъ выдастъ од-
ну или двѣ картинки *по-лучше*, и хопя сіи послѣднія
также въ художественномъ своемъ достоинствѣ бу-
дутъ крайне гадки, но все же порядочнѣе, въ сравне-
ніи съ прочими, приложенными имъ при своей Газетѣ.

V. *Сюжетныхъ Приложений къ Молодцу* будутъ вы-
ходить по два раза въ недѣлю: по Средамъ и Суб-
ботамъ. Бумага, на которой спланшетъ печататься
Газета Г. *Подлодушника*, будетъ несравненно гаже
шой, на которой печатающіяся *Литературныхъ При-*
бавленій къ Русскому Инвалиду, издаваемыя Госпо-
диномъ Коллежскимъ Совѣшникомъ Александромъ Фе-
доровичемъ Воейковымъ.

Прим. 3. Чтобы кричать о себѣ, что его Газета
выходитъ своевременно, т. е. въ назначенные дни,
Тарасъ Фамелѣвичъ *Подлодушникъ*, съ свойственною
ему Гудиною манерою, подписанъ къ Издателю ка-
койнибудь книги, и упроситъ его, чтобы онъ, во
время ея печатанія, выдавалъ ее *листами* при *Сюж-*
етныхъ Приложенияхъ къ Молодцу. Ему же, *Подло-*
душнику, произойдетъ отъ сего па выгода: онъ, на-
примѣръ, долженъ въ каждомъ *№* своей Газеты вы-
давать печатный листъ, а онъ, выдавая оный (т. е.
шопъ, при которомъ приложитъ листъ какойнибудь
вновь печатающейся книги, а за недоспапкомъ сего
замѣнитъ или книгопродавческимъ объявленіемъ или

Прейскуранпомъ, и пому подобное;), то есть *одинъ*
печатный листъ, — и бацъ на ономъ въ заголовкѣ
два *№ №*, напримѣръ 981 и 982, 984 и 985, 987
и 988, и такъ далѣе. Следственно, онъ, *Подлодушникъ*,
получитъ возможность издавать свою Газету не
только своевременно, но даже будетъ забѣгать однимъ
номеромъ *впередъ*. Имѣя такимъ образомъ много для
себя свободнаго времени, онъ, *Подлодушникъ*, спланшетъ
лелѣять досугъ свой ежедневно въ Кандиперской *Клозе*,
что у Симіоновскаго моста.

VI. Въ Библиографіи своей критической Газеты,
Издатель не спланшетъ разбирать примѣчательныхъ
явленій въ ошечественной Словесности (хопя и *объемъ*
его Газеты дозволяетъ ему это): ибо безграмотная
башка Г. *Подлодушника* (поспавляющая и *Удивитель-*
наго человека паровитъ съ *Рославлевичемъ*, *Борисомъ Го-*
дуновичемъ и другими примѣчательными книгами) эшаго
не *суметъ* (*). Въмѣсто этого, онъ ревностно зай-
мется критикою твореній *Александра Орлова*, *Ни-*
колая Щолца, и другихъ, подобныхъ ему, Г. *Подло-*
душнику, безграмотныхъ писацъ, унижающихъ Русскую
Словесность. Такъ, напримѣръ, у него явится разборъ
несчастной *Полуденной Звѣзды*, Дм. Налимова, занима-
ющей болѣе трехъ частей цѣлаго номера (**), или раз-
боръ *Пустынища*, пельпаго стихотворенія Н. Же-
ребянина, также занимающей около половины номера,
и пому подобное.

VII. Сверхъ всего выщеизложеннаго, Г. *Подло-*
душникъ обычаешся подсматривать все, печатаемое въ
разныхъ Санктпетербургскихъ типографіяхъ, и, оп-
частни собственною своею персоною, а опчастни чрезъ
спайныхъ Агенповъ, — выкрадывать хорошія спашны
въ стихахъ и прозѣ, и печатать въ своихъ листахъ.
Эшо будетъ *подражаніе* ... подражаніе ворами ...

Въ заключеніе всего вышепротисаннаго, прибавимъ:
Г. *Подлодушникъ* будетъ печатать всякія *несбыточныя*
клеветы, какія только въ голову ему придутъ, на *тѣхъ*
людей, которыхъ *незадолго предъ симъ превозносили по-*
хвалами, и на которыхъ *ожесточился теперь* за то,
что не могъ *вымолить себѣ отъ нихъ въ обмѣнъ не-*
справедливаго привѣтствія: ибо сіи люди, дорожащіе
доброю славою своего имени и поведенія, совѣстились
предъ публикою *входить въ какія либо сношенія съ нимъ*,

(*) Московское словечко, В. С. I — Изд.

(**) За то онъ извинится предъ своими читателями, что
употребилъ во зло ихъ догматическіе. — Изд.

Г. Подлодушнымъ, какъ съ челоуѣкомъ, ославленнымъ въ обществѣ мѣтлѣи.

Сверхъ того мы не можемъ при семъ случаѣ умолчать о нижеслѣдующемъ обспояшельствѣ : Тарасъ Фалелъевичъ *Подлодушникъ*, лично являсь къ намъ съ пижайшею челобитною, слезно молилъ насъ обнаруживать въ листахъ нашихъ написанное имъ объявленіе. Чипая оное, мы чупъ не лопнули со смѣха (*), удивляясь тому безпримѣрному безспыдству, съ копорымъ почтенный Г. *Подлодушникъ* шакъ нагло лжешъ и хвастаетъ. Для попѣхи нашихъ чипашелей, извлекаемъ изъ сей прокламаціи нѣкоторыя спроки. Вошъ, что провозглашаетъ о себѣ Г. *Подлодушникъ*.

« Будшо *Сютворилъ* его *Приложенія къ Молодцу* съ опличною ласкою прилпы публикою, и будшо онъ занимашельнѣе всѣхъ Журналовъ въ цѣлой вселенной.

« Будшо онъ, Г. *Подлодушникъ*, подписываясь въ своемъ Журналѣ какимъ-шо хипрымъ прозваніемъ (мы запамяшовали, именно какимъ, хопя онъ про шо объявлялъ ; вошъ что-шо, кажется, не сухопушное : Лодочкинъ . . . Яхпочкинъ . . . Шлюпочкинъ . . . Барказипъ . . . шѣу пропасъ : изъ головы выскочило !) — станетъ печашать и въ слѣдующемъ году въ своемъ Журналѣ нравоописательныя и смѣхотворныя свои спашейки, копорыя, якобы, весьма нравяшся всѣмъ охопникамъ до чпенія.

И наконецъ, въ заключеніе, Г. *Подлодушникъ* объявляешъ, будшо онъ выписываетъ изъ за границы всякихъ Журналовъ (а въ томъ числѣ и Англійскихъ) — болѣе нежели на 20000 рублей, хопя на самомъ дѣлѣ онъ выписываетъ ихъ съ небольшимъ на 30 рублей.

Ахъ, мѣдный лобъ ! ахъ, мѣдный лобъ ! скажите пожалуста, какъ не лопнушъ со смѣха !

Цѣна *Сютворилъ* *Приложенія къ Молодцу*, копорыя будущъ состояшъ изъ 104 *Лѣ Лѣ*, въ каждомъ по листу печашному, съ упомянушыми разма-

(*) Это какъ-бы выраженіе почтеннаго Издателя *Литерат. Прибавл. къ Русскому Инвалиду*, Г. Восейкова : въ 90-мъ *Лѣ* сихъ *Прибавленій* онъ говоритъ, что « чипая въ 15-мъ *Лѣ Телескопа* спашью Теофилакта Коспичкина : о *мизинцѣ Г. Вулгарина* и о *прогелѣ*, — чупъ было не лопнуть со смѣха. » — *Изд.*

леваншыми рожницами, самая умѣренная : здѣсь въ С. Петербургѣ 930, съ пересылкою въ города и разпоскою по домамъ 935 рублей.

Ипогородные должны опноспшсь съ своимъ пребваніями прямо къ самому Издателью, Тарасу Фалелъевичу *Подлодушнику*, живущему въ улицѣ *Безспыдства*, у самыхъ пѣхъ *шести сотъ лавочекъ*, въ копорыхъ продаешся по пудамъ переложенная имъ, Г. *Подлодушникъ*, съ Латинскаго языка (копорого, мимоходомъ сказашь, онъ и въ зубъ подконушъ не разумѣешъ) Гораціевская Поэма : *Рошци*, въ кварпалѣ *Наглыхъ Клеветъ* и *Подсылаемыхъ Ябедъ*, въ деревлянномъ разваливающимся домишкѣ *Поэмаи Оединъкина*, подъ N° 396.

Кн. Холмскій.

О Б О Д Р Е Н І Е.

Ну что чай горька
Меркуріальная микстура ? . . .
Не бось ; швоа крѣпка натура :
Снесетъ душа клеветника ! —

Британскій.

1-го Декабря 1831 года.

С М Ъ С Б.

Мысли.

— Есть люди, которые *ниже* презрѣнны, и копорые, расчитывая, что уже не могутъ сдѣлаться безспавнѣ (ибо уже совершенно *униженъ* въ обществѣ мѣтлѣи) не поспаваютъ ничего для себя священнымъ, и упопребляютъ всѣ возможныя средства для удовольстворенія гнусныхъ свойствъ души своей. Но вспрѣчаютъ случан, въ копорыхъ *иньге*, (слишкомъ чувствующіе всю неприличноссть той неприлпной для нихъ необходимости, копорая побуждаешъ ихъ входипъ съ пакими людьми въ спошенія, хопя и *неоткрытыя*), вынуждены по неволѣ плашипъ за *клевету* — *истиною* ! — Благомыслящіе ! пожалѣйте о сихъ *иньгъ* людяхъ ! —

— Русская Липература ! для пользы швоей надобно было-бы на многое обратипъ вниманіе ; и особенно на все шо, что вредипъ швоему совершенству ! —

Африканъ Любославскій.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Наклеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпша, надписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 45.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками. Мода, 55 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 15 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

Э Л Ъ В И Н А.

Анекдотъ XVIII вѣка.
(Соч. Виктора Фабри.)

Tai souvent alteré la vérité, pour mieux sauver la vraisemblance.

Destouches.

Эльвина и Алмиръ были связаны узми нѣжнѣйшей любви. Алмиръ просилъ руки той, которую онъ вочинялъ уже своею супругою; но Олбагъ, отецъ Эльвины, просннрвая видѣ свои гораздо далѣе, отвергнувъ предложеніе Алмира, и запрешилъ дочери видѣться съ своимъ любезнымъ. Въ опчаяніи, Алмиръ напекетъ средство поговорить съ Эльвиной: онъ опкрѣпелъ ей сердце свое, убитое горестію. „Если мнѣ должно потерять себя, сказалъ онъ, то я на все рѣшился; оставляю мое опеченство, и сыщу смерть въ рядахъ воиновъ какого нибудь Государства.“ — Овечаленная Эльвина напрасно старалась опклонить его опъ еего; пщепно говорила ему о своей горести: ничто не могло поколебать Алмира. Несчастливая дѣвушка беретъ его руку, омываетъ ее слезами, прижимаетъ къ своему сердцу, и, смонрля на него съ нѣжносною, говоритъ: „Алмиръ! опвѣчай: что мнѣ дѣлать? . . .“ — „Слѣдовать за мною“ — вскричалъ онъ, прерывая ее: „бѣжать опъ жестокаго опца, жеривующаго дочерью своимъ прихотямъ; повторить, предъ лицомъ Неба, клятвы, оптвержденные природою! Эльвина! прибавилъ онъ съ жаромъ: мы рождены другъ для друга; ты можешь пзмѣнить, но не забыть ме-

ня; ты будешь виновна и несчастна, и ускоришь пѣмъ смерть мою!“ — Голосъ его заглушался рыданіями; онъ замолчалъ, и, казался, споллъ въ окамененіи. Эльвина, при предложеніи бѣжать, оставилъ семейство, съ ужасомъ опшюкнула руку Алмира, и находилась въ подобномъ его оцѣпененіи. Голосъ природы и стоны любви раздирали ея душу: въ блуждающихъ глазахъ можно было видѣть борьбу ея сердца. Наконецъ, подбѣгая къ Алмиру, она беретъ его за руку, не произнеся ни одного слова, — и оба скрываются подъ покровомъ ночи. На другой день, у подножія олтаря, они повторили, сполъ часто ими произносимыя клятвы въ вѣрности, и соединились узми тайнаго брака, предъ лицомъ того самаго Неба, которое опказало имъ на сіе въ благословеніи.

Олбагъ, узнавъ о побѣгѣ своей дочери, разослалъ людей во все стороны преслѣдовать ее. Убѣжище несчастной было опкрыто, — и ее возвратили въ домъ родительскій. Израненный, изнеможенный опъ превосходства силъ, пщепно хотѣлъ Алмиръ защищать свою любезную: онъ видѣлъ, какъ вырванная изъ окровавленныхъ рукъ его, Эльвина была влекома своими похитителями.

Трепещущая, блѣдая какъ меринвецъ, предстала Эльвина предъ раздраженнаго родителя. Она едва могла снести порывы его неумоимаго гнѣва, и еще въ пыелу разъ ужаснѣе нежели самый гнѣвъ сей, презрѣніе, оказываемое ей виновникомъ дней ея. Эпоть гордый и непреклонный человекъ оплакивалъ безчесніе свое слезами сильной ярости, и клялся

въ глазахъ дочери удовлетворить себя смертію того, котораго называлъ онъ ея обольстителемъ. Адмиръ былъ тайно обо всемъ увѣдомленъ Эльвиной, и, по гласу любви, смертельныя раны его исцѣлились. Живя близко своей любезной, онъ распустилъ вскорѣ слухъ о своей смерти.

Между тѣмъ юная супруга Адмира пошла уже подъ сердцемъ плодъ тайнаго ихъ брака. Боязнь невозможности скрывать долго отъ глазъ семейства свое положеніе, замѣялась сладостнымъ ожиданіемъ быть матерью, и вручить супругу своему залогъ несчастной любви ихъ. Чувствуя приближеніе сей минуты, взглядъ отца заставлялъ краснѣть Эльвину: самая боязнь ея могла ей измѣниться. Жалуюсь на здоровье, разстроеное долгими страданіями, она выпросила позволеніе ѣхать въ деревню къ одной пріятельницѣ покойной своей матери, вѣрной участницѣ въ ея бѣдствіяхъ, и единственной опорѣ, ей оставшейся. Отецъ Эльвины согласился отпустить ее отъ себя потому только, что былъ уже совершенно уврѣнъ въ смерти Адмира.

Тамъ, въ тишинѣ и уединеніи, Эльвина произвела на свѣтъ сына, вѣрное изображеніе своего супруга. Дни ея текли возлѣ колыбели малютки; она хотѣла выростить его вдалекѣ отъ людей: это былъ плодъ любви гонимой; сама кормила его грудью, омывая его часто слезами. Иногда, при помощи ночи, Адмиръ осмѣливался посѣщать Эльвину въ ея жилищѣ. Тогда вручила она ему залогъ взаимности — милого сына. Супруги осыпали его поцѣлуями, оплакивая вмѣстѣ несчастіе, постигшее его при самомъ рожденіи. „Милосе дитя!“ сказала Эльвина тѣмъ звукомъ души разтерзанной, который не можно слышать безъ сильнаго сердечнаго движенія: „живи счастливецъ своей матерью! Молю Бога, чтобъ жестокой рокъ, меня преслѣдующій, не былъ удѣломъ и твоимъ днѣмъ!“ — Неподвижный, восхищенный Адмиръ заключилъ въ объятія свою супругу, обвиняя себя, въ душѣ своей, въ горестяхъ Эльвины. Она упѣшала его съ нѣжностію, опивчала на его споны улыбкою, смѣшанною со слезами.

Прошло восемь мѣсяцовъ съ того времени, какъ Эльвина жила въ деревнѣ. Будучи увѣдомлена, что кто-кто изъ семейства пріѣдетъ посѣтить ее, она стала заботиться о мѣстѣ, въ которое должна будетъ скрыть на время своего сына. Однажды, поздно вечеромъ, лишь только Адмиръ вышелъ отъ ней, она услышала его голосъ, смѣшивавшійся съ неистовыми криками и угрозами ея отца: ей послышались даже звуки оружія! . . . Сильно билось сердце Эльвины; ничего болѣе не представляется глазамъ ея, какъ образъ супруга, умерщвляемаго рукою ея отца. „Адмиръ мой погибъ! Ахъ! онъ погибъ, несчастный!“ повноряется она въ отчаяніи. Дикорабочая дрожь пробѣгаетъ по ея тѣлу; разумъ мѣшается; она не чувствуетъ себя; не знаетъ, гдѣ находится. . . . Вдругъ слышится у дверей стукъ: это ея отецъ. Куда бѣжать? . . . Гдѣ скрившись? . . . Какъ оплечь взоры его отъ младенца, котораго держитъ на рукахъ? . . . Эльвина подбѣгаетъ къ отворенному окну, хочетъ выскочить изъ него, — и, въ смилненіи и безпамятствѣ, кидаетъ шуда — несчастнаго сына! . . .

Ужаснувшись преслупленія, она пришла въ себя; бросилась къ роковому окну — и испустила ужасный стоны. Дверь отворилась: отецъ вошелъ къ ней. Запретивъ, она упала безъ чувствъ къ нему въ ноги. Онъ сзывалъ людей; самъ, вмѣстѣ съ ними, спарался около Эльвины; даюць ей похоть крики спирты, — и глаза ея поемному открываются. Неподвижна, не произносилъ ни одного слова, она погрузилась въ глубокое размышленіе. Наконецъ скорбь ея получаетъ прежнюю силу. Видя, что окружающіе желаютъ ей сна, какъ самаго лучшаго облегченія, она притворяется, — и только лишь вышла всѣ изъ комнаты, видя ее спящею, она, трепеща всѣми членами, кидается съ лѣстницы, какъ безумная. Сыскавъ трунъ своего сына — была мысль ея. Несчастный младенецъ, размозженный объ камень, плавалъ въ крови своей. . . . При семъ зрѣніи, колѣна ея подогнулись; она гонима была унасибъ въ обморокъ, отъ котораго недавно освободилась; но, сдѣлавъ усиліе, она встала, взяла на руки окровавленные останки сына,

осыпала ихъ поцѣлуями, и завернувъ ихъ въ покрывало, быстро побѣжала съ сѣю ношею къ ближайшему городу.

Пришедъ туда, она предстала предъ собравшимися судьями, блѣдная, разтрепанная и обрызганная кровію своего сына. „Вошь!“ — вскричала она изступленнымъ голосомъ, открывая покрывало и показывая имъ умерщвленнаго ребенка: „вошь дитя: это мой сынъ! Убійца его: я! Судьи! исполняйте вашу должность: накажите меня за преступленіе Мстите матери!“ — При семъ зрѣлищѣ, и услышавъ сіи ужасныя слова, неподвижныя и огнѣмълыя отъ страха судьи хранили молчаніе. Эльвина продолжаетъ обвинять себя, и, скрывая обстоятельства, побудившія ее къ сему преступленію, могущія оправдать ее, настаиваетъ у судей о скорѣйшемъ исполненіи наказанія, жалуясь на несправедливость законовъ, и призывая казнь, ея заслуженную.

Въ сію минуту входитъ отецъ Эльвины. Услышавъ о ея побѣгѣ, онъ слѣдовалъ за нею по слѣдамъ. Входитъ, и какое зрѣлище представляется глазамъ его? Дочь, въ спрашномъ отчаяніи, обвиняетъ себя въ убійствѣ, представляя для подкрѣпленія истинны, окровавленное плечо своего сына! Увидя отца, Эльвира заирепевала, отворачиваетъ отъ него взоры и закрываетъ лице. Олбашъ приближается. Несчастная хочетъ бѣжать, и упадаетъ безъ чувствъ. Пришедъ въ себя, она требуетъ, чтобъ его удалили. Тотъ повинуется, проклиная, въ отчаяніи, часъ своего рожденія, и излишнюю свою жестокость.

Между тѣмъ судьи спарались открыть истину того, въ чемъ призналась имъ Эльвина. Конечно, они могли найсти въ семъ дѣлѣ обстоятельство, оправдывающія Эльвину предъ людьми; но могли-ли извинить ее предъ закономъ? Сомнѣнія ихъ вскорѣ разрѣшились: съ ужасомъ увидѣли они горькую истину.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Э П И Г Р А М М А.

Глушагинъ въ горѣ и въ слезахъ
Раскапался своей невѣстѣ,

И хопъ остался въ дуракахъ,
За то какъ разъ исперъ на мѣсть! . .

А. Б.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

39. *Дверницкій съ своими Геролми, или національный духъ храбрости Поляковъ.* Комическое сочиненіе Н. Д. Москва, въ Губери. Типогр. Въ 8. (15 стр.)

Чтобъ данъ нашимъ читателямъ хопя слабое понятіе о Дверницкомъ, герой сего стихопворенія, напишемъ на удачу:

Идя впередъ вдругъ возвратился,
Здѣсь Математики законъ,
Тупилъ углою вооружился,
Многоугольникъ сдѣлалъ онъ, —
Тамъ къ плоскости онъ приразился,
Вдремнувъ не много, отразился (*),
Тупъ радусъ онъ описалъ;
Попомъ по силѣ ценпробъжной,
Съ землею внупренностью смѣжной,
Въ канаву прямо онъ попалъ!

Изъ подобныхъ тупоугольныхъ плоскостей состоиптъ вся книжка Г. Д.

(*) Авторъ хочетъ показать, что Геометрикъ учился.

А. Бу — ковъ.

С М Ъ С Б.

Къ читателямъ Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду.

Издатель сихъ Прибавленій, Г. Воейковъ, принялъ, повидному, съ нѣкотораго времени себя за правило — издваться надъ своими читателями, хопя неизвѣстно, кто далъ ему на сіе право. Не значитъ-ли это, явно шутить надъ публикою, дозволяя себѣ печатать въ своемъ Журналѣ, подъ видомъ вѣрныхъ извѣстій, всякія неаппости, какія только могутъ войти въ голову. Такъ, напримѣръ, въ 90 Но своихъ Слотворныхъ Прибавленій, онъ присоединилъ къ числу прекратившихся Журналовъ Свѣ. Меркурія и Гирланду, Журналы, копорые издаются, будутъ издаваться, и копорые по всемъ опношеніямъ живущаго Слотворныхъ Прибавленій его Г. Воейкова. Не значитъ-ли шутить надъ публикою, печатая подобныя, съ позволенія сказать, бредни? . .

Между тѣмъ, опъ, Г. Воейковъ, упоминая въ 89 Но *Сютворныхъ Прибавленій къ Р. И.* о замѣтѣ, сдѣланномъ за *вторую* половину въ нынѣшнемъ году *Слв. М.* двадцатю *девятыю* книжками *Гирланды*, тѣмъ особамъ, *которыя не подписываются на сей Журналъ*, — объявилъ, будто-бы Издатель *Слв. М.* въ 30 и 31 NNо своей Газеты общаетъ „возвратить подписныя „деньги тѣмъ особамъ, кои подписались на *оба его*?) Журнала, и то, *если или будетъ это угодно!*“

Во-первыхъ: Издатель *Слв. М.* не знаетъ, опъ чего въ глазахъ Г. Воейкова *задолжался*, именно опъ 30 и 31 NNо *Слв. М.*? . . Развъ опъ того, что сн нумера выданы *вдвоемъ*, то естъ, что они вышли *оба* вдругъ? . . Правда что въ сихъ *двухъ* нумерахъ, хопя и естъ кое-что, опносящееся къ *Сютворнымъ Прибавленіямъ къ Р. И.*, по все же щтъ ничего *особеннаго*, опъ чего могло-бы *задолжаться* въ глазахъ у почтеннѣйшаго Г. Воейкова. Тамъ только сказано, что „Г. Воейковъ самъ чувствуетъ, что за существованіе „своей Газеты обязанъ единственно заглавію опой: „ибо, — полагая примѣрно, изъ десяти лицъ, подписывающихся на *Ишландъ*, одна особа вздумаетъ *приложить* деньги (благо что *кстати*) и за *Приложенія* „къ опому, не расчитавъ, что за 35 рублей можно „купить обверточной бумаги гораздо болѣе *четырехъ* „*десятей*, или что за сію сумму можно выписать какой нибудь другой Журналъ, могуцій приносить въ „продолженіе года пріятное развлеченіе и удовольствіе.“ — Чтожъ тутъ *особеннаго*? . . Кому это *неизвѣстно*? . . Кто съ этимъ не согласился? . . Опъ этаго нѣчему *дволиться* въ глазахъ! — *Нѣкоторые* нумера *Слв. М.* вышли и *поодиножкѣ*; по на нихъ Г. Воейковъ можетъ болѣе *обратить вниманіе!* —

Какіе же *два* Журнала приписываетъ Г. Воейковъ Издателю *Свернаго Меркурія*?

Во-вторыхъ: Г. Воейковъ, упомянувъ, будто-бы Издатель *Слв. М.* общаетъ „возвратить подписныя „деньги тѣмъ особамъ, кои подписались на *оба его*

„Журнала (то естъ на *Гирланду* и *Слв. Мерк.*, изъ конхъ только *сей послѣдній*, Г. Воейковъ можетъ приписывать Изд. *Слв. М.*), „и то, ЕСЛИ ИМЪ БУДЕТЬ ЭТО УГОДНО“ — взвелъ на Издателя *Слв. М.* *сущую* ложь. Читателямъ *Слв. Мерк.* это объяснять нѣчего; по не всѣ читатели *Сютворныхъ Прибавленій къ Р. И.* читаютъ *Слв. М.*, и особенно тѣ изъ нихъ, которые не знаютъ, *кто именно* издаетъ *Слв. М.*, щтъ, прочитавъ въ 89 Но *Сютвор. Приб. къ Р. И.* сіе объявленіе, и не воображая, что Г. Воейковъ издвигается надъ публикою, — могутъ подумать (судя по въкопорымъ непохвальнымъ примѣрамъ въ нашей Журналистикѣ), что въ словахъ Г. Воейкова заключается истина. Вотъ почему Изд. *Слв. М.* находитъ себя въ необходимой обязанности довести въ оправданіе свое до свѣдѣнія читателей *Лит. Приб. къ Р. И.*, что упомянутое объявленіе Г. Воейкова естъ сущая ложь: ибо подобнаго рода публикація можетъ быть свойственна развъ одному только ему Г. Воейкову, а не Издателю *Слв. М.*, который *не можетъ и не долженъ* дѣлать подобныхъ объявленій. Въ объявленіи, напечатанномъ въ 30 и 31 Но *Слв. М.*, о которомъ говоритъ Г. Воейковъ, сказано слѣдующее: „По справкамъ, сдѣаннымъ въ пренумераціонныхъ спискахъ обоихъ сихъ Журналовъ (т. е. *Гирланды* и *Слв. М.*), оказалось нѣсколько особъ, получающихъ *оба* сн Журнала вмѣстѣ; ПОЧЕМУ СІИ „ОСОБЫ ОСТАЮТСЯ ВЪ ПОДПИСКѢ НА СВЕРНЫЙ МЕРКУРІЙ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1832 ГОДА; если же угодно, могутъ потребовать деньги свои обратно.“

Вотъ, что объявлено опъ Издателя *Слв. М.*; а Г. Воейковъ, объявляя о семъ въ свою очередь въ 89-мъ Но *Сютворныхъ Прибавленій къ Р. И.*, вышепрописанныя слова, *напечатанныя большими буквами, СКРЫЛЬ.*

Каковы средства, употребляемыя Г. Воейковымъ для уязвленія тѣхъ людей, въ которыхъ опъ не находилъ ничего, къ чему могъ-бы привязаться, и копировые, по долгу чести и истины, обязаны говорить ему рѣзкую правду! —

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 46.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 17 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

Э Л Ъ В И Н А.

Анекдотъ XVIII вѣка.

(Сог. Виктора Фабри.)

(Окончаніе.)

Вѣсть о несчастной Эльвинѣ распространилась повсюду. Она достигла до Алмира, который сперва сему не вѣрилъ. Трепещущій, изступленный, онъ прибѣгаетъ къ темницѣ, прося дозволенія видѣться съ супругою. Она была ему представлена. При видѣ столь любезнаго ему существа, обезображеннаго угрызениями совѣсти, и покрытаго блѣдностію преступленія, Алмиръ оледенѣлъ; лихорадочная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Опамитовавшись, онъ хотѣлъ приблизиться къ Эльвинѣ. „Остановись!“ вскричала она въ себя: „остановись! это не Эльвина; это не твоя прежняя подруга, твоя любезная; это убійца твоего сына!... Бѣги отъ несчастной, заслуживающей смерти. Бѣги, чтобы казнь моя не запятнала чела твоего!... Да“ — прибавила она, едва влипно: „я заслужила эту постыдную смерть. Пусть всѣ презираютъ меня; пусть могила моя будетъ обременена проклятіемъ и поруганіемъ;... но, Алмиръ!... вспомни... Ахъ!.. Ты вырвался изъ моихъ объятій; я слышала голосъ твой и родителей, крики, звукъ оружія; думала видѣть тебя погибшимъ; глаза мои помрачаются... Я иперлю разсудокъ...“

Томъ 111. № 46.

Боже! Великій Боже!.. Нѣтъ, я не могу докончить... Ты знаешь, что я отдала-бы тысячу жизней за одинъ день моего сына!... Алмиръ! иногда и добродѣтели наши бываютъ преступленіемъ... Злодѣяніе должно быть наказано...“ — При сихъ словахъ слезы брызнули изъ глазъ ея, и, не имѣя силъ сносить больше присутствія Алмира, она просила отвести себя назадъ въ темницу.

Между тѣмъ судъ надъ добродѣтельною, виновною въ преступленіи, если можно только назвать сіе преступленіемъ, производился своимъ порядкомъ. Напрасно несчастный отецъ сыпалъ деньгами для ея спасенія; тщетно супругъ ея испытывалъ всѣ способы, внутренне нежностію и опечаленіемъ; судьи пренемали отъ ужаса; но законъ былъ неумолимъ: отъ осудилъ Эльвину. Должно было повиноваться. Они со слезами прочитали приговоръ, въ коемъ изречена была смерть Эльвинѣ!

Какъ изобразить безутѣшность семейства и опечаленіе отца, угнетеннаго горестями и угрызениемъ?.. Эльвина была свидѣтельницею этой ужасной картины. Горкія слезы и стоны ихъ раздирали и безъ того уже оправленное несчастіемъ сердце. Прощанія были проглательны. Вотъ слова, произнесенныя успами, которыя скоро должны были сомкнуться на вѣкъ: „Прости мнѣ“ — говорила Эльвина: „прости мнѣ, отецъ мой, если я обезчестила благородную кровь твою! Роковое заблужденіе любви и юности! въ какую пропасть вы меня низвергли!.. Несчастный родитель мой! я ослушалась тебя, и вотъ

въ чемъ мое главное преступленіе. Небо наказало меня за то, допустивъ съдѣлашья убійцею!.. Увы! это ли я заслуживала?.. За преступленіе страдаю жестоко!.. Кровь, невинно пролитая, отмстилися! О мой сынъ!.. О мой родитель!.. Забудь горесть мою и преступленіе, мою жизнь и безчестную память! Твоею подпорою будетъ сестра моя: пусть она живетъ благоразумно и счастливо; пусть изгладитъ изъ памяти отца своего, что я жила для его несчастія, и умерла — виновною!»

Въ отчаяніи, отецъ и сестра упали въ объятія несчастливой: она обняла ихъ съ нежностію, и, рыдая, оросила слезами. Бывъ увѣрена въ неизбежной казни, Эльвина предалась движеніямъ своего сердца.

Права крови и дружбы могли-ли изгладить изъ души чувствительной, не менѣе священныя права любви нежнейшей?.. Глаза, готовые закрыться, съ безпокойствомъ искали вокругъ себя того, кто за неслыханное злодѣяніе Эльвины, былъ обреченъ на вѣчныя спаданія, вмѣсто счастья, которое сулила ему будущность! Адмира было не видно. Къ чему приписать его отсутствіе?.. Покинетъ-ли онъ супругу свою въ сію минушу ужасную, въ минушу, въ которую навсегда ее теряетъ?.. Эльвина не могла больше переносить его отсутствіе: спросила о своемъ супругѣ. Никто не отвѣчалъ. Эльвина хорошо поняла сіе молчаніе... Адмиръ не существовалъ болѣе... Тогда злополучная привела опять на память себя злодѣяніе, отъ котораго сошелъ въ могилу и любимый ей Адмиръ. Это воспоминаніе раздирало ея душу. Настоящія спаданія сердца шенсръ только пробудились въ душѣ Эльвины.

Наступилъ часъ казни. Эльвина готовилась къ смерти. Несмыслимое число народа наполняло площадь. При видѣ невинно-виновной жертвы, зрители роптали на строгость осужденія. Не упышая себя болѣе предъ послѣднимъ часомъ, Эльвина взошла на эшафотъ, какъ на такое убѣжище, гдѣ должна кончиться буря ея жизни; гдѣ, въ непробудномъ снѣ, сердце страдальцы найдетъ себя успокоеніе. Возвелъ взоръ свой на небо, она произнесла съ мѣста казни, послѣднія слова сн:

„Народъ! я была рождена для добродѣтельной жи-

зни, а умираю виновною въ убійствѣ — на эшафотѣ! Сердце мое было всегда чуждо преступленія, — а рука совершила злодѣяніе, заставляющее содрогаться природу! Я готова была отдать тысячу жизней, за одну слезу моего сына — а сама обагрилась его кровью! Ахъ! какой добродѣтельный человекъ можетъ сказать, что онъ всегда будетъ добродѣтельнымъ?.. Кто можетъ отвѣчать за случай?.. Можно-ли увѣрить въ этомъ самого себя?.. Я была кропка и непорочна; благородныя и невинныя чувства были поселены въ душѣ моей; жизнь моя протекала тихо, — какъ вдругъ минушное заблужденіе ввергло въ пропасть: священнѣйшія чувства, которыя только упышаютъ человека, были причиною всѣхъ бѣдствій. Часъ мой приближился; я буду наказана; сама требую себя смерти: я заслужила ее. Хочу быть жертвою справедливости людей, и не спрашусь казни небесной: *Онъ* знаетъ, виновна-ли я въ моемъ преступленіи!..“

„Мой Адмиръ былъ непороченъ!.. (продолжала она) Какъ достоинъ былъ онъ жизни!.. Но его уже нѣтъ!.. Народъ! почти память его, несчастія и добродѣтель, запятнанную моимъ преступленіемъ! Я оставляю безутѣшныхъ отца и сестру. Ахъ! никогда смерть моя, да не нанесетъ стыда на главы ихъ, столь мнѣ любезныя! Никогда кровь моя, да не обагритъ чела ихъ! Эта кровь, готовая пролиться здѣсь, на эшафотѣ, столь же непорочна, какъ была въ самый часъ моего рожденія... Не плачьте обо мнѣ, плачьте о несчастномъ моемъ семействѣ; пожертвуйте для ихъ утѣшенія слезами, которыя вы вокругъ меня проливаете. Не оплакивайте смерть мою: жизнь была достоинѣе сожалѣнія. Виновная на землѣ, я предстану невинною на небо. Тамъ найду я спокойствіе, и обрѣту въ недрахъ моего Создателя миръ, котораго не могла найти между людьми!“

Такъ говорила несчастная Эльвина. Она замолкла, и на привлекательномъ лицѣ ея, красоты котораго не могла скрыть самая смертная блѣдность — отразились чувства сильнаго спаданія. Въ битвѣ сердца съ природою, ея упышала непорочная душа, готовая предстать предъ Бога. Устремленные на нея взоры

всего народа были наполнены слезами, и уныніе было въ душѣ каждаго зрителя. Одни вздыхали; другіе про-стирали къ жертвѣ руки, какъ бы съ намѣреніемъ испоргнуть ее съ эшафота. Всѣ роптали на жестокость отца, хотѣвшаго обуздать природу, которой ничто не можетъ противиться; желали извлечь съ мѣста казни злополучную дочь, и повергнуть ее на грудь безутышнаго отца, очевидно раскаявавшагося. Но все было тщетно . . . Народъ негодовалъ на судей, приговорившихъ къ смерти невинное созданіе, болѣе другихъ заслуживавшее вкушать счастье; роптали на неумолный законъ, подвергнувшій несчастную жертву погибнуть на мѣстѣ наказанія однихъ разбойниковъ и душегубцевъ, жертву, душа которой, даже въ самомъ преступленіи, осталась непорочною, и которая сдѣлалась виновною только при поперѣ разсудка; которая одна себя обманяла, и для которой невольное преступленіе сіе было въ тысячу разъ ужаснѣе, нежели смерть, ожидавшая ее на эшафотѣ. Тщетныя жалобы! . . . Сътованія бесполезны! . . . Минута роковая наступила: въ одно мгновеніе голова Эльвины отдѣлилась отъ прекраснаго ея тѣла — и она пріѣла казнь, какъ преступница произвольная, какъ преступница ужасная.

Съ Фр. Ф. Дилковѣ.

НАДЕЖДА.

Надежда въ жизни уптѣшене,
Надежды лучъ питаетъ насъ,
Надеждъ вѣримъ въ сновидѣньѣ,
Надеждоу молимъ въ лютой часъ;
Надеждой бремя облегчаемъ,
Надеждой въ міръ семь живемъ,
Въ Надеждѣ счастье полагаемъ,
Съ Надеждой въ землю отойдемъ.

Ф. Кафтаревѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

40. *Еще обманъ* (*) или *кто въ просакъ не попадался*, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. В. В. Одицова. С. П. бургъ, въ Типогр. Плюшара, въ 8. (36 спиран.)

Удачный выборъ сюжета и занимательность ин-

(*) И еще обманъ“ воскликнутъ наши читатели; ибо о семъ Водевиль было уже упоминаемо въ Слѣ. М. (№ 75-й); но мы помѣщаемъ сію статью потому, что она заключаетъ въ себя *обманъ* въ своемъ родѣ, и довольно новымъ. — Изд.

триги составляютъ главное достоинство сего Водевиля. Оспроита куплецовъ и разнообразность характеровъ даютъ ему еще высшую прелесть въ глазахъ читателя. — Все это указываетъ Автору то почетное мѣсто въ нашей Литературѣ, которое онъ со временемъ будетъ занимать, и заставляетъ насъ надѣяться, что это не послѣдній опытъ его еще неиспытанныхъ способностей.

Почти каждый куплетъ дышетъ какою-то *нового истинною*. Выпишемъ для примѣра одинъ изъ нихъ:

„Хоть впрочемъ новостямъ газетнымъ

Не должно вѣрить иногда:

Издали враньемъ несмѣшнымъ,

Изъ вѣры вышли навсегда.

На то есть явилъ примѣты;

И кто лжетъ, — говорили встарь:

Что лжетъ онъ такъ, какъ *календарь*,

А *иные лгутъ* всѣ, какъ *Газеты*.“

Мы совершенно совершенно согласны съ Авторомъ Водевиля, и, основываясь на этой неоспоримой истинѣ, покорнѣе просимъ нашихъ снисходительныхъ читателей не вѣрить лестному отзыву, сдѣланному на счетъ литературнаго достоинства сего Водевиля, какъ Газетному вранью: ибо все вышепроеписанное должно принять не за наличную монету, а въ обратную сторону. Но чтобы въ полномъ смыслѣ узнать обманъ нашей рецензій, стоить только прочесть (если достанетъ терпѣнія) *забавный* Водевиль: *Еще обманъ*.

Г. Одинцовъ, вѣроятно, не ожидая себя похвалы отъ Газетъ, хотѣлъ напередъ усилить невѣріе къ нимъ нашей публики.

Онъ похвалы себя не ждалъ,

И разувѣривъ всѣхъ спарался;

Чуть чуть въ храмъ славы не попалъ!..

— Но кто въ просакъ не попадался!

А. Бу — ковѣ.

С М Ъ С Б.

Объявленіе.

Издатель *Сюжетныхъ Прибавленій къ Р. И., Г. Воейковъ*, извѣстный противникъ всѣхъ литературныхъ нахаловъ, безспыдныхъ самохваловъ, наглыхъ

хваспуновъ, чернодушныхъ клеветниковъ, жалкихъ рюмачей, безсовѣстныхъ вралей, и вообще всѣхъ недобросовѣстныхъ людей, — съ свойственною почтенной особѣ его любовію къ истинѣ, въ Санктпетербургскихъ Академическихъ Ведомостяхъ объявилъ: „будто-бы онъ выписываетъ изъ за границы разныхъ „Журналовъ (а въ томъ числѣ и *Англійскихъ*) болѣе „*пезели* — на ДВѢ ТЫСЯЧИ рублей.“

Хотя сія сумма не особенно чрезвычайна; но въ отношеніи къ Г. Воейкову, употребляющему ее на выписку Журналовъ, мнѣшныя люди находятъ ее невѣроятною; что уже и *доказано* нашимъ читателямъ.

Г. Воейковъ выписываетъ Журналовъ на *два тысячи* рублей! — Эка невидаль! — Издашель *Свергаго Меркурія* выписываетъ Журналовъ, болѣе *пезели* на ДВА МИЛЛІОНА рублей.

А. Фрегатинскій.

— Знаменитый своими воздушными плаваніями Физикъ-Агрономъ, Робертсонъ, издалъ недавно въ Парижѣ свои *Записки*. Кто выше не издаетъ своихъ записокъ?.. Секретари, Пажи, пецѣломудренныя современницы всякой всячины, камердинеры, палачи, гвардейцы и проч., и проч.: дошла очередь и до воздухоплавателей. Скоро какойнибудь Цейлонскій ныряльщикъ напишетъ свои на Индѣйскомъ діалектѣ и перешлетъ ихъ въ Парижъ; а тамъ спекуляторы переведутъ, приукрасятъ и продадутъ за огромныя деньги Ладвока или Госселеню, которые не преминутъ прогремѣть о нихъ въ афишахъ.

— Кто-то въ Лондонѣ сдѣлалъ слѣдующую Статистико-Физиогномическую таблицу: въ сей Столицѣ, по послѣднему численію, 1275000 жителей, изъ коихъ 20000 особъ вспахотъ поутру, и не имѣя никакого занятія, не знаютъ, что будуще дѣлать въ теченіе дня; а не имѣя постоянного убѣжища, не вѣдаютъ, подѣ какою кровлею проведутъ слѣдующую ночь. Здѣсь находится 10000 слугъ безъ мѣстъ и 115000 мошенниковъ и воровъ, а 3000 разбойниковъ.

Женщинъ, занимающихся свойственнымъ имъ ремесломъ, считаемся до 65000, въ числѣ коихъ *замужнихъ* найдется не болѣе 30, которыя разведены съ своими мужьями. Нищихъ полагается до 16000, и болѣе 2500 человекъ занимаются *стряплетволеніемъ*. Въ Лондонѣ снимаютъ до 5000 питейныхъ домовъ и трактировъ; до 1000 кандиперскихъ.

— Графиня де Б****, очень добрая и милая дама, подвержена спранию любопытству, состоящему въ томъ, чтобъ знать: помстятъ или худятъ друзья ея, когда они у пей въ деревнѣ проведутъ нѣсколько времени? Для узнанія сего она велѣла поставить у воротъ своего замка двое *вѣсовъ*. Въ однихъ вѣсятъ прїѣзжающихъ, въ другихъ отвѣзжающихъ. Маленькій жокей имѣетъ непремѣннымъ занятіемъ вывѣсывать гостей; въ его распоряженіи находится гири, выдѣланныя изъ чугуна, лакированнаго съ позолоченными бляхами. Управитель замка есть главный смотритель эпато важнаго заведенія, и всегда отдаетъ весьма подробный отчетъ Графинѣ, которая, если замѣтитъ, что ктонибудь, поживши у пей съ недѣлю, похудѣлъ, то весьма симъ огорчася, приказываетъ повару усилить свое Комусовское волшебство, и даритъ гостей превосходнѣйшими блюдами. Вотъ сердобольная Графиня! — А намъ известна одна испитая Баронесса, къ которой много ѣздитъ идолопоклонниковъ потому, что говорятъ: *она въ слугахъ* (*). Эта Баронесса *vice versé* Парижской Графини: ей, повидному, всегда хочется, чтобъ, поживши у пей съ недѣлю, вы ногъ бы не поволокли. Кормя габерь-супомъ, очень, очень жидкимъ, и занимая гостей заунывными разсказами о красотѣ своей, которою славилась во времена оны, она совершенно достигаетъ до своей цѣли.

(*) Эти люди, вѣроятно, слѣдуютъ правилу Молчалина (*Горе отъ ума*):

Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣшимъ.

Прим. Корректора.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателю Сьернаго Меркурія.*

№ 47.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 20 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

В Ъ Е Р Ь.

Au milieu des chaleurs extrêmes,
Heureux d'amuser vos loisirs,
J'aurai soin près de vous, d'amener les Zéphyres;
Les amours y viendront d'eux mêmes.

Louis XVIII. (Impromptu sur un éventail.)

Живучи пынѣшнее льпо на Черной рѣчкѣ, я часто въ вечеру гулялъ по пыннстымъ аллеямъ Спрогоновскаго сада. Какъ много здѣсь пищи для мечпаній, для думъ, для рисовки картинъ карандашемъ воображенія и фантазіи! — Чишалъ разныя надписи на деревьяхъ, на скамейкахъ, наблюдая чершпы и ступни на красноватомъ пескѣ, видя помятый шелковый дернъ, прислушиваясь къ пріятнымъ звукамъ форпианъ, раздающихся съ Черной рѣчки, что не прійдетъ на умъ, какаго романа не сплещешь въ головѣ своей? —

Это было въ началѣ Іюня. Вечеръ былъ теплый, почти единственный изъ всѣхъ льпныхъ вечеровъ 1831 г., опмѣнно холодныхъ и сырыхъ; Спрогоновскій садъ и узкая, пыльная Чернорѣченская улица, были полны гуляющими. Повсюду замѣтна была жизнь и веселость: еще о Холерѣ не было извѣстно ни слова.

Солнце выкапилось и орумянило окрестности; лучи его сквозь алыя стпоры моей комнаты пурпуриюю полосою вбѣжали на лице мое; — я проснулся и пошелъ гулять.

На одной изъ скамѣекъ я нашель красивый вѣеръ,

вѣроятно купленный въ Англійскомъ магазинѣ или у Броссети, или у Юнкера, — не вѣдаю.

Мокрый опъ росы, опъ остался шупъ во всю почъ; и пыль, покрывавшая нѣжныя его рисупки, доказывала, что опъ забылъ здѣсь послѣ продолжительной вечерней прогулки.

На пою же самой скамѣ лежала и оципанная, помятая, бѣленькая роза, — эмблема псвинности; а на пескѣ я разсмотрѣлъ, съ помощію моего лорнета, слѣды маленькихъ, очень хорошенькихъ ножекъ; и я былъ увѣренъ, что шѣ сапоги, которыхъ слѣдъ такъ близко лежалъ къ слѣду башмачковъ, вышли изъ мастерской Пельпа. Нельзя также не замѣтить было по шѣмъ двумъ ямкамъ, которыя были шупъ вырыты желѣзными колесцами, и по длинной черпѣ, проведенной, повидимому, чѣмъ-то тяжелымъ, висѣвшимъ на помочахъ, — что топъ, кто сидѣлъ шупъ рядкомъ съ пою, у которой така маленькая ножка, имѣлъ шпоры и саблю. Это вѣрно какой нибудь Офицеръ легкой кавалеріи: Гусаръ, Уланъ, Драгунъ, Конно-Егеръ, Конно-Пионеръ, Конно-Артиллеристъ-ли, не знаю, а лишь вѣдаю, что конечно съ хорошенькими закругленными усиками.

О! если бѣ только я одаренъ былъ эпическимъ воображеніемъ, то непременно посвяпилъ-бы цѣлую пѣснь миленькому вѣеру! —

Это самое сдѣлалъ Гомеръ для описанія щита Ахиллова. Вѣеръ есть орудіе нѣжныхъ бипвъ; но орудіе, страшное при нападеніи, и ничтожное при защищеніи. Побѣдоносный Амуръ всегда почти включаетъ его

въ свои професіи. О! кто воспоетъ достойно вѣрѣ! . . .

Зефиръ, сладостно ласкающій людно Эрапы, Зефиръ одинъ можетъ воспѣть вѣрѣ! . . . Но прежде любовникъ Флоры долженъ увидѣть его въ рукахъ милыхъ посѣпительницъ Спрогоновскаго сада.

Скажи мнѣ миленькій вѣрѣ, скажи, повѣдай мнѣ тѣ сладкіе вздохи, ту мгновенную краску, которая ты помогалъ скрывать! — Расскажи мнѣ о черныхъ бугляхъ, объ эпѣхъ свѣжихъ, смѣющихся губкахъ, объ эпѣхъ пушистыхъ, какъ персикъ, и округленныхъ, какъ облако, ланипахъ, объ эпѣхъ длинныхъ рѣсницахъ, прикрывающихъ огненные глаза, которые прохлаждалъ ты! . . .

Расскажи мнѣ бѣдный, оставленный, забвенный вѣрѣ, чьи эти пальчики, которые безпрестанно распускали тебя и складывали съ безпокойствомъ, когда условный часъ пробилъ, а его все еще не было!

Вчера, бытъ можетъ, поднимался десять разъ, и потомъ десять же разъ склонялся на снѣжную ручку, ты означалъ минути ожидаемаго свиданія, того свиданія, на которомъ тебя забыли! —

Ты не былъ достоинъ эшаго забвенія! . . . Искусная кисть начертала на твоей благоухающей бумагѣ рожденіе Амура; онъ представленъ выходящимъ изъ голубиного гнѣзда, такимъ болзливимъ, такимъ прелещущимъ, что жаль было на него смотрѣть. Онъ предспавенъ такъ похожимъ на Невинность, что Мудрость принимаетъ его съ улыбкою; но воптъ тупъ-же розовый кусптъ, п въ цвѣпахъ скрыпы лукъ и колчанъ.

Когда я только вспомню объ этой общипанной, помятой розѣ, объ эпихъ слѣдахъ на пескѣ, — то невольно говорю: бѣдный вѣрѣ! пора было тебя поперять, или по крайней мѣрѣ перемѣнить твой рисунокъ: вмѣсто Минервы, предспавить Богиню Циншерскую; а маленькаго шалуна вооружить лукомъ и стрѣлами: ибо та, которая забыла тебя здѣсь на пескѣ, и чрезъ тѣ предала вліянію сырой росы, знаетъ можетъ, бытъ теперь на опытѣ, что эптокъ малютка, котораго черты ты носилъ на себѣ, вовсе не есть невинность.

Я знаю ту, которая забыла эптокъ хорошенькій

вѣрѣ! Я, кажется, теперь ее вижу и изъ моего кабинета, который очень далеко отъ блестящаго гулянья Невскаго проспекта. Какъ она мила, какъ она свѣжа, какал палія, какіе глаза сіяютъ подъ эптою Сихлеровскою шляпкою сарот! . . . Счастливый Леонтъ! онъ идетъ за нею, бряча по плитѣ гладкаго пропшуара своего Солингенскою саблею и свонми се-ребренными шпорами. Она смотришь на него съ улыбкою, она краснѣетъ.

На будущее мѣсто она будетъ жить такъ же на Черной рѣчкѣ. Для эшаго она купила себѣ у Фрезе вѣерной бумаги, и рисуешь, какъ мнѣ сказывали, Любость въ большомъ видѣ, а Мудрость плачущую. Цельзя лучше выбрать сюжета! —

Прелестная Эльвира! если вы теперь потерлеше и эптокъ вѣрѣ, то послушайшесь моего совѣща: купите въ магазинъ Юнкера, что на Невскомъ проспектѣ, одинъ, мною особенно замѣченный: на немъ представлено Непостоянство и еще другая богиня, вооружившіяся противъ — Мудрости. Но, прелестная Эльвира! желаю я отъ всей души, чтобъ вамъ никогда-бы не пришлось сказать: „Эптокъ-то мнѣ и нужень!“ — Нѣтъ, не покупайте эшаго вѣера! —

Викторъ Басковскій.

Октябрѣ 1831 г.

З А В Ъ Щ А Ш І Е.

Друзья! подагрой изнуренный,
Ужь я не въ силахъ больше пить;
И видно, что въ сей жизни брешной
Не долго мнѣ ужъ пьянымъ бытъ.

Моя духовная готова:
Сегодня-ль, завтра-ль умереть;
Въ ней о наследствѣ нѣтъ ни слова,
О погребеньи-жъ вамъ радѣть.

Въ шомъ погребкѣ меня заройте,
Гдѣ я всѣхъ чаще пировалъ;
И такъ могилу мнѣ устройте,
Чптобъ я предъ бочкою лежалъ,

Оборощая къ спѣтъ погами,
А головой подъ самый край,
Держа обими руками
Огромный пушковой спаканъ.

Въ колокола вы не звоните
При погребеніи моемъ,
А лучше кубками гремяте,
Засыпавъ пшеницу пескомъ.

Въ моей надгробной не гласите:
Когда родился, сколько жилъ,
Какого чина — пропшите
Безъ краснорѣчія: „Онъ пилъ!“

Г. Кори.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

41. *Басни Кюртилла*. Подарокъ дѣтямъ на 1832 годъ. Пер. съ Фр. О. Дьячкова. С. Петербургъ, въ Типографіи Х. Гинце, 1830. Въ 12. (60 страницъ.)

Намъ не слѣдовало-бы ничего упоминать о книжкѣ, изданной нашимъ сотрудникомъ, имя котораго довольно извѣстно читателямъ Сѣвернаго Меркурія; но, будучи обязаны, по долгу Рецензента, отдавать публикѣ отчетъ о вновь выходящихъ книгахъ, скажемъ нѣсколько словъ о переводѣ Г. Дьячкова.

Винятъ насъ, грѣшныхъ, въ охотѣ къ подражанію; но, кажется, пинъ и Французы спали къ сему приучались. Въ ихъ пивореніяхъ вы найдете пеперь, *по большой части*, все что-то знакомое, уже читанное: разница въ изложеніи. Это самое можемъ мы опнестипи и къ Баснямъ Кюртилла. Впрочемъ на свѣтѣ, какъ говоритъ Ламартинъ, все: *songe et mensonge*.

Переводъ Г. Дьячкова *Русскій*, и изданіе, довольно милое; только жаль, что въ карпикахъ поскупили, почтеннѣйшій. Всѣхъ Басень 35.

Мы рекомендуемъ эту книжку всѣмъ дѣтямъ, вмѣсто подарка на Новый годъ.

Она продается по 3 руб. экземпляръ у всѣхъ извѣстныхъ въ Петербургѣ книгопродавцевъ; также въ музыкальномъ магазинѣ Майера, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Апрей и Оіэста, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Кребиллона; переводъ съ Франц. М. П. Сорокина. — *Проказы Ревнивыхъ* или *урокъ передъ свадьбой*, оригинальная Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. В. К. Шингулицкаго. — *Филатка и Мирошка соперники* или *четыре же-*

тиха и одна невѣста, народный Водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Представленіе на Большомъ Театрѣ, 30 Нолбря, въ пользу Актера Г. Борецкаго.)

По двумъ, неудачно прошедшимъ пѣсамъ Кребиллона, Трагедія: *Апрей и Оіэста*, первая доставила поржество сему Писателю. Въ 1707 году она была въ первый разъ играна на Французскомъ Театрѣ. — Пріоръ, паставникъ Кребиллона, изнуренный болѣзнію, велѣлъ опнестипи себя въ Театрѣ, и, по окончаніи представленія, объявъ своего питомца, сказалъ: „Я умираю до-вольнымъ: я образовалъ въ тебѣ Поэта, и оставляю моему опечеству достойнаго чловѣка!“ — *Вопль въ-нецъ Кребиллонову палашу!* —

Содержаніе Трагедіи есть слѣдующее:

Апрей, Царь Аргосскій, кипитъ мщеніемъ къ брату своему, Оіэсту, Царю Микенскому, за похищеніе обожаемой имъ Эроны! Онъ воспняпалъ Плисоена, мнимаго своего сына, и назначилъ его орудіемъ къ умерщвленію Оіэста. Воспламененный Апреемъ, Плисоенъ даетъ клятву исполнить волю его; но, при встрѣчѣ съ Оіэстомъ, рѣшительность юности исчезаетъ. Тщепно Апрей упошребляетъ все къ достиженію цѣли своей: даже самыя угрозы, умертвить Теодамию, дочь Оіэста, чрезвычайно любимую Плисоеномъ, не могутъ поколебать пвердости великодушнаго Принца. — Наконецъ Апрей прибѣгаетъ къ притворству, послѣднему средству, для него оставшемуся. Онъ изъясляетъ состраданіе, вовсе имъ неопущаемое, чтобъ лучше достигнуть высочайшей сипени мщенія. Царь Аргосскій мирится съ брашомъ; объявляетъ, что Плисоенъ сынъ Оіэста, и открывъ всѣ пипаемыя имъ досель гнусныя намѣренія свои, злодѣй успѣваетъ очаровать несчастнаго опца. Плисоенъ, по повелѣнію Апрея, тайно умерщвляется. Оіэстъ произноситъ надъ чашею предковъ своихъ клятву въ забвеніи прошедшаго; но открывъ чашу, видитъ кровь, и съ ужасомъ постигнувъ вѣроломство и мщеніе брата своего, закалывается.

Молодой переводчикъ сей Трагедіи, Г. Сорокинъ, кажется, болѣе заботился о передачѣ красотъ подлиника, нежели о стихахъ, въ чемъ нѣсколько и успѣлъ: нѣкоторыя изящныя мысли Автора имъ разительно

выражены; стихи же во многих мѣстахъ неблагозвучны и слабы. За всѣмъ пѣтъ сія Трагедія доставила удовольствіе зрителямъ, и любители изящнаго, вызвавъ Переводчика, изъявили ему, чего ожидаютъ отъ будущихъ трудовъ его.

Замѣтимъ: если-бъ, при переводѣ сей Трагедіи, Г. Сорокинъ уничтожилъ 4-е явленіе въ 5 дѣйствіи, гдѣ Апрей приказываетъ вести Плисеена на казнь, и вообще скрываетъ намѣреніе его, умертвить сего невиннаго Принца, тогда VII явленіе того же дѣйствія, при вскрытіи Оіэстомъ чаши, было-бы разительнѣе для зрителей: ибо предваренные заранѣе о намѣреніи Апрея, они не съ должнымъ содроганіемъ видятъ совершеніе примѣрнаго злодѣянія.

Г. Каратыгинъ сп. (*Апрей*) порожествовалъ своимъ дарованіемъ. — Съ какимъ искусствомъ отпѣцлялъ онъ характеръ лица, имъ представляемаго! Каждое чувство, каждый стихъ, каждая мысль, каждое движеніе были выражены имъ въ совершенствѣ; даже сокровенныя въ злодѣйской душѣ ощущенія живо изображались въ обильной его мимикѣ. Но въ 8 явленіи 5 дѣйствія, съ хохотомъ произнесъ:

„Ты эпю кровь узналъ?“

Г. Каратыгинъ казался гениемъ псеагральнаго поприща: симъ однимъ стихомъ обнаружилъ онъ весь адъ Апреевой души. Это былъ кипящій Везувій!

Прочіе Актеры влекли піэсу за повелителемъ своимъ. Но Г. Григорьеву б. (*Плисеенъ*) замѣтимъ, что Апрей, приготавливая Плисеена на опцеубійство, вѣролжно не хотѣлъ образовавъ въ немъ плаксиваго юношу. Возвышенныя чувства, любовь, нѣжность, состраданіе и благородство души, какъ изящное, должны быть выражаемы изящнымъ, а не оппѣнками малодушія.

Сюжетъ Комедіи: *Проказы ревнивыхъ*, заключается въ томъ, что Софья (*Г-жа Шемаева м.*) и Лиза (*Г-жа Семенова*), дочери Николая Ильича Липскаго (*Г. Борецкій*), были помолвлены, первая за Смѣльскаго (*Г. Каратыгинъ м.*), вторая за Лавина (*Г. Сосницкій*). Софья и Лавинъ ревнивы. Видя согласіе Лизы съ Смѣльскимъ и безпрестанныя ихъ между собою совѣщанія, они подозрѣваютъ ихъ въ невѣрности, и это производитъ неудовольствіе между женихами и невѣстами. Лиза и Смѣльскій, замѣтивъ это, даютъ другъ другу слово оставить ревнивцевъ въ ихъ заблужденіи до развязки недоумѣнія, и рѣшаются подшутить надъ ними. Лиза изъявляетъ желаніе загадать у Вороженъ;

Смѣльскій предлагаетъ Лавину привести ее. Лавинъ пользуется симъ случаемъ, и чтобы лучше узнать истину, является самъ переодѣтымъ въ женское платье. Во время гаданія приносятъ Лизѣ письмо отъ Смѣльскаго: Лавинъ вѣдъ себя. Хитрая Лиза, узнавъ въ Ворожѣ жениха своего, и бывъ позвана къ отцу въ это время, нарочно кладетъ письмо въ рабочій ларчикъ и уходитъ. Ревнивецъ рѣшается на похищеніе роковаго письма: но въ самую ту минуту, когда онъ открываетъ ларчикъ, входитъ Гавриловна (*Г-жа Ежова*), няня дѣвицы Липскихъ. Подозрѣвая мнимую Ворожею въ намѣреніи учинить покражу, она производитъ тревогу: всѣ домашніе сбѣгаются, и Лавинъ обнаруженъ. Въ отчаяніи своемъ онъ укоряетъ измѣнницу въ присутствіи отца ея. Требуя доказательствъ... и похищенное письмо открываетъ заблужденіе Софьи и Лавина.

Публика вызвала Автора, Г. Ш.....скаго, котораго дѣйствительно заслужилъ благодарности. Нравы лицъ сей Комедіи хорошо выражены, интересъ заманивъ, развязка истинно комическая, стихи плавны и остропы разсыпаны удачно. Жаль, что нѣтъ достаточной живости въ сценическомъ разговорномъ слогѣ; это вѣролжно происходитъ отъ робости при вспугненіи на новое поприще, впрочемъ весьма свойственной истинному дарованію. То явленіе, гдѣ переодѣтый Лавинъ встрѣчается съ Лизою, растяпую, да и во время бесѣды двухъ невѣстъ съ женихами, для Софьи слишкомъ затруднительно, цѣлое почини явленіе, сидѣть молча, поджавши руки.

Г. Сосницкій всюду милъ; и Г-жа Семенова играла довольно хорошо; но въ ней недоставало живости, свойственной характеру Лизы. Г. Каратыгинъ м. оправдалъ довѣріе Автора; жаль, что сей Артистъ только тогда выполняетъ игру лица, имъ представляемаго, когда говоритъ; — умолкъ — и думаетъ о другомъ. Г-жа Шемаева м., съ умыслу, или невзначай, но попала на *похищенный* Авторомъ характеръ, и въ сценѣ съ нянею, была копіею Тапьяны въ Онѣгинѣ. Г-жа Ежова б. была Гавриловною въ совершенствѣ.

Народный Водевиль: *Филатка и Мирошка*, справедливо названъ *народнымъ*: народу много: а толку мало.

Д. Шепелевъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывал на опытахъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 48.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* номеровъ, на *вѣсенной* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ дославною на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 22 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ БАШКИРСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

Разставаясь съ Вами, любезнѣйшій и почтеннѣйшій А. П., хотя я не обѣщался писать, но истинная дружба и сердечная признательность влекутъ меня раздѣлить съ Вами нѣсколько времени заочно. При настоящемъ уединеніи и опдаленности моей отъ Васъ, я увѣренъ, что строки сіи, доставя Вамъ свѣдѣніе обо мнѣ и всѣхъ моихъ обстоятельствахъ, не обратятся въ пыгошь, если захотите прочесть ихъ.

Послѣ трехъ-недѣльнаго странствованія, наконецъ я достигъ до мѣста пользованія своего, Башкирскій степи, и расположился кочевать близъ Уфы. Желая скорѣе приняться за леченіе, я преобразовалъ себя, по необходимости, на время, въ Башкирца, и живу теперь среди сего племени въ Кибиткѣ, въ окрестности береговъ известной здѣсь рѣки Діомы, безпрестанно пью благотворный *кумисъ*, и ѣмъ приличное для діеты кушанье: *бишь-баршакъ* (*). Въ свободные часы отъ леченія, хожу гулять по необозримому пространству степи и охочусь съ ружьемъ за дичью, которой здѣсь чрезвычайное множество. Занятія сіи составляютъ всѣ здѣшнія удовольствія, и въ нихъ проходитъ почти каждый день со времени моего сую-

да прїѣзда. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я общаго Башкирскаго праздника, и вошъ Вамъ, по возможности, бѣглое описаніе онаго.

14-го сего Іюня, по приглашенію моихъ почтенныхъ и добрыхъ хозяевъ, и прочихъ Башкирскихъ старшинъ, я согласился быть свидѣтелемъ Азіатскаго увеселительнаго праздника, называемаго *Джюень*, въ глубинѣ открытой степи, близъ одного кургана, до-стопаминнаго тѣмъ, что на высотѣ онаго, нѣкогда водруженъ былъ флагъ знаменнаго влестелина Монголовъ *Чингисъ-Хана*, во времена шествія его къ завоеванію разныхъ странъ. Точка зрѣнія съ сего пункта была самая неподобная! Представьте себѣ, на ровномъ мѣстоположеніи пространной степи, нѣсколько тысячъ народа, происходящаго изъ разныхъ племенъ, какъ то: *Башкирцевъ*, *Мещериковъ*, *Киргизцевъ* и *Татаръ*, собравшихся съ женами и дѣтьми своими для предположеннаго торжества весельяго ихъ праздника, изъ коихъ послѣднія, по естѣ жены и дѣтти, въ нарядныхъ, увѣщенныхъ съ головы до ногъ разными мелкими серебряными и даже золотыми монетами, костюмахъ, съ разрисованными бѣлою и алою краскою лицами; а первые во всемъ блескѣ національнаго ихъ вооруженія, развѣзжающіе взадъ и впередъ по степи верхами на быспрыхъ, какъ орлы, коняхъ. Во всѣхъ концахъ сего собранія гремѣла національная ихъ музыка, гармонія коей хотя не слишкомъ согласна, но однакожь и не отвратительна для слуха. По ней производились разнохарактерныя ихъ пляски. Достоинство сихъ послѣднихъ состоитъ въ

(*) Такъ называемое Азіатское блюдо, приготовляемое изъ крошеной баранины, смѣшанной по-поламъ съ жиромъ, которое у Башкирцевъ весьма обыкновенно и почитается лакомымъ кушаньемъ.

гибкости, ловкости и разных передвиженіяхъ. По-
томъ явились на сцену такъ называемые *борцы-молод-*
цы, которые, соперничествуя мужествомъ, силою и
искусствомъ, старались преодолѣть другъ друга; и
побѣдитель нѣсколькихъ человекъ заслуживаетъ все-
общее одобреніе восклицаніемъ нѣсколькихъ сотъ го-
лосовъ, и по обычаю ихъ, получаетъ награду торже-
ственнымъ покрывіемъ на голову его шелкового
плаща. Вслѣдъ за тѣмъ дѣйствіе сіе перемѣнилось
на другое, и намъ показалось на открытомъ полѣ
нѣсколько десятковъ человекъ избранныхъ молодыхъ
Татаръ и Башкиръ, испытывающихъ свою легкость
и силу въ бѣгавш. Они сначала удалялись отъ мѣста
на значительное разстояніе (до 2-хъ верстъ), и взой-
дя на ошлагое возвышеніе, спремглавъ пустились от-
туда бѣжать, что есть мочи и прыскости, сна-
раясь опередить другъ друга; и всѣмъ тѣмъ, кото-
рые получили преимущество надъ другими, то есть
достигли прежде къ цѣли, выдавались въ награду *иги-*
ги (*). Въ заключеніе сего праздника, послѣднее пред-
ставленіе, замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ, было кон-
ское ристалище, на которое, по данному сигналу отъ
перваго наѣздника и главы общества, *Бизъ-Мирзы*,
выѣхали нѣсколько сотъ человекъ охотниковъ на от-
лично хорошихъ лошадяхъ, изъ коихъ выбрали самыхъ
уже превосходныхъ къ скачкѣ. Сія скачка есть со-
вершенное торжество всѣхъ удовольствій, тщеславія
и Азіатской роскоши здѣшнихъ степныхъ обывате-
лей! Дѣйствіе начинается: заклады сдѣланы (ибо инпе-
ресъ есть господствующая спрасть и у кочующихъ);
всѣ потомъ полетѣли къ цѣли, на предназначенное
разстояніе, верстъ до 15-ти. Ужасное смященіе!
пыль столбомъ, гулъ отъ конскаго топота, шумъ
збруи, ржаніе лошадей, крикъ наѣздниковъ и прочихъ
зрителей, соединясь все вмѣстѣ, представили слуху
и взорамъ монмъ оригинальную картину кавалерій-
ской атаки, а съ тѣмъ вмѣстѣ самое прекрасное
и занимательное зрѣлище, родившее въ душѣ моей

необыкновенное чувство, въ которомъ трудно даже
дать отчетъ: это какая-то странная смѣсь ужа-
снаго съ удивительнымъ, и смѣшнаго съ приятнымъ.
Наконецъ настало время для разбирашества: скач-
ка кончилась. Владѣльцы лучшихъ *скакуновъ* получили
первые призы денежные и прочія условенныя награ-
ды; а въ заключеніе водили торжествующихъ коней
церемоніальнымъ маршемъ, съ музыкою и восклица-
ніями, кругомъ всего собранія. Сямъ окончилось сіе
увеселительное гулянье, которое сдѣлало въ душѣ
моей и памяти самое рѣзкое впечатлѣніе. — Надобно
приписать большую честь согласному и миролюбиво-
му характеру степныхъ жителей; во все время праз-
дника у нихъ не случилось никакого особеннаго проис-
шествія: все было чинно, порядокъ и благоприсой-
носность соблюдалась во всей силѣ; отъ Старшинъ за-
висѣли всѣ распоряженія и весь ходъ забавъ и удоволь-
ствій; плясство здѣсь не имѣло мѣста, и въ замѣнъ
Европейскихъ напитковъ, одинъ только кумысъ, какъ
средство прохладительное, услаждалъ вкусъ. Такого
роду собранія бывають у здѣшнихъ Азіатцевъ толь-
ко весной, каждую пятницу, учрежденіе коихъ про-
сходитъ отъ времени древнихъ.

Не упомянулъ ли я, любезнѣйшій и почтеннѣйшій
другъ, описаніемъ такого предмета, который можетъ
быть показаться незамѣтельнымъ для Васъ, при-
выкшаго къ забавамъ столичнымъ, а не степнымъ,
носящимъ на себѣ отпечатокъ дикой природы. Но и
въ сихъ послѣднихъ, по моему мнѣнію, есть свой ха-
рактеръ, своя прелесть

А. Б — въ.

Юля 1830.

Башкирская степь.

Кибитка.

НОВЫЯ КНИГИ.

42. *Тафтяное платье или измятая кофточка, Пре-
ображенскія легионницы.* Нравственно-крипическо-
сатирической Романа. Сочиненіе *Александра Орлова.*
Москва, въ Типографіи Семивановскаго, 1831. Въ 12,
(65 стр.)

Бѣдная Русская Литература! она у меня, какъ ка-

(*) Родъ полусапожекъ изъ тонкой кожи или сафьяну, обык-
новенно употребляемыхъ Магомешапами во время нахож-
денія ихъ въ Мечетяхъ для исполненія обрядовъ.

мень, лежить на сердцѣ — а никто объ этомъ и не заботился. Ее можно уподобить пустынь, въ которой раздается ревъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду*, жужжаніе *Сѣверной Пчелы* и пискъ *Сына Отечества*, который иногда пробуждаетъ на нѣсколько времени своихъ читателей, распянувъ книжекъ на 15 повѣсть А. Б — ва. Бѣдная Русская Литература! —

Все это невольно я восклицалъ, проглядывая новое твореніе знаменитаго Писателя, который, вмѣстѣ съ другимъ знаменитымъ Писателемъ, не менѣе примѣчательнымъ въ Русской Словесности, Г. Булгаричемъ, развелъ въ ней плодотворное племя *Выжигиныхъ*, изъ которыхъ совершенно нѣчего ни выжечь, ни выжечь для пользы Русской Литературы.

Г. Орловъ не погрѣшается за нашу искренность, ибо почти то же самое мы должны сказать и о *Табляномъ платѣ*, въ которое онъ вярнулъ героиню новаго своего Романа. Не смотря на удачное подражаніе Г. Булгаричу, произведенія его Г. Орлова все еще не приносятъ возжеланной пользы бѣдной нашей Литературѣ, между тѣмъ какъ о ней такъ много заботился знаменитый его сподвижникъ, который нынче, совокупно съ знаменитымъ своимъ другомъ, Г. Ушаковымъ, ищетъ средствъ къ ея оживленію. Будемъ ждать ширѣе: авось-либо исканія сихъ двухъ знаменитыхъ друзей будутъ успешны, въ сравненіи съ подобнымъ же предпріятіемъ Г. Олинна, который также, объявляя объ изданіи своего *Колокольчика*, хотѣлъ звономъ его пробудить Русскую Литературу, хотѣлъ поддержать ее своими трудами; но . . . увы и ахъ! . . .

А. З.

С М Ъ С Ъ.

Отрывокъ изъ письма къ пріятелю въ Москву.

... Изъ выходящихъ нынче Журналовъ я читаю только два: *Сѣверный Меркурій*, издаваемый товарищемъ и задушевнымъ моимъ пріятелемъ, Бестужева-Рюминымъ, и *Гирланду*, въ числѣ Издателей которой и ты находишься. Не думаю, чтобы кому нибудь показалась теперь *подозрительною* похвала моя

Журналу Бестужева-Рюмина, потому, что все *потинные знатоки* уже давно оцѣнили его, и у насъ и за границею. Одна бѣда: несправно выходятъ; однако же *Меркурій* сполна расчитывается съ своими подписчиками: ты это можешь заключить по тому, что Апрельскіе номера вышли въ Декабрѣ. Впрочемъ и запазданіе его номера выдается не такъ, чтобы только съ плечъ долой, а наполняется спешными занимательными и остроумными. Съ будущаго года *Меркурій* (это ужъ обещаю *не шутя*) будетъ выходить своевременно: ибо несправность его, какъ оказывается въ послѣдствіи, накладка для Издателя. Но объ этомъ замолчу. Въ *превосходной* снани о Русскихъ Журналахъ, напечатанной въ одномъ изъ *лучшихъ* Английскихъ Журналовъ, сказано, что Бестужевъ-Рюминъ съ величайшимъ искусствомъ издаетъ свой Журналъ и выдерживаетъ занимательность онаго. Это еще *не все*. По *моему мнѣнію*, блистательное остроуміе всюду разсыпается въ *Меркурій* съ необыкновенною прелестью; а въ Повѣстяхъ помѣщаемыхъ въ *Меркурій*, невольно исторгаются слезы у читателя не жалкими положеніями, но живостью самаго *чувства*, что есть верхъ *искусства!* — Говоря о дарованіи товарища, пріятеля и учителя моего въ Русскомъ языкѣ, Бестужева-Рюмина, я забываюсь, я увлекаюсь, прихожу въ пинтичекій восторгъ, и не смотря, что пишу прозою, вдохновенный *риѳми* сами собою каплются съ пера моего на бумагу. Въ каждой строкѣ его, Бестужева-Рюмина, ты найдешь черту испинную и оригинальную. Все, что сходитъ съ пера его — прелесть! . . А языкъ, а слогъ? Всѣмъ намъ, пишущей братъ, не худо-бы поучиться и *позадуматься* (*) надъ этимъ языкомъ и слогомъ — но довольно (**)! Пусть братъ меня, что я сказалъ нѣсколько словъ о Журналѣ товарища и пріятеля сво-

(*) Вошь ужъ, любезный другъ Ермолай Егоровичъ, все шло своимъ чередомъ, а здѣсь пересолить. Зачѣмъ же, мой милый, ты говоришь: *позадуматься*? Иной насмѣшникъ пожалуй подцѣпитъ это словечко на крючекъ, и расплюкнетъ, что надобно *дремать* отъ моего языка и слога. *Приглашеніе Бестужева-Рюмина, Издателя Сѣвернаго Меркурія.*

(**) Да еще хоть строчечку, мой сердечный. — *В. Р., Издатель Сѣв. Меркурія.*

его — виноватъ: право не могъ воздержаться (*)!

Твою *Гирланду* я читаю съ удовольствіемъ, а *при- томъ съ большими*. Просто сказать: эдакого Журнала у насъ, на Руси, еще не бывало, да и врядъ-ли будетъ; ибо и Парижскій *la Mode* во многомъ ему уступаетъ. Наши *M-mes les Pétersbourgeoises* отъ него безъ памяти: замѣтъ, что теперь особенно вошло въ моду вышивать платья гирландами и на головѣ носить гирланды же: все это въ честь своего Журнала!.. Испозать, братецъ!.. Я слышалъ, что съ Новаго года онъ еще будетъ блистательнѣе. Да я ужъ не понимаю, что болѣе можно придумать для его великолѣпія и изящества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ своихъ статьяхъ я замѣчаю иногда страстишку: разсуждать и философствовать. Дѣло не худое, но эшимъ надобно скупиться: будто это и хорошо, если весь свѣтъ спазнетъ признавать тебя за умнѣйшаго человѣка. Извини за правду, и если считаешь сказанное правдой — исправся, а *въ отмищеніе* поучи и меня (п. е. *такимъ же образомъ*), ибо никто самъ не видитъ своихъ недостатковъ. Прости! ожидаю увидѣть въ скоромъ времени отвѣтъ твой въ *Меркуріи*. Твой

Ермолай

Р А З Г А Д К А.

При чтеніи сей статьи невольно придуть на мысль каждому слѣдующія обстоятельства:

1-е. Въ статьѣ сей, написанной товарищемъ по Журнальному дѣлу, задушевнымъ другомъ и ученикомъ Беспужева-Рюмина, онъ Беспужевъ-Рюминъ пещадно расхваливается.

2-е. Статья сія печатается въ *Свѣ. Меркуріи*, издаваемомъ имъ Беспужевымъ-Рюминимъ.

3-е. *Разуметься*, при чтеніи корректуры сего Но, рука Издателя, ведомая любовью къ испитѣ, п. с. къ самому себѣ, — невольно увеличила силу нѣкоторыхъ выраженій, и прибавила кое-что и отъ себя, чего не дагадался написать и любезный его пріятель. Въдъ ужъ все равно: хвалить, такъ хвалить на убой. Можеть быть нѣкоторые не припоминаютъ, что Издатель *Свѣрскаго Меркурія* есть Беспужевъ-Рюминъ.

Что жъ послѣ этого осмѣается заключить о Беспужевъ-Рюминѣ? ? ?

(*) Да нельзя-ли *погаще* такъ невоздерживаться: твоя невоздержность, Ермолай, мнѣ по душѣ и сердцу. *В. Р.*

Но, почтенные читатели, прежде загляните въ 287 Но *Свѣ. Пчелы*, и потомъ уже разсуждайте о существованіи дѣла: въ семь случаевъ разрешится таинственный смыслъ всего этого, что для васъ теперь кажется непонятнымъ.

17 Декабря 1831.

— При семъ Но *Свѣ. Меркурія* прилагаются *первая шестнадцать* (съ 1-й по 17-ю) книжекъ *Гирланды*, Журнала Словесности, Музыки, Моды и Театровъ, съ принадлежащими къ нимъ *девятью* картинками и попами *четырехъ* Романсовъ.

Стало бытъ теперь изъ числа *двадцати девяти* книжекъ *Гирланды*, замѣненныхъ за издачіе *Свѣ. Меркурія второй* половины сего года, — подписчикамъ *Свѣ. М.* остается получить 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 23 книжки *Гирланды*, которыя и будутъ къ нимъ немедленно доставляемы по мѣрѣ выхода оныхъ; 24 же и 25 книжки *Гирланды* доставлены къ нимъ при 30 и 31 Но *Свѣ. М.*; 26 и 27 при 35 Но; 28 и 29 при 42 Но.

Издатель *Свѣ. М.* покорнѣе проситъ особъ, подписывающихся на сію Газету, обратить вниманіе на по обстоятельство, что для него гораздо было-бы выгоднѣе возвратить деньги за *полугодое* издачіе *Свѣ. М.*, стоящее *пятнадцать* рублей, нежели замѣнить оное *двадцатью девятью* книжками *Гирланды*, стоящими *тридцать* рублей. Единственно за то только, что номера *Свѣ. Мерк.* выходили *не въ свое время*, Издатель *Свѣ. Мерк.* вознаграждаетъ вдвое своихъ подписчиковъ. Не худо было-бы, если бъ и другіе Гг. Журналисты, получающіе деньги за годовое издачіе, а выдающіе только по полугоду, хотя-бы *безъ процентовъ* расчитывались съ своими пренумерантами.

Въ четырехъ, полученныхъ по сіе время Издателемъ *Свѣ. М.*, письмахъ при новой подпискѣ на будущій 1832 годъ (изъ Москвы отъ Г. О. К., изъ Новгорода отъ Г. О., изъ Тулы отъ Г. Б., изъ Вязьмы отъ Г. Е.) сіи особы изъявляютъ усердное желаніе, чтобъ Изд. *Свѣ. М.* былъ и на будущій годъ *также исправенъ*. Весьма благодаренъ! — Худо только, что эта *неисправность* близко подходитъ къ императорному *мотовству*: по неволѣ будешь стараться о выдачѣ номеровъ *въ свое время*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Сленина, надписывая на оныхъ: *Издателю Свѣрнаго Меркурія.*

№ 49.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* помоевъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 каршиками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 24 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

СЦЕНЫ

Изъ Комедіи - Водевиль:
ВСТРѢЧА ГУБЕРНАТОРА

или

НАЧАЛО ВСЕГДА ТРУДНО.

Александръ III.

Баронъ Штраусъ (*) и Локуціусъ (**).

ШТРАУСЪ.

Здравствуй, Инфинишъ Спиришонычъ, здравствуй; шшо есть новости? —

Локуціусъ.

Привѣтствую тебя небесное свѣшмо дил, говоримъ всегда Цицеронъ по ушру, напившись чаю.

ШТРАУСЪ.

И фопъ, Инфинишъ Спиришонычъ! оставьше пожалуйста въ покоѣ фашъ Цицеронъ!

Локуціусъ.

Я не могу его оставить: природа моя заставляетъ меня всегда и вездѣ говорить о немъ, — *similis similibus gaudet*, говоритъ Латинская пословица, шшо есть: подобный подобному радуется, или, шшо все одно, рыбакъ рыбака видитъ издалека.

ШТРАУСЪ.

Скажите лучше: какофа ищѣтъ фашъ тѣлишки?

(*) Градоначальникъ.

(**) Школьный учитель.

Локуціусъ.

Школьные дѣла мои идутъ весьма хорошо: въ первомъ классѣ уже прошли таблицу именъ существительныхъ и начали прилагательныхъ, копорыя, если не прилагать къ нимъ особеннаго спаранія, и особеннаго внимательнаго вниманія, то они для удобопониманія не могутъ быть скоропоявными, и пребываютъ большого размышленія и ума — и ума не ребяческаго. Впрочемъ Латинская пословица говоритъ: *Nil fit sine labore*, шшо есть: ничего не приобрьшается безъ пруда.

ШТРАУСЪ.

И фопъ, мое люпесный Инфинишъ Спиришонычъ, я самъ снаю, шшо фи очень много пружипешъ.

Локуціусъ.

Не столько самъ пружусъ, сколько ихъ упруждаю; я хорошо придерживаюсь Латинской пословицы: *Qui bene amat, bene castigat*, шшо есть: кто хорошо любитъ, хорошо наказываетъ, или: кого люблю, того и бью; а потому и могу всегда поручиться за порядокъ въ моей школѣ, какъ Цицеронъ за достоинство своихъ новыхъ сочиненій.

ШТРАУСЪ.

И спалъ пынь фи ихъ, и фопъ, какъ эшо насыфашешъ, поряпочно штрафуете?

Локуціусъ.

Полни день Субботный, говорю я ученикамъ моимъ въ случаѣ фигуры *моганія*, — и эшопъ лаконизмъ такъ-же сильно на нихъ дѣйствуетъ, какъ и самая сильная рѣчь Цицерона на Римскихъ Плебсаяхъ

Ш Т Р А У С Ъ .

Ну, фашъ, эши мнѣ ошнѣ спрахъ, за шпо фашъ рѣчь не вмѣшпъ на мое почъ свое шѣиспвѣ?

Л О К У Ц И У С Ъ .

Эшо предложение и для меня не менѣе удобоповашно: моя замысловатая таблица именъ существительныхъ не имѣетъ для нея существенныхъ прелестей; никакая убѣдительная рѣчь Цицерона не можетъ возбудить ея вниманіе; никакой живошворящій стихъ Горация не въ состояніи оживошворить ея сумрачныхъ лавицъ; даже самыя правильныя спряженія неправильныхъ глаголовъ не могутъ сорвать улыбки одобренія съ выпрешняго чела ея.

Ш Т Р А У С Ъ .

Ну, фашъ, она самъ сюша ишѣетъ (*Локуціусъ управляется*). Фи, Ифѣншпъ Спиршпонычъ, поспарайшесь ему поирафшться, а мой, чшопъ не помѣшашъ шамъ, укодшть.

(*уходитъ*).

А в л е к с ѣ е в ѣ .

Л О К У Ц И У С Ъ И Ш А Р Л О Т А .

Ш А Р Л О Т А . (*Задумавшись*.)

Бѣдный, милый Николай! онъ можетъ быть меня никогда не увидитъ.

Л О К У Ц И У С Ъ (*съ стороны*).

Гм! гм! Она думаетъ, что меня зовутъ *Миколой!*

Ш А Р Л О Т А .

Я никогда не забуду нашего послѣдняго свиданія!

Л О К У Ц И У С Ъ . (*утираетъ слезы*.)

Бѣдняшка! она думаетъ, что наше вчерашнее свиданіе было послѣднее...

Ш А Р Л О Т А .

Неужели я никогда тебя не увижу?

Л О К У Ц И У С Ъ .

Пойду, полечу, предстану... Но нѣтъ, пусть еще немного помучится.

Ш А Р Л О Т А .

Ахъ! зачѣмъ я иногда притворялась равнодушною къ нему?..

Л О К У Ц И У С Ъ .

Не снесу, не стерплю, не пошущу... Пойду повергнусь къ стопамъ ея, подобно тому, какъ Коріоланова мать предъ сыномъ своимъ.

Ш А Р Л О Т А .

Зачѣмъ эшопъ неспособный педаншъ, Локуціусъ, чешъ на мнѣ женшсь?

Л О К У Ц И У С Ъ . (*прислушивается*.)

Кого эшо она такъ пудритъ?.. — Вѣрно моего соперника.

Ш А Р Л О Т А .

Милый другъ! ты зачѣмъ любовь свою скрываешь, Прилешн, прилешн, скорѣй на голосъ мой.

Л О К У Ц И У С Ъ .

Ахъ, душа! ахъ, душа! ужели ты не знаешь, что швой другъ, что швой другъ споншъ передъ шбой.

Ш А Р Л О Т А .

Ахъ! когда-бъ мы могли всегда по нашей волѣ Узнавать, открывать свою судьбу-вѣршть.

Л О К У Ц И У С Ъ .

Нѣтъ! владѣть я собой уже не въ силахъ болѣ.

Полечу, побѣгу — и все опкрою ей! (*подбѣгаетъ къ Шарлотѣ и падаетъ на колѣни*.)

Владычица моего сердца, Ангелъ хранитель мой! ученосшя, таблица спряженія мѣхъ вздохѣ!

Ш А Р Л О Т А .

Ахъ, Боже мой, Ифѣншпъ Спиршпонычъ, что съ вами сдѣлалось?

Л О К У Ц И У С Ъ .

Ужели я не лишился еще швоей пламенной любви?

Ш А Р Л О Т А .

Бѣдняшка! — Онъ лишился разсудка.

Л О К У Ц И У С Ъ .

Магнетизмъ электрическихъ взоровъ швоихъ воспламенилъ во мнѣ потухавшую искру ишшшческаго ишшшшя, и я чувствую шенерь себя въ состояніи написать цѣлую Поэму, которая-бы въ высотѣ мыслей могла нѣкогда сравншться съ шшшю безсмертнаго Цицерона!..

Ш А Р Л О Т А .

Вспаншше скорѣй, вспаншше: высокія мысли ваши въ самомъ низкомъ положенш.

Локуциусъ.

Первообразные взоры твои производили во мнѣ всевозможныя времена спрадательнаго залога.

Шарлотта.

Несчастный! опъ вѣрно много спрадаешъ.

Локуциусъ.

Subiectum, то есть подлежащее всей моей назидательности, относительно сказуемыхъ твоихъ прелестей, заставляетъ посредствомъ соединительнаго союза бракосочетанія составить періодъ нашей благополучной жизни.

Шарлотта.

Онъ совершенно потерялъ разсудокъ, — а все опъ взлншней учености.

Какъ жалки наши мудрецы,
Ихъ мысли спутаны; какъ свяжи;
Они учености отцы,
А по уму такъ только дѣти.
Всегда несущъ ученый бредъ,
Ихъ умъ не можетъ просвѣтиться,
И *изъясняя* ходъ планетъ,
Въ любви не могутъ *изъясниться*.

Локуциусъ.

Объяви дѣвственная Лукреція наспоющую судьбу мою, сопряженую съ окончаніемъ конечности моего существованія, — скажи обладательница моего сердца изъяснительное наклоненіе чувствъ моихъ: къ согласованію ихъ съ синтаксисомъ моей жизни, приведи въ повелительное наклоненіе твоихъ прихотей всеопарный гений слабыхъ моихъ способностей.

Шарлотта.

Онъ часъ опъ часу болѣе и болѣе забывается: неужели я причиною его сумасшествія!.. Уйду скорѣе, чпобъ совершенно не разспроить его разсудка.

(Уходить.)

Явленіе 5.

Локуциусъ. (однѣ.)

Увы!.. Чпю можешь быть мучительнѣе любовнаго пламени?.. Когда одна искра производить во мнѣ такую жаръ, въ котормъ-бы Муцій Сцевола могъ изжарить свою правую руку, то заключая по аналогіи опъ часнаго къ общему, чрезъ нѣсколько дней въ груди моей произойдетъ такой сильный пожаръ,

что ни одна Римская пожарная команда не утупитъ его.

Явленіе 6.

Локуциусъ и Штраусъ.

Штраусъ.

Ну, и фопъ, Инфинитъ Спиритоничъ, каково иступъ фашн амурь?

Локуциусъ.

Вся моя спаранія развеселишь ее остаюшся щипными; прежде она бывало отвѣчала безсловесными улыбками одобренія на мои Лапинскія пословицы, а теперь все щипшно, все суешно: — Vanitas, vanitatum et omnia est vanitas, то есть суета суеть, всяческая суета, говорилъ всегда Цицеронъ, смотря на превращенность и суешность міра сего!.. нашихъ пышннхъ дѣвицъ даже самыя прогашельныя Тибуловы Элегіи не могутъ разспрогашъ.

Проперцій и Тибуллъ у нихъ
Слезъ никогда не извлекали,
А въ школь сколько разъ опъ нихъ
Ученики мои рыдали!..
Когда на лекціи у насъ
Спиховъ ихъ чтеніе начнется,
То всякой, уварю васъ,
До слезъ... бвдннжечка смѣется.

А. Булгаковъ.

Я жду тебя.

(Романсъ.)

Я жду тебя въ тѣни прохладной,
Гдѣ трели кащипъ соловей,
Гдѣ дышетъ воздухъ аромашной
И шепчетъ съ розами ручей;
Я жду тебя — какъ мигъ опрадный,
Какъ Ангела души моей!

Я жду тебя съ зарей въ долинь,
На лонъ мягкой муравы,
Когда свѣтило въ море спне
Заходитъ, горъ златя главы;
Я жду тебя одной въ чужбинѣ,
Какъ узникъ радостной молвы.

Я жду тебя — когда паводишь
 Въ ночи унылый свѣтъ луна,
 Задумчиво по міру ходишь,
 Какъ-бы учаспѣшь полна;
 Я жду тебя — когда приходишь
 Ко брегу сонная волна.

Я жду тебя — мнѣ дни постылы;
 Приди, приди!.. со мной вздохни!
 Мои разлука губишь силы,
 Въ послѣдній разъ, мой другъ, взгляни!
 Я жду тебя! — хопь у могилы.
 Мои мученья вспоминай! —

Ө. Кафтаревъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

43. *Торьма*, Комедія - Водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Пер. съ Фр. Н. М. — С. П. бургъ, въ Тип. Россійской Академіи, 1831 г. Въ 8. (46 стран.)

Небольшой забавный Водевиль, который можешь занявъ на нѣсколько минушь, и заспавишь ось душю посмѣяться. Переводъ хорошъ; куплеты замысловаты и остры. Въ доказательство выпиcываемъ послѣдніе изъ нихъ:

ГРИГОНАРЬ.

Во все л званія пытался,
 Но пудачи все встрѣчалъ;
 И хопь часпенько *голодаю*,
 Но все надеждою *питаю*,
 Теперь съ вопросомъ обращаюсь,
 Я вапе мнѣше знашь рѣшился:
 Въ какое жъ ремесло гожусь,
 Кошь въ крипяки ужъ не годился?

ФЕЛИКСЪ.

Какъ на пирушку разгульную —
 Друзей нагрлненькъ цѣлый полкъ;
 А закнись чупь: *дайте въ долгъ!*
 Друзья все попчасть въ разсыпную.
 Могу про всѣхъ друзей сказать:
 Они лишь изъ того дружатся,
 Чпобъ дружбы вовсе не *питаютъ*,
 А только дружбою *питаютъ*.

БАЛТАЗАРЬ.

Вино — напитокъ премудреный:
 Вошь кшо не выплелъ у того,
 И въ годовѣ нышь ничего,
 Хопь будь ось человекъ учепый;
 У пьяницъ такъ сосѣмъ не такъ:
 Изъ нихъ кшо больше выпиваетъ,
 Такъ у того, хопь ось дуракъ,
 А больше въ годовѣ бываетъ.

АМЕЛИЯ.

Хопь мы спаралися Тюрьмою
 Повеселишь васъ, какъ могли,
 Но можеть спашься вы пашли
 Тюрьму до крайности пустою;
 То оправдателься безъ труда,
 Мы можемъ испниою проспекоу,
 Чпо каждую *тюрьму* всегда
 Пріяшнѣ найши *пустого*.

К. Би — иъ.

С М Ъ С Ъ.

Въ Люэжъ, въ Швейцаріи, въ чепырехъ купальныхъ бассейнахъ, мужчины съ женщинами купаюшся вмѣстѣ; но пѣмъ не менѣ (о диво!) здѣсь царствуетъ удивительное цѣломудріе и чистота нравовъ. Каждый купающійся, какого-бы онъ не былъ пола и лѣтъ, одѣтъ въ широкій пеньюаръ, завязанный сплошно на шею и идущій до плечъ. Въ этихъ чепырехъ ваннахъ, ошдѣленныхъ одна ось другой балюстрадами, ешь скамьи, и купающійся, преспокойно сиди, находицца въ водѣ по бороду. По поверхности воды плаваютъ маленькіе сполники изъ пробковаго дерева, покрытые сосудами съ благовошными цвѣтами и со вкусными фруктами, съ плашками, книгами, шашечницами, игральными каршами, съ бушьками, подыми, прекрасныхъ винъ и проч. На этихъ сполникахъ можно завпракать, чпашать, играть и проч. Вошь, по-испнѣ, Европейское Сарданапальство!

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ГИРЛАНДА,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, МУЗЫКИ, МОДЪ

ТЕАТРОВЪ,

будеть издаваться и въ слѣдующемъ 1832 году.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ *Плюшара, Брифа, Сленина и Смирдина*; въ музыкальномъ магазинѣ *Бернара*; въ книжныхъ лавкахъ *Глазунова, Зайкина* и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ *пятидесяти* двухъ книжекъ на веленовой бумагѣ, съ принадлежащими къ нимъ картинками Модъ, рисунками модныхъ мебели и экипажей, образчиками модныхъ матерій, нотами новѣйшихъ романсовъ и шанцевъ, — въ Петербургѣ *пятидесяти*, съ пересылкою въ другіе города *пятидесяти* пять рублей.

Иногородныя особы благоволять относить съ своими пребовапіями: Въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или адресуя слѣдующимъ образомъ: Въ *Коптору Издателя Гирланды. Въ Санктпетербургѣ.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и дивья доставка
в альф въ книжный Мага-
зинъ А. Ф. Смирдина или
И. В. Сленина, подпись-
вая на опыть: *Издателью*
Свернаго Меркурия.

№ 50.

Выходитъ по Понедѣль-
никамъ, Средамъ и Пят-
ницамъ. — Цѣна за годовое
изданіе, состоящее изъ 156
NN и двухъ помовъ, на
вѣлечевои бумагѣ съ 24
картинками Модъ, 55 р;
съ доставкою на дома
и интересыякою въ города
42 рубли.

1831, 27 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ТРЕТИЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

ДОМАШНЕ ДОМОВЫЕ (*).

ГЛАВА XVII.

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паде-
ніе, посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась
въ другихъ мѣстахъ?..

Н. Полевой.

Plus des héros en mal comme en bien.

Larochfoucauld.

Если я обратюсь опять къ Е. Лугову, если опять
и въ этой главѣ ни слова не упомяну о Маюръ и его
дочери — певѣсть, то не будетъ ли это чрезвычай-
ная смѣлость, которую я себѣ дозволяю, какъ-бы
играя вашимъ терпѣніемъ, почтенные чинашеля?
Нѣтъ, вы не обвините меня: я чувствую. Что за
удовольствіе чинать вамъ о суматохѣ, шумѣ, и проч.
и проч., которые происходятъ теперь въ домъ Маю-
ра, Захара Захаровича: право, кажется мнѣ, что
это нисколько не занимательно: эшь диковинки ви-
димъ мы довольно часто. Припомъ же *finis coronat
opus*, говоритъ Лашинская пословица (**), а пошому
вы и увидите свѣтлыми очами своими, что если я
обращусь къ Максиму Фёдоровичу, то будетъ луч-
ше. И такъ позвольте начать...

(*) Сид повѣсть, состоящая изъ двухъ частей, поступить въ
скоромъ времени въ печать. Чинашеля видать ея достони-
сивно по отрывкамъ.

(**) Это что-то напоминаетъ *Локуциуса*. (См. 49-й No Св.
М.) — *Прим. Корректора.*

Комната, въ которой теперь, почтенные чинаше-
ли, находилась вовсе незнакомые вамъ люди, (о ко-
торыхъ, впрочемъ, мы будемъ сей часъ говорить), бы-
ла такъ пуста въ отношеніи къ мебели, что хоть,
по пословицѣ, шаромъ покати. За то, какъ изоби-
ловала эта комната исписанною бумагой, пескомъ на
полу, грязью... ужасъ! Едва только верхнее спес-
кло окошекъ пропускало помпо свѣтъ въ комнату,
прочія-же были загромождены кипами бумагъ. Подлѣ
одного окна, у стола, довольно неопрышнаго, сидѣли
два человекъ. Одинъ изъ нихъ былъ *сидъ*, другой *едва
брадою опушался*. По всему было замѣтно, что
они оба потрудились въ этотъ день: такъ лица ихъ
были печальны, или, какъ говорятъ пные, измяпы.
Старикъ хранилъ молчаніе. Товарищъ его, по види-
мому, желавшій прервать мертвую тишину, цар-
ствовавшую вокругъ нихъ, поправивъ свой засаленный
галстухъ, и, положи перо себѣ за ухо, началъ:

«Какъ же мы, Селифонъ Марковичъ, согласимъ-
ся въ споръ нашемъ о земномъ шаръ-то?»

— «Охъ! ужъ пы мнѣ съ земнымъ шаромъ» — оп-
вѣчалъ старикъ: » ну кто спорить съ побойю объ
этомъ: да и къ чему? Шаръ! Господи помилуй! Мнѣ
какая нужда!.. Шаръ, такъ шаръ; не шаръ, такъ
не шаръ: я не спорю, опиважись, ради Бога!»

«Да нѣтъ, позвольте-же доложить вамъ, что, при-
мѣромъ сказать, если, на примѣръ... возьмемъ примѣ-
ромъ-съ, вопъ этотъ яблокъ...» сказалъ товарищъ,
вынимая его изъ кармана.

— «Ну такъ что? яблокъ — да и вся не долга»
сказалъ старикъ, ослаблъ.

« Яблокъ-съ! гмъ!... Да дѣло-то шупъ не въ лб-локъ: извольте видѣть, если я посажу на него муху, оборвавъ у нея крылья, и буду оборачивать его исподоволь-съ, по какъ думаете вы, упадетъ-ли муха-съ?... »

— « Упадетъ-ли? Смѣшонъ шы мнѣ! Нуп-ко, переверни шебя — удержишься-ли? А шо муха!... Известно, что упадетъ!... »

« Вошь въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Теперь вы можете удостовериться, что шаръ... »

— « Га! Господи Боже мой! Долго-ли? . Чпо же шы хочешь, чшобъ я ушелъ?... »

« Эхъ, Селифонъ Марковичъ, чпожъ вы бѣснесь: вошь и самъ Его Высокоблагородіе, хопя шо же учил-ся-то на мѣдныя деньги, а не бось, когда мы какъ-то поразговорились о шаръ земномъ, шо и ему очень эшо понравилось: онъ самъ желалъ-бы сдѣлаться шаромъ, шолько съ шѣмъ условіемъ, чшобъ вмѣсто мухъ, клали на него дьвгн. »

— « Это другое дѣло, скоро ему придется ихъ класъ на другихъ. »

Лишь шолько любитель земнаго шара хопѣлъ чшопшо говорить, какъ дверь въ комнату отворилась и вошелъ Лгуновъ со своими провожатыми; Географическія лекціи кончились, и разговоръ получилъ совсѣмъ другое направление.

« За чшо? » спросилъ старикъ приведшихъ Лгунова: « по какому резонпу привели вы его сюда? »

— « Они, Ваше Благородіе, Селифонъ Марковичъ, изволили упасть на улицъ—опвѣчалъ одинъ изъ сихъ мужей, кошорыхъ одѣяніе я уже имѣлъ честь описать въ прошедшей главѣ. »

« Гмъ, слѣдственно вы, сударь, находитесь въ не-презвомѣ состоіаніи, съ позволенія вашего—сурово сказалъ старикъ Лгунову. »

— « Есть-съ малость-съ » — опвѣчалъ нашъ женишокъ, едва поворачивая языкомъ. »

« Малость? . нѣтъ, сударь, эшо не малость » — возразилъ старикъ: « вы подаете поводъ къ безпорядкамъ; въ слѣдствіе чего мы и должны васъ предупредить, куда съѣзжаетъ. »

Какое-то глухое мычаніе Лгунова было на сіе опвѣшомъ. »

Старикъ заворотилъ обшлага своего фрака, придвинулся къ сполу, и сказалъ провожатымъ съ важностию, приличною лишь однимъ Судьямъ Греческа-

го Арсенага: « Спупайте! — А вы, Милоспивый Государь, здѣсь перепочуете. Завтра-же мы предста-вимъ... нѣтъ, за чѣмъ завтра... вы, сударь, будеше представлены сегодня-же, по начальству. Кузьма Кузьмич! приготовьте-ко лепоршець » — прибавилъ онъ, обращаясь къ Профессору земнаго шара. »

— « Слушаю-съ » — опвѣчалъ шопъ: « да надобно оплепоршовать вѣдь по пунктамъ-съ, именно за шо, шо, шо, шо, какъ прикажете? »

« Какъ! помилуйте! неужели для него будемъ мы еще ломать головы: пишите лепоршъ, какъ вамъ кажется лучше. »

— « Слѣдственно » — сказалъ нашъ Географъ, принимаясь за перо: « мы оплепоршуемъ, чшо вышеозначенный господинъ взять за пьянство и буянство? »

« И дѣло съ концемъ, пишите » — воскликнулъ Селифонъ Марковичъ, нюхая пабакъ. »

Между шѣмъ Максимъ Федосовичъ сидѣлъ на скамейкѣ, какъ окаменѣлый: ни малѣйшаго движенія не было въ немъ замѣшно. Скрипъ пера Коперника новѣйшаго времени нарушалъ лишь тишину, воцарившуюся оплшь въ сей бумажной дододи. »

« Гоповъ-съ » — вскрикнулъ Географъ, положивъ перо за ухо... »

— « Чшо? » — спросилъ шоропливо старикъ: « никакъ опить о земномъ шарѣ!... »

« Нѣтъ-съ. Чшо эшо мерещится вамъ все земной шаръ: викакъ ужъ и вы, Селифонъ Марковичъ, полюбилы науку Эвграфію? Я говорю, что гоповъ лепоршъ-съ. »

— « Ага!... Не угодноти-съ » — сказалъ старикъ, обращаясь къ Лгунову: « иди вошь за эшимъ господиномъ. » Гупъ указалъ онъ на веледѣннато Географа, подходящаго къ сонному Лгунову, кошорый давно уже храпѣлъ. »

Во время сего аншракша вдругъ дверь въ комнату отворилась — и кто же явился?... Какъ вы думаете?—Кузьминична. »

« Низменно кланяемся всей честной компании—сказала она, дѣйствительно нагнувъ коспяную спину свою, какъ шолько было ей возможно.—« Какъживаете, бапюшка, Селифонъ Марковичъ? — А шы, Кузьма Кузьмичъ, песка мой по опчестству, радъ-ли гопшь? » — промолвила она, улыбаясь. »

— « И душой и шѣломъ: словно родной матерн » — опвѣчалъ нашъ мудрецъ. — « Чшо же, Кузь-

мнична, какую вѣспочку принесла мнѣ про Анну Захаровну? а?...

« За шѣмъ-то, свѣшникъ мой, я и припащилась къ тебѣ » — отвѣчала она: « да только, изволишь видѣшь, здѣсь говорить-то не мѣсно... »

— « Какъ не мѣсно? Селифонтъ Марковичъ только не любитъ, когда спануть говорить про Экграфію, а то для него все равно. Развѣ вопъ эптопъ-молочникъ подслушаетъ » — прибавилъ онъ, указывая на спящаго Лгунова: « да не бось: такъ любезный накатился, что чуть дышитъ. »

Кузьминична вперила очи свои на Лгунова, и немолчавъ немного, вскричала, ударивъ себя по лбу: « Батюшки мои свѣны! Ахъ я дура необразованная! Что дѣлать мнѣ! Онъ здѣсь!... Кузьма Кузьмичъ, продай!... »

— « Куда?... Что съ тобою? — Ты блѣднѣешь! » спросилъ Кузьминичну нашъ изумленный сими-возгласами Географъ.

« Блѣднѣешь » — прибавилъ старикъ: « словно кирпичъ въ обжигательной печи... »

— « Эхъ! » возразила Кузьминична: « полно, Селифонтъ Марковичъ, балагурить: право не до шутокъ. Ты же! » продолжала она, обращаясь къ Географу: « считаешься еще дѣловымъ, а не можешь различить врага отъ пріятеля... »

« Что-жъ это, притча?... »

— « Нѣтъ, это не притча, а человекъ: знаешь-ли ты его? »

« Нѣтъ! »

— « Вѣдь это женихъ дочери Захара Захаровича: твоей соперникъ — будущій » — прибавила она, понизивъ окпаву свою.

« Какъ! » вскричалъ воспаленный праведнымъ гнѣвомъ мудрецъ: « Это Лгуновъ! Спасибо, Кузьминична, что глаза открыла: прежде моей сватъбы не выйдетъ отъ опсеода; за это ручаюсь. »

— « На томъ спонмъ » — произнесъ старикъ прощически.

Кузьминична, не мѣшкая, стала собираться въ дорожку, и, выходя изъ комнаты, сказала нашимъ героямъ, съ нѣкоторою болзнію: « Что и говорить! люди вы неглупые: только, ради Бога, не замѣшайте въ это дѣло меня, старуху. До свиданія, Кузьма Кузьмичъ: я тебя буду ждашь, какъ мы условились; а ужъ дѣло обработать — забота моя. » — Кузьминична вышла.

Въ продолженіе же сей сцены Лгуновъ храпѣлъ сномъ богатырскимъ.

Спи! — Можешь быть тебя убаюкиваютъ теперь мечты сладостныя, поэтическія; но пробужденіе швое, Максимъ Федотовичъ, будетъ слишкомъ прозаическое!...

Разсказывали-ли дальше? опустимъ лучше заглазѣть; это дѣйствіе — не занимательно; и должно-ли еще распрспраняться дальше?...

Тишина вечера была восхитительна. Шумъ по улицамъ спалъ умолкать: кажется, все обшало спокойную ночь въ здѣшнемъ окологѣ. Но, Боже мой! откуда валитъ клубомъ эптопъ дымъ? смотрите, смотрите, какъ зарево пожара распрспраняется, багровѣетъ. Это пожаръ! такъ тихо. Прислушай шесь, какая идетъ тревога: смотрите, какъ леплятъ огненныя головни! Нѣтъ сомнѣній, это пожаръ. Но какой злополучный подвергся ему: несчадію?...

По широкой улицѣ мчалась коляска въ чепыре лошади: въ ней сидѣлъ красивый мужчина въ военномъ мундирѣ; бѣлый сулпанъ красиво развѣвался по шреугольной его шляпѣ. Подъ него сидѣла, или, лучше сказать, лежала молодая дѣвушка, въ самомъ цѣлѣтѣ юности. Блѣдыя щеки ея не препятствовали бытъ ей прелестною. Офицеръ, какъ было видно, утѣшалъ ее; но она лежала въ совершенномъ безпамятствѣ.

Коляска повернула за уголъ — народъ разступился. Сильный взрывъ раскаленного бревна — освѣшилъ блѣдное лице сполвшей у забора старухи.

« Святой угодникъ! » вскричала Кузьминична (ибо это была она): это Анна Захаровна. Домъ Маіора горитъ! Пресвятая Дѣва! — Но впрочемъ » — прибавила она, быстро побѣжавъ къ пожару: « все къ лучшему. Авось спѣси-то поубавишся у этого спаричишки! будетъ на нашей улицѣ праздникъ. »

Толпа скрыла отвращительную старуху, и только вѣперъ разнесилъ голосъ ея пѣсн:

Не долго вѣпочку на спѣбникъ вѣсѣть;

Не долго Аняпушкѣ и проч.

Ө. Д. — и — оз.

(Продолженіе будетъ.)

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ.

Зови меня, къ себѣ зови:
 Въ пвонхъ очахъ блиспають нѣга
 И наслажденіе любви,
 А на щекахъ цвѣтъ розъ и стѣга...
 Я не могу тебя полясть...
 Скажи: что сдѣлалось съ тобою?...
 — «Ты мужъ... я все тебѣ открою —
 Но... какъ тебѣ не опрадать?»

И путь съ застѣчивостью сладкой,
 Закрывъ прекрасные глаза,
 Она вздохнула — и украдкой
 Въ багнисьтѣ скатилася слеза.

Карлофъ.

С М Ъ С Б .

— Вотъ, что толкуютъ Парижане о спрашннй госпѣ — Холерѣ, которую въ Россіи уже почти забыли, а если и помнятъ, то лишь пошому, что Монархъ и Правительство наше своими попеченіями, своими благошвореніями, своимъ великимъ себязабвеніемъ; — заронили глубоко въ сердца наци искру признательности. Заимствуемъ то, что говорятъ одинъ остроумный Французскій Журналъ:

»Вѣрите-ли вы тому, что насъ посѣшилъ *Холера-Морбусъ*?... Когда пожалуетъ она въ Парижъ?... Такіе-то вопросы нынѣ дѣлають, встрѣчаясь знакомые на улицѣ, въ госпннхъ, въ Театрѣ, въ церквахъ, на биржѣ. Только и рѣчей, только и мыслей о Холерѣ, и, одаренная болъшею силою, чѣмъ краснорѣчивѣйшіе, убѣдительнѣйшіе доводы, эта зараза можетъ свергнуть духъ паршій и Политическіе полки, — сіи два ужаснѣйшія зла. Боязнь завладѣла всѣми умами, и вотъ теперь-то приспѣло золотое времячко для шарлапановъ и обманщиковъ. Взгляните на всѣ стѣны въ столицѣ: онѣ извѣшаны пестрыми объявленіями о предохранительныхъ и лекарственыхъ средстввахъ! — Всякой предлагаетъ свою эссенцію, свой спиртъ, свою мазь, свою помаду, свой уксусъ... Недостаетъ намъ лишь какаго нибудь двойника Доктора Фоншанароза, поющаго на сценѣ.

Approchez tous, venez m'entendre,
 Moi l'ami de l'humanité,
 A juste prix je viens vous vendre
 Et le bonheur et la santé;

Mon Elixir odontalgique
 Détruit partout, c'est authentique
 Et les insectes, et les rats,
 Dont j'ai là les certificats.....

О! какъ же вооружаються въ столицѣ Парижа прошивъ эпидемію бича, кошорый уже лдовншымъ хвостомъ своимъ успѣлъ спегнуть по всей Европѣ. Здѣсь бѣлье, напитки спиртами и уксусомъ; шамъ сосуды съ водою, разведенною съ хлоромъ противу-заразительнымъ. На каминахъ букетцы ельника, да лимонныя корки, напертыя гвоздикомъ, и не думайте, чтобы мы, въ отношеніи къ предосторожностямъ, на этомъ бы остановились. Слухи носяся о платьяхъ, рубашкахъ, шаляхъ, пшавъ коихъ напишана хлориновымъ растворомъ, о какихъ-то предостерегательныхъ порошкахъ, долженствующихъ замѣнить табакъ... Бѣдная Холера! — Ей будетъ очень трудно войти въ Парижъ, ибо пригосовленъ ей приемъ самый непріятельскій, и, конечно, каждый будущъ будетъ непреодолимою для нея крѣпостцою.»

Такъ говорятъ теперь, господа Парижане, изъ всего дѣлающіе игрушку; но посмотримъ: какъ-то закоютъ они послѣ; не дай Богъ имъ имѣть Холеру въ такой силѣ, въ какой она была въ Петербургѣ; глашатаи Памать не то, что наши Русскіе Вельможи, столь великодушно жертвовавшіе въ сіе время народнаго бѣдствія, не шокмо своимъ спокойствіемъ и имуществомъ, но даже самую жизнь, для оказания пользы человечеству, и для ушѣшенія обожаемаго ими Государя, коему служатъ они Вѣрою и Правдою, съ радостію въ сердцѣ, неся всѣ возлагаемыя на нихъ труды.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Подписка на *Сверный Меркурій* въ 1832 году принимается у всѣхъ извѣстныхъ въ С. Петербургѣ книгопродавцевъ. Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN^о и двухъ томовъ, 35, съ доставкою на дома 40, съ пересылкою 45 р.

Иногородныя особы благоволятъ опноситься съ своими пребоваціями: *Въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или: *Въ Коллатору Издателя Свернаго Меркурія*. *Въ Санктпетербургъ.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Съвернаго Меркурія.*

№ 51.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 29 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Третій томъ *Съвернаго Меркурія*, (оглавленіе котораго раздается при семъ 51 No), содержащій въ себѣ *семьдесятъ семь* нумеровъ за *первую* половину 1831 года, на веленовой бумагѣ, переплетенный въ цвѣтную обертку, вышелъ, и подписавшимся особамъ здѣсь въ С. Петербургѣ, раздается въ пѣхъ книжныхъ лавкахъ, въ коихъ онъ подписывался; для иногородныхъ же пренумерантовъ надлежащее количество экземпляровъ доставлено въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію.

Сей томъ особенно продается въ книжныхъ лавкахъ по *пятнадцати* рублей экземпляръ.

Въ семъ *томѣ* заключается: въ отдѣленіи *Прозы*: (Повѣсти, Анекдоты, Спашы о правахъ и проч.) всего числомъ 78; 80 стихотвореній; 80 Библиографическихъ и Театральныхъ спашей; въ *Смѣси* помѣщено до 200 разныхъ мелкихъ спашей, въ томъ числѣ 115 Анекдотовъ.

Подписка на *Съверный Меркурій* въ 1832 году принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ. Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее

изъ 156 NN и *двухъ* номеровъ (*) на веленовой бумагѣ, въ Санктпетербургѣ 35, съ доставкою 40, съ пересылкою 45 рубли.

Иногородныя особы благоволящія отнositъ ся съ своими требованіями: *Въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію; или адресуя: Въ Контору Издателя Съвернаго Меркурія. Въ Санктпетербургѣ.*

Б Р О Д Я Щ І Й О Г О Н Ъ (**).

(Изъ *Малороссійскихъ былей и небылицъ.*)

Скачетъ, летитъ богатырь къ Кіеву. На богатырь доспѣхи воронены, и булатный мечъ его, вислѣщій на серебряной цѣпи, тяжело бьетъ по ребрамъ коня борзатаго, богатырева товарища вѣрнаго. Не съ пышнаго пира княжескаго возвращается выплязъ: возвращается онъ съ пира кроваваго, гдѣ острый

(*) Поелику пудбно *собираетъ* Газету, издающуюся листками, кон, въ продолженіе года, шершуетъ и приходилъ въ вѣхосишь, а пошому подписавшіяся особы, по минованіи *каждаго полугодія*, получаютъ *томъ*, состоящій изъ 78 No, особо переплетенный.

(**) Сей опривокъ изъ *Малороссійскихъ Былей и Небылицъ* (изданіе коихъ приготавливается Авшоромъ въ полномъ Собраніи) и слѣдующее за нимъ стихотвореніе *Барона Розена*, заимствованы изъ *Альціоны*, Альманаха на 1832 г., издавнаго симъ послѣднимъ. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ *Съв. Меркурія* на 1832 годъ мы напечаталъ подробный разборъ Альціоны. Альманахъ сей продается въ книжныхъ лавкахъ по 10 р. экземпляръ.

Изд.

мечъ его начерталъ глубокими браздами на шлѣхъ Касожскихъ имя Велесилово.

Скачешъ, лепишь богатырь къ Кіеву. Тамъ ждетъ его цѣвствіа вѣрная, Милава прекрасная. Давно уже выплязъ и дѣва юная обмѣнялись кольцами; и только война суровая разлучила на время два сердца, пѣвшія пламенемъ чистымъ, предпразднеспвомъ пламенниковъ брачныхъ.

Но что за сній, перелетный огонекъ мелькаетъ въ туманной мглѣ зыблущимся свѣтомъ? Винизъ ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ, думая, что то былъ духъ, искуситель путниковъ; но огонекъ не исчезаетъ, и далѣ, далѣ переносится съ приближеніемъ Велесила.

«Если ты духъ, то исчезни; если чародѣй, то яви свою враждебную силу въ борьбѣ со мною!» воскликнулъ выплязъ, и бодро пустился вездѣ за обманчивымъ сіяніемъ. Борзый конь, храпя, перескакиваетъ чрезъ ограду, и выплязъ мчится по могиламъ; и сній огонекъ перелезаетъ съ одной на другую, безпрестанно уносясь опъ выплязъ.

Печально было мѣсто, гдѣ скакать тогда богатырь: то было селеніе усопшихъ — кладбище мирное. Вопъ сній огонекъ на одной могилѣ зацепился непоспояннымъ свѣтомъ. Винизъ шуда . . . то была свѣжая могила: примятый дернъ еще не успѣлъ подняться на ней ковромъ бархатнымъ. И вдругъ сній огонекъ исчезъ — и густой мракъ охватилъ окрестность.

Конь богатыря храпѣлъ, и, приклонивъ голову билъ копытомъ землю. Въщая тоска впилась въ рептивное сердце; выплязъ молвилъ: «Не добро ты чувствуешь, борзый конь, вѣрный мой товарищъ! не къ радости ты занываешь, бѣдное сердце! Видно, здѣсь положены предѣлы пути моему; видно, здѣсь похоронены все мои радости.»

И сошедъ съ коня, выплязъ припалъ ко кресту могильному, какъ будто въ немъ только видѣлъ все родное въ жизни. Конь сіючалъ по прежнему съ поникшей головою, и билъ копытами землю. Долго грустные думы смѣнялись въ душѣ Велесила; наконецъ легкій сонъ спорхнулъ на его вѣжди.

И виднѣть опъ: изъ райскихъ сѣней, изъ садовъ вѣчно-земныхъ выглядываетъ ликъ Милавы, сіяющей зарею безсмертія. Милава привѣтливою, неземной улыбкой манитъ къ себѣ жѣниха своего И вдругъ ужасный громъ, разразившись въ воздухъ, упалъ огненной струею и прервалъ видѣніе Конь взвился на дыбы; но выплязъ сидѣлъ недвижись.

Тихое утро ясно горѣло послѣ бурной ночи. Люди пришли на кладбище, отдавъ послѣдній долгъ одному усопшему собрату. Они нашли Велесила мертвого на могилѣ прекрасной Милавы.

II. Байскій.

КАРТИНА: LA TOILETTE.

Невинно радуясь молодой,
Священной дѣвственной природѣ —
Въ сей наготѣ заповѣдной,
Въ сей поэтической свободѣ!
Гляжу на чудныя красы!
Съ какой любезностію ловкой
Ты чешешь длинныя власы!
И грудь, тѣснимая суровкой,
Полураскрыта и пышна —
Какъ будто розовыхъ двѣ почки
Глядять изъ складокъ оболочки! —
Въ избыткѣ роскоши она
Выходитъ жизнию полна,
Изъ за каймы твоей сорочки,
Подъ черной шучею власовъ —
Какъ море пѣги изъ береговъ!
Младой подобная богиня,
Ты такъ спокойна при мужичьяхъ!
Когда бъ нежданно опъ лучей
Монхъ восторженныхъ очей
Зажегся жизни пламень яркой
Въ твоихъ очахъ, и ты бы вдругъ
Дохнула юностію жаркой —
Тогда бъ увидѣлъ я, мой другъ,
Твою внезапную стыдливость,
Твоихъ движеній страхъ и живость —
Ты вмгъ накупила бъ власы
На опъ полныя красы! . . .
О, цѣпь! съ цѣвничестію дѣвскою,

Въ непаньи суетности свѣтской,
 Не испугалася-бы ты
 Своей прекрасной наготы!
 Поворожденное творенье,
 Умильной радости полна,
 Ты бѣ озиралась въ удивленья,
 Какъ первородная жена!
 Ты бѣ отдалась земной судьбинѣ;
 Ключемъ въ груди забила бѣ кровь —
 И *первыми* чувствомъ, при мужчинѣ,
 Была бѣ не робость, а любовь.

Баронъ Розенъ.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ:

Бѣги, не жди моихъ объятій!
 Къ тебѣ подкралася змѣя!
 Мой поцѣлуй — печать проклятій;
 Пустой обманъ любовь моя.
 На мовъ страстнаго забвенья,
 Я пилъ изъ чаши упоенья
 Устами жадными любовь;
 Я талъ, дѣву обнимая,
 Я распалъ мечны и кровь,
 И пресыщенья жаждалъ вновь,
 Разоблаченную лобзал.
 Не долго пребылъ мигъ любви,
 Не долго въжгль грудь младую:
 Имъ полно я мечны мои!
 И перси бѣлыя твои
 Разочарованный цѣлюю.
 Обманъ была любовь моя;
 Забудь меня, не жди отвѣта:
 Твоимъ лобзаніемъ сорвана,
 Къ тебѣ ласкается змѣя! —

Эдуардъ Губеръ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

44. *Часы свободы въ молодости* Федора Львова. *Два*
части. С. П. бургъ въ Типографіи Императорской
 Россійской Академіи, 1851. Въ 8. (238 перв. ч. 288,
 во втор. 176 стран.)

Ө. П. Львовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ Писа-
 телей, которые занимаютъ Литературою для соб-
 ственнаго удовольствія въ истинномъ смыслѣ сего

слова, и для домашняго своего круга, повидимому, во-
 все не желая пользоваться известностью въ современ-
 ной публикѣ, а еще пьмъ менѣе, чтооъ заболитъ
 о сохраненіи литературнаго своего имени въ попом-
 ствѣ. Въ первой части сего собранія помѣщено всего
 на все *двадцать два* стихотворенія. Ни одного изъ
 нихъ пьшь, которое превышало-бы четыре страниц-
 ки (чпо, впрочемъ, и весьма хорошо), и ни одного
 изъ нихъ пьшь, на которое надлежало-бы обратитъ
 вниманіе. Почти все они написаны на разные случаи,
 могуціе встрѣтитъ не только въ продолженіе мно-
 гольтней жизни; но обыкновенно бывающіе и каждый
 день. Положимъ, напримѣръ, если-бъ я, вставъ ныче
 поутру, и написавъ эту статью о Сочиненіяхъ Ө.
 П. Львова, написалъ-бы попомъ куплетъ или два,
 въ ознаменованіе сего случая, подъ названіемъ: *По-*
слуга написанія статьи о сочиненіяхъ Ө. П. Львова.
 Помомъ послалъ-бы къ пріятелю записку, приглашая
 его къ себѣ завтракать, и эту записку написалъ-бы
 также стихами: что и вышло-бы въ родѣ того сти-
 хотворенія, которое напечатано въ сочиненіяхъ Г.
 Львова на стран. 179: подъ названіемъ: *Приглашеніе*
на завтракъ. Пріятель мой прѣзжаетъ, и чтооъ до
 завтрака имѣть какое нибудь занятіе, я предлагаю
 ему переписать написанные мною стихи; а самъ
 между тѣмъ, пока онъ переписываетъ, сажусь и пи-
 шу стихи въ благодарность за его трудъ: чпо и вы-
 шло-бы въ родѣ того стихотворенія, которое напе-
 чатано въ Сочиненіяхъ Г. Львова на страницѣ 179-й
 подъ названіемъ: *Другу, за переписку моихъ стиховъ.*
 Во время завтрака я получаю отъ другаго своего
 пріятеля подарокъ: онъ, зная, что у меня не было
 книги для выписыванія моихъ стиховъ, прислалъ мнѣ ее.
 Въмѣсто того, чтообы отдѣлаться однимъ *спасибо* и
 поклономъ, я сажусь, пишу ему въ отвѣтъ
 стихи, и отсылаю ихъ съ тѣмъ же человекомъ,
 который принесъ книгу. Эти стихи образовали-
 бы чтоо подобное въ родѣ той пьесы, которая
 напечатана въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стран.
 120-й подъ названіемъ: *Л. Н. Л., при полученіи*
отъ него книги для стиховъ. Послѣ завтрака, раз-
 судивъ прогуляться по Невскому проспекту, я, вмѣ-

сто того, чтобы пригласить двумя словами *изустно*, сажусь и пишу стихи, подобные шѣмъ, которые напечатаны въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стр. 133-й подъ названіемъ: *Приглашеніе на гулянье*. Предполагая возвратиться домой къ обѣду послѣ прогулки мнѣ разсудилось пригласить къ нему одного своего приятеля, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать сіе просто чрезъ слугу, я сажусь и пишу къ нему стихи: что и вышло-бы въ родѣ той пьесы, которая напечатана въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стр. 231-й подъ названіемъ: *Приглашеніе къ обѣду*. — Возвратясь домой съ прогулки я нахожу у себя подарки отъ двухъ знакомыхъ мнѣ дамъ, которыя, зная, что я охотникъ писать стихи, прислали мнѣ: одна агатовую песочницу, а другая перья. Я сажусь, и, въ благодарность, пишу каждой изъ нихъ по стихотворенію: изъ коихъ одно было схоже съ шѣмъ, которое напечатано въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стр. 157-й, подъ названіемъ: *На Агатовую песочницу, полученную въ подарокъ*; а другое съ шѣмъ, которое напечатано на страницѣ 269-й подъ названіемъ: *Благодарность за перья*.

Такимъ образомъ, читатели, какъ я полагаю, убѣдились въ истинѣ сказаннаго мною выше: то есть, что почти всѣ стихотворенія Э. П. Львова написаны на такіе случаи, которые могутъ встрѣчаться каждый день, и которыхъ каждый же день можно писать по дюжину. Слѣдственно Критикъ, въ настоящемъ случаѣ, освобождается отъ дальнѣйшаго соображенія и оцѣнки литературнаго ихъ достоинства.

А. З.

С М Ъ С Б.

Нѣсколько словъ въ свое оправданіе.

Этимъ 51-мъ № заключается полугодовое изданіе *Слв. М.* первой половины въ 1831 году, ибо номера съ 52 до 78 (съ 1 Мая до 1 Июля) вышли въ свое время и выданы сполна.

Разумѣется, несвоевременный выходъ Журнала всегда непріятенъ для особъ, подписывающихся на о-

ный, хотля, въ отношеніи *литературноли*, онъ не можетъ имѣть вліяніе на любопытство читателей: это не Газета политическая, сообщаемая въ которой извѣстія важны повсѣмю *въ свое время*; прочитавъ же статью сатирическую, Повѣсть, Анекдотъ, стихотвореніе, все равно что въ Январѣ, Апрѣлѣ, Июлѣ, Октябрѣ, зимою, весною, лѣтомъ или осенью. При помѣщеніи же Библиографическихъ, Театральныхъ или другихъ какихъ либо случайныхъ статей (при которыхъ всегда означались *числа* для яснаго означенія того времени, къ которому онѣ относятся), — Издатель *Слв. М.*, не могъ не впасть въ анахронизмы, которые, впрочемъ, не вредны для читателей, и напротивъ были полезны для литературныхъ его противниковъ, нашедшихъ удобный случай пооспориться надъ этимъ обстоятельствомъ.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но это говорится Издателемъ *Слв. М.*, не въ предверіи *къ будущему*, но въ извиненіе *прошедшаго*: ибо впередъ этого не будетъ, и Меркурій спешитъ издаваться въ свое время.

Не смотря, что сверхъ посылавшихся въ теченіе года къ подписавшимся особамъ *листокъ*, къ нимъ доставленъ полный экземпляръ, состоящій въ шестемъ томъ сего изданія, особо перенесенномъ, — если нѣкоторые Гг. Пренумеранты сохранили сіи листки въ продолженіе года, и если, для составленія другаго экземпляра, у кого иибудь изъ нихъ недостаетъ нѣсколькихъ номеровъ, которые, быть можетъ, по какимъ иибудь обстоятельствомъ, не получены ими, или заперяны, или пришли въ ветхость, — то онѣ, если имъ угодно, могутъ уведомить о томъ *Котору Издателя Слв. М.*, и по полученіи сего извѣстія, пребуемые номера немедленно будутъ къ нимъ посланы. Такимъ образомъ они будутъ имѣть возможность составить другой экземпляръ *третьяго* тома *Слв. М.*, который могутъ употребить для подарка.

Сверный Меркурій въ слѣдующемъ 1832 году будетъ издаваться по прежнему литературному плану, съ присовокупленіемъ только сатирической Газеты (подъ названіемъ: *Арлекинъ*), которая будетъ въ немъ помѣщаться постоянно по два раза въ мѣсяцъ.

Изд. *Слв. М.*

27 Декабря 1831.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 31 Декабря 1831 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпцова, подписывая на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурія.*

№ 52.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 1 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Нумера *Севернаго Меркурія* съ сего 52 Но будутъ выходить въ назначенные дни: по *Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ.* — Въслѣдствіе съ ними будутъ выходить номера, слѣдующіе съ 6-го Марта по 1-е Мая, т. е. съ 28-го Но по 52-й. О выходѣ сихъ номеровъ будетъ объявляться особо.

Модныхъ картинокъ будетъ прилагасмо по *три* въ мѣсяць; о чемъ также будетъ публикуемо особо. Слѣдственно, число оныхъ составитъ въ теченіи 8 мѣсяцевъ — *двадцать четыре.*

ПИСЬМО ИЗЪ ЗА КУБАНИ,

писанное въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1830 года.

Quid ridet? Mutato nomine de te fabula narratur.

Исполняя твое желаніе, любезный Александръ, я беру перо, чтобъ описать тебѣ мое пребываніе за Кубанью. Не буду говорить о дѣйствіяхъ противъ Горцевъ, происходившихъ въ нынѣшнемъ году; по скажу о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ мною на Алкасѣ (1). — Первые и безъ того будутъ описаны какимъ нибудь Историкомъ; послѣдніе разскажутъ мною для утѣшенія грустной разлуки.

Въ 30-ти вершинахъ отъ Г. Екаперинодара, въ верхъ по теченію Кубани, находятся нѣкоторые Аулы

мирныхъ Черкесъ; подъ управленіемъ Темиргойскаго Князя Алкаса, старца 95-ти лѣтъ, перешедшаго въ подданство Россіи, еще въ царствованіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ второй. Экспедиція, совершенная въ Октябрѣ мѣсяцѣ; раздражила Горцевъ племена, обитающія близъ сихъ новыхъ нашихъ соотечественниковъ; копорые, опасаясь мщенія; столь у нихъ обыкновеннаго, должны были, по волѣ своего спартышнина Алкаса, переселиться ближе къ Кубани, дабы имѣть, въ случаѣ нападенія, вѣрную защиту нашего Правительства, которое печется съ равною любовію и о сихъ дикихъ чадахъ природы. И такъ, вотъ случай, по которому опять пришлось мнѣ побывать за Кубанью и посмотреть житье-бытье Черкесъ, о домашней жизни коихъ и здѣсь еще не имѣютъ вѣрныхъ понятій.

1-го Декабря, я былъ уже съ своимъ батальономъ на бивуакахъ, близъ Черкесскаго аула, который далъ слово въ продолженіе десяти дней переселиться подъ прикрытіемъ нашего оружія. — Офицръ состоялъ только изъ одного батальона и двухъ легкихъ орудій, подъ командою храбраго Маіора Коробова.

На прекрасной долигѣ, пересѣкаемой излучистымъ ручьемъ, раскиданъ былъ аулъ, называемый Хабль-Ю, въ коемъ считалось болѣе нежели 200 саклей или избъ, гдѣ укрывались бурные сыны Кавказа и лѣзлялись черноокія красавицы, подруги ихъ полудикой жизни. — Князь Алкасъ былъ очень доволенъ защитою, приращною съ нашей стороны, и съ совершеннымъ добродушіемъ готовъ былъ на все услуги, которыя

сосполян въ доставленій за деньги фуража и съѣстныхъ припасовъ, что самое возродило частыя сношенія нашихъ воиновъ съ жителями аула.

Не спрашивай меня, какимъ образомъ они переселились; имѣли-ли какіе либо споры, или повиновались безпреслововно своему родоначальнику Алкасу. — Скажу тебѣ однимъ словомъ; не знаю — ибо, не понимая ихъ языка, могъ-ли я безошибочно разсуждать. Словомъ, если бы я началъ тебѣ описывать ихъ практаты, споры и общественныя отношенія, то былъ бы совершенно похожъ на какаго нибудь Егерскаго Подпоручика, вздумавшаго описывать военныя дѣйствія, совершенныя подъ командою обожаемаго имъ Генерала, который можешь быть и самъ затруднился-бы въ изложеніи своихъ высокихъ подвиговъ. Нѣтъ, любезный другъ, я истинно Русской, и держусь Русской пословицы: *не садись въ гужья сами*; не залзай никогда въ современную Исторію, ни даже Съверной Пчелы, почему не буду морочить тебя лживыми разсказами, а опишу то, что мнѣ случилось видѣть.

Начну объѣдомъ Князя, который стѣбитъ замѣчаніи по его простотѣ. — Часовъ въ 10 по утру, Черкесы также подкрѣпляютъ себя желудокъ, какъ и у васъ, въ Столицѣ Съвера въ сіе время, завтракаютъ, — и такъ, Черкесы кушаютъ четыре раза въ день, на каковомъ собишій однажды былъ и я. Въ саклѣ безъ оконъ, обитой тростниковыми рогожками, увѣщанной оружіемъ, между конемъ блистала бриллиантовая сабля, пожалованная Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ покойному брату Алкаса, разложенъ былъ въ большомъ каминѣ огонь, около котораго покрытъ былъ столъ вышнююю не болѣе четверти аршина, Князь и мы усѣлись вокругъ онаго по-Азіатски на разосланномъ коврѣ. Первое изъ поданныхъ кушаньевъ была *Папта* (2), разложенная симметрически на столъ, которую Его Свѣшлость Князь Черкесскій кушалъ пальцами съ большимъ аппетитомъ; второе жареная на палкѣ баранина, называемая *шашлыкъ*, и третье похлебка въ родѣ Русскихъ щей съ примѣсью острого раствора краснаго перцу. — Кушанье перемѣнилось, съ восточнымъ работѣльствомъ, переводчикомъ, изъ

рода услужливыхъ Армянъ, безпрестанно приговаривавшимъ: *лгши, джши*, что, кажется, относилось къ кушаньямъ, на которые, какъ и на самаго Князя, они поглядывалъ съ умилеціемъ. Остальные старшины, дворяне и даже самъ Мулла стояли въ почтительномъ отдаленіи, опираясь на свои пиповки, Картина сія напомнила мнѣ любезную Россію, напомнила нашихъ брадацыхъ Ивановъ, смиренно любующихся на зеленую елку кабака, и также подпирающихся суковатыми палками,

Но я вижу ты скучаешь моимъ письмомъ, морщиться, дожидаясь, и наконецъ спрашиваешь: да гдѣ жь Черкесскія красавицы? — Каковы онѣ? — Отвѣчаю: онѣ скрыпны, такъ же какъ и я, который не все то можешь писать, что видѣть. — Черкешенки всѣ брюнетки съ правильнымъ станомъ и небесною выразительностію въ глазахъ; сидятъ въ своихъ сакляхъ, рѣдко показываясь даже и мужьямъ своимъ, которыхъ видятъ ценяче, какъ послѣ вечерней молитвы; доброжелательный же кунакъ (3) найдетъ всегда радужный пріемъ въ саклѣ замужней Черкешенки. — За все сіе можешь тебѣ быть порукой мое увѣреніе, основанное на такомъ же переводчикѣ Армянца Черкеса.

Если ты сѣмъ недоволенъ, то скажу тебѣ, что я видѣлъ *Марису*, дочь богатаго уздея, Черкешенку 17-ти лѣтъ, достойную быть украшеніемъ гарема великаго Судана, достойную пера лучшаго нашего Поэта, который-бы воспѣлъ, прославилъ красоту, обитавшую въ хребтѣ черныхъ горъ (4). — Былъ сумракъ вечера; холодный вѣтеръ обвѣвалъ наши бивуаки, когда я, завернувшись въ бурку, пошелъ на кладбище грустить и думать о тебѣ, милый другъ. — Можешь быть, ты въ сіе время, упоенный радостями, скакалъ по Невскому проспекту, или сидѣлъ въ креслахъ большаго Театра съ наведеннымъ лорнетомъ, и не думалъ обо мнѣ, брошенномъ въ сіи дикія пустыни, — но упѣшься, мой другъ! подъ гулъ заунывнаго вѣтра, я внималъ жалобному стону Черкешенки, распостертой на свѣжей могилѣ. — Чувство сожалѣнія не пронизало души моей; мнѣ казалось, что предо мной

раздается возвышенный оркестръ небесной гармоніи, и я съ сжатымъ сердцемъ былъ доволенъ моею судьбою.

Просни мою сентиментальность. Я заговорился; скоро кончу. Распростертая Черкешенка была Маріиса, оплакивающая недавнюю потерю своего брата, который былъ убитъ въ перестрѣлкѣ съ Абазехами. — Бѣлая чадра развѣвалась по желтой, изсохшей травѣ, и открывала прекрасную головку, омраченную эбеновымъ шелкомъ ея прелестныхъ волосъ; иѣжныя руки обнимали возвыщенность могилы, на коей блистала булатный клинокъ; опора ихъ мужества — защита слабости.

Выстрѣлъ! — И мое очарованіе разрушилось. Да, мой другъ, одинъ выстрѣлъ нашего орудія заставилъ меня при всей моей чувствительности взяться за пашку и спѣшить къ своимъ штыкамъ, грани коихъ величаво отражались при блѣдныхъ лучахъ мѣсяца. Причиной тревоги было не приближеніе Абазехскихъ аванпостовъ, не сильное на насъ нападеніе ихъ кавалеріи; но просто нѣсколько десятковъ сихъ хищниковъ, переправившихся чрезъ ручей, которые хотѣли, вѣроятно, засѣсть въ близлежащій кустарникъ. — Распоряженіе отряднаго Командира уничтожило сіе покушеніе; и хотя мы не наступали эшелонами, но переправились чрезъ топкой ручей, и двумя, премо выстрѣлами разсѣли отважныхъ паѣздинокъ.

Чрезъ нѣсколько дней, когда аулъ Хабль-Ю былъ оставленъ Черкесами, я возвратился изъ за Кубани; — возвратился, но волны шековыхъ кудрей Маріисы, — ея лилейная грудь, заключенная въ тѣсныя оковы, какъ шумящія волны Эгея въ своихъ берегахъ, все еще занимаютъ мое воображеніе. Сердце мое полно ею, — полнѣе, нежели бывало тогда, когда въ немъ царствовалъ образъ любимой нѣкогда Н. . .

Д. Арцыбашевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- (1). *Алласъ.* Такъ называются вообще аулы, находящіеся за Кубанью, подъ управленіемъ Черкесскаго владѣтеля того же имени.
- (2). *Паста.* Родъ крупнои каши, употребляемой въ Малороссіи изъ пшена.

(3). *Кунакъ.* Другъ, знакомый Черкесы называютъ изъ пріязни такимъ образомъ иногда и Русскихъ.

(4). *Черныя горы.* Последняя отрасль сивжскихъ горъ, сѣверо-западной покатости.

НОВЫЯ КНИГИ.

25. *Басни Алексѣя Зилова.* М. Въ Тип. Лазар. Имп. Восточ. языковъ. 1831. Въ 16. (57 стран.)

Признаемся: мы взяли въ руки книжку сію съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, во все не ожидая отъ нея, какъ говорится, ничего добраго. Развернули: прочли одну Басню — не душно; прочли другую — хорошо; прочли третью — еще лучше. Такимъ образомъ мы прочли всѣ (25) болѣе изъ собственнаго удовольствія, нежели изъ обязанности Рецензента. Намъ весьма пріятно было удостовѣриться, что Авторъ сихъ Басень, Г. Зилонъ обладаетъ такимъ дарованіемъ, которое, со временемъ, при болѣе совершенствованіи, обратитъ на себя вниманіе Любителей отечественной Словесности. Душевно жалея, чтобъ сіе предположеніе наше исполнилось; въ доказательство же искренности нашего мнѣнія, выписываемъ двѣ Басни, вовсе не лучшія въ цѣломъ собраніи, а попавшія намъ на открытку.

СОРОКА и СИНИЦА. (стр. 29)

Разскащица болтливая Сорока

По крышамъ разносила вѣсть:

„Что доживаемъ мы до срока,

„Когда земля сгоритъ и нигдѣ будетъ сѣсть;

„Что вороновы рѣчи

„(Какъ оръ въ сосновой сѣчи

„Съ грачемъ тихонько говорилъ)

„Ей очень были вѣлины;

„Что филинъ видѣлъ въ солнцѣ пятны,

„А кропъ въ луцѣ кровавый знакъ открылъ;

„Колдунъ волкъ сѣрый вскрылъ

„Овцу нарочно,

„Чтобъ внутренность поразмотрѣть;

„И усмотрѣлъ оръ почно,

„Что мапушкѣ-земль на дилѣхъ сгорѣть;

„Что пробирается она сквозь чашу льса,

„Увидѣла сама льснаго бѣса;

„Онь, свиснувъ ей, сказалъ: конецъ!

„Она безъ памяти лепетъ, — но путь скворецъ,

„Попавшись на вспрѣчу,
 „Спустился съ ней на гречу
 „Гдѣ пѣсни пѣлъ неугомонный жнецъ,
 „И душку ей оивелъ разумнымъ разговоромъ;
 „Повѣрь, все кончился лишь голодомъ да моромъ,
 „Онъ молвилъ ей, тебѣ увѣришь въ поѣмъ-же дроздъ,
 „Хоть въ аспрономахъ кропѣи и филинъ экашны,
 „Однако же конца не предвѣщаютъ влшны.»

Разскащицу за хвостъ,
 Прислушивался къ разговору,
 Сипица пошамула пунѣ. — „Вѣдь постъ
 „Въ пивоемъ гнѣздъ давно; чшобъ не было и мору.«—
 Она сказала ей.

„Я давеча была близъ пѣхъ вѣтвей
 „Гдѣ ваши гнѣзда свиты,
 „Такъ у тебя въ гнѣздѣ не очень, видно, сыты;
 „За шѣмъ, чшо пискъ и крикъ нивонхъ дншй
 „По роцъ громко раздастел.

„Смотри, чшобъ прежде, чѣмъ земля сожженя,
 „Не уморивъ тебѣ семьи своей.

„Ошстанъ-ка лучше ошъ вѣсней,
 „Да поници ты дншмъ прокормленя,
 „А прочее предай на волю Провидншя.»

ВОЛКЪ ВЪ ОВЕЧЬЕЙ ШКУРѢ. (стр. 34.)

Когда-то Волку вдругъ — не знаю я причины —

Понравилась одежда изъ овчины;

Задумалъ сѣрый Волкъ

Въ овечью шкуру нарядиться.

Она ему не такъ годится;

Но былъ у нихъ съ волчицей полкъ,

Чшобъ на груди стянуть поуже,

А лапы вздѣтъ, какъ въ рукава,

И душку шить, по чшобъ не видно было шва.

Хоть плащнице кой-гдѣ не въ пору и поуже,

Да эшбъ бѣ ничего, а чшо всего-то хуже —

Не пршались совсѣмъ ни хвостъ, ни голова.

Однако же доволенъ Волкъ нарядомъ;

И волгъ отправился пройтись спадомъ,

Чшобъ съ новою родней

(Такъ назвалъ жирныхъ ошъ барана и овечку)

Понасладншся дать сердечку

Миролюбивой пшшиной.

И подошелъ, и чшо жъ? При первомъ взглядѣ

Его не размопшрѣли въ спадѣ.

Но долго ль Волкъ подобесъ былъ овцамъ?

Увидѣлъ лишь агнипъ, въ немъ жилки задрожали,

Зубки какъ-разъ повыказалъ ошъ самъ,

А хвостъ собаки увидали,

И шуть-же плащнице, да и съ сорочкой силли!

С М Ъ С Б.

Содержаніе *седьмой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Наваринская бштва. *Стихотворенія.* 1. Завѣщный конь. (*Современный Анекдотъ.*) 2. Младенецъ въ колыбели. (*М. Д. Деларю.*) 3. Матап нѣпшшншго свѣша. (*Д. А. Шепелева.*) 11. *Смись.* Вербное гулянье. (*В. П. Бурнашсва.*) Объявленіе. 111. *Моды. (Парижскія)*

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ. Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брига, Смирдина и Слѣнина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ карпшниками модъ, пошамн и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иногородные благоволятъ опшосншться съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетшную Экспедицію, или къ самому Издашелю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издашелю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Музыкальный Альбомъ, составленный изъ 10-ти N№, соч. Н. А. Тшповымъ, о которомъ мы предва- рительно уже извѣщали нашихъ читателей (см. 8 № Сѣв. Мерк.) поступилъ въ продажу во всѣ извѣстншше здѣшніе музыкальные магазины. Цѣна 10 рублей.

Опшшчное изданіе сего Альбома дѣлаетъ особенную честь композитору-издашелю и литографіи Беггрова.

Иногородныя особы, для полученія ошаго, могутъ опшосншться съ своими требованіями, адресуя: *Въ Книготору Издашелю Гирланды.* Требованіе будетъ исполнено съ первою отходящею почшою въ надлежащей исправности. За пересылку прилагаешся по 60 копѣекъ серебромъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или М. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издательство Сѣвернаго Меркурія.*

№ 53.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленевой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 4 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ДОЛИНѢ.

Des glas!.. Les morts gémissent; écoutez, car peut-être vous connaissez quelques-uns

(Légendes Bretonnes.)

Въ жизни Поэта падаются эпизоды странные, удивительные

Мракъ былъ ужасный, окрестность пустынная.

Лошадь моя пустилась въ скакъ; виды окрестные бѣжали позади меня, какъ облака дыма, развѣваемыя сѣвернымъ вѣтромъ; я заблудился.

Глазамъ представилась при дороги; я хорошо замѣнилъ на перекресткѣ гранитный крестъ; но не думая освѣтить себя христіанскимъ знаменіемъ, опустилъ поводъ лошади. Она скоро остановилась, начала ржать, скакать на одномъ мѣстѣ; вдругъ сдѣлалась неподвижна, послѣ чего пошла шагомъ на лѣво, по дорогѣ широкой и гладкой. Вскорѣ я увидѣлъ себя въ долину, покрытой деревьями, въ кошорой текущій противъ кремнистыхъ камней ручей раздѣлялся на многіе потоки, и, съ сладостнымъ, печальнымъ, невнятнымъ звукомъ, низвергался въ разныхъ мѣстахъ въ развѣины; кромѣ сего не было слышно никакого, хотя легчайшаго шума

Цѣбо было покрыто сѣроватыми тучами, походившими на снѣжныя горы, покрытыя пылью. Воздухъ былъ сыръ и холоденъ; между тѣмъ я былъ облитъ потомъ, и на непокрытую голову мою падали, время отъ времени, крупныя капли замерзлаго дождя: это было чувство неизъяснимое, грусть жестокая

Томъ 111. № 53.

Я полагалъ, что нахожусь подъ сѣнью оплотѣлаго свода обширной фамильной гробницы. При блѣдномъ мерцаніи луны, глазамъ моимъ представлялись, на самомъ низу лоцины, какія-то прозрачныя тѣни призраковъ

Послѣ долгаго пути, я пріѣхалъ ко входу долины необозримой. Лошадь моя остановилась; даю шпоры, раздраю ей бока: она спонитъ, какъ окаменѣлая. Хопить сойши; но мнѣ казалось, что подъ ногами бездна.

Ревѣлъ сильный вѣтеръ и гналъ далеко облака и тучи. Луна освѣщала долину голубоватымъ блескомъ: я видѣлъ собравшихся со всѣхъ сторонъ спариковъ, дѣвушекъ, женщинъ и дѣтей, въ бѣлыхъ платьяхъ, покрытыхъ голубыми покрывалами Они пѣли сладостныя и вакханическія шанишвенныя пѣсни, коихъ словъ я не могъ разумѣть: звуки сіи едва достигали ушей моихъ.

На вершинахъ впорились пропѣжные, улымы, глухіе звуки, вылетавшіе изъ устъ женщинъ и нѣсколькихъ мужчинъ, одѣтыхъ въ черное платье. Они бросали вокругъ себя печальные взгляды, запоминаемые слезами, между тѣмъ какъ толпа въ бѣлыхъ и голубыхъ покрывалахъ прыгала передъ ними по звукамъ отдаленной музыки, взявъ другъ друга за руки. Они вертели въ кругъ нѣхъ, гораздо привлекательнѣе нашего вальса. Но вскорѣ черныя плащи и голубыя покрывала смѣшались, и я видѣлъ путь и тамъ молодыхъ людей въ печальной одеждѣ, гуляющихъ тихо и задумчиво съ молодыми дѣвушками долины. Они утопали въ блаженствѣ

Оледенѣлый, стоялъ я на краю бездны, опидѣляющей меня отъ прелестной долины, и вдругъ увидѣлъ подошедшую съ той стороны молодую дѣвушку, которая бросала на меня значительные, страстные и унылые взгляды. Я ее узналъ Мы жили вмѣстѣ съ нею, пили счастье изъ одной чашки упоенія, на краяхъ которой воспламененныя усяпа наши встрѣчались

Бѣдная оправлена была ядомъ: онъ далъ ей дышать другимъ воздухомъ, жить въ лучшемъ мѣстѣ. Часто говорила она мнѣ: вспомни, иногда, по вечерамъ о твоей любезной; моли Бога, чтобы она *тамъ* была счастлива, ибо она всегда тебя любила — ты ее не увидишь больше

Я молился за нее, молился часто; но съ нѣкотораго времени это было ничто иное, какъ молитвы неопредѣленныя, желанія безъ надежды, мечты, сомнѣнія Что я знаю?

Между тѣмъ мнѣ казалось, что она говоритъ: я счастлива, мой возлюбленный: ты меня видишь; я счастлива, но ты никогда не придешь въ мѣста, гдѣ я обрѣла блаженство Слушай! есть день въ году, въ который собираются наши друзья и родственники, но только ты, концы сердца еще не испорчены, концы надежда еще не исчезла Сей день насталъ Теперь въ долину праздникъ Мать моя приближается, она меня ожидаетъ.

Дѣвушка поспѣшно удалилась.

Забывъ бездну, которая насъ раздѣляла, я употребилъ все усилія, чтобы быть подлѣ нея, чтобы упасть къ ней въ объятія! Но оставаясь неподвиженъ, какъ мраморная статуя, я задышался, страдалъ жестоко и возвелъ къ ней умоляющіе взгляды.

Вскорѣ съ высоты, голосъ сладостный сказалъ мнѣ: „ты заблудился, выбравъ худую дорогу, потому, что пройди мимо креста, не осѣнилъ себя его подобіемъ Ворочись назадъ, ворочись; можетъ быть, ты выйдешь прежде окончанія праздника“

Я повиновался съ радостію, съ восхищеніемъ; члены мои получили прежнюю гибкость, и я вскорѣ наклонился у исхода лощины. Достигнувъ того мѣста, которое раздѣляется на три дороги, я пошелъ крестъ:

онъ былъ испровергнутъ со своего пьедестала; стараюсь поднять его съ силою, какую придаешь надежда Но вдругъ, изъ глубины земли голосъ, похожій на шептъ, который я слышала на краю пропасти, сказалъ мнѣ съ кротостію:

„Безразсудный! думаешь-ли, что кусокъ камня освѣтитъ тебя во мракѣ!!! На мысу, возвышающемся посреди волнъ, воздвигаютъ каменные столпы; по на вершинѣ ихъ сіяетъ, въ продолженіе ночей, пламя, которое далеко освѣщаетъ море, усыпанное подводными камнями“

Я уронилъ изъ рукъ, поднятый мною крестъ; тогда адскій смѣхъ раздавался вокругъ меня, и я слышала унылый звонъ, пошрясшій мозгъ мой я проснулся у огонька

Это было 1-го Ноября, въ шесть часовъ вечера. Звонъ по уснувшимъ раздавался ежеминутно

Спустился два часа послѣ того, я былъ на первомъ представленіи Комедіи въ прехъ дѣйствійхъ.

Съ Фр. О в Д — *твое*.

МОЙ ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

Фортуна! ты играла много,
Твой пасмышки я сносилъ;
И беспокойствамъ, и покою,
Я данъ давно ужъ заплашилъ! —
Я *чувствамъ* следовалъ и *модѣ*;
Теперь — *туту* пришла пора;
Веселость! я съ тобой въ разводѣ,
А *скука* для забавъ *стара*.
Надеждѣ не плачу визита,
Знакомство съ нею я прервалъ!
Тамъ есть подъ видомъ дружбы *скрыта*,
Я поймалъ: и ее поймалъ! —
Терплю! по ближнимъ: не *скажу*
Вспореннымъ *заунывнымъ* словѣмъ
Въ луну съ мечтами не *лепаю*,
Почилъ отъ *тяжкихъ* силъ *шрудовъ!*
Люблю зиму за долги *ночи*,
Благословляю слово *спать!*
И радъ-бы, какъ сомкнулся *очи*,
Чтобъ ихъ и *вѣкъ* не *раскрывать*.
Рождень *пляшущая* *совершенствомъ*,
Искалъ, *спремился*, *охладѣлъ!*

Напрасно льстился я блаженствомъ,

Мечта досталась мнѣ въ удѣлъ!

Сразился правды лучъ со мною,

Но лучъ сей такъ мнѣ возсіялъ,

Какъ радуга явилась Ного,

Когда потопъ уже престалъ!

Лампада мною догараетъ,

Труды во слѣдъ часамъ текутъ,

И путь свой спутникъ совершаетъ,

Заботы въ гробъ его влекутъ.

О счастье! — пагуба химера!!

Число страстей — твои цыфры;

Мечта — твой вѣкъ! надежда — мѣра!

Опять обладанья жъ — гибнешь ты!....

Иванъ Горленко.

Село Ярошовка;

1823 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

26. *Воспоминанія. Изъ Записокъ 1815 года.* А. Михайловскаго-Данилевскаго. — С. П. б., въ Тип. А. Смирдина, 1831. Въ 8. (124 стран.) (*)

Поставляемъ обязанностию своею извѣститъ нашихъ читателей о выходѣ въ свѣтъ сего примѣчательнаго по всемъ отношеніямъ сочиненія: всякій Русской, сердцу котораго близко все отечественное, вѣроятно обратитъ вниманіе на сію книжку и будетъ душевно признателенъ почтенному ея Сочинителю.

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Для любви все возможно (Liebe kann Alles), Комедія въ чепырехъ дѣйствійхъ, соч. Гольбейна; предъ оною: *Это я* (Das war ich), сельская сцена въ одномъ дѣйствіи, соч. Гульпа. (Представленіе на Новомъ Театрѣ 27 Апрѣля, въ Понедѣльникъ.)

Исключивъ изъ пьесы Г. Гольбейна роли: глупаго Барона фонъ Громмена, нищожныхъ дочерей его: Элизу и Юлію, и зятъевъ: Доктора Дольфинга и Надворнаго Совѣтника Верлица, да преобразивъ капрала Мюллера въ жещины, — мы получимъ Французскую

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 4, съ пересылкою по 5 рублей.

Комедію: La jeune femme colère, съ тою только разницею, что въ сей послѣдней пьесѣ вы найдете истинное благородство, упонченныя остропы, рѣзвую и милую шутливость, и хорошее нравоученіе, между тѣмъ, какъ Комедія Г. Гольбейна опзывается мѣщанствомъ и выходитъ изъ среды вѣроятности. Въ какомъ, напримеръ, хорошемъ обществѣ потерпятъ, что бѣ кто либо, войдя первый разъ въ домъ, посватался за дочь хозяина, взялся исправлять пылкій нравъ ея, спряпался за прямо, и наконецъ, неожиданно появившись предъ молодою дѣвицею, былъ въ обращеніи своемъ съ нею вспылчивъ, а въ заключеніе насильственно поцѣловалъ-бы ее? Таковъ Полковникъ фонъ Крафтъ въ Комедіи Г. Гольбейна. Женясь на Францискѣ, старшей дочери Барона фонъ Громмена, онъ беретъ ее въ раззоренное помѣстье свое, принуждаетъ ее ѣхать въ свадебной одеждѣ; вмѣсто горничной назначаетъ ей въ прислуги капрала Мюллера; вмѣсто пеглиже, принуждаетъ одѣться въ крестьянское платье. Невольно пожалѣешь бѣдную, хотя и своенравную Франциску!.. Полковникъ Крафтъ въ бѣшенствѣ попалъ ногою и безпрестанно обижалъ шпагу, вѣроятно чтобы... Но я не смлахъ докончить. Наконецъ Крафтъ не исправляется, пресируетъ жепу свою, принуждая ее толодомъ къ повиновенію. — Не смотря на всѣ недостатки сей Комедіи, зрители вдоволь посмѣялись отъ нѣкоторыхъ комическихкихъ выходовъ, иногда вспрычающихъ въ пьесѣ.

Вторая пьеса: *Это я*, соч. Гульпа, мила, шутлива и удовлетворительна развязкою. Сообразно сему диспозициству, пьеса была разыграна ГГ-ми Барловымъ и Полмертомъ, и ГГ-жамъ Шварцъ и Гейспингеръ. Первалъ изъ сихъ послѣднихъ по игрѣ своей справедливо была вызвана.

Прѣхавшая изъ Москвы Г-жа Герстеля, Актриса Гамбургскаго Театра, появилась на здѣшнемъ въ первой пьесѣ въ роли Баронессы Франциски, а во второй, въ роли Базе, молодой поселянки. Разнообразіе нравовъ и состояній лицъ, ея представленныхъ, она умѣла општѣнить довольно искусно, и игрою своею обратила вниманіе зрителей. Совѣмъ тѣмъ видно, что сія молодая Актриса несовершенно еще ознакомилась со сценою: въ игрѣ ея замѣтна какая-то нерѣшительность;

но можно утвердительно сказать, что имѣя образцами ГГ-жь Бауеръ и Виргинію Бурбье, Г-жа Гершенель усовершенствуется дарованіе свое: на первый разъ она доставила удовольствіе публикѣ, которая вызывала ее по окончаніи каждой піесы.

Г. Вибе, игравшій въ первой піесѣ роль Полковника фонъ Крафта, исполнилъ все, что требовалъ отъ него Сочинитель. Одного только жаль: представляя свѣтскаго человека, онъ иногда выступалъ съ важнымъ осанкою рыцаря и произносилъ комическіе монологи голосомъ Агамемнона.

Д. Шенеловъ.

С М Ъ С Ъ.

Что-то будетъ! Что то будетъ!

Теперь общее вниманіе наблюдателей журнальной Политики обращено на Сѣверную Пчелу и Московскій Телеграфъ, ибо сіи Журналы немножко посчитались между собою. Телеграфъ, лобызая велерѣчивыми устами задунѣвную четырехъ-лѣпную пріятельницу свою, съ злымъ-ли намѣреніемъ или нѣтъ, съ предварительнаго-ли согласія или безъ оного, крошечку укусила ее, подсадила боль своего лобзанія христіанскимъ увѣщаніемъ, чтобы она, *дабы не сдѣлаться закоситлою ершиницею, обратилась къ сокрушительному покаянью* (см. Моск. Тел. 4-й №, стр. 524). — Пчелка, распускивъ потчасъ крылышки, вспорхнула на Телеграфъ и съ самаго верха глядя на него, называетъ его *верхоглядомъ* (см. Сѣв. Пч. № 85). — Смѣшная Литературная Газета, имѣя въ виду Русскую поговину: *куй желѣзо, пока горитъ*, немедленно окунулась въ море Словаря Россійской Академіи, поймала на удочку сіе послѣднее выраженіе, и доказала, что оно означаетъ *„злваку, человекъ, который, оставя дѣло свое, занимается однимъ бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы“* — изъясляя при семъ случаѣ свое мнѣніе, что Г. Полевой, хотя и дружески обращается къ Г. Гречу, но между тѣмъ не находитъ въ немъ двухъ душевныхъ способностей: *ула и вуса;*

и что Г. Полевой, который, по словамъ Г. Греча, есть *верхоглядъ* (а что означаетъ сіе выраженіе см. выше), *оставившій дѣло свое, и занимающійся однимъ бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы, не разглядѣвъ по сіе время Русской грамматики*, (о истина великая! о истина неоспоримая!) — что сей реченный Г. Полевой, хотя и занимается упоминаемымъ *верхоглядствомъ*, сирѣчь *бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы* (о истина великая! о истина неоспоримая!), по между тѣмъ не оставляетъ дѣла своего: доказательствомъ де тому служатъ, хотя и не въ срокъ выходящія, книжки Московскаго Телеграфа (См. Литт. Газета № 24-й). — Хитро! —

Не смотря на всѣ вышеописанныя обстоятельство, не глядя на реченное верхоглядство, не смотря на поминное бездѣльное смотрѣніе, не смотря на сказанное обозрѣніе, сдѣланное Литт. Газетою, — все еще нельзя достоверно опредѣлить: къ чему все сіе идетъ? что изо всего этого послѣдуетъ? Многіе, подозрѣвающіе въ вышней журнальной Политикѣ великія хитроспеси, не знаютъ, чему приписать это обстоятельство: литературной-ли стратегіи, чтобы читатели обоихъ Журналовъ (т. е. Моск. Тел. и Сѣв. Пч.) говорили: *они де безпристрастны!* или дѣйствительному внушенію глѣва неподдѣльнаго? — Люди мнишельные, улыбаясь, восклицаютъ: *„хоть подеритесь — не повтримъ!“* Другіе, убѣжденные въ дѣйствительности предполагаемаго ими разрыва между Сѣв. Пч. и Моск. Тел., всплескивая руками, восклицаютъ: *„будетъ брань великая, брань продолжительная, брань чернялопролившая!“*

Что же будетъ? . . . Что же будетъ? . . .

Содержаніе *восьмой* книжки Гирлянды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Наваринская битва. (*Продолженіе.*) *Стихотворенія.* 1. Чувство справедлива. 2. На день рожденія Людмилы. 3. Марія Ивановна Хлопова. 11. *Библиографія.* Окончаніе статьи о Сѣверныхъ Цвѣтахъ. III. *Нѣмецкій Театръ.* Женскъ изъ Мексикки, Комедія Клаурена. *Impromptu.* IV. *Смѣсь.* Нѣчто о концертахъ, бывшихъ въ минувшемъ Великомъ Посту. V. *Моды.* (*Парижскія*)

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣшина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 54.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *зеленой* бумагѣ, съ 24 картинками: *Модь*, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 6 МАЯ, СРЕДА.

КНЯЗЬ ОЛЬВИНСКІЙ.

(*Былъ.*)

Le sort Pa voulut, et elle devint sa femme.
(L' Ane mort et la femme guillotinée.)

Весна Князя Ольвинскаго бурей пролетѣла въ кругу закоренѣлыхъ шалуновъ, поклонниковъ Вакха и Киприды. Не спало много рѣда разврата, который не былъ бы ему въ полномъ извѣстнѣ; наслажденія, величкомъ рано и слишкомъ полною чашею испилъ, оправданіе его чувствъ, и на лицѣ его напечатаны были признаки той равнудной жизни, которую онъ велъ. Утромъ ночь случились бубныки и задрывные кубки въ компанияхъ Ольвинскаго, промашывавшаго свое имѣніе на все руки. Разъѣздъ у Театра; а нашъ Князь Семень, Удамой по прованію, въ ерможкѣ на бекрень, въ венгеркѣ, верхомъ на горскомъ аргамакѣ, носился промежъ рядовъ, и, какъ соколъ, смотрѣлъ на хорошенькихъ своими огненными глазами, взгляды конхъ не былъ споемъ ни одною красавицею; ни одною даже записною кокеткою, и бѣда, бывало, бѣдненькой дочери какого нибудь булочника, аккуратнаго Цѣмца, предшаго съ него рядкомъ вдоль по Пешковской площади на Арбатѣ, гдѣ онъ жилъ. — Ольвинскій, при свѣтѣ фонарей, разсмотрѣвъ эту миленькую бѣлокурую Нѣмочку, подѣзжалъ такъ близко къ ней, что голова лошади касалась до ея барежеваго плавика; и онъ, извиваясь, дерзкою рукою приподнималъ эпонтъ дѣвственный покровъ; она въ смущеніи останавливалась, устремляла свои выразительные голубые глаза

на опчаяннаго шалуна, и, казалось, умоляла о пощаду; но Ольвинскому не нужны были въ этихъ случаяхъ особенныя средства: учена лошадь выплывалась до того, что съдохъ ногами могъ оперенъ о мостовую; потомъ, мощною рукою захвативъ красоточку, онъ сажалъ ее на сѣдло, и, съ быстротою птицы, скрывался изъ виду опчаянныхъ родителей. Черезъ нѣсколько дней блестящая карета останавливалась у вѣрота маленькаго дома на Арбатѣ передъ вывѣскою съ огромнымъ золотымъ кренделемъ, и Шарлотта, блѣдная, грустная, въ слезахъ, вбѣгавъ въ комнату родителей, дико смотрѣла кругомъ, и перѣдко болѣзнь, жестокая болѣзнь, сводившая несчастную въ могилу, была слѣдствіемъ ужаснаго поступка Князя, заставлявшаго молчать угрызенія совѣсти за кубкомъ пѣнящагося вина. — Недовольный похищеніями, дѣланьями имъ въ Столицѣ, онъ часто являлся въ окрестностяхъ, и здѣсь дочери добрыхъ поселенъ, дорого платили за серьги и монеты красиваго барина. Удамой имѣлъ яму приповоу, и Полиція никогда не могла уловить его. Князь Ольвинскій слылъ Московскимъ Карпушемъ, и это названіе правилось ему чрезвычайно. Разъ, однако жъ, въ Сокольникахъ, нашъ добрый молодецъ ошомалъ, и попалъ въ руки Провидѣльства.

✱

Войска расположены лагеремъ при Эрзерумѣ. Ночь. Все тихо. Кто эпонтъ часовой въ бараньей шапкѣ, съ мѣдною бляхою, въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ и въ солдатской шинели съ бѣлою перевязью? — Это

храбрый солдатъ, Семень Ивановъ, по-прозвищу Уда-
лой, бывший Князь Семень Ивановичъ Ольвинскій, едъ-
лавшій столько шума въ Москвѣ и въ окрестностяхъ.
Теперь онъ солдатъ, и солдатомъ онъ лучше, чѣмъ
Княземъ. Семень предъ всѣми почтительнѣе, другъ
дисциплины, и храбръ, какъ левъ, въ доказательство
чего Георгиевскій крестъ украшаетъ грудь его.
Кампанія кончилась; дослужась до Офицерскаго чина,
и замѣвъ кровью и доблестными дѣлами дѣлано, на-
пещное Княжескому гербу, Семень нашъ снова чело-
вѣкъ, снова дворянинъ, Князь и сынъ Оперества,
достойный великой, доброй мамушки Россіи.

Въ Тифлисѣ пришла вѣсть о смерти какого-то
его дяди, умершаго отъ обжорства на одномъ изъ
объѣдовъ, данныхъ обществомъ Русскихъ столбовыхъ
баръ въ гостиницѣ несравненнаго Яра, въ честь
взятія Эривани и заключенія выгоднаго для Россіи
мира съ Персіянами. Все имѣніе дряхлаго холостяка
досталось племяннику Семену, который, дружески
просиаясь съ ратными товарищами, рѣшился вѣхать
наконецъ въ Москву, — въ этотъ городъ, усрашав-
шій и смущавшій его воспоминаніями, болѣе отвра-
тительными, чѣмъ сладостными.

На дорогѣ, не помню въ какой Губерніи, постигла
его страшная мысль. Желая укрыться отъ вихря,
онъ усремился въ лѣсъ, который грозно шумѣлъ въ
это время. Здѣсь напикнулъ онъ на кочующихъ Цы-
ганъ, которые, расположась около огня, дѣлили между
собою добытые ими пожизки мирныхъ обывателей:
пусть лежали груды полошна, шамъ съѣденные при-
пасы, далѣе развѣшаны были кафшаны, рубахи и ту-
лупы; а кругомъ паслись быки, лошади съ перевязан-
ными ногами; телѣги же разсѣяны были въ видѣ
крякнутаго вала въ случаѣ какого либо нападенія.
Попавшись въ этотъ вертепъ, Семень нашъ рѣшил-
ся выдержать свой характеръ храбраго солдата и
удалаго Московскаго шалуна, почему онъ и вскрикнулъ:
„Здорово, ребята!“

При видѣ высокаго, статнаго, красиваго мужчины
въ венгеркѣ, опоясанаго легкою Черкесскою шашкою,
всѣ встали съ мѣстъ своихъ и взялись за ножи и ки-

стени, думая, что передъ ними самъ Господишъ Ис-
правникъ; но Ольвинскій скоро умѣлъ ихъ располо-
жить къ себѣ, высыпавъ лѣсколько денегъ, и прика-
завъ своему слугѣ опдать имъ всю провизию, спря-
танную въ коляскѣ. Пипомцы лѣсовъ и степей съ
радостными шопотомъ припили эти подарки, и самъ
старшина ихъ или Атаманъ, прося гостя съѣсть по-
дѣл себѣ, велѣлъ подъ парусинный наметъ свой при-
нести огромную жареную четверть баранины, и за-
пилъ этотъ ужинъ полубутылкою рома, дашикою въ
подарокъ Княземъ. Вотъ явились молодые Цыганки и
начали плясать передъ Семеномъ, давно невидавшимъ
столько прелестей; ибо ревнивые Армяне и Грузины
не любятъ показывать своихъ женъ. Ганко (такъ на-
зывался старшина), желая доставить совершенное
удовольствіе доброму барину, приказавъ дочери своей,
Стефашкѣ, проплясать съ бубенчиками передъ Его
Сіятельствомъ. Стефашка, прелестнѣйшая пятнад-
цати-лѣтняя дѣвочка, явилась. Глаза голы, черныя, сла-
дострастные, какъ-бы подернутые какимъ-то туманомъ
восторговъ, смѣло вошли въ сердце Ольвин-
скаго и распалили въ немъ всѣ страсти, заглушенные
дѣятельностью и горемъ на Кавказѣ. Онъ былъ въ
лихорадкѣ: дрожь пробѣгала по его тѣлу; глаза его
напились кровью, бросившеюся мгновенно въ голову;
грудь его воздымалась: онъ былъ самъ не свой. —
Кончилась пляска, и при подновѣсныхъ червонца впе-
тѣли въ передникъ сей степной Граціи. Ганко ве-
лѣлъ ей подставить свои пылающія щеки къ огнеды-
шущимъ губамъ Ольвинскаго, которому въ сію сла-
достную минуту показалось, что какая-то искра заж-
гла всю его кровь и вспѣнила оную! — Но была ли
то чувствительность? — Нѣтъ, это было нѣчто выс-
шее обыкновенныхъ ощущеній....

Настала ночь темная. Все было тихо. Семень не
могъ заснуть: одинъ лишь коверъ раздѣлялъ его съ
прекрасной дѣвочкою; душа его волновалась; — вотъ
спрашная черта человѣческаго сердца: Ольвинскій,
прежде нещадившій дѣвическую певниность, — въ этотъ
минуты уважалъ оную въ бѣдной Цыганкѣ; онъ ува-
жалъ ее даже и въ то время, когда съ разсвѣтомъ

дня рука этой дочери дикой природы тихо коснулась до него, и когда она другою рукою подавала ему кружку съ парнымъ молокомъ: кровь въ немъ закипѣла снова, глаза блеснули: онъ хотѣлъ обнять прелестную малютку; но внезапный шумъ заставилъ его вскочить съ постели, составленной впрочемъ изъ его же бурки, — и схватившись за карабинъ и за пистолеты. Вдругъ исчезъ наметъ, заскрыли шельги, и Гапко, явившійся съ пожемъ за посомъ, схвативъ Стефашку, опрометью побѣжалъ; а весь караванъ его двинулся рысью: на мѣстѣ, ослепленномъ огнями кочевой толпы, осталась лишь коляска Семена. Удивленный, онъ долго стоялъ въ этомъ положеніи, протирая глаза и прелеща опять незабытыхъ и свежихъ восторговъ: Стефашка! Стефашка! гдѣ ты? восклицалъ онъ; но не было отвѣта — и самый даже гулъ лабуна скоро замолкъ совершенно

✱

„Что вы здѣсь дѣлаете, Милостивый Государь?“

Такъ спрашивалъ нашего героя Исправникъ въ форменномъ сюртукѣ, при саблѣ. Ольвинскій только въ эту минушу понялъ скорость побѣга Гапки, и желая избѣжать неприятнаго случая, отвѣчалъ, что застигнутый бурей, онъ остановился въ этомъ мѣстѣ, и что люди его кошовили здѣсь для себя ужинъ, почему и замѣнены оспашки бѣгшаго огня.

„Но знаете-ли вы, что здѣсь казенный мѣст, и следовательно вы должны запомнить значительный штрафъ?“

— „Извольте.“

Два бѣленькія ассигнаціи оспашившія мочушніе Г-на Исправника — и дѣло было кончено.

(Оконч. въ слѣд. Но.)

Э П И Г Р А М М А.

Начальникъ Взяткобрачъ свой абшишь получилъ
И скоро съ деньгами въ Столицу прикапиль;
Вопль черезъ полгода пріѣзжаго встрѣчаетъ

И у него спросилъ насидишь:

„У васъ, чай, тужашь обо мнѣ?...“

— „Губернія — пріѣзжій отвѣчаетъ:

По милости твоей вся плачешъ и рыдаешъ.“

Графъ Хвостовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

27. *Пльннать Турціи*, Поэма. — Сочиненіе *Дмитрія Д. Колмисарова*. — Москва, въ Тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1830. Въ 12. (24 стран.)

О сей Поэмѣ можно сказать: *есть хуже; да не-много*; даже и пинпическія произведенія Г. Омина, (выписками изъ конхъ мы уже не разъ имѣли случай смѣшнить нашихъ читателей), въ сравненіи со стихами, которыми написана эта Поэма, покажутся не гилью, а порядочными виршами; и Г. Оминъ можетъ теперь въ собственное утѣшеніе говорить самому себѣ: *есть дискать люди, которые пишутъ хуже меня!* —

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Для перваго дебюта вновь принятаго къ здѣшнему Театру Актера Г. Рославскаго, въ минувшее Воскресенье, 5-го Мая, на Маломъ Театрѣ, представлена была: *Благородный Театръ*, Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. М. Н. Загоскина, въ коей роль *Посошкова* игралъ Г. Рославской.

Сколько можно заключить по первому дебюту, мы полагаемъ, что Дирекція сдѣлала для себя не лишнее пріобрѣтеніе въ Г. Рославскомъ: можно надѣяться что въ комическихъ роляхъ онъ будетъ хорошъ. Въ этомъ первомъ дебютѣ, не упоминая о небольшихъ исключеніяхъ, онъ выдержалъ роль свою довольно удовлетворительно. Публика, собравшаяся во множествѣ посматрѣвъ поваго Артиста, по окончаніи пьесы, вызвала его въ поощреніе.

С М Ъ С Ъ.

Первое Мая.

Дымныя облака быстро неслись по угрюмому небу; порывистый вѣпръ качалъ вершины голыхъ деревьевъ; опдаленный шумъ волпъ Финскаго залива сливался со сплукомъ мчащихся по Екатерингофу закрытыхъ экипажей. Сдѣлавъ кругъ, каждый спѣшилъ укрыться отъ неимовѣрной спужи. По обѣимъ сторонамъ боль-

шой аллеи, не видно уже было очаровательной гирлянды, составленной из разноцветных шляпок и платьевъ здѣшнихъ щеголихъ. Семейственныя и сельскія каршины не украшали болѣе куршицъ. Воздушныя нимфы, окруженныя поклонниками своими, не мелькали по излучистымъ дорожкамъ. Веселыя пѣсни киплящаго народа не раздавались въ воздухъ. Все было мертво. Одна только показавшаяся въ некоторыхъ мѣстахъ зеленая травка и опчальные вѣдоки на прелекныхъ клыкахъ, — представлялись взорамъ поспѣшителей, которые, продрогнувъ нѣсколько часовъ на сыромъ и весьма холодномъ воздухѣ, съ досадою развѣхались по домамъ. — *Вопъ гулянья перваго Мал!* —

Д. Шепелевъ.

— Известно, что щелокъ изъ пережигенной орѣховой скорлупы имѣетъ свойство уничтожать растительную силу бороды: одинъ глубокомысленный Математикъ исчислилъ, что, собравъ скорлупу, покрывающую Адмиралтейскую площадь и Новинское (въ Москвѣ), во время Свѣцкой недѣли, можно бы было сдѣлать такой подрывъ Ливерпульской промышленности, что дюжину лучшихъ бритвъ можно бы было покупать дешевле, нежели теперь продается фунтъ казенныхъ орѣховъ.

— *Ната тою же монетою.* Студентъ прогуливаясь по Невскому проспекту, зашелъ отъ дождя въ Палатный трактиръ, и сѣлъ въ буфетной комнатѣ. Когда дождь прошелъ и студентъ хотѣлъ выйти изъ трактира, буфетчикъ попросилъ у него на водку. — „За что это?“ — „Вы слышми запахъ жареной дичи; а на улицѣ эшаго не услышишь.“ — Студентъ хладнокровно достаетъ изъ кармана цѣлковой, и удара имъ по столу, спрашиваетъ: „слышишь-ли?“ — „Слышу“ — отвѣчаетъ буфетчикъ. — „То-то же: на улицѣ и эшаго не услышишь.“

— „Если кто хочетъ слышать забавныя повости“ — сказала одна опчѣвшая кокепка: „шому спонитъ

полько пригласитъ Господина Б* къ обѣду: это живая Газета!“ — „Вы не совѣтъ правы, сударыня“ — отвѣчаетъ Б*, плути же сидѣвшій: „сегодня вы имѣете болѣе мнѣ забавныхъ повостей: у васъ новыя зубы и свѣжій румянецъ.“

— Въ одномъ изъ женскихъ пансіоновъ былъ публичный экзамень. Спрашивали о пятомъ, о десятомъ: дошла очередь и до Исторіи. „Кто былъ, Mademoiselle N, тотъ славный полководецъ времени ЕКАТЕРИНЫ Великой“ — спросилъ одну изъ ученицъ своихъ глубоководный профессоръ, на блѣдномъ лицѣ котораго, по несчастію, она оставила ужасныя слѣды свои: „тотъ полководецъ, говорю я, который, за подвиги свои, получилъ наименованіе *Задунайскаго*.“ — Неправильная дѣвушка молчала. — „Говорите смѣлье, сударыня“ продолжалъ педагогъ, попирая съ намѣреніемъ изрытыя щеки свои, дабы надоумить ее, что рѣчь шла о *Румянцевъ*. — „Это Фельдмаршалъ *Рлбининъ*“ — отвѣчала поспѣшно догадливая воспитанница.

Содержаніе девятой книжки Гирлянды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Наваринская битва. (*Продолженіе.*) *Стихотворенія.* 1. Сабля. 2. Въ Альбомъ В. И. Ор . . . й. 5. Утѣшеніе: 11. *Библиографія.* Петръ Ивановичъ Выжигинъ. 111. Русскій Театръ. Нѣмецкій Театръ. IV. *Смѣсь.* 1. Le Furet de St. Pétersbourg. 2. Каспійское море, Элегія. 3. Разныя извѣстія, выписки, замѣчанія и проч. 4. Первое Мал. V. *Модь.* (*Парижскія*) Charade. Logogriphe.

При сей книжкѣ приложены: картинка дамскихъ модъ (No 4) и рисунокъ экипажей: для загородныхъ гуляній (No 5.)

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣшина, надписывал на оныхъ: *Издателью Съвернаго Меркурія.*

№ 55.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 8 МАЯ, ПЯТНИЦА.

КНЯЗЬ ОЛЬВИНСКІЙ.

(Озлоганіе.)

Москва веселилась по прежнему. Возвращеніе Князя было предметомъ всѣхъ разговоровъ, всѣхъ смѣшекъ. Множество новой родни выпололо Богъ въспѣ опіудда и запрудило собою домъ нашего счастливица на Тверской. Мы называемъ Ольвинскаго счастливецемъ не потому, что онъ пріобрѣлъ много родни, но потому, что сдѣлался онашь богачемъ; ибо съ деньгами можно найтти счастье: одинъ только безденежные философы утверждаютъ, что въ богатствѣ нѣтъ истиннаго счастья, между тѣмъ какъ всѣ изъ нихъ, вѣроятно, не опіказались-бы отъ богатаго наслѣдства. — Къ денежкамъ всѣ падали, какъ мухи къ папюкѣ. — Но возвратимся къ нашему Ольвинскому. — Многія матушки на него поглядываютъ умильно; многія дочки хлопотъ его заманить въ свои сѣни; многіе друзья за нимъ ухаживаютъ; но все ничтожно: Ольвинскій переродился; онъ ничѣмъ удовольствій жизни въ художествахъ и изящныхъ искусствахъ. Прежній поклонникъ Кома и Вакха бросаетъ съ презрѣніемъ въ каминъ карточку, на которой накалграфировано приглашеніе на *гермаховый супъ* къ Яру или на Перигордскій пирогъ, полученный par l'entremise du Consulat изъ Франціи; а съ восторгомъ бросается смотреть новую картину или съ душевнымъ удовольствіемъ слушаетъ какую нибудь симфонію Гайдена или Бетговена. Любители изящнаго, артисты и Литераторы

безпрестанно присутствовали въ его кабинетѣ, откуда многіе бѣдные молодые люди выходили съ кошельками, полными золота, доставлявшими имъ средства къ усовершенію своихъ дарованій. Старые пріатели Семена опіказались отъ него, говоря: зпюгъ чудакъ право смѣшонъ; онъ перебивалъ и знамъ и сямъ, дѣлалъ ню и сѣ, проказничалъ, шалилъ, рубился на дуэляхъ и на аванпоспахъ съ Персидскими наѣзниками, безславилъ жейницъ, пилъ мертвую, жилъ по-Царски и à la fin des fins едѣлся какимъ-то меценатомъ XIX вѣка! — Смѣшной человекъ! жалкій человекъ, Князь Семень! — Ну, ей, ей, жалкій! — Такъ смѣшно изводить денежки! — Ну, на что это похоже? — Чинюбъ поддерживать какое-то полезное, по его мнѣнію, литературное предпріятіе, дать вдругъ цѣликомъ — пять тысячъ рублей! — Пять тысячъ рублей! — Легко сказать: за эти деньги можно-бы трехъ лямъ новаровъ доставить.

Такъ говорил многіе; но что же говорилъ и Ромшвертъ Усинъ, старый уланъ, достойный сподвижникъ удалаго Ч*, храбрый витязь и другъ бушмаки; но душа у него была добрая, и Князь полюбилъ его отъ всего сердца. Вошь, разъ у Усина вечерника, Зоветь онъ и Князя Семена, который, вилвъ его убѣдительной просьбѣ, наконецъ рѣшился явиться среди зпаго шумнаго общества.

Въ ярко освѣщенныхъ залахъ, подъ пѣнію благоухающихъ померанцовыхъ деревьевъ, толпились госпни. Иные сидѣли за ломберными столиками; другіе прохлаждали себя превосходными папютками; третьи верпѣлись

около песчанаго Цыганскаго табора, мимо котораго шель тихо Ольвинскій, въ раздумь подоел къ поезу померанцовый двѣлокъ, только что имъ сорванный. Вдругъ дѣжный голосъ прошепталъ поспѣшно: *Это онъ!* — Князь Семень оглядывается, и видитъ передъ собою молодую Цыганку, прелестную, какъ все, что можешь быть прелепнѣе, въ красивомъ пиастральномъ нарядѣ, блестящемъ мишурою. Это была Стефанка! —

Стефанка должна была рѣшнть его участь! — Она снова пробудила въ немъ страсти! — Цѣлый годъ прошекъ въ непрестанныхъ убѣжденіяхъ со стороны Ольвинскаго; но все они остались тщепными. Это болѣе усугубило въ немъ желаніе достигнуть своей цѣли. Онъ предлагалъ ей значительную сумму; но Стефанка все отшвергла.

Что жь, вы думаете? Цыганка изъ Ганкина табора сдѣлалась Ея Сіятельствомъ Княгиніею Стефаніею Ольвинскою.

В, Б — въ.

АРАБЪ и ПЕРСЬ.

Восточное преданіе.

Знойные лучи солнца раскаляли песчаное море, Пустыня дышала всемъ жаромъ царя пропиковъ. Въ этушь часъ полудня ни одно живое существо не смѣло появиться на душныхъ равнинахъ степи.

Два путника, Арабъ и Персь, отдыхали подь слабою тѣнью засохшей акаціи.

„Братъ“ — сказалъ Персь: — „вошь и наши вѣрные кони пали отъ усталости; и запасы испощаюпся; и швоа тѣква съ водой, послѣдняя надежда засохшихъ успѣ монхъ, скоро изсякнеть. Гдѣ жь та смоковница, которой вкусные плоды сулить ты моему голоду? Гдѣ источникъ, котораго прохладныя струи обьщаль ты мнѣ?“

Арабъ возвелъ глаза и руки къ небу: „Великъ Аллагъ!“ отвѣчалъ онъ; — „зной испребилъ смоковницу; смунъ изсушилъ источникъ!“

Персь не произнесъ ни одного упрека; но голова его опустилась и горькія слезы полились на грудь.

„Другъ!“ воскликнулъ Арабъ: — „правовѣрный не долженъ падать подь игомъ бѣдствія: терять надежду значить грѣшнть противъ Бога. Только два дни пуши раздѣлюшь насъ онъ шапровъ Хазаедя. Едва блѣдная дочь Фингари появится на небосклонѣ, мы, подь рукой Аллага, спанемъ продолжать путь свой.“

И въ послѣднемъ изнуреніи отъ зноя, жажды и голода, спанники раздѣлили остатокъ своей пиши.

Съ наступленіемъ ночи они снова пустились въ дорогу; но отсутствіе солнца не облегчило ихъ страданій: удушмивые пары клубились изъ почвы; звѣзды плонули въ тяжелыхъ облакахъ.

Путники шли до половины слѣдующаго дня; но воптъ Арабъ оспановился въ отчаяніи; изнуренный Персь готовъ былъ утаснть замертво на раскаленную землю. „О! дайше мнѣ каплю воды, одну каплю воды!“ — горестно вопіалъ онъ; — „если тѣква пуста — я умру здѣсь.“

— „Едва швоимъ или монмъ устамъ можешь она доставнть столько влаги, чтообъ дать силы для достиженія шапровъ Хазаедя; если жь мы раздѣлимъ ее, — тогда это горестное пособіе не доставнть намъ никакой пользы, и мы погибнемъ оба. Впрочемъ, ты знаешь, что тѣква принадлежитъ мнѣ . . .“

Отчаянный Персь упалъ на землю, и, спеная, валился по горячему песку.

„О! я опдалъ бы мою долю рая за хлопокъ струи Бендемира, Ахъ! За чѣмъ покинулъ я мой дворець Ширазскій, и мои сады съ прохладною сѣнью пальмъ и лимоновъ, и мою Дювильдею, ждущую меня къ празднику розъ? Я не увижу ее болѣе; не увижу дѣтей моихъ, монхъ милыхъ, прекрасныхъ малюпоктъ; я не увижу ихъ никогда, — и ты, злодѣй, осуждаешь меня на эту ужасную смерть!“

— „Другъ! клянусь Пророкомъ, охотно пожертвовалъ бы моею жизнью для спасенія швоей; но на холмахъ Гилака у меня также есть прекрасная жена, молодые отважные дѣти; и пѣкогда, встрѣтнсь со мною въ другомъ мѣрѣ, они спросятъ меня: онецъ! зачѣмъ ты оспавилъ насъ?“

„Такъ ты предаль на гибель швоего гостя, когда можешь спасти его? гостя, который пилъ изъ швоего

кубка и отдыхалъ подъ шапромъ твоимъ! Донишь въсь твердиши: у Араба объятъ всегда отверсты и сердце впрное: за своего госля онъ проливаетъ кровь свою; это великодушнѣйшій изъ всѣхъ народовъ міра; но теперь того не скажешь уже болѣе: слава Измаила помрачилась на вѣки.⁴

Измаилъ догрузился въ глубокія думы; вдругъ голосомъ инвердымъ и значительнымъ онъ повторилъ: у Араба объятъ всегда отверсты и сердце впрное! —

Сказавъ сіе, онъ подалъ шыкву своему товарищу, и завернувшись въ епанчу, простерся на песокъ.

Персъ утомятъ жажду и вышелъ изъ пустыни; Арабъ умеръ, но еще славу своего народа, и священное имя его переходило изъ рода въ родъ, какъ драгоценнѣйшее наследство того поколѣнія.

Съ Фр. Я. Д — въ.

РАЗГОВОРЪ.

А.

Розтекишь про себя клеветень: слышалъ ты?

Вѣдь свѣтъ на чемъ спонилъ — поносилъ;

Я до сихъ поръ не зналъ въ немъ низкой сей черны;

Какой намець. . . .

Б.

Такъ чтожь?.. Пусть ласкъ — вперъ посылъ! —

А.

Дивлюсь я дерзости; казалось-бы, Лашышь

Не смѣлъ. . . .

Б.

Пустое говоришь!

Онъ ищетъ чести той, что бѣ были мой побиты

Его Чухонскія: дайты!..

Н.

НОВЫЯ КНИГИ.

28. *Сонъ и Смерть*. Сочиненіе Михаила Деларю. Санктшербургъ, въ Тип. Деларю. Народ. Просв. 1831. Въ 16. (10 стран.)

Самое благородное употребленіе произведеній таланта состоитъ въ посвященіи ихъ пользѣ страждущаго человечества. Цельъ эту имѣли въ виду издатели спихотворенія: *Сонъ и Смерть*, печатая отдѣльно отъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ 200 экземпляровъ онаго въ пользу бѣдной дворянки, вдовы А. Б. Г — ой, лишеной въ

короткое время мужа и трехъ дѣтей, а съ тѣмъ взявъ утраченную здравье и всѣ средства къ поддержанію бѣдственнаго существованія своего въ здѣшней мірѣ.

Издатели почнутъ себя вполне награжденными за трудъ свой, если соотечественники примутъ участіе въ доставленіи дневнаго пропитанія несчастной сиротѣ: лучшую же награду за доброе дѣло всякій изъ нихъ, вѣроятно, найдетъ въ своей совѣсти.

Спихотвореніе сіе продается въ книжномъ магазинѣ Слѣнича по два рубли ассигнаціями: благопирительныя особы могутъ заплативъ за оное по сердечному движенію своему къ облегченію участи спраждущаго человечества.

С М Ъ С Б.

Наказанный ревнивецъ.

Анекдотъ.

Одинъ ревнивый мужъ имѣлъ 10-ти лѣтняго сына, которому приказывалъ всегда сказывать себѣ о всѣхъ, кто приходилъ къ его супругѣ. Однажды, вечеромъ, ревнивецъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ; вдругъ вбѣгаетъ ребенокъ, схватилъ отца за руку и сказалъ: „папа, папа, у маменьки какой теперь хорошенькой . . .“ Отець, не давъ договорить ему, бросился опрометью въ спальню жены, и что же нашель? . . . Бѣлый, дѣйствительно прекрасный пудель игралъ на софѣ у ногъ его супруги, которал, увидѣвъ вошедшаго къ ней встревоженнаго ревнивца своего, — насмѣлииво улыбулась. Мужъ, пришедъ въ замѣнапельство, сказалъ ей: „я не зналъ, другъ мой, что ты любишь бесѣду съ четвероногими.“ — „Да почему же? Я ужъ привыкла къ животнымъ!“ — отвѣчала она съ значительною улыбною.

— Упомятая въ 52-мъ Но Сѣв. Мерк. о Басняхъ Г. Зимова, мы забыли выписать еще одну Басню: *Фрагтъ*, которую сообщаемъ теперь для удовольствія нашихъ читателей, уже увѣренныхъ въ пріятномъ дарованіи новаго Баснописца.

Какой-но въ городѣ молодчикъ

Изъ крохъ послѣднихъ такъ франшилъ, что спрахъ.

Что день, по повенкой платочикъ;

Что мѣсяць — новый фракъ; а на часахъ

Цѣпочки и печанки

Мѣнялся — какъ бальныя перчанки.

Извѣстно вѣкъ,

Францашъ зачѣтъ.

И вотъ нашъ франтъ достигнулъ цѣли:

Сговорную прогѣли,

Въичальный былъ обрядъ.

Ужъ какъ онъ радъ,

Что мужемъ спалъ вдовы, какъ думалъ, прѣбогашой:

Но минулъ годъ, анъ глядь, на немъ и фракъ съ заглашой;

Свое спустилъ все до гроша;

А у жены нашлась одна душа,

И та, какъ говоришь, куда не хороша! —

Мы боимся обидѣть тѣхъ, до кого сіе касаться можетъ, неприличнымъ сравненіемъ; но въ самомъ дѣлѣ, если перецупать, такъ сказать, многихъ сполчныхъ молодчиковъ, то сколько между ними найдется такихъ франтовъ, которыхъ постигаетъ подобная же участь! —

Одна дама, спирасно въ себя влюбленная, которой уже лѣтъ восемь все идетъ 35-й годъ (какой продолжительный годъ!), — увѣрляла всѣхъ своихъ знакомыхъ, что ей куры спролятъскіе Офицеры, которыхъ казармы недалеко отъ ея дома. — „Изъ чего жъ вы это заключаете?“ — спросилъ кто-кто. — „Какъ изъ чего? — Эти господчики ежедневно во всей формѣ проѣзжаютъ мимо меня; да вѣдь еще что! за ними всегда ѣдутъ солдаты также въ полной формѣ.“ — Въ эту минуту пробилъ половина десятого часа на столовыхъ бронзовыхъ часахъ, и эта дама, глядя въ окно, воскликнула: „Вотъ они, вотъ они, ѣдутъ, ѣдутъ! — Ей Богу, пресовѣшно! — Какіе жъ шалуны!“ — „Да помилуйте! эти Гг. шалютъ и куры спролятъ по службѣ: они ѣдутъ къ разводѣ!“ — *Voici le mot de l'énigme.* —

— Двое молодыхъ людей въ одной гостиной разсуждали объ *идеалахъ красоты*. Спарушка, Графиня Z***, похожая глухоною своею на Князя Тугоулов-

скаго, не разслушавъ порядочно ихъ разговора, воскликнула: „Вотъ это люблю: молодые люди нынче умнѣ спали; начинаютъ говорить о хозяйствѣ; вотъ Князекъ Эпиенъ, да Камеръ Юнкеръ Лепуновъ, толкуютъ что-то объ *одъллахъ*, да чуть-ли еще не о шкапневыхъ.“

— Одинъ подъячій объяснялъ своему паціенну, т. е. проспелю, гіероглифическій смыслъ нѣкоторыхъ выражений въ своихъ дѣловыхъ бумагахъ, и увѣрлялъ, что за слово *поелику* плаинить просащій пять рублей; за *поисеже* — десепъ; за *следовательно* — двадцать пять; за *изъ сего ластеустъ* — пятьдесятъ. — „Ну, а когда жъ будетъ *приказали*: что за него плаинить должно?“ — спросилъ нетерпѣливый слушатель. — „О! это безцѣнное сокровище!“ воскликнуло чадо Θεиды: „за *приказали* плаинить обыкновенно цѣну не положительную, а добровольную; на это нѣтъ таксы; но для Судьи въ эиомъ-но словечкѣ и весь смакъ.“

— Брачивый начальникъ, и припомъ самый необразованный, услышавъ въ ближней комнатѣ довольно громкій разговоръ, вбѣжалъ туда и сказалъ первому, повалившемуся ему на глаза, молодому человѣку: „вы всегда шумите, какъ будно бы въ шрапнирѣ.“ — „Кажется, что *Вы такъ меня никогда не встрѣгали*“ — ошвчалъ оскорбленный молодой человѣкъ.

— Тѣмъ изъ чипателей нанихъ, въ которыхъ не охладѣло еще сердце ко всему, писанному Карамзиннымъ (хоть и старо, послѣ двухъ томовъ *Исторіи Русскаго народа!*), и равнодушнымъ къ *Руслану и Людмилѣ*, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что имя *Ратлира*, предка Марѣы, Посадницы Новгорода Великаго, упоминаемое также и въ повѣсти А. С. Пушкина, сохранилось въ названіи селенія, лежащаго на Москвѣ рѣкѣ: село *Ратлиръ* (принадлежащее одному изъ сотрудииковъ Свв. М.) замѣчательно по красивому своему мѣстоположенію.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывавая на оныхъ: *Издательство Свѣрнѣе Меркурія.*

№ 56.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 11 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЛИБЕНКА СЪ.

(Отрывокъ изъ повѣсти *Жанъ-Полъ Рихтера.*) (*)

„Никогда Фирмианъ не могъ успѣть въ томъ, что бы возвысить сердце жены своей до того лирическаго восторга любви, который заставляетъ позабыть небо, землю и все въ мірѣ. Такъ, никогда, потому, что Ленепа знала только слышать звонкіе удары колокольчика свѣтлыхъ часовъ, тогда какъ мужъ распочалъ ей свои поцѣлуи, или прислушиваться, хорошо-ли кипитъ горшокъ, и бѣгать за тѣмъ, чтобы снѣтъ съ него покрывку, съ глазами полными слезъ, испорченныхъ рассказомъ о какомъ нибудь прогательномъ происшествіи, или изображеніемъ, одушевленнымъ чувствами, который онъ выражалъ ей. Сидя въ ближней комнатѣ, она просяжно и въ полголоса пѣла одинъ изъ лучшихъ псалмовъ Давида; но на самой половинѣ стиха остановилась, чтобы сдѣлать ему сей слѣшкомъ простой вопросъ:

„Что я сдѣлаю сегодня на ужинъ?“

Фирмианъ не могъ позабыть, какъ однажды она, по-видимому слушая съ живѣйшимъ вниманіемъ проповѣдь, сочиненную имъ о безсмертіи души, вдругъ поднявъ вверхъ глаза, какъ бы размышляя о чемъ-нибудь, сказала ему: „Завтра не надѣвай сегодняшнихъ чулокъ; лѣвый ужъ въ дырахъ: надобно будетъ мнѣ его починить.“ — Человѣку съ образованнымъ умомъ, занимающемуся по временамъ хозяйствомъ, всегда хочется

(*) Нѣкоторые полагаютъ, что Авторъ въ чертахъ Фирмиана, герой сей повѣсти, изобразилъ самаго себя. *Прим. Перевод.*

имѣть жену, которой бы онъ могъ объяснять важнѣйшія истины Метафизики и Аспириомин, не будучи вынужденнымъ быстро низпускаться съ ихъ возвышенной области для слушанія разговора о чулкахъ, который онъ долженъ будетъ завтра надѣть. Счастливъ онъ, если судьба надѣлитъ его подругою, хотя не весьма съ обширными понятіями, но способною однако же возноситься вмѣстѣ съ нимъ до нѣкоторой точки; подругою, чей взоръ и сердце, при видѣ изящной природы, или свѣтлаго неба, вмѣсто того, чтобы останавливаться на какихъ-нибудь мѣлочныхъ подробностяхъ, понимаютъ цѣлостъ обширной и величественной картины созданія и чувствуютъ себя живо пораженными; подругою, которая въ безпредѣльности міра ищетъ другихъ предметовъ, кромѣ дѣтской комнаты, или бальной залы, и чье сердце, полное любви, умъ твердый, душа вѣрующая безъ предразсудковъ, — безпрестанно стремится къ тому, чтобы улучшить положеніе чловѣка, съ которымъ она соединилась навсегда. Этимъ-то самымъ Фирмианъ и ограничивалъ свои желанія.

Къ несчастію случилось иначе. Пораженный чрезвычайнымъ униженіемъ, онъ бросился въ старыя кресла, закрывъ лице обѣими руками. Мракъ, сокрывавшій будущее, разсѣлся. Фирмианъ увидѣлъ, что пропалась, отдѣлявшая сердце его отъ сердца Ленепа, можетъ только увеличиваться всякой день болѣе и болѣе; онъ съ прискорбіемъ постигъ, что любовь прежняя, столь прекрасная сначала, уже не возвратилась; что Ленепа не разстанется съ своимъ упорствомъ, съ своимъ

екучнымъ видомъ, съ своимъ простонародными привычками; что ограниченное состояніе ея ума и сердца останутся непроницаемо-сокровенными навсегда; что она не могла научиться ни понимать, ни любить его. Съ другой стороны, отсутствіе друга его увеличивало горесть, причиненную ему холодностію жены, и онъ печально смотрѣлъ на мрачную картину будущаго, представлявшую ему жизнь молчаливую, исполненную прерывающихся вздоховъ и тайныхъ обвиненій.

Ленета, молча, работала въ ближайшей комнатѣ: ибо оскорбленное сердце ея пренебрегало словами и взорами Фирміана, какъ часто пренебрегаемъ мы въспрт суровый и ледотворный. Уже наступила ночь; но она не заботилась подавать огня.

Въ ту самую минуту появился подъ окномъ странствующій музыкантъ съ диллятею, своимъ товарищемъ: одинъ изъ нихъ пѣлъ и перебиралъ струны арфы; другой игралъ на флейтѣ.

Эти звуки расстрогали Ленету и Фирміана: они напомнили Фирміану мечты прошлыхъ, надежды обрушившіяся. О, какъ пронзительно обращалъ онъ взоры свои на глубину минувшаго, на рѣку годовъ истекшихъ, въ которой онъ, еще полный юности и крѣпости силъ, видѣлъ всѣ желанія свои поглощенными, всѣ радости плакъ давно уже погибшими!

Ахъ! какъ тогда пламенѣли глаза его и одушевлялись надеждою на будущее; какъ доброе и довѣрчивое сердце его дышало нѣжностію и горячностію къ той, которую долженъ онъ былъ со временемъ обожать! Тронутый вздохомъ глубокой тоски, онъ воскликнулъ: „Надобно все это покинуть! Теперь все для меня погибло!“ Подобно тѣмъ переменчивымъ видамъ зеленыхъ луговъ, цвѣтущихъ деревьевъ, толпы любовниковъ, которые одинъ-за другимъ мелькаютъ передъ нами въ магическомъ фонарѣ, эти тлѣющія воспоминанія бродили въ умѣ несчастнаго страдальца, неимѣвшаго ничего въ семь мірѣ, ниже одного сердца, ему предавшаго. При всей природной твердости, разсудокъ его впалъ въ уныніе, и онъ былъ погруженъ въ какое-то летаргическое состояніе души; ничто на землѣ не могло ни исцѣлить, ни успокоить его, кромѣ собственной печали.

Вдругъ звуки замолкли и исчезли въ отдаленности, уносимые дыханіемъ вечерняго вѣтерка. Фирміанъ вспалъ, вошелъ въ комнату, гдѣ была Ленета, и сказалъ ей: „Возьми эти деньги, сойди внизъ, и отдай имъ.“ Но онъ едва могъ произнести сн слова, увидѣвъ при свѣтѣ огней, отражавшихся изъ сосѣдственныхъ домовъ въ ихъ комнатѣ, что лице Ленеты было омочено слезами. При входѣ его, она притворилась, будто опирается влажностъ, произведенную дыханіемъ ея на одномъ изъ стеколъ окна.

Тогда, смягчивъ звукъ своего голоса, онъ сказалъ ей: „Ленета, поспѣши же пожалуй: а то они уйдутъ.“ Ленета взяла отъ Фирміана деньги; глаза ея, покраснѣвшіе отъ слезъ, опворотились, встрѣтившись съ глазами мужа, не менѣе распухшими; но при этой встрѣчѣ, никакое чувство состраданія не оросило ихъ рѣсницъ: такъ ихъ сердца чуждались другъ друга. Они дошли до того несчастнаго состоянія, въ которомъ минуты общаго смущенія не въ силахъ ни уладить, ни оживить угасшаго чувства. Въ сердцѣ Фирміана еще тлѣлся животворный пламень; но любовь Ленеты уже не существовала. Въ ту самую минуту Фирміанъ почувствовалъ въ себѣ тлѣющее желаніе и невозможность любить ее, бывъ все еще увѣренъ въ сурости и холодності ея права. Онъ сѣлъ возлѣ окна, погнувъ голову, и лице его случайно прикоснулось къ платку Ленеты, забытому ею на столѣ. Проведя цѣлый день въ стѣсненіи чувствъ, сія несчастная женщина успокоивала сердце тѣмъ, что дала полную свободу изливающимся слезамъ своимъ.

Это прикосновеніе къ мокрому платку, какъ самое угрызеніе совѣсти, заставило Фирміана вздрогнуть. Въ тоже мгновеніе послышался голосъ пѣвца, аккомпанируемый флейтою; пѣсн, избранная имъ, была печальна и пропляжна; и каждый стихъ ея оканчивался сими словами: „Его уже нтъ! его уже нтъ!“ Онъ подумалъ, что можешь быть прежде, нежели наступитъ новый годъ послѣ того, который начнется завтра, расперзанное сердце его будетъ уже наслаждаться вѣчнымъ спокойствіемъ; вообразилъ послѣдніе минуты свои, — и холодный плапокъ былъ омоченъ

на пламенномъ лицѣ его новыми слезами. Кадансъ пѣнія, упавъ подобно правильному движенію свѣсныхъ часовъ, напомнилъ ему нѣкоторымъ образомъ о его времяпрепровожденіи, и подвѣсивовалъ на него такъ, что онъ воображалъ уже себя вкушающимъ пищу у гроба.

Музыка перестала. Онъ слышитъ, какъ Ленепа вошла въ комнату и зажгла свѣчу, подходишь къ ней и отдаешь ея плапокъ. Душа его была такъ распространена, что онъ не могъ не заключить въ свои объятія существо, каково-бы оно впрочемъ ни было, и прижать къ своему ослабѣвшему сердцу, если не прежнюю Ленепа, исполненную любви, по крайней мѣрѣ Ленепа такую; какова она была въ этотъ день, Ленепа, убитую страданіемъ. Фирмианъ тихо прижалъ ее къ своему сердцу. Но въ ту минуту, когда онъ обнималъ ее, Ленепа съ холодностію и поспѣшно отворотила голову. Жестко пораженный снмъ движеніемъ, онъ говорилъ ей: „Не ужели ты думаешь, что я тебя счастливей?“ Потомъ прикоснулася руками къ ея волосамъ, вновь прижалъ ее къ груди своей, и наконецъ освободивъ, закричалъ со всею горестію, которою сіе напрасное сжатіе наполнило его сердце: „Довольно! *его уже нетъ; его уже нетъ!*“

Пер. П. Др — въ.

ГУСАРСКАЯ ПИРУШКА.

Собралися — всѣ шумлящъ,
 Разговоръ ихъ пылокъ;
 Сабля свиснула — лешалъ
 Горлышки бубылокъ.
 Пьютъ — и гнутъ у карни концы,
 До упира бушуютъ
 Такъ гусары-молодцы
 Каждый день пируютъ.

Н.

НОВЫЯ КНИГИ.

29. *Наваринская битва или Ренегаты.* Историческій Романъ. Соч. Г. Мока. Перев. съ Французскаго О. Сомовъ. С. П. б., въ Тип. Гинце, 1831. Въ 8. (242 стран.)

30. *Битва при Ивиринѣ, или Отступникъ.* Историческій Романъ Г. Мока. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ Тип. Инспирюна Воспочныхъ языковъ, 1831. (242 стран.)

Ночны въ одно время явились два перевода Романа Г. Мока: одинъ въ Петербургѣ; другой въ мапушкѣ Москвъ. Петербургскій принадлежитъ О. М. Сомову: слѣдственно нѣ изъ нашихъ читателей, которые не прочли еще перевода Г. Сомова, могутъ быть напередъ увѣрены, что извѣстный Писатель не можетъ перевести Романа, не только душно, даже и посредственно. — Московскій Переводникъ заблагодарсудилъ скрыть имя свое отъ публики — и хорошо сдѣлалъ: ибо онъ взялся не за свое дѣло; слѣдственно теперь никто не знаетъ, кто имянно заключается въ его особѣ.

Романъ Г. Мока весьма занимателенъ: онъ доставитъ своимъ читателямъ истинное удовольствіе. Главный герой оного, Гассанъ Бей, невольнио заставляемъ принять въ себя участіе: судьба его достойна сожалѣнія.

Переводъ Г. Сомова продается въ магазинѣ Смирдина по 5, съ пересыл. по 6 рублей экземпляръ. О мѣстѣ продажи и о цѣнѣ Московскаго перевода не упоминаемъ: читать его никто не спашетъ, слѣдственно и вѣдать о томъ никому нѣтъ надобности.

С М Ъ С Ъ,

Каламбуры.

Въ языкахъ есть слова однозвучныя, отъ которыхъ происходятъ иногда презабавныя каламбуры. Недавно одинъ Офицеръ разсказалъ мнѣ при Анектопа въ семь родѣ, кои вышесывалъ изъ моей Агенды, представляю благосклоннымъ читателямъ Севернаго Меркурія. Вотъ они:

1.

Въ Митавѣ когда-то квартировалъ Могилевскій полкъ. Изъ близъ лежащей деревни былъ посланъ стоявшимъ тамъ Капитаномъ солдатъ съ какимъ-то рапортомъ къ Полковнику. Онъ сбился съ пути, увидѣвъ передъ собою три дороги. Идетъ Нѣмецъ съ котомкой, по видимому путешествующей, и направляю-

щій снопы свои въ центрѣ мапшкы Россіи, съ цѣлю сдѣлаться у какого нибудь помѣщика Энциклопедическимъ училищемъ. — „Мусью!“ кричитъ служивый и загородилъ своимъ Голіаѳскимъ корпусомъ дорогу Германцу. Нѣмецъ остановился, и, приподнимая карпузы, спросилъ: „Was wollen sie?“ — Солдатъ махнулъ рукой и говоритъ: „скажишь-ка, куда дорога въ Мишаву?“ — „In Mitau“ — отвѣчаетъ купчешественникъ, не понимая его. — „Да скажи: по какой изъ энтѣхъ пройши въ Мишаву?“ — „Ich verstehe nicht.“ — „Ну, фершпей, фершпей; ш. с. я спрашиваю: какъ ближе пройши въ Мишаву?“ — сказалъ Русакъ, дѣлая приказательный знакъ. — „Ich verstehe nicht.“ — „Эко бѣсовское навожденіе: ничего не понимаешь по Русски; эки неправославные!“ — Говоря это, служивый спавновился на каждую изъ дорогъ, спрашивая поочередно: „Эта въ Мишаву?“ — „In Mitau“ — „Эта въ Мишаву?“ — „In Mitau“ — „Эта куда?“ — „In Mitau.“ — „Чортъ возьми: всѣ дороги ведутъ въ Мишаву; да по которой ближе? то сепь, коли я пойду по эшой, будетъ-ли кругъ?“ — „Krug“ — „Ну, а по эшой?“ — „Krug“ — „Ну, а вопъ по эшой?“ — „Krug.“ — Солдатъ выпучилъ глаза; а Нѣмецъ началъ улыбаться и собирался идти, какъ вдругъ гренадеръ схватилъ его за воротъ, крича: „А! шмерцъ! все кругъ, да кругъ; такъ ты надъ Русскимъ солдатомъ изволишь смѣяться, проклятое опродье; яжъ теби.“ — И пу колошнпъ бѣднаго Нѣмца, который прибѣжалъ въ Шпабъ и требовалъ удовлетворенія. — Солдатъ утверждалъ, что Нѣмецъ увѣрялъ его, по какой-бы онъ дорогѣ не пошелъ, а все будетъ кругъ. — Нѣмецъ же говорилъ, что солдатъ спрашивалъ, на какой дорогѣ есть *коргла* (krug); а какъ на всѣхъ трехъ есть корчмы, по онъ и указалъ ему. — Дѣло объяснилось: будущаго Педагога возмездии синею бумажкою, а солдату замѣчно, чтобъ впредь не бытъ такимъ забіякой.

2.

Кирасирскій Ротмистръ Рубакинъ, выслужившійся

изъ Вахмистровъ, стоялъ въ Германіи на квартирѣ у какого-то купца, и за немѣнѣемъ другихъ компаній, ему отвели комнату вмѣстѣ съ тремя прикащиками эшаго купца. Ротмистръ Рубакинъ, между прочими спрашиваніями, имѣлъ одну презабавную, а именно: его бѣсно, если когда нибудь онъ находилъ кровать свою въ безпорядкѣ. Рубакинъ былъ на полковомъ ученьѣ, и нѣсколько молодыхъ Офицеровъ, зная за нимъ эту слабость, воспользовались его отсутствіемъ, переторжили всю его кровать и уехали. — Эскадронъ худо прошелъ на укороченныхъ поводахъ, и нашъ Ротмистръ явился въ самомъ худомъ расположеніи духа; отспегнувъ палашъ, онъ хотѣлъ броситься на поспель, какъ вдругъ ужасъ объялъ его душу при этомъ видѣ. — Не видя никого, кромѣ Нѣмцевъ въ комнатѣ, онъ закричалъ: „кто эшо тупъ развозился, кой чортъ? — Эшо вы проклятые!“ — Нѣмцы говорятъ: „Herren Officieren!“ — „Кой чортъ Офицеръ; ну, да я Офицеръ, и Ротмистръ; пу? — Капальн! за эшо бросаютъ въ окно. — Кшо эшо сдѣлалъ?“ — „Ja! Ja!“ — восклицаетъ одинъ. — „А ты, шы негодій!“ — Вбѣжавшіе Офицеры объяснили все дѣло и спасли Нѣмца, который за слово Ja, понятое Рубакинымъ за признаніе, едва не вылетѣлъ въ окно.

3.

Русскій солдатъ и Латышъ шли однажды дружески подъ руку вдомъ по рощицѣ. Тотъ и другой были сизо. Пьяный солдатъ спрашиваетъ у подивившаго его Латыша, указывая на огромный мухоморъ: „А вадзиръ драукъ (*), каковъ грибъ?“ — „Не грибъ“ — отвѣчаетъ Латышъ. — „Какъ, не грибъ, эшо хопъ и мухоморъ, а все грибъ.“ — „Не грибъ“ — отвѣчаетъ тотъ рѣшительно. — „Грибъ!“ — воскликнулъ Русакъ, осердился. — „Не грибъ.“ — И заварился споръ, а изъ спора перешло въ рукопашье. — Дѣло объяснилось пѣмъ, что *грибъ* значилъ у Латышей: *хочешь-ли?* — а не грибъ: не хочу.

Викторъ Басковскій.

(*) А послушай-ко дружокъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателю Свѣрнаго Меркурія.*

№ 57.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и *двадцати* номеровъ, на *вѣсенной* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 13 МАЯ, СРЕДА.

СТОЛИЧНЫЕ ГОСТИ.

Первый прѣзжій.

Изъ Вятки прѣхалъ въ первый разъ въ Сполницу молодой помещикъ, Чупчевской. Сельскія побѣды, пылкое воображеніе и лишннихъ нѣсколько тысячъ рублей дали ему полное право во время продолжительнаго юуни распорядиться, какимъ образомъ озадачить Петербургскую публику. — Вѣздъ совершился! — Разписанная кибишка, крашеная дуга и упряжь съ бубенчиками были только предвѣстниками злаго умысла. Пыльшля жизнь Чупчеваго, при рѣшительныхъ распоряженіяхъ, обнаруживалась обширный планъ. Рекомендательныя письма берегутся до времени, лорнетъ купленъ, затвержены вокабулы Французскаго языка; и когда кончатся маэурочныя уроки, — герой на сценѣ.

Берегитесь, дѣвы красныя,
Если съ нимъ судьба сведеть:
Онъ творить прѣказы разныя
И опичена не дастъ.

Второй прѣзжій.

Наслышась о жирныхъ блинахъ Балабннскои гостиницы, на прошедшей масляницѣ л отправился въ нее съ однимъ своимъ пріятелемъ. Во время заѣпрака видимъ мы расхаживающаго гордо по комнатамъ молодаго Офицера. Оригинальносіть пріемовъ и самодовольный видъ обращали на него общее вниманіе. Мальчикъ, прислуживавшій намъ, рассказалъ слѣдующій анекдотъ, случившійся наканунѣ съ симъ героемъ.

Томъ III. № 57.

Одинъ бѣдный данписецъ, бѣгающій по трактирамъ для выручки дневнаго пропитанія, явился въ номеръ, занимаемый симъ Офицеромъ. Послѣ предложенія услужь и краткаго разговора, понявъ, что новопрѣзжій мало знакомъ со Столицей, снова началъ просить позволенія осмотрѣть зубы, и когда Корнетъ отказался, данписецъ объявилъ рѣшительно, что онъ пріѣхалъ въ гостиницу отъ Губернатора, для освидѣтельствованія прѣзжнхъ, и въ случаѣ, если найдутся таковыя, у коихъ зубы повреждены, вырвать или вычистить по разсмотрѣнію. Учивость данписца и неизбѣжность обыкновенной усадли Офицера на стулъ пропавъ свѣта; назначаются два зуба для выдержки, и начинается душливая операція.

Нестерпимая боль, чувствуемая Корнетомъ, заставляетъ просить пощады; данписецъ не иначе соглашается оставить повредившіеся, по его увѣренію, два зуба, какъ съ уплатою за каждый по 5 рублей. Пѣса кончается: данписецъ получаетъ 10 рублей, и даетъ слово не сказывать Губернатору.

Я взглянулъ на Корнета; онъ курилъ трубку, крутилъ едва пробивающіеся усы, и передъ нимъ уже стоялъ стаканъ пунша.

Скажи, чипатель, чей портретъ
Ты узнаешь въ ликомъ Корнетъ?
Чье имя Арміи Корнетъ
Имьенъ день и почъ въ предметъ?
Онъ Б. . . . мѣ желаснъ быль,
Араку море осушить;
А шамъ — все прынь-права на святъ!

Первый уезжающий.

(Извѣстіе заимодавцамъ.)

Ударило двѣнадцать — разъѣзжались изъ Театра. Вотъ шебъ и новыя піэсы! — сказалъ пріятель мой Б*, ѣхавшій со мною на дрянномъ извозчикѣ: „растлупты, скучны“ Извозчикъ разшевелился, ударилъ преногаго бѣгуна; напались козлиные прыжки и сапи наши поравнялись съ низкими розвальнями, плнущимися парюю лошадей. Случился раскатъ; мы спукнулись, и мой Б* очутился въ розвальняхъ, въ коняхъ сидѣлъ пѣкто, закутанный въ волчью шубу.

Бѣгуны останоуидись. — Началась разбирательная церемоція и въ волчьей шубѣ открылся Чупчевской, пробирающійся incognito за заставу,

Чупчевской присушествовалъ всегда въ Театрахъ, верпѣлся съ дорнетомъ, вызывалъ съ жаромъ молодыхъ Актрисъ, назывался на домашніе вечера, старался быть замѣченнымъ и — чрезвычайно не доволенъ холодностію публики. Одни кредиторы замѣчали его, и оиъ нухъ-то, кажется, принято обратное пушешествіе въ Вятку,

Мѣсяць полный, мѣсяць лсный!
Не являлся изъ за шумъ;
Ты теперь мнѣ врагъ опасный,
Твой одинъ нескромный лучъ
Для прохожихъ открываетъ
Положеніе бѣглеца;
И въ холодный пошъ бросаетъ
Удалаго молодца.

Вотъ состояніе, въ коемъ находится нашъ франтъ. Но мы расклаивались и розвальни покачивались. За заставой должно ожидать перемѣны чувствъ; подозрѣнія и болзнь исчезнуть; ѣзда сдѣлается живѣе, и слѣдственно пісня будетъ другаго рода:

Я покоснъ, насмѣхаюсь
Эпикешомъ и молвой,
Въ сюртукъ проспому валлюсь,
Съ теплой шляпою простой.
И цвпочки, и лорисеты,
Не боюсь я растерять,
Фраки, галстухи, жилеты
Невозможно замарать:
Все осталось въ закладъ,

Впрочемъ выгодной цѣной;
Хоть съ судьбою я въ разладъ,
Но доволенъ самъ собой.

Какъ бы то ни было; а оиъ Вятки достауеплся Петербургу. Чупчевской никакъ не извинить холоднаго обращенія и невниманія къ нему публики.

Второй уезжающій.

Кто это несется на парѣ почповыхъ? — Сзади скачутъ два жаандарма; распрягается пристяжная, сапи останоуидись. Я подошелъ къ жаандарму, чинобы спросить о причинѣ и главномъ лицѣ сего парада; но узналъ въ пассажира недавно пріѣхавшаго изъ Арміи лихаго Корнета Н. — Теперь вопросы не пужны; дѣло объяснилось.

Молодой запѣвникъ, напипанный духомъ удалъспива, во время бытности своей въ Столицѣ, не признавалъ законовъ приличія, распоряжался со встрѣчнымъ и поперечнымъ, какъ съ десятскимъ Екатеринославской губерніи, буянилъ въ загородныхъ трактирахъ, балъ стекла въ квартирахъ Частныхъ Приспавовъ, ошдѣхалъ на Стѣной (т. е. на гауптвахтѣ), и выходилъ изъ Косляковского дома не иначе, какъ съ барабаннымъ боемъ. Если прибавить къ сему ежедневныя приключенія съ извозчиками, дворниками и челядью разнаго рода, то каждый согласится, чино Корнетъ заслуживалъ полное право на парадный выѣздъ изъ Столицы.

Иному покажется страшнъ такой характеръ; но оиъ оригиналенъ и споекъ. — Проставьте къ Н дядьку Философа; дядька не успѣетъ ни въ чемъ. Воспитанникъ безъ всякихъ доказательствъ епанестъ настанванъ въ своемъ мнѣніи, и разговоръ у нихъ будетъ слѣдующій

Д л д ъ к л .

Должно року покориться:
Оиъ блюдетъ повсюду насъ;
Время естъ повеселился
И для дѣла естъ же часть.

В о с п и т а н и к ѣ .

Тотъ блажеть, кому случился,
Безъ причины, для проказъ,
Въ сутки пльнымъ разъ напиплся
И буянитъ въ сутки разъ.

Д я д ь к а.

Бросимъ въ вѣчность наши взоры
Что возьмемъ за днѣй весну?
Наслажденье ль за раздоры
И награду ль за вину?

В о с п и т а н и к ъ.

Пей — пока на эти взоры
Время нанесетъ волну!
Сабля, конь, усы и шпоры —
Все, какъ ключъ, пойдешь ко дну.

Потемкинъ,

Н О В Ы Я К Н И Г И.

31. Мы получили экземпляръ книжки съ двумя заглавными листками. На одномъ изъ нихъ напечатано:

Туалетная Химія, или Химическій Альманахъ на 1831 годъ, Посвящается П. Т. В. . . . Сочин. Т. . . . Г. . .

на другомъ:

Туалетная Химія. Сочин. Т. Г. . . .

на обоихъ находится слѣдующій эпиграфъ, заимствованный изъ извѣстнаго Романа В. А. Жуковскаго:

Во всехъ природы красотахъ

Всечасно образъ твой встрѣчаю.

Москва, въ Университетской Типографіи, 1831. Въ 16. (96 стр.)

Какой-то Химикъ, влюбленный въ кого-то, чей образъ, на основаніи своей науки, онъ раздѣлилъ (безъ особеннаго впрочемъ намѣренія, но единственно по незнанію правописанія) на *всѣ гаси*, исказивъ въ семь случаевъ (также безъ намѣренія) прелестный стихъ Жуковскаго, — проповѣдуетъ своей возлюбленной о нѣкоторыхъ предметахъ Химіи, примѣшавъ вездѣ неумѣстные восклицанія къ нѣжной подружѣ своего сердца, и собственныя презабавныя разсужденія о прекрасномъ полѣ вообще. Если неизвѣстная красавица имѣла шершавіе прочитавъ все, что заключается въ этомъ приношеніи усерднаго ея обожателя, то, вѣроятно, буде она до того времени и чувствовала къ нему какую нибудь склонность, — перемѣнила свои о немъ мысли, получивъ невыгодное попятіе о странномъ по многимъ отношеніямъ образѣ его мыслей,

о плохомъ его знаніи грамоты Русской, и поному подобное. Она, втроянно, въ подражаніе избранному имъ эпиграфу, отвѣчала:

Мой другъ! во всехъ твоихъ строкахъ

Я сущій вздоръ встрѣчаю.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Жени, Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго Р. М. Зотовымъ. Музыка Карофа. (Представлена въ первый разъ на Большомъ Театрѣ 30 Апрѣля, въ Четвертокъ.)

Гамильтонъ, богатый Лордъ, по нѣкоторымъ неприятнымъ обстоятельствамъ, бывъ вынужденнымъ скрыться въ Индію, возвращается на родину. — Владѣтельный Князь дозволяетъ ему вступитъ въ его помѣстья, съ тѣмъ однако же, чтобы онъ выдалъ племянницу свою, Миссъ Анну, единственную наследницу его имѣнія, за сына умершаго врага своего, Лорда Мюльграва. — Желая уклониться отъ сего обстоятельства, Гамильтонъ, уведомявъ Князя, что племянница его уже соединена съ Фридрихомъ, намѣревается тайно свершить бракосочетаніе. Въ самое сіе время молодой Лордъ Мюльгравъ пріѣзжаетъ, пропивъ желанія своего, выполнитъ волю Князя. Бетти, жена садовника, открываетъ ему намѣреніе Гамильтона, и Мюльгравъ, любя холостую жизнь, весьма охотно отказывается отъ правъ своихъ. Одна нѣмая Жени, принимаемая за дочь садовника, страдаетъ: она любитъ Фридриха и взаимно любима. — Садовникъ, Жоржъ, терзаемый несчастіемъ Жени, открываетъ ей пресупленіе свое: онъ объявляетъ, что она дочь Гамильтона, и что онъ подмѣнилъ ее собственнымъ ребенкомъ въ то время, когда Лордъ пріѣзжалъ изъ Индіи, чтобы взять съ собою малолѣтнюю дочь свою, оставленную имъ на рукахъ Жоржа во время побѣга. Обнаруживъ тайну, Жоржъ идетъ въ винный погребъ, гдѣ Бетти для шутокъ запираетъ его. Жени тщетно старается изъяснить Гамильтону, что она дочь его; но онъ не понимаетъ ее, и несчастная, лишенная всей надежды, рѣшается свершить побѣгъ. Лордъ Мюльгравъ, узнавъ о любви Жени къ Фридриху, предлагаетъ ей скрыться въ жили-

ше шетки его, обѣщая опвести ее туда. Опчаянная Женни съ воспоргомъ принимаесть предложеніе развратнаго Лорда и скрывается съ нимъ. Въмѣсто того, Мюльгравъ привозитъ ее въ свой замокъ. Тутъ только Женни удостоверяется въ коварствѣ злодѣя. Одно только появленіе Лордовъ-гулякъ, Мюльгравовыхъ друзей, спасаетъ несчастную опъ безчестія. Въмѣстѣ съ тѣмъ является Бенни. — Пьяные Лорды предаются наглости. — Бенни останавливаетъ ихъ, открывая, что Женни есть дочь Лорда Гамильтона, и что въ доказательство найдены ею документы. Лордъ Мюльгравъ рѣшается насильственно жениться на Женни, и пѣмъ вознаградишь великодушнѣе свое въ уступкѣ Миссъ Анны. Опъ требуетъ выдачи документовъ; хитрая Бенни увѣряетъ его, что они находятся въ замокъ Гамильтона, и опдавъ ихъ тайно Женни, скрывается за Мюльгравомъ и друзьями его. Женни прочитываетъ доказательство рожденія своего; близкій шумъ прерываетъ восшоргъ ея. Она полагаетъ, что Мюльгравъ возвращается, и чтооь спасти документы, она зажигаетъ ихъ и бросаетъ за окно, падая сама безъ чувствъ. Но вмѣсто Мюльграва является Фридрихъ. Опъ брошенныхъ зажепныхъ бумагъ навильонъ объемлетъ пламенемъ. Но Лордъ Гамильтонъ спасаетъ погибающихъ. Вопъ содержаніе Оперы.

Содержаніе, какъ можно видѣшь, не совсѣмъ толково, а еще тѣмъ менѣе занимательно. Переводъ сдѣланъ слишкомъ на скорую руку. Изъ числа зрителей, бывшихъ въ спектаклѣ, если не всѣ, то, безъ сомнѣнія, весьма многіе не захотѣли видѣшь эту Оперу во второй разъ, наперпясь скуки вдоволь и на сей первый разъ. Одна только хорошая игра Г-жи Телешовой м., представлявшей Женни, оживляла по временамъ сцену. Она искусною мимикою удовлетворительно выражала мысли, снраданія и чувства испинной любви. Напомяна Фридриху объ его кляпвахъ, она была прекрасна; а въ послѣднемъ актѣ, когда

Женни рѣшается сжечь документы, въ конхъ заключается участіе ея, Г-жа Телешова доставила зрителямъ испинное удовольствіе своимъ дарованіемъ. Одношь только р . . ., но объ этомъ мы скажемъ ей самой. — Г-жа Лебедева пѣіемъ кавашины Россини, во второмъ актѣ, справедливо заслужила одобреніе зрителей и вызовъ. Не смотря на незнающую роль, въ которой она была (Миссъ Анна), Г-жа Лебедева видимо старалась поддерживать ее. — Г-жа Шелихова, въ роли Бенни, сохранила испиъемлемое свое достоинство: свойспивенную ей любезность. — Г. Рамазановъ (Фридрихъ), подающій надежду на будущіе успѣхи въ театральномъ поприщѣ, съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ, былъ одобренъ зрителями. Мы полагаемъ, что надобно поощадишь эаго молодого Актера, и вмѣсто болыпныхъ Оперъ, назначашъ ему не весьма значительныя роли; ибо въ трудныхъ пасажахъ неволью опасашься за грудь Г. Рамазанова.

Д. Шелелевъ.

С М Ъ С Ъ.

— Актриса N°, желая получишь въ глазахъ другихъ высшее поппіе о своей образованности, всегда употребляла въ разговорахъ мало знакомый ей Французскій языкъ. Одношь разъ, въ междушствіи, совсѣмъ одвшинсь послѣ первой пѣасы для повои, она выходитъ на сцену изъ уборной; и услышавъ, что нѣкоторыя Актеры еще одъвакошя, и потому не скоро начнешя пѣса, обратилась къ одному готовому совсѣмъ Актеру, хопя человеку умному, но для сцены бесполезному, съ вопросомъ: „Не правда-ли, монъ шеръ, что какъ для публики, такъ и для насъ неспосны эти долгіе Каптракпы.“ — „Не то, то для насъ, а для Дирекціи и Публики“ — опвѣчалъ со вздохомъ сознательный молодой человекъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 58.

Выходитъ по Пonedѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на домъ и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 15 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ГОСПОЖА ЖАНЛИСЬ.

Г-жа Жанлисъ умерла скоропостижно, 85 лѣтъ, 31 Декабря минувшаго года. Она называлась Стефанія-Фелиція-Дюкре де Сент-Обертъ, и происходила отъ благородной фамиліи д'Анпюнь. Больше благорядна спивуемая природою, нежели счастливѣе, ея умъ, крепость нрава и дарованіе въ музыкѣ, доставили ей входъ въ лучшія общесства ея времени. Счастливый случай свелъ ея съ человекомъ, имѣвшимъ значительный вѣсъ въ свѣтѣ и сблизилъ съ домомъ Орлеанскимъ. Одно изъ писемъ двѣ Дюкре попалось въ руки Графа Жанлисъ, Бургундскаго дворянина, бывшаго при Дворѣ Дюка Шарпрекато, (ощца пышншаго Короля). Это письмо, написанное съ отличнымъ остроуміемъ, послужило предлогомъ къ первымъ сношеніямъ, кончившимся супружесствомъ ихъ. Чрезъ сіе замужство Г-жа Жанлисъ сдѣлалась племянницею Г-жи Монпессонъ, бывшей втайнѣ замужемъ за погданскимъ Дюкомъ Орлеанскимъ, каковой бракъ, хотя и признанный Дворомъ, былъ извѣстенъ всѣмъ. Дядь Шарпрекій увидѣвъ Г-жу Жанлисъ у Г-жи Монпессонъ. Этого вельможа былъ человекъ моднаго свѣта, любившій до крайности все нововведенія, какъ относившіяся до Англіи, такъ и воображаемыя современными философами и полмиками.

Г-жа Жанлисъ, почиталась въ кругу своего знакомства за совершенный образецъ умнаго житія и хорошаго вкуса, соединенныхъ, какъ говорили о ней, съ умомъ философскимъ и познаніями основательными и

Томъ 111, № 58.

разнообразными. Такъ думалъ о ней и Дюкъ Шарпрекій, и вѣрилъ ей воспитаніе проихъ сыновей и дочерей, съ титуломъ *Наставника* странноспѣ названія сего, присвоеннаго женщицѣ, не правила въ Людовика XVI, и заставила смѣяться публику.

Во время пребыванія своего въ Пале-Рояль, въ пржепемъ его достоинствѣ, Г-жа Жанлисъ, для оправданія выбора своего первою наставницею Принца крови, написала множество твореній о воспитаніи; но они обязаны были успѣхомъ своимъ только положенію, въ которомъ находилась ихъ Сочинительница: *Адель и Теодоръ, Вегера въ злѣкѣ, Лютониеи: добродѣтели, Театръ воспитанія*, принадлежатъ къ сей эпохѣ. Книги сіи, хотя и не найдутъ читателей въ потомствѣ, но за всѣмъ тѣмъ они носили на себѣ весьма вѣрный отпечатокъ легкой нравственности и превосходнаго знанія свѣта; въ нихъ видны пріятный умъ, и они облупаютъ прелестію выраженія. Впрочемъ они не отличаются никакимъ сильнымъ чувствомъ, или достоинствомъ твердымъ; но откровенность души и оригинальность несколько не измѣняютъ ихъ легкаго однообразія.

Во множествѣ Комедій, написанныхъ Г-жею Жанлисъ, сказалъ Черутти, едва-ли выищется одна хорошая сцена. Сверхъ того Г-жа Жанлисъ желала еще успѣть въ некоторомъ родѣ сочиненій, религиозно-философическомъ и свѣтскомъ, почерпнутомъ въ книгахъ полу-богословскихъ. (*Молитвы, или Лютониеи блаженствія, предлагаемыя всѣмъ вступившимъ, а наиболее молодымъ особамъ; Религія, при-*

платя за единственное основаніе счастья и истинной философіи.) Эпиз сочиненія были весьма строго окри- тикованы. Думаютъ, что основаніемъ сихъ отрыв- ковъ служили *Письма о Религии* Аб. Гюше, и что Аб. Ламуретъ пересматривалъ наружный составъ оныхъ. Доктора и Философы заодно вооружились пропивъ ихъ. Это, однако же, не помѣшало Сочини- тельницѣ сохранятьъ вкусъ свой къ твореніямъ ми- стическимъ и догматическимъ, допущенный даже въ Романахъ любовныхъ.

Настала революція 1789 года. Она вспыхнула, какъ говорятъ, въ Пале-Рояль, и Г-жа Жанлисъ не отка- залась послѣдовать общимъ обыкновеніямъ. Она при- казалывала прехващныя кокарды и ленты, посѣщала клубы; а мужъ ея, известный прежде подъ именемъ Сильери, получилъ въ Конвенціонномъ Собраніи званіе Жирондина, за которое сдѣлался жертвою эшафота. Эта эпоха въ жизни Г-жи Жанлисъ послужила пред- метомъ сильныхъ припязаній со стороны Роялистовъ, которые обвиняли ее за воспріиманіе юношества, во- влеченнаго будто бы въ революцію. Впрочемъ, упрекъ сей могъ бы быть и не столь значительнымъ, если бъ былъ припязъ съ бѣльшимъ смѣлостію и изъяс- вленіемъ нѣкоторой гордости; однако же онъ весьма обезпокоилъ Г-жу Жанлисъ, какъ набожную Роялисту- ку, защищавшуюся слабо и не ловко.

Послѣ первой поѣздки своей въ Англію, куда про- возжалъ ее Пеніонъ, Г-жа Жанлисъ прибыла въ Бельгію во время перваго похода Дюмурсе, соупутствуя Герцогинѣ Орлеанской; и съѣдуя вблизи Дюка Шарпр- скаго (нынѣшняго Короля),

въ Брюссель она выдала замужъ за Лорда Фишца-Геральда одну молодую Англичанку, называвшуюся Пальмелою, которую она представила въ свѣтъ подъ именемъ своей воспитанницы. Лордъ Фишцъ Геральдъ чрезъ нѣсколько лѣтъ погибъ въ демократиче- скихъ возмущеніяхъ Ирландіи; а вдова его находился и нынѣ во Франціи. Изъ Бельгіи Г-жа Жанлисъ поѣ- хала въ Швейцарію, въ Сенъ-Клерскій монастырь и въ Бремгартенъ, вмѣстѣ съ Герцогинею Орлеан- скою, которая вскорѣ разсталась съ нею, отправив-

шись къ своей теткѣ, Принцессѣ де Конти, въ Фри- буръ. Непріятности со стороны полиціи и общест- ва, дѣлаемая эмигрантами, заставили Г-жу Жанлисъ удалиться въ Германію. Она избрала мѣстомъ пре- быванія своего окрестности Гамбурга, гдѣ находилась тогда колонія Французскихъ эмигрантовъ, по большей части участниковъ революціи 1791 года, высланныхъ 10 Августа: Лафаеттъ, Машье, Дюмасть, Ламетты, лю- ди съ отличнымъ умомъ и дарованіями, Ривароль, Малле-Дюпанъ, Монше и др. Это убѣжище было для нее безопаснѣе; памъ Г-жа Жанлисъ издала въ свѣтъ: *Краткія записки о поведеніи своемъ во время револю- ции*, весьма любопытныя для чтенія. Въ Гамбургѣ она выдала замужъ племянницу свою, дѣв. де Серсей, за памощнаго Кунца Матъессена, пользовавшагося въ Гамбургѣ большимъ уваженіемъ и извѣстностію.

Бонапарте, бывшій первымъ Консуломъ, сдѣлался предметомъ вниманія и публичной похвалы Г-жи Жан- лисъ. Она получила чрезъ то не только уничтоженіе своего эмигрантскаго вида, съ возвращеніемъ во Фран- цію; но еще пенсіонъ и квартиру въ Арсеналь. Даже позволено было Г-жѣ Жанлисъ имѣть частную пере- писку съ Наполеономъ, и весьма подозрѣвать можно, что она воспользовалась симъ правомъ, дабы льстивъ духу прежняго правленія, бывшему нѣкоторымъ пят- номъ въ характеръ сего удивительнаго человѣка.

Съ самаго возвращенія своего во Францію до по- слѣдней минуты жизни, Г-жа Жанлисъ издавала въ свѣтъ множество Романовъ и компилцій разнаго ро- да, писанныхъ по всему вѣроятію для однихъ книго- продавческихъ доходовъ, и изъ которыхъ весьма не- многія пользуются нынѣ извѣстностію. Возвращеніе Царственнаго воспитанника Г-жи Жанлисъ, казалось, поставило ее внѣ крайнихъ нуждъ ея.

Въ самомъ дѣлѣ покровительство и щедрость дома Орлеанскаго не забыли и ея жилища; при всемъ томъ однако же неукротимая привычка къ распочительно- сти оставила свои признаки въ спѣсенной ся жи- зни, которые были слишкомъ ощутительны. Надобно замѣтить, что ни послѣ возстановленія правленія, ни послѣ революціи, но причинамъ, донынѣ въ поч-

носни неизвѣстнымъ свѣту, Г-жа Жанлисъ не являлась уже въ Пале-Рояль, и болѣе не пользовалась пощещіемъ Августѣйшихъ особъ.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

КУПАНЬЕ.

(Въ родѣ Русской пѣсни.)

Видѣть я, какъ ты купалась,
Какъ играла ты волной;
Видѣть я, какъ отдѣлялась
Влага пѣжною рукой.

Образъ милый отражался
Въ глубинѣ зеркальныхъ водъ,
И предъ нимъ ничто казался
Угря солнечный восходъ.

Межъ кустовъ мой взоръ блуждая
Лишь тебя одну искалъ,
И по волнамъ пробѣгалъ,
Счастью дерзкихъ ревновалъ.

Какъ они къ тебѣ бѣжали,
Какъ сливались предъ шобой
Какъ со споромъ окружали
И пелись своей чредой.

Грудь лилейная вздымалась,
Взоръ вперялся въ небеса,
И по волнамъ разсыпалась
Въ кольцахъ длинная коса.

Бѣлоснѣжною (*) рукою
Влага чистая лилась,
И сребристой пеленою
По плечамъ твоимъ пелась.

Видѣть я, какъ выходила
Ты на берегъ золотой (**);
Я замѣтила, гдѣ спустила
Спройной, легкою ногой.

(*) Бѣлоснѣжною, выраженіе, вообще употребляемое почти всеми извѣстными Писателями; однако жъ всегда, когда мнѣ встрѣчается сіе выраженіе, я вспоминаю:

Та рождена для спрасныхъ нѣгъ;
У пой-то ручки очень нѣжны;
(Какъ будто есть и черный свѣтъ!)

Прим. Корректора.

(**) Золотой берегъ, выраженіе, могущее показаться страннѣмъ для строгихъ критиковъ; но оно справедливо: желтый песокъ, при отраженіи солнца, кажется золотымъ.

Прим. Соч.

Кровь во мнѣ вся волновалась,
Я въ забвеніи лежала;
Видѣть, какъ пыи одѣвалась;
Я едва, едва дышала.

Постепенно сокровались
Все прелестныя черты,
А во мнѣ однѣ остались
Пензѣнные мечны.

Потомкииъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

32. *Граубиндецъ, или Берегъ волшебницъ.* Соч. Гапри Цшокке. Перев. съ Французскаго. Двѣ части. Москва, въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 12. (Въ перв. части 152, во втор. 156 стран.)

33. *Зигфридъ де Линденбергъ, Померанскій дворянинъ.* Лѣтописи Шведской Помераніи I. Г. Мюллера. Пер. съ Франц. Четыре части, съ картинками. Москва, въ Тип. Рышеникова, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч 211, во втор. 202, въ пр. 191, въ четв. 190 стран.)

Нѣкоторые Московскіе Журналисты упрекаютъ иногда Петербургскихъ въ пристрастіи къ своей Столицѣ, и въ нападкахъ, будто-бы дѣлаемыхъ сими послѣдними на книжныя издѣлія, въ Москвѣ появляющіяся. Но да будуще они сами безпристрастными судьями, хотя и въ собственномъ дѣлѣ. Выходитъ-ли въ Петербургѣ столько негоднаго по части книжной промышленности, сколько въ Москвѣ?.. Съ 1-го Января нынѣшняго года Москва поспавила по крайней мѣрѣ до полусотни всякой дрянн подъ разными названіями, и оригинальнаго и переводнаго, и въ стихахъ и въ прозѣ; а въ Петербургѣ едва ли можно насчитать до пяти. Великая разница!.. Могутъ-ли, примѣръ, Московскіе Журналисты упрекнуть Петербургъ въ томъ, чтобы въ немъ были когда нибудь издапы переводы извѣстныхъ сочиненій, цѣльнѣе, въ сравненіи съ сими двумя: *Граубиндецъ и Зигфридъ де Линденбергъ*?.. Впрочемъ нѣтъ! — Не смотря на то, что Издапель Московскаго Телеграфа разсуждаетъ съ Московскими книгопродавцами о достоинствѣ слога Свѣ. Меркурія, и основываясь на просвѣщенномъ мнѣніи сихъ ученыхъ мужей, увѣрляеть

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнна, подписывалъ на оныхъ: *Издателью Сверхнаго Меркурія.*

№ 59.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *зеленой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 18 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГОСПОЖА ЖАНЛИСЬ.

(Окончаніе.)

Изъ числа Ромашовъ Г-жи Жанлисъ небольшая историческая новость ея, подъ названіемъ: *Дльвица Клермонъ*, кажется, неоспоримо должна получить намъ предпочтенія.

„Эпо, говоритъ Шенъ, очень хорошій Романъ. „Сжатость составляетъ малѣйшее его достоинство. „Характеры въ немъ обрисованы съ совершеннымъ „правдоподобіемъ; нѣтъ ни изысканныхъ случаевъ, ни „объясненій мнимо-религіозныхъ; дѣйствіе просто; „слозь естественъ; разсказъ одушевленный; занима- „тельность, всегда возрастающая; вопль все, что мы „находимъ въ немъ: можно подумать, что читаемъ „сочиненіе, изданное послѣ Г-жи Лафонтенъ.“ — *Гердогилла де Лавальеръ*, не смотря на большую народность характеровъ, гораздо ниже упомянутого Романа. Прочіе историческіе Романы Г-жи Жанлисъ не имѣютъ ничего общаго съ нѣмъ, что мы разумемъ подъ сѣмъ названіемъ, съ нѣмъ поръ, какъ появились картинныя произведенія Валтера-Скотта. Они не представляютъ ничего новаго, какъ оди протонародныя шаржы и описанія успаръвннн, въ которыхъ имена и происшествія, почерпнуты изъ поверхностнаго знанія Исторіи, служатъ завязкою. Гораздо полезнѣе нравственныя Романы Г-жи Жанлисъ. Она весьма хорошо знала женщинъ для сочиненій въ сѣмъ родѣ. За нѣсколькими мѣсяцъ до смерти; Г-жа Жанлисъ издала свои *Записки*; въ нихъ, какъ и Г-жа Спаль, она

изображена только въ бюстѣ; за то друзья, и особенно пріятельницы ея, представлены въ весьма пріятномъ и открытомъ видѣ. Первые части сихъ записокъ обѣщали нѣчто болѣе колкое; но, къ сожалѣнію, онѣ наполнились одними выборами для чтенія, и писанинъ изъ частной переписки, которыя вредятъ въ нихъ всему лучшему, такъ, что записки сіи, въ цѣломъ взяты, едва ли годятся для чтенія.

„Г-жа Жанлисъ, говоритъ одинъ Критикъ, писала весьма плодотворно, и испытывала себя во многихъ совершенно различныхъ родахъ сочиненій, начиная съ малыхъ пѣсень до скучныхъ коммуніцій по азбучному порядку, или съ романтической Поэмы до Разсужденія о домашнемъ хозяйствѣ, до Опыта о поваренномъ искусствѣ. Она писала о воспитаніи вельможъ и слугъ, подавала совѣты Двору и начертывала правила для переднихъ. Если принять въ разсужденіе величайшее разнообразіе сочиненій ея и менѣе необыкновенное разнообразіе дарованія и чудеса искусства ея въ вымыслахъ, начиная съ новыхъ корзинокъ до париковъ à la brigadière: то нельзя не согласиться, что она имѣла право на всеобщее къ ней вниманіе. И такъ мы не скажемъ съ безжалостнымъ Риваролемъ: „что Небо отказало въ волшебствѣ таланта произведеніямъ ея, какъ и въ невинной красотѣ ея юности“; а признаемъ, что коммуніціи Г-жи Жанлисъ имѣютъ пріятное наружное достоинство и отличную обработку. Мы дополнимъ, что они даже не лишены завязки, протисходящей отъ положенія лицъ, превосходно обдуманной. Но въ нихъ не должно искать сей сильной тра-

гической выразительности, живыхъ понятій, и вѣрной ѳбрисовки спраспей челоѳческаго сердца. Г-жа Жаплись вовсе чужды были сей высокой даръ пворческаго воображенія и глубоко-наблюдательнаго ума, сія связь первоклассныхъ способностей, образовавшая первоклассныхъ Писателей Романовъ. Живя долго въ свѣтѣ, каштаномъ ея идеями и предразсудками, она исчерпнула въ немъ все краски, которыми потомъ, принявъ его за образецъ и почитая своимъ учителемъ, изображала его. Она умѣла схватить въ немъ смѣшную сторону, съ тонкостью различать его отличительныя черты, и съ особенною прозорливостію онгадывать все злыя дѣйствія. Но въ сего условнаго свѣта, Г-жа Жаплись ничего не могла ни понимать, ни живописать, и, казалось, она изслѣдывала спраспи челоѳческаго сердца только въ вельможахъ Двора Людовика XV, и никогда не смотрѣла на картину природы иначе, какъ сквозь оконныя рѣшетки навильона Бель-Шасскаго. Авторскіе недосыатки ея особенно показались въ Романахъ мнимо-историческиххъ, въ которыхъ другіе вѣка всегда появляются въ образѣ и выраженіяхъ того, въ которомъ она существовала.

Изъ Mercure des Salons II. Д — въ.

ДВА ЖЕРЕБЕНКА.

Аббатъ Гарри Гудричь и Кавалеръ Перри. Вендворпъ, жинелн Йоркшира, содержашіе бѳговыхъ лошадей, славились своєю опытностію въ оборотахъ. Они недавно держали закладъ о двухъ жеребенкахъ, имъ принадлежащихъ.

Сей закладъ долженъ былъ рѣшиться на Демкастерской скачкѣ.

Но прежде назначеннаго времени для окончанія сего спора, судьба хотѣла, чтобъ бѳгуны захворали, такъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ явиться на ристалище. Аббатъ и Кавалеръ охотно хотѣли бы оба уничтожить свое условіе; но какъ ни шопъ ни другой изъ нихъ не зналъ о положеніи, въ которомъ находилась лошадь его соперника, и никому изъ нихъ не приходило въ голову, что лошадей ихъ постигла равная участь; шо сообщить другъ другу сіе печальное извѣстіе, они не могли никакъ рѣшиться.

Аббату Гудричу, бывшему въ Йоркѣ, случилось бытъ однажды въ лавкѣ портнаго, въ кошорую вошелъ въ тоже время и нашъ Кавалеръ. Разговоръ начался. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Аббатъ наконецъ рѣшился объяснитьсь:

Аббатъ. Кстапи, любезнѣйшій Перри, чтоже вы ничего не скажете, на счетъ нашего заклада? Чшо-же?

Кавалеръ. Гм! Гм! Признайтесь, я не знаю . . . а какъ вы?

А. Мнѣ бы нужно было переговорить кой-что па эшопъ счетъ, но

К. Просто, почтеннѣйшій, безъ церемоніи; вы знаете, что я челоѳкъ простой; говорите откровенно.

А. И такъ, любезный другъ, съ позволенія вашего, мнѣ больно видѣть, что два столбовые, какъ мы, лошадины охотники, споримъ безъ всякой пользы, а между тѣмъ тратимъ нашу опытность и силы; мало ли, сколько молокасосовъ, конихъ пошлыя запы пребуоуть. столь чашыхъ и вазидапельныхъ уроковъ.

К. Прекрасно! такія размышленія приходять часно и мнѣ въ голову.

А. Въ самомъ дѣлѣ! какъ мысли наши сходны! и такъ вы согласны уничтожить закладъ?

К. Какъ! чтобъ я опсиупился отъ своего слова; но, развѣ. только для васъ; вы знаете, что отказать вамъ ни въ чемъ не могу.

А. Вошь, что называется, дѣло въ шляпѣ. И такъ закладъ нашъ болѣе не существуетъ! —

Вы бы не повѣрили, почтеннѣйшій, прибавилъ Аббатъ по нѣкоторомъ молчаніи, какое пронесли мнѣ удовольствіе. Не думайте, что одни вы умѣете хитрить; ужъ нѣсколько разъ водили вы меня за носъ. Ну, теперь и на моей улицѣ праздникъ. Знайте, что конь мой хромаеть, и того-гладн ослѣпнеть.

— „Ахъ, почтеннѣйшій Аббатъ! сказалъ Кавалеръ. Это худо, чрезвычайно худо; обманывать неприлично. Но такъ и быть: я не сержусь; тѣмъ болѣе, что и моя лошадь“

„Что! какъ! и ваша“ вскричалъ Аббатъ съ безпокойствомъ.

— „Два мѣсяца какъ издохла!“

„Издохла! Тѣбу пропасть! Ну, если-бы я это знала“

Съ Фр. О. Д — въ.

БАУМГАРТЕНЬ и КУРОПАТКА.

Баумгартень, известный по музыкальнымъ сочиненіямъ, въ дѣтствѣ своемъ былъ опданъ Г. Кюнцену, искусному артисту, для изученія начальныхъ правилъ Музыки. Однажды, когда кухарка ушла со двора, Кюнценъ самъ вошкнулъ на вертелъ куропатку, которую хотѣлъ приготовить для ужина. Необходимость заставила также и его оплучиться на нѣсколько минутъ опъ дому. Опъ приказалъ молодому Баумгартену присматривать за жаркимъ до его возвращенія. Какъ учитель не возвращался, а куропатка уже совсемъ изжарилась, по проголодавшійся ребенокъ, наблюдавшій долгое время жадными взорами лакомый кусокъ, рѣшился наложить на него руку, и — дрожа всѣми членами, началъ ѣсть отпорванную имъ опъ жаркаго ножку; вскорѣ послѣ того крылышко имѣло туже участь. Прельщаемый болѣе и болѣе вкусомъ дичины, опъ почувствовалъ нестерпимый аппетитъ, и думалъ, что учитель, не возвращаясь до сихъ поръ домой, вѣрно не придетъ ужинать, — докончивъ куропатку, не придумывая для себя въ эптомъ извиненія. Последний кусокъ поглощенъ, и раскаливъ, почти всегда позднее, открыло Баумгартену его непростительную вину. Полный опчалія, и зная жестокость своего учителя, опъ побѣжалъ взять изъ шкафа бутылку съ ядомъ, которую нѣкогда ему показывали. Лишь только опъ началъ пить жидкость, въ ней заключающуюся, — учитель поступался въ двери. Дрожа опъ страха, ребенокъ, послѣ долгаго замѣшательства, наконецъ опворилъ ему. Кюнценъ спросилъ его: за чѣмъ заставилъ опъ дожидаться столько времени? Баумгартень отвѣчалъ съ безпокойствомъ: „ее съѣла кошка.“ — „Какъ! что ты бредишь?“ вскричалъ учитель. — „Точно-съ, ее съѣла кошка“ — повпорвалъ виноватый. Кюнценъ, не могши допытаться опъ него другаго отвѣта, вошелъ въ кухню. Тамъ, вмѣсто куропатки

на вертелъ, опъ видитъ тарелку, наполненную обглоданными костями, которые Баумгартень забылъ убрать. Кюнценъ приготовился наказать шалуна. Сей со слезами на глазахъ упалъ предъ нимъ на колѣни, вскричавъ: „Ахъ! умоляю васъ, сударь, не бейте меня; мнѣ осталось немного жить: моя вина сдѣлала меня споль безчестнымъ въ собственныхъ глазахъ, что я рѣшился отправить себя ядомъ.“ — Слова сн обезоружили гнѣвъ Кюнцена и развеселили его Въ бутылкѣ было обыкновенное вино; и только для отвращенія ребенка опъ прожорливости, за нѣсколько часовъ предъ симъ, сказали ему, что въ ней заключался самый сильный ядъ.

Съ Фр. О. . . . Д — чловѣ.

ХИТРОСТЬ ПАСТУШКИ.

Пастушка будто невзначай
Отпгнала опъ дома спадозъ
Дружка ей видѣть было падо;
Льсочикъ съ милымъ — Хлов рай!
Но вопъ — тамъ-ѣтъ ужъ льсочикъ
„Какъ поздно!.. Ахъ! прощай дружочникъ.“
Пастухъ же съ спрахомъ молвилъ ей:
— „Какъ скажешь бабушкѣ своей,
Что поздно такъ? . . .“ — Она смутилась
„Ну, что жъ . . . скажу, что . . . заблудилась.“

— въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

34. *Богемская двогля война*, историческое преданіе VIII столѣтія. Соч. К. фанъ-деръ-Фельда. Пер. съ Нѣм. Н. Павлицевъ. Двѣ части. С. П. б., въ Тип. Оид. Корп. Внутр. Спрази, 1830. Въ 12. (Въ перв. ч. 178, во вп. 133 стран.) (*)

35. *Патриция*, Историческая повѣсть XVI столѣтія. Соч. К. фанъ-деръ-Фельда. Пер. съ Нѣм. Н. Павлицевъ. С. П. б., въ Тип. Оид. Корп. Внутр. Спрази, 1831. Въ 12. (257 стран.) (**)

36. *Удидла*, волшебная повѣсть. Сочиненіе де ла Мошъ-Фуке. Переводъ Ал. Влидге. С. П. б., въ Тип.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 5, съ перес. по 6 р. экзмп.

(**) — — — — — по 5 руб. экз.

Медиц. Депарш. Минист. Внутр. Дѣль, 1831. (269 страп.) (*)

Въ прошедшемъ Но Сѣв. М. мы упоминали о двухъ переводныхъ Романахъ *Московской фабрики*; въ нынѣшнемъ, какъ-бы въ хвастовство свое предъ Московскими переводчиками, упоминаемъ о трехъ переводахъ, изданныхъ въ Петербургѣ. Мы приводимъ въ сравненіе сіи послѣдніе вовсе не для того, чтобы поставили ихъ выше Московскихъ, ибо въ этомъ случаѣ была-бы не слишкомъ лестна похвала для Гг. Павлицева и Влидге; но единственно потому, чтобы на труды ихъ обратить вниманіе любящихъ пріятное и занимательное чтеніе. Эти три перевода сохраняютъ достоинство своихъ подлинниковъ: слогъ ихъ показываетъ, что Переводчики успѣшно владѣютъ языкомъ Русскимъ, и что они исполнили обязанность свою предъ публикою съ должною оппечпливостію.

С М Ъ С Ъ.

— Въ одной нисирапной газетѣ было напечатано, что продается по сходной цѣнѣ: обезьяна, попугай, двѣ болонки и кошка, принадлежащія одной дамѣ, которая, выходя замужъ, не имѣетъ въ нихъ болѣе надобности.

— Молодой человекъ, въ Парижѣ, убилъ себя, не имѣя никакой болѣе къ тому причины, какъ только, что промопалъ въ два мѣсяца свое имѣніе, состоявшее изъ 200,000 франковъ. Впрочемъ и это довольно важное обстоятельство.

— Умнаго человека можно сравнить съ глубокою тарелкой; франта съ плоскою: та и другая исобходимы для стола богатаго человека.

— Одинъ Парижскій Банкиръ завѣщалъ при жизни своей *сто тысячъ* франковъ тому, кто можетъ доказать, вразсужденіи своей особы, что онъ *всплхъ несчастіе въ свѣтъ*. Желającychъ предъявить на сіе свое право, завѣщатель проситъ доказать оное посредствомъ публичныхъ листовъ.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 4, съ пер. по 5 руб. экз.

— „Машюшка! сходи къ Варварѣ Карповнѣ, и узнай о ея здоровьи: боюсь ужъ не умерла-ли! только стороною, не тревожь никого. Вѣдь ты знаешь, что она живетъ на Липейной?“ Такъ говорила Госпожа слугъ, посылая его къ пріятельницѣ своей, которая лежала при смерти. Посоль отправился, и, проходя цѣлый день, принесъ отвѣтъ: „Я ничего не могъ узнать, сударыня, сказалъ онъ, хоня и узнавалъ по вашему приказанію *стороною*. Выходитъ всю Коломну—тамъ ни кто не знаетъ о здоровьи ея милости.“

— Въ одномъ обществѣ зашла рѣчь объ Исторіи Русскаго Народа. Послъ разныхъ сужденій, по большой части въ невыгодную сторону для Г. П. (можетъ быть изъ зависти къ *возникающему таланту*), нѣкто, бывший въ этомъ обществѣ, сравнилъ Сочинителя сей Исторіи съ Алхимикомъ. Когда спросили у него, какое онъ находитъ въ этомъ сходство, то онъ отвѣчалъ: „Г. П., желая сочинить Русскую Исторію, искалъ въ самыхъ обыкновенныхъ произшествіяхъ, которые уже весьма хорошо описаны, чего-то сверхъестественнаго. Не такъ ли поступали Алхимики, искавшие философскаго камня въ обыкновенныхъ явленіяхъ природы? Твореніе его, судя по первымъ двумъ томамъ, не такъ ли курьезно и нинтересно, какъ и Алхимія варварскихъ временъ?“ — „Спало, прервалъ рѣчь другой: намъ приличнѣе твореніе Г. П. назвать Альгисторіею, и при этомъ надо пожелать, чтобы будущіе Историки извлекли столько же пользы изъ его Альгисторіи, сколько Химики извлекли изъ Алхиміи.“

— Нѣкто, съ презрѣніемъ взглянувъ на часы, съдѣлалъ весьма кислую рожу. — „Этотъ Господинъ“ — сказалъ пущъ кто-то: долженъ быть весьма гордый человекъ.“ — „Почему вы это думаете?“ спросилъ другой. — „Когда онъ съ такимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на время“ — отвѣчалъ первый: „то, вѣролтно, другія вещи считываетъ за ничто.“

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнная, подписывал на оныхъ: *Издателя Сѣвернаго Меркурія.*

№ 60.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 20 МАЯ, СРЕДА.

ЗОЛОТАЯ ДАМСКАЯ ТАБАКЕРКА.

Ah! elle prend du tabac! Une jeune et jolie femme, qui prend du tabac, ça ne me plaît guère.

Paul de Kocq.

Курить табакъ еще спосно; но нюхать фи! какъ это не хорошо, особенно, когда нюхаетъ его молоденькая, хорошенькая женщина: хотя и говорятъ, что для красоны все прекрасно; но только не нюхайте табака. Боже мой! сколько эта привычка вредитъ за собою неприятнаго! Ахъ, Mesdames! вы этого не знаете; ахъ послушайтесь, послушайтесь человека, отъ души васъ уважающаго, и ненавидящаго эту дрянную порошокъ, котораго запахъ для привыкнувшихъ только къ нему, можетъ быть спосенъ, и который для прочихъ отвратителенъ. Вы еще скажете, что я защищаю трубку. Вовсе нѣтъ: я нахожу, что исумѣренное куренье табака для многихъ вредно; что запахъ курительнаго табака вливается въ платье, въ волосы; что онъ портитъ дыханіе, которое едва освѣжишь различными косметическими полосканіями, портящими съ своей стороны зубы; но нюхательный табакъ еще хуже, право хуже. — Ne vous en déplaise, Mesdames, qui aimez à prendre du tabac, если я вамъ расскажу одинъ небольшой анекдотъ о нюхательномъ табакѣ aux mille fleurs, и хорошенькой золотой табакеркѣ, бывшей причиною, что одинъ молодой человекъ, сердце котораго горѣло пламенемъ самой чистой любви, — вдругъ разочаровался къ предмету своей страсти, и сдѣлался равнодушнымъ къ

Томъ 111. № 60.

этой милой, очаровательной женщиной, благодаря золотой дамской табакеркѣ и табаку aux mille fleurs.

Наталя Любинская была милая, добрая, любезная молодецкая дама. Она не была кокеткою; но въ ней много было природной граціозности; много чего-то милаго, привлекательнаго, невыразимаго. Воспитаніе Смольнаго монастыря такъ счастливо выразилось въ прекрасной ея душѣ, обильной ощущеніями высокими и благородными, что невольно великій юноша съ чувствомъ, еще незапятнаннымъ порокомъ, желалъ ей правиться; и спосно ему бытъ немощно идеалистомъ, чтобъ долго вмаиваться въ эту очаровательную черную глаза, подернутые какою-то мечтательною уповищебною. Викторъ Пламенный, юноша, едва перешагнувшій за порогъ свѣта, еще неопытный въ условіяхъ онаго, видавъ много прелестныхъ женщинъ, много очаровательныхъ дѣвушекъ; но для него Наталя была выше всехъ. Другъ дома, любимый мужемъ, который былъ несравненно старѣе своей жены, — онъ безпрестанно посядалъ это семейство, и сѣрый нюходецъ его до того привыкъ останавливаться у подъезда Любинскихъ, что если ему случалось по Большой Морской провозить кого нибудь изъ пріятелей своего господина, то непременно останавливался у самаго дома. Пламенный начиналъ чувствовать что-то сладостное, когда бывалъ въ ихъ домѣ, что-то такое, чего онъ самъ не умѣлъ понять: слезы навертывались на глазахъ его, когда онъ видѣлъ эту милую, нѣжную, любезную женщину, обвиняющуюся съ маленькою ся Софью. Натали было 26 лѣтъ; она при-

надцати лѣтъ была взята изъ монастыря, какъ вольная пансіонерка, а шестнадцати уже была матерью этой миленькой девятилѣтней дитяти, — живаго порфиреда матери. Четверо дѣтей окружали чадолюбивую мать, и каждое изъ нихъ ласками и Ангельскими шутками, казалось, хотѣло усладить жизнь, и безъ того счастливую, сей милой женщины, смотря на которую Пламенинъ не разъ говоритъ самъ себѣ; зачѣмъ Напалія не молъ? зачѣмъ жизнь наша раздѣльна? зачѣмъ она такъ уважаетъ свои обязанности, такъ любитъ своего мужа (*)? — Я бы лучше умѣлъ составить ея счастье! — Душа Виктора тогда раскалалась: онъ былъ самъ не свой; умная, осторожная, добродѣтельная Напалія, начинавшая сама уже ощущать что-то къ этому молодому человѣку, обыкновенно въ этихъ случаяхъ обращала нѣмой восторгъ Пламенина въ шутку, и — старалась усладить его въ вистѣ съ тремя тетюшками, которыхъ въ такихъ неблагопріятныхъ случаяхъ Викторъ называлъ своими Парками; а для Напаліи онъ были — громовыми отводами,

Храбрый Генералъ Любшскій благословилъ дѣтей, и, обнявъ жену, отправился въ походъ 1828 года, оставивъ семейство на дачѣ на живописной Карповкѣ, гдѣ Пламенинъ бывалъ ежедневно, гдѣ онъ игралъ съ милыми дѣтьми, куда онъ посрѣдико привозилъ письма отъ Генерала, получаемыя чрезъ Шпабъ, отъ Фельдгерей, — словомъ Пламенинъ былъ истинный другъ дома и все его любилъ. Напалія, добродѣтельная, милая Напалія, шутя называла этого юношу своимъ Адыоданпомъ, своимъ сыномъ, и за все эшъ шутки онъ не дерзалъ даже поцѣловать руки Ея Превосходительства; такъ онъ былъ застѣнчивъ; и такъ онъ цѣнилъ гостепримный кровъ почтеннаго человѣка, оказавшаго ему въ короткое время нѣкоторыя одолженія.

Бывало, возвращаясь домой, Пламенинъ садился передъ репнымъ окномъ въ Вольперовскихъ креслахъ, и любовался пріятностью лѣпнато вечера; щеки его горѣли; волосы, спрунные въперкомъ, разлѣвались во все

стороны; глаза его были устремлены на что-то: онъ смотрѣлъ пристально на Напалію, образъ которой всегда носился передъ нимъ.

„Какъ она мила въ этомъ темномъ платьѣ, (думаешь онъ) въ этомъ зеленомъ фаршучкѣ, въ этой голубой кацавейкѣ, опущенной лебедемъ для защищенія себя отъ вечерней росы; какъ граціозно оперлась она на заспущъ садовника; какъ лъвая рука ея играетъ въ волнистыхъ кудряхъ маленькаго Леона; какъ бѣлокурая Софія обняла свою мать! Что можетъ быть прелестнѣе этой картины? — О, Напалія! я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, если бъ владѣлъ тобою; ахъ! какъ ты мила! какъ ты привлекательна!“ Потомъ онъ вспавалъ, прохаживался по компани, поливалъ горшокъ съ розами, — неувядаемый даръ Напаліи, и, остановясь въ раздумь, говорилъ: „о, милая женщина! нѣтъ! никто уже не можетъ болѣе лѣцнить меня! Я знаю женщину прекраснѣе тебя; по умѣютъ-ли онъ такъ смотрѣть, такъ говорить, такъ думать краснорѣчиво, какъ смотришь, говоришь и думаешь ты, несравненная! Нѣтъ! прочія глядятъ, говорятъ и мыслятъ, какъ кокетки; но Напалія, о! она вовсе не шабова!“

Послѣ этого онъ обыкновенно снова садился въ свои кресла, и погружался въ глубокую задумчивость. — „Однако“ — восклицаетъ, спуся нѣсколько минутъ; — „однако я замѣнилъ въ ней одинъ недостатокъ; но что значить онъ въ такомъ существѣ, какъ Напалія! — У пей миленькій, хопя и неправильный носикъ; но отъ чего около него эти красноватая пятна; отъ чего иногда эти прыщички на концѣ; отъ чего эта синеватость?“

Вы видите, что мой Викторъ влюбленъ страстно, и что послѣ этого позволительны все эти мѣлочныя замѣчанія. „Отъ чего это?“ думалъ Пламенинъ ежедневно, и ежедневно перялся болѣе и болѣе въ смѣшныхъ догадкахъ! —

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

ПОРА ЛЮБИТЬ.

(Въ родѣ Русской пѣсни.)

Напаша въ рошциъ гулла,
Случилось памъ и Оедъ бышь;

(*) За послѣднее Г Пламенина можно назвать цегодеемъ. *Прим. Корректора.*

И вмигъ душа ей прошептала:
Пора любить, пора любить.

И упрямъ дѣвушка вздыхаетъ,
Ни съ кѣмъ не хочешь говорить.
Ахъ! верно сердце повпорялѣ:
Пора любить, пора любить.

Румянецъ къ полдню пошерялся,
Она одна желаетъ быть;
И пайный голосъ опоздалъ:
Пора любить, пора любить.

Подъ вечеръ дѣвушка рѣшилась
Болѣзнь прогулкой облегчить;
И въ роцѣ тайна дѣвпорялась:
Пора любить, пора любить.

Настала ночь — и должно было.
Слезу прощанья уронить;
Тутъ все Наташѣ повторило:
Пора любить, пора любить!

Потемкинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

37. *Душляка, Московская междуулокка или узень-
кій корсетецъ.* Кривическій Романъ; соч. Александра
Орлова. Москва, въ Унцверс. Тѣя., 1831. Въ 12.
(56 сирац.)

Если бъ на заглавномъ листкѣ сей книжки не было
напечатано имени Сочинителя, то легко можно было-
бы заключить, что Г. Алексѣй Кораблинскій перепе-
чаталъ отдѣльною книжкою какую нибудь изъ *соб-*
ственныхъ (*) спашей, помѣщаемыхъ имъ въ *Литера-*
турныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду.

С М Ъ С Б.

— Есть здѣсь, въ Петербургѣ, пѣкто *Архинъ*
Никифоровичъ Черносливинъ: мы давно уже хотѣли
познакомить съ нимъ нашихъ читателей; но все какъ-
то не удавалось. Эпоть хватъ чрезвычайно лю-

(*) Говоримъ *собственныхъ*: ибо въ числѣ тѣхъ спашей, подѣ
которыми напечатано имя Г. Алексѣя Кораблинскаго, яко
оригинальнаго Автора, есть нѣкоторые, передѣланныя имъ
на свой ладъ изъ издаваемой здѣсь въ С. Петербургѣ Фран-
цузской Газеты: le Furet.

бить лакомиться. Но это слово: *лакомиться*, зна-
читъ совѣтъ не то, что вы думаете; это не зна-
читъ пригласить въ жертву Вольфу или Амбісію 50
копеекъ мѣдыю, проглотивъ стаканъ лимонаду; нѣтъ,
по его разумѣнію, *лакомиться* значитъ взять винную
ягодку или каменный орѣхъ, раздѣлить сіи рѣдкости на
нѣсколько частей (Хиникъ сказалъ-бы: атомовъ), и
одною такою частію въ день услаждать горькую ча-
шу жизни. Все бы хорошо, да вошь бѣда: Г. Черно-
сливинъ, хотя имѣетъ и 1000 дунтъ, но терпѣть не
можетъ разставаться съ деньгами: его любовь къ
нимъ сильнѣе, нежели The loves of the Angels Томаса Му-
ра, и пламеннѣе любви Пепирарки къ Лаурѣ. Когда
всѣ припасы, служащія къ услажденію тонкаго его
вкуса, испощаются, онъ призываетъ обыкновенно
вѣрнаго своего Ларчика (не шапкушку а служителя:
Ларчикъ произведено отъ настоящаго имени Лаврен-
тій; не правда ли, сколько гениа, сколько изобреще-
нія въ банкѣ Г. Черносливина!) и приказываетъ ему,
подъ опасеніемъ плюхи, выпросить у знакомаго ла-
вочника одну, а если можно, двѣ изюменки — и
онъ опять счастливъ на нѣсколько дней! Недавно
Ларчикъ являлся къ лавочнику, и, по старому обык-
новенію, просить изюменки для Архипа Никифоровича.
Замасленный поговорящій, замѣтивъ странность пове-
денія бѣднаго Ларчика, и подозрѣвая въ немъ какіе
либо *злые умыслы*, задерживаетъ его, даетъ знать
Полиціи, и мѣстные блюстители благочинія немедлен-
но являютъ и влекутъ несчастнаго — на Съѣзжую.
Тамъ его допрашиваютъ, какъ преступника, и бѣд-
ненькій Ларчикъ, въ доказательство собственности сво-
ей невинности, долженъ былъ обнаружить, что ба-
ринъ его посылаетъ безпрестанно выпрашивать изю-
менку. Подсудимому не вѣрять: посылаютъ за самимъ
Архиномъ Никифоровичемъ; шотъ *туда-сюда*, но дол-
женъ былъ наконецъ сознаться въ своей *слабости (!)*,
чтобы не лишиться возлюбленнаго своего Ларчика.
Онъ открылъ, между прочимъ, также, что прежде
онъ имѣлъ другіе способы удовлетворять утопчен-
нымъ своимъ прихотямъ: прикащикъ дома, гдѣ онъ
живетъ, Иванъ Васильевичъ, подарилъ ему книгу: Но-

вая Скрижалъ; а Графъ Дубовый, у котораго отецъ Черносливина управителемъ — Альманахъ: *Букетъ*. Получивъ сіи подарки, Архипъ Никифоровичъ сей часъ же пошелъ мѣнять ихъ на лакомства, и вымѣнялъ на все это три фунта изюму, полъ-фунта финиковъ и три чудеснѣйшихъ (!) пралина; эта провизія пилулась у него около двухъ лѣтъ; но когда послѣдняя кроха исчезла, онъ *принужденнымъ нашелся* прибѣгнуть къ описанному нами способу, ибо никакъ не считалъ позволительнымъ употреблять на это свои доходы.

Кирилль Лубковский.

— Въ 39-мъ Но Колокольчика напечатана подъ рубрикою: СМѢСЬ, *статья*, заключающая въ себѣ около четырёхъ — *спирогель*, подъ которою, впрочемъ, выставлено заглавными буквами имя Автора (В. П.). *Статья* сія оканчивается слѣдующимъ просиодушнымъ восклицаніемъ: „Боже милосливый! когда уймутся кронашеи Галлимапы!“ — Тѣ, до которыхъ сіе касается можетъ, прежде нежели будучи въ сословіи отвѣчать на это удовлетворительно, вѣроивно сами обращаясь съ вопросомъ къ Г — ну Н — ну: „когда сами-то вы, милосливый государь, подадите намъ для сего похвальный примѣръ?..“

— Провинціалъ, прѣхавъ въ Пепербургъ, удивлялся, опъ чего здѣсь многія дамы имѣютъ полныя и выпуклыя талии, не смотря на сухощавыя ихъ лица, ибо въ провинціяхъ онъ привыкъ видѣть пропорціональность между тѣмъ и другимъ. Нѣкто изъ знакомыхъ его объяснилъ ему причину, которая для многихъ пощипа; а кто не знаетъ, пусть самъ догадается; мы же пощадимъ скромность прекраснаго пола.

— У студентка, жившаго въ домѣ купца, спросила мать хозяйка: „какой завтра праздникъ, батюшка?“ — „Не знаю“ — отвѣчалъ студентъ. —

„Такъ чему же ты учишься!“ съ досадою вскричала старуха.

— Та же старуха, увидѣвъ кадета, покачала головою, и съ сожалѣніемъ спросила у него: „за что тебѣ, батюшка, такого молоденькаго, опдали въ солдаты, и разлучили съ кровными?“ — „За воровство, бабушка“ — отвѣчалъ насмѣшикъ.

— Одна дама, находясь въ инпригахъ съ молодымъ человѣкомъ, прогуливалась по Невскому проспекту съ своимъ мужемъ, разумѣется рука подъ руку со всею супружескою нежностію. Замѣтивъ, что поклонникъ ея близко подходилъ къ нимъ, она сказала со вздохомъ своему мужу: „какъ жаль, милый мой, что ты сегодня цѣлый вечеръ не будешь дома.“ — Возлюбленный ея, услышавъ это, разумѣется, воспользовался такимъ благопріятнымъ случаемъ.

— Плохой спѣхошворецъ прислалъ свое сочиненіе къ знакомому Анператору при слѣдующей запискѣ: *М. Г./ прошу васъ покорнѣйше поочистить некоторые стихотворные грѣхи въ моемъ произведеніи*“ и проч. Анператоръ, прочитавъ стихи его, отвѣчалъ такимъ образомъ: *Совѣтую вамъ, М. Г., очистить свои стихотворныя прегрѣшенія чрезъ огонь, такъ какъ некоторые народы очищали душевные грѣзы сію же стилию; разумѣется, они дѣлали это съ того цѣлю, чтобы впередъ не грѣшить; а вы . . . понимаете.*“

— Одна Чиновница любила пить ромъ; но боясь мужа своего, и не имѣя денегъ, не знала, какимъ образомъ доставать его. Случайно услышала она, что ромомъ весьма хорошо мочить голову, когда лезутъ волосы. Обрадовавшись сему, она тотчасъ сказала своему мужу, что у нее чрезвычайно лезутъ волосы. Мужъ, опасаясь видѣть свою дражайшую половину безволосою, началъ покупать ей ромъ. Такимъ образомъ она попягивала сей напитокъ подъ предлогомъ леченія волосъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сабина, подписывал на оныхъ: *Издатель: Севернаго Меркурия.*

№ 61.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 22 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ЗОЛОТАЯ ДАМСКАЯ ТАБАКЕРКА.

(*Окончаніе.*)

Прошло красное лѣто; настала желтая осень. Наталья съдѣлалась грустна, и дѣти ей были не въ радость, и ихъ невинныя игры ей надоѣдали; она искала отрады въ уединеніи, и нерѣдко заставляла ее въ гробикъ грустною, въ слезахъ; она что-то прятала въ свой ридикюль при входѣ постороннихъ: это были письма ея мужа, которыхъ она ежедневно омочала слезами, ибо вопль ужъ при педьби, какъ отъ Генерала, не было никакихъ вѣстей.

Пламенищъ, который бывалъ ежедневно, бывалъ безпрестанно, вдругъ пропалъ.

Проходятъ три дни еще: несчастная Наталья рѣшалась лѣтъ уже на берега Дуная; но вечеромъ останавливаются дрожки у воротъ сада, и юноша, въ пыльномъ сюртукѣ, въ загрязненныхъ сапогахъ, явился предъ нею: это Пламенищъ, и о радости съ письмомъ отъ мужа, который пишетъ, что онъ живъ и здоровъ, что бригада его увѣчалась лабрами: въ одномъ изъ самыхъ удачныхъ дѣлъ, и что немедленно, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, онъ будетъ въ объѣздѣхъ жены, дѣтей и друзей своихъ! . . . Нельзя вообразить себѣ радость этой милой женщины! — А все съдѣлалъ Пламенищъ, пометавший на перекладныхъ къ Генералу, встрѣтившій на дорогѣ Фельдбергера, и добывшій письмо добраго Любискаго. Глаза Наталіи наполнились слезами, и слова: *Vous êtes notre*

véritable ami! сопровождаемый ласковымъ трепаньемъ по щеку (*), были наградою пылкому Виктору, которому что жъ было дѣлать въ эту минуту, въ эту минуту счастливѣйшую изъ всей его жизни, въ эту минуту великую? — Конечно, не стѣпалъ же болваномъ. — Онъ схватилъ съ жаромъ эту руку, покрывая которую пламенными поцѣлуями почувствовалъ, что губы Наталіи прижались къ его щеку; но . . . въ эту минуту, — о ужасъ! . . .

Что вы думаете, читательницы, что вы думаете, любезныя мои читательницы? Какой ужасъ? — Что? — Какъ? — Вѣрно Генералъ, догнавшій письмо свое, самъ влетѣлъ? — Нѣтъ; да и Генерала пѣчего боялись: онъ любилъ Виктора, какъ сына; а Наталію, какъ жену, т. е. имѣлъ къ ней и довѣренность и уваженіе! — Какая либудь старая пестушка, сплетница, клеветница, вѣсповница, внеслась въ гробикъ? — Нѣтъ! — Вѣрно дерзкій Викторъ въ восторгѣ чувственномъ дерзнулъ? . . . — Нѣтъ, нѣтъ: Викторъ честенъ, благороденъ, великодушенъ; а Наталія добродѣтельна, непорочна, какъ душа младенца! —

Сказать ли вамъ причину того, что Виктора заставило опскачить въ сторону, и оставилъ Наталію въ смущеніи: Онъ все это объяснилъ; а мы воспользуемся его словами:

„Ah, Madame, извините мнѣ мою опрометчивость; mais c'est plus fort que moi, ça me passe, c'est au-dépus de tout: я съ малолѣтства имѣю отвращеніе къ похально-

(*) Это черезъ чуръ ужъ лажно развѣ: ея Пр — ство пріи- мала Виктора за малютку? *Прим. Корректора.*

му шабаку, и — извините еще разъ — женщина, нюхающая табакъ, въ моихъ глазахъ чуть-ли не равна съ женщиною, употребляющею крѣпкіе напитки: это для меня отвратительно. Ванна дамская золотая табакерка выскользнула изъ подъ вашей Шведской перчатки въ то самое время, какъ ваши губы коснулись до моей щеки; я почувствовалъ при этомъ прикосновеніи ненавистный для меня запахъ, и не могъ преодолѣть врожденнаго мнѣ чувствія. Мысль, что опъ шой, которая должна дышать весною, пахнетъ табакомъ, сразила меня: извините, я страненъ, но что жъ дѣлать? — *Счаси а son faible!* — Генеральша не удержала своего смѣха и начала громко хохотать; потомъ она разсказала печальному Виктору, котораго прозвала анти-табакоманомъ, о причинахъ, заставившихъ ее нюхать табакъ:

„Въ бытность мою въ Смольномъ монастырѣ я жестоко страдала опъ глазной боли. Однажды золотая маленькая табакерка какъ-то мнѣ попалась подъ руку, и съ тѣхъ поръ я начала нюхать довольно сильный, душистый табакъ; изъ этой табакерки, принадлежавшей одной изъ классныхъ дамъ. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ: на этошь пѣжрый возрастъ все имѣетъ сильное вліяніе, и глаза мои перестали болѣть. Дѣйствіе нюхальнаго табака вѣдь извѣстно! — Я вышла замужъ слишкомъ рано, и по прежнему любила этошь ароматный порошокъ, который сперва мужу моему чрезвычайно не нравился, и я готова была совершенно оставить эту привычку; но случай хотѣлъ иначе. Та классная дама, которой принадлежала золотая табакерка, сдѣлалась опасно больна. Рано лишенная мащери, я въ ней пашла опраду, наставницу и друга; она была при смерти, а я ни на минуту не отходила отъ ея кровати, и мнѣ было суждено закрыть ея глаза. Друзьямъ своимъ она раздарила вещи свои, а мнѣ оставила — золотую табакерку съ гѣмъ табакомъ aux mille fleurs который нюхала въ послѣднюю минуту. Я понюхала разъ, потомъ другой, подумавъ претій, и наконецъ снова привыкла. Мужъ мой оставилъ мнѣ это на мой произволъ; но знакомые, а особенно люди блестящаго

свѣта, считали это неумѣстнымъ; и вотъ почему я завѣшную табакерку ношу подъ перчаткой, и нюхаю изюдишка, такъ, что вы еще не разу этого не примѣтили.“

— „Да, подумавъ Викторъ: пока я этого не видѣлъ, ты была для меня богиня; Ангель, ты была для меня всё, но теперь . . . чары разсѣялись: ты нюхаешь табакъ! — О золотая табакерка! — Загѣмъ классная Дама не взяла тебя съ собою въ могилу! . . .“

Съ этихъ поръ Викторъ разочаровался: онъ спалъ любить Наталію пою любовью, которая ему дозволенъ была (*).

Жл. С. Ч — въ

П Ъ С Н Я
(Изъ Бориса.)

Вечеръ, когда въ кругу друзей
Вино, шипя, лилось въ стаканы,
Струились на груди моей
Злашья пукли милой Анны.

✱

Царя! вамъ западъ и востокъ
Спѣт Ипда даже до Саванны;
А мнѣ оставьте уголокъ,
И въ пемъ безцѣнный образъ Анны.
Тогда любви свящую власть,
Опъ коей безъ ума Сулпаны,
Восторги, пламенную спрассѣ,
Я все найду въ объльшяхъ Анны.

✱

Сокройся же свѣсило дил,
И ты прочь блѣдный ликъ Дианы
Пусть звѣзды блестящъ для меня,
Когда я встрѣчу взоры Анны! —
Приди, любви товарищъ, ночь!
А ты, лучъ мѣсяца, мной званный,
Свѣти ясное, чтобъ почь въ почь
Я могъ списать всю прелесть Анны! —

Съ Англ. П. Др — въ.

(*) Нѣтъ худа безъ добра: въ этошь случай табакерка вещь прекрасная. Если бъ все молодые люди имѣли подобное отвращеніе къ шабаку, то многіе мужья заставляли-бы супругъ своихъ безпрестанно нюхать. *Прим. Корректора.*

Н О В Ы Я К Н И Г И.

38. *Одиссеѣ, или девъ достопамятнѣхъ эпохи въ жизни Али-Паши.* Истинная повѣсть. Двѣ части. Москва, въ Ушверс. Типогр., 1831. Въ 12. (Въ обѣихъ частяхъ 76 стр.)

И самая буква *л* въ названіи сей книжки служила печальнымъ предзнаменованіемъ. „Если Авпоръ не умѣлъ правильно написать имени своего героя, чего-де добраго ожидать отъ воспѣванія его подвиговъ!“ — подумаютъ иные, которымъ попадется въ руки эта книжка, и — они не ошибутся въ этомъ мнѣніи. — „Вознамѣрися описать справедливскія дни юности знаменитаго героя Греціи, *Одиссеѣ*, никакъ не *мечталъ я заслужить всеобщихъ рукоплесканій моему творенію*“ — говоритъ Авпоръ въ посвященіи, и вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы читатели возражали ему: „*униженіе* де *паче гордости*!“ Но читатели не догадливы — молчатъ — и, перевернувъ справникъ, видятъ первый стихъ, которымъ начинается Поэма:

Дымъ лянтаръ, пиратъ вздыхалъ (*) . . . —
воображаютъ Гирея Пушкинскаго, улыбаются, и взглянувъ на второй стихъ въ скобкахъ:

(Злодѣи ужасный всей вселенной!)

невольно вздрогиваютъ и восклицаютъ: „какой стихъ-то ужасный!“ Далее видятъ слѣдующее:

Съ чела чѣпъ градомъ упалъ
И быстро взоръ окровавленной
Мепалъ на пренепныхъ рабовъ!

Гирей Пушкинскій, помнителъ, не потѣлъ; а впрочемъ онъ также въ началѣ Поэмы глядитъ сурово на своихъ приближенныхъ, которые также съ пренепномъ наблюдаютъ за своимъ властелиномъ.

Что сдѣлалось съ Али-Пашею?

Иль страхъ трясеть его душою? . . .

Ужасный страхъ!.. Бѣднякаго Али-Паши душу трясеитъ, какъ грушу! — Вѣуже жалъ! —

Ужасный отъ часу пиратъ!

Ну, и стихи нашего Поэты, въ свою очередь, дѣлаются часъ отъ часу ужаснѣе; а потому мы, оста-

(*) На страницѣ 6-й у его милости, какъ у Гирея, *губитъ* потухъ; а на 8-й страницѣ *опять лянтаръ въ устахъ дѣжится*.

вляя Али-Пашу безпрепятственно продолжать свои злодѣянія и тиранства, не смотря на двухъ его любимицъ (изъ коихъ одна, по примѣру вышереченнаго Гирея, также не-Мусульманка, и изъ коихъ одна также называется Марією), — закрываемъ книжку, и увѣрлемъ Автора, что онъ не правъ въ томъ, что *не мечталъ заслужить всеобщихъ рукоплесканій своему творенію*: мы отъ души бьемъ въ ладоши и кричимъ изъ всей силы: „браво! браво!“

С М Ъ С Б.

Флегматикъ въ высшей степени.

- „Вашъ сынъ проигралъ все деньги.“
- „Тѣмъ лучше: больше играть не будетъ.“
- „Задолжалъ цѣлому городу.“
- „Спало бытъ и знакомъ съ цѣлымъ городомъ.“
- „Составилъ кругъ друзей изъ молодыхъ шалуновъ и повѣсь.“
- „Кипо изъ насъ въ молодости не повѣспичалъ.“
- „Совсѣмъ не занимается службою.“
- „Вѣрно часто сидитъ на гаубтвахтѣ.“
- „Не случилось ни одной исторіи, въ которой онъ не былъ-бы замѣшанъ.“
- „Я самъ большой охотникъ до Исторіи.“
- „Часто даетъ обѣды и вечерники такимъ же повѣсамъ, какъ онъ самъ.“
- „Изъ него можешь бытъ хорошій хлѣбосоль.“
- „Цѣлыя ночи проводитъ безъ сна въ картежныхъ домахъ съ своимъ друзьями.“
- „Если правда, что онъ проигралъ все деньги, то его вѣрно принимать труда не стануть.“

А. Б — въ.

— „Я бы желалъ“ — сказалъ одинъ Журналистъ: „чтобы мать моя умерла отъ какого нибудь необыкновеннаго случая. — „Конечно для того, чтобы о помѣ *прозвонитъ* въ своей Газетѣ“ — подхватила одинъ оспрякъ.

— Вотъ еще примѣръ, какъ невыгодно виѣшиваться въ разговоръ, не разслушавъ вѣрно содержаніе онаго. Двое издавали Журналъ, изъ коихъ одинъ былъ въ родѣ хозяина, потому что былъ зажимочиве; а

другой завѣдывалъ литературною частію; потому что былъ образованнѣе. Не смотря на все это, Журналъ былъ крайне плохъ. Разъ какъ-то одинъ изъ двухъ поварницъ, который былъ побогаче, поручивъ другому спросить у шкешорога Литератора, не прочесть-ли онъ дляихъ Журнала новую написанную имъ повѣсть, — пришелъ къ нему узнать объ успѣхъ сего порученія. „Ну что, согласенъ-ли онъ?“ спросилъ поварницъ, который побогаче. — „Согласенъ, да дорожился“ — отвѣчалъ другой, который поумнѣе: „и чрезвычайно дорожился“ — приволвилъ онъ, щелкая по табакеркѣ, приговарываясь понюхать изъ нее: „увѣрлеть, что это въ родѣ Гофманскомъ.“ — Въ это самое время; мапъ сего, послѣдняго, сидѣвшая въ той же комнатѣ въ углу на диванѣ, за своею работою, услышавъ, что говорятъ что-то про дорого-визну и про Гофманское, вскрикнула: „точно дорого, очень дорого, даже такая бездѣлица.“ — „Какъ, бездѣлица! развѣ вы знаете?“ — спросилъ сынъ. — „Все знаю, бапиюшка, все знаю: дадуть на сорокъ копѣекъ пузырекъ меньше паперстка. Эки скареды!“ — Ея милость, полагала, что толкуютъ о Гофманскихъ капляхъ.

— Четыре Нѣмца, собравшись въ дружеской бесѣдѣ у одного своего комрача, сидѣли мирно до шѣхъ поръ, пока, понапянувшись пуншика, не заспорили о чемъ-то. — Одинъ изъ нихъ горячился болѣе другихъ и утверждалъ свое, не соглашаясь съ прочими. Вопль всѣхъ и напалъ на одного; и какъ сей послѣдній все горячился болѣе и болѣе, то они, поклявшись его, вытолкали изъ дверей: Нѣмецъ, выскочивъ на улицу, схватилъ перваго, попавшагося ему извощика, и помчался на квартиру проспавъ свое горе. Было за полночь. Будущъ по Невскому проспекту. Когда они подъѣзжали къ Думѣ, на башнѣ пробили часы: Извощикъ, не слышавъ, сколько пробилъ, спрашивавшъ у своего сѣдока: „а что, баринъ, сколько били?“ — Нѣмецъ, думая, что вопросъ сей клонился къ получен-

ныиъ имъ побоямъ, отвѣлаепъ съ досадою: „а тебѣ какой пужда сколько мене били? .“

— Двое пріятелей шли, по яробитіи вечерней за-ри, мимо будки. Спражъ

съ осяпкой важной,
съ свѣкрою; въ бронѣ сермяжной,
какъ назваеъ ихъ покойный А. Е. Измайловъ, вдругъ громко окликнулъ: *Кто идетъ?* — Одинъ изъ пѣшеходцевъ, упавшій въ это время въ самыхъ сладостныхъ мечтаніяхъ, и испуганный внезапнымъ крикомъ будочника, съ досадою вскричалъ на него: „Дуракъ!“ — „Э!“ отвѣчалъ пѣшехъ: „давно-бы Вашему Благородію шакъ откликнулся!“

Ш А Р А Д А.

Начальное — врачи въ рецептахъ означаютъ,

Коль въсь чего опредѣляютъ;

Послѣднее — одна изъ знаменитыхъ рѣкъ,

Которыя въ Европѣ пропекаютъ;

А цѣлое мое — военный человекъ.

Содержаніе *одинадцатой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза. Флейта. Стихотворенія.* 1. Несчастный. Элегія. 2. Нашъ удѣлъ. 3. Прекрасный край. II. *Библиографія.* Басни А. Зилова. Воспоминанія А. Михайловскаго-Данилевскаго. Туалетная Химія. III. *Французскій Театръ.* Взглядъ на Французскую пируппу. IV. *Смѣсь.* Разныя замѣчанія, выписки и проч. V. *Моды.* — Enigme. Logogriphe. Charade.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Слѣнина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 45 книжекъ, съ картинками: модъ, вѣсами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иностранцы благоволятъ отнositъся съ своимъ требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургъ.*

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣница, подписывая на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія.*

№ 62.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 карпиками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 25 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГИЛЬОМЪ.

Упомянутый шумными удовольствіями Парижа, отправился я въ замокъ * * *, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ Ретскаго лѣса, насладиться спокойствіемъ. Красота мѣстоположенія, гостепріимство хозяевъ и совершенная непринужденность, дѣлають пребываніе въ этомъ замкѣ очаровательнымъ. Гости по своему произволу, могутъ располагать цѣлымъ днемъ, соединяясь только къ обѣду. Такая свобода была по моему вкусу. — Всякое упрямство, съ ружьемъ и ягпашемъ, ходилъ я пипать мои мечты подъ непроницаемую пѣнь старыхъ дубовъ, гдѣ съ Гораціемъ и Вольперомъ, часто забывалъ враждебные мои замыслы, пропивъ мирныхъ обитателей лѣсовъ.

Однажды, послѣ занимательнаго чтенія, углубясь въ размышленія, пропустилъ я часъ обѣда, и предъ захожденіемъ солнца, очутился близъ развалинъ Аббатства Лонгъ-Понтъ. Вечеръ былъ прелестный. — Луна тихо поднималась надъ горизонтомъ, и серебрила верхи старыхъ поршиковъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія; блѣдныя ея лучи, сквозь пустыя отверстія для оконъ, рисовали на стѣнахъ мечтательные призраки, которые суевѣріе приняло бы за привидѣнія монаховъ, некогда обитавшихъ въ семъ благочестивомъ убжищѣ. Минуты были сполнъ благопріятны размышленію, что я не могъ пропившись побужденію, которое влекло меня въ средину величественныхъ развалинъ. Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, вошелъ я подъ черныя своды въ необитаемое

святилище, въ которомъ жители деревни устроили кладбище. Совершенная тишина прерывалась только крикомъ филина или шумомъ паденія некоторыхъ камней, отрывающихся отъ стѣны. Съвѣ на одинъ надгробный камень, поросшій мхомъ, я погрузился въ печальныя размышленія, произведенныя въ умъ моею окружавшими меня предметами. — Вдругъ слышу шаги идущаго человека; поднимаю голову, и вижу двухъ мужчинъ, несущихъ гробъ, и сзади старца, убѣленнаго годами, котораго почтенныя черты изображали глубокую горесть. Носильщики опустили гробъ въ могилу, выкопанную въ недалекомъ разстояніи, засыпали ее землею и удалились. Старецъ остался одинъ, устремивъ глаза на возвысившійся холмъ. Я подошелъ къ нему, желая спросить его: почныя похороны возбуждали во мнѣ любопытство. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на меня, не говоря ни слова; наконецъ сказалъ: „Если вы хотите знать это горестное приключеніе, то я расскажу вамъ его; — въ мои лѣта любящъ рассказывать, и когда горесть изнуряетъ насъ, то утѣшительно найми кого нибудь кто бы принялъ въ ней участіе.“ Говоря такимъ образомъ, старецъ сълъ возлъ меня, и немного подумавъ, началъ слѣдующимъ образомъ: —

„Около шестнадцати лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый осенній день, возвращаясь я съ поля. Перекапываю грома глухо раздавался въ лѣсу, большія дождевыя капли начинали падать, все предвѣщало ужасную бурю, и я началъ скорѣе погонять мое стадо, желая добраться до мѣста, прежде нежели буря усилится;

но приближаясь къ концу лѣса, слышала я стоны, и испугавшись, хотѣла было бѣжать, не размышляя, что можетъ быть какой нибудь несчастный пребывалъ моей помощи. Въ это время блеснула молнія, и я увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ, распростиертую на землѣ женщину, крѣпко держащую въ своихъ объятіяхъ ребенка. Хижица лѣсничаго была недалеко; я побѣжалъ туда просить пособія. Вскорѣ приходимъ мы за несчастною, употребляемъ все стараніе: напрасно! Душа ея уже оплелась въ лучшій міръ. По видимому она была еще молода; но ни почему нельзя было узнать состоянія, къ которому она принадлежала. Мы замѣнили только, что ея одежда была не простая деревенская. Конечно, она пустилась въ дорогу, слишкомъ надѣясь на свои силы; но пужда и усталость прекратили дѣла ея. Видя, что все наши усилія возвращить ее къ жизни, были бесполезны, мы занялись ребенкомъ. Это былъ прекрасный мальчикъ по третьему или по четвертому году. Онъ также лежалъ безъ чувствъ, но пришедъ въ себя, началъ громко призывать мать свою. Я сказалъ ему, что она отдыхаетъ. Онъ успокоился, немного поелъ и потомъ заснулъ. По возвращеніи въ Лонгъ-Понтъ, я рассказалъ священнику случившееся со мною. На другой день пришелъ онъ въ хижицу лѣсничаго, велѣлъ похоронить несчастную мать на деревенскомъ кладбищѣ, а ребенка взялъ съ собою. Я бы очень желалъ воспитывать это невинное созданіе, но былъ слишкомъ бѣденъ. Священникъ, человекъ благодѣтельный, не хотѣлъ оставить сироты. Его назвали Гильомомъ, имену долженъ онъ былъ раздѣлять съ бѣдными прихожанами.

„Прошло нѣсколько лѣтъ, и къ общему удивленію въ немъ не замѣнили ни малѣйшей искры ума. Въ школъ его ничему нельзя было выучить, и священникъ приписывалъ такое слабоуміе сироты, сильнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, перенесеннымъ имъ въ дѣтствѣ. Впрочемъ Гильома любили за неизмѣнную кротость нрава. Никогда не сердился онъ за насмѣшки своихъ шоварищей, — никогда не приходило ему въ голову мстить за ихъ шутки Наконецъ нечув-

ствительно привыкли къ поступкамъ бѣднаго дурачка (данное ему названіе). Дѣти съ удовольствіемъ принимали его участникомъ своихъ игръ и поручали ему небольшія работы, которыя исполнялъ онъ, какъ нельзя лучше, если только онъ не превышалъ его слабого пониманія.

„Между дѣтьми, одного съ нимъ возраста, Гильомъ обнаруживалъ необыкновенную привязанность къ Терезѣ, дочери Жервеля, одного изъ богатѣйшихъ арендаторовъ. Онъ предупреждалъ малѣйшія ея желанія. Родители молодой дѣвушки забавлялись любовію бѣднаго дурачка; сама Тереза дарила его пріятною улыбкою, когда онъ приносилъ ей птичье гнѣздо или корзинку, сплетенную изъ простирика.

„Подростая, Гильомъ становился прекраснымъ юношею; но умъ его оставался прежнимъ. Нерѣдко случалось ему однако же оказывать мужество и твердость, къ которымъ почитали его неспособнымъ. Напримѣръ: однажды Тереза, рѣзаясь на берегу пруда, со своими подругами, упала въ воду; стремленіемъ понесло ее подъ большое мѣльничное колесо — погибель была неизбежна; но Гильомъ бросился въ прудъ, поплылъ, и прежде нежели успѣли замѣнить его поступокъ, онъ уже выплывалъ изъ воды молодую дѣвушку, и передалъ ее въ объятія опечаленныхъ родителей. Въ эту минуточку глаза его блистали огнемъ; казалось, въ Гильомѣ произошла перемена. Но мало, по малу, онъ впалъ въ обыкновенную свою безчувственность, и повидному, забылъ о случившемся происшествіи.

„Между тѣмъ, Тереза цвѣла красивою. Молодые люди той деревни искали ея руки; но гордая дѣвушка искусно удаляла отъ себя всехъ вздыхателей. Онъ одного только Гильома принимала она цѣлны; но на него смотрѣла, какъ на неопаснаго соперника. Въ это время прѣхалъ въ Лонгъ-Понтъ молодой Рожеръ, сынъ Нотариуса. Онъ возвратился изъ Армін, въ которой заслужилъ крестъ и чинъ Капитана. Блестящій мундиръ и ловкое его обращеніе вскружили головы всемъ молодымъ дѣвцамъ — но глаза его устремлялись на одну только Терезу, которая съ сво-

ей спороны, не могла оставаться нечувствительною ко вниманию прекраснаго воина . . . Вскорѣ оба семейства положили между собою соединить молодыхъ любовниковъ. Гильомъ не показывалъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ свадебныхъ приготовленій и равнодушно принималъ бѣлыя перчатки и букетъ цвѣтновъ опѣ невѣсты Капитана; — но за три дни до свадьбы, Гильомъ съ бѣлыми перчатками и букетомъ подошелъ къ Терезѣ и важно взялъ ее за руку. Всѣ захохотали. Капитанъ, ничего не зная, сурово оттолкнулъ его. Бѣдный молодой человекъ удалился, сильно опечаленный, и пришелъ ко мнѣ, какъ обыкновенно дѣлывалъ въ дурномъ расположеніи духа. Я объяснилъ ему, какъ только могъ, что Тереза выходитъ замужъ за Рожера, и что съ эпаго дня будешь принадлежать ему совершенно. Гильомъ оставилъ меня съ задумчивымъ видомъ. Въ церкви сползъ онъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Во время вѣнчанія замѣтили, что онъ ужасно поблѣднѣлъ. Всечеромъ были танцы на фермѣ, но Гильомъ туда не являлся. Всѣ думали только объ удовольствіи; одинъ только я занимался Гильомомъ, пошелъ искать его и долго не могъ найти. Наконецъ, прихожу на кладбище; но какое зрѣлище ожидало меня! Гильомъ лежалъ тамъ безъ движенія . . . крѣпко прижавъ къ сердцу перчатку и букетъ, подаренные ему Терезою . . . Тутъ все объяснилось. — Сидасмый несчастною страстію, копорой онъ самъ не понималъ, и копорую никто, кромѣ меня, не отгадывалъ — злополучный не могъ перенести мысли навсегда лишиться Терезы . . . Онъ умеръ на могилѣ своей матери. — Вы были свидѣтелемъ его похоронъ.“

Пастухъ переспалъ говорить. Въ эту самую минуту подошла къ нему и начала лизать его руку красивая бѣлая коза. „Эта любимая коза Терезы, сказалъ старикъ. Однажды Гильомъ спасъ ее отъ волка, и съ того времени, исполненная благодарности къ своему избавителю, она слѣдовала за нимъ повсюду, какъ вѣрная собака. Доброе животное! продолжалъ онъ, лаская ее: нѣ любила его, какъ я, въ продолженіе его жизни, и раздѣляешь мою грусть, послѣ его

смерти . . .“ Я вынулъ кусокъ хлѣба изъ моей охотничьей сумки и подаль козѣ; но бѣдное животное опворопило голову и жалобно блѣяло . . . Я былъ иронуптъ, посмопрѣлъ на старика: голова его склонилась на грудь и крупныя слезы текля изъ глазъ его. Я пожалъ жилистую его руку и удалился, такъ, чтобы онъ не замѣнилъ моего отсутствія. Подойдя къ дверямъ церкви, я оборотился, и увидѣлъ, что онъ ставилъ деревянный крестъ, грубой работы на могилѣ своего друга. — О Сперія! вскричалъ я: зачѣмъ пѣпъ тебя здѣсь? Эта картина была бы достойна твоей кисти! Подобно мнѣ, ты пролилъ бы слезу въ память бѣднаго Гильома; подобно мнѣ, написалъ бы краснорѣчие въ жалобномъ блѣяніи козы и въ простомъ разсказѣ стараго пастуха!

Съ Франц. А.

Э П И Г Р А М М А.

Фроль опѣ Хавроши самъ не свой!
Тутъ не бѣда: вѣдь онъ ребенокъ,
Да то смѣшно, что за свиньей
Пустился бѣгать поросенокъ.

Н.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

39. *Послѣдній Новакъ, или Живописаніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго.* Историческій Романъ. Сочиненіе Ивана Лажечникова. Часть первая. Москва, въ Тип. С. Селивановскаго, 1851. Въ 12. (316 страницъ.)

Г. Лажечниковъ хорошо сдѣлалъ, что написалъ Романъ, копорый, *повидимому*, не дуренъ, но нехорошо что выпустилъ въ свѣтъ только *первую* часть. А остальные когда? . . . Нынче читатели не жалуютъ, если и журнальныя статьи растягиваются на нѣсколько NN, ибо эни *продолженія* *впредь* крайне неспосны. Но пріятно ли будетъ, читая Романъ Г. Лажечникова, прочесть первую часть въ Маѣ, вторую бытъ можетъ въ Августѣ, третью бытъ можетъ въ будущемъ году, а четвертую Богъ вѣстъ когда. А между тѣмъ, чтобы прочесть *первую* часть, за три остальныхъ надобно заплатить деньги впередъ. Нынче публика до книжныхъ подписокъ большая не-

охотница! И мудрено-ли?.. У насъ тяжелого гирею лежишь на душѣ и *Исторія Русскаго Народа!* Дождишься ее: будете ждашь долго, долго, очень долго, крайне долго, весьма долго, чрезвычайно долго; спалете пѣляшь на почтеннаго Историка; а опъ вамъ въ опвѣшь: *вѣдь скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается.*“ Вы, наскуча ждашь, умрете, и должны будете завѣщашь дѣляшь своимъ, подъ опасеніемъ лишенія наслѣдства, въ случаѣ выхода реченной *Исторіи* (опъ чего, впрочемъ, Боже сохрани!) дочистишь ее; ибо, въ прошивомъ случаѣ, разумеешь, она не рѣшится добровольно принять на свою душу такую муку. Между тѣмъ денежки-то гдѣ?.. Уплыли сердечныя!.. Впрочемъ

Какого ни была-бы рода
Исторія Русскаго Народа;
 Ужь хороша ль, не хороша ль,
 А сорокъ рубликовъ вѣдь жаль (!) —

Но возвратимся къ Роману Г. Лажечникова. Прочтемъ Автора скорѣе выдашь остальные части; а теперь что мы можемъ сказать о *первой*?.. Мы не хотимъ издѣваться надъ публикою, какъ, на примѣръ, въ одномъ изъ *Непербургскихъ Журналовъ*, кто-то съ первой строки крикнулъ молодецкимъ голосомъ: „Вопъ новый Романъ, достойный вниманія публики!“ — а въ концѣ статьи своей, образуясь, что нельзя хвалить ребенка, который еще не родился, — спалъ съ голоса и проворчалъ сквозь зубы: „По вышедшей нынѣ первой части нельзя еще *судить* о цѣломъ Романѣ.“ — Соглашаясь съ нимъ послѣднимъ мнѣніемъ, которое въ семъ случаѣ служило благоразумнымъ правиломъ, мы, до времени, по есть до выхода остальныхъ частей Романа Г. Лажечникова, ничего не можемъ сказать о немъ: ни добраго, ни худаго.

(*) Да пять рублей за пересылку.

Н.

Н. В. Корректоръ сдѣлалъ эту ссылку.

Прил. Изд.

С М Ъ С Ъ.

— „Если придетъ къ тебѣ аппетишь, то ты ужо поешь немного, а завтра приходи ко мнѣ“ — сказала Докторъ крестьянину, жаловавшемуся ему на что-то. Крестьянинъ, возвратясь домой, сълъ подъ окно, какъ-бы ожидая кого. Проведя въ такомъ положеніи часа при, молвилъ: „не несеть его пелегка! Акулина! дай-ко поешь!“ — Сълъ и опужиналъ. — На другой день, когда онъ пришелъ къ Доктору, сей послѣдній спросилъ у него: „ну что: былъ ли у тебѣ аппетитъ?“ — „Никакъ нѣтъ, сударь“ — опвѣчалъ крестьянинъ: „я ужъ безъ него поужиналъ: смерть вѣсть хошѣлось.“

— „Не правда-ли, что онъ поестъ очень проглатательно?“ спросилъ нѣкто у пріятеля своего въ концертѣ. — „Очень проглатательно — для ушей“ опвѣчалъ сей послѣдній.

— Въ 58-мъ Но Сѣв. М., на стран. 255-й, къ одному стиху: *Блгослѣннаго рукою*, въ пѣсь Г. Понемкина, присовокуплено примѣчаніе, оппослающееся къ выраженію: *блгослѣннаго*. Выраженіе сіе (какъ намъ сказано) хотя употребляется почти всѣми извѣстными Писателями, но тѣмъ не менѣе оно странно, и нѣкоторымъ образомъ неправильно. Когда мы встрѣчаемся сіе выраженіе, говоритъ Авторъ примѣчанія, я всегда вспоминаю:

Та рождена для спрашныхъ нѣтъ;
 У той-то ручки очень нѣжны;
 У той-то перси *блгослѣннаго*...
 (Какъ будто есть и *верный* свѣтъ!)

Между тѣмъ въ упомянутомъ примѣчаніи, изъ числа чепырехъ вышеприведенныхъ въ примѣръ стиховъ, прешій: *У той-то перси блгослѣннаго*, составляющей собственную мысль, для которой и сдѣлано примѣчаніе, по ошибкѣ, пропущенъ. Исправляемъ сію погрѣшность.

— Шарада въ прошедшемъ Но значить: *Гран-Одере*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпна, подписывал на опыкъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурія.*

№ 63.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 руб.ш.

1831, 27 МАЯ, СРЕДА.

ЭЛЬ-ЭРМИТАНО.

(Сцена изъ Романа: *Природа*, соч. Е. Шапою).

— Посѣщая прекрасныя восточныя провинціи Америки, гдѣ природа довольно обширна въ своемъ пространствѣ, разнообразна въ своихъ произведеніяхъ, кажется современною первому дню созданія, — я чувствую живѣйшее удовольствіе, обозрѣвая земли, почти не воздѣлываемыя, и такъ рѣдко посѣщаемыя Европейцами. Невольно увлекаемый прелестію мѣстныхъ положеній, я часто въ своихъ прогулкахъ сбивался съ дороги, и уже послѣ многихъ усилій достигалъ пупка къ городу. Въ одно прекрасное Сентябрское утро я зашелъ далеко, и, прельщенный многочисленными видами цѣпи холмовъ, копорыхъ одна оконечность касалась Океана, тогда какъ другая перялась въ нѣдрѣ Кордильерскаго хребта, вовсе не замѣтивъ, что болѣе, нежели на четыре мили отдаленся отъ своего жилища. Я повернулъ на востокъ, дабы сократить оставшійся мнѣ путь, и пошелъ чрезъ предесныя долины и лѣса сиреневыя. Уже прошелъ я большое пространство, какъ на самой дорогѣ увидѣлъ предъ собою гору. Надобно было отважиться взойти на нее; изнеможенный отъ усталости, я льстилъ себя надеждою, что, достигнувъ вершины горы, буду вознагражденъ видомъ отдаленной картины. Но приближін къ столь желанной цѣли, глаза мои съ жадностію устремились въ отдаленность. Смирный крестъ одинъ представился моимъ взорамъ; близъ него кто-то сидѣлъ въ глубокой задумчивости; а немного пода-

лѣе изъ за густыхъ деревьевъ показывался фронтонъ небольшой романической хижины. Я подошелъ къ незнакомцу. . . . Онъ былъ молодъ, и печаль, казалось, покрывала черты лица его глубокими морщинами. Я спросилъ его: какаѣ дорожки мнѣ предлежали? Онъ показалъ мнѣ ее. — „Чей это домъ?“ спросилъ я. — „Мой.“ — „А эта могилка?“ — „Эта могилка“ — отвѣчалъ онъ. . . . и чело его покрылось смертною блѣдностію; слезы заблестали въ его глазахъ. . . . „Странникъ!“ сказалъ онъ: „если любопытство заставляетъ тебя спрашивать меня, чей прахъ здѣсь почиваетъ, да не забудь этотъ мигъ радостнымъ. . . . слушай: я удовлетворю тебя. . . .“

„Желаніе стяжать богатство — заставило родителей юной Эльвиры оставить родину и основать свое пребываніе въ отдаленныхъ странахъ новаго свѣта. Эльвира была прекрасна; поступъ имѣла неприужденную; образъ ея подобенъ былъ Сильфидамъ; она имѣла черныя выразительныя глаза, и локоны волосъ ея, какъ бы играли между собою, падали на мраморныя ея плечи. Она сдѣлалась предметомъ вниманія всѣхъ путешественниковъ. На томъ же кораблѣ находилась одна молодая Мичманъ, по имени Діэго. Онъ былъ пораженъ какимъ-то изумленіемъ, увидѣвъ Эльвиру — и полюбилъ ее. . . . съ того самаго дня чувство любви сдѣлалось единственною его мыслию. Скоро пріобрѣлъ онъ ласковый пріемъ въ ея семействѣ, просилъ руки Эльвиры, и она не была ему отказана.

„Черезъ мѣсяцъ послѣ того, корабль прибылъ въ Акапулко.

Дочь Франциско, Командиръ гарнизона, дядя Діэго, согласился на выборъ, сдѣланный его племянникомъ, но оплохилъ бракъ до пѣхъ поръ, пока Діэго получитъ важнѣйшій чинъ въ Арміи. Эта мысль имѣла перевѣсъ Эльвира и Діэго повиповались. Скоро полкъ получилъ повелѣніе отправиться въ походъ.

„Тяжкія минуты разлуки наступили, и любовники свидѣлись, чтобы сказать другъ другу — прости! — „Діэго!“ говорила юная дѣва; ты оспавляешь меня, можешь быть, навсегда! . . . Останься, любезный Діэго, останься, милый другъ мой.“ — „Успокойся“ — отвѣчалъ молодой человекъ: „я стремлюсь къ побѣдѣ, а не къ смерти. Скоро мы опять увидимся.“

„Онъ поѣхалъ — и въ три года получилъ значительное опичіе по службѣ. При каждомъ повышеніи его, Эльвира предавалась неизмѣримой радости. — Однажды привѣзжаетъ курьеръ, отдаетъ письмо опцу Эльвиры Дочь наблюдаетъ черты лица родителя Онъ измѣняющійся, не взирая на усилие его, чтобы скрыть свое смущеніе, и Эльвира въ опчаянціи вскричала: „Батюшка! именемъ Пречистой Дѣвы умоляю васъ: скажите мнѣ: какое извѣстіе это письмо принесло вамъ? . . . — „Дочь Діэго погибъ жертвою побѣды“ При сихъ словахъ Эльвира упала въ обморокъ, и когда пришла въ чувства, разсудокъ ея уже былъ поперянь Увы! это извѣстіе было ложцо. Дядя Діэго, по окончаніи упорнаго сраженія, не видѣвъ племянника своего, велѣлъ дѣлать многочисленныя розыски, которые однако же не имѣли никакаго успѣха, и думалъ уже, что молодой человекъ погибъ въ битвѣ, происходившей на берегахъ озера, и былъ брошенъ въ волны. Но спустя полгода, Діэго, бывшій въ плѣну и наконецъ освободившійся, явился къ Команданту; тогда-то молодой человекъ узналъ все, случившееся во время его плѣна.

„Я новспрѣчалъ Эльвиру, — сказалъ онъ Діэго, — въ послѣдній разъ на улицѣ въ Аканулко, и остановилъ ее. — „Не выдали ли вы милаго моего Діэго?“ спросила она. — „Діэго! онъ уже ссопливъ: онъ въ небѣ!“ — „Діэго ссопливъ, а я ссрадаю! нѣтъ эпоце можешь быть; онъ былъ божествомъ моей души!“ —

„Но я почво знаю что опъ палъ на полѣ битвы.“ — „Такъ его нѣтъ, нѣтъ навсегда.“ — и съ сими словами она залилась слезами. — „Пойдемъ, милал Эльвира, пойдемъ, я провожу тебя къ мапери: она ожидаетъ тебя.“ — „Моя мать Га, га! вы смѣетесь надо мною: она уже умерла“ Я взялъ ее за пылавшую руку; она глядѣла на меня пристально и шрепешала; чело ея было хладно и омочено слезами; я говорилъ съ нею, но она мнѣ ничего не отвѣчала; ноги ея ослабли и она испустила дыханіе свое на моихъ рукахъ. Я свезъ ее къ несчастнымъ ея родителямъ, скоро послѣ того оставившимъ навсегда сію страну.

„Эта хижина, продолжалъ незнакомецъ, нынѣшнее мое жилище, была нѣкогда жилищемъ ихъ! Вопль исторія этой могилы! — Эльвира была прекрасна, молодая; а теперь она лежитъ тамъ, у ногъ пивонхъ Какъ блѣдный первый цвѣтокъ розы, распустившійся при лучахъ упренняго солнца, теряетъ листья свои опъ дуновеніи легкаго вѣтерка, такъ остановилась и она, не совершивъ и половины своего пути Ссранникъ, если какал либудь подруга была тебѣ драгоценною, если сердце твое, полное надежды и упоенія, было когда либо раздраемо потерею невознаградимаго, уроин слезу соссраданія на оппакки, сокрытыя подъ симъ надгробнымъ камнемъ.“

При сихъ словахъ незнакомецъ удалился. — Я прибылъ въ Аканулко, еще исполненный впечатлѣннй, которыя были поселены въ душѣ моей повѣспиваніемъ сего произшествія. Вскоръ, по привѣдѣ, я началъ разсказывать объ опомъ другимъ. — „И такъ!“ — говорили мнѣ тѣ, которымъ я разсказывалъ объ эпомъ: „вы видѣли самаго Діэго; онъ опплакиваетъ Эльвиру, и здѣсь извѣстенъ всѣмъ подъ однимъ именемъ. Эм. Эрмитано.“

Изъ Mercure des Salons . II. Др. — въ

Z

въ день ея рожденія.

Мнѣ — позволте Васъ

Поздравить въ часъ завыннй.

Хощя привѣтствія у насъ.
 Лишь только звукъ привѣтшій;
 Но я оны искренней души.
 Теперь Васъ поздравляю;
 Какъ были прежде хороши,
 Вамъ бытъ всегда желаю.
 Я Вамъ бы денегъ пожелалъ,
 Но деньги Вамъ не нужны;
 Есть доброта — драгой металлъ,
 Но съ нимъ Вы съ дружбѣ дружны.
 Живите съ счастьемъ всегда,
 Печалей не въспрѣчайте —
 И, если можно, кой-когда
 Меня припоминайте

О. Д — въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

40. *Ручная доводственная книга, или новѣйшій секретный эконоль, со многими предметами, служащими для дальскаго туалета.* Двѣ части. Москва, въ Унив. Тип., 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. 188, во втор. 160 стр.)

Берегитесь. Милостивыя Государыни, мы предуперегаемъ Васъ: если узнавъ о существованіи сей книги, и основываясь на ея заглавіи, Вы почтете ее годною для своего туалета, и захотите ее купить, то ошибетесь въ своемъ мнѣніи, потерявъ напрасно нѣсколько рублей. Это совершенный вздоръ! — Здѣсь недостаетъ только рецепта, (какъ сказано въ одномъ Журналѣ): какъ сдѣлать на продажу двѣ части глупой книги! — Правда! —

С. М. В. С. Б.

Кстати о книжныхъ подпискахъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшемъ Но. — Недѣли при тому назадъ, Изд. Свѣ. Мерк. получилъ объявленіе о поступленіи буди-бы въ печать перевода одного довольно неважнаго Нѣмецкаго сочиненія, съ просьбою о помѣщеніи сего объявленія въ Свѣ. М. Издатель не напечаталъ онаго потому, что не имѣетъ правиломъ своимъ помѣщать подобныхъ предварительныхъ извѣстій, ибо они ни къ чему не служатъ, развѣ что займутъ на нѣсколько строчекъ мѣсто въ газетномъ листкѣ.

Нынѣ Г. Переводчикъ въ присланномъ имъ къ Изд. Свѣ. Мерк. письмѣ изъясняетъ свое неудовольствіе, *удивляясь (!)*, почему объявленіе его по сіе время не напечатано въ Свѣ. Мерк., ибо-де, говоритъ Переводчикъ, какъ-бы поднимая вверхъ голову: „объявленіе сіе напечатано и въ Свѣ. Пчелъ.“ — На сіе Изд. Свѣ. Мерк. послѣдовалъ долгомъ довести до свѣдѣнія Г. Переводчика слѣдующее: *во-первыхъ*, что оны, какъ выше сказано, не печатаютъ въ своей Газетѣ такихъ предварительныхъ объявленій, для обнаруженія ~~такихъ~~ *такихъ* сепъ С. Петербургскія Вѣдомости; *во-вторыхъ*, помѣщеніе въ настоящемъ случаѣ упоминаемаго объявленія, о которомъ идетъ рѣчь, потому болѣе бесполезно, что и сроченіе, коего одинъ переводъ у насъ уже и есть, само по себѣ весьма не важно; новый же переводъ нѣмѣе долженъ заслуживать общее вниманіе; *въ-третьихъ*: нынѣ Гг. Переводчики весьма избаловались: кому нибудь изъ нихъ приспичетъ во снѣ злой духъ и скажетъ: *переведи то-то*, — оны съ просонья вскочить и сперва *за оданъ приспичетъ* напишутъ объявленіе о томъ, что *ему пришло въ голову перевести такую-то книгу* — и это объявленіе отсылаетъ къ Журналисту печатать; потомъ когда кончатъ переводъ, поестъ переведетъ десней пять бумаги, черциль и перьевъ, — онытъ пишутъ объявленіе, что *его переводъ поступилъ или поступиитъ въ скоромъ времени* въ печать; еспѣ же нынѣ Переводчики, которые едва только переведутъ заглавіе предполагаемой къ переводу книги, уже являютъ къ Журналистамъ съ челобитьемъ, дабы помѣстить объявленіе, что переводъ ихъ *якобы уже печатается; въ-четвертыхъ*, поможемъ, что переводъ наконецъ и выйдетъ въ свѣтъ; но какъ оны еще будутъ?

И такъ, милостивый государь, Изд. Свѣ. Мерк., да не во гнѣвъ вашей милости, долженъ сказать, что оны вашего объявленія, по вышесказаннымъ причинамъ, напечатать не могутъ, ибо вовсе не находятъ въ томъ важнаго событія для Россійской Словесности, что вы опдали переводъ свой печатать: это обстоятельство *интересно* только для той Типографіи, въ которой вашъ переводъ напечатается, ибо она за сіе получитъ оны васъ деньги.

Г. Переводчикъ, вѣроятно, не разгнѣвается на Изд. Свѣ. М., за то, что онъ опказалъ ему въ удовольствованіи его просьбы, не желая слѣдовать примѣру другихъ Журналистовъ, которые, думая о томъ только какъ бы свалить съ плечъ долой Но газетнаго листка, рады чѣмъ нибудь наполнить пустошу шпалцовъ въ своихъ изданіяхъ, и подъ предлогомъ новостей лихтературныхъ, печатающъ подобныя объявленія.

Но если бы Изд. Свѣ. М. и напечаталъ сіе объявленіе, къ чему бы оно послужило?.. Не ужели Переводчикъ полагаетъ, что нашель-бы подписчиковъ, которые, узнавъ о поступленіи перевода его въ печать, опрометью бросились-бы подписываться на оный. Не ужели Переводчикъ полагаетъ, что публика по сіе время неопытна?.. Хорошую печатную книгу она покупаетъ спанетъ, а подписываться, имѣя въ виду одно только объявленіе, не будетъ.

Вопь хорошо, (чтобъ въ добрый часъ
Мнѣ похвалить) шеперь у насъ
Подписки какъ-то рѣже спали;
А то, бывало, (то-то свѣтъ!)
Печатный выдадутъ билетъ,
А денежки твои пропали!
Ждешь книги нѣсколько вѣдъ лѣтъ;
Къ книгопродавцу посылаешь
Узнать — и всегда отвѣтъ
Одинъ и тотъ же получаешь:
Печатается . . . память узнаешь,
Что сочинитель нль пропалъ,
Иль долго живъ вамъ приказалъ.

— Въ программѣ *Гирланды* сказано, что полемика совершенно не будетъ имѣть мѣста въ семь изданій; если же — память прибавлено — на Гирланду будутъ напечатаны гдѣ либо *несправедливыя* замѣчанія, въ такомъ случаѣ возраженія будутъ помѣщаемы въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ. Изд. Гирланды нмѣлъ удовольствіе видѣть неоднократные лестные для него опизывы объ его изданіи въ уважаемыхъ пу-

бликою Журналахъ (наприм. въ *Faget.*, *Литер. Газетѣ* и нѣк. др.); между нѣмъ, какъ-бы на смѣхъ, два другіе Журнала, коихъ и наименовать совѣстно (*), вздумали дѣлать не только несправедливыя замѣчанія, но во всемъ отношеніямъ неприличныя выходки на Гирланду. Разумѣется, теперь во всемъ нашимъ чинателямъ невольнo придется на умъ Басилъ И. А. Крылова: *Слонъ и Мышь*. Издатель Гирланды доводилъ съ своей стороны до свѣдѣнія, разумѣется не Издателей нѣхъ Журналовъ, а чинателей ихъ (слѣдственно до самаго небольшого числа особъ, ибо судя по *качеству* Журналовъ, можно ли не бытъ увѣренными въ небольшомъ ихъ *количествѣ*), что Литераторы не сниспавляютъ своего отдѣльнаго сословія; но также раздѣляются на классы; и потому ему неприлично входилъ въ какіе либо споры (просто въ перебранки) съ Издателями нѣхъ Журналовъ (**).

— Въ минувшій Понедѣльникъ, 25 Мая, представилъ на Большомъ Театрѣ новый Водевиль: *Горе безъ ума*, показавшійся на первый разъ довольно забавнымъ, и принятый публикою весьма хорошо. Жаль, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ мало найдеть сюжетовъ для подобныхъ Водевильей: ибо дураки вообще рѣдко мыкаютъ горе.

(*) Открою секретъ: *Петербургскій Вѣстникъ* и *Колокольчикъ*. *Прим. Изд.*

(**) 42-й Но Колокольчика зацѣпилъ и меня грѣшнаго, увѣряя, будто я вызываю его на брань. Что съ нимъ будешь дѣлать! . . .

Ну такъ и

Для чего онъ дѣлаетъ это? . . . Именно для того, что-бы сказалъ: Ай, Колокольчикъ! знаешь онъ боекъ. . . Жаль только, что эшаго никто не скажетъ. Почтеннѣйшій Колокольчикъ! . . . пады вашей милосіию *потрунить* можно; а бранишься съ вами . . . можно Колокольчику же. Не принимайте на себя такъ много! — *Прим. Изд.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Сверхнаго Меркурия.*

№ 64.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 29 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

ЛЕЙБА и СЮРА (*).

(Сог. Нильцевича.)

Письмо I.

СЮРА къ ЛЕЙБЪ.

Бердичевъ.

Любезный Лейба! Послѣ нашей разлуки, я не знаю болѣе радости: скука меня преслѣдуетъ и ничто не можетъ разеять. Ахъ! за чѣмъ поѣхали мы въ Варшаву? . . . За чѣмъ страсть къ обогащенію, сѣвдающая отца моего, заставила его покинуть мирное и спокойное убѣжище, и предаться опасностямъ? . . . Ты знаешь, что онъ теперь производитъ торгъ лошадьми и другими поварами между Бродами и Радзивиловымъ. Какое опасное ремесло, какой ненадежный прибытокъ, сколько неизчислимыхъ потерь! . . . Успѣвъ подкупить въ таможи, онъ считалъ заранѣе прибыли не менѣе, какъ на миллионъ! . . . Ахъ! я вспоминаю умные совѣты пивой, конми ты хотѣлъ совратить его съ сей пагубной дороги, и топъ гнѣвъ, который возбудили они въ немъ пропивъ тебѣ. Никогда, никогда разговоръ вашъ не изгладится изъ моей памяти . . . Глаза бабюшки сверкали; рыжіе волоса его спали дыбомъ: „Убирайся, убирайся съ своими со-“, вътами, плодами моднаго воспитанія, вскричалъ онъ:

„если я не удаляю отъ коварнаго твоего языка моего Сюру, то и этаго уже довольно. Долго я въ тебѣ обманывался; теперь вижу, что ты не только пре-“, небрегаешь нашими древними обычаями, но даже и „закономъ Монсел. Что касается до меня, то я ста-“, ну продолжать обманывать Хриспіанъ: этаго Тал-“, мудъ не запрещаетъ. Удаю мою Сюру, ибо она на-“, чищаетъ показывать охоту къ новизнамъ . . .“ По-“, селъ сихъ словъ, онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ свой „шищель, и, бросивъ на тебѣ яростный взглядъ, пошелъ въ свою комнату и хлопнулъ съ сердцемъ дверью.

Во время сего порыва гнѣва, мапушка снимала пѣ-“, ну съ „локшина“ (*), который кипѣлъ на очагѣ; а я, сѣвъ на скамью, я проливала горькія слезы. Что же вреднаго въ моемъ воспитаніи? говорила я себѣ. Три года Лейба старался о моемъ образованіи; я много выучилась отъ него полезному, чему другимъ дѣтямъ не выучиться въ семь лѣтъ, не смѣря, что ихъ морятъ за книгами, и которыхъ они никогда не поймутъ: имъ худо ихъ объясняютъ. Ахъ, любезный Лейба! если бъ я и ничему больше не выучилась, какъ пишешь, чтобъ выражать все, что къ тебѣ чувствую, какое удовольствіе сравняется съ моимъ? . . . Могли бы я чему выучиться въ сей испорченной Германіи, описанной правами Еврейскими, которые мы просто называемъ языкомъ Жидовскимъ? . . . Никогда Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ и нашъ законодатель Моисей не говорили подобнымъ языкомъ, Настоящій языкъ

(* Жидовскій супъ.

(*) Эшошь Романъ скоро выйдетъ въ Парижъ: его перевелъ одиный хорошій Литераторъ на Французскій языкъ. Вѣроятно не замедлятъ перевести его и на Русскій, ибо въ немъ мастерскою кистію изображены нравы Польскихъ Евреевъ.

каждаго челоуѣка, есть языкъ той земли, въ которой онъ родился: мы же родились въ Польшѣ, и такъ языкъ Польскій есть нашъ отечественный; на семъ языкѣ мы должны писать и говорить.

Увы! грозное намѣреніе скоро исполнилось! Послѣ долгаго совѣщанія съ Ханомъ, бапюшка вышелъ изъ комнаты: въ немъ замѣтно было большое безпокойство. Онъ приказалъ намъ готовиться къ отъѣзду. Машушка, образецъ иѣжности и послушанія, отперла ящики, гдѣ были вещи наши. Бапюшка пошелъ собирать дѣла свои; и въ сіе отсутствіе, благодаря хлопотамъ машушки, мы еще могли видѣться въ послѣдній разъ, могли сказать прощанія навсегда. Навсегда! . . . Ахъ! какое ужасное слово! . . . Нѣтъ, нѣтъ, мой милый Лейба, иѣжныя клятвы, подтвержденныя устами твоими, продолжались до тѣхъ поръ, когда Богъ отзоветъ тебя къ отцамъ твоимъ!.. Я предвижу множество препятствій; бапюшка, слѣпо приверженный къ древнимъ своимъ предразсудкамъ, никогда не согласится соединить меня съ тобою. Но Богъ Авраамовъ будетъ бодрствовать надъ бѣдною Сіорою. Онъ смягчитъ сердце раздраженнаго родителя, согласитъ его увѣнчать любовь нашу, благословитъ насъ, какъ благословлялъ нашихъ предковъ, и наградитъ потомствомъ многочисленнымъ, подобно звѣздамъ небеснымъ, подобно песку морскому Ахъ! одна только надежда еще привязываетъ меня къ жизни!..

На другой день рано по утру прѣѣхала большая бричка, покрытая холстомъ, поддерживаемымъ обручами. Мовша, мой почтенный бапюшка, опоясавъ себя кушакомъ, заключавшимъ въ себѣ его деньги и набивъ пружку, усѣлся въ экипажъ. Подлѣ него сѣла машушка, а мнѣ приказано, не смотря на иѣзопоту мѣста, сѣсть между ними. Послѣ чего Ханъ по произволу своему разсадилъ прочихъ дѣшей, или лучше сказать, уложилъ ихъ между ящиками, мѣшками, въ изголовье. Во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ торчали маленькія ручки, ножки и кудрявыя головки. Нагрузивъ такимъ образомъ, Ханъ, безпрестанными ударами бича и чрезвычайными усиліями, привелъ наконецъ въ движеніе экипажъ.

Я не спану, мой любезный Лейба, описывать нашего путешествія, продолжавшагося около двухъ недѣль. Ты можешь самъ судить о той скорости, съ которою подвигалась наша, нагруженная такимъ образомъ бричка, везома я двумя негоднѣйшими клячами: при малѣйше песчаной дорогѣ, нужно было выходить. Восхищенная случаемъ избавившись отъ мучительнаго положенія, я выскакивала изъ повозки, какъ серна Впрочемъ, наше путешествіе сполно не дорого: мы останавливались въ уединенныхъ шинкахъ; Ханъ распрягалъ лошадей; бапюшка, не смотря на свое богатство, былъ воздерженъ и бережливъ: соленый огурецъ, луковица и немного хлѣба, составляли его обѣдъ. Вечеромъ, шарелки козьяго молока, было доставаемо для насъ; а Ханъ почти ничего не ѣлъ, только курилъ свою трубку. Такимъ образомъ, вѣроятно, шинкари мало извлекли себѣ пользы изъ нашего путешествія. Исключая утренней молитвы, бапюшка хранилъ глубокое молчаніе: казалось, что онъ думаетъ о какомъ нибудь большомъ предпріятіи. Единъ только разъ неосторожность моя вывела его изъ сей дремоты, увы! очень непріятнымъ образомъ. Меня помела нестерпимая жажда отъ изнурительнаго зноя; лошади едва передвигали ноги; къ счастью, или лучше, къ несчастью, мы увидѣли очень чистый домъ, въ тѣни вѣшвистаго буковаго дерева; чтобы дать вздохнуть лошадямъ, мы остановились на минуточку: я сей часъ выскочила изъ брички, и, войдя въ сѣни, увидѣла прелестную молоденькую Христіянку, которая держала въ рукѣ кувшинъ съ водою, только что наполненный ею изъ сосѣдственнаго колодца. Для жаждущей эшопъ видъ былъ столь же восхитителенъ, какъ и самый рай. . . Я схватила деревянную чашку, лежавшую на скамейкѣ, почерпнула ею воду изъ колодца и спала пить съ невыразимымъ удовольствіемъ. Еще не успѣла допить, какъ вдругъ кто-то сильно ударилъ меня по спинѣ, я оборотилась и увидѣла бапюшку, сполвнаго съ поднятымъ чубукомъ. Во взорахъ его видна была совершенная ярость. Онъ вскричалъ мнѣ: „Недостойная Израильянка! ты смѣешь пить изъ чаши, осквернен-

„ной устами Гойма! . . . (*) Развѣ не читала въ нашихъ „священныхъ книгахъ, въ Талмудѣ, что одни Евреи „только, суть творенія Бога, что въ нихъ однихъ „только, вложилъ онъ душу; между тѣмъ какъ прочіе „люди, дѣши врага его, Ситры-Акры (**), не имѣютъ „души, и споль же нечисты, какъ и пресмыкающіеся „по землѣ насѣкомые и гады! . . .“ — „Я не читала „книгъ кабалистическихъ, опѣчала я; но мнѣ кажется „непоспимымъ, за чѣмъ Всемогуцій Богъ, создавшій „множество племенъ и неизчислимые милліоны людей, „лишилъ ихъ души, вложивъ сіе благо въ однихъ толь- „ко бѣдныхъ и несчастныхъ изгнанниковъ. Какое ужа- „сное преступленіе сдѣлала я, когда, умирая опѣ жа- „жды, выпила воды изъ чистой чаши? . . . Если все то, „къ чему прикасаются Христіане, должно дѣйстви- „тельно заражать насъ, то мы давно бы уже не су- „ществовали. Мнѣ кажется, что воздухъ, которымъ „мы дышимъ, есть общій, и ш. под.“ — „Schweige du ver- „fluchte kanaille!“ (***) вскричалъ Моиса, поднимая впо- „ричпо невинное свое оружіе, которое еще находилось въ „рукѣ . . . Къ счастью мапушка кинулась между насъ, „и, просьбами и слезами, отвратила жестокость у- „дара.

Ахъ, мой любезный Лейба! какое печальное положе- „ніе; какъ ужасна моя будущность . . . Видѣшь непо- „бѣдимые и дикіе предрасудки въ помѣ, кого Богъ „назначилъ мнѣ въ опцы; видѣшь ихъ въ помѣ, кого „законы повелѣваютъ почитать, и кого сердце мое „обязано любить; бытъ подверженной всякій день „его гнѣву, и худому обращенію; кака я роковая поща „для бѣдной Сіоры! . . . Ахъ, милый Лейба! ищи, пайди, „если можно, средства, просвѣпниши опца моего и сдѣ- „лаешь его снисходительнѣе, — или пренеци увидѣшь „пвою Сіору, взнемогшую подъ бременемъ горестей! . . .

(*) Слово Еврейское, означающее почти то же, что: *собака, нечестивый*. Жиды также называютъ сямъ словомъ все то, что не принадлежитъ къ Жидовскому.

(**) Демонъ или нечистый духъ называется у Жидовъ: *Ситра-Акра*.

(***) Обыкновенная браяъ низшаго класса Нѣмецевъ.

Прим. Пер.

Убивая духомъ и пѣломъ, я прѣхала наконецъ въ Радзивилловъ. Мы въехали на дворъ нанятаго для насъ дома, гдѣ въ одно мгновеніе представилась ма- замъ моимъ лавка съ ирными кореньями и огромная конюшня. Родственники и друзья бапюшки вышли къ нему на встрѣчу; они подошли къ нему съ изъвлече- ніемъ, послѣ долгаго его отсутствія, нѣжной радости чувствительныхъ сердецъ, родства и дружества; но съ холодностію, которая обнаруживалась въ ихъ при- вѣствіяхъ и въ молчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, теперь я готова вѣрнть, что нѣтъ болѣе существъ изъ всѣй паціи нашей, исключая насъ двухъ, которыми могутъ чувствовать. Они жеялись не любя, и не выдавъ ни- когда другъ друга: эпо не чувства любви, довѣренно- сти или взаимнаго почтенія, сснпвляющіе союзы; опцы договариваются о приданомъ, или лучше ска- зать, о цѣнѣ; одинъ продаетъ сына, невдавшего ни- когда своей невѣсты; другой дочь, которая никогда не слыхала о своемъ женихѣ. Въ назначенный день двѣ бѣдныя жертвы соединяются въ условленномъ мѣстѣ; заставлятъ ихъ плясать на нечистотѣ, разбить ста- канъ объ пухли, и — приказываютъ жить вмѣстѣ — всегда . . . Ахъ! Лейба! Лейба! мы не такимъ образомъ возложимъ на себя вѣнецъ брачный! . . . Руководителемъ нашимъ будетъ чистѣйшая любовь, взаимное уваженіе и склонность: съ такимъ чувствованиями мы испы- паемъ всѣ блаженства сей жизни.

Бапюшка имѣетъ частыя совѣщанія съ Раввинами и старцами: иногда сборники пошлнть удивляюгся сямъ религіознымъ собраніямъ; тогда шумъ голосовъ достигаетъ комнаты, въ которой я занимаюсь ра- ботою, и слова *Гулденъ, Талеръ, Рубль*, есть един- ственныя, которыя уши мои должны слышать по- впорлемыми. Вѣроятно дѣло идетъ о какой нибудь спекуляціи, обманѣ или о чемъ нибудь подобномъ . . . но мнѣ что до эпаго! . . . Меня больше беспокоятъ таинственные шептанія Раввиновъ, въ которыхъ часто вырывается мое имя. Вѣроятно говорятъ о какомъ нибудь, касающемся меня приговореніи. Увы! я пренеци опѣ ужаса! . . . Кто теперь поддержитъ и защититъ меня? . . . Моя единственная надежда,

мой Лейба, далеко отъ меня! . . . Ахъ! по крайней мѣрѣ письма твои приносили бы мнѣ совѣты и утѣшенія! . . . Я тебя выбрала единственнымъ руководителемъ въ жизни! Другъ мой! я тебя всѣмъ обязана: ты оградишь мое дѣйствіе своими попеченіями, разкрышь мои способности, поселяя въ душѣ моей семена добродѣтели. Мое сердце, мой разумъ — есть твоё твореніе — все тебя принадлежитъ Ахъ! скоро-ли могу подарить тебя своею рукою! — Прощай!

Сіора.

Р. S. Письмо сіе посылаю тебе пинхопко, чрезъ кучера банюшки, Хаима, который везетъ въ Варшаву заячьей кожи; ты можешь отвѣчать мнѣ такимъ же образомъ. — Еще разъ прощай.

Пер. О Д — въ.

МАДАГАСКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Иди прекрасная Неала!
 Веди пришельца подъ шатеръ;
 Сними густое покрывало,
 Роскинь изъ проросника коверъ,
 И ложе изъ листьевъ древесныхъ
 На немъ пушистое сложи.
 Пускай въ очахъ твоихъ прелесныхъ
 Пришелецъ пѣльтъ восторгъ любви;
 И если онъ, пльнясь побою;
 Огнемъ желанья закипитъ,
 И нежной, ласковой рукою
 Тебя на ложе поманишь;
 Спъши, о дочь моя млада!
 Склонись главою къ нему на грудь
 Когда жъ денница золотая
 Откроетъ солнцу свѣтлый путь,
 Возстань отъ ложа уносясь,
 И съ пинхимъ чувственнымъ восхищенья,
 Въ глазахъ пришельца прочитай
 Ему побою данный рай!

НОВЫЯ КНИГИ.

41. *Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ, или слѣдствіе отцовской несправедливости.* Нравственно-сапирическій

Романъ. Москва, въ Типог. Рѣшетникова, 1831. Въ 12. (51 стран.)

Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ; по чинобы отвѣчалъ Сочинитель этой вздорной книжки, если бѣ спросишь у него: для чего онъ напечаталъ ее? . . .

С М Ъ С Б.

Нѣкто жаловался своему знакомому, что онъ мучился ужасною болью въ лѣвомъ глазу, и спросилъ: не знаешь-ли онъ какаго нибудь цѣлебнаго средства. — „Знаю“ — отвѣчалъ тотъ: „въ прошедшемъ году у меня болѣлъ зубъ; я велѣлъ его выдернуть, и съ тѣхъ поръ не чувствую боли; совѣтую и тебѣ сдѣлать то же самое.“

М О Д Ы. (Парижскія.)

Мужскія.

— Панталоны для верховой ѣзды дѣлаются изъ бумажнаго tricot съ тройнымъ рубцемъ на сторонахъ, бѣлаго или свѣтло-сѣраго цвѣтовъ. Панталоны сии, если они въ обтяжку, надеваются въ сапоги, а широкіе сверхъ сапогъ.

— Шляпы носятъ сѣраго цвѣта à l'Anglaise.

— Нѣкоторые модники посягнувъ сухошныя панталоны цвѣта terre d'Alger ou d'Egypte, у которыхъ съ обѣихъ сторонъ гирлянды изъ листьевъ, вышитыхъ чернымъ шелкомъ.

— Много носятъ панталонъ изъ пашки и казмира — cachemire свѣтло-сѣраго цвѣта.

— Модные сюртуки носятъ изъ сукна зелено-польскаго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ. Сюртуки сии дѣлаются безъ фальшивыхъ боковыхъ кармановъ.

— Фраки сохраняютъ прежній фасонъ. Модный цвѣтъ для фраковъ — зелено-травяной съ чернымъ или самымъ темно-коричневымъ бархатнымъ воротникомъ.

При семъ No Сѣв. Мерк. картина дамскихъ модъ за No 1-мъ. Объясненіе оной: шляпка, изобрѣтенія M-me Seuriot; платье изъ gros de Naples; ботики изъ шелковой маперін.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣшина, подписывая назовыхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 65.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 1 ЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

РЕКРУТЪ. (*) (Русская Повесть.)

I.

Что добръ, тому избѣжки въ плгоснѣ,
Боль опѣ ихъ съ ближнимъ не дѣлать.

И. Крыловъ. (Басня Лань и Дрвншъ.)

... о ночь! ...
...
Ты сизою своей одеждой,
Окупавъ бѣдную постель,
Уложишь спать меня съ надеждой...

В. Глинка. (Стихотв. Ночь.)

Въ Рязанской Губерніи, недалеко отъ Московскои, находится село, примѣчательное по своему мѣстоположенію, прекрасной церкви, и красивому, выстроеному, со вкусомъ господскому дому, равно какъ и по богатству крестьянъ. Оно принадлежитъ Госпожѣ Н., женщицѣ, довольно образованной, и, судя по благоденствію людей, вѣрными ей Промысломъ, доброй. Конечно, добропа людей происпекаетъ отъ различныхъ причинъ: иногда отъ истиннаго расположенія, иногда отъ бѣдности, иногда отъ личныхъ выгодъ, иногда отъ невозможности дѣлать зло, иногда . . . но за всѣмъ шѣмъ добропа, происходящая отъ какихъ бы ни было причинъ, всегда оспаненяется добропою. И такъ, Г-жа Н., по мнѣнію многихъ, слыла добропою . . .

(*) Эта повесть цевымъ издана; по крайней мѣрѣ мнѣ она извѣстна отъ человека, которому я охотно вѣрю: онъ находился въ то время самъ въ селѣ Г-жи Н.

Сог.

Андрей Ивановъ, староста этого села, былъ выбранъ когда-то въ сіе званіе, почетное между поселянами, цѣлымъ міромъ, еще на тридцатомъ году своей жизни; и хотя теперь достигъ лѣтъ преклонныхъ, но все еще носитъ на себѣ сіе званіе. Добродѣтель вездѣ найдетъ себѣ поклонниковъ. Ивановъ былъ человекомъ, можно сказать, рѣдкій: Бога, Государя и государю свою онъ ставилъ выше всѣхъ обязанностей, отдавая имъ должное; ибо помнилъ слова Спасителя: *воздавайте Кесарю Кесарю, а Богу Богу.*

Онъ имѣлъ двухъ сыновей и дочь, прелестную, добрую; ею наградила его Богъ, въ замѣнѣ добродѣтельной жены, которая умерла, произведя на свѣтъ сего ребенка. Такъ-то все прекрасное не получается здѣсь безъ горестей: „Что же дѣлать!“ говорилъ онъ часто: „видно Богу такъ угодно.“ Время изглаживало мало по малу изъ сердца его сильную горестъ о доброй женѣ, и обратило заботы къ дочери. Также и сыновья его были, что называется, добрыя ребята. Имъ было каждому за 20 лѣтъ, и потому они могли помогать отцу своему въ трудахъ его.

Однажды, когда семейство Ивашава, послѣ трудной дневной работы, отдыхало дома, вдругъ послышался стукъ у дверей. Малевкала четырнадцатилѣтняя Маша ихъ отворила. Вошелъ въ свѣтлицу блѣдный молодой человекъ, лѣтъ 18-ти, и низко поклонился всему семейству. „Что ты, братецъ Федоръ, что ты?“ вскричала старикъ вошедшему: „на тебѣ нѣтъ лица, что съ тобой? — „Я все вамъ расскажу, позвольте сперва отдохнуть немного“ — сказала моло-

дой человекъ: „теперь я не въ силахъ: вы узнаете, за чѣмъ я пришелъ.“ — „Такъ сядь же съ нами; ты иззябъ, отдохни: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.“ — „Благодаренъ, очень благодаренъ тебѣ, Андрей Ивановичъ.“ Слезы капнулись по блѣдымъ щекамъ молодого человека. „Такъ!“ вскричалъ онъ: „я могу здѣсь быть сытымъ, а бѣдная мать моя.“ — И онъ закрылъ руками лицо, какъ бы стараясь скрыть свое смущеніе, что однако жь сдѣлать ему было невозможно: старикъ успрямилъ на него неподвижные взгляды.

Солнце болѣе и болѣе садилось за лѣсъ: это часъ семейскаго успокоенія. Сыновья старосты пошли спать. Федоръ, Андрей и Маша остались одни. Зажжена повалъ лучина и комната освѣтилась сильнѣе — и сильнѣе дала замѣнить старику смертную блѣдность его гостя.

„Маша! душенька, выдь отсюда; оставь меня съ Федоромъ одного ненадолго — я позову тебя.“ — „Нѣтъ, пусть она останется!“ — вскричалъ молодой человекъ: „у меня нѣтъ съ тобой, добрый человекъ, дѣлъ тайныхъ. Не думай, что я нарочно молчалъ при сыновьяхъ твоихъ; не думай, что молчаніе это происходило отъ стыда: нѣтъ, честному человеку стыдился нѣчего. О чемъ пришелъ просить тебя, то могу сказать громко при всемъ мѣрѣ. За чѣмъ-же высылать это дитя? . . . Пусть она здѣсь останется; пусть, во время нашего разговора, она молилась объ“ Слезы пробилась опять изъ глазъ его . . .

„Ты знаешь, Андрей Ивановичъ!“ — началъ онъ, немного оправясь, — „что я остался послѣ отца по шестому году, въ самой горькой бѣдѣ; знаешь, что мать моя, здѣсь, на блѣдомъ свѣтѣ, суцалъ мученица: это ты все знаешь . . . за чѣмъ напомню тебѣ о твоей помощи, когда умерла сестра моя. Нѣтъ, я не стану напоминать тебѣ объ этомъ: Богъ помнитъ лучше твое доброе дѣло. Я пришелъ просить не помощи; молодому человеку отъ старика просить милостыни грѣшно; я пришелъ — просить работы: не откажи бѣдному бобылю, не откажи, Андрей Ивановичъ, ему для бѣдной, больной матери Говорь дѣлать все, что прикажешь, ибо отъ трудовъ рукъ

моихъ зависить несчастная жизнь моей родной! Прими меня къ себѣ въ работу — и тогда я опять живу; опять буду въ состояніи кормиться честнымъ образомъ . . .“ Бѣдный молодой человекъ стоялъ предъ сѣдымъ старикомъ на колѣняхъ, у котораго текли градомъ слезы; маленькая Маша молилась за несчастную мать Федора!

„Что сказалъ?“ вскричалъ Андрей въ полголоса: „ты будешь опять кормиться честнымъ образомъ? . . . А развѣ когда поступалъ иначе? . . .“ — „Да“ — отвѣчалъ, смущаясь, Федоръ: однажды, пришелъ домой, я нашелъ въ Божницѣ (*) десять рублей — и не смолчалъ на то, что они были чужіе, не узнавалъ, какъ попали они туда, — я употребилъ ихъ для пропитанія матери и своего. Этого поступокъ пятюнитъ меня, хотя отъ него и получилъ я отъ священника разрѣшеніе. Уже прошло, я думаю, съ мѣсяць, какъ . . .“ — „Батюшка!“ вскричала, какъ бы въ изступленіи Маша: это ты послѣ . . .“ — „Молчи!“ воскликнулъ съ сердцемъ старикъ, и упалъ въ объятія несчастнаго молодого человека, произнося не внятно: „Добрый! . . . я буду опцемъ тв . . . Богъ тебя не оставитъ!“

Бунтующимъ заревомъ пылали щеки радостнаго Федора; онъ летѣлъ, а не шелъ въ старую, разваливающуюся избушку свою, въ которой позволяли ему жить съ матерью. „Радуйся, радуйся, машушка, восклицалъ онъ — мы будемъ счастливы. Добродѣтельный Андрей не обманулъ моего ожиданія. Онъ такъ же добръ, какъ и пять лѣтъ назадъ. Съ завтрашняго дня кончатся мои страданія у этого безчеловѣчнаго богача, Алексѣя. Богъ ему судья! за свои прирубля въ мѣсяць, захотѣлъ уморить несчастнаго сироту! Богъ ему судья! Машушка! радуйся же со мною! Вотъ, утоли свой голодъ: это тебѣ прислала добрая Маша.“ Онъ поставилъ на столъ накрытую корзину. Долго находился Федоръ въ семъ радостномъ упоеніи. Наконецъ, сопя, утѣшилъ въ бѣдствіяхъ, сковалъ языкъ восхищеннаго юности.

(*) Родъ кіопы, въ которую спавляше Св. Иконы. Она обыкновенно бываетъ почи на равнѣ съ скамейками, притѣлными къ стѣнѣ избы.

„Любезныя дѣти!“ — сказалъ староста, войдя въ горницу сыновей своихъ: „дѣти! радуйтесь вмѣстѣ съ опцемъ вашимъ: Богъ любитъ насъ! Онъ посылаетъ намъ несчастныхъ, оспавленныхъ цѣлою деревнею! Дѣти! будьте также великодушны: любите бѣдлаго Федора, какъ брата; онъ сподобитъ любви вашей.“ —

„Можемъ ли мы не любить его?“ вскричали сыновья въ одинъ голосъ. „Твоя воля, есть и наша. Бапюшка! мы уже давно любимъ его: самъ Богъ свидѣтель.“

Какъ справедливы многія Русскія пословицы! одна изъ нихъ говоритъ, что *отъ хорошаго дерева хорошия и плоды*. Какъ она справедлива!..

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

ОДА АНАКРЕОТИЧЕСКАЯ.

(Подражаніе Мопкрифу.)

Я обожаю измѣнницу Аглаю;

Плѣпясь, умѣя и самъ ее плѣпять.

Обмануть я — злодѣйку забываю,

И съ эшихъ поръ я не хочу любить.

Ахъ! я рождень дышать небесной спрасню,

Но съ нею мнѣ покой не сохраню;

Я доверяю обманчивому счастью;

Оно прошло — я не хочу любить!

„Несмысленный! забудь твоего Аглаю.“ —

Сказалъ Амуръ: „чтобы тебя плѣпять,

Трехъ Грацій я въ одну соединю.“

— Оспавь, Амуръ: я не хочу любить.

Богинею Мальвина мнѣ явилась,

Какой нигдѣ не можешь краше быть.

Ты правъ, Амуръ, она плѣпая родилась; —

Но рѣшено: я не хочу любить.

Она мила, какъ вдохновенъ неба,

Какъ самая . . . по лѣзя ли изъяснить? —

Минерва, — пѣшь: Киприда, Флора, Геба . . .

Но что мнѣ въ томъ? — я не хочу любить.

Ей цѣлый мѣръ обязанъ поклоняться —

Пріятно ли соперниковъ нажить?

Я долженъ ей безмолвно удивляться —

Богъ съ нею — пѣшь; я не хочу любить.

„Дружися съ пей“ — сказалъ божокъ — „ручаюсь

Отъ злой любви всегда тебя храню,

И каждый мигъ подтвердитъ я общаюсь:
Смотри, Давидъ: не подобно любить!“

Ужель, Амуръ, ложь и тебя коснулась? . . .

И можемъ ли мы слову измѣнить? . . .

Лукавый богъ! Мальвина улыбулась,

Какъ я сказалъ, что не хочу любить!

Съ пѣхъ поръ душа томится по Мальвинѣ,

Я не хочу, не смѣю твердымъ быть.

Слѣпецъ! и я не зналъ того донынѣ,

Что зная се, не можно не любить!

Я. Д. — въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

42. *Горькая участь*. Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1851. Въ 8. (39 стран.)

Между пѣмъ, какъ многіе Русскіе Журналы разсуждаютъ о примѣрной авторской дѣлательности и чрезвычайномъ дарованіи Г. Орлова, — никто изъ нихъ по сіе время еще не обнародовалъ (хотя многіе давно уже смѣкнули), что въ средѣ ихъ есть одинъ Журналецъ, въ которомъ частенько являюся спатейки лѣткопорога Писателя, не менѣе примѣчательнаго, какъ и Г. Орловъ. Писатель сей (пока анонимъ,) вѣроятно, полагалъ, что никто изъ чипапателей его не вѣдаетъ о существованіи издаваемой въ Пестербургъ Газеты: *Faget*, передѣмываетъ изъ оной, что ему полюбится, на свой ладъ; собственныя имена городов и дѣйствующихъ лицъ замѣняетъ Русскими; а въ концѣ, яко Авторъ оригинальной спатейки, подписывается тако: *Алекстй Кораблинскій*.

Загадка разрѣшена: честь и слава вамъ *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду!*

Син Писатели, то есть Гг. Орловъ и Кораблинскій,

Какъ двѣ звѣзды во мракъ ночи —

сіяютъ теперь на горизонтѣ Русской Словесности! — Самому прѣзорливому чипапателю ихъ произведеній трудно опредѣлить существующее между ними различіе. — Син литературныя близнецы изумляютъ разительнымъ своимъ другъ на друга сходствомъ, и весьма часто увлекаютъ въ недоразумѣніе своихъ чипапателей, принимающихъ ихъ одного за другаго. Но читающіе

провзведенія сихъ. Господь — есмь, сущая *Горькая участь*, кошорою Г. Орловъ назвалъ. новое свое швореніе, и которое, подамо намъ, поводъ написашъ сіи спироки.

С М Ъ С Б.

— Ирландецъ, воспитывавшійся въ Эдинбургѣ, желая учиться музыкѣ, пришелъ къ одному знаменитому виртуозу, чтобы уговориться съ нимъ о цѣнѣ уроковъ. „Милоспивый Государь!“ сказалъ сей послѣдній: „за первый мѣсяць я беру по три гинеи, а за послѣдующіе по двѣ.“ — „Очень хорошо.“ — возразилъ Ирландецъ: „позвольте же мнѣ начать уроки со вѣснраго мѣсяца.“ — Этошъ анекдотъ невольно напоминаятъ про другой подобный, что нѣкто, пришедъ въ полдень въ трактиръ, спросилъ: „что спонитъ у васъ обѣдъ?“ — „Плтъ рублей.“ — „А ужинъ?“ — „Два съ полтиной.“ — „Дай же мнѣ ужинашь.“ — „Какъ, сударь, ужинашь!“ — возразилъ въ недоумѣніи трактирщикъ, ибо дѣло было въ полдень. — „Да, любезный, ужинашь: я ужъ обѣдалъ!“ сказалъ поспителъ.

— Въ Лондонѣ учреждено общество милосердія, которое заботится объ уплатѣ маловажныхъ долговъ бѣдныхъ, посаженныхъ за неплажежъ въ тюрьму. Въ прошломъ году благотворительное сіе общество освободило 1786 таковыхъ несчастныхъ, заплативъ за каждаго (въ общемъ счетѣ) около двухъ съ половиною фунтовъ стерлинговъ. (63 руб. на наши деньги). Въ Англіи общество сіе въ большомъ уваженіи.

— Подражая Англійской модѣ, нынѣ многія дамы въ Парижѣ за обѣденнымъ столомъ должны выпить по стакану Soda Water (садовой воды), которая возбуждаетъ дѣятельность желудка.

— Ришъ (Rich), знаменимый Лондонскій арлекинъ, выходя изъ дому, панялъ фіакръ, и приказалъ себя везти въ Гостиницу *Солнца*. Въ то самое время, когда фіакръ долженъ былъ остановиться, Ришъ, увидѣвъ, что одно окно въ нижнемъ этажѣ гостиницы было

отворено, выскочилъ изъ дверецъ прямо въ комнату. Кучеръ, сойдя съ козелъ, и отворивъ дверцу, пришелъ въ большое удивленіе не нашедъ своего съдока. Послѣ обыкновенныхъ проклятій, онъ опять сѣлъ на козлы и ударилъ по лошадамъ. Ришъ, выждавъ минушу, когда кареша поровилась съ окномъ, однимъ скачкомъ очутился опять на своемъ мѣстѣ, и закричалъ кучеру, что онъ не знаетъ дороги и пробѣжалъ гостиницу *Солнца*. Фіакръ остановился; Ришъ вылезъ изъ карешы, браня извозчика, и вынимая кошелекъ, чтобы заплащить ему. — „Нѣтъ, господинъ чѣршъ, другимъ плаши, а мнѣ пивонихъ денегъ не нужно; я знаю тебѣ: ты хочешь за нихъ душу мою взять; оспавайся при своихъ деньгахъ!“ — И ударивъ по лошадямъ, скрылся опшъ мнмаго бѣса.

— Извѣстный оспракъ, имя котораго упоминашь считаемъ излишнимъ, быдъ на одномъ блесдящемъ вечерѣ. „Какая свѣшлая почъ!“ сказалъ ему нѣкто, который, видѣвъ его въ первый разъ, желалъ вступитъ съ нимъ въ разговоръ, чтобы убѣдиться въ его оспроуміи.“ — „Да!“ отвѣчалъ оспрословъ, желая уклониться отъ разговора, начало котораго предвѣщало мало занимательнаго. — „Ну, божусь честно, что плуть нѣшъ ничего оспраго.“ — шепнулъ пріятелю своему пашъ наблюдатель, хотѣвшій непременно, чтобы человекъ, извѣстный оспрошамъ, не говорилъ ни слова безъ оныхъ. — даже и о погодѣ.

Содержаніе двѣнадцатой книжки Гирланды слѣдующее: I. *Словесность*. Проза. Горбатый. (*Испанская Швальсть*). Стихотворенія. 1. Д — у. (*Отвѣтъ*). 2. Трагико-комикъ. 3. Невозвратимая. II. *Библиографія*. Альманахи на 1831-й годъ: Дешица, Метеоръ и Северное Сіяніе. III. *Смѣсь*. 1. О музыкальной задачѣ Г. Бернара. 2. Im-promptu Графа Д. И. Хвостова. IV. *Парижскія Моды*. — Logogriphe. Charade.

При сей книжкѣ картинка дамскихъ модъ No 7-й. Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателя Сѣвернаго Меркурія.*

№ 66.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на велесвой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 3 ІЮНЯ, СРЕДА.

РЕКРУТЪ.

(Продолженіе.)

Три года прошло съ того времени, какъ Федоръ былъ принятъ въ число Андреева семейства; при годѣ уже, какъ успокоивалъ онъ спарую мать свою. Работа не казалась ему трудною, ибо онъ трудился вмѣстѣ съ сыновьями своего хозяина: они дѣлили труды свои поровну. Старшій сынъ женился, и жена его заступила мѣсто хозяйки въ домѣ Андрея, въ которой оно нуждалось. Маша выросла и слыла въ цѣломъ селѣ прекрасною дѣвушкой. Федоръ прекраснымъ мужчиной. Молодцы заглядывались на Машу, дѣвушки поглядывали на Федора. Годы не измѣняли старика: онъ, по прежнему, былъ бодръ и свѣжъ, и по прежнему съ ревностію служилъ госпожѣ своей.

Если добродѣтельный молодой человекъ живетъ подъ одною кровлею, или, по крайней мѣрѣ, часто видится съ прекрасною молодою дѣвушкой, если замѣчаемъ, что юноша, развязный въ разговорахъ при другихъ, только при ней молчитъ, если, какъ-бы бовтлся ея присупствія — и между тѣмъ желаетъ быть всегда съ ней, — и когда опущенныя въ низъ глаза иногда поднимаются, и, встрѣпясь съ ея глазами, опразятся багрянцемъ на щекахъ обонхъ, — тогда, что это все значить? . . . Это значить, что они любятъ другъ друга. Не правда-ли? . . .

То же самое было съ нашими молодыми людьми. Часто, когда всѣ уйдутъ на работу — а певѣстка становится хлопотать въ сельскомъ хозяйствѣ своемъ, Ма-

Томъ 111. № 66.

ша, сядя одна въ свѣплицѣ за прялою, часто вспоминала о Федорѣ, о его прежнему, ужасномъ положеніи, о его разговорѣ съ опцемъ ея, о его любви къ своей матери, о его рѣдкомъ поведеніи въ дому ихъ, и о его рѣдкой душѣ. Но было-ли это просто одно воспоминаніе? . . .

Часто, при малѣйшей услугѣ, оказанной ей Федоромъ, Маша старалась услужить болѣе; но она угождала не ему, а спарой его матери: сидѣла, иногда по нѣскольку часовъ сряду, подлѣ ея постели, и читала ей Св. Писаніе, а дряхлая спарушка возсылала ко Всемогущему изъ глубины души своей теплыя молитвы за добрую дѣвушку. Молмлась о ея счастіи, — и всегда, со счастіемъ Машин, соединялась мысль и о счастіи ея добродѣтельнаго сына: она молмлась за нее и за Федора! . . .

„Богъ не оставитъ тебя“ — говорила она ей: „Богъ не оставитъ тебя! Кто жертвуетъ лучшими часами своей молодости, для утѣшенія несчастныхъ, поплѣ надѣйся, что избѣгнешь многихъ золъ въ семъ мѣрѣ. У тебя заступникъ самъ Господь и помощникъ въ бѣдствіяхъ: если бѣ опъ и постигли тебя, ты имѣешь у себя добродѣтельнаго опца; а бѣдный сынъ мой, бѣдный мой Федоръ! . . .“ и старушка горько плакала. . . . Маша старалась ее утѣшить — и спаря смотрѣла веселѣе.

Посмотримъ, что происходитъ теперъ въ сердцѣ Федора. О! въ немъ ужасная борьба между любовью и настоящимъ положеніемъ. Онъ увѣренъ, что выбранная сердцемъ — любить его. Сколько разъ удо-

сповѣрлся онъ въ помъ! На эптопъ счетъ опъ былъ спокоенъ; но онъ не могъ и никакъ не смѣлъ думать, что счастье его соспоицца когда нибудь. Съ другой стороны его мучило настощее положеніе; правда, что онъ теперь гораздо былъ благополучіе, нежели при года тому назадъ; но за всѣмъ тѣмъ, онъ зналъ, что бѣдный работникъ, можетъ быть, и имѣющій какія нибудь достоинства, будетъ-ли когда мужемъ дочери богатаго своего хозяина-покровителя? . . . Слово покровитель еще болѣе его сѣдало. „Какъ!“ думалъ опъ: „мнѣ отравить послѣдніе дни добраго старика неблагодарностію! За всѣ милости и ласки его, заплатить мнѣ измѣной! Нѣтъ, эпаго я сдѣлашь не могу . . . пусть, лучше умру съ печали, — но оспанусь вѣреть добрымъ своимъ правиламъ — и благодѣтелю“ прибавлялъ онъ со вздохомъ. За вздохомъ сямъ бѣдныя щеки его орошались слезами безнадежности . . . молодой человекъ шаялъ, какъ свѣча — но не выказывалъ своего несчастія: сосѣди думали, что молодой бобыль Федоръ былъ совершенно счастливъ, ибо имѣетъ средствъ успокаивать старую мать свою. Всѣ знали доброе его сердце и не полагали, что можетъ его занимать что-либо, кромѣ маперы. Одна Маша знала причину печали Федора; одна она чувствовала, какъ было ему грустно: Маша судила по себѣ. Она все попла — и любила Федора втайнѣ.

Быстро летѣли дни. Приходило время жатвы, время, довольно тягостное для поселянъ, и пріятное для людей, живущихъ въ деревняхъ для чистаго воздуха и наслажденія, хлопотливое и сопряженное съ большими неудовольствіями для помѣщиковъ.

Младшій сынъ Андрея долженъ былъ ѣхать въ Москву по торговлѣ; но оставался въ селѣ по нездоровью. Федора спарику послать не хотѣлось: хорошій работникъ былъ нужнѣе дома. Торопишься же было не чѣмъ

Госпожа Н. была по прежнему милосива къ своимъ крестьянамъ, получала исправно со всѣхъ положенный оброкъ и не обременяла ихъ ничѣмъ болѣе. Только Федора, несчастнаго Федора, гнала она немилосердно. Федоръ былъ единственный бѣднякъ въ цѣ-

ломъ селѣ — слѣдовательно, не могъ и выполнять требовацій госпожи своей, подобно богатымъ землякамъ. Помѣщица искала случая опъ него избавиться. Несчастный молодой человекъ! и пы мечтаешь о счастіи? . . .

II.

Одинъ сынъ не сыпъ, два сына полсыва,
при сына сыпъ.

(Старинная пословица.)

Кто могъ, кто смѣетъ не признашь
Съ воспоргомъ сладкаго томленья,
Сердцеъ пльсивныхъ упоеня ? . . .

И. Козловъ. (Абидос. невѣста.)

Возвѣщенъ рекрутскій наборъ; возвѣщенъ походъ въ землю крамоль и опспупничества, въ землю послѣдователей Лже-пророка, и сынъ сѣшнптъ оставнптъ роднпельскій кровь, мужъ жену свою. Всякій съ радостию идетъ служить Царю. Какъ радоспно отдавать жизнь свою за опчество и Государя, весело поражаютъ враговъ и измѣнниковъ Россіи; но, при томъ, какъ тяжело прощались, можетъ быть, навсегда, съ близкими сердцу! Какое холодное сердце не прольетъ слезъ умиленія, при сей прогашельной карпнптъ, при видѣ борьбы двухъ чувствъ еспественныхъ: опчественнаго и кровнаго? . . .

Съ села госпожи Н. должно было ошдать трехъ рекрутъ. Они слѣдовали по очереди изъ богатыхъ домовъ крестьянъ сего села: это для помѣщицы было очень непріятно. Она, конечно, жалѣла ихъ не попому, что ей было жаль различить сыновей съ родителами, и доставить Царю слугъ; нѣтъ, ей не хотѣлось ошдать ихъ за то, что они были богаты: слѣспвенно, она лишалась нѣкоторой части доходовъ своихъ, копорые, хопи и были для ней больше, чѣмъ достпапочны; но алчные къ богатству люди могутъ ли лишиться и тысячной доли богатства своего, безъ ропота на судьбу, или, по крайней мѣрѣ, безъ сердечной досады? . . Такова почно была помѣщица Н. Богатые находили въ ней покровительницу . . . по горе, горе бѣднымъ! . . . а бѣдныхъ, въ цѣломъ селѣ, былъ одинъ Федоръ!

Сей молодой человекъ давно былъ назначенъ госпо-
жею для замѣны рекрута; но не было случая испол-
нить сіе намѣреніе: теперь онъ представился, — и
помѣщица пишетъ приказъ старостѣ, чтобы онъ
сдалъ его. За остальныхъ же двухъ рекрутъ, прика-
зала купить квашанціи въ сосѣдственной деревнѣ . . .
Роковая записка въ рукахъ Андрея

Обратимся къ семейству старосты.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

ИЗБАВЛЕНІЕ.

(Подражаніе псалму.)

Вошще сдвигалися народы!
Вошще гремѣль ихъ лрый гласъ!
Шумѣли шакъ, какъ въ бурю воды,
Шли на меня . . . о спрашнй часъ! . . .

Успа ихъ лестью, зломъ дышали,
Нечесстья огнь въ очахъ сверкалъ,
Въ рукахъ мечи они держали —
И каждый мнѣ изъ нихъ вѣщаль:

»Вошще на Бога уповаешь!
Онъ не спасетъ тебѣ отъ насъ!
Вошще, вошще къ Нему зываешь —
Не внемлетъ Онъ твоей скорбнй гласъ!»

Но я — къ Творцу съ мольбой сердечной,
Съ слезами горькими воззвалъ
И вялъ мольбъ мой Предвѣчный,
И мнѣ опвѣтъ во громахъ далъ:

»Не бойся, рекъ, Я твой Спаситель!
»Я накажу твоихъ враговъ!
»Не бойся, Я твой Защищитель,
»Я твой Отецъ, Я твой покровъ!» —

И громъ гремитъ! и молнія блещетъ!
Шумитъ, шумитъ, пылаетъ градъ!
Дрожитъ земля! сонмъ злыхъ прещетъ!
Враги мяпулся и — бѣгутъ!

Вошще! имъ въ бѣгствѣ нѣтъ спасенья!
Ихъ гнѣвъ Всевышняго разитъ!
Надъ ними Ангелъ истребленъ
Съ ужасной казню паритъ!

Паритъ! гдѣ злобыя? — Сраженны! —
Добыча ада и гробовъ! —
И прогремѣль Творецъ Вселенны:
»Я благъ — Я правдильнй покровъ!»

И. Мартыновичъ-Лашевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

43. *Блгнецъ*. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе А.
Вельпмана. Москва, въ Тип. Августа Семена, 1831.
Въ 16. (VIII и 65 стран.)

Въ этомъ стихошвореніи Поэтъ описываетъ лю-
бовь Гречанки, Мирры, къ Донскому козаку, Леонилу,
бѣжавшему изъ Россіи въ Турцію и попавшему въ
неволю къ опцу ея, богатому Галацскому купцу. Лю-
бовь сія, какъ обыкновенно водится въ нынѣшнихъ
модныхъ Поэмахъ, оканчивается слѣдствіями ужасны-
ми: любовники умираютъ въ объятіяхъ другъ друга
въ жеспочайннхъ мученіяхъ отъ заразы. Въ образецъ
стиховъ, которыми написана Поэма, выписываемъ по
мѣсто, гдѣ Авпюръ изображаетъ заразу.

1.

Гнѣвъ Бога, исполнитель казни,
Гроза народовъ и Царей,
Разрывъ общесшвенныхъ связей,
Конецъ родства, любви, пріязни,
Вражды, ласканельства и ссоръ,
Губитель жизни, чернй моръ,
Какъ тайнй, бѣглый пламень ада,
Незримо вспыхнувъ на земль,
Изъ странъ Египта, въ корабль,
Пронесся въ пристань Цареграда.
Ошпуда съ язвой и чумой,
Сынъ спрашнй Мемфиса и Нила,
Прошелъ невѣдомой стезей,
Черезъ Балканъ въ Раю Браила (*),
Въ Галацы, въ Яссы, въ Букарестъ,
И пензбъжнмъ вихремъ плѣнья,
Разнесъ грозу опустошенъ,
Въ обители прекрасныхъ мѣстъ!

(*) Гая вообще значить Турецкій подданный, христіанской
религіи. Раей Браилловской называется пространство
Нижней Валахіи, около крѣпости Браилова, заключающее
въ себѣ до 1500 квад. верстъ. Пріим. Соч. Поэмы.

II.

Въ Галацѣ смершность свирѣпнеть,
 Разлился пламенемъ педугъ;
 Всѣ гибнутъ! — Тамъ здоровый вдругъ
 Упалъ и въ судорогахъ рѣветъ,
 Какъ будто весь облитъ огнемъ!
 И чернымъ на груди пятномъ
 Росшеть примѣнно знакъ заразный!
 Прикосноведемъ ядовитъ,
 Еще безъ похоровъ лежимъ
 Мертвецъ, какъ ужасъ безобразный!
 Медлительно печенье дней,
 И вѣщеть ходъ часовъ безсонныхъ.
 Живые — призраки людей,
 Болезню дикой испощенныхъ.
 На всѣ предметы палегла,
 Какъ полуночи черной мгла,
 Одежда страха и печали;
 И шлеи чумныя тѣла,
 И птицы хищныя лепали.
 Наружность улицъ и домовъ
 Кладбищемъ стала безъ крестовъ.
 Все безобразность опустѣнья.
 Но изрѣдка, какъ привидѣнья,
 Въ нарядѣ черпомъ, смоляномъ,
 Съ щипцами длинными, съ багромъ,
 Средь улицъ молча Чоклы (*) ходятъ.
 Какъ ужасы полночной тьмы,
 Син могильщички чумы
 На всѣхъ живущихъ страхъ наводятъ!
 Безтрепетно они влскутъ
 Въ одну ужасную могилу:
 Невниность, прелестъ, слабостъ, силу!
 Въ ней, почипающей Тальмудъ,

(*) Въ должность Чокловъ или чумныхъ могильщиковъ обыкновенно употребляются пресупуники. Были примѣры, что и вольные ванимались въ Чоклы. Если судить по нѣкопормъ изъ нихъ, то кажется чума не приспаетъ къ безболзненнымъ, или дѣйствуетъ на нихъ не смертельно. Я слышала отъ очевидцевъ, что одинъ Чокль бралъ убитыхъ чумою голыми руками и спокойно носилъ ихъ на плечахъ до косира или могилы: чума ему не вредила. Другой имѣлъ 8 разъ чумной знакъ, копорый всегда проходилъ, какъ обыкновенный нарывъ. Прим. Соч. Поэмы.

И обожатель Магомета,
 И вѣрующій во Христа,
 Какъ дѣши одного завѣта,
 Подъ сѣнью общаго креста!

III.

Но пусть пѣвецъ, жестокій геній,
 Обищель ужасовъ, мученій,
 Жиллице смерти воспоетъ!
 Пусть онъ въ камъ передаетъ
 Въ одежду слезъ заплаую лиру,
 И начертитъ надгробье міру,
 И смертныхъ въ шрепетъ приведетъ!
 Пусть будеть онъ ихъ душу жалитъ
 Картиной бѣдствій, какъ змѣя;
 Я не могу, не спану я
 Ихъ чувства трогать и печалитъ!
 Улыбка, свѣтлый взоръ очей
 Мнѣ дороги! Кто ихъ разогнитъ?
 Но кто жъ хоть иайно не уронитъ
 Слезу надъ бѣдствіемъ людей? —

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. (Дамскія.)

(24 Мал н. с.)

Полные наряды: Платье изъ лиловой кисеи съ цвѣточками колокольчиковъ; корсажъ драпированный; рукава съ тремя широкими рубчиками у кисти руки; пелерника изъ кисеи, вышитая вокругъ; шляпка изъ Италіанской соломы съ бѣлыми лентами; ботики изъ черной маперин (prunelle).

— Платье изъ foulard du Bengale, бѣлаго цвѣта съ цвѣтками; корсажъ въ складкахъ; канезу изъ вышитого тюля, ворошичекъ квадратный съ зубчиками; шляпка изъ paille de riz, съ зелеными лентами и съ двумя вѣпками boules de neige; ботики изъ gros de Naples и сѣраго сафьяна.

— Платье изъ Азіятскаго газа, синяго цвѣта; корсажъ à la Grecque; рукава изъ бѣлаго крепа; волосы вчесаны къ верху и убраны въ видъ короны безъ буклей; башмаки изъ gros de Naples; перчатки бѣлыя; эшарпъ изъ бѣлаго газа, на подобіе блонды; серьги, браслеты и цѣпь серебряныя съ свѣтло-зеленой эмалью.

При семъ Но Сѣв. Мерк. картинка дамскихъ модъ за Но 2-мъ. Объясненіе оной: платье изъ волнистой маперин; шляпка-капошь изъ волнистой же маперин, подобная крпомъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурія.*

№ 67.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 5 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

РЕКРУТЪ.

(Окопчаніе.)

Маша сидѣла одна въ компаніѣ за прлякою; грудь ея сильно подымалась: въ ней было замѣтно сильное волненіе; она сидѣла за прлякою, а колесо не обращалось, веретено упало изъ рукъ. „Боже! Боже мой“ думала она: что будетъ со мною, если эта безчеловѣчная опшнметъ у меня Ѳедора? . . . Нѣтъ, когда онъ будетъ солдатомъ, то не жить ему на свѣтѣ. . . Бѣдная Маша будетъ сиротою, бѣдная Маша умретъ съ печали. . . .“ и у дѣвушки блестяли алмазные капли на рѣсницахъ; щеки ея рѣдѣли, какъ пыльные піоны: какъ была она въ то время привлекательна! . . .

„Нѣтъ, сердце мое говоритъ мнѣ не даромъ, что эта грозная плуча насъ минуетъ“ — сказала Маша, оботря платкомъ глаза: „оно меня увѣряетъ, что Ѳедоръ останется со мной! Неужели непременно онъ будетъ солдатомъ? Ахъ, нѣтъ! Ѳедоръ! Ѳедоръ! . . .“ Сія слова вылепетали у Маши, какъ бы въ испугленіи. — Ихъ услышалъ топъ, къ кому они относились . . . Онъ здѣсь . . . Онъ на груди добродушной дѣвушки . . . и Маша забыла печаль свою.

Было Воскресенье. Всѣ, не изключая дѣтей, спѣшили въ церковь; слышали излить предъ Спасителемъ, въ Храмъ его, немлицемѣрные чувства свои; чувства, не прикрытыя личиною набожности. Спѣшвили слушать Слово Божіе, слушать проповѣдь сельскаго свя-

щепника, товарища въ скорбяхъ своихъ — и проливать слезы умиленія

Всѣ шли весело по дорогѣ, мимо дома Андрея Иванова, и снимали, въ знакъ своего уваженія къ спарику, шляпы, украшенныя васильками и павлиными перышками.

Староста давно уже былъ въ церкви. Уже обошелъ всѣ святыя иконы, преклоняя предъ каждой съдую голову свою . . . Прихожане собрались. Тихо споали они, какъ бы спрашили оскорбить Спасителя непочтеніемъ; только иногда слышны были восклицанія въ полголоса: Господи! прости согрѣшенія наши! Господи! продли жизнь доброму Царю

Служба кончилась. Радостно шли крестыяне изъ Дома Молишвы. Раздались радостныя, веселыя пѣсни. Все оживилось

Семейство старосты одно не принимало участія въ сихъ веселостяхъ . . . Маша и Ѳедоръ шли подлѣ стараго Андрея, у котораго на лицѣ отражалась сердечная горестъ. Молодые люди старались развеселить его; но онъ отвѣчалъ имъ отрывисто, какъ будто хотѣлъ прекратить начатый разговоръ: было замѣтно, что спарикъ погруженъ въ глубокое размышленіе.

Такимъ образомъ пришли домой.

Андрей ушелъ отъ семьи своей въ верхъ, въ маленькую комнату: тамъ у него хранились повелѣнія и приказы помѣщицы; тамъ занимался онъ для блага своихъ собратій.

Передъ образомъ Св. Угодника, Николая Чудотворца, слабо шеплялась, изъ синяго стекла, лампада.

Предъ Иконой стоялъ добрый селянинъ, добрый Андрей, на колѣнахъ; слезы текли ручьемъ по спарому лицу его

„Будь заступникомъ,“ говорилъ онъ: „будь заступникомъ молодого человѣка. Спаси несчастную, дряхлую мать его: она не переживетъ разлуку съ добродѣтельнымъ сыномъ своимъ. Оставь его для ея радости: ей не долго смотрѣть на свѣтъ Божій, ей не долго радоваться имъ!“ Старикъ повернулся ницъ предъ Святинелемъ, и, какъ-бы получивъ вдохновеніе, воскликнулъ: „Такъ! вѣра сблизила меня съ побою, благодѣтельная мысль озарила умъ мой! Я употреблю ее съ пользою, Святый Чудотворецъ: ты меня освѣтилъ! Онъ будетъ спасенъ! У Царя будетъ слуга лучший . . . Ѳедоръ! ты останешься у насъ!“ И старикъ, упервъ еще скользяція изъ глазъ слезы, весело, забывъ горестъ свою, сошелъ къ дѣшамъ. Вѣчеръ приближался

Ѳедоръ и Маша спрашивались любви своей; они болели, обшерьнулись отцу — и молчали. Чистая любовь, даже и въ крестьянахъ, — молчалива. Ѳедоръ искалъ случая убѣгать своей любезной; искалъ случая не быть вмѣстѣ съ Андреемъ: онъ думалъ, что старикъ уже все знаетъ

Вечеромъ, когда собралось нѣсколько сосѣдей къ Андрею Иванову, когда пиво немного поразвеселило гостей, его, тихое жилище старосты превратилось въ шумную бесѣду . . . Гости спрашивали у хозяина о квипанціяхъ, спрашивали, у кого ихъ купить? Онъ отвѣчалъ, что все уже сдѣлано, и донесено обо всемъ госпожѣ; что теперь они могутъ быть спокойны на эпошъ счетъ. Многіе сожалѣли о бѣдной Машѣ. „Какъ она у тебя худѣетъ, Андрей Ивановичъ!“ говорили одинъ: „у нея вѣрно есть печаль!“ — „Жаль, очень жаль“ — повторяли другіе: „хорошая дѣвушка, слабая будетъ хозяйка!“ — „Пора бы подумать о свадьбѣ!“ — приговаривали третіе . . . Старикъ отвѣчалъ, что онъ радъ былъ бы выдать дочь свою, но еще не знаетъ, кто ей правится; что силою выдать ее

онъ ни за что въ свѣтъ не захочетъ . . . „Ахъ! если бы я былъ увѣренъ; если бы это могло случиться! тогда бы . . .“ сказалъ онъ въ полголоса. „Объ чемъ изволишь говорить, Ивановичъ?“ спросили его гости. Андрей, какъ бы очнувшись, увидя, что онъ не одинъ. „Такъ, ничего, я такъ сказалъ, друзья мои!“ отвѣчалъ онъ. Разговоръ обратился къ другимъ предметамъ. Пивные стаканы чаще начали обходить кругомъ. — Гости разошлись. — Ночь наступила

Староста остался въ комнатѣ одинъ съ младшимъ сыномъ, плотнымъ, высокимъ мужчиною, котораго только недавно болѣзнь лишила яркаго румянца.

„Любезный другъ мой! Любезный сынъ!“ началъ Ивановъ: „исполни просьбу стараго отца твоего, исполни ее — и тогда онъ умретъ спокойно; общай мнѣ выполнишь ее, и тогда, тогда ты будешь мнѣ не сынъ, а благодѣтель! Исполнишь-ли?“ — Если пѣтъ, то я — умолкну: долженъ буду погубить невинную! Такъ, она умретъ: это вѣрно!“ Старикъ былъ въ отчаяніи.

„Какъ, бапюшка!“ отвѣчалъ сынъ: „ужели ты думаешь что я не исполни твоей просьбы? Отецъ мой! я буду повиноваться твоему приказу: говори, — и ты увидишь, что Николай твоей горю въ жертвовать для отца своею жизнью“

Какъ прогашельна была сцена, когда старецъ-отецъ упалъ въ объятія юноши — сына! Какъ эта картина была прогашельна! . . .

Сливъ со стѣны Св. Икону, Андрей благословилъ ею своего сына. „И такъ, мой сынъ“ — сказалъ онъ, когда сей послѣдній кинулся ему въ ноги: „и такъ, сынъ мой, ты теперь слуга Государевъ; Господь сохрани тебя и помилуй! . . . Николай! ты исполнишь волю мою; но еще не знаешь, легко-ли тебѣ будетъ ее выполнить? Слуга Царя — не то, что слуга помещицы. О! это со всемъ другое! . . . Спайся служишь вѣрой и правдой, не щади жизни для долга Россіянина; не заставь стараго отца твоего быть преступникомъ предъ Богомъ и Государемъ, не заставь его укорять себя въ томъ, что онъ оппалъ отъ Опечества добраго слугу и замѣнилъ его недоспой-

нымъ. Знай, сынъ мой, ты сдѣлалъ теперь дѣло великое: успокоилъ меня и спасъ несчастную мать добраго Ѳедора: она умерла бы отъ опечаленія, если бы сынъ ея отъ нея удалялся. У нея только онъ одинъ; а у меня васъ двое: пусть одинъ служить Царю! Богъ тебя благословитъ“ Старикъ рыдалъ.

»Что слышу!“ вскричалъ Николай: „я иду за моего добраго товарища, добраго Ѳедора! Боже мой! какъ я счастливъ: мое желаніе исполнилось. Сестра моя! любезная сестра! теперь ты не умрешь! Братъ твой спасетъ тебя! . . .“ Тутъ обратился онъ къ опцу и сказалъ: »Батюшка! я исполнилъ твою просьбу. Батюшка! исполни и мою: ты избавилъ отъ смерти старую мать Ѳедора, спаси молодую сестру мою! Маша любитъ Ѳедора; Ѳедоръ любитъ Машу я все сказалъ. Моя просьба тебѣ известна . . .“

»Господи! неисповѣдимы пути твои!“ вскричалъ старикъ. »Все свершилось по желанію раба твоего недостойнаго!“ — Отецъ и сынъ поверглись ницъ предъ иконой.

Квипанція въ рукахъ помѣщицы. Пусть ее удивляетъ великодушному поступку добраго крестьянина; пусть сердится, чѣмъ желаніе ея осталось невыполненнымъ: мы не спанемъ болѣе упоминать объ ней. Она будетъ когда нибудь благословлять человека, недопустившаго ее къ несправедливому поступку; и въ паки сердца иногда пробивается лучъ милосердія. . . .

Радостно вошелъ Андрей съ молодымъ вонномъ къ семьѣ своей, по упру. Сколько слезъ, сколько лобзаний получилъ онъ отъ родныхъ! Ѳедоръ былъ въ радостномъ оцѣпеченіи. Маша не могла плакать, — не могла смѣяться. Николай былъ доволенъ своею участью и собою

»Ѳедоръ!“ сказалъ наконецъ старикъ: »я опшускаю отъ себя далече роднаго сына моего, безъ горести, безъ сожалѣнія; его участь завиднѣе нашей! но при всемъ томъ, у меня не будетъ предъ глазами сына! Ѳедоръ! заспуни его мѣсто, женись на Машѣ: тогда только я буду счастливъ Любезная дочь, милая моя Маша! прими отъ дряхлаго опца твоего

жениха. Выдь за Ѳедора, и тогда я спокойно сойду въ могилу“

Молодые люди ничего не говорили: кинулись на шею къ брату, потомъ въ ноги къ опцу, — и онъ осѣнилъ ихъ Св. Иконой! . . .

Нужно ли говорить о чувствахъ Ѳедора и Маши? . . .

Спустя нѣсколько времени, въ сельской церкви Св. Николая Чудотворца было большое спеченіе народа; подлѣ ограды стояли шельги, покрытыя пестрыми коврами; въперть разносилъ радостные звуки пѣсенъ дома старосты: это была свадьба. Нужно ли говорить, чья? . . .

О. Дьяковъ.

НА Д Г Р О Б І Е З А Й Ч И К У (*)

Съ вечерней, утренней росой
Здѣсь Настя (**) слезы проливаетъ;
Здѣсь зайчикъ сѣренькой косою
Сномъ непробуднымъ почиваетъ.
Несчастный выпрыгнулъ въ окно
Для соблазнительной свободы;
Но смерть внизу ждала давно
И Стиксовы отъ прельзылы воды.

✱

Ахъ! не одинъ, о зайчикъ! ты
Погибъ, упавши съ высоты.

А. Измайловъ.

(*) Сія пѣса, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, доставлена мнѣ покойнымъ Авторомъ за нѣсколько времени до кончины его. — Изд.

(**) Имя старшей дочери Сочинителя.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

44. *Московскія минеральныя воды.* Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Ивелсва. Глава первая. (*Консиліумъ.*) Москва, въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 12. (54 стран.) (*)

Поставляемъ обязанностію своею обратить вниманіе читателей нашихъ на сіе прекрасное стихо-

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 р. экземпляръ. Чрезвычайно дорого! За пересылку прилагается за одинъ фунтъ, между тѣмъ какъ въ книжечкѣ не болѣе 10 золотниковъ. Г. Ивелевъ не погрѣвается на насъ за сію искренность.

твореніе, отличающееся забавнымъ разсказомъ содержания, свободнымъ и правильнымъ стихотворнымъ языкомъ. По незвѣстности въ Словесности авторскаго имени, мы имѣемъ право заключить, что оно вымышленное, и предполагаемъ, что сочиненіе сіе написано перомъ какого нибудь изъ извѣстныхъ уже публикѣ дарованіемъ своимъ Императоровъ. Просимъ Г. Ивлева не замедлить извѣстить насъ о слѣдствіяхъ консилиума, столь хорошо описаннаго имъ въ этой первой главѣ его Повѣсти.

С М Ъ С Ъ.

Русскія Пословицы.

Камеръ-Юнкеръ N^o, мужчина лѣтъ около 30-ти, довольно пріятной наружности, раскланивается весьма важно и ловко; по приѣмамъ его, вы полагаете найти въ немъ человѣка образованнаго; но заговорите съ нимъ: послѣ нѣсколькихъ словъ, имъ произнесенныхъ, вы убѣдитесь, что господинъ N^o глупенецъ, и что онъ *клянётся гораздо, а говорит не умлетъ*. Но мало ли, подобныхъ ему, мы встрѣчаемъ въ кругу баричей моднаго свѣта? ..

Какъ часто многіе, сдѣлавъ что нибудь пунное, безпрестанно шрубяшъ объ этомъ всѣмъ и каждому въ уши. За это, впрочемъ, ихъ осуждашь не совсемъ можно: вѣдь и *журица, снесши яйцо, безпрестанно кудахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ*.

Роскошь XIV вѣка.

Можно судить о чрезвычайномъ различіи въ роскоши, которое произвели вѣка, по подробностямъ, описаннымъ въ испоріяхъ. Авторъ испоріи Карла VI, Короля Французскаго, увѣряетъ, что сей Король, во дворцѣ своемъ имѣлъ просныя деревянныя кресла. Между пѣтмъ и тогда говорили о великолѣпнн, кричали о роскоши.

Довольно любопытно сравнивать прежнія цѣны вещамъ съ настоящими. Въ счетъ Королевскаго дома, въ 1302 году видно, что полная одежда для пажа,

состояла 107 су; придворной дамы, 8 ливровъ; разнымъ, низшаго разряда дамамъ, 58 су; Багряница Филиппа Августа, носимая имъ во время Пасхи, 26 ливровъ съ половиною; полукафтанье, 20 су, каждое; полопшо для рубашекъ дамъ высшаго круга 8 днариевъ (Французскихъ), за аршинъ. Слѣдственно, можно-бы возобновить гардеробъ всѣхъ придворныхъ дамъ. того вѣка, гораздо дешевле, чѣмъ таковой же какой нибудь Парижской мѣщанки нашего времени.

Стъ Фр. О. Д — вѣ.

— Прежде было въ модѣ, какъ говоритъ Journal des Dames et des Modes, чтобъ Парижскіе щеголи, подражалъ Англійскимъ, или довольно неумѣренпо; но нынѣ это не въ попѣ. Гигіена, здравомысліе-ли, или мода тому причиною, неизвѣстно. Ликеры и кофе также не въ большомъ употребленіи. Прелестныя Парижанки едва ли могутъ быть болѣе степенны и умѣренны, какъ нынѣ: даже желаніе *правиться* имъ нынѣ не правится — по можетъ быть только въ своихъ совмѣстницахъ, а не въ самихъ себя.

Первая книжка Гирланды, Музыкальнаго Журнала, содержащая въ себѣ четыре Романа (два Русскихъ, одинъ Французскій и одинъ Испанскій, а именно: No 1-й *Могила*. Романсъ. Слова *В. А. Жуковскаго*; музыка Графа *С. В. Толстаго*. No 2-й. *Je ne vous aime pas*. Romance. No 3-й. *Era tutte le rene la rena maggiore*. Музыка *Князя Е. М. Голицына*. No 4-й. *Тайная скорбь*. Романсъ. Слова *А. Вельтмана*; музыка *Н. А. Титова*.) — поступила въ продажу по 5 р. экземпляръ, съ пересылкою 6 р., въ музыкальные магазины Гг. Бернара и Брифа; а также и въ книжные магазины Смирдина и Слѣпина. Иногородныя особы, для полученія сихъ Романсовъ, благоволятъ адресовать свои шребованія слѣдующимъ образомъ: *Въ Контору Издателя Гирланды*.

Пакеты и письма доставлялись въ кнѣжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывавая на оныхъ: *Издателю Сверхнаго Меркурія.*

№ 68.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* помовъ, на *величавой* бумагѣ, съ 24 картинками *Модъ*, 55 р.; съ доставкойю на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 8 ІЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

ЛѢТОПИСЬ ВРЕМЕНЪ КАРЛА IX.

(1572)

Глава семнадцатая.

Тайная аудіенція.

Macbeth.

Do you find

Your patience so predominant in your nature
That you can let this go?

Shakspeare.

Въ назначенный часъ Капитанъ Жоржъ отправился въ Лувръ. Лишь только онъ объявилъ имя свое, швейцарь поднялъ обои, отворилъ потаенную дверь, и ввелъ его въ Королевскій кабинетъ. Король сидѣлъ за небольшою столкомъ и занимался письмомъ. Боясь, повидимому, поперясть въ разговоръ ни въ мыслей, его занимавшихъ, онъ далъ знакъ рукою, чтобы его не тревожили; а потому Капитанъ, остановясь почтительно шагахъ въ шести отъ стола, имѣлъ время бросить взглядъ на комнату и убранство ея.

Оно было очень просто, ибо состояло изъ однихъ лишь охотничьихъ приборовъ, развѣшанныхъ въ безпорядкѣ по стѣнѣ. — Довольно хорошій образъ, представлявшій Божию Матерь, надъ которымъ находилась большая образница, вѣсилъ между длиннымъ ружьемъ и охотничьимъ рогомъ. Столъ, на коемъ писалъ Король, заваленъ былъ книгами и бумагами. На полу валялись чепки и моливленныя, вмѣстѣ съ сѣщами и

съ соколими колокольчиками. Большая лягавая собака спала тутъ же на подушкѣ.

Вдругъ Король, какъ бы въ порывѣ гнѣва, бросилъ перо на полъ, сопровождалъ движеніе сіе проклятіемъ; пробѣжалъ нѣсколько разъ неровными шагами по кабинету; потомъ, остановясь внезапно предъ Капитаномъ, бросилъ на него сомнительный взглядъ, какъ бы увидя его въ первый разъ.

„Ахъ! это вы?“ сказалъ онъ наконецъ, отступилъ шагъ назадъ.

Капитанъ поклонился.

„Мнѣ весьма пріятно васъ видѣть; я хотѣлъ съ вами поговорить . . . но“ Онъ остановился.

Устремивъ глаза, выпянувъ шею, подвинувъ правую ногу немного впередъ, — словомъ, въ положеніи, въ какомъ бы, вѣроятно, живописецъ изобразилъ ожиданіе — стоялъ Капитанъ, ожидая конца начатой рѣчи. Но Король снова опустилъ голову, и, казалось, былъ занятъ мыслію, безконечно далекою отъ той, которую онъ хотѣлъ выразить за нѣсколько мгновеній предъ симъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Король сѣлъ и склонилъ голову на ладонь, какъ усталый.

„Дьявольская рима!“ вскричалъ онъ, попя ногою, и гремя своими длинными шпорами по полу.

Собака пробудилась, и принимая спухъ сей за зовъ, относившійся къ ней, привстала, подошла къ кресламъ Короля, положила переднія лапы на его колѣна, и подливъ морду свою, разинула ротъ, и зѣнула безъ

всякаго принужденія. Такъ прудно приучить собаку къ придворнымъ обычаямъ.

Король прогналъ собаку, и она, опошедъ отъ него, опять улеглась со вздохомъ. Глаза его встрѣтили снова, какъ бы случайно, Капитана, и онъ сказалъ ему: „Извините меня, Жоржъ; эта (*) риема бросаешь меня въ кровавый и холодный потъ.“

„Быть можетъ я Вашему Величеству въ тягость“ — отвѣчалъ Капитанъ съ низкимъ поклономъ.

„Нѣтъ, нѣтъ!“ — сказалъ Король; вспалъ, и, дружно положивъ руку на плечо его, улыбнулся. Но улыбка сія изображалась на однихъ лишь устахъ: разсѣянные глаза его не имѣли въ пей участія.

„Что! вы не чувствуете ли еще усталости отъ намеднишней охоты?“ — спросилъ Король, находясь въ примѣтномъ запрудненіи, чѣмъ начать разговоръ. — „Долго пришлось погоняться за оленемъ.“

— „Государь! я бы не былъ достоинъ начальствовать ропкою всадниковъ Вашего Величества, если бы столь легкое предпріятіе, какое было шретьяго дня, могло меня утомить. Въ послѣднюю войну, Герцогъ Гизъ, вида меня всегда на конѣ, назвалъ меня Албанцемъ.“

„Да, мнѣ въ самомъ дѣлѣ сказывали, что ты лихой ѣздокъ; но скажи мнѣ, умѣешь ли ты также хорошо стрѣлять изъ ружья?“

— „Ваше Величество! я довольно хорошо умѣю съ нимъ обходиться, однако вовсе не имѣю ловкости В-го В-ва; но она и не вѣзмъ дана!“

„Вотъ, возьми это длинное ружье, заряди его двѣнадцатью дробинами, и будь я проклятъ, если на шестидесяти шагахъ хоть одна изъ нихъ минуетъ грудь шого, въ котораго ты прицѣлишься!“

— „Шестидесять шаговъ довольно большое расстояние; но я никакъ не осмѣлюсь поспорить съ такимъ стрѣлкомъ, какъ Ваше Величество.“

„А на двѣсти шаговъ ты попадешь въ человѣка, лишь бы только пуля была по калибру.“

(*) Предоставляется читателю подешавишь сюда энипешъ. Карлъ ІХ употреблялъ ихъ часто въ весьма сильномъ, но не слишкомъ благоприсойномъ родѣ.

Король передалъ ружье въ руки Капитана.

— „Оно кажется споль же хорошимъ, какъ богато украшено“ — отвѣчалъ Капитанъ, разсмотрѣвъ его пристально, и испробовавъ нѣсколько разъ замбкъ.

„Я вижу, что ты знаешь на оружіе; приложишь же, чтобъ я увидѣлъ, какова швола цѣль.“

Капитанъ повиновался.

„Ружье прекрасная вещь“ — продолжалъ Король пропьяжно: „за сто шаговъ и однимъ движеніемъ пальца можно избавиться отъ недруга; и ни кольчуга, ни лапы не уступятъ проптивъ хорошей пули!“

Карлъ ІХ, или по привычкѣ съ дѣтства, или по врожденной робости, никогда не смотрѣлъ въ лице тому, съ кѣмъ разговаривалъ. Въ сей разъ, однако жъ, отъ посмотрѣлъ на Капитана пристально и съ обыкновенною выразительностію. Жоржъ невольно опустил глаза, и Король сдѣлалъ то же, почти въ одно съ нимъ время. — Минушное молчаніе. — Жоржъ первый прервалъ оное.

— „Впрочемъ, какъ не быть ловкимъ въ употребленіи огнестрѣльнаго оружія; а мечъ и копье все таки въртѣ . . .“

„Да; но ружье“ Карлъ страннымъ образомъ улыбнулся и тотчасъ продолжалъ: — „говорятъ, Жоржъ, что тебя Адмиралъ недавно очень обидѣлъ?“

— „Ваше Величество“

„Я знаю, я въ томъ увѣренъ; но мнѣ бы пріятно было я бы желалъ слышать обшполтельсиво сіе отъ тебя самаго.“

— „Правда, Ваше Величество, я говорилъ ему объ одномъ дѣлѣ, въ которомъ я принималъ большое участие“

„О послдикъ твоего брата? — славный малой! онъ чудо какъ умѣлъ справиться съ своимъ пропивникомъ. Люблю молодца! Комменжъ былъ дуракъ, и ему подѣломъ. Но, чорпъ возьми, какъ эта сѣдая борода нашла случай съ тобою сѣпнись?“

— „Я подозреваю, что различіе въры, и отступничество мое, которое я считалъ забытымъ . . .“

„Забытымъ? . . .“

— „По крайней мѣрѣ В. В. подали примѣръ въ заб-

вешн, и Ваша рѣдкая, непристрастная справедливость“

„Знай, другъ мой, что Адмиралъ ничего не забываетъ.“

— „Я это замѣнилъ, Государь!“ и лице Жоржа нахмурилось.

„Скажи мнѣ, Жоржъ: что ты думаешь дѣлать?“

— „Я, Государь? . .“

„Да; говори откровенно.“

— „В. В.! я дворянинъ, слишкомъ незначущій, а Адмиралъ слишкомъ спаръ, чтобъ мнѣ вызвать его на поединокъ; а сверхъ того — прибавилъ онъ съ поклономъ, какъ бы желая вѣжливымъ выраженіемъ загладить то, что онъ считалъ дерзостью проптивъ Государя, — сверхъ того, если бы я это и могъ сдѣлать, то опасался бы лишиться милости Вашего Величества.“

„Ба!“ вскричалъ Король, опершись правою рукою на плечо Капитана.

— „Къ счастью, продолжалъ Жоржъ: честь моя не находится въ рукахъ Адмирала; и если бы ктонибудь одинакаго со мною званія усомнился въ моей чести, то я бы попросилъ у В. В. позволенія“

„То есть ты не станешь мстить Адмиралу; однако это дѣлается ужасно дерзкимъ!“

Жоржъ пришелъ въ примѣтное удивленіе.

„Однако, продолжалъ Король, однако онъ тебя обидѣлъ, или чортъ меня возьми! онъ тебя больно обидѣлъ, я слышалъ Дворянинъ не слуга“

— „Какъ же мнѣ отмстить ему? онъ почитетъ недостойнымъ для своего сана со мною драться.“

„Быть можетъ, но“ Король взялъ ружье и приложился: „понимаешь меня? . .“

Капитанъ отступилъ два шага. Жесты Короля были довольно понятны, и ужасное выраженіе лица его объяснило все болѣе, нежели сколько нужно было.

— „Какъ, Государь! вы бы мнѣ совѣтовали! . . .“

Король спуканулъ прикладомъ объ полъ, и вскричалъ, взглядывая на Капитана сверкающими глазами:

„Тебѣ совѣтовать? Сохрани Богъ! Я ничего тебѣ не совѣтую.“

Капитанъ не зная, что отвѣчать, и сдѣлавъ то,

что сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ поклонился и опустилъ глаза.

Вскорѣ Карлъ продолжалъ смягченнымъ голосомъ:

„Не то, чтобъ ты отпустилъ ему хорошаго пулею за честь свою это мнѣ все равно. Но клянусь всѣмъ священнымъ, что у дворянина нѣтъ ничего драгоценнѣйшаго его чести. И сверхъ того эти Шапильоны горды и дерзки какъ Эти мошенники хотѣли бы свернуть мнѣ шею и занять мѣсто мое Когда я увижу Адмирала, то мени не рѣдко беретъ смертная охота выщипать ему всѣ волосы изъ бороды.“

На это съпремиальный попокъ рѣчи человека, который обыкновенно былъ весьма скупъ на слова, — Капитанъ ничего не отвѣчалъ.

„Ну что жъ? ради чести и крови, что ты сдѣлаешь? Я бы на своемъ мѣстѣ подкараулилъ его при выходѣ изъ его проповѣди, да изъ ближняго окошка вѣшилъ бы ему въ бокъ порядочный зарядъ. — Ей, ей, братъ мой Гизъ былъ бы тебѣ за это благодаренъ; и ты бы много сдѣлалъ для спокойствія Государства. Знаешь ли ты, что это бездѣльникъ гораздо болѣе Королемъ Франціи, нежели я самъ? Это мнѣ наконецъ надоѣло Скажу тебѣ прямо, что я думаю. Надобно проучить этого , чтобъ онъ впередъ не оскорблялъ дворянина. — За пятно на чести — пятно на шкурѣ; одно другимъ вознаграждается.“

— „Честь дворянина лишь погибаетъ, а не очищается убійствомъ.“

Отвѣтъ сей былъ громовымъ ударомъ для Короля. Недвижно, проплывъ руки къ Капитану, онъ держалъ еще ружье, какъ бы предлагая ему оное орудіе мести. Его полуразкрышлы уста поблѣднѣли, — и сверкающіе глаза, устремляясь на Жоржа, бросали пожирающіе взгляды, будучи въ то же время поражаемы такими же взорами Капитана.

Наконецъ ружье выскользнуло изъ дрожащихъ рукъ Короля, и спукъ раздался по комнатѣ: Капитанъ бросился, чтобъ поднятъ оное, а Король сѣлъ въ кресла, сложивъ голову съ мрачнымъ видомъ. — Трепетное шевеленіе губъ и бровей его изъвѣляло борьбу, происходившую въ глубинѣ его сердца.

„Гдѣ твоя рота?“ спросилъ онъ наконецъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— „Въ Мо (Маух) В. В.“

„Черезъ нѣсколько дней ты къ ней отправишься, и приведешь ее самъ въ Парижъ. Черезъ нѣсколько дней ты получишь на это приказаніе.—Прощай.“

Въ голосъ его было что-то гнѣвное, грубое. Капитанъ поклонился ему низко, и Карлъ, указывая ему рукою на дверь, далъ понять, что аудіенція его кончилась.

Капитанъ удалялся съ обыкновенными поклонами; но Король, вдругъ вскоча со стула, схватилъ его за руку.

„По крайней мѣрѣ молчи! понимаешь?“

Жоржъ поклонился и положилъ руку на грудь.

Когда онъ выходилъ изъ комнаты, то слышалъ, какъ Король сердито подозвалъ къ себѣ собаку, и началъ щелкать ее арапникомъ, какъ бы желая излить неблагорасположеніе духа свое на невинное животное.

Возвращаясь домой, Жоржъ написалъ и отправилъ къ Адмиралу записку слѣдующаго содержанія:

„Нѣкто, нелюбящій васъ, но любящій честь, совѣщаетъ вамъ не довѣрять Герцогу Гизу; а можете быть даже челоуку еще могущественнѣйшему.
„Жизнь ваша въ опасности.“

Письмо сіе не произвело никакого дѣйствія на безстрашнаго Колинъи. Известно, что нѣсколько времени послѣ сего, 22 Августа 1572 года, онъ былъ раненъ изъ ружья однимъ злодѣемъ, коего имя было Морвель, и который по сему случаю получилъ названіе *Царубѣйцог*.

Съ Фр.

Э П И Г Р А М М А.

Изотовъ нашъ писанъ Тригедіи пуснился!
Принарядить піэсу есть въ пемъ даръ:
Здѣсь мертвеца приплелъ; намъ взрывомъ опличился;
Глядишь — лепаштъ, какъ Икаръ! —

25.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

45. *Отепилья Антоновна, въ новомъ вкусѣ, столичная колдунья, или встѣль сестрамъ по сѣрвгамъ.* Нравственно-сатирическій Романъ. Соч. И. Гурьяновымъ. Москва, въ Тип. Спешанова, 1831. Въ 12. (58 стран.)

Ахъ, батюшки-свѣпы! Да войтъ еще Авпортъ, одного поля ягода съ Гг. А. Орловымъ и А. Кораблинскимъ. Г. Гурьяновъ такъ же забавень своею Оепинною Антоновою, какъ Г. А. Орловъ милъ своими Выжигинами, какъ уморителенъ въ своемъ *Пересмѣшникѣ* (*) Г. А. Кораблинскій, думающій пересмѣхать другихъ, но, вмѣсто того, по какой-то странной игрѣ судьбы, заставляющій смѣяться надъ самимъ собою. И такъ у насъ теперь знаменитый пріумвирать: Гг. Орловъ, Кораблинскій и Гурьяновъ. Г. Кораблинскій шествуетъ въ Храмъ Славы, неся во дланяхъ нравственно-сатирическіе свои разсказы; а по споронамъ его находящія ассистентками Гг. Орловъ и Гурьяновъ. Торжественное шествіе сіе замыкають: Г. Никоневъ (объявившій во всеародное извѣстіе, что онъ имѣетъ у себя каменный шрехъ этажный домъ у Аларчина моста, и также большой охотникъ пописывать въ родѣ *нравственно-сатиригескомъ*), — и извѣстнѣйшій Поэтъ, Г. Омипъ.

Хвала вамъ диво нашихъ лѣтъ,
Хвала вамъ чада славы!..

Г. Гурьяновъ пишетъ: всѣмъ сестрамъ по сѣрвгамъ; — по развѣ знаменитый его сподвижникъ, Г. Кораблинскій, не пишетъ, или по крайней мѣрѣ не писывалъ ли (и неоднократно): СловесГность, ЛитературНный (во всемъ, что касается до Словесности и Литературнаго, Г. Кораблинскій обмшуливается), ДельвиХъ, и проч., и проч. — Пишите, Господá: въ добрый часъ!.. *Vive la Litterature Russe!* — В. Б.

(*) Такъ называется опдѣльная спашья въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Ивалиду*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издателью Свѣрнаго Меркурія.*

№ 69.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 каршинами Мода, 55 р.; съ досчанкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 10 ІЮНЯ, СРЕДА.

С О Н Ъ. (*)

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои! советамъ не диво.

А. Пушкинъ.

Въ небольшой комнатѣ, на кушеткѣ, небрежно покоилась прелестная молодая женщнна. Правая рука ея была подъ головою, а лѣвая согнута, какъ будто бы что держала. На милыхъ устахъ цвѣла улыбка. Все вокругъ нея было тихо: горѣвшая на столѣ лампа бросала слабый свѣтъ; на блѣдомъ мраморномъ столѣ стояли бюсты Амура и Венеры; стѣны были украшены обоями, на конхъ представлялся садъ; — все придавало этой комнатѣ что-то очаровательное.

Вопть тихо отворилась дверь, и женщина среднихъ лѣтъ вошелъ на цыпочкахъ въ комнату. Это была молодой супругъ снхцей красавицы. Онъ подошелъ къ ней, съ восторгомъ смотрѣлъ на прекрасныя черты лица ея, и во взорахъ его примѣтно выражалась гордость, что все сіи прелести принадлежатъ ему, — только ему одному. Счастливый сею мечтою, мужъ наклонился къ снхцей и поцѣловалъ ее; поцѣлуй былъ возвращенъ сонною, но она вдругъ легко оттолкнула

(*) Считаю несправедливымъ и предосудительнымъ слѣдовать примѣру Г. А. Кораблинскаго (см. *Лит. Приб. къ Рус. Инвалиду*), заимствующаго иногда стихи свои изъ *Fugate*, и выдающаго ихъ за свои собственныя, долгомъ поставлю предувѣдомить читателей моихъ, что въ этой статьѣ только развязка принадлежитъ мнѣ; начало же взято изъ упомянутой Французской Газеты. *Прим. Сок.*

мужа лѣвою рукою. „Удались“ — говорила она во снѣ; „оставь меня; Евгенийъ смотритъ на насъ; ахъ! какъ я боюсь; чтобъ онъ не нашелъ письма своего . . .“ (Тутъ она крѣпче сжала лѣвую руку) оставь меня; оставь . . .“

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Евгения. „Что я слышу?“ сказалъ онъ едва слышно: „неужели Полина . . . но нѣтъ; вѣдь это сонъ.“

Полина, между снѣмъ, повернувшись на другую сторону, выронила изъ лѣвой руки свернувшую бумажку. Ревность и досада показались на лицѣ Евгения; онъ поднялъ письмо и спѣшилъ выйти изъ комнаты.

Пробило девять часовъ, и на дворѣ послышалась карена. „Кто прѣхалъ?“ спросилъ Евгений вошедшаго человека — Князь Дубской за Графиню, чтобъ ѣхать на балъ къ пепушкѣ Его Святѣльства.“ — Едва успѣлъ человекъ окончить отвѣтъ свой, какъ вошелъ посланный Полины спросить Графа: будетъ ли онъ на балѣ? „Скажи, что не буду“ — отвѣчалъ Евгений — и минутъ черезъ пять прѣхавшая карена опять отправилась. — Евгенийъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ въ комнатахъ жены своей огонь. — „Графиня развѣ не поѣхала?“ спросилъ онъ своего камердинера. — „Узнавъ, что вы не позволите ѣхать, Ея Святѣльство просила Князя отправиться одного.“ — „Скажи Графинѣ, что я къ ней сей часъ буду“ — сказалъ Евгений; и камердинеръ пошелъ докладывать.

Полина, опершись рукою на столъ, сидѣла задумчиво на диванѣ, когда вошелъ къ ней Евгений. — „Ты не

„Иди, на балъ, милая моя“ — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на Полину съ жалостію и презрѣніемъ. — „Нѣтъ!“ — отвѣчала она: „сильная головная боль...“ — „Головная боль? ...“ — „И страшный сонъ...“ — „И сонъ? — нельзя ли услышать этого сонъ: я ма-сперъ разгадывать сны, — особенно замужнимъ женщинамъ“ — примолвилъ Евгенийъ съ извѣстельною улыбкою.

Полина молчала. „Стало быть сонъ вашъ, Графиня, для меня тайна?“ спросилъ Евгенийъ. — „О, нѣтъ!“ — отвѣчала она: „я опасаясь только, что онъ попревожиптъ васъ; а впрочемъ въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго; но и не понимаю, какъ могъ онъ разстроитъ меня — прибавила она съ притворною улыбкою, — но вотъ онъ:

„Послѣ обѣда легла я на кушетку, успавъ слушать за столомъ пошлыя шутки гостей нашихъ, — заснула, и переселилась въ мечтѣ своей на балъ, которымъ я почти была занята цѣлый день. Толпа молодыхъ людей окружила меня, и наконецъ — *quelle impertinence!* Князь Дубской, мой кавалеръ, осмѣливается пожать мнѣ руку, и въ эту минуту вручаетъ мнѣ письмоцо и удаляется. Вы можете себѣ представить, какъ это меня огорчило, и...“

„И довольно, довольно!“ — прервалъ ее Евгенийъ, которій во все время слушалъ весьма хладнокровно, игралъ концемъ спустившейся съ плечъ Полины шали. „Это письмо, Графиня, доказываетъ ясно, что оно получено не во снѣ“ — продолжалъ онъ, вынувъ изъ кармана записочку: „и такъ, вотъ какъ ты любишь меня, Полина! Ты съ нетерпѣніемъ ожидала брака нашего, думая, что замужняя женщина имѣетъ болѣе свободы; ты права — и хорошо воспользовалась ею.“

Полина закрыла лице обѣими руками: слезы раскаянія полились изъ прелестныхъ глазъ ея; она во всемъ призналась мужу, и иѣжный супругъ опять усноконлся.

Князь Дубской, получившій отъ Графини чистую отставку, переселся ѣздить въ домъ Графа; но не прошло еще и мѣсяца послѣ прегрѣтельной сцены раскаянія, какъ на всѣхъ балахъ и собраніяхъ, Князь

опять былъ кавалеромъ Полины. Нѣкоторые утверждають даже, что переписка ихъ сдѣлалась чаще и занимательнѣе; но это только слухи, и предоставляется на волю читателей вѣрить имъ или нѣтъ. — „Да чего же смотришь Евгенийъ?“ — спросятъ они. — Ахъ! ему не до того: Баронесса Елиза вскружила ему голову, и онъ всѣ свободныя часы свои, конхъ у него много, проводитъ у нея.

С

М Е Л О Д І Я.

(М . В . Юзефовичу .)

Мѣсяць! другъ моихъ почей!
 Томный блескъ пивонхъ лучей
 Для чего разсыпалъ ты
 На могилы и кресты?
 Пусть, чернѣ враньихъ крылъ
 Въснѣ мгла окрестъ могилъ,
 Чшобъ унылый видъ гробовъ,
 Въ часъ, какъ бодрствуешь любовью,
 Не навелъ печальныхъ думъ.
 Двумъ любовникамъ на умъ!
 Чшобы въ часъ, какъ, спражъ нѣмой,
 Льешь ты зыбкій пламень свой
 На счастливую чету —
 Сквозъ почную темноту
 Не блеснулъ ея очамъ
 Лучъ, бродящій по крестамъ,
 И креста нѣмой глаголь
 Мысли грустной не навелъ:
 Чшю забвенья сонъ пройдетъ,
 Чшю попухнетъ въ свой чередъ
 Сихъ живыхъ очей чета,
 Чшю умрутъ снѣ уста,
 На которыхъ сей-же часъ
 Поцѣлуй горькъ и гасъ;
 Чшю и въ сердцѣ, гдѣ одинъ
 Образъ друга властелинъ, —
 Властелиномъ наконецъ
 Будетъ червь — гробовъ жилецъ.

(*) Сіе и слѣдующія два стихотворенія заимствуемъ изъ Одесскаго Альманаха, о содержаніи котораго скажемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ NN^о Свѣ. М. — Альманахъ сей продается въ магазинѣ Смидкина по 12 р. экземпляръ

Мѣсяць, мѣсяць! Отъ гробовъ
Скройся въ сумракъ облаковъ!
Пусть во мнѣ сползетъ кресты —
Но, любви свѣтло, пы
Полнымъ блескомъ озари
Ложа — пѣги олтари.
О! будь я твоимъ лучемъ —
Яркій, въ сумракъ ночномъ,
Я-бъ роскошно съ высотъ
Паль на ложе красоты:
По ланинамъ, по плечамъ,
По раскинутымъ власамъ
Долго, долго-бъ я блуждалъ,
На устахъ ея дрожалъ —
И, развѣта въ грустный часъ,
На груди-бъ ея угасъ! —

А. Подолинскій.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

(Посв. Т...ль Д...ль.)

Въ прозрачной мнѣ безмолвствуетъ сполнца;
Лишь взрѣдка да шумъ и гласъ дочной
Окликнется дремавшій часовой,
Иль пошепчетъ конь, и быстро колесница
Продребезжишь по звонкой мостовой.

Какъ я люблю приютъ мой одинокой!
Какъ здѣсь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Разсыпалась на полъ его широкой,
Во всю длину прехрамнаго окна!

Сей лунный свѣтъ таинственный и вѣжнѣй,
Сей полумракъ и свѣжестъ пеллопы
Исполнены соблазновъ гдѣ-же пы,
Какъ поцѣлуй насильный и мяшежнѣй,
Разгульная, и чудо красоты?

Во мнѣ душа трепещетъ и пылаетъ,
Когда, къ себѣ склонившись головой,
Я слушаю, какъ дивный голосъ твой
Томительный журчитъ и замираетъ,
Какъ онъ кипитъ веселый и живой!

Или, когда твои родные звуки
Тебя зовутъ — и, буйная, летишь,
Крутишь головой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и векидываешь руки,
И шопашь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебѣ улыбкой задушевною,
Объявляю воспорга встрѣчу я,
Желанна и добрал мол,
Мой лучшій сонъ, мой Ангелъ сладкопѣвною,
Поэзія Московскаго житѣя!

Приди, угнешь мое уединеніе!
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущіе мои
На свѣтло, святое вдохновеніе,
На праздники и шалости любви!

Н. Языковъ.

1831 года, Марта 25-го.

ПЕРСТЕНЬ.

(Т...ль Д...ль.)

Да! какъ святыню берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
За жаръ и силу поцѣлуд,
Тебѣ сливавшаго со мной;
Въ полночь часъ, (забудь меня, Камена,
Когда его забуду я!)
Какъ на твои склонялся колына,
Глава покоилась мол;
Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
Ласкала сладостно меня,
Ты прямо въ очи мнѣ глядела
Очами полнаго огня.
Но что-жь? Такъ пылко, такъ тлѣбко,
Такъ вдохновенно любилъ,
Тебѣ, мой Ангелъ черноокой,
Одну тебя, одну тебя —
Однѣ-ли я твои взоръ умильной
Къ себѣ привлекъ? На мнѣ-ль одномъ
Твои объянія такъ сильно
Живымъ свиваюся кольцомъ?
Ахъ, нѣтъ! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
Воспоминаю поцѣлуд,
Тебѣ сливавшаго со мной!

Н. Языковъ.

1831 г. Марта 26-го.

НОВЫЯ КНИГКИ.

46. *Адолъфъ*. — С. П. бургъ, въ Тип. Деп. Нар. Просвѣщенія, 1831. Въ 12. (XXXIV и 222 стр.)

Романъ сей написанъ — Бенжаменъ-Константиномъ; переведенъ — Килземъ Вяземскимъ. Чего еще нужно болѣе для возбужденія *основательнаго* любопытства въ нашихъ читателяхъ, незнающихъ Французскаго языка, или неимѣвшихъ случая до сего времени прочесть подлинника? . . . Поспѣшаемъ извѣстить ихъ о выходѣ сего перевода.

С М Ъ С Б .

— Въ 129-мъ Но Сѣв. Пчелы напечатано начало разбора новаго Романа М. Н. Загоскина: *Рославлевъ или Русскіе въ 1812 году*. Сперва, взглянувъ на Автorskую подпись подъ спискомъ, и не дочитавъ еще до того мѣста, гдѣ Авторъ (Г. Ушаковъ) самъ говоритъ, что „если бѣ списана его не была написана *для шутки*, то „каждый благомыслящій любитель Русской Словесности, съ негодованіемъ бросилъ бы листокъ Журнала, „и сказалъ бы, что его разборъ можетъ назваться оптимальнымъ образцомъ литературнаго крючкотворства“ — мы было ужаснулись содержанию сей статьи, и тому, въ которомъ она написана; но послѣ, убѣдясь въ томъ, что Г. Ушаковъ изволилъ шутить, чрезвычайно сему обрадовался изъ уваженія нашего къ нему. Впрочемъ, изъ умышленныхъ, т. е. шуточныхъ привязокъ, сдѣланныхъ Г. Ушаковымъ, нѣкоторыя слишкомъ ничтожны, нѣкоторыя не совсемъ справедливы; нѣкоторыя же сдѣланы какъ-бы съ намѣреніемъ и могутъ обратиться въ *полную* шутку (например о форматѣ Романа, шрифтѣ, которымъ онъ напечатанъ, и о пробѣлахъ, въ немъ находящихся); нѣкоторыя же ошибочны и со стороны самаго Г. Ушакова: напримеръ въ 5-мъ пунктѣ, гдѣ онъ упоминаетъ объ ошибкахъ, будто-бы сдѣланныхъ Авторомъ Романа, касательно шпактики и порядка военной службы. Сочинитель Романа можетъ быть не находился въ военной службѣ, а Г. Ушаковъ, какъ мы слышали, служилъ въ оной; следовательно, сему послѣднему, упрекая, хотя *и въ шутку*, Г. Загоскина, непростительнѣе самому вовлекаться въ ошибки. Такъ, напримеръ, Г. Ушакову кажется страннымъ, что Капитанъ Зарядьевъ, стоявшій съ своею ротой на позиціи, и видя несущуюся на него неприятельскую конницу, построилъ свою роту въ каре противъ кавалеріи. Что жъ тутъ страннаго? Не ужели Капитану Зарядьеву надлежало выслать противъ кавалеріи стрѣлковъ? . . . Ихъ бы искрошили въ кусочки, милостивый государь! — Почему же нельзя построить,

хотя и изъ *роты*, каре противъ кавалеріи? Единственная защита пѣхоты противъ конницы! . . . Неужели, по мнѣнію Г. Ушакова, Капитану Зарядьеву надлежало, при нападеніи кавалеріи, сколачивать своему отряду: *„на лѣво кругомъ! Маршъ-маршъ! Дирекція во все стороны: кто куда попалъ!“* Въдѣ это не въ горѣлки играть? Къ тому же ноги у лошади попрытче, чѣмъ у человека! И въ отрядѣ Капитана Зарядьева, вѣроятно, не много было скороходовъ; наснувавшіе же на него кавалеристы, вѣроятно, сидѣли на лошадяхъ, а не на черепахахъ! — Г. Ушакову также странно кажется, что каре поварачивается *въ полъ-оборотъ*! — Г. Ушакову кажется мудренымъ, что у Армейскаго Капитана было подѣ командою человекъ до четырехъ сотъ. Чудное дѣло! . . . Не только въ военное, но даже и въ мирное время весьма часто случалось, что Капитаны командуютъ и баталіонами (например за боленіемъ Баталіоннаго Командира и за неимѣніемъ на лицо младшаго Штабъ-Офицера), не только отрядами, состоящимъ изъ 400 человекъ, и непревзойдающимъ въ семь чиселъ комплекта двухъ ротъ.

Изъ сего можно видѣть, что не велики и собственныя познанія Г. Ушакова въ военной службѣ, не смотря, что онъ самъ (повторяемъ слышанное) находился въ ней.

Содержаніе *тринадцатой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Горбашый. Испанская повѣсть. (*Окончаніе.*) *Стихотворенія.* 1. Въ Альбомѣ Н. И. П — ой. 2. Мадригалъ. II. *Библиографія.* Цыганка. III. *Русскій Театръ.* Бенедиктъ Г. Дюра. IV. *Смѣсь.* La bouquetière. Romance. — Разныя замѣчанія, выписки и проч. V. *Моды.* Logogriphie.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ. Цена за годовое изданіе въ 1851 году (43 книжки) съ картинками моды, нотами, рисунками модныхъ экипажей, образчиками модныхъ манерій, и проч., — здѣсь въ Петербургѣ 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 р. — Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брива, Смирдина и Слѣпина. Изгородныя особы благоволятъ отнестись съ своими требованіями въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію* или къ самому Издателю, адресуя въ семь послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина; подписывая на оныхъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурия.*

№ 70.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *вѣленовой* бумагѣ, съ 24 картинками: Мода, 55 р.; съ доставкой на дома въ пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 12 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

ФАНТЫ.

(Посвящ. Барону А. О. фонъ Гейлбруку.)

Каждый праздникъ съѣзжались гости къ Самсону Пепровичу Нефедьеву, богатому помѣщику . . .ской губерніи. Его домъ былъ открытъ для всѣхъ: званныхъ и незванныхъ; (но только не для иностранныхъ;) и громкая о немъ слава разносилась по всему околотку. Офицеры, стоявшіе на квартирахъ въ деревнѣ Самсона Пепровича, были имъ принимаемы, какъ ближніе родственники, и они усердно пользовались такимъ его расположеніемъ: ибо у господствующаго помѣщика созрѣвали четыре дочери и двѣ племянницы, которыхъ надобно было сбывать скорѣе съ рукъ, пока еще не соспѣлись, а наша братья, молодежь, тамъ и липнутъ, гдѣ сладко угощаютъ, и гдѣ блистаютъ красивыя лички милыхъ провинціалокъ: теперь не трудно угадать, что въ домѣ Нефедьева собирались толпами молодые поклонники.

На прервій день святокъ наѣхало премного гостей къ хлѣбосольному помѣщику. Почтенные старички и старушки убывали длинный вечеръ за картами; а дѣвицы и Офицеры хотѣли зашѣять танцы; но не могли достать музыканта. Хотя середилъ дочь Самсона Пепровича слыла *вертуозкою* на клавинодахъ, но на апотъ разъ сей цесаруменшъ былъ не въ должномъ устройствѣ; а домашній скрипачъ, хлѣбнувъ черезъ чуръ ерофеичу, былъ неспособенъ владѣть смычкомъ.

По сему невыгодному обстоятельству, танцы належаю отложить до наступающаго дня; а вмѣсто

ихъ предположили заняться фантами. Тотчасъ поставили стулья въ большой залѣ, и молодежь бесѣда утѣлась играми.

Долго продолжались игры: *рекрутскій наборъ*, *туалетъ*, *почта*, *булавочка*, и пр. пр. Наконецъ наступило время для разыгранія фантовъ. Тотчасъ упросили одну почтенную старушку вынимать безпристрастно закладныя вещи изъ ридикюля; а играющіе назначали по очереди: *чей фантъ вынется, что тому дѣлать?* Такимъ образомъ разыграли почти всѣ фанты.

„Какъ скоро оканчиваются наши игры!“ сказала съ досадою одна дѣвица. — „Ваша правда, сударыня!“ подхватилъ одинъ уланской Офицеръ, закручивая свои усыки: „вечеръ еще длиненъ, а мы такъ рано оставлемъ вѣршнюю забаву.“

— „Да что вы рано затворили о концы!“ вскричала старушка: „вѣдь еще остались при фанты; можно для нихъ назначить такіе розыгрыши, которые будутъ продолжительнѣе прочихъ. Вамъ теперь очередь. Аполлонъ Федоровичъ: *чей фантъ вынется, что тому дѣлать?*“ — „Тому . . . сударыня! . . . рассказать играющимъ какое нибудь происшествіе, но только не вымышленное и близкое къ самому себѣ, или забавный анекдотъ“. . . „Прекрасное назначеніе!“ повториля многіе изъ присутствующихъ, нетерпѣливо ожидая рассказа. Между тѣмъ *старозавѣтная* Макрида Степановна вынула изъ преогромнаго ридикюля кавалерійскій *эполетъ*. „Чей это?“ спросила она — „Мой, сударыня!“ отвѣчалъ Поручикъ Демскій, взявъ *эполетъ* изъ дрожащихъ рукъ старушки. Послѣ сего,

поставя стулъ на центрѣ между окружающими, долженъ былъ исполнить законъ игры, определенный фаупомъ. Онъ не много призадумался — и наконецъ началъ рассказывать:

„Въ прошломъ году ѣхалъ я изъ отпуска въ Кіевъ, гдѣ сполна тогда нашъ полкъ. Прѣхавъ 10-ть верстъ отъ послѣдней стациіи (*), ямщикъ мой повѣхалъ шагомъ, потому, что колеса вазли въ сыпучемъ песку; къ тому же дремучій лѣсъ и темная ночь уснашали сбиться съ дороги. Такое скучное путешествіе заставило меня задремать. Только что началъ я предаваться сладкому сну, вдругъ повозка моя обшановилась, и ямщикъ закричалъ сщчалнымъ голосомъ: *Разбойники!* — Я равнодушно открылъ глаза, полагая, что это сонъ; но чтобы вы думали?.. — Человѣкъ десять съ страшными лицами окружили меня, и присава къ груди моей пистолеты, принуждали меня отдать имъ все, что было у меня въ карманѣ. Будучи безоруженъ, я отдалъ имъ бумажникъ, въ кошоромъ было не болѣе 100 рублей. Послѣ сего одинъ изъ разбойниковъ заревѣлъ ужаснымъ голосомъ: „Свяжи ему руки, и самъ обыщи у него всѣ карманы; а мы, Иванъ, выпатца чемадацъ изъ повозки.“ — Мы завязали руки толстого веревкой, и выпатцали золотые часы, подаренные мнѣ на память умирающимъ другомъ. — Но вдругъ послышался мнѣ знакомый голосъ: „Оснавьте его, ребята! Это мой пражній благодѣтель!“ Послѣ апаго восклицанія немедленно освободили мнѣ руки. „Вотъ, баринъ! швол добрая душа, а мол благодарность, избавляютъ тебя отъ смерти“ — сказалъ бродяга, бывшій крепостный человекъ моего батюшки, и который по моей просьбѣ былъ освобожденъ отъ рекрутства, и нерѣдко, также по моей просьбѣ, получалъ прощеніе за свои проступки.

„Какъ ты попалъ въ эту шайку?“, — спросилъ я своего избавителя. — „И баринъ!.. что объ этомъ толковать?.. — сказалъ онъ: возьми-ка лучше свое добро (пусть они возвратили мнѣ все у меня ограбленное) и поѣзжай своимъ путемъ; да помни, что я изъ (*) Браворы. *Прим. Сов.*

благодарности за свои благодѣнія — заплатилъ также добромъ.“ — Съ послѣднимъ словомъ онъ поклонился мнѣ, и тихими шагами пошелъ въ лѣсъ; а за нимъ въ слѣдъ и шайка буйныхъ бродягъ.

„Ямщикъ мой, который во все это время сидѣлъ какъ окаменелый, послѣ такой радостной развязки, прикрикнулъ на лошадей, и повозка опять потащилась шагомъ; но прѣхавъ пять верствъ отъ роковаго мѣста, мы выехали на гладкую дорогу; тогда быспро помчались легконогие; а ямщикъ запѣлъ *про лсны оти, по оти дввицы души*. Вотъ в конецъ моего рассказа.“

Съ послѣднимъ словомъ Демскій раскланялся всѣмъ слушателямъ, и свой стулъ перенесъ на прежнее мѣсто. Макрида Степановна сказала ему съ живымъ участіемъ: „Слава Богу, что вы спаслись отъ злодѣевъ.“ — Демскій едва только началъ благодарить ее за участіе; какъ она перебила его слова: „Ну, теперь что этому фаупу дѣлать?“

„Также рассказать что побудь“ — отвѣчала одна заспѣчивая дввица. Вдругъ вынимается золотое кольцо, принадлежавшее Прапорщику Веселовскому, которій былъ доводить эпинъ жребіемъ, потому, что охотникъ былъ до рассказовъ. Онъ поставилъ свой стулъ также на центрѣ, и началъ говорить:

„Мой предшественникъ рассказывалъ про страшное; снвало-быть мнѣ слѣдуетъ говорить про забавное; прошу выслушать.“

„Прошлую зиму я проводилъ въ Полтавѣ. Бывъ однажды на балу, я увидѣлъ одну Малороссянку, кошорая сидѣла въ углу шумной залы и дремала. Пожалѣвъ, что она, въ общемъ удовольствіи, повидимому, скучала, я, подошедъ къ ней, ангажировалъ ее на мазурку; но сонная красавица не внимала моимъ просьбамъ, а продолжала качать головою, не раскрывая своихъ пльпительныхъ глазокъ. Я не подходилъ отъ нее, и убѣдительно упрасивалъ, потому, что не имѣлъ въ виду, къимъ замѣнить ее; мнѣ же чрезвычайно хотѣлось танцовать. „Не грѣшно-ли вамъ, сударыня!“ говорилъ я ей: „разсѣйтесь — и посмотрите: даже и не весьма молоденькія дамы танцуютъ, а вы не хотите.“ — Съ послѣднимъ словомъ она проснулась, и проширая объ-

ими ручками заspanныя свои глазки, посмотрѣла на меня съ видомъ неудовольствія. Тогда я сказалъ ей: „Кажется, что васъ, сударыня, крѣпко обнималъ Морфей.“ — Эшими словами она такъ обидѣлась, что, не ожившая мнѣ ничего, побѣжала въ другую комнату, гдѣ сидѣла мать ея, старушка, разговаривая съ какимъ-то поестѣлымъ Архиллерійскимъ Капитаномъ: „Маменька!“ говорила она съ досадою своей матери: якій-то Офицеръ, наказыавъ мни грубостей: якъ будио обнимавъ мни Машвѣй.“ — Честнолюбивая старушка торжло вступилась за обиду, нанесенную, по ея мнѣнью, дочери ея; и главное пошому, что клевета подходила близко къ истинѣ; ибо лакея ея дѣйствительно звали Машвѣемъ. Она ипоичасъ пошла въ прихожую, гдѣ стоялъ ея слуга, держа на рукахъ сапопы. „Якъ ты смилъ обесчестить моего Галичку!“ — „Коли?“ — „Кажуть, якъ бы ты обнимавъ ея!“ — „Убий мене сила Божья!“ — говорилъ съ жаромъ удивленный лакей, трясся поминутно въ знакъ своей невиности. Послѣ шакихъ кляпвъ, сваривая барыня повѣрила ему, и возвращаясь въ залу, подошла ко мнѣ съ выговорами: — „Вы говорили якъ бы моего Галичку обнималъ Машвѣй?“ — Я не могъ не замѣляться ошъ шакаго спрацаго для меня вопроса, и увѣрилъ простодушную старушку, что я не выходилъ изъ границъ благопристойности, а говорилъ только, что она была въ объятіяхъ Морфея; а между Морфеемъ и Машвѣемъ большая разница. Наконецъ старушка убѣждалась моими доказательствами, и я восхищаясь шѣмъ, что успѣлъ отвязаться ошъ привязчивой Малороссіянки.“

Въ продолженіи сего разсказа многіе слушатели хохотали, особенно шому, что Веселовскій говорилъ, перевѣнляя голосъ и разными жестами. Онъ еще хотѣлъ разсказать нѣсколько забавныхъ анекдотовъ про Малороссіянокъ; но Макрида Степановна вынула изъ ридюля послѣдшій фантъ, и сама положила на него резолюцію: такъ же *разсказать что нибудь*. Этотъ фантъ былъ браслетъ, принадлежавшій Марьѣ Сергѣевнѣ, молодой дѣвицѣ, которая, закрасѣвшись, должна была выйти на сцену по закону игры. Она не знала, какое

начать ей повѣствованіе. Тогда многіе изъ присутствующихъ говорили: „Теперь надобно вамъ, Марья Сергѣевна, разсказать про романическое, пошому, что про спрашное и смѣшное уже говорено.“ Тутъ смѣливая провинціалочка еще болѣе смѣшалась, и пошуплв взоръ свой въ землю, сказала: „Я не читала никакихъ романовъ; если угодно вамъ, я скажу стихи:

Гдѣ ты милый? что съ тобою?

Съ чужеземною красою

Знашь въ далекой спорой

Измѣнилъ невѣрный мнѣ!

Нль безъ

Только что она проговорила сіи четыре стиха, вдругъ вошла въ залу мать ея, Кашерина Ильинична, и повелительно сказала: „Машенька! поди разливать чай“ Тогда Марья Сергѣевна съ восхищеніемъ соскочила со стула и побѣжала въ другую комнату, радуясь, что избавилась ошъ стыда предъ всѣми говорить стихи.

„Господа, молодые Офицеры!“ — говорила Кашерина Ильинична, обратясь къ мужчинамъ, играющимъ въ фанты: „вы не разыграйте шакой же любовной пѣсы, какъ одинъ недавно сыгралъ съ моей племянницею“ — „Разскажише пожалуста, Кашерина Ильинична!“ подхватилъ Поручикъ Загуминъ. Почтенная старушка, желая исполнить его просьбу, сѣла на стулъ своей дочери, и начала говорить:

„У моей родной сестры однажды играли въ фанты — такъ же какъ вы теперь; и когда уже разыгрывали вещи, то моей племянницѣ пришлось быть *исповѣдницею*. Ее, по обыкновенію, накрыли большимъ плащомъ, и всѣ подходили къ ней исповѣдываться. Между прочими подошелъ одинъ гусарской Офицеръ, и по секрету открылся ей въ любви. Она давно уже чувствовала къ нему склонность и согласилась дать ему свою руку; но не надѣясь получить благословія родителей рѣшилась послѣ фантовъ уѣхать съ нимъ тихонько въ церковь и обвѣнчаться. Послѣ шакаго рѣшительнаго согласія, она исполнила его безъ воли родителей своихъ, которые узнали о шомъ уже въ то время, когда дочь прѣехала къ нимъ съ мужемъ просить прощенія въ своемъ проступкѣ.“

„Что-жъ? родители преошили? ...“ спросилъ съ любопытствомъ Демскій.

— „Да... они сперва поплакали, побрапили, а послѣ благословили свою возлюбленную дочку, кошорая живеть теперь очень счастливо.“

Едва кончила Катерина Ильинична свой рассказъ, нѣсколько голосовъ произнесли ей благодарное слово. Такимъ образомъ разыгрались и три послѣдніе фанты. Слушателямъ понравились эти различные рассказы: про страшное, про веселое, и неожиданно — про романтическое происшествіе.

Н. Кириловъ.

12 Апрѣля, 1831.

ВОПРОСЪ и ОТВѢТЪ.

N. Межь умными пы глупъ, — умель между глупцамъ;

Какъ разрышишь вопросъ: каковъ пы между нами?

NN. На, эно должно мнѣ отвѣщивовать вамъ такъ:

Предъ вами — я умель; а предъ собой — дуракъ.

Г. Кори.

С. М. Ъ. С. Ъ.

Греческое Wort. — Какому-то лапчатому гусю хощьлось понасть въ Члены *** сьаго Англійскаго Клуба. Вотъ онъ и упроявъ пріятеля своего, бывшаго въ ономъ Членомъ, предложиль о его выборѣ. Сей послѣдній исполниль его желаніе, и на другой день поушру, послѣ балопшировки, увидѣвъ его, воскликнулъ: „ну, братъ! пы выбранъ *единогласно!*...“ „Такъ и надлежало!...“ отвѣчалъ пошь съ довольнымъ видомъ. — „Толкуй пы: *такъ надлежало!*“ возразиль пріятель, поцзанвъ голосъ: „по есть мой только *одинъ голосъ* и былъ избирательный, а прояте всъ, мало что положили черныя шары, да сверхъ того *въ одинъ голосъ* ревьли: не хопимъ его! не хопимъ!...“

МОДЫ ПАРИЖСКІЯ.

(10 Июня н. с.)

Полу-нарядъ. Платье изъ gros de Perse лиловаго цвѣта съ маленькими квадрашиками нѣсколько попомеиъ.

Пелеринка изъ тюля съ зубчиками квадрашными въ фестонахъ. — Шляпка изъ paille de riz съ букетомъ какихъ нибудь веселыхъ цвѣтовъ, а въ особености seringat. (*Дикій жасминъ*). Ботинки изъ Англійской кожи. — *Вечерній нарядъ.* Органдиное платье съ набивными рисунками въ видѣ арабесковъ зеленаго и сиреневаго цвѣта, лифъ открытый съ кружевною уборкою пальца въ два шириною; въ шизу юпки, надъ самую обрубкою, маленькій воланъ шириною въ палець, украшенный кружевами; похожими на шъ, кои украшаютъ пелеринку. Въ волосахъ башпъ изъ газовахъ лентъ сиреневаго цвѣта съ зелеными полосами по краямъ. — Ферроніерка (une Ferronnière) родъ кокетки изъ бусъ на шею. — Башмаки изъ чернаго гроденапля. — Бѣлыя перчатки.

— Носяпъ прикоповыя вязаныя перчатки изъ шелка или изъ Испанской прлжи. Бѣлыя дѣлаются до пого, тонки и нѣжны, что ихъ употреблять можно единственно лишь въ комнапъ, ибо онѣ не защищаютъ прелестной ручки ни отъ вліянія воздуха, ни отъ солнечныхъ лучей.

— Недавно появились прекрасныя платья изъ Азіатскаго газа бѣлаго цвѣта, съ крапинками сиреневаго и желтаго цвѣта въ видѣ мраморныхъ жилокъ и съ красными фантасмическими цвѣтами, разбросанными въ разляныхъ распоянлхъ; лифъ открытый драпированный; les jockeis съ зубчиками; рукава бѣлыя. Въ волосахъ ферроніерка, сдѣланная изъ двухъ рядовъ золотыхъ жемчужинокъ, оканчивающаяся аметистомъ. — Золотая цѣпь и браслеты со вставленными драгоценными камнями. Башмаки изъ чернаго гроденапля, а перчатки бѣлыя лайковыя. (La Mode Petit Courrier des Dames).

При семъ No Сѣв. М. картинка Модъ за No 3-мъ. Объясненіе оной: шляпка изъ paille-de-riz. Платье изъ матеріи châly. Зоншикъ изъ шелковой матеріи.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сленина, подписывалъ на оныхъ: *Издатель: Свѣриаго Меркурія.*

№ 71.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картичками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 15. ЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

НЕКРОЛОГИЯ.

26-го числа сего Юня въ 3 часа по полудни скончался здѣсь въ С. Петербургѣ 38 лѣтъ отъ рожденія Коллежскій Совѣтникъ *Николай Прокофьевичъ Щегловъ*, Издатель Газеты: *Сверный Муравей*, и Журнала: *Указитель открытій по Физикѣ, Химіи, Технологіи и Естественной Исторіи*, Ценсоръ, ординарный Профессоръ Физики при Санктпетербургскомъ Университетѣ, Членъ и непрѣтный Секретарь ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества, Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Испытателей Природы, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, и многихъ другихъ Ученыхъ Обществъ Дѣйствительный Членъ. Жизнь сего ученаго мужа ознаменована была примѣрною дѣятельностію и неутомимымъ трудолюбіемъ. Неуспѣшная супруга съ тремя дѣтьми, поварница и подчиненные по службѣ, Любители Наукъ, и всѣ, лично знавшіе покойнаго, и уважавшіе его за прекрасныя душевныя свойства, оплакиваютъ раною, послѣдовавшую внезапно, кончину его.

Издатель Свѣрнаго Меркурія (кого покойный былъ Ценсоромъ), не менѣе другихъ чувствующій важность сей утраты, съ душевнымъ прискорбіемъ приноситъ послѣднюю дань сему добродѣтельному и ученому мужу.

САБЛЯ.

Анекдотическій разсказъ.

Недавно, бывъ въ отпуску, заѣхалъ я къ одному изъ моихъ дальнихъ родныхъ, у котораго не было съ самаго дѣтства. Лишнимъ считаю говорить о приѣмѣ; радушіе Русскихъ помѣщиковъ всѣмъ извѣстно: ласкамъ не было конца.

Всякій, кто бывалъ въ деревнѣ, вѣрно знаетъ, что хозяинъ, желая оказать болѣе вниманія своему гостю, приглашаетъ его осмолить свои хозяйственныя угоды. Такъ было и со мною. Мы обошли всѣ сады, гумны и другія заведенія, не пропустивъ ни одного тѣмъ нибудь замѣчательнаго предмета. Наконецъ, по прямой аллеѣ, достигли мы дома, и я, взойдя по крыльцу, спѣшилъ усесться на диванъ; но добрый помѣщикъ схватилъ меня за руку, и сказалъ, показывая на боковую дверь:

„Вы не видали еще лучшаго моего заведенія, спонсшаго мнѣ трудовъ немовѣрныхъ!..“ — Съ этими словами онъ повелъ меня къ двери...

Пройдя нѣсколько покоевъ, мы достигли до угловой комнаты. Хозяинъ мой выпатилъ ключъ изъ своихъ широкихъ папковыхъ панталонъ, отперъ дверь, и просилъ меня войти. — Я вошелъ и удивленъ былъ не на шутку; представьте себѣ: тутъ были собраны различныя древнія медали, мраморы, минералы и воинскіе доспѣхи. Чертившая запекшеюся кровію сабля оспланила мое вниманіе, и я обратился къ хозяину, съ вопросомъ:

„Извините мою нескромность, но эпа сабля, признаюсь, возбуждаетъ мое любопытство.“

— „Я удовлетворю его съ большимъ удовольствіемъ, опивчалъ мой ланткварій. Ужо, за чашкой чаю, эпо подастъ намъ поводъ къ разговору, хотя я и увѣренъ, что онъ не склонитъ насъ къ веселости.“

Осмотрѣвъ нѣкоторые предметы, мы вышли . . . и вечеромъ хозяинъ мой исполнилъ свое обѣщаніе; онъ началъ пактъ:

„Князь В. . . былъ однокланникомъ Любимова. Они росли и воспитывались вмѣстѣ. Связанные узамъ дружбы, они и служить хотѣли въ одномъ полку. Въ это время на востокъ Россіи гора война. Графъ Эриванскій новыми побѣдными лаврами украшалъ чело свое, и молодые друзья, обольщенные славою Кавказскихъ воинствъ, сѣвшили спать подъ знамена побѣдоноснаго орла. Они вмѣстѣ поражали чамоцосцевъ и скоро свыклись съ бивачною жизнію.

„Однажды, не припомню гдѣ, Н. драгунскій полкъ, въ которомъ служили молодые друзья, былъ посланъ для вырученія малаго числа нашихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ окруженнаго непріятелемъ; но самъ въ свою очередь былъ окруженъ многочисленными толпами. Горючая лошадь Любимова далеко занесла его въ средину непріятельскихъ рядовъ.

„В* увидѣлъ положеніе своего друга; онъ успѣшилъ спасти его или умереть съ нимъ вмѣстѣ.

Сабля очищала ему дорогу. Любимовъ, покрытый ранами все еще защищался. — В**, на пути своемъ, низпровергалъ всѣ препятствія: уже онъ былъ близко, уже готовъ былъ подать помощь своему другу; но сей послѣдній, утомленный и покрытый ранами, уступилъ множеству своихъ враговъ. Ожесточенные Мусульмане неистовыми криками изъявили свое шоржество, и сабля одного изъ нихъ прекратила жизнь Любимова.

„Разъяренный В. . . уже не видѣлъ препятствій; онъ наконецъ продрался до трупа своего друга, и увидѣвъ обезображенное, окровавленное тѣло его, въ ожесточеніи началъ ужасное мщеніе

„Турки успутили поле сраженія, и повсюду обрѣлись въ бѣгство; съча умолкала; лишь нзрѣдка слышны были пушечные выстрѣлы . . .

„В** напулся, ятобы подилтъ бездыханный трупъ друга своего. Въ это время пуля поразила его въ грудь. Турокъ, имъ сраженный, слабыми руками спустилъ курокъ своего ружья. В** упалъ, и кровь друзей, смѣшавшись, оросила землю.

„Такъ не стало двухъ благороднѣйшихъ, прекраснѣйшихъ молодыхъ людей

„В** жилъ еще нѣсколько минутъ. Собравъ послѣднія силы, онъ подозвалъ одного изъ своихъ драгунъ, и просилъ доставить эту саблю своему отцу. Несчастный не дождался печальной вѣсти — и я сдѣлался ея обладателемъ.“

Тунъ помѣщикъ мой оспановился, но, помолчавъ, онъ продолжалъ:

„Тамъ, въ странѣ чуждой, отдаленной отъ тилой отчизны, лежатъ трупы ихъ. На возвышенномъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ Ахалцыха, близъ дороги, ведущей въ оный, виднѣтъ могильный камень, на коемъ вырѣзаны имена друзей.

„Вблизи слышенъ шумъ пробирающагося по камнямъ нешочника, и рѣзвый зефиръ пвелипитъ листья деревъ, наклоненныхъ надъ могилой.“

„Такъ писалъ ко мнѣ ихъ полковой Командиръ.“

Разсказчикъ, сказавъ сіе, замолчалъ, и отперъ платкомъ слезы свои Остальную часть вечера мы говорили мало или несвязными словами прерывали молчаніе. Мнѣ безпрестанно представлялась картина смерти несчастныхъ друзей.

Д. у. в.

6-го Мая 1831.

БАНДИТЪ.

Въ одной Корсиканской деревнѣ праздновали свадьбу двухъ молодыхъ людей. Вечеръ наснупилъ. Родственники и друзья плясали. Каспарони, сопровождаемый многими разбойниками, входилъ въ ферму. „Не осталось-ли чего отъ свадебнаго обѣда?“ спросилъ онъ. — „Совершенно ничего.“ — „Понцемъ.“

Онъ сыскалъ пригопвленное для гостей юпой чепы кушанье. Брови его нахмурились.

„Какъ!“ вскричалъ онъ: „оказываютъ Каспарони и его поварицамъ въ ужинъ. — Сегодня свадьба: до-

вольно! невѣста пойдетъ то мигю. Если ты захочешь взять ее назадъ“ — сказалъ онъ, обратясь къ новобрачному: „по послѣ завтра, не позже, прими мнѣ 600 талеровъ; иначе ты больше ее не увидишь.“

Всѣ сопрошивленія были тщетны. Гости, пораженные ужасомъ, дажи вырвать несчастную женщину изъ объятий своего мужа. Каспарони увелъ ее въ горы.

На другой день, злополучный мужъ, при помощи друзей, найдя прелебную сумму для выкупа, немедленно послалъ оную съ своимъ служителемъ. Разбойникъ повелъ его въ пещеру, гдѣ бѣдная женщина была привязана къ дереву, съ скрученными назадъ руками.

„Ты пришелъ найти жену моего хозяина“ — сказалъ Каспарони: „я сдержу мое слово.“

Онъ выхватилъ длинный, окровавленный кинжалъ, и оцѣпилъ его въ сердце невинной жертвы.

„Теперь возвратись домой, и пожелай ему отъ меня, чтобъ онъ былъ съ нею счастливъ, а главное скажи ему, чтобъ онъ, при второй женитьбѣ своей, былъ гостеприимнѣе для друзей.“

Устрашенный служитель понесъ домой трупъ, при видѣ котораго несчастный супругъ палъ мертвъ на мѣстѣ.

Каспарони, преслѣдуемый Правительствомъ, оставилъ Корсику, и удался въ окрестности Терраччаны съ малою, избранною шайкою.

Съ Фр. Ф. Д — въ.

И С Т И Н А.

In vino veritas сѣяла
Гласилъ пословица давно;
Иные же, того не зная,
Перочашъ всячески вино.
Но клеветы не потерплю я,
Отъ истины не опуступлю;
Пусть скажутъ, что вино люблю я,
Ахъ, пѣшь: я истину люблю.

Ж.

Подумаютъ, что размышленье
Не сродно Бахусу и мнѣ;
Что мудрость, счастье, наслажденье,
Я заключилъ въ одномъ винѣ.
Подумаютъ, что онъ бездѣля
У Вакха вѣчно я гошу,

Что я въ винѣ ищу веселья,
Ахъ, пѣшь: я истину ищу.

Ж.

Не доврѣйте вы злословью:
Оно перетолкуетъ вамъ,
Что я не съ истинной, съ любовью
Вино мѣшаю пополамъ;
И если мнѣ на грѣхъ случится,
Что я къ прелебницѣ прижмусь,
„О! скажутъ“ — вопъ къ чему спремисл!
Пустое — къ истинѣ спремислю.

Я. Др — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

47. *Объ обращеніи съ модями.* Сочиненіе Барона Книгге. Съ Нѣмецкаго перевелъ Яковъ Лагенъ. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Четыре части. С. П. б., въ Тип. А. Смирдина, 1850 — 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. VIII, 263, во втор. XIV, 300, въ пр. XII, 240, въ четв. 146 стран.)

Третье изданіе сего перевода доказываетъ, что и въ Россіи нѣкоторые полагаютъ пріобрѣсти свѣдѣнія въ обращеніи съ модями, по сочиненію Барона Книгге: иначе не стали-бы покупать его книги. Жаль, если она полагаютъ замѣнить теоретическимъ изученіемъ недоспѣтокъ воспитанія в *практическаго* обращенія своего въ обществѣ! — Можетъ быть, что самъ Баронъ Книгге былъ свѣтскій человекъ; но по книгѣ его сдѣлался свѣтскимъ человекомъ — мудроно. Мы могли бы болѣе распространиться о безполезности сего сочиненія, равно и объ ошупниельныхъ недоспѣткахъ перевода, если бъ не боялись быть упрекнуемыми въ незнаціи *критическаго* обращенія съ книгами, пользующимися нѣкоторою извѣстностью, по, по нашему мнѣнію, незаслуживающими особеннаго вниманія.

С М Ъ С Ъ.

— Въ Парижѣ явился Водевиль подъ названіемъ: *Паганини въ Германіи*, представленный съ довольнонымъ успѣхомъ на Театрѣ des Nouveautés. Говорятъ, будто Актеръ, недавно еще на томъ же Театрѣ представлявшій Наполеона, игралъ и знаменитаго скрипача, ибо рослъ, цвѣтъ лица, волосы и пр. имѣютъ нѣко-

порое сходство. Буше, известный Архистъ, былъ также весьма похожъ на Наполеона. Это сходство съ физиогноміею великаго завоевателя чуть было не обратилось въ великую опасность для него: въ Испаніи, фанатизмомъ обуреваемый народъ едва было не разтерзалъ его. Это Буше самъ рассказываетъ.

— Кто-то изъ скупыхъ, подчуя своихъ пріятелей, наливалъ имъ всегда по полрюмкѣ вина; но себѣ, какъ-бы нечаянно, переполнилъ всегда всю рюмку, восклицая: ухъ. — Кто-то изъ собесѣдниковъ на дряхъ сказалъ ему въ то время, какъ онъ дилъ въ его рюмку по капль рейнвейна изъ пузатой бутылочки: „Едодоръ Антоновичъ! ухитесь-ка и мнѣ!..“

— Четверо сидѣли за вистомъ. Подали водку. Одинъ сказалъ, проглотивъ рюмочку: „я люблю водку до ужина.“ Другой отказался, сказавъ: „я люблю водку во время ужина.“ Третій равновѣрно не пилъ, находилъ, что оную употребить лучше *послѣ* ужина. Четвертый же, выпивъ рюмку, сказалъ: „я, такъ люблю и до, и во, и по.“

— Одинъ учитель грамматики желалъ повобратному, чтобы Богъ наградилъ его дѣньми: мужскаго, женскаго и *средняго* рода. Вопль слѣдствіе привычки изъясняться любимыми терминами.

— Одною красильщика потребовали въ Судъ и заставили поднять руку, которая была весьма черна. „Скинь перчатку!“ сказалъ ему Судья. — „Надѣньте очки, милосливый государь!“ — отвѣчалъ красильщикъ.

— Счастливъ поэтъ Журналистъ, у кого каменный сотрудникъ торжественно ручается за типографическую исправность! Ему не пужно имѣть подписчиковъ — каменный домъ есть самый прочный и удовлетворительный подписчикъ. Назначается ли гулянье въ Екатерингофъ, и сотрудникъ его съ высоты прешляго этажа наблюдаетъ за всеми проѣзжающими; у него нѣтъ таланта, нѣтъ проницательности, и сверхъ того онъ безграмотенъ... Что за бѣда? — Бутылка портера стоитъ подлѣ него, и онъ въ самодоволь-

номъ упоеніи пишетъ что подъ-руку попало и посылаетъ къ своему товарищу съ наказомъ: *печатать, во чтобы то ни стало*. Счастливъ поэтъ Журналистъ, у кого есть каменный сотрудникъ! — *Бичевскій.*

— Чиновникъ, прогуливаясь по Невскому проспекту, увидѣлъ маленькую колясочку, и вообразилъ, что это фаэтонъ. — „Эй!“ закричалъ онъ кучеру: „на 20 минутъ.“ — Кучеръ, не понимая, къ чему относился снѣ слова, выпаращилъ на него глаза свои. — „Ты фаэтонъ?“ — спросилъ чиновникъ. — „Нѣтъ сударь!“ — отвѣчалъ кучеръ: „я не Харитонъ, а Никита.“

— Одною остряка, который въ веселомъ обществѣ шутилъ надъ всѣми, вздумали подпортить, чтобы въ свою очередь также позабавиться надъ нимъ. Когда рюмочная гармонія разстроила его порядочно, спросили у него: „Что, теперь въ глазахъ твоихъ иванчики?“ — „Признаюсь, отвѣчалъ онъ: кромѣ дураковъ, никого не вижу.“

— Нѣкто, прѣхавъ къ своему знакомому, спросилъ, войдя въ переднюю: „Дома ли Федоръ Александровичъ?“ — „У себя съ“ — отвѣчалъ слуга: „полько она вчера скончалась.“

Содержаніе *четырнадцатой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* 1. Павелъ Вувѣрманъ. (*Повѣсть Алоизія Шрейбера.*) 2. Будущность и Смерть. *Стихотворенія.* 1. На обращеніе ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ воинской чести къ Графу Паскевичу-Эриванскому. 2. Въдренной дѣвушкѣ. 3. Три Сопета. II. *Библиографія.* Московскія Минеральныя воды. III. *Смѣсь.* IV. Моды.

При сей книжкѣ картинка дамскихъ модъ No 8-й. Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателью Сверхнаго Меркурія.*

№ 72.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на вѣсной бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 17 ІЮНЯ, СРЕДА.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОСЛОВЪ.

Несправедливо судить о семъ животномъ, которое заслуживаетъ въ свѣтѣ гораздо почтеннѣйшее мѣсто, нежели определено ему въ кругу обитателей земли. — Сіе неуваженіе заставило многихъ ословъ искать счастья подъ различными названіями; заимствованными у другихъ породъ. — Въ сѣхъ по видахъ многіе ослы занимаютъ важныя мѣста въ свѣтѣ. Дабы лучше и подробнѣе узнать сіе достопримѣчательное животное, надобно сначала познаться съ происхожденіемъ его, и замѣтить нѣкоторыя другія общія свойства, касающіяся до ословъ вообще.

Племя ослиное есть одно изъ древнѣйшихъ въ свѣтѣ, и болѣе всѣхъ другихъ распространено по всему міру. Во всѣхъ странахъ мы встрѣчаемъ ословъ: имъ благоприятствуетъ всякій климатъ; а по сему несправедливо мнѣніе нѣкоторыхъ Зоологовъ, утверждающихъ, будто ослы, обитающіе въ сѣверныхъ странахъ, менѣе видны, или даже менѣе саровиты, нежели въ южныхъ земляхъ. Аристотель говоритъ, что холодный климатъ препятствуетъ размноженію и росту ослинаго рода. Онъ представляетъ въ примѣръ малыхъ и уродливыхъ ословъ, живущихъ во Фракіи, въ Иліріи и въ Эпирѣ. Если бы онъ жилъ двумя тысячелѣтіями позже, то видѣлъ бы даже и въ отечествѣ нашемъ красивыхъ и рослыхъ ословъ, которые бывають иногда выше 6-ти футовъ. Новѣйшій испытатель природы, Линней, утверждаетъ, что сѣверные ослы суть пришельцы изъ южныхъ странъ, а именно изъ

Аравіи, изъ Египта, изъ Греціи и изъ Испаніи. Относится ли это къ Шведскимъ осламъ, нельзя рѣшительно утвердить; но каждый скажетъ, что и на отдаленнѣйшемъ сѣверѣ есть также ослы весьма древней породы, и никто не можетъ отвергать сего мнѣнія, не нарушая чести собственнаго своего родословія.

Сдѣлавъ сіи генеалогическія изслѣдованія, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію наружнаго вида ословъ и примѣтъ, по которымъ можно отличать ихъ отъ другихъ животныхъ; а потомъ будемъ говорить объ ихъ природныхъ способностяхъ, душевныхъ (*) качествахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, и проч.

Всѣ почти естественныя описанія описываютъ намъ осла, какъ животное четвероногое, съ длинными ушами, и обыкновенно сѣраго цвѣта. Но каждый человекъ, имѣющій хотя малѣйшія познанія объ ослахъ, скажетъ, что ни сѣрая шерсть, ни длинныя уши, ни даже четыре ноги, не составляютъ важнѣйшихъ примѣтъ, по которымъ узнаются ослы.

Нѣмецкій Писатель Функъ говоритъ, что осла можно узнать издали по звуку, часто имъ издаваемому, который имѣетъ особенное сходство съ *я*, что значить по-Русски *да*. Но и сія примѣта не вѣрна, ибо есть множество ословъ, которые нерѣдко кричатъ: *Нльтъ! Нльтъ!* Однимъ словомъ, всѣ наблюденія, сдѣланныя надъ ослами, доказываютъ, что нѣтъ общихъ признаковъ для вѣрнаго опредѣленія ихъ породы, ибо сіе животное является въ разнообразныхъ видахъ,

(*) А развѣ можно предполагать, что ослы имѣють *душевные* качества? *Прим. Корректора.*

говорить на всехъ языкахъ, и имѣтъ шерсть различныхъ цвѣтовъ. Хотя нельзя оспаривать того, что многіе ослы ходятъ съ поникнутой головою, смиренно и медленно поступью; но съ другой стороны есть много и такихъ ословъ, которые поднимаютъ рыло весьма высоко и оплываются важною осанкою и гордой поступью.

Что касается до душевныхъ качествъ, добродѣтелей и способностей ослиныхъ, то обыкновенно представляющъ его смиреннымъ, терпѣливымъ и неприхотливымъ. Первыя два качества дѣйствительно достойны удивленія. Когда осла слишкомъ обременяютъ, то онъ изъясняетъ свое неудовольствіе, опуская голову и уши; если же ему черезъ чуръ насолятъ, тогда онъ только морщитъ носъ; и въ такомъ случаѣ, говоритъ Бюффонъ, онъ имѣетъ видъ весьма смѣшной. Но и въ этомъ есть исключенія: ибо нѣкоторые ослы лягаются, если они хорошо содержатся. Относительно же довольства ословъ можно сказать, что хотя одинъ изъ нихъ питается соломою и осокою, и лижетъ руку, которая подаетъ имъ пищу; но съ другой стороны есть и такіе, которые пресыщаются даже и устрицами, ананасами, и упоеннѣйшими лакомствами. Нѣкоторые же бываютъ столь алчны, что опинаютъ кормъ у другихъ, поставленныхъ съ ними въ одинъ ясляхъ.

Перейдемъ наконецъ къ способностямъ ума ослиного. Все говорятъ, что оселъ есть одно изъ глупѣйшихъ животныхъ. Не нарушая долгаго къ нему уваженія, надобно сознаться, что въ этомъ мнѣніи есть нѣчто справедливое. Но въ свѣтъ все преувеличивается: ибо мы почти ежедневно видимъ, что ослы оплываются не только въ изящныхъ искусствахъ, какъ напримѣръ: въ танцованіи, въ верховой ѣздѣ, въ пѣніи, въ декламации, въ стихотворствѣ, и проч.; но многіе даже достигаютъ великаго совершенства въ знаніи языковъ, особенно Французскаго, такъ, что прудно понимаютъ, какимъ образомъ ослиный умъ можетъ до такой степени образоваться.

Мы встрѣчаемъ также ословъ, которые, имѣя особенныя свѣдѣнія въ Математику, почитаютъ всехъ

своихъ сотоварищей нулями, себя же самихъ считаютъ единицами, безъ коихъ все прочіе не имѣютъ никакого значенія. — Размашивая еще многія другія достоинства ословъ, мы чувствуемъ всю несправедливость этого мнѣнія, которое обыкновенно имѣютъ объ нихъ люди, неходящіе въ подробное разсмотрѣніе сихъ животныхъ.

Послѣ такого общаго обзоренія, мы можемъ обратиться къ различнымъ породамъ ословъ, между которыми оплываются въ особеннѣйшии грубые ослы. Хотя во всехъ странахъ находятся грубые ослы, но Россія, кажется, есть отечество ихъ. По крайней мѣрѣ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ ословъ, принадлежащихъ къ сей породѣ. Грубѣйшіе изъ нихъ суть тѣ, которые употребляются въ разныхъ службахъ. Но есть также и столь грубые ослы, изъ которыхъ самое хорошее воспитаніе не могло изгнать ослиной натуры.

Къ другому роду принадлежатъ гордые, высокомерныя ослы. Нѣкоторые изъ нихъ гордятся знатностью и древностью своего племени, и подымаютъ голову очень высоко, чтобы все видѣли ихъ гербъ. Другіе ослы хвастаются своими познаніями. Иные надуваются, чтобы показать мѣшки съ золою, которыми они обременены. Иные же тщеславятся своею наружностью: это самая смѣшная порода ословъ. Нѣкоторые любятъ показывать зубы, а потому ихъ не жалуютъ прочіе ослы.

Третій родъ заключаетъ въ себѣ серьезныхъ ословъ, которые все, что ни предпринимаютъ, дѣлаютъ съ такою важностью, что должно ихъ почитать умнѣйшими, особенно, когда они, съ очками на носу, сидятъ за кнѣгами старыхъ бумагъ.

Четвертый родъ состоитъ изъ чувствительныхъ или *селтыментальныхъ* ословъ, имѣющихъ столь нѣжные нервы, что трель Испанской пѣвицы причиняетъ имъ судороги, а опъ звука барабана или опъ воя собаки они падаютъ въ обморокъ.

Пятый, и самый счастливый родъ ословъ, оплывается особеннымъ ко всему равнодушіемъ. Ихъ участь гораздо предпочтительнѣе всехъ прочихъ, терзаемыхъ

разными нуждами и обязанностями. Кажется, что миръ сотворенъ только для нихъ, и однимъ словомъ, они по любимцы счастья.

Вотъ важнѣйшя породы ословъ; правда, что есть еще множество другихъ родовъ сихъ живописныхъ; но рассмотримъ ихъ всѣ поодиначкѣ спойло бы много трудовъ и времени, чего наблюдатель не всегда имѣетъ въ изобиліи.

Напоследокъ упомянемъ только объ одной довольно примѣчательной породѣ ословъ, которые любятъ замѣчать пороки своихъ собратій, стараются скрывать свои собственные. Ся порода въ нѣкоторомъ отношеніи полезна тѣмъ, что иногда способствуетъ къ развлеченію и увеселенію другихъ. И потому-то, почтенные читатели, благоволите прищурить одинъ глазъ, въ разсужденіи сего рода, имѣвшаго, можетъ быть, нѣкоторое вліяніе на чернильницу и перо писавшаго сіи строки вашего покорнаго слуги

Г. Кори.

Ж И Р Н Ы Я А Ф И Ш И.

L'avare n'amasse que pour amasser.

(Massillon.)

Есть же люди, которые, при тридцати или сорока тысячахъ годового дохода отъ деревень и домовъ, не перестаютъ Гарпагонствовать, и дрожатъ надъ каждою копейкою. Такіе люди спранны, но они есть, и даже, быть можетъ, ихъ много, очень много, къ досадѣ порядочнаго общества. Можно быть расчепывимъ; но скупымъ . . . скверно! — За Феклистомъ Степановичемъ Аваринскимъ и супругою его Степанидою Аванасьевою водился эпостъ грѣшокъ *des bouts de chandelles*. Они люди доспачочные и дѣтей не имѣютъ; но поспитите ихъ въ обѣденное время, ожидая непремѣннаго приглашенія; ни туть по было: не будупъ обѣдать часовъ до семи, а васъ не пригласятъ; человекъ войдетъ въ столовую съ парелками, по сму хозяйка дома закричитъ: „Мишка! ужъ вотъ и видно, что ты деревенскій олухъ; ну какъ покрывать на столъ, тогда какъ у меня гости; учиниво ли эпостъ?

Пошолъ.“ — Вы хотите изъ любопытства выждать конецъ этой Комедіи, на счетъ вашего желудка, и продолжаете съ успѣхомъ поддерживать самый занимательный разговоръ; но вамъ отвѣчаютъ *du bout des levres*; и наконецъ, по сигналу Степаниды Аванасьевны, Феклистъ Степановичъ грядетъ въ спальню, и опшуда слышится стукъ ножей о парелки; а потомъ онъ возвращается, опираясь салфеткой, печально забытой въ петличкѣ, и супруга его идетъ скушать оснальное. Прекрасно! — Вамъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ взять шляпу и ретироваться. Это повторялось не рѣдко, пока всѣ не узнали почтенной семьи Аваринскихъ, и не перестали покушаться на незваные обѣды въ этомъ госпепринимомъ домѣ.

Я видѣлъ на дняхъ, что Степанида Аванасьева чипала замасленную афишу, и изъявилъ ей свое удивленіе; но она отвѣчала мнѣ какою-то пвмою гримасою, которую она хотѣла сдѣлать улыбкою. Въ другой разъ я также увидѣлъ Леманову афишу всю въ маслѣ. Что за диво! подумалъ я; и, выходя, зашелъ къ кандитеру купить пирожковъ для именинъ маленькаго моего племянника. Кандитеръ, Нѣмецъ добрый; мы разговорились; и я у него спросилъ: „скажете мнѣ пожалуйста, я думаю, что сосѣдка ваша, Г-жа Аваринская, часпенько у васъ беретъ конфекты и пироги à la Зонипагъ?“ — „Никогда: она страхъ какъ скупа; видѣли ль вы ея замасленныя афиши?“ — „Видѣлъ, какъ не видать.“ — „Знаете ли, отъ чего онѣ въ маслѣ?“ — „Нѣтъ.“ — „А я такъ знаю“ — сказалъ Нѣмецъ, улыбаясь. — „Такъ расскажите мнѣ.“ — „Извольте: эпостъ рассказъ я повторяю въ тысячу первый разъ, чпобъ доказать, что не одни мы Нѣмцы скупы, но что есть и между Русскими гораздо скупѣ насъ. Вотъ извольте ли видѣть, *mein Herr*, у насъ въ нижнемъ этажѣ жилъ одинъ пріезжій по своимъ дѣламъ господинъ, который, не зная, куда дѣнся вечеромъ, всегда бывалъ въ Театрѣ, и посему аборировался на креслы, а у Плюшара на полученіе афишъ, и получалъ ихъ мѣсяца четыре; но, по опшвздѣ его, я, какъ ближайшій сосѣдъ его, восполь-

зовался оными, и велѣлъ носить къ себѣ. Мадамъ Аваринская за ними ко мнѣ посылаетъ разъ; я говорю, что афиша нужна; въ другой разъ опивчаю то же; въ третій точно также; наконецъ она призываетъ меня къ себѣ, и съ деспотическимъ тономъ спешной помѣщицы начинаетъ кричать на меня, говоря, что афиши должны непременно ей, а никому другому принадлежать, ибо она съ Княгиней Олимпиадой Варволомѣвной Пустельгиной ѣздитъ въ Театръ, а что я, если и бываю, то по Воскресеньямъ, въ Нѣмецкомъ спектаклѣ, и что могу посмотрѣть тогда, что дадутъ на Новомъ Театрѣ, у Симіоновскаго моста. Прекрасное распоряженіе; но я сказалъ, что кричать она можетъ на своихъ слугъ, а не на меня, и что я честь имѣю ей кланяться. Вошь моя барыня сдѣлалась пошлѣе, и когда я сказалъ ей, что хопя мнѣ афиши не нужны для того, чтобы бывать въ Театръ, но необходимы потому, чтобы выкладывать на нихъ пироги; то она наконецъ согласилась пользоваться ими послѣ печенія пироговъ. — «Эге! подумалъ я: такъ вошь причина, что у Степаниды Аванасьевны всегда такіа жирныя афиши.

Викторъ Басковскій.

ПѢСНЬ БЕЗПЕЧНАГО.

Я научился дней весною
Смотрѣть на свѣтъ и видѣть въ пемь,
Что грусть плыветъ большой рѣкою,
А радость малымъ ручейкомъ.

Когда-то въ жизни сей играла
Надежда парусомъ монмъ;
Но ужъ душа давно уснула
Блжать за призракомъ пуснымъ.

Безъ парусовъ теперь пускаюсъ
На море жизни въ челнокъ;
Судьбой-коварной забавляюсъ
И что-то вижу вдалекѣ.

Куда волна мой челкъ заноситъ,
Туда и мыслии лечу;

Пускай фортуна на мель броситъ,
Фортуны знать я не хочу.

Потеликинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

48. *Удивительный человекъ!* Соч. П. Л. Яковлева. Пять часшей. Москва, въ Унив. Тип., 1831. Въ 12. (Въ перв. ч. 94, во втор. 96, въ ипр. 95, въ четв. 105 и въ пятой 132 стран.) (*)

Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣніе написать эподъ Романъ: *удивительный человекъ!*

С М Ъ С Ъ.

Все в другъ.

(*Дверь отворется.*) „Г. Мирный Судья! васъ просятъ приложить печать къ товарамъ одного кушца.“
— „Хорошо, я приду.“

(*Дверь отворется.*) „Г. Нотариусъ! васъ просятъ засвидѣтельствовать духовное завѣщаніе отца Дюблана...“

— „Ахъ, Боже мой!... Хорошо, хорошо, я приду, немного погоди.“

(*Дверь отворется.*) „Г. Земскій судья! васъ просятъ пожаловать поговорить на счетъ повѣрки ре-эспровъ.“

— „О! неспособные люди! все понадобилось въ одинъ разъ.“

(*Дверь отворется.*) „Г. Церковный Староста! я принесъ вамъ деньги за упокой усопшихъ!“

— „Милости просимъ: вошь исправный человекъ! а тѣ приходили ужъ очень не кспати!“

И такъ Г. Мирный Судья былъ въ одно и то же время и Нотариусомъ, Земскимъ и Церковнымъ Старостію. Вошь, что называется, все в другъ.

Съ Фр. О. Д — въ.

— Нѣкто говорилъ объ одномъ старомъ слугѣ, который былъ пдѣшивъ, что онъ теперь сдѣлался важнымъ человекомъ, имѣющимъ связи съ большими лицами. — „Да у него и у самого“ — подхватилъ другой: „лице до самого запылка.“

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 8 руб. экз.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывал на оныхъ: *Издателью Сьернаго Меркурія.*

№ 73.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *вселенной* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 19 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

ОТВѢТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО Журналиста Алжирскому ДѢЮ Гуссейнъ-Бейю, на письмо его, напечатанное въ 34 Но Колокольчика. (*)

Король Королей, убѣжище вселенной, солнце падъ всѣми солнцами — Гуссейнъ-Бей! Тебя привѣтствуетъ невѣрный Глуръ, ружьянъ, ядущій грязь на могилъ опца твоего!

Душевно обрадованъ я вѣстію, что имя и слава моя достигли невѣрнаго града Ливорны, и поразили ясный слухъ твой, великій Дей! Если бѣ мнѣ извѣстно было, что ты знаешь съ премудростию народа, именуемаго Нѣмче, я сказалъ бы тебѣ, что сіе сообщеніе наше есть магнетическое, что мы находимся съ тобою въ соотношеніи или раппортѣ, гдѣ душа души вѣсть подаетъ. Если бѣ я зналъ, что ты знаешь съ простонароднымъ нарѣчіемъ Москвитяня, помогавшихъ жечь твои побѣдоносные корабли подъ Навариномъ, то привелъ бы ихъ пословицу: *рыбакъ рыбака далеко въ плещь видитъ.*

(*) Сія статья доставлена для помѣщенія въ *Гирландъ*, что Издатель сего Журнала почелъ шуткою со стороны сообщившей особы; ибо въ *Гирландъ*, даже и при исчисленіи Журналовъ, издающихся въ Россіи, нѣкоторымъ образомъ неприлично упоминать о Колокольчикѣ, какъ о такомъ изданіи, которое, въ литературномъ отношеніи, можетъ называться Журналомъ или Газетою, какъ угодно, развѣ потому только, что періодически издается, и имѣетъ форму, принятую повременными изданіями. Если статья сія помѣщается въ Меркурій, то единственно потому, что она, по содержанію своему, входитъ въ планъ сего изданія, и, бывъ оспроумно написана, подъ восточнымъ псевдонимомъ скрывается испину, знакомую и намъ, обитателямъ Сьеры. *Изд.*

Томъ 111. № 73.

Но обманули тебя, почтенный Дей, сказавъ, будто я издаю въ свѣтъ *Журнальную стратегию, или искусство вербовать подписчиковъ.* Я почто написалъ сію книгу; но былъ бы недостойнъ твоей дружбы и неоцѣннаго твоего вниманія, если бѣ такимъ наглымъ образомъ испортилъ благородице ремесло *Согитателя-Корсера.* — Виноватъ, проговорился! Такъ, великодушный Дей! Я не то, чѣмъ кажусь; я не смиренный, трудолюбивый, ученый и глубокомысленный Писатель: я то, чѣмъ былъ ты; я то, чѣмъ была большая часть твоихъ подданныхъ, и вопъ причина того непостижимаго влеченія, которое обратило на меня твои свѣтлые взоры. Я Корсеръ, я патъдикъ! Спашу ли послѣ этого открывать тайны благороднаго ремесла моего снмъ невѣрнымъ собакамъ, другимъ Журналистамъ? Нѣтъ! Я оставлю правила сіи про себя и про дѣтей моихъ! Только тебѣ, великодушному собрату моему и милостивцу, подъ печатію тайны сообщу нѣкоторыя наши уловки: ты можешь упорѣбить ихъ на твою пользу въ Италіи, ибо конечно находишься въ тѣсныхъ обстоятельствахъ съ пѣхъ поръ, какъ проклятые Французы лишили тебя средствъ производить ные разбон.

Тебѣ извѣстно не все содержаніе моего сочиненія. Оно не въ помѣ только состоитъ, чтобъ имѣть подписчиковъ, а въ томъ, чтобъ собрать ихъ, какъ можно болѣе, взять съ нихъ деньги, и ничего за то не выдать, или выдать малую только часть обещаннаго. Для сего надобно написать великолѣпную программу, и въ ней обѣщать золотыя горы; дать знать,

что все прочие Журналисты дураки и безграмотные, а я один мастер и угрожу им в течение года. Между тем, должно сии памфлеты написать восполненным слогом, так, чтобы можно было почитать на обеих стороны; подписаться к старым Журналистам, и убедить их напечатать или разослать программу при своих номерах. Не худо быть на этом случай писарем, или драгоманом при какомнибудь Визирь, хотя бы только носить это имя: кто имеет сию выгоду, тот может написать несколько сот писем в Пашалыки к Сераскирам, Пашам и Кадям (к счастью, при нынешнем посвящении и писать не надобно: за пятнадцать левов перепечатают триста штук камнем, и самый Великий Пророк не догадается, что это циркуляр). В этих письмах должно сказать (по шутке, который также написать по Мусульмански, не забыв никакого полезного и приятного эпитета): „Известная во всей Империи любовь Вашей Милости к посвящению и великодушная готовность помогать всем пишущим на пользу общую, подала мне смелость прибегнуть к Вам со всепокорнейшею просьбою о благосклонном принятии прилагаемого у сего билета на получение вновь издаваемого мною Журнала (под заглавием: например, *Журнал древней и новой Истории, Критикъ, Западушная книжка въ 12 частяхъ, Звонкъ*, или какъ угодно). Смы осчастливите имющего честь и проч.“ Внизу: деньги (столько-то) благоволите отправить на имя мое, N. N., служащего Секретарем при Его Милости, Визирь такого-то Отделения.“ — Мой Паша хоть не радъ, да готовъ. „Эта птица небольшая! думаешь онъ: да все у Визиря нашему брату повредить можетъ. Не худо левов за сорокъ купить себя покровителя въ столицу у Средопочия Вселенной.“ — И шлетъ деньги. — При семъ дѣлать выгоднѣе всего служить у Дефтердаря, заведывающаго купеческими и мышными дѣлами. Пиши циркуляры ко всемъ иногороднымъ купцамъ. — Собравъ такимъ образомъ, сколько можно болѣе денегъ, займись изданіемъ, по есть переведи кой какъ спашь двѣ, три изъ старинныхъ Французскихъ книгъ и Газетъ, укрась великолѣпными титулами, а осталь-

ное въ номеръ заткни выписками изъ чужихъ Газетъ, переменяя только слова два, три. Выдай номера три, четыре, и basta! Отговорокъ найдешь довольно. Типографчикъ забился, жена больна, должники твои отъ Холеры умерли; Визирь работою завалилъ. Съ Нового года та же Комедія. Когда же извѣрился въ тебѣ вся публика, принци какогонибудь просняка, хоть набитаго дурака, да съ деньгами, и объяви его своимъ поручкою. Если де у меня путь чести, такъ у пріятеля моего есть деньги. И еще разъ повѣрялъ.

Видишь ли послѣ сего, Высокостепенный Дей, что ты мнѣ въ сопридѣлки не пужень, ибо для пивой бороды никто подписываться не станешь, а сочиненій твоихъ мнѣ не надо: я и самъ могу напороть въ одинъ день столько стиховъ, сколько ихъ въ Несомнѣнной Книгѣ.

Кто тебѣ напелковалъ о привилегіяхъ? На что онъ такимъ людямъ, каковы мы съ тобою? По какой привилегіи ты грабилъ и душилъ встречнаго и поперечнаго! Привилегія вещь хорошая для людей слабыхъ, трусливыхъ и бездушныхъ. Къ тому же привилегіями обыкновенно налагается какаянибудь обязанность. Помнишь-ли, что ты отвѣчалъ имъ невѣрнымъ, которые спрашивали, по какому праву ты разбойничаешь?

По праву разума, который всемъ владѣетъ,

Предъ конемъ робкій духъ молчать и цѣпелеть.

А я пишу по этому праву.

Заключаю письмо мое молитвою къ Великому Пророку, да осѣнитъ онъ своимъ покровомъ тебя, меня и всѣхъ подобныхъ намъ умныхъ людей!

Авредіанъ Мозолинъ,
Журналистъ и Корсеръ.

Мая 1 дня

1831 года.

Ш. П. Забылъ еще одно средство зашибить левовъ съ собою. Напечатать программы и билеты своего изданія, спеша по одному къ темъ Издателямъ Журналовъ, которые уже несколько лѣтъ занимаютъ симъ ремесломъ. Они, разумѣется, подарятъ тебѣ взаимно билеты на свои Журналы, а ты ихъ продай, съ уступкою, въ лавкахъ. Читай же произведенія

сихъ негодлевъ ты можешь у всякаго Кафджи, дѣ-
лая кейфъ послѣ обѣда.

КЪ КОЛОКОЛЬЧИКУ (*).

Ахъ, Колокольчикъ, Колокольчикъ!
Скажи, что дѣлать намъ съ побой?
Ужели вздумалъ, мой сокольчикъ,
Заспорить ты съ своей судьбой?
Присуждено тебѣ на вѣки
Гудѣть и выть лишь подъ дугой:
Не попадешь ты въ челоуки,
Не попадешь, мой дорогой.

Есть колокольчикъ въ кабинетѣ,
У всѣхъ красавицъ въ модномъ свѣтѣ,
У всѣхъ вельможъ и дѣловыхъ.
Субрепокъ ловкихъ, слугъ лѣвивыхъ,
Своею праздноспью счастливыхъ,
Онъ къ господамъ скликаеиъ ихъ.

Вошь колокольчикъ!

Есть колокольчикъ у дверей:
Онъ намъ пришедшихъ возвыщаетъ,
Онъ возвыщаетъ намъ друзей,
И онъ незваныхъ часть гостей
Онъ иногда осерегаетъ.

Вошь колокольчикъ!

Но Колокольчикъ есть одинъ:
Хотя разбитъ, хотя не звучитъ,
Но, ахъ! какъ онъ неспосно сучеиъ,
Когда вельиномъ судьбинъ
Своимъ однообразнымъ звономъ,
Онъ за безжалостнымъ Харономъ
Ословъ мычащихъ спадо мчитъ,
И для ушей ихъ дребезжитъ;
Когда горитъ безмяльнымъ гнѣвомъ
И намъ *извоцигилмъ* папѣвомъ
Напоминаетъ онъ собой
О странной глупости людской;
Когда, перзая непощадно,
Несообразно и нескладно,
Онъ поднимаетъ жалкій вой!

Да погрузитъ мои куплепы
Тебя на дно туманной Леты:
Умолкнетъ твой печальный гулъ,
И въшь по свѣту разнесетъ,

(*) Опытъ молодого Поэта, съ большимъ успѣхомъ упражняю-
щагося въ Нѣмецкой Словесности. Изд.

Что пашъ мучитель не очетелъ,
Что Колокольчикъ упоиуль.

Г. К.

НОВЫЯ КНИГИ.

49. *Мертвый оселъ и обезглавленная женщина*. Перев. съ Французскаго. Двѣ частн. Москва, въ Университетской Типографіи, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч. 183, во втор. 179 стран.)

Разсуждая о книгахъ сего рода (хотя съ большимъ энтузіазмомъ читаемыхъ во Франціи, но отвергаемыхъ здравымъ разсудкомъ, неспорченнымъ сердцемъ, чистымъ воображеніемъ и образованнымъ вкусомъ), увлекался въ многословіе — значить: воскрешать въ себѣ покойника, значущаго въ заглавіи сего сочиненія. Выражался проще: много говоритъ объ упоминаемомъ Мертвомъ ослѣ, значить — бытъ живымъ осломъ.

Такъ сказалъ одинъ почтенный Императоръ Рецензенту, написавшему о сей книгѣ довольно пространное сужденіе, и прочитавшему оное ему въ рукописи; — и въ слѣдствіе этого, сей послѣдній рѣшился ограничиться однимъ эпѣмъ строками.

С М Ъ С Ъ.

— Почтенный дворянинъ имѣлъ обыкновеніе оказывать уваженіе всѣмъ особамъ, которыя украшены были орденами. Однажды встрѣчился онъ съ Полковникомъ, который имѣлъ Георгіевскій крестъ, и, по обыкновенію своему, весьма вѣжливо поклонился ему. — „Я не имѣю чести васъ знать“ — сказалъ ему Полковникъ. — „И я хотя не знакомъ съ вами“ — отвѣчалъ ему дворянинъ: „но считаю долгомъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, какъ челоуку, который оказалъ важныя услуги Отечеству, что свидѣтельствуеиъ вашъ знакъ отличія.“ — „Достно было бы служить“ — сказалъ пронутый Полковникъ: „если-бъ всѣ раздѣляли вашъ образъ мыслей.“

— Одинъ стихотворецъ сочинялъ Элегіи и читалъ ихъ своему слугѣ, какъ-бы въ подражаніе Мольеру, который читалъ свои Комедіи кухаркѣ. Однажды нашъ Поэтъ при чтеніи плакалъ, а слуга былъ равно-

душень, и даже звалъ, ничего не понимая. Разгнѣванный такимъ хладнокровіемъ, пипсомоецъ Апполона началъ его бить, и шѣмъ наконецъ извлекъ у него слезы, которыя однако же приписывалъ не кулакамъ своимъ, а дѣйствию Элегій.

— Молодой дворянинъ, проѣзжая по проселочной дорогѣ, остановился почевать въ черной крестьянской избѣ. Въ это время ужиналъ одинъ извозчикъ, который былъ чрезвычайно много, такъ, что дворянинъ не могъ безъ удивленія смотреть на него. Когда извозчикъ опужиналъ, помолился Богу и поблагодарилъ хозяевъ за хлѣбъ-за соль; но дворянинъ сказалъ ему: „Ну, молодецъ! много же ты ѣшь?“ — „Эхъ, сударь“ — отвѣчалъ со вздохомъ извозчикъ: „что это за много, когда я за весь ужинъ заплачу только 30 копѣекъ. Вотъ мой Баринъ, такъ ѣвчего сказать, много изволилъ кушать: пятьсотъ душъ не могушь прокормить его.“

— Профессоръ Исторіи имѣлъ привычку весьма часто говорить во время лекцій: съ позволенія вашего, милостивые государи. Однажды онъ, глубокомысленно изслѣдовавъ причины созданія міра, въ заключеніе сказалъ: „Такимъ образомъ, милостивые государи, съ позволенія вашего Богъ сотворилъ небо и землю.“

МОДЫ ПАРИЖСКІЯ.

(22 Июля и. с.)

Дамскія.

Наряды. Платье изъ шалью, цвѣта нежаренаго кофе, съ гирляндами цвѣтковъ фіолетовыхъ, красныхъ и зеленыхъ. Пелеринка изъ вышитой кисеи. Шляпка изъ Испаніанской соломы съ двумя вѣтками акацій. Черныя бошники. Золотая цѣпь съ четверугольными кольцами.

— Платье кисейное свѣтлоглубаго цвѣта, съ темноглубыми узорами и рисунками. Кружевная колеретка съ рюшами. Эшарпъ кисейный свѣтлокоришневаго цвѣта съ маленькими черными и зелеными цвѣ-

почками. Въ волосахъ ферроньерка съ камнемъ. Башмаки изъ чернаго гроденаля, а иногда и Англійской кожи. Шляпка-капонъ изъ волнистой матеріи соломеннаго цвѣта съ поставленнымъ высоко букетомъ гіацинповъ. Вѣеръ изъ бѣлой волнистой матеріи.

— Пенуары для утреннихъ прогулокъ большею частію дѣлаются изъ бѣлаго жаконапа, гроденаля, цвѣтнаго органди, гладкаго шалью.

— Платья, называемыя *Paganisches*, въ большой модѣ.

— Лучшія фартуки дѣлаются изъ матеріи, называемой *gros de tours glacé*.

Му жскія.

Нарядъ щеголл на гулянья. Фракъ фіолетоваго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ воротничкомъ. Панталоны изъ бѣлой визаной матеріи, сшитыя въ обтяжку по ногъ. Шляпа сѣрая пуховая съ полями четверугольными напередѣ и сзади и закрученными по бокамъ. Галспухъ изъ чернаго атласа. Воротничокъ мапижки круглый и падающій на галспухъ, а не сплюснутый. Жилетъ изъ бѣлаго нике съ отложнымъ воротничкомъ, застегнутый почти до конца.

— Бѣлыя панталоны изъ бумажныхъ матерій употребительнѣе прочихъ для прогулокъ и пѣшкомъ и верхомъ. Въ особенномъ щегольствѣ панталоны цвѣта Алжирской земли, имѣющія по швамъ розовыя гирлянды.

— Модные жилеты дѣлаются изъ бѣлаго шалью съ такими же цвѣтами или рисунками, какъ на Турецкихъ шаляхъ. На пикетовыхъ жилетахъ сѣи рисунки весьма мелки.

— Щегольскіе шафроки дѣлаются изъ бѣлаго *bazin* со множествомъ полосокъ голубыхъ или сиреневыхъ, выкрасенныя по фасону редуанга съ шалью.

При семь Но Свѣ. М. карпника дамскихъ модъ за Но 4-мъ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателью Сѣвернаго Меркурія.*

№ 74.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на *веленовой* бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 22 ІЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Х И Р У Р Г Ъ
или
СЛѢДСТВІЯ ОПЕРАЦИИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Операция.

Осенью, въ 1782 году, Людвигъ Тевенепъ, извѣстный операшеръ, жившій въ Кале, однажды получилъ отъ неизвѣстнаго ему лица письменное приглашеніе пріѣхать на другой день въ загородный домъ, находящійся на большой дорогѣ Байра. Тевенепъ, будучи искуснымъ операшеромъ, нерѣдко былъ приглашаемъ въ окрестныя мѣста для вспомошествованія больнымъ. Находясь долгое время въ Арміи, онъ сохранилъ въ своемъ обращеніи нѣкотораго рода суровость; но при всемъ томъ, кто понималъ его характеръ, томъ невольно былъ къ нему привязанъ, увлекаясь чрезвычайной добротой его сердца.

Тевенепъ, удивляясь безыменной запискѣ, въ которой, однако же, время и мѣсто были означены съ величайшею точностію, подозрѣвалъ въ ней шутку кого нибудь изъ друзей своихъ; почему и не рѣшился ѣхать.

Спустя три дни, онъ получилъ подобное же приглашеніе, но гораздо убѣдительнѣе прежняго, гдѣ его извѣщали, что на другой день въ 9 часовъ утра приплетется за нимъ экипажъ, въ которомъ онъ можетъ пріѣхать въ назначенное мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, ровно въ 9 часовъ,

великолѣпная коляска стояла уже у его воротъ — и Тевенепъ, не размышляя болѣе, поѣхалъ.

Садясь въ коляску, онъ спросилъ у кучера: „Куда, и къ кому шы меня везешь?“

Томъ ему отвѣчалъ на Англійскомъ языкѣ: „Что до меня не касается, о томъ я и не беспокоюсь.“

„А! это Англичанинъ!“ подумалъ Тевенепъ, и не сказалъ болѣе ни слова.

Коляска наконецъ остановилась у назначеннаго дома. „Кто здѣсь живетъ, и кто эпомъ больной, котораго я долженъ посѣтить?“ снова спросилъ Тевенепъ у кучера, выходя изъ экипажа; но отвѣтъ былъ пошъ же, какъ и прежде. Хирургъ, мучимый нетерпѣніемъ, поспѣшно вошелъ въ домъ.

Въ коридоръ встрѣпилъ его молодой мужчина пріятной паружности, который и повелъ его въ бельэтажъ. По разговору Тевенепъ могъ замѣтить, что это былъ Англичанинъ, почему и началъ говорить съ нимъ на опечественномъ его языкѣ. Разговоръ ихъ былъ слѣдующій:

Тевенепъ. Вы меня приглашали къ себѣ?

Англичанинъ. Я, г. Тевенепъ, и очень вамъ обязанъ за посѣщеніе. Не угодно-ли вамъ позавтракать до начатія операции? Вотъ, на этомъ столѣ, все къ вашимъ услугамъ: шоколадъ, кофе, вино

Тев. Нѣтъ, я долженъ прежде видѣшь больного, и осмопрѣшь, нужна-ли операция.

Англ. Весьма необходима, г. Тевенепъ. Прошу покорно садиться и выслушать меня: я къ вамъ имѣю полное довѣріе. Вотъ кошелекъ, въ коемъ сто гиней:

они назначены вамъ въ награду за произведеніе операціи — и вы должны ее сдѣлать, какія бы ни были отъ того послѣдствія. Если же вздумаете отказаться отъ исполненія моего желанія, по видаше-ли это отъ пистолеца: онъ зарженъ — понимаете?

Тев. Не спращайте меня, милостивый государь, пистолецомъ: вы должны прежде сказать, за чѣмъ меня пригласили, и чего отъ меня пребудете?

Англ. Я хочу, чтобъ вы опирѣзали мнѣ по колѣно правую ногу.

Тев. Я готовъ, хопя и голову — если въ этомъ будетъ надобность; но мнѣ кажется, что ваша нога весьма здорова, и вы ходите со всей возможной легкостью. Чего же въ ней недостаетъ?

Англ. Ничего; но я хочу, чтобъ ее подоспавало.

Тев. Вы, милостивый государь, изволили сойти съ ума; но я, операторъ, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній въ болѣзняхъ подобнаго рода, не могу въ этомъ случаѣ быть для васъ полезенъ.

Англ. Объ этомъ прошу не беспокоиться, г. Тевенетъ.

Тев. Но какой вредъ причиняетъ вамъ эта прекрасная нога?

Англ. Никакого; но согласны-ли вы на мою просьбу?

Тев. Извините, я васъ не знаю. Докажише мнѣ, что это вы дѣлаете въ здоровомъ разсудкѣ.

Англ. Исполните-ли вы мое требованіе?

Тев. Тогда только, если вы скажете мнѣ настоящую истину, чтобъ я могъ безъ опасенія рѣшиться на это.

Англ. Все это вы узнаете, но не рапѣ, какъ черезъ годъ; и я быюсь съ вами объ закладъ, что вы будете согласны со мною, узнавъ, что причина, побуждающая меня къ опнятію ноги, основана на благороднѣйшемъ чувствѣ.

Тев. Я ничего не могу для васъ сдѣлать, не узнавъ по крайней мѣрѣ ваіего званія, имени и фамиліи.

Англ. Все это вы узнаете послѣ, а теперь ничего; но могу васъ увѣрить, что вы имѣете дѣло съ честнымъ человекомъ.

Тев. Честные люди не принуждаютъ къ крайпо-

сти вооруженною рукою, Я обязанъ дѣлать пособіе каждому; но вамъ, имѣю полное право отказать — и если вы въ состояніи убить меня и опнять опца у невиннаго семейства — стрѣляйте!

Англ. Нѣтъ! я не пролью невинную кровь. То, что вы не хотите сдѣлать ни изъ снисхожденія ко мнѣ, ни изъ страха къ смерти, ни даже изъ собственной пользы, — то сдѣлаете вы изъ состраданія.

Тев. Изъ какого состраданія?

Англ. А вотъ изъ какого. Это отъ пистолеца въ глазахъ вашихъ размозжитъ мою ногу — вы это сей часъ увидите.

Англичанинъ сѣлъ и приложилъ дуло къ ногѣ. Тевенетъ бросился, чтобъ остановить его, но онъ спокойно сказалъ: „Не приближайтесь — или пуля раздробитъ мою ногу на мѣлкія часки. Отвѣчайте въ послѣдній разъ: хотите-ли вы увеличить мои мученія и продлить ихъ бесполезно?“

Тев. Государь мой! вы сумасшедшій! Но пусть будетъ по вашему: я на все готовъ! —

Все было приготовлено къ операціи. Въ то время, какъ Тевенетъ готовился оппилить ему ногу, онъ преспокойно закурилъ трубку, и клялся, что будетъ курить до конца операціи.

Онъ сдержалъ свое слово. Опирѣзанная нога уже упала на полъ; но Англичанинъ все еще продолжалъ курить. Тевенетъ совершилъ операцію съ чрезвычайнымъ искусствомъ, и, сдѣлавъ перевязку, опправился домой.

Благодаря попеченіямъ Тевенета, больной скоро выздоровѣлъ. Англичанинъ наградилъ своего оператора, и день ото дня болѣе уважалъ его. Со слезами онъ благодарилъ его за опнятіе ноги, въ замѣну къ ей придѣлалъ деревянную, и опправился въ Лондонъ.

(Развязка въ слѣд. Но.)

Р А Е К Ъ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Однажды пришло мнѣ на мысль побывать въ Те-апрѣ, въ полшинныхъ мѣстахъ. Боясь, чтобы знакомые не увидѣли меня, я сѣлъ на самой задней лавкѣ, и началъ со вниманіемъ вслушиваться въ сужденія почтеннѣйшихъ моихъ созрителей. Подлѣ меня сидѣлъ

одинъ провинціалъ, прїѣхавшій въ Петербургъ изъ Ярославской губерніи, какъ онъ сказывалъ, для продажи хлѣба, и, повидимому, кровную полтину пожертвовалъ для Театра, чтобы послѣ рассказать домашнимъ и знакомымъ о чудесахъ всего видѣннаго и слышаннаго. Въ Театрѣ было чрезвычайно жарко отъ множества зрителей (это было на Масляницѣ), а онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, пыхтѣлъ, и потъ градомъ лился по лицу его. Я совѣщивалъ ему снять шубу; но онъ никакъ не рѣшался, показывая ко мнѣ недоверчивость. Послѣ каждаго акта, я старался завести съ нимъ разговоръ, чтобы узнать его мнѣніе о достоинствѣ пїесы и объ игрѣ Актеровъ; но онъ, поспрашивая на меня изъ подлобья, ничего не говорилъ, и все отодвигался, сдвигая меня, вѣроятно, за вора, или, Богъ знаетъ, за кого. За то впереди меня сидѣлъ мѣщанинъ, и почти каждое слово Актеровъ повторилъ какимъ-то женщинамъ, съ которыми онъ пришелъ. Отъ всячески старался увѣрить ихъ, что это происходитъ не на самомъ дѣлѣ, а есть обморокъ. „Смотрите, смотрите“ — повторялъ онъ: „какъ они представляютъ, какъ будто повѣрятъ имъ.“ — Ха, ха, ха, хи, хи, хи, былъ обыкновенный ихъ отвѣтъ на самыя прогательныя сцены.

„Какъ бы ты поступилъ съ своею дочерью“ — спросилъ одинъ бородатый въ синемъ кафтанѣ, сидящій на второй лавкѣ: „когда бы она сдѣлала такимъ образомъ?“ — „Я“ — отвѣчалъ ему сосѣдъ: „заперъ бы ее въ чуланъ, и никакъ не позволилъ бы видѣться съ эйнимъ вертопрахомъ (указывая на сцену). „Эхъ, братецъ! подхватилъ другой: видно ты не былъ молодымъ. Дѣло дѣвичье; кровь кипитъ: какъ удержишь! Я въ такомъ случаѣ пошчасъ опидаль бы ее за него. Сама выбрала, и если не хорошъ, не пѣйли на отца и мать.“

„Я не такія штуки видѣлъ!“ вскричалъ одинъ кучеръ, съ важностію поспрашивая на почтеннѣйшую публику. „Въ недѣлю раза по два бываю въ Театрѣ: чего, чего не насмотрѣлся!“ — Вся полтинная публика обратила на него вниманіе, какъ на знатока Театра.

„Ахъ, Дарья Ивановна!“ сказала одна женщина сво-

ей сосѣдкѣ; „какъ я рада, что мнѣ удалось у барыни своей выпроситься въ Театрѣ. Прїѣхавъ въ деревню, ужъ я много поразскажу чудесъ своимъ знакомымъ. Ахъ, чудесники! да что они дѣлаютъ: словно самана въ нихъ поселился!“

„А что?“ сказала одна старуха своему сосѣду, указывая на Актера: „я думаю, что это нехристь.“ — „Ахъ, Кузьминщина!“ отвѣчалъ ей сосѣдъ: „да они такіе же Христіане, какъ и мы.“ — „По крайней мѣрѣ“ — продолжала старуха: купаются-ли они въ пролубѣ въ Крещенье?“ — Я не могъ разслушать, что пробормоталъ сосѣдъ ея.

Вотъ образъкъ сужденій полтинной публики. Безъ сомнѣнія, въ креслахъ и ложахъ найдутся нѣкоторые съ такимъ же образомъ мыслей: дѣло не въ деньгахъ, а въ образованіи вкуса.

Выходя изъ Театра, я подумалъ: напрасно Актеры позволяютъ себѣ иногда грубые фарсы, на которые образованная публика сморщитъ съ отвращеніемъ, а раѣкъ восхищается ими, ничего не понимал. Угождать райку значить не понимать важности своего искусства и быть просто паяцомъ, а не Актеромъ. Надобно угождать требованіямъ образованной публики, а райковая должна учиться у нее, а не судить по своему. Тогда бы у насъ успѣхи въ образованіи вкуса подвинулись впередъ, и поневоля поумиэль-бы простой классъ людей.

Н. К. и. — въ.

Э П И Г Р А М М А.

Колоднику сказалъ разъ Секретарь Вавило:
„Тебя и по лицу узналъ я, что ты воръ!“
— А потъ: „я признаюсь, не зналъ до этихъ поръ,
Чтобъ зеркаломъ лице мое служило.“

Н. С — ий.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

50. *Россійскому воинству, по случаю выступленія въ походъ 1831 года.* С. П. б., въ Типогр. Плюшара, 1831. Въ 8. (13 стран.)

Издатель покойнаго *Славянина* и нынѣ здравствующихъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Иллюстратору*, Г. Восйковъ, нѣкогда припалъ было на себя

неблагодарный, и, какъ кажется, огромный трудъ, исчислять острофы, сказанныя Н. И. Гречемъ. Въ этомъ случаѣ мы называемъ сей трудъ *неблагодарнымъ* потому, что Г. Гречъ приведенъ былъ этимъ обстоятельствомъ въ затруднительное положеніе: желая оплачивать Г. Воейкову равную вѣжливостію, онъ щцательно перечислялъ онъ строки до строки все, написанное Г. Воейковымъ, въ томъ предположеніи, не удастся-ли ему отрыпъ въ произведеніяхъ сего послѣдняго хоть одно острое словечко — но тщетно! Г. Гречъ, совѣстясь, по видимому, что невинно могъ быть упрекаемъ въ неблагодарности къ Г. Воейкову, напечаталъ нѣсколько словъ въ свое извѣщеніе, объщаясь, если-бы въ послѣдствіе времени какими нибудь судьбами, хоть что нибудь заслуживающее вниманія случилось съ пера Г. Воейкова, — немедленно объявить о томъ въ своихъ изданіяхъ. Но сіе вождѣнное (для подписчиковъ на изданія Г. Воейкова) время еще не наступило, и — безъ всякаго сомнѣнія — не наступитъ!

Но не таковъ Г. Полевой! — Хотя остроуміе крайне рѣдко промелькиваетъ въ писаніяхъ сего крайне разумнаго мужа, но все таки онъ, въ сравненіи съ Г. Воейковымъ, различествуетъ отъ него, яко свѣтъ отъ мрака. Такъ, напримѣръ, Г. Полевому, — упоминающему въ 9-й книжкѣ Московскаго Телеграфа объ Авторѣ стихотворенія: *Россійскому воинству*, Г. Паршовъ, говорящемъ о себѣ, будто-бы

Не жажда славы днесъ вела

Его въ храмъ Музы священны, —

кажется, что жажда Г. Паршова не была-бы удовлетворена, если-бы онъ и хопѣлъ упомянуть ее своимъ стихотвореніемъ. Хотя въ иномъ мѣстѣ это показалось-бы весьма обыкновеннымъ; но, въ отношеніи къ Г. Полевому, и это изрѣченіе должно почестъ за Вольперовское, пѣтъ болѣе, что оно въ настоящемъ случаѣ идетъ къ дѣлу; что мы и сочли обязанностію своею замѣнить, какъ рѣдкость чрезвычайную, со стороны Г. Полеваго.

С М Ъ С Ъ.

— „Зерно по орѣху, зерно по орѣху!“ — кричалъ заупывно разнощикъ съ орѣхами, проходя по одной улицѣ.“ — „Эй!“ возопилъ громко полспый купецъ, копорый *отъ скуки* фушика при захопѣлъ сгрысть съ своею женою: „почемъ фушигъ?“ — „Двадцать копѣекъ“ отвѣчалъ разнощикъ. — „Дай-ко сперва попробовать, сказалъ купецъ: а по ты надуешь.“ — Онъ разгрызъ два орѣха и нашелъ зерна ихъ не такъ крупными. — „Какъ-же!“ вскричалъ съ досадою купецъ: „ты кричалъ: зерно *по орѣху*, а смотри, какія мелкія зерны.“ — „Да орѣхи-то вы разгрызли мелкіе, отвѣчалъ разнощикъ: такъ и зерны мелки; по этому-то я и кричу: *зерно по орѣху*.“

— Одна дама принимала къ себѣ любовника въ отсуствіе своего мужа и запирала дверь на крѣпко. Когда кто приходилъ, то звонилъ въ колокольчикъ, что заставляло любезнаго ея прыпаться куда попало, и часпо въ невыгодныя мѣста, гдѣ онъ, бѣдняжка, насилу переводя духъ, просиживалъ по нѣсколько часовъ, особливо когда заспавалъ его мужъ. Проклятый этотъ колокольчикъ сдѣлался ему такъ ужасенъ, что онъ вездѣ началъ бояться, гдѣ только услышитъ звонъ колокольчика. Однажды онъ игралъ въ карты, въ хорошемъ домѣ, и кто-то позвонилъ въ колокольчикъ, чпобы призвать лакея. Этотъ звонъ такъ встревожилъ его, что онъ вскочилъ со стула, повалилъ столъ, и не зная, что дѣлать, со стыдомъ ушелъ домой. Всѣ, бывшіе при семъ случаѣ, изумились, и сочли его за сумасшедшаго.

— Офицеръ билъ своего деньщика за грубостъ и приговаривалъ: „лучше ты воруй у меня, а только не груби.“ — „Слушаюсь!“ отвѣчалъ ему деньщикъ, и послѣ не замедилъ воспользоваться его наставленіемъ: онъ вскорѣ обокралъ его. Офицеръ, хопя прогналъ деньщика, нѣ наказалъ; ибо онъ исполнялъ въ точности приказаніе его.

Пакетъ и письма достав-
ляются въ книжный Мага-
зинъ А. Ф. Смирдина или
Н. В. Слѣпина, подписыва-
вая на обѣихъ: *Издатель*
Свернаго Меркурія.

№ 75.

Выходить по Понедѣль-
никамъ, Средамъ и Пят-
ницамъ. — Цѣна за годовое
изданіе, состоящее изъ 156
NN и двухъ томовъ, на
веленовой бумагѣ, съ 24
картинками Модъ, 55
р.; съ доставкою на дома
и пересылкою въ города
42 рубль.

1851, 24 ІЮНЯ, СРЕДА.

Х И Р У Р Г Ъ
или
СЛѢДСТВІЯ ОПЕРАЦІИ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Безпримѣрная любовь.

Спустя два мѣсяца по отъѣздѣ Англичанина, Тевенепъ получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержания:

„При семъ письмѣ посылаю вамъ, въ знакъ моей благодарности, банковый билетъ въ 250 фунтовъ, по которому вы получите въ Парижѣ съ моего должника Рвиншельдъ ваиа на отплатѣ поги моей, которая была предрадою къ моему благополучію, сдѣлала меня счастливейшимъ человѣкомъ.

„Узнайте теперь причину того, что называли вы моимъ сумасшествіемъ. Я предлагаю вамъ пари — и увѣренъ, что вы будете тѣмъ довольны, что не согласились на него. Удостоверьтесь наконецъ, что причина, побудившая меня лишиться псги, была самая основательная.

„Послѣ вторичнаго моего возвращенія изъ Западной Индіи, я познакомился съ одною дѣвицею, совершеннѣйшею изъ своего пола — Эмилиею Гарлей. Я началъ искать ея руки. Богачество и знатность родныхъ ея обращали на себя вниманіе моихъ родителевъ; а я былъ очарованъ однимъ пльнншельными качествами души и блнстательною красотою. Ахъ, любезнѣйшій Тевенепъ! Счастіе начинало мнѣ улыбаться: она ошвѣчала моимъ чувствамъ; но рѣшительно отказа-

лась быть моею супругою. Тщешны были мои мольбы; напрасно ея родители и пріятельницы старались согласить ее: она была непоколебима!

„Долго я не могъ постигнуть тайной причины, побуждавшей ее отказываться отъ того, что она сама признавала своимъ благополучіемъ. Наконецъ одна изъ ее сестеръ ея объяснила мнѣ гибельную тайну. Дѣвица Гарлей имѣла несчастіе лишиться поги, которая была замѣнена у нея деревянною, что, однако жъ, при очаровательной красотѣ ея, по крайней мѣрѣ въ глазахъ моихъ, не служило ей безобразіемъ. Единственно по сей причинѣ она дала себѣ обѣтъ никогда не вступать въ супружество. — Въ одну минуту планъ былъ мною начертанъ. Я рѣшился быть подобнымъ ей въ недостаткѣ; — и, благодаря васъ, почтеннѣйшій другъ, достигъ своей цѣли.

„Я пріѣхалъ въ Лондонъ съ деревянною погою. Первымъ моимъ желаніемъ было довести это до свѣдѣнія Эмилии. Слухъ, распуцѣнный мною, разнесся по всему городу, будто я, ѣздивъ верхомъ, упалъ съ лошади и переломилъ себѣ ногу, которую уже и замѣнили деревянною. Всѣ принимали во мнѣ участіе. При первомъ свиданіи съ Эмилиею, она сдѣлалась безъ чувствъ; долго была нечувствна — и наконецъ согласилась быть моею супругою. На другой день нашего соединенія, я открылъ Эмилии, какого пожертвованія стоило мнѣ обладаніе ею. Это воспламенило ее еще болѣе — и она любитъ меня со всею горячіею. О мой достойный другъ! Если бы я имѣлъ десять ногъ, то пожертвовалъ бы безъ сожалѣнія всею для милой Эмилии!

„Пріѣзжайте въ Лондонъ порадоваться нашимъ счастьемъ, и полюбуйтесь моею прелестною Эмилией. Пока жизнь моя не пресечена, чувства благодарности моей къ вамъ не исстребятся изъ моего сердца.

Карлъ Тампль.

Тевенень разсказалъ о семъ происшествіи друзьямъ своимъ и всегда оиъ души смѣялся, когда попадалось ему на глаза это письмо.

И все таки это истинное сумасшествіе! говорилъ про себя Тевенень.

Онъ написалъ къ нему слѣдующій отвѣтъ:

„Государь мой! Благодарю васъ за щедрый подарокъ. Желаю вамъ всего лучшаго въ супружеской жизни. Ваша правда, что для соединенія съ прелестнѣйшею и добродѣтельнѣйшею женщиною, которая можетъ составить благополучіе въ жизни, потеря ноги — не есть еще жертва значительная: Адамъ для обладанія супругою, пожертвовалъ ребромъ; а весьма многіе положили для сего и головы.

„Но не смотря на все это, позвольте мнѣ остаться при прежнемъ мнѣніи. Я согласенъ, что вы на зарѣ новой жизни почитаете себя на верху благополучія; но не менѣе и я буду правъ, только съ тою разницею, что истина моего сужденія будущею понятна по происшествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

„Не откажите выслушать мое мнѣніе:

„Я боюсь, чтобъ чрезъ два года вы не раскаялись, что нога ваша отрѣзана такъ высоко; вамъ покажется лучше, если бъ она была отпилана пониже. . . . Министъ три года, вы согласитесь, что потеря ноги есть жертва излившая; пройдетъ чѣтыре, подумаете: довольно было бы и одного большаго пальца; по прошествіи пяти, будете жалѣть и самаго меньшаго члена; а наконецъ скажете, что безъ нужды жертвовать и ногтемъ — есть непростительное сумасбродство.

„Все это будетъ сказано вами, не касаясь однако же до плѣнительныхъ качествъ вашей супруги. Я въ молодости каждый день жизни посвящалъ моей супругѣ, но никогда не рѣшился бы для нея на потерю ноги; ибо послѣдствія всегда ужасали бы меня. Въ самомъ

дѣлѣ, когда мечпы уваскали меня въ хаосъ заблужденія, я пошчасъ говорилъ себѣ: Тевенень! ты сумасбродствуешь!

Имѣю честь быть и проч.

А. Тевенень.

Глава шретья,

Заключеніе.

Въ 1793 году, когда въ Кале разносился ужасъ возмущенія, Тевенень былъ обвиненъ своими единоземцами въ духъ Аристокраціи; почему, для избѣжанія гильотины, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Лондонъ.

Пріѣхавъ туда, и не имѣя никого знакомыхъ, онъ рѣшился опыскать друга своего, Карла Тампля.

Ему сказали объ его жительствѣ. Онъ пошчасъ къ нему отправился и былъ принятъ. Противъ каміа стояли кресла, въ конхъ, развались, сидѣлъ тучный мужчина. Возлѣ его стояла бушылка съ портвейномъ. Толстоота его была такъ обременительна, что онъ не имѣлъ силъ приподняться.

„А! покорно прошу, г. Тевенень!“ сказалъ ему тучный Англичанинъ, въ которомъ Тевенень узналъ своего пациенца. „Извините меня, что я васъ принимаю сиди: проклятая деревянная нога заставляетъ меня невольно быть противъ васъ невѣждою. Вы вѣрно пріѣхали узнать: оправдываетесь-ли ваше мнѣніе послѣдствіями моей жизни?“

Тевенень. Нѣтъ! я ничто иное, какъ бѣглець изъ своего опечесива — и пришелъ къ вамъ искашь убижища.

Тампль. Я очень радъ, что умный человекъ будетъ разделять съ нами время. Знаете-ли, мой почтенный другъ, что если бъ не эта несносная деревянная нога, я занималъ бы нынѣ мѣсто какого нибудь Адмирала; теперь же, въ то время, какъ все живутъ для пользы своего опечесива, я сижу за газетамн, и восхищаюсь только подвигами другихъ. Оставайтесь, оставайтесь, мой другъ! Вы будете единственнѣмъ моимъ утѣшителемъ.

Тевенень. Я думаю, что прелестная ваша супруга можетъ доставить вамъ болѣе удовольствія, чѣмъ я.

Тилиль. О; напротивъ! Деревянная нога ея пре-
доставляетъ ей скоро ходить и шацковать; и она
все время досвѣщаетъ каршамъ. Признаюсь, она дѣ-
лается для меня скучна, не смотря на ея красоту.

Тевецень. Какъ! Спало бытъ я правъ?

Тилиль. Ахъ, любезнѣйшій Тевецень! Вы правы
болѣе, нежели предполагали. Но прошу васъ никогда
не напоминать о моей глупости. Если бъ я могъ воз-
вратить мою ногу, то не пожертвовалъ бы и ма-
лѣйшимъ ногтемъ. Между нами будь сказано, я по-
ступилъ, какъ сущій дуракъ; но . . . сохранивъ это
за тайну.

Съ Фр. Н. Кудрлицевъ.

СТРАННОСТИ.

Весьма порядочные люди во всѣхъ отношеніяхъ
одѣваются дѣпей своихъ въ мундиры, даютъ имъ
саблю, и украшаютъ грудь ихъ орденами! . . . Стран-
ность! . . .

Вы въ Театрѣ. Сосѣдь вашъ по правую руку, могъ
бы, если бъ дирекція пужно было уменьшить расхо-
ды, бытъ отличнѣйшій суфлеромъ; онъ декламируетъ
каждую роль, громче Актера. Вы оборачиваетесь на-
лѣво, зашныкая себѣ ухо. Другое прѣдлѣствіе: пре-
красная ваша сосѣдка, воображая, что она играетъ
на фортепіано, бѣгаетъ пальцами по подушкѣ дивана,
и не во время бьетъ шактъ маленькою ножкою . . .
Странность! . . .

„Pardon!“ говоритъ толстой господинъ, который
наступилъ вамъ на ногу. Спустия нѣсколько времени,
онъ проситъ васъ немного подвинуться, чтобъ ему
было свободнѣе. . . . Странность!

Хорошенькая женщина идетъ по улицѣ; мужчина
слѣдуетъ за нею; онъ сворачиваетъ съ своей дороги,
пренебрегаетъ дѣлами; доидетъ до того дома, въ ко-
торый она вошла, онъ останавливается, смотритъ
пристально на ворота, на окошки, на номеръ дома,
и наконецъ уходитъ, довольный, какъ Испанецъ вре-
мень Изабеллы . . . Странность! . . .

„Позвольте просить васъ на первый кадриль.“ —

Я уже ангажирована. — „Могутъ ли надѣяться на вто-
рой?“ — Я дала уже слово. — „На иррепидъ?“ —
Только что обѣщала. — „На четвертый?“
Странность!

Нѣжныя матенки, которыя на всякаго молодого
человѣка, смотрящаго, какъ на жену, заставляютъ
дочерей своихъ пѣть, хвалятъ ихъ умственные спо-
собности, и говорятъ, что они отличнѣйшія хозяйки. —
Странность!

Съ Фр. С гъ.

Л — КЪ, ВО ВРЕМЯ УЖИНА,

на просьбу написать стихи.

Вы ждете шансовъ . . . я робюю;

А робкій стихъ скучнѣй всего;

И я желаю пламенью

Ужъ съ годъ нѣ около того.

И никакъ, просните мнѣ, Лизета:

Не въ силахъ я — вамъ признаюсь!

Скорѣй, во многіе вамъ лѣта,

Вишневки выпить я рѣшуся.

И. Косляровскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

51. *Еще обманъ, или кто въ просякъ не попадался.*
Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. В. В. Одишцо-
ва. С. п. б., въ Тип. А. Плюшара, 1851. Въ 8. (56
страни.)

Если кто нибудь вздумаетъ прочесть эту Во-
девиль, подавая пайки въ немъ что нибудь шумное,
могущее доставить ему шумное развлеченіе, — то онъ,
вѣроятно, по прочтеніи, убѣдится, что онъ, обману-
вшись въ своемъ ожиданіи, болѣе попался въ про-
сякъ, нежели герой Водевиль.

С М Ъ С Б.

— Въ Лондонѣ и въ Парижѣ начали съ недавняго
времени дѣлать книжные переплеты изъ коленкора
гласированнаго и негласированнаго. Переплетъ такого
рода, соединяя въ себѣ прочность, красоту и удоб-
ство, прошивъ обыкновенныхъ картонныхъ, отли-
чается удивительною дешевизною: каждая книга об-
ходится не болѣе, какъ отъ 4 до 6-ти су. Это изо-

брътвеніе можетъ спать паравиѣ со многими другими, не скажу для записныхъ библиомановъ, ибо эти Гг. любявъ книги лишь для великолѣпныхъ и дорогихъ переплетовъ, а вообще для пѣхъ оеобъ, кои любятъ, чѣмбы книги ихъ были въ чистотѣ и исправности. Желаннѣево, чѣмбы нашъ дорогоценный Юнкеръ и собраты его поскорѣе начали бы въ семь родѣ подражанъ своимъ собратамъ Парижскимъ и Лондонскимъ: ни у кого тогда не останется книги въ обверткѣ, столь обыкновенно способной къ порчѣ.

— Изобрѣли новаго рода глину, которая, кромѣ достоинства служить весьма хорошею глиною горшечною, имѣетъ свойство для выгоднаго ениманія скульптуръ. Эта глина не сохнетъ, подобно обыкновенной, которую безпрестанно должно мочить; и посему-то изобрѣтатель заслуживаетъ особенную благодарность Аршиетовъ.

— Въ Парижскомъ Кабинетѣ рѣдкостей замѣчательны двѣ противоположныя красоты женскихъ ручекъ: это *моделированные* изъ бисквитнаго тѣста прелестныя пухленькія ручки прелестной Принцессы Полины Боргезе, и высушенныя руки, въ видѣ муміи, одной знанной Фивской дамы, умершей за четыре тысячи лѣтъ предъ снмъ. Браслеты изъ золота съ чернью по сіе время сохранились на этой Египетской рукѣ.

— Въ Парижѣ, на одномъ домашнемъ Театрѣ, любители играли разныя пѣсы. Марсъ и Мишелю, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, принимали участіе въ свхъ спектакляхъ. Въ извѣстной пѣсѣ: *Посѣщеніе Бедлама*, роль Амалій выполняема была прекрасною Г-жею Н***, которая въ уборной своей ложѣ нашла на туалетѣ, неизвѣстно кѣмъ положенный экземпляръ сей пѣсы, великолѣпно переплетенный, съ слѣдующими стихами знаменитаго Циммермана на Бедламъ:

Un sage dans Bedlam se promenant un jour,
Définit en ces mots toute humaine folie:
Les hommes par orgueil, les filles par amour,
Et les femmes par jalousie.

Замѣнить должно, что у Г-жи Н*** брови нѣсколько сведены къ переносцѣ. — „Признавъ ревности“ — говоритъ Лафатеръ госпннхъ.

— Въ Парижѣ есть нѣкоторыя Литературныя повести: извѣстный *Суме*, соединенными силами съ Жуи, Ансело и братіею, отспаивающій мнѣше, чѣмъ хорошіе стихи красящъ Трагедію (какъ по опровергають и словомъ и дѣломъ спиранный фанатикъ Ульшра-Романической секны, хотя и знаменитый, даже скажемъ — модно выражался — геніальный Викторъ Гюго,) *Суме* написалъ Трагедію: *Норма*, которая на Одеонскомъ Театрѣ имѣла чрезвычайный успѣхъ. М-ле (*) *Georges* была восхищительна въ главной роли. — Черезъ день послѣ предсказанія *Нормы*, *Ренье-Депурбе* былъ увѣчанъ равнымъ успѣхомъ, на томъ же самомъ Театрѣ, за прекрасную свою Драму въ прозѣ подъ названіемъ: *Шарлотта Кордс*.

— Въ Олимпическій Циркъ Франкони собирается всегда великое епеченіе зрителей, итмобы видѣть Мелодрамы, разыгрываемыя *учеными* львами и пингами. Одинъ Англичанинъ напаялъ ложу на все время сихъ представлений, чѣмбы, какъ онъ самъ выражается, не пропустить того предсказанія, когда ребенокъ, участвующій также въ семь зрѣлищъ, будетъ наконецъ *не въ шутику* исперзанъ дикими и плошодными Актерами. Вотъ по истинѣ Британская спраситъ къ зрѣльщамъ сверхъ-естественнымъ!

— Одинъ Французскій Журналъ замѣчаетъ, что послѣ каждаго грома и дожда въ Парижѣ, модныя магазины получаютъ работы на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Утверждаютъ, что многіе мужья и опцы, чаще обыкновеннаго, справляются съ своимъ барометромъ, и оченъ морщатся, если видящъ, что онъ упадаетъ.

(*) Вѣроятно племянница, по конечно не *дожь* знаменитой М-ле *Georges*, которая во время оно была соперницею великой Дюшенуа.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія.*

№ 76.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 карточками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 26 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

АПЕЛЬСИНЪ.

„Этно что у тебя за ашникъ?“ спросилъ гусарскій Поручикъ Р* друга своего Т*, показывая на небольшой деревянный ящикъ съ надписью: *апельсинъ*. „Быось объ закладъ, господа“ — прибавилъ онъ, обращаясь къ другимъ молодымъ людямъ, собравшимся у Т*, — „что это женскій подарокъ; а вѣдь Т* большой чудакъ: разъ получилъ онъ отъ копильной дамы своей, не знаю при какомъ случаѣ, разорванную перчатку, и берегъ ее болѣе года.“

— „Да если-бы вы знали“ — отвѣчалъ Т*: „какимъ образомъ попался мнѣ въ руки этоть апельсинъ, то не спали бы удивляться; а удосповѣрились-бы, что я только исполняю долгъ мой.“

Гусаръ закурилъ трубку, покрутилъ усы свои, и сказалъ: „такъ расскажи намъ этю забавное происшествіе: мы охотно слушаемъ.“ — Многіе повторили просьбу гусара, и Т* началъ:

„Пріятель мой Эраспъ познакомился самымъ обыкновеннымъ образомъ съ семействомъ М*. Веселый нравъ Эраспа, его остроуміе, ловкость, нравились всѣмъ въ домѣ М*: онъ скоро сдѣлался необходимымъ гостемъ. Поведеніемъ своимъ Эраспъ умѣлъ снискать дружбу Константина, сына сего почтеннаго семейства, и любовь Надежды, сестры его, дѣвицы лѣтъ восемнадцати, отличной образованной, съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Уже съ полгода Эраспъ бдиль въ домѣ родителей Надежды, но ни разу еще не говорилъ ей о любви своей. И къ чему было

говорить, когда уже взоры обоихъ выражали довольно ясно взаимныя ихъ чувства. — Вдругъ Анна Степановна, мать Надежды, очень занемогла. Хотя послѣ долговременной болѣзни она и начала уже выходить; но врачи присовѣтовали ей для совершеннаго поправленія прожить мѣсто за городомъ; — и Павловскъ былъ выбранъ для лѣтняго мѣстопребыванія. Эраспъ, желавшій выздоровленія Анны Степановны, подобно собственнымъ ея дѣшамъ, наплъ тамъ же небольшой, но уютный домикъ, и въ половинѣ Мая семейство М* переехало совсѣмъ въ Павловскъ. Брату Надежды, равно и отцу ея, нельзя было пропустить въ отпускъ, пошому что они были въ отпуску зимою; и такъ пріятель мой, нигдѣ неслужившій, поселился съ больною и ея дочерью.

Въ новѣйшихъ произведеніяхъ опечесствепной и Французской Литературы у нихъ не было недоспатка. Гуляющіе въ Павловскомъ саду часто видали даму лѣтъ за сорокъ, поддерживаемую съ одной стороны молодымъ мужчиною, а съ другой, прекрасною дѣвицею, которые наконецъ сажали уставшую на скамейку: этю была Анна Степановна съ дочерью и моимъ пріятелемъ. Эраспъ вынималъ тогда изъ кармана какую нибудь книжку и читалъ дамамъ вслухъ. По Воскресеньямъ пріѣзжали изъ города отецъ съ сыномъ и обыкновенно привозили съ собою еще нѣсколькихъ гостей. По вечерамъ Надежда разыгрывала что нибудь на флигель; и какъ Анна Степановна ложилась довольно рано спать, то Эраспъ по цѣлымъ часамъ занималъ Надежду своими разговорами. Такимъ мирнымъ, тихимъ

образомъ провели они мѣсяцъ, въ который Анна Степановна почувствовала въ самомъ дѣлѣ перемѣну, и почва совершенно поправилась. Эрастъ уведомили объ этомъ ея мужа и сына, которые отвѣчали ему на письмо, что въ слѣдующее Воскресенье пріѣдутъ съ нѣсколькими гостями, и просили Эраста устроить все для ихъ пріема.

„Въ назначенный день почто явились нѣкоторыя особы, которыхъ Эрастъ не видалъ прежде въ домѣ. Между прочими замѣтилъ онъ одного Полковника, отличавшагося отъ другихъ образованностию своею и умѣніемъ занять дамъ; но Эрастъ, одаренный особенною способностью быть ловкимъ и любезнымъ въ дамскомъ обществѣ, перещеголялъ его своимъ остроуміемъ. Этого Полковника я очень хорошо знаю: кто въ первый разъ встрѣпится съ нимъ въ собраніи, тотъ дѣйствительно почтетъ его за остряка; но узнавъ его короче, замѣнитъ, что его остроуми и bon mots или за день предъ тѣмъ вытвержены имъ наизусть, или взяты на прокатъ у кого нибудь. Но оставимъ его.

„Послѣ обѣда все пошли въ садъ, и расположились подлѣ воздушнаго Театра. Спустия нѣсколько времени, Эрастъ проситъ гостей войти въ него: Ольга Б., въ роли Аглаевой, а Надежда, въ роли Саши, были на сценѣ. Сыграли Комедію: *Воздушные Залки*. Эрастъ отличался въ роли Альнаскарова; одинъ изъ пріятелей его игралъ Виктора; а братъ Ольги, Ипата. Эту піесу назначено было разыграть въ городѣ, ужъ было нѣсколько репетицій и ожидали представленія, но болѣзнь Анны Степановны воспрепятствовала этому; а потому Эрастъ въ письмѣ своемъ и просилъ всѣхъ участвующихъ приготовиться къ представлению. Нечаянность сія очнь обрадовала выздоровѣвшую, и Надежда, пожавъ Эрасту руку, благодарила его за мысль. Эрасту было эпаго довольно.

„Полковнику, который, какъ по всему казалось, прѣхалъ не даромъ, не понравилась эта чрезвычайная дружба; онъ хотѣлъ узнать Эраста покороче, и подошелъ къ нему, началъ говорить съ нимъ сперва о домашнихъ Театрахъ, а потомъ спросилъ: „Гдѣ изво-

лите служить?“ — „Нигдѣ“ — отвѣчалъ Эрастъ. — „Напрасно“ — сказалъ Полковникъ: „хоть бы для чина опредѣлился вамъ въ Иностранную Коллегію; вѣрно у васъ тамъ есть знакомые, а если нѣтъ, то позвольте мнѣ предложить вамъ свое ходатайство.“

„Благодарю васъ“ — отвѣчалъ Эрастъ: „но это не моя система, чтобъ пользоваться покровительствомъ. Если бъ я хотѣлъ, то могъ бы уже давно быть при какомъ нибудь Посольствѣ, ибо родной мой дядя Посланникомъ въ; но, говоря словами Чацкаго, служилъ-бы радъ, прислуживаться пошло.“

„Полковникъ пожалъ плечами и кончилъ разговоръ. Эрастъ обратился къ дамамъ, съ которыми и провели остатокъ вечера очень весело.

„Настала осень — и все переѣхали въ городъ. Знакомыя Надежды уже поговаривали о скоромъ ея замужествѣ, но не могли назвать жениха, на счетъ котораго терялись въ своихъ догадкахъ: одни говорили, что Полковника, неперестававшаго посѣщать домъ М*, Надежда предпочтетъ Эрасту; другіе были увѣрены въ противномъ — и не ошибались. Эрастъ былъ любимъ: съ нимъ обходился сердечно; съ Полковникомъ учтиво. Впрочемъ, оба они не показывали еще рѣшительнаго намѣренія вступить въ родство съ родителями Надежды.

„Прошелъ и Новый годъ, наступилъ Февраль, а Эраста не видно было у М*: сильная горячка удерживала его дома; онъ поправился не раньше, какъ къ Святой недѣлѣ, но и въ эту запрещено ему было выѣзжать. Братъ Надежды часто посѣщалъ Эраста во время его болѣзни, и при разговорахъ о домашнихъ, онъ говорилъ, что сестра его съ нѣкотораго времени чрезвычайно стала задумчива, и ничто не веселитъ ее, а безиреѣщанныя остроуми Полковника опрокинули ей. Родители ея не замѣчали этого, потому, что Полковникъ игралъ съ ними въ карты, не сердился, что его брали, и хладнокровно проигрывалъ свои деньги.

„На второй день праздника погода была прекрасная, и Докторъ позволилъ Эрасту выѣхать. Первый визитъ его, разумѣется, былъ къ М*. Долговременная болѣзнь очень перемѣнила Эраста. Вошелъ въ комнату,

гдѣ была Анна Степановна съ сыномъ, онъ былъ принятъ, какъ будто воротившійся изъ путешествія. Спустя нѣсколько минутъ, вошла Надежда, или лучше сказать вбѣжала: Ah! vous voilà Mr Eraste! проговорила она; но испугавшись своей неосторожности, покраснѣла и пошупила глаза въ землю. Анна Степановна, кажется, не разсердилась на обрадовавшуюся Надежду; а Констаптинъ вышелъ въ это самое время изъ комнаты. Въ каждомъ словѣ Надежды и Эраста видна была радость свиданія послѣ долговременной разлуки. Вдругъ вошелъ Полковникъ, и не мало удивился, увидя Эраста. — „Ахъ!“ сказалъ онъ: „очень радъ, что вы уже выздоровѣли; я все собирался навѣстить васъ во время болѣзни.“ — „Благодарю за участие“ — отвѣчалъ мой пріятель, поклонившись слегка: „но вамъ по непривычкѣ показалось бы очень трудно забраться въ мою квартиру: я живу въ четвертомъ этажѣ.“ — Не дождавшись отвѣта, Эрастъ началъ говорить съ опцемъ Надежды, которая, получивъ отъ Полковника прекрасное форфоровое лѣцо, подбѣжала къ Эрасту съ апельсинами, и сказала, отдавая его: „Вотъ вмѣсто лѣчка.“ — „Докторъ запрещаетъ мнѣ есть ихъ“ — сказалъ Эрастъ: „но, получивъ отъ васъ, я спрячу это въ апельсинъ.“ — Полковникъ, не получившій ничего, въ замѣнъ своего богатаго подарка, съ досадою посмотрѣлъ на Эраста.

„До Мая ничего не случилось достопримѣчательнаго; но въ этомъ мѣсяцѣ, по совѣту Докторовъ, Эрастъ отправился на Кавказскія воды, и далъ мнѣ на сбереженіе апельсинъ. Съ Кавказскихъ водъ писалъ онъ письмо къ родителѣмъ Надежды, просилъ ихъ о согласіи на бракъ съ дочерью ихъ, и получилъ оное. После того они писали къ Эрасту нѣсколько писемъ; но не получили на нихъ никакого отвѣта. Мѣсяцъ тому назадъ пріѣхалъ сюда съ Кавказскихъ водъ одинъ мой знакомый и пріятель Полковника, и увѣрилъ, что былъ очень коротко знакомъ съ Эрастомъ, который вскорѣ по пріѣздѣ своемъ сильно занемогъ и умеръ. Вы можете себя представить горестъ бѣдной дѣвушки и шоржество Полковника, которому удалось наконецъ уговорить родителей Надежды, выдать ее

за него. Надежда, видя, что сопротивленіе ея огорчило-бы въ этомъ случаѣ добраго отца и нѣжную мать, согласилась отдать руку свою; по сердцу ея принадлежало Эрасту. Свадьба назначена завтра.“

Т... кончилъ. Гусаръ, помолчавъ немного, сказалъ: „Да и я знаю пивоего пріятеля: я познакомился съ нимъ на балу у нашего Генерала, и слышалъ объ отъѣздѣ его на Кавказъ. Жаль его; онъ былъ славной малой: я помню, какъ мы...“

Спукъ подѣхавшаго къ крыльцу экипажа прервалъ рѣчь гусара. Дверь отворилась и красивый молодой мужчина въ дорожномъ платьѣ скоро вошелъ въ комнату. Они опустушили нѣсколько шаговъ назадъ. „Эрастъ! ты живъ!“ — Съ сими словами Т* и пріѣзжій бросились другъ другу въ объятія.

Въ бытность свою на Кавказѣ Эрастъ почти былъ очень болѣнъ. Во время своей болѣзни онъ ничего не узнавалъ. Письма на его имя все оставались на почтѣ; онъ дѣйствительно находился на краю могилы, и врачи ежеминутно ожидали кончины его; но молодость и крѣпкое сложеніе взяли верхъ: онъ выздоровѣлъ; мысль, что счастливый бракъ ожидаетъ его въ Петербургѣ, поддѣствовала много къ его выздоровленію, послѣ котораго онъ тотчасъ отправился въ путь. Но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ отъ друга своего, Т*, о скорой свадьбѣ Надежды съ Полковникомъ? Онъ тотчасъ полетѣлъ къ М*, и вошелъ въ ту самую минуту, когда стращанный женихъ умолялъ печальную Надежду быть веселѣе, хотя для постороннихъ людей. — „Ахъ! Боже мой! вы-ли это?“ вскрикнула она, побѣднѣвъ, и устремивъ взоры на вошедшаго Эраста. — „Это л“ — сказалъ печально Эрастъ: „Богъ даровалъ мнѣ жизнь; но, кажется, для того, чтобы видѣть васъ невѣстною другаго; вы не виноваты: вы повинуетесь волѣ родителей... Но какъ я живъ, продолжалъ онъ, немного помолчавъ, то могу-ли возобновить виды свои на вашу руку?“

Тутъ вошли родители и братъ Надежды, чрезвычайно обрадованные появленіемъ мнимо-умершаго: они

обещали успроить все въ пользу его. Анна Степановна только что хотѣла говорить съ Полковникомъ, какъ замѣтила, что его нѣтъ. Всѣ удивились его уходу; но удивленіе ихъ скоро превратилось въ радость: они получили записку отъ неспосаго жениха, въ которой онъ отказывался отъ всѣхъ правъ на руку Надежды и желалъ ей счастья съ Эрастомъ. — Пусть воображеніе читателя дополнишь недосказанное.

С.....ъ.

ПЛОХОМУ ЭПИГРАММШКУ.

Ну, Эпиграммы пишешь ты!

Всѣ морщатся отъ нихъ — и противъ воли:

Въ нихъ черезъ чуръ ужъ много соли,

А вдвое больше кислоты.

Н. С — рскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

52. *Повѣсти Генриха Ционке*. Переводъ съ Нѣмецкаго. Три части. С. п. бургъ, въ Тип. Плюшара, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч. 373, во втор. 328, въ трет. 324 страниц.) (*)

Хотя всѣ сѣи Повѣсти, исключая одной, были уже напечатаны въ *Сынъ Отечества* и въ *Литературныхъ къ опому Прибавленіяхъ* (**), но за всѣмъ тѣмъ собраніе ихъ въ отдѣльную книгу, должно порадовать всѣхъ любителей занимательнаго чтенія: для нихъ весьма будетъ пріятно имѣть хорошее изданіе сихъ хорошо переведенныхъ хорошихъ Повѣстей.

(*) Продастся въ магазинѣ Смирдина по 10 р. экземпляръ, съ пер. 12 р.

(**) Да! были некогда *Литературныхъ Прибавленія*, испиноприносившія честь Литературѣ; а нынѣ Литературныхъ Прибавленія — къ Русскому Инвалиду о горе! —

С М Ъ С Б.

Нынѣ въ родѣ Хамелеонистики.

Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду (№ 54), нечисля Русскіе Журналы, говорившіе Издапелю Московскаго Телеграфа горькую для него испину, между прочимъ упоминали: „и даже . . . даже *Сверный Меркурій*.“

Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду возродились, подобно фениксу, изъ пепла *Славянина*, разсыпавшагося некогда мѣлкимъ бѣсомъ предъ *Сверныхъ Меркуриемъ*. Г. Воейкову, Издапелю *Литературныхъ Прибавленій къ Рус. Инв. и Славянина*, надлежало бы, какъ опцу Хамелеонистики, сообразить это обстоятельство, прежде нежели ставишь предъ названіемъ *Свернаго Меркурія* частицу *даже*.

Впрочемъ, устраниа и это послѣднее обстоятельство, кто отъ души не посмѣется, что о *Сверномъ Меркуріи* (который, *безъ хвастовства сказать*, держишь въ когтяхъ своихъ періодическія изданія, и побойче *Лит. Приб. къ Р. Инв.*) говоришь: *даже*, такой Журналъ, котораго на святой Руси почти не бывало *аж*, (исключая развѣ *Славянина*): и по неоприятности изданія и по горемычному литературному сборищу.

— Капитанъ К*, бывъ нарженъ съ ропото для похоропъ одного Офицера своего полка, черезъ нѣсколько времени послѣ того имѣлъ случай встрѣпиться въ одномъ мѣспѣ съ молодою его вдовушкой, довольно ловкою и любезною дамой, находившейся въ супружествѣ самое короткое время. К*, рекомендуя ей, и желая показать сколь можно болѣе въ себѣ любезности, которой, разумѣется, въ немъ не бывало, между прочимъ, пришаркивая, сказалъ: „Знакомство съ Вами тѣмъ болѣе для меня пріятнѣе, что я имѣлъ *удовольствіе* хоропить Вашего супруга.“ — Ловкой малой! —

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывалъ на опытахъ: *Издателью Свѣрснаго Меркурія.*

№ 77.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 136 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 29 ІЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГОРЕ ОТЪ АППЕТИТА.

(Истинное.)

Богатство можетъ замѣнить
Ничтожность сердца и разсудка;
А ужь ничто вознаградитъ
Не можешь пустошы желудка.

Въ уѣздномъ городѣ Р***екѣ жилъ гвѣсто *Карпъ Поликарповичъ* Сорокопудовъ, человекъ лѣтъ въ тридцать, который причинилъ великія опустошенія по части поваренной въ шрактирахъ и рестораціяхъ. Кошелекъ его, въ противоположность желудку, былъ всегда пустъ, и хотя доброжелательная матушка старалась наполнять чахоточный бумажникъ своего единственнаго сына бѣленькими ассигнаціями; но г. Сорокопудовъ, не смотря на это, часто не имѣлъ и гривенника въ карманѣ!... Можно представить себѣ, какъ тяжело при семъ случаѣному человеку, который въ печеніе пяти лѣтъ проѣлъ 1200 душъ крестьянъ и столько-же десятины земли и лѣсу! —

Хотя почитительная матушка болѣе всего заботилась о воспитаніи сына своего; но нашъ герой ошъ природы не былъ одаренъ большою охотою къ наукѣ, и кончивъ курсъ въ Уѣздномъ Училищѣ, поступилъ на службу Царскую Канцелярискую въ *** Губернское Правленіе, гдѣ, прослуживъ върой и правдой цѣлые три года, оставилъ службу въ чинѣ Коллежскаго Регистратора.

Такимъ образомъ *Карпичка Сорокопудовъ*, достигнувъ совершеннолѣтія, и получивъ ошъ престарѣлой матушки въ управленіе свое 1200 душъ крестьянъ,

Томъ 111. № 77.

началъ именоваться *Карпомъ Поликарповичемъ* Сорокопудовымъ, спалъ имѣть голось въ уѣздѣ, и участвовавъ въ дворянскихъ выборахъ.

Проживъ цѣлый годъ въ своей *Карповкѣ*, занимаясь правленію звѣрей и собаками, Сорокопудовъ не видалъ, какъ проходило время, и не думалъ о хозяйствѣ. Управитель его былъ человекъ честный и дѣлался съ нимъ пополамъ всѣми доходами съ имѣнія. Въ продолженіе нѣкотораго времени оба они были довольны другъ другомъ, — какъ вдругъ кто-то изъ завѣстившихъ Карпу Поликарповичу, что управитель его примѣтно богатѣеть, а мужики день ото дня спавняшся бѣдѣе. Сорокопудовъ судилъ, рядилъ и присудилъ управителя Щепалкина къ наказанію *острижизнолю*, — въ слѣдствіе чего Щепалкинъ былъ изгнанъ изъ Карповки.

Наконецъ праздная жизнь скоро надоела Карпу Поликарповичу: онъ задумалъ наживать деньги, и, собравъ у своихъ пріятелей и родныхъ значительныя суммы подъ разныя залоги, снлъ городокъ, снрьчь пустился на откупы. Сначала счастье сильно повезло ему: дѣла пошли хорошо, чахоточный бумажникъ Сорокопудова началъ примѣтно толстѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло Его Благородія; откуда не влялись друзья, пріятели, родсвенники: одинъ приглашаетъ на обѣдъ, другой на вечеринку, третій на балъ. Карпъ Поликарповичъ спалъ вхожъ въ знатныя дома, самъ водилъ хлѣбъ-соль съ Губернаторомъ и Совѣтниками; не проходило ни одного обѣда, куда бы не былъ приглашенъ нашъ дорожный откупщикъ. До сихъ поръ

все было хорошо, какъ вдругъ овладѣла имъ страсть ко вкуснымъ кушаньямъ!! — Въ эпоху бы кажется и не было большой бѣды, но нашъ откупщикъ не зналъ мѣры въ пресыщеніи своего огромнаго желудка; спагнал фигура его превратилась въ движущійся провіантскій магазинъ, куда онъ складывалъ съѣстные припасы. — Одинъ изъ его пріятелей написалъ къ нему посланіе слѣдующаго содержанія:

Твоя стихія: есть и пить;
Ты Докторовъ не любишь слушать;
Ты много ѣшь, чѣмъ дольше жить;
Живешь за пѣмъ, чѣмъ больше кушашь!
Обѣдъ — твой вѣрный идеалъ;
Желудокъ — *апритель* для тѣхъ;
Ты трона вѣрно бѣ не желалъ,
Но кухня верхъ твоихъ желаній.
Тебѣ науки — прыщ-права,
Ты съ здоровымъ ссорился разсудкомъ:
Всегда пустая голова
Дружна съ нагруженнымъ желудкомъ!...

Къ большому еще несчастію, управляющій его подарилъ ему Новѣйшій Поваренный Словарь. Карпъ Поликарповичъ, читалъ день и ночь эту книгу, со вкусомъ, по его мнѣнію, написанную, получилъ непреодолимое желаніе отпѣдать всѣхъ тѣхъ блюдъ, которыя велерѣчивый сочинитель такъ живо описалъ въ своемъ твореніи. Эта мысль не давала ему покою ни днемъ ни ночью; даже во снѣ ему безпрестанно снились Спразбургскіе пироги и Лионскіе трюфели. Для исполненія своего великаго предпріятія нанялъ онъ искуснаго повара, воспитаннаго по всѣмъ правиламъ повареннаго искусства въ Петербургѣ у известнаго кухмистера, — и началъ съ нимъ вмѣстѣ прилѣжно слѣдовать мудрымъ наставленіямъ *Словаря*. Съ тѣхъ поръ питейные сборы потеряли свою цѣну въ глазахъ полномѣснаго откупщика; онъ предался всѣмъ своимъ пѣломъ желудку, и въ скоромъ времени надѣялся издать въ свѣтъ полный и удовлетворительный курсъ изобрѣтенной имъ науки *Вѣттики*, и обезмерпить себя симъ важнымъ трудомъ. И въ самомъ дѣлѣ полстопочтенный К. П. Сорокопудовъ весьма въ короткое время оказалъ удивительные успѣхи въ сей новой

науку: прѣзрительный аппетитъ его сдѣлался предметомъ всеобщихъ разговоровъ въ цѣломъ городѣ, и Карпъ Поликарповичъ прослылъ образцемъ для всѣхъ известныхъ до того времени гастрономовъ! — Но улы!.. въ то самое время, какъ неслыханные, быспрые его успѣхи въ поваренномъ художествѣ сулили ему лавровый вѣнокъ и безмернѣе, — дѣла питейныя были въ самомъ худомъ положеніи: въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ управляющаго безпрестанно являлись недопродажи; повѣренные жаловались на неисправную выдачу жалованья и проч. и проч. Наконецъ плохое состояніе финансовъ заставило нашего откупщика обратиться съ просьбою къ своей дражайшей мамушкѣ, о которой уже почти два года онъ забылъ и думать.

Первое письмо его заключало въ себѣ плачевное извѣщеніе, что дѣла его по откупной части идутъ весьма худо, и что онъ скоро принужденъ будетъ занять нѣсколько тысячъ, ежели обстоятельства не поправятся; но получивъ на это письмо только одни редакцiонскія наставленія, онъ рѣшился въ другой разъ писать яснѣе, и просить отъѣзда удовлетворительнаго отвѣта. Изъ всѣхъ его почтительныхъ писемъ не нашлось ни одного, въ которомъ бы дорогой сынокъ не просилъ прислать ему необходимо нужныхъ денегъ на непредвидимые случаи.

Какъ не погнѣшить роднаго сынка, думала добрая старушка: за сыномъ деньги не пропадутъ; посправится, такъ все опдастъ, да еще и меня на старости прикроетъ. Основываясь на этѣхъ благодѣтельныхъ для Сорокопудова мысляхъ, Марѣя Сидоровна никогда не отказывала въ деньгахъ милому своему Карпичкѣ, съ которымъ не видѣлась слишкомъ 10 лѣтъ; а потому и неудивительно, что считала его все еще ребенкомъ. Однако наша Марѣя Сидоровна, какъ не была проста, но скоро замѣтила, что дорогой сынокъ ея что-то очень часто встрѣчаетъ непредвидимые случаи, и безпрестанно нуждается въ деньгахъ, а поному и потребовала отъ него отчетна, изъясняя ему, что она скоро не будетъ въ состояніи исполнять просьбы его. Не стану описывать,

какъ сильно поразило это необыкновенное письмо *лилаго Карпиньку*, непривыкшаго къ подобнымъ напаціямъ. — Разсудивъ, что главною причиною его раззоренія, былъ собственный желудокъ, чувствительный сыиъ прослезился и далъ себѣ обѣщаніе кушать въ половину меньше прошивъ прежняго.

На другой день по утру Карпъ Поликарповичъ выпилъ только 12 чашекъ чаю съ соразмѣрнымъ для сего количествомъ булокъ, ничего болѣе не кушалъ, и мысленно восхищался своимъ воздержаніемъ; но когда камердинеръ его принесъ къ нему по обыкновенію для закуски жареную индѣйку, и когда Сорокопудовъ почувствовалъ соблазнительный запахъ жаркаго, то руки невольно протянулись къ принятию эшаго, такъ сказавъ, предисловія къ сытному обѣду, который ожидалъ его. — Чувствительный сыиъ, забывъ спасительное наставленіе матери, вкусилъ запрещенный плодъ! . . .

Но какъ пагубны были послѣдствія сего невождержанія: Марѳа Сидоровна, узнавъ, что непамятный сынокъ ея сдѣлался не въ состояніи заплапшить откупной суммы, потому, что проѣлъ все свое имѣніе, не хотѣла даже и отвѣчать на письмо Карпа Поликарповича. Онъ обратился къ друзьямъ своимъ; но у одного умерла родственница и деньги ему самому были очень нужны; другой самъ накалилъ занять у приятеля; а третій не зналъ, гдѣ бы занять; и такъ далѣе; но въ это самое время, какъ г. Сорокопудовъ рыскалъ изъ одного конца города въ другой и занималъ деньги, откупить его поступилъ въ казенное управленіе, а на самого его сдѣлали начешъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ почтенная Марѳа Сидоровна переселилась въ обиталище своихъ предковъ, и хотя нашъ Карпъ Поликарповичъ въ родню былъ поспѣлъ, да не въ родню былъ простъ, онъ проворно поскакалъ въ деревню своего дядюшки (у котораго она жила въ домѣ), надѣясь получить большое наследство и расплапиться съ казною. Пылкое воображеніе его сулило ему золотыя горы; онъ уже мысленно видѣлъ себя за великолѣпнымъ обѣдомъ, и упопалъ въ сладоспныхъ мечтахъ надъ жирнымъ гусемъ; Спраз-

бургскіе пироги снова представлялись глазамъ его, и жупиешный запахъ Лионскихъ трюфелей нѣжилъ вкусъ Сорокопудова; но какъ велико было опчаяніе его, когда полученныхъ денегъ недоставало для совершенной уплаты долга. — Карпъ Поликарповичъ въ изступленіи хотѣлъ осудить себя на голодную смерть, хотѣлъ приказати повару своему изжарить себя на вертелѣ; но разсудивъ, что можетъ быть ему удастся еще участвовать за чужими обѣдами, перемѣнилъ свое намѣреніе: онъ приказалъ зажарить вмѣсто себя большаго поросенка, и послѣ обѣда рѣшился снова вступити на службу въ * * * ское Губернское Правленіе, гдѣ онъ и понынѣ находится въ чинѣ Губернскаго Секретаря. Получая весьма небольшое жалованье, котораго даже недостаало бы на прежніе его завтраки, Карпъ Поликарповичъ, занимаясь приказными дѣлами, совершенно потерялъ свой неупомимый аппетитъ, и не смотря на то, что прежде онъ жилъ для того, чтобы ѣсть, нынѣ напротивъ онъ ѣсть — единственно для поддержанія своего существованія.

А. Булгаковъ.

Къ * * *

Повѣрьте, милая мой Макарь,
Что васъ душевно уважаю;
Мои спихи, мой слабый даръ,
И, словомъ, все вамъ предлагаю —
Лишь дружбу предложити боюсь,
За пивъ, что его все изгажу:
Когда я съ вами подружусь,
Съ разсудкомъ вѣрно ужъ разлажу.

N.

НОВЫЯ КНИГИ.

53. *Письма къ воинамъ.* Двѣ части. С. п. Бургъ, въ Тип. Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч. XII, 391, во втор. II и 392 стран) (*)

Авторъ сей книги, Священникъ А. И. Маловъ, принесъ большую пользу духовной нашей Импературѣ: въ сочиненіяхъ его, обильныхъ чувствами христіанской правспивенности, блестятъ добродѣтельное желаніе

(*) Продаются въ магазинѣ Смирдина по 10 р экземпляръ.

не — быть полезнымъ ближнему. Любители книгъ сего рода (а кто не долженъ ихъ любить!) принимаютъ съ должнымъ уваженіемъ сей новый трудъ его.

С М Ъ С Б.

Дервишъ и плуты.

(Басня Пильная.)

Дервишъ, купивъ плутую овцу для жертвоприношенія, вслѣ ея на веревкѣ къ своему монастырю. Узнавъ это, четыре плута захотѣли опиянѣ у Дервиша покупку; но они не смѣли употребить насилия, по близости того мѣста отъ города. Хитрость имъ удалась: они раздѣлились по разнымъ дорогамъ и начали оспанавливать Дервиша по отделькѣ, зная его простоту.

Одинъ изъ нихъ сказалъ ему:

— „Куда ведешь эту собаку, преподобный Отецъ?“

Другой, идя съ противоположной стороны, воскликнулъ:

— „Достопочтенный старецъ! гдѣ добылъ ты эту собаку?“

И наконецъ третій спросилъ его: не хочешь-ли онъ охотиться съ этой собакой? — Уже бѣдный монахъ началъ сомнѣваться, точно-ли овца его — овца. Четвертый плути довершилъ его сомнѣніе, сказавъ:

— „Скажи мнѣ, преподобный отецъ, что заплатилъ ты за эту собаку?“

Дервишъ никакъ не могъ вообразить себѣ, что четыре человека, шедшіе по разнымъ дорогамъ, ошибаются, и подѣлалъ, что дунецъ, у котораго онъ купилъ овцу, былъ колдунъ, обморочившій его. Уже онъ былъ увѣренъ, что овца его — собака, и воротился взять назадъ деньги, оставивъ овцу, которую плути топчась-же увели.

✱

„Когда ешь намъ пэмбяютъ“ — говоритъ Пильный: „нужно прибѣгнуть къ лукавству и обману пріятеля.“

Стъ Фр. О. Д.

— Капитанъ выговаривалъ Унтеръ-Офицеру своей роты, что онъ не презвѣ. Служивый не сознавался и хотѣлъ увѣрить въ прошивномъ; но Капитанъ для испытанія и доказательства истинны своихъ словъ, сказалъ ему: „Ну, хорошо жъ; если ты не ильнѣ; шакъ пройди по одной доскѣ не пошашувшись.“ — „Что проходишь по одной!“ воскликнулъ смѣлиивый воннѣ: „для добраго Командира гоюновъ пройди по всѣмъ!“ — Сказалъ, и пу писать мысленіе по казармѣ.

— Одинъ полстякъ, прогуливаясь по Невскому проспекту, расплывалъ на обѣ стороны всѣхъ встрѣчающихся. — „Смотрите, говорили молодые люди: буря-то буря-то идетъ.“ — „Да, да, отвѣчалъ полстякъ: предъ бурей всегда кричатъ лягушки.“

— Учитель спросилъ у ученика на экзаменѣ: „много-ли дважды два?“ — „Не много“ — отвѣчалъ ученикъ. — Посѣщители были довольны симъ отвѣтомъ.

— Г* носѣтилъ стариннаго своего пріятеля, только что пріѣхавшаго изъ деревни. Послеъ разныхъ привѣтствій, какъ водится, они начали говорить о новостяхъ. — „Курише-ли вы трубку?“ — спросилъ у Г* помѣщикъ. — „Большой охотникъ.“ — „Эй, малой!“ закричалъ онъ. — „Что прикажете?“ — спросилъ вошедшій 70 лѣтній слуга. — „Подай трубку.“ — Г* сначала подумалъ, что старикъ пришелъ за отсутствіемъ какого нибудь мальчика; но послеъ узналъ, что это единственный слуга, котораго пріятель его уже 55 лѣтъ называлъ *малышъ*. Вошь привычка стараго покроя! —

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 11 Августа 1851 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА СЪВЕРНАГО МЕРКУРІЯ.

(№№ 1 — 77.)

I. ПРОЗА. (Повѣсти, Анекдоты, сцены о нравахъ, отрывки, Разсужденія и проч.)		Стран.
	XXXVII. Она! —	149.
	XXXVIII. Докторъ-Чародѣй. (Пер. съ Нѣм. <i>Ө. Ө. Д.</i>)	155.
	XXXIX. Педагогика или лучший способъ преподаванія. (Соч. <i>А. И. Булгакова.</i>)	157.
	XI. Любимый и нелюбимый мужчина. (Пер. съ Фр. <i>С — га.</i>)	163.
	XII. Предчувствіе. Исп. происшествіе. (Соч. <i>Д.</i>)	165.
	XIII. Цвѣточница. (Пер. съ Фр. <i>С — га.</i>)	169.
	XIII. Привычка. (Пер. съ Фр. <i>С — га.</i>)	173.
	XIV. ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1832 году Тасомъ Оадалеевичемъ ПОДЛОДУШИНЪМЪ <i>Сюжеторныхъ Приложений къ Молодцу.</i>	177.
	XIV. Эльвина. Анекдотъ XVIII вѣка. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Д.</i>)	181—185.
	XVI. Вѣрѣ. (Соч. <i>Вл. Петр. Бурнашева.</i>)	189.
	XVII. Праздникъ въ Башкирской степи. (Соч. <i>А. Б—ва.</i>)	193.
	XVIII. Сцены изъ Комедіи-Водевиль: Встрѣча Губернатора. (Соч. <i>А. И. Булгакова.</i>)	197.
	XIX. Бродящій огонь. (Соч. <i>П. Байсаго.</i>)	205.
	L. Письма изъ за Кубани. (Соч. <i>Д. Арцыбашева.</i>)	209.
	LI. Праздникъ въ долинь. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Д—ва.</i>)	213.
	LII. Князь Ольвинскій. Быль. (Соч. <i>В. П. Б—ва.</i>)	217—221.
	LIII. Арабъ и Персъ. (Пер. съ Фр. <i>Я. А. Др — ва.</i>)	222.
	LIV. Либепкасъ. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Др — ва.</i>)	225.
	LV. Столичные гости. (Соч. <i>И. Потелкина.</i>)	229.
	LVI. Госпожа Жанлисъ. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Д—ва.</i>)	233—237.
	LVII. Два жеребенка. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Д—ва.</i>)	258.
	LVIII. Баумгартенъ и куропатка. (Пер. <i>его-же.</i>)	239.
	LIX. Золотая дамская табакерка. (Соч. <i>Кн. Ч—ва.</i>)	241—245.
	LX. Гильомъ. (Пер. съ Фр. <i>А.</i>)	249.
	LXI. Эль-Эрминано. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Др — ва.</i>)	253.
	LXII. Отрывокъ изъ Романа: Лейба и Сіора. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	257.
	LXIII. Рекрутъ. Русская повѣсть. (Сочинен. <i>Ө. Ө. Д — ва.</i>)	261—265—269.
	LXIV. Отрывокъ изъ Романа: Лѣтопись времянь Карла IX	273.
	LXV. Сонъ. (Соч. <i>С. . . . га.</i>)	277.
	LXVI. Фаншылъ. (Соч. <i>Н. С. Кирилова.</i>)	281.
	LXVII. Объявленіе о кончинѣ <i>И. П. Щеглова.</i>	285.
	LXVIII. Сабля. Анекдотическій разсказъ. (Соч. <i>Д.</i>)	—
	LXIX. Вандитъ. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	286.
	LXX. Естественная Исторія ословъ. (Соч. <i>Г. И. Кори.</i>)	289.
	LXXI. Жирный Аѣнши. (Соч. <i>Вл. П. Б — ва.</i>)	291.
	LXXII. Описаніе Санктпетербургскаго Журналиста Алжирскому Дею Гуссейн-Беню, на письмо его, напечатанное въ 34-мъ No Колокольчика	295.
	LXXIII. Хирургъ или слѣдствіа операніи. (Пер. съ Фр. <i>Н. Кудрявцева.</i>)	297—301.
	LXXIV. Ракъ. Отрывокъ изъ Дневника. (Соч. <i>И. Г. К.</i>)	298.
	LXXV. Спранности. (Пер. съ Фр. <i>С — га.</i>)	303.
	LXXVI. Апельсинъ. (Соч. <i>С — га.</i>)	305.
	LXXVII. Горѣ отъ апенгина. (Соч. <i>А. И. Булгакова.</i>)	309.
	I. НОВЫЙ ГОДЪ. (Соч. <i>В. П. Бурнашева.</i>)	3 — 9.
	II. Счастливыи чловѣкъ. (Соч. <i>Л. Жукова.</i>)	10.
	III. Письмо къ Издацелю съ присовокупленіемъ образцовой Некрологин. (Соч. <i>П. Коробова.</i>)	15.
	IV. Дѣсятинадцать Анекдотовъ	17.
	V. О кончинѣ Барона <i>А. А. Дельвига.</i>	21.
	VI. Вотъ-те и женихи! Сцена изъ свѣтской жизни. (Соч. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	22.
	VII. Труппа спранспвиующихъ Актеровъ въ г. К—въ. (Соч. <i>Павла Дробилова.</i>)	25.
	VIII. Привидѣніе. Анекдотъ. (Соч. <i>В. П. Б—ва.</i>)	29.
	IX. Восхожденіе солнца. (Соч. <i>Воскобойникова.</i>)	35.
	X. Пріятель Графа Каменскаго. (Соч. <i>Л. Жукова.</i>)	37.
	XI. Отрывокъ изъ сочиненія: Новый провинціалъ въ столицѣ или XIX спольніе. (Соч. <i>А. Н. Гильбова.</i>)	41.
	Другой отрывокъ	73.
	XII. Вал. Исид. Риемоничъ. (Соч. <i>В. П. Б — ва.</i>)	45.
	XIII. Дуэлистъ. (Соч. <i>В. П. Бурнашева.</i>)	49 — 53.
	XIV. Отрывокъ изъ Романа: Сватѣба Агаѣи Дмитриевны. (Соч. <i>В. П. Воскобойникова.</i>)	57 — 61.
	XV. Старая погудка. (Соч. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	65.
	XVI. Дюймовская вѣточина. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Драгоманова.</i>)	66.
	XVII. Въ чемъ состоинтъ испинное наслажденіе? (Соч. <i>В. П. Воскобойникова.</i>)	69.
	XVIII. Бесѣдка у пруда. (Соч. <i>С — га.</i>)	77.
	XIX. Отрывокъ изъ повѣсти: Домашніе Домовые. (Соч. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	81.
	Другой отрывокъ	161.
	Третьи	201.
	XX. Предубѣжденіе публики. (Соч. <i>И. Потелкина.</i>)	85.
	XXI. Домашній Театръ. (Соч. <i>Н.</i>)	89 — 93.
	XXII. Отрывокъ изъ Романа: <i>La Laitière de Montfermeil.</i> (Пер. съ Фр. <i>Н. П. Шишова.</i>)	97—101.
	XXIII. Что такое литературный вечеръ. Сценка. (Соч. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	105.
	XXIV. Картинная Галлерей. (Соч. <i>С — га.</i>)	106.
	XXV. Удушье. Медико-юморостпическая сцены. (Соч. <i>В. И. О.</i>)	109.
	XXVI. Воспоминанія. (Пер. съ Фр. <i>О. Ө. Д — ва.</i>)	113.
	XXVII. Благородное собраніе. Испиннос. (Соч. <i>С.</i>)	114.
	XXVIII. Живописецъ Антонио. (Соч. <i>Димитріуса.</i>)	117.
	XXIX. О пользѣ чая. (Соч. <i>Н. Г. Коноплева.</i>)	121.
	XXX. Обстоятельства перемѣнились! (Соч. <i>С.</i>)	122.
	XXXI. Каламбуръ	123.
	XXXII. Серено. Юморостпическая Испанская Баллада. (Пер. съ Фр. <i>В. П. Б.</i>)	129.
	XXXIII. Пылухъ-Крикухъ. (Соч. <i>Н. Г. К — ва.</i>)	130.
	XXXIV. Нечувствительному чловѣку. (Соч. <i>Димитріуса.</i>)	131.
	XXXV. Средства узнавать характеръ дѣвщць. (Соч. <i>Н. Г. К — ва.</i>)	—
	XXXVI. Домовой. Повѣсть. (Перев. съ <i>Англь.</i>)	133—137—141.

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.	Стран.
<i>Балле.</i>		
Къ N*	24.	Изъ Иттиновича-Лашевскаго. (И.)
Б. Р.		Изъбавленіе. (Подражаніе псалму)
Леснь поваго рода	36.	Орлова. (Вас. Ив.)
Наставленіе стихотворцу, которому поручено было написать надгробную для вѣкошпору особы	63.	Чубукъ и прубка. <i>Басня</i>
Британскаго.		Ссора на Олимпѣ
Ободреніе	180.	Подольскаго. (Андр. Ив.)
Булгакова. (Александр. Иван.)		Ночь. (<i>Отрывокъ</i>)
Куплеты изъ Импередіи-Водевиль: <i>Управитель въ хлопотахъ</i>	135.	Мелодія
Предусмотрительность	154.	Потеликина. (Ив.)
Эпиграфия	164.	Бывалый вечеръ. (<i>Въ родѣ Русской пѣсни</i>)
Эпиграмма	183.	Письмо
Вольова. (Платона.)		Моя надежда
Отрывокъ изъ Комедіи: <i>Уль не помога</i>	37.	Кушанье. (<i>Въ родѣ Русской пѣсни</i>)
На смерть младенца	51.	Пора любить. (<i>Въ родѣ Русской пѣсни</i>)
Глинки. (Фед. Ник.)		Пѣснь безпечнаго
Къ почтовому колокольчику	15.	Розена. (Барона.)
Жизнь приказныхъ	91.	Къ N*, при посылкѣ Альціоны
Глѣбова. (Александр. Ник.)		Карпина: <i>La toilette</i>
Застольная пѣсня на Новый 1831 годъ	15.	C — го. (Н.)
Ожиданіе	91.	Эпиграмма
Гарленко. (Ивана.)		Плохому Эпиграммнику
Мой свѣтлый день	6.	Хвостова. (Графа Дмит. Иван.)
Мой черный день	78.	Богомолка: <i>Сказка</i>
Губера. (Эдуарда.)		Эпиграмма
Разочарованный	143.	Шенелева. (Дмитр. Александр.)
Данилова. (Николая.)		Графу Паскевичу-Эриванскому на взятіе Варшавы ..
Пѣснь Янычара	214.	Ей
Драгоманова. (Петра Аким.)		Упрекъ
Къ моей арфѣ. <i>Переводъ съ Англійскаго</i>	207.	III.
Эпиграмма	46.	Изподнишка
Пѣснь. (<i>Изъ Бориса</i>)	31.	Штулинскаго. (Влад. Кузьмича.)
Драгоманова. (Якова Аким.)		Ода, писанная въ жару поэтическаго восторга, по прочтеніи знаменитой Поэмы: <i>Плутушокъ въ сапожкахъ</i>
Книга	139.	Филатъевна. <i>Баллада</i>
Ода Апакреоническая	246.	Языкова. (Ник. Михайл.)
Истина	96.	Весенняя ночь
Дьякова. (Федора Федор.)		Перспевъ
Ошибка	263.	<i>Безъ подписи именовъ Сочинителей.</i>
Z, въ день рожденія	287.	Дѣвица-гастрономка
И.		Эпиграммы
Къ N*	99.	Разговоръ
Измайлова. (Александра Ефимовича.)		Гусарская пирушка
Надгробіе зайчику	254.	Хитрость пашушки
Карлгофа. (Вильг. Иван.)		Эпиграмма
Упрекъ	170.	Мадагаскарская пѣсня
Молодые супруги	271.	Эпиграмма
Кафтарева. (Фед. Яковл.)		Къ N*
Черепъ	28.	
Надежда	204.	
Я жду тебя. (<i>Романсъ</i>)	132.	
Кирилова. (Ник. Серг.)		
Чувство	187.	
Шпыть	199.	
Кори. (Густава Иван.)		
Завѣщаніе	74.	
Вопросъ и отвѣтъ	174.	
Колокольчику	190.	
Косляровскаго. (Ив.)		
Именины	284.	
Глуполобу	295.	
Л—въ, во время ужина	115.	
Любославскаго. (Владиміра.)		
Къ N*, съ возвращеніемъ локона	148.	
	305.	
	19.	

III. БЫВАЛЫЕ ГРАФІЯ.

1. Северные цѣтшы на 1831 годъ	6.
2. Заря, Альм. для юнош., изд. М. Марковымъ	11.
3. Сочиненія, переводы и подражанія въ спискахъ <i>Константинъ Масальскаго</i>	15.
4. Альманахъ Снеждоповъ на 1831 г.	20.
5. Замѣчанія Степана Руссова на II томъ Истории Русскаго Народа, сочиненной <i>Николаемъ Полевильемъ</i>	28.
6. Разбойники, Русская нескладная Баллада и Измѣнщица, ужасная Поэма, злодѣйское стихотвореніе <i>Г. Рябинина</i>	31.
7. Вспрычка чумы съ Холерою, Соч. <i>А. Орлова</i>	39.
8. Северное сіяніе, Альманахъ на 1831 годъ	44.
9. Роза Грацій	47.
10. Киргизъ-Кайсакъ. Повѣсть. Дѣвъ часни	51.

	<i>Стран.</i>
11. Хлыновскіе степилки Игнапъ и Сидоръ, или дѣшпи Ив. Выжигина. Соч. <i>Александра Орлова</i>	255.
12. Альціона, Альманахъ на 1831 годъ	260.
13. Дворянскіе выборы. Часть вторая, или выборы Исправника, Ком. въ 4 дѣйствіяхъ, въ прозѣ	263.
14. Соколы былъ-бы соколъ, да курица его съѣла. Соч. <i>Александра Орлова</i>	267.
15. Живые обмороки, или опшѣнки псвъжества, глупосшй, пронырства и обмана (соч.) <i>Александра Орлова</i>	271.
16. Спихопвореніи Михайла Дмитриева	276.
17. Чшо такое хорошій пощъ	279.
18. Хлыновскія свадьбы Игнапа и Сидора, дѣшей Ив. Выжигина. Соч. <i>А. Орлова</i>	287.
19. Сиротка, Альманахъ на 1831 годъ	292.
20. Размыщленія о важнѣйшихъ истиннахъ Релігій	295.
21. Дешица, Альманахъ на 1831 годъ	303.
22. Бракъ по смерпи	308.
23. Загадка на свѣшкы	311.
24. Метсоръ. Альманахъ на 1831 годъ	
25. О Борисѣ Годуновѣ, соч. <i>А. Пушкина</i>	
26. Супружеская Грамматика или секретъ, какимъ образомъ и какими средствами каждый мужъ можетъ довести жену свою до той степени, чшобы она была, по Русской пословицѣ, выше воды, ниже правы. Сочиненіе, безцѣнное для мужей и весьма назидательное для женъ. <i>Посвящено всѣмъ новобрачнымъ</i>	
(Сія Супружеская Грамматика вся помѣщена на двухъ гранкахъ въ 29-мъ Но <i>Слв. М.</i>)	
27. Іюль въ Петрополѣ } Спихопворенія Гра-	
28. Радосшная въ Августѣ вѣсшъ } ша Д. И. Хвостова.	
29. Сѣдующіе Россіане. Соч. <i>Волига</i>	
30. Актеръ и Музыкантъ. Водевиль	
31. Венера или Собраніе спихопвореній разныхъ Авшоровъ	
32. Повѣсти покойнаго <i>И. П. Влькина</i> . (А. П.)	
33. Шесть Элегическихъ спихопвореній	
34. Копъ Бурмосько	
35. Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ коичины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Соч. <i>А. И. Вейдемейера</i>	
36. Пвсенникъ для дамскаго ридикюля	
37. Приданое или пошпшители минеральныхъ водъ, Комедія-Водевиль	
38. Философическій взглядъ на Холеру, <i>М. Павлова</i>	
39. Дверницкій съ своимъ Героями. Комич. Пред.	
40. Еще обманъ или кто въ просакъ не попадается. Комедія-Водевиль	
41. Басни Кюртиля	
42. Тафляное платьѣ. Соч. <i>А. Орлова</i>	
43. Тюрьма, Комедія-Водевиль, пер. съ <i>Фр. И. Д.</i>	
44. Часы свободы въ молодоспи <i>Ф. П. Львова</i>	
45. Басни <i>Алексыя Зилова</i>	
46. Воспоминанія. А. И. Мих. Данилевскаго	
47. Пльвникъ Турціи, <i>Дмитрія Коммисарова</i>	
48. Сопъ и Смершь. <i>М. Д. Деларю</i>	
49. Наваринская битва или Ренегатъ	
50. Битва при Наваринѣ или Ошспуцикъ }	
51. Туалетная Химія	
52. Граубицдець. Романъ <i>Цшокке</i> }	
53. Зигаридъ де Линденбергъ	
54. Богемская дѣвицья война. Фапъ деръ Фельда }	
55. Паптрици. Фапъ деръ Фельда	
56. Удшна. Дела Мопъ Фуке	
57. Дунычка, Московская междуумочка или узенькій корсетецъ. Соч. <i>Алекса. Орлова</i>	
58. Одиссей или двѣ доспопамлшныя эпохи въ жизни Али-Паши	
59. Послѣдній Новикъ. Исп. Романъ <i>Г. Лаж.</i>	
60. Ручная домоводшвенная книга	255.
61. Нѣтъ дѣйствія безъ причинъ	260.
62. Горькая участь, соч. <i>Алекса. Орлова</i>	263.
63. Бяглець, Повѣсшъ въ стихахъ <i>А. Вельмана</i>	267.
64. Московскія минеральныя воды	271.
65. Оѣшвиля Анпонова. Соч. <i>Ив. Гурьянова</i>	276.
66. Адольфъ, Романъ Бенжамень-Констапа	279.
67. Объ обращеніи съ людьми. Барона Книнге	287.
68. Удивительный человекъ. Соч. <i>Г. Яковлева</i>	292.
69. Мертвый осель и обезглавленная женщина	295.
70. Россійскому воинству, по случаю выступленія въ 1831 году. Соч. <i>Г. Паршова</i>	299.
71. Еще обманъ или кто въ просакъ не попадается. Комедія-Водевиль <i>Г. Одинцова</i>	303.
72. Повѣспи Генриха Цшокке	308.
73. Письма къ воинамъ, <i>А. И. Малова</i>	311.

IV РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

<i>Горе отъ ума</i> , Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ, соч. <i>А. С. Грибоедова</i> . (Первое представленіе въ цѣлоль сей Комедіи, 26 Января 1831 года, въ пользу Актера Г. Брянскаго	36.
<i>Богатоновъ</i> или <i>Провинциаль въ столицѣ</i> , Ком.; <i>Свѣтъ Гаврильгъ</i> , Диверт.	148.
<i>Гамлетъ</i> , Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ; <i>Смиреница</i> , Комедія; <i>Татьяна прекрасная</i>	171.
<i>Анрей и Оіэсъ</i> , Траг. въ прехъ дѣйствіяхъ; <i>Проказы ревнивца</i> , Ком.; <i>Филатка</i> и <i>Мирошка</i> . Вод.	191.
Первый дебютъ новаго Актера Г. Рославскаго	219.
<i>Женни</i> , Опера въ прехъ дѣйствіяхъ	231.

V. НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

<i>Для любви все возможно</i> (Liebe kann Alles), Ком.; <i>Это я</i> (Das war ich), сельская сцена	215.
--	------

VI. СМѢСЬ.

О выходѣ въ свѣтъ <i>Бориса Годунова</i> и сказашное по сему случаю осмысленіе	8.
Объ опзывъ <i>Лит. Газетъ</i> о <i>Наложницѣ</i> Баратынскаго	11.
О похвальномъ, но неудачномъ предпріятіи Г. Спъ-Жюльена, Издателя Газеты: <i>Furet</i>	12.
Поняніе Малороссіянъ о Холерѣ	—
Спихи, написанныя Персидскимъ Поэтомъ въ Альбомѣ одной Петербургской дѣвицьы	16.
Объ остроумномъ замѣчаніи <i>Моск. Телеграфа</i> на счетъ покойнаго <i>Славянина</i> , котораго, переродясь въ <i>Литературныйя Прибавленія къ Русскому Инвалиду</i> , развернулся предъ публикою мелкимъ бѣсомъ	—
О кончинѣ <i>А. Е. Измайлова</i>	24.
О печатномъ экземплярѣ Комедіи: <i>Горе отъ ума</i> , слѣпленномъ изъ лоскутковъ, вырѣзанныхъ изъ разныхъ книгъ и Журналовъ	28.
Шутки. (Анекдоты)	31.
О томъ, чшо проза Издателя <i>Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду</i> , Г. Воейкова, оплично вяла и неправильно	52.
О каламбурахъ Г. Г. мелкотравчатыхъ Чиновниковъ	59.
О желаніи Осогности Панфиловича N* сыскашь Мамзель, кошорая бѣ иногда замѣняла собою и Мадаму	—

Стран.	Стран.
О нѣжной сирастишкѣ морскаго Капитана Палубица къ водкѣ	171.
Неудачное куртизанство одного Армейскаго Офицера въ Альпцемъ саду. (<i>Анекдотъ</i>)	172.
Опѣвъцы <i>Гирланды Молоде</i>	175.
Братоубійца. (<i>Истинное происшествіе.</i>)	180.
Замѣчательный рукописный опѣвъщъ одного должника своему заимодавцу	185.
О забавной публикаціи (<i>въ стихахъ</i>), сдѣланной въ С. П. бургскихъ Академическихъ Ведомостяхъ содержателемъ погреба Э. Гордопомъ	—
Литературное замѣчаніе	—
Какая рѣзница между золотую рудю и скучнымъ богатствомъ	—
Шарада на <i>учиъ</i>	64.
О смерти Актера Климовскаго	—
<i>Billet-doux</i> совершенно въ новомъ духѣ	79.
Шарада	80.
Подозрѣніе на литературную спрашегію	99.
О стихотвореніи Г. Раича	104.
Письмо къ Издателю о Киргизъ-Кайсакѣ	107.
Объ употребленіи богатства	111.
Четверостишіе, сказанное однимъ Поэтомъ послѣ свадьбы своей черезъ 12 дней	112.
Русская пословица: <i>Мужъ въ шанцахъ, а жена въ тилцахъ</i>	116.
Безкровный Бой (№ 1-й), данный при спашь о <i>Мертволивъ ослъ</i>	124.
Разныя извѣстія, замѣчанія, наблюденія, Анекдоты, выписки и проч.	127.
Объявленіе о замѣвъ за вѣпорую половину въ 1831 <i>Сѣв. М. двадцатью девятью</i> книжками <i>Гирланды</i>	128.
Безкровный Бой (№ 2-й), данный при спашь о картинкахъ, прилагаемыхъ при <i>Гирландъ</i>	135.
Безкровный Бой (№ 3-й), данный при спашь объ открытіи псевдонима Г. Воейкова	140.
О томъ, что часпыя напоминапія о <i>Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду</i> и объ издателѣ оныхъ, Г. Воейковъ, соотвѣтственны съ цѣлію <i>Сѣвернаго Меркурія</i> , какъ Сапірической Газеты: смѣшныя своихъ чипателей	144.
Діорама Г. Палацци	—
Мысль	148.
Тришкины обнови, Басня	152.
Безкровный Бой (№ 4-й), въ которомъ Г. Воейковъ уличень въ хамелеонистическихъ сужденіяхъ своихъ о <i>Мауръ Власьевичъ Толской</i>	154.
Каламбуръ: его сдѣлали Сержанпомъ <i>за глаза</i>	159.
Рѣдкія рѣдкости	160.
Каламбуръ одной барыни на счетъ своего мужа	—
Христіанскіе совѣты Г. Воейкову или черезъ день по ложкѣ. <i>Первый пріемъ</i>	167.
Второй пріемъ Г. Воейкову	171.
Выдержки изъ заграничныхъ Журналовъ	172.
Пріемъ прешій Г. Воейкову	175.
<i>Замыслительныя мысли</i>	180.
Къ чипателямъ <i>Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду</i> , объявленіе, въ которомъ Издатель оныхъ, Г. Воейковъ, уличень во лжи, возведенной имъ на Издателя <i>Сѣвернаго Меркурія</i>	185.
Объявленіе о томъ, что Издатель <i>Сѣв. Меркурія</i> выписываеиъ изъ-за границы разныхъ Журналовъ болѣе нежели на ДВА МИЛЛІОНА рублей, что справедливо въ ровной степени, какъ по, что Изд. <i>Лит. Приб. къ Рус. Ин.</i> , многократно упоминаемый и въ семъ оглавленіи Г. Воейковъ, выписываеиъ (по его словамъ) заграничныхъ Журналовъ болѣе нежели на ДВА ТЫСЯЧИ рублей	187.
Выписки изъ заграничныхъ Журналовъ	188.
Опръвокъ изъ письма къ пріемелю въ Москву	195.
О томъ, что въ Люцхъ (въ Швейцаріи) мужнины и женщины кунаютя вмѣств	200.
Парижскія пригетовленія къ Хомеръ	204.
Что-то будетъ! Что-то будетъ!	216.
Первое Мал	219.
Наказанный ревнивецъ. Анекдотъ	225.
Басня Г. Зилова: <i>Фратъ</i>	226.
Каламбуры. (Три Анекдота)	227.
Повѣспиваніе о Г. Черносливнѣ	243.
Флегматикъ въ высшей степени	247.
Шарада	248.
Разныя замѣчанія	255.
Выписки изъ заграничныхъ Журналовъ	264.
Русскія пословицы	272.
Роскошь XV вѣка	—
О крипникѣ Г. Ушакова на Рославлева	280.
Анекдотъ объ одномъ лапчачомъ Гусѣ, которому хотѣлось попасть въ Члены ..скаго Англійскаго клуба	284.
Все вдругъ	292.
Выписки изъ заграничныхъ Журналовъ	303.
Нѣчто въ родѣ Хамслеонистики	308.
Анекдотъ о Капитанѣ К	—
Дервишъ и плушы. <i>Басня Пильная</i>	312.
Разныя Анекдоты (числомъ сто десяти) напечатаны на страницахъ: 16, 20, 32, 47, 63, 68, 71, 75, 79, 84, 87, 92, 100, 104, 112, 116, 120, 132, 152, 220, 224, 232, 236, 240, 244, 247, 252, 260, 287, 292, 295, 300 и 312.	—
Сверхъ того, въ семъ же опдѣленіи помѣщены Моды, дамскія и мужскія, разныя объявленія и проч.	—

ЦѢНА СЕМУ ТОМУ 15 РУБЛЕИ.